

75
14

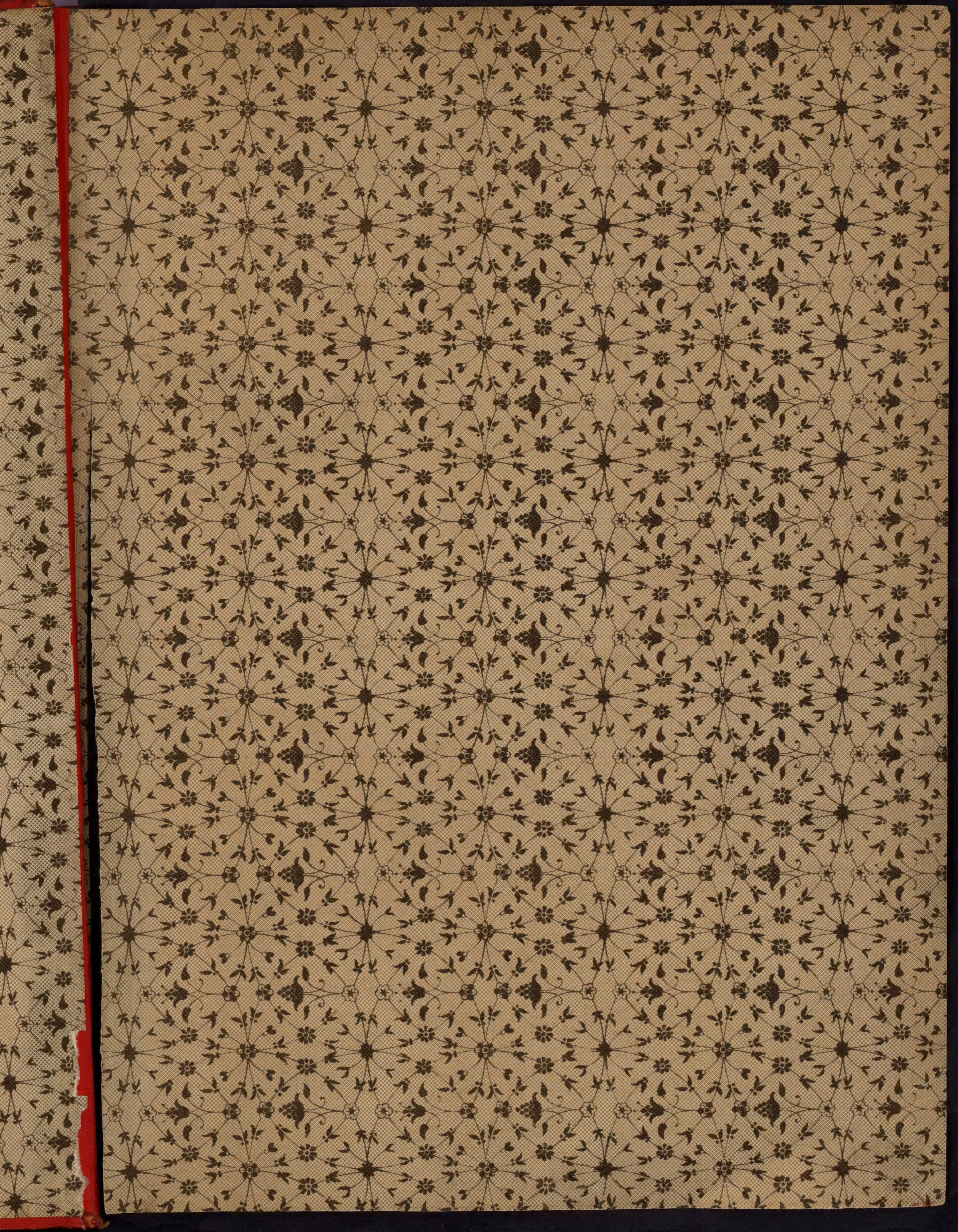
Я. ФАЛЬКЕ

ЭЛЛАДА И РИМЪ

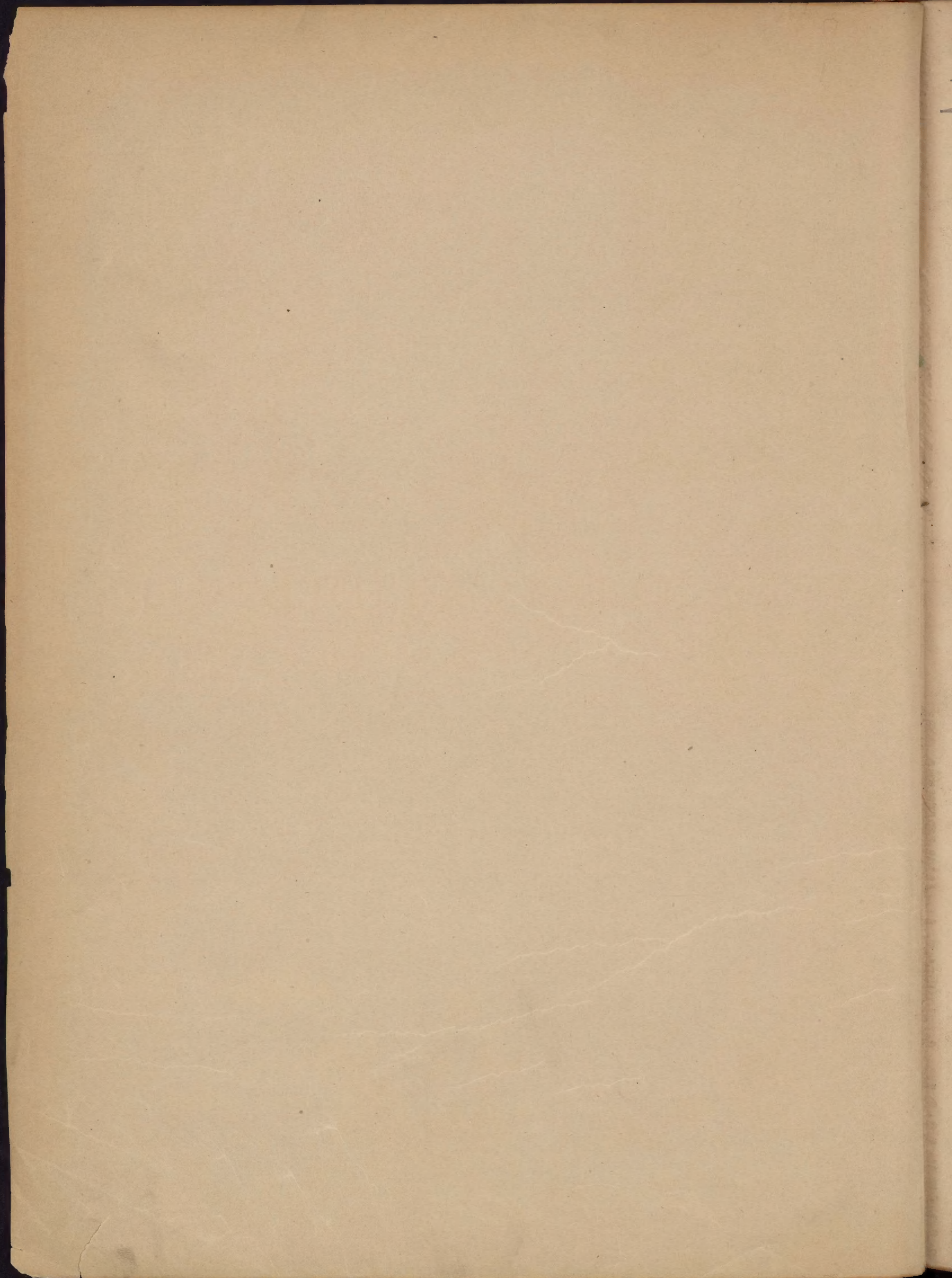
23358
11

3

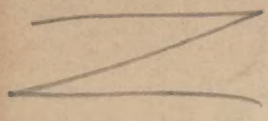

17/6 -88 50 beer 33

  $\frac{75}{14}$

ЭЛЛАДА и РИМЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

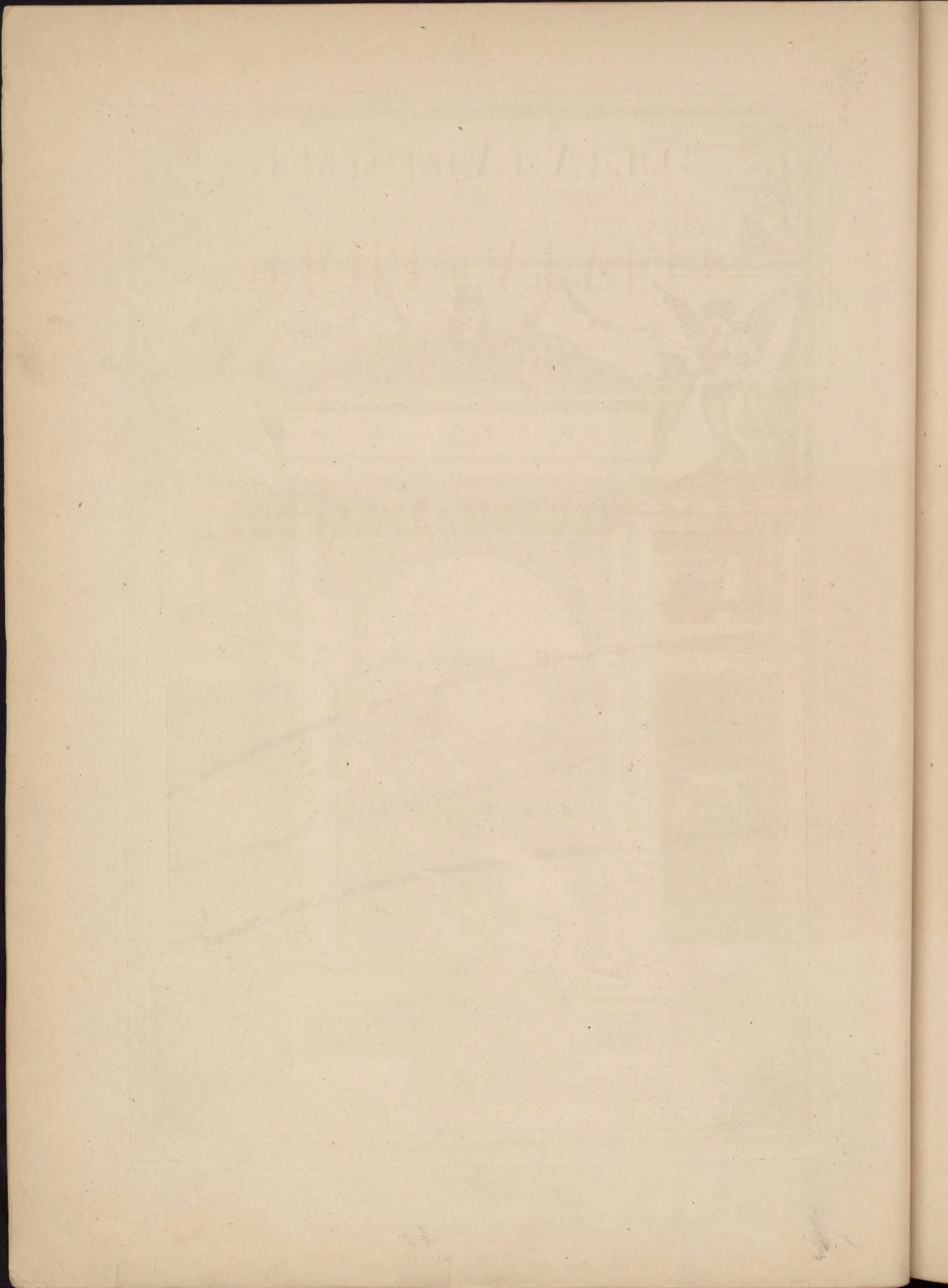

ЭЛЛАДА и РИМЪ
КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ
КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ

ЯКОВА ФАЛЬКЕ

ИЗДАНИЕ А. СУВОРИНА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

75
14

52 илл

ЭЛЛАДА И РИМЪ

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ

ЯКОВА ФАЛЬКЕ

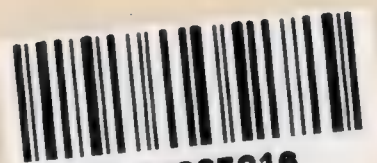

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ДОВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 23 ДЕКАБРЯ 1881 Г.
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

2007335216

СОДЕРЖАНІЕ.

ЭЛЛАДА.

1. ИСТОРИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

	СТР.
1. Эпоха сказаній	3
2. Эпоха образованія государствъ (до персидскихъ войнъ)	15
3. Эпоха демократіи и борьба за гегемонію	26
4. Македонская эпоха и паденіе независимости отдѣльныхъ государствъ	39

2. ЖИЗНЬ И ОБЫЧАИ.

1. Періодъ юности	49
2. Наружность, одежда, косметика	59
3. Женщины	78
4. Домъ, домашняя утварь, прислуга	90
5. Гостепріимство и столъ	100
6. Общественная жизнь	110
7. Досугъ, гимнастика и состязанія	121
8. Жизнь религіозная	139

3. ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА.

1. Искусство въ его культурно-историческомъ развитіи	153
2. Поэзія	175
3. Прозаическая литература: исторія, краснорѣчіе, философія	188

РИМЪ.

1. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА.

1. Времена республики	201
2. Времена императоровъ	212

2. ЖИЗНЬ И ПРАВЫ.

1. Римъ—городъ и государство	226
2. Домъ и домашняя утварь. Виллы и сады	238
3. Одежда и косметика	252
4. Римлянки	263
5. Семейная жизнь	278
6. Общественная жизнь	291
7. Религіозная жизнь	304

3. ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА.

1. Искусство въ Римской Имперіи	315
2. Литература во времена республики	335
3. Литература во времена имперіи	347

КАРТИНЫ ПОМѢЩЕННЫЯ ВНѢ ТЕКСТА.

- ✓ Ф. Келлера-Лейцингера, Эллада.
- ✓ I. Гоффмана, Микены.
- ✓ Его-же, Спарта.
- ✓ Его-же, Дромось въ Спартѣ.
- ✓ Его-же, Коринѣ, видъ съ каменоломень.
- ✓ Л. Г. Фишера, Видъ Аѣинъ въ настоящее время.
- ✓ Его-же, Поле сраженія при Платеѣ.
- ✓ Е. Климша, Игры греческихъ дѣвушекъ.
- ✓ Его-же, Утро въ Перистилѣ греческаго геникея.
- ✓ П. Туманна, Цвѣточный рынокъ въ Аѣинахъ.
- ✓ К. Гертса, Фрина передъ судьями.
- ✓ Н. Бульмана, Аѣины съ восточной стороны во времена Адриана.
- ✓ О. Квилле, Олимпійскія игры.
- ✓ Ф. Тирша, Мѣсто олимпійскихъ игръ.
- ✓ Н. Бульмана, Рынокъ въ Аѣинахъ.
- ✓ Л. Гурлитта, Видъ съ Дельфъ на Криссейскую равнину.
- ✓ I. Гоффмана, Островъ Сферія.
- ✓ Ф. Тирша, Акрополисъ (крѣпость) въ Аѣинахъ.
- ✓ Ф. Тирша, Внутренній видъ Пароенона.
- ✓ К. Рисъ, Молодые аѣинскіе всадники изъ шествія Панаѣинеевъ.
- ✓ Ф. Преллера, Навзикая и Одиссей.
- ✓ А. Фейербаха, Покинутая Медея.
- ✓ Н. Бульмана, Театръ Діониса въ Аѣинахъ.
- ✓ А. Фейербаха, Ифигенія въ Тавридѣ.
- ✓ Ф. Гроссе, Смерть Сократа.
- ✓ А. Келлера-Лейцингера, Пиръ Агатона (по Платону).

- ✓ Келлеръ-Лейцингера, Римъ.
- ✓ Ф. Преллера, Ромуль и Ремъ.
- ✓ Л. Г. Фишера, Тиверій на островѣ Капри.
- ✓ Г. Семирадскаго, Живые факелы Нерона.
- ✓ Н. Бульмана, Римъ во времена императора Аврелиана.
- ✓ В. Фридриха, Уличная сцена въ Помпеѣ.
- ✓ Ф. Кнаба, Береговой видъ у Байи на мысъ Мизенумъ.
- ✓ Ф. Кнаба, Римская вила.
- ✓ Л. Г. Фишера, Вилла Адриана у Тиволи.
- ✓ Е. Штюкельберга, Кукольные комедіанты въ Помпеѣ.
- ✓ Л. Альма-Тадема, У входа въ театръ.
- ✓ Его-же, Сцена изъ римской жизни.
- ✓ Его-же, Импровизаторъ.
- ✓ В. Фридриха, Пиръ.
- ✓ К. Гертса, Возлежаніе и забавы во время пира.
- ✓ Г. Гауернфейнда, Римскій форумъ.
- ✓ Ф. Тирша, Бани Каракаллы.
- ✓ Его-же, Circus maximus въ Римѣ.
- ✓ А. Вагнера, Ристалища въ циркѣ (Circus maximus).
- ✓ Н. Бульмана, Дорога Аппія близъ Рима.
- ✓ Лаокоонъ, мраморная группа въ бельведерѣ Ватикана, въ Римѣ.
- ✓ Л. Отто, Группа изъ вновь открытыхъ рельефныхъ скульптурныхъ произведеній Вернона.
- ✓ Н. Бульмана, Внутренній видъ Пантеона.
- ✓ Амфора богатаго стиля

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ

Видъ Аѳинъ съ дороги въ Елевзисъ	1	Храмъ Посейдона въ Калабріи (мѣсто смерти Демосѳена)	45
Дубы на Парнасѣ	4	Пляшущія дѣвушки (съ мраморнаго барельефа въ Боргезѣ, въ Римѣ)	49
Мѣстоположеніе Дидона	8	Греческая мать со своими дѣтьми	50
Темпейская долина съ Олимпомъ и рѣкой Пенеемъ	9	Эзопъ (съ бюста въ виллѣ Альбани, въ Римѣ)	51
Развалины Трои въ настоящее время	10	Педагогъ (съ статуи во Флоренціи)	52
Головной уборъ изъ золота, въ родѣ повязки. Лвиныя ворота въ Микенахъ (возобновленныя)	10	Школьные сцены (живопись на вазѣ)	53
Панорама раскопокъ Шлимана въ Микенахъ	11	Дѣвушка, играющая на флейтѣ (живопись на вазѣ)	54
Золотые сосуды изъ Микенъ эпохи царей	12	Дѣвушка съ китарой	55
Глиняные сосуды съ острова Кипра	13	Пляшущія дѣвушки	56
Итака	14	Дѣвушка, играющая въ кости	57
Видъ Аѳинъ съ мѣловыхъ скалъ Пирея	15	Дѣвушка изъ Танагры	59
Гимнастическія упражненія спартанскихъ юношей въ гимназіумѣ	16	Типъ греческой головки (съ фресокъ Пареенона)	60
Рынокъ въ Спартѣ	17	Аполлонъ бельведерскій	61
Коринѳскій заливъ	18	Венера Капитолійская	63
Греческіе воины	20	Женщина изъ Танагры (съ оригинала въ Британскомъ муз.)	64
Видъ Аѳинъ въ настоящее время	21	Костюмы мужчинъ	66
Пареенонъ во время Перикла	26	Костюмы женщинъ	67 и 68
Мѣсто Мараѳонской битвы	27	Эфебъ (въ хитонѣ ■ въ шляпѣ и въ хламидѣ ■ въ шляпѣ)	69
Мараѳонскій воинъ	27	Дѣвочка танагріанка въ хитонѣ	69
Берегъ Фессаліи съ Фермопильскимъ проходомъ	28	Грекъ ■ гречанка въ разноцвѣтныхъ одѣяніяхъ	70
Мильтіадъ	29	Различные виды обуви	70
Θемистоклѣ	29	Головные уборы мужчинъ	71
Мѣстоположеніе Мегары ■ острова Саламина	29	Парикмахеръ	71
Периклѣ	30	Головные уборы женщинъ	71
Сиракузы	31	Клитія (съ мраморнаго бюста въ Британіи)	72
Алкивіадъ	32	Женская головка въ мюнхенской глиптотекѣ	73
Гавань Пирей	33	Флаконы, зеркала, скребцы, опахала	75
Мѣстоположеніе Оивъ	35	Снаряженіе невѣсты къ свадьбѣ (съ рисунка на вазѣ)	75
Демосѳенъ	36	Продажа цвѣтовъ	76
Эсхинъ	37	Греческія женщины въ домашнемъ быту (съ рисунка на вазѣ)	78
Вѣздъ Александра Великаго въ Вавилонъ	39		
Александръ Великій	40		
Битва Александра Великаго	41		
Вакханаліи Александра Великаго	43		

Побѣдительница на бѣгѣ (дѣвочка дорянка)	стр. 79
Сафо (съ бронзоваго бюста)	80
Сидящая гречанка	81
Танцовщица (съ мраморной статуи въ Ватиканѣ)	82
Сцены изъ домашней жизни	83
Эротъ Праксителя (со статуи въ Ватиканѣ)	84
Аспазія (съ бюста въ Ватиканѣ)	85
Афродита (съ варианта Книдской Венеры въ мюнхенской глпготекѣ)	86
Входъ въ греческій домъ	90
Планъ греческаго дома	91
Спальная мебель	93
Лампы и канделябры	95
Греческія женщины за домашними работами	96
Застольная сцена	100
Во время пира	101
Сосудъ для вина	102
Вакхъ (со статуи въ Луврѣ)	104
Женщины жонглеры	106
Сосуды для напитковъ различной формы	107
Улица въ Афинахъ съ башнею вѣтровъ	110
Рабыни у колодца	111
Гиппократъ (съ мраморнаго бюста въ Луврѣ)	112
Меркурій (со статуи въ виллѣ Боргезе, въ Римѣ)	113
Эскулапъ (со статуи въ виллѣ Албани, въ Римѣ)	113
Различныя сѣдалища	114
Аула съ простасомъ и статуею Гестія на заднемъ планѣ	115
Аѳиняне, занятые разговоромъ	118
Пниксъ въ нынѣшнемъ его видѣ	119
Видъ раскопокъ въ Олимпіи	121
Ночные гуляки (съ рисунка на вазѣ)	123
Греческая колесница (съ рисунка на вазѣ)	124
Артемида, богиня охоты (со статуи въ Луврѣ)	126
Аѳинская равнина, съ Эгиной и горами за ней	127
Фавнъ Праксителя (со статуи въ Ватиканѣ)	129
Дорога изъ Элевзиса въ Аѳины	130
Очищающійся отъ масла и пыли атлетъ (со статуи въ Ватиканѣ)	132
Бросающій дискъ (со статуи во дворцѣ Массими, въ Римѣ)	133
Передъ бросаніемъ диска (со статуи въ Ватиканѣ)	133
Фернезскій Геркулесъ (со статуи въ Неаполитанскомъ музеѣ)	134
Гермесъ, богъ гимнастовъ (со статуи въ Ватиканѣ)	134
Ника (богиня побѣды) Пеонія (изъ Олимпіи)	135
Гермесъ, статуя Праксителя (изъ Олимпіи)	136
Внутренній видъ храма Зевса, въ Олимпіи	137
Зевсъ (съ найденнаго въ Отриколи бюста, находящагося въ Ватиканѣ)	139
Молящійся мальчикъ (съ бронзовой статуи въ Берлинскомъ музеѣ)	140

Дельфійское ущелье	стр. 142
Развалины Дельфъ	143
Праздничное шествіе въ честь Вакха (съ боргезской вазы въ Луврѣ)	146
Аѳинскія женщины изъ шествія Панаѳинеевъ (съ рельефа Фидія въ Парѳенонѣ)	147
Жертвенныя животныя и ихъ проводники изъ шествія Панаѳинеевъ (съ рельефа Фидія въ Парѳенонѣ)	148
Источникъ Стикса	149
Открытый гробъ и его содержимое	149
Улица гробницъ въ Аѳинахъ (въ первоначальномъ видѣ)	150
Рельефъ греческой могилы	151
Сосуды, ставившіеся въ гробницы (Лекиты)	152
Украшенія, найденныя Шлиманомъ при раскопкѣ Трои	153
Сокровищница Атрея (разрѣзъ)	154
Храмъ Посейдона въ Пестумѣ	155
Пропилеи въ Аѳинахъ	156
Дорическая и Ионическая капители	158
Каріатида съ Эрехтейона	159
Эрехтейонъ	160
Вазы разныхъ стилей	162
Съ фикоронской цисты	165
Женская фигура съ фриза Парѳенона (въ Лондонскомъ музеѣ)	167
Ніоба (со статуи во Флоренціи)	169
Венера Милосская (со статуи въ Луврѣ, въ Парижѣ)	170
Умирающій галлъ (со статуи на Капитоліи, въ Римѣ)	171
Фернезскій быкъ (съ группы въ Неаполитанскомъ музеѣ)	172
Терситъ, Одиссей	175
Гомеръ	175
Софоклъ (со статуи въ Латеранскомъ музеѣ, въ Римѣ)	181
Комическое представленіе	182
Позидитъ (со статуи въ Ватиканѣ, въ Римѣ)	184
Менандръ (со статуи въ Ватиканѣ, въ Римѣ)	187
Парнасъ	188
Демосѳенъ	192
Сократъ (съ бюста въ Ватиканѣ, въ Римѣ)	194
Диогенъ (съ бюста въ виллѣ Албани, въ Римѣ)	198
Арка Константина въ Римѣ	199
Гробница Гораціевъ и Куріаціевъ	201
Ганнибалъ	204
Сципіонъ Старшій	207
Помпей Великій	209
Юлій Цезарь	210
Маркъ Брутъ	211
Августъ и Ливія	212
Августъ	213
Тиберій	215

	стр.
Неронъ	215
Клавдій	216
Агриппа Младшая	216
Веспасіанъ	217
Титъ	217
Гальба	218
Траянъ	219
Маркъ Аврелій (со статуи въ Капитоліи)	221
Константинъ Великій	223
Капитолій въ Римѣ	226
Авреліанская городская стѣна	228
Водоемъ Александра Севера въ Римѣ	229
Развалины римскаго водопровода	230
Развалины римской Кампаніи	230
Августъ	231
Римскій амфитеатръ въ Арлесѣ	232
Римскій водопроводъ въ Гандѣ, въ Южной Франціи	233
Porta nigra (Черныя ворота) въ Трирѣ	233
Римская мостовая	234
Видъ изъ римской Кампаніи на Via Appia	234
Римская повозка для путешествій	235
Милевой камень	235
Заливъ Байя (съ развалинъ римскихъ построекъ)	236
Maison carrée, римскій храмъ въ Нимѣ	237
Римская пекарня (по откопаннымъ въ Помпеѣ развалинамъ)	238
Разрѣзъ римскаго дома	239
Планъ римскаго дома	239
Внутренній видъ римскаго дома	240
Мальчикъ съ лебедемъ	241
Стѣнное украшеніе въ Помпеѣ	242
Порхающая фигура съ стѣнного украшенія въ Помпеѣ	243
Часть римскаго потолка	244
Мозаическій полъ	244
Домашняя утварь	245
Сцена въ римскомъ саду	249
Видъ изъ виллы императора Адріана въ Тибурѣ	250
Римлянинъ, одѣтый въ тогу	253
Римская обувь	254
Римская женщина	256
Римская женщина	256
Прическа римскихъ женщинъ	257
Юнона	258
Уборная знатной римлянки	259
Украшенія римской женщины	260
Туалетныя принадлежности	261
Свадьба (съ фрески Альдобрандини)	263
Римская дѣвушка	264
Матрона	265
Агриппина	267
Германикъ	267
Мессалина	268
Неронъ въ молодости	269
Фаустина	269

	стр.
Юлія Домна	270
Каракалла	271
Римская поэтесса	273
Римская брачная чета	274
Домашній философъ	275
Катонъ и Порція	278
Письменные принадлежности	279
Школьная сцена	279
Римскія дѣвушки	280
Толпа кліентовъ	282
Рабочая комната	283
Вителій	285
Стеклянная посуда	286
Серебряная посуда	287
Мирная жизнь (со стѣнной живописи въ Геркуланумѣ)	287
Обѣдъ римлянъ	288
Римская цвѣточница	288
Музыкальныя увеселенія	289
Римская бѣговая колесница	291
Форумъ въ настоящее время	292
Улица въ Помпеѣ	293
Надпись на домѣ въ Помпеѣ	294
Театральныя маски	297
Колизей въ Римѣ, видъ съ Палатинскаго холма	298
Колизей, въ разрѣзѣ	299
Преторіанцы	301
Гладиаторы	302
Жертвенникъ	305
Римлянинъ, приносящій жертву	307
Флора	308
Гадатель по внутренностямъ животнаго	309
Пирамида Цестія	310
Улица могилъ въ Помпеѣ	311
Колумбарій	312
Уголокъ катакомбъ	313
Рельефныя изображенія на колоннѣ Траяна	315
Галлъ, убивающій себя и свою жену	317
Торсъ геркулеса бельведерскаго	318
Венера Медицейская	319
Спящая Аріадна	320
Боргезскій атлетъ	321
Forum и колонна Траяна	322
Вилла Адріана близъ Тиволи	323
Антиной	325
Ландшафтъ изъ Одиссеи	326
Храмъ Паллады (съ возстановленной постройкой его)	327
Капители коринтская и смѣшаннаго ордена	328
Впаденіе слоаса maxima въ Тибръ	329
Мавзолей Адріана, нынѣшній замокъ Ангела	331
Тріумфальная арка Тита	332
Въ садахъ Саллюстія	335
Сципіонъ Африканскій Старшій	336
Саркофагъ люція Сципіона въ Ватиканѣ	338
Входъ въ склепъ Сципіона	340
Теренцій	341

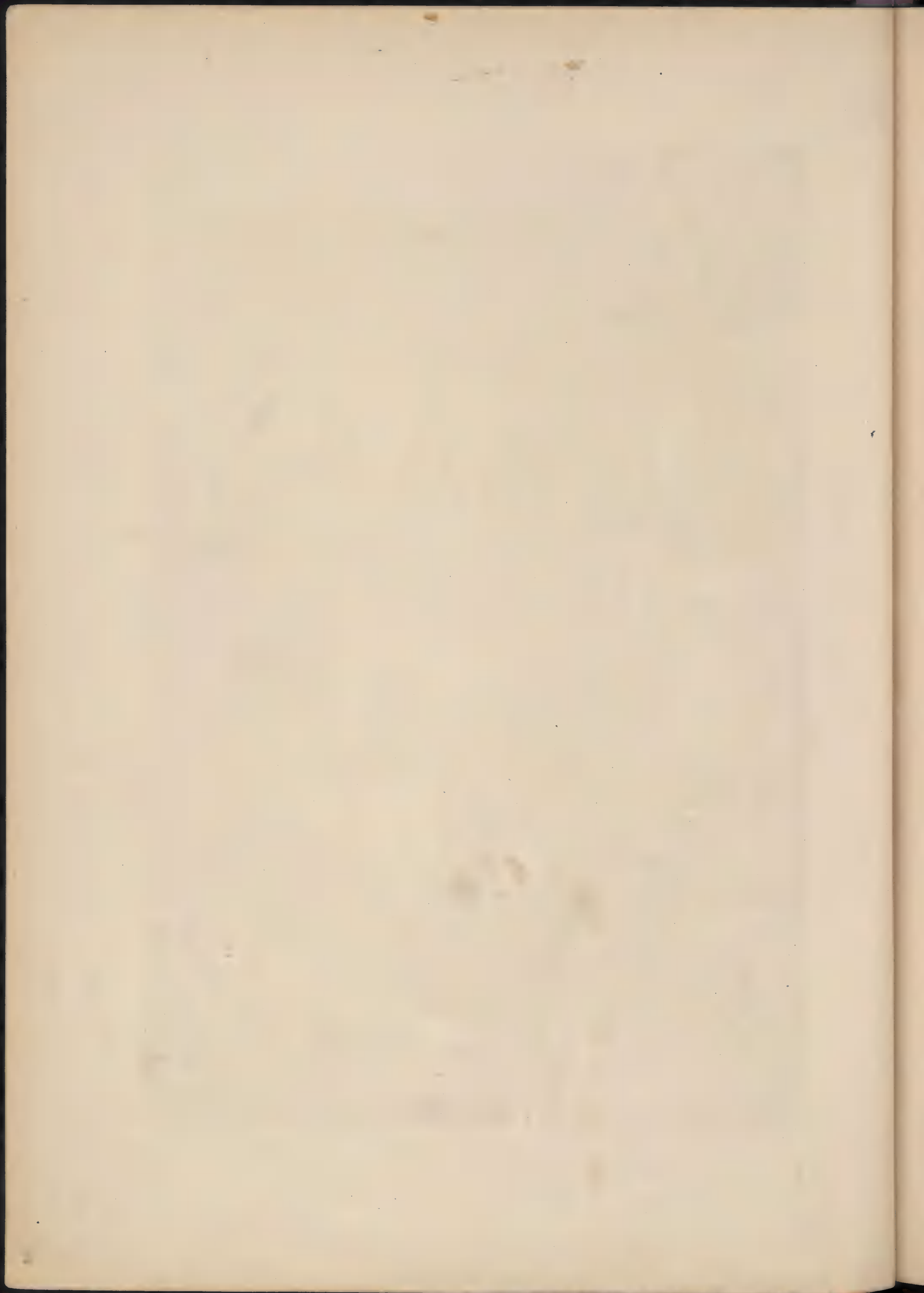
Саллюстій	СТР. 342	Овидій	СТР. 352
Гортензій	344	Горацій (медали въ честь его)	353
Цицеронъ	345	Горацій (медали въ честь его)	354
Саркофагъ музъ въ Капитоліи	347	Меценатъ	356
Виргилій	349	Сенека	357
Горацій	351	Вилла Плинія Младшаго	358

Видъ Афинъ съ дороги въ Элевзисъ.
(Вдали—гора Гиметосъ, посреди Акрополь).

ОСКОПНЫЯ, изящныя изданія съ иллюстраціями текста знаменитыхъ писателей въ настоящее время въ европейской литературѣ въ большомъ ходу, — напимѣръ, „Потерянный Рай“ Мильтона, иллюстрированный знаменитымъ Доре, „Божественная Комедія“ Данта, „Орландо Фуріозо“ Аріосто, иллюстрированные тѣмъ же Доре. Но упомянутыя ро-

скопныя иллюстраціи тѣсно связаны съ текстомъ писателя, такъ что читатель и текстъ и иллюстраціи представляетъ себѣ въ умѣ нераздѣльными. Значительное отличіе отъ сейчасъ исчисленныхъ иллюстрацій представляетъ роскошное изданіе г. Фальке, озаглавленное „Эллада и Римъ“. Въ подобныхъ изданіяхъ уже не рисунки подгоняются къ тексту, а текстъ и рисунки готовятся совмѣстно, взаимно себя иллюстрируютъ, и, во многихъ случаяхъ, текстъ готовится и приспособляется къ предварительно составленнымъ рисункамъ, — стало быть разница большая.

Многіе поклонники утилитаризма, „осязательной пользы“ и проч. скажутъ, что если иллюстраціи и дорогія изданія знаменитыхъ писателей составляютъ предметъ роскоши, то изданія, въ родѣ „Эллады и Рима“ г. Фальке, тѣмъ болѣе. Мы думаемъ, что этотъ взглядъ не вѣренъ.

Подобныя роскошныя изданія въ современномъ европейскомъ мѣрѣ составляютъ результатъ глубокаго изученія классической древности, толчокъ къ которому былъ данъ еще въ прошломъ вѣкѣ Винкельманомъ и Лессингомъ. Съ тѣхъ поръ ревностное изученіе классицизма въ Европѣ никогда не прекращалось, всегда имѣя своихъ усердныхъ дѣятелей, рвеніе которыхъ поддерживалось многочисленными музеями древностей въ разныхъ городахъ Европы. Въ послѣднее же десятилѣтіе это рвеніе къ изученію классическаго міра сильно оживилось, благодаря развитію языкознанія (сравнительнаго), благодаря множеству раскопокъ, сдѣланныхъ и на средства правительствъ разныхъ государствъ, и на частныя средства. Многія раскопки пролили неожиданный свѣтъ на исчезнувшій міръ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ результатовъ грандіозныхъ раскопокъ г. Шлимана, отъ которыхъ ждутъ новыхъ данныхъ для антропологии, науки такъ богато развившейся въ наше время; эти данныя будутъ имѣть значеніе и для установки прочнаго и устойчиваго взгляда на классическій міръ.

Одушевленные весьма понятнымъ энтузіазмомъ художественныя силы—карандашъ, рѣзецъ, кисть—примкнули къ неутомимымъ трудамъ раскопщиковъ. Въ правѣ ли мы быть равнодушными къ этимъ трудамъ для изученія классическаго міра?

Конечно, нѣтъ.

Современное направленіе нашего высшаго образованія—классическое, и мы глубоко убѣждены, что, въ смыслѣ пособія для изученія классическаго міра, мы вкладываемъ посильную лепту изданіемъ „Эллады и Рима“.

Развернувъ уже первые выпуски роскошнаго изданія Фальке, читатель найдетъ множество прекрасныхъ рисунковъ древнихъ вазъ и сосудовъ, добытыхъ большею частью Шлиманомъ, при его раскопкахъ Трои, Олимпіи и Микенъ, и срисованныхъ со всею тщательностью и точностью даровитыми германскими художниками. Читатель найдетъ также много рисунковъ, конструированныхъ на основаніи сохранившихся остатковъ, гдѣ цѣлое довершала уже фантазія художника (напримѣръ, древній дворецъ въ Микенахъ и ворота со львами). Въ этомъ именно — и читатель, надѣмся, съ нами согласится — мы и полагаемъ главнѣйшее достоинство роскошнаго изданія Фальке. Оно даетъ обильную пищу художественному чувству читателя, его археологической пытливости и любознательности, и, вмѣстѣ съ его фантазіей, будитъ въ его умѣ потребность самостоятельныхъ комбинацій въ этомъ смыслѣ. Что воспроизведеніе античнаго быта и не словами только, а и карандашемъ и художественнымъ рѣзцомъ составляетъ величайшее подспорье для пониманія древней жизни народовъ и для увеличенія интереса къ ней (уже просто съ антропологической точки зрѣнія), въ этомъ получаютъ живое убѣжденіе лишь въ наше время. Подобное изученіе уже принесло прекрасные результаты, а въ будущемъ оно принесетъ результаты еще большія, значенія которыхъ мы теперь, быть можетъ, еще не въ состояніи и предвидѣть.

КНИГА I.

Исторія и государственная жизнь.

I.

Эпоха сказаній.

АЗВИТІЕ исторіи Греціи и Италіи совершалось при исключительныхъ условіяхъ географическаго положенія этихъ странъ.

Высочайшій горный хребетъ Европы, упираясь съ обѣихъ сторонъ въ море, отдѣляетъ ихъ отъ главной массы континента; онѣ вдаются въ море въ видѣ полуострововъ. Отрѣзанныя и замкнутыя, такимъ образомъ, Греція и Италія, каждая сама по себѣ, шли по пути историческаго развитія самостоятельно и своеобразно.

Италіи суждено было сдѣлаться всемірною владычицею, а потому распространеніе древней культуры было ея удѣломъ. Греція, по необыкновенно счастливому разнообразію своихъ географическихъ и физическихъ условій, по своему положенію посредника и обновителя исчезавшей первобытной культуры Востока, была призвана создать новую духовную жизнь и закончить ее,—жизнь, которая осталась на вѣки свѣточемъ міра.

Эллада, занимая небольшое пространство, отъ Македоніи до южной оконечности Лаконіи, соединяетъ на протяженіи нѣсколькихъ миль такое разнообразіе климата и растительности, какое можно встрѣтить только въ обширнѣйшихъ странахъ. На сѣверѣ зеленѣютъ дубъ и букъ, на югѣ созрѣваетъ финиковая пальма; въ среднихъ провинціяхъ роскошное изобиліе винограда и маслинъ. Гемусъ (такъ назывался въ древности Балканскій хребетъ) защищаетъ этотъ благодатный уголокъ отъ суроваго сѣвернаго вѣтра, а на знойномъ югѣ море и горы доставляютъ живительную влажность и прохладу. Горныя цѣпи съ живописными и плодородными долинами прорѣзываютъ страну какъ бы по опредѣленному плану, разбиваютъ ее, какъ поле шахматной доски. Это способствовало образованію отдѣльныхъ маленькихъ государствъ и вызвало разностороннюю жизнь, дав-

Дубы на Парнасъ.

шую возможность богато одаренному народу широко развернуть свои духовныя силы. Съ другой стороны, и отъ замкнутости охраняло ее опять-таки море, повсюду глубоко врѣзывающееся внутрь страны, почти совсѣмъ отдѣляющее сѣверъ отъ юга, Элладу отъ Пелопонеса, соединенныхъ только узкимъ перешейкомъ. Своими гаванями и портами Греція вызываетъ непрерывное движеніе судовъ, приглашаетъ къ живому общенію съ дальними странами.

Хотя вся Греція иззубрена заливами и бухтами, но на восточномъ берегу ея они находятся при особо благопріятныхъ условіяхъ. Здѣсь впадаютъ въ море самыя большія рѣки, сюда направлены наибольшія плодоносныя долины, какъ бы раскрывающія свои объятія культурѣ и, въ свою очередь, готовыя служить ея распространенію. Потому то на восточномъ берегу раньше возникли большіе города, и въ этихъ городахъ жизнь древнихъ грековъ развилась въ полномъ блескѣ своей красоты. Племена, жившія внутри

страны, въ роскошно-раскинутыхъ ущельяхъ, на живописныхъ руинахъ западной Эллады и на крайнемъ ея сѣверѣ, сберегали свои силы для будущаго и выступили только тогда съ юношескою, свѣжею энергіею на поприще исторіи, когда культурныя государства восточнаго берега стали уже клониться къ упадку.

Восточный берегъ, какъ мы уже сказали, принималъ дары цивилизаціи и, въ свою очередь, отдаивалъ ими другія страны. Нельзя, однако, его считать восточною границею культуры, а скорѣе посредствующею чертою, проведенною съ сѣвера на югъ. Не только впоследствии, но и въ древнѣйшія времена, въ героическую эпоху, острова Эгейскаго моря и малоазіатскій берегъ составляли въ этомъ отношеніи одно цѣлое съ Греціею. Греція—вездѣ, гдѣ говорятъ по-гречески, а здѣсь—на островахъ и по побережью Малой Азіи—на сколько взоръ нашъ проникаетъ въ туманную даль древности, всегда говорили по-гречески и здѣсь всегда жили близко родственные грекамъ народы. Всякій толчекъ, исходившій изъ Малой Азіи, ощущался и въ метрополи (если есть основаніе такъ называть Грецію) и, наоборотъ, всякое движеніе внутри Эллады распространялось на іонійское побережье. Эгейское море является внутреннимъ моремъ, если не для Греціи, то для ея исторіи. Для моряковъ, которые плаваютъ здѣсь отъ острова къ острову, не теряя изъ виду земли, оно не только не ставитъ препятствій, но служитъ связующимъ элементомъ.

Уже въ глубокой древности происходило движеніе греческихъ племенъ отъ Геллеспонта и Малой Азіи къ берегамъ Адріатики. На этомъ пространствѣ какъ по морю, такъ и по сушѣ, въ доисторическую эпоху, именующую обыкновенно „героическою“, постоянно одни племена тѣснили другія, заставляли ихъ переселяться. Движеніе племенъ было направлено съ востока на западъ, а потомъ обратно—съ запада на востокъ. Другія племена тѣмъ временемъ наступаютъ съ сѣвера, вытѣсняютъ сосѣдей изъ ихъ предѣловъ, проходятъ черезъ ихъ владѣнія, нападаютъ на послѣдующихъ, пока, наконецъ, движеніе достигаетъ южнаго берега. Отсюда оно продолжается моремъ или отступаетъ назадъ. Одно имя за другимъ выступаетъ изъ этого хаоса, потомъ исчезаетъ и снова появляется въ другомъ мѣстѣ или тамъ, гдѣ его уже считали исчезнувшимъ. Переселенцы-герои, каковы Данай, Кекропсъ, Кадмъ, приходятъ изъ Египта и Финикіи и вводятъ въ Грецію изобрѣтенія Востока—письмена, мѣру и вѣсъ. Все, что они приносятъ съ собою, считается чисто-греческимъ, и они сами даже принимаются за грековъ, за автохтоновъ (туземцевъ). Пелопсъ, изъ рода Тантала, обладая богатствами и грузами золота, переселяется въ Аргосъ, а его потомки, Атриды, во главѣ съ Агамемнономъ, верховнымъ предводителемъ пастушескихъ народовъ, являются уже князьями и царями, вождями соединенной Греціи. Эти князья или герои предпринимаютъ съ своими дружинами морскіе походы, въ которыхъ участвуютъ многіе искатели приключеній изъ всѣхъ отдѣльныхъ племенъ: то манитъ ихъ богатая добыча, напримѣръ, золотое руно Аргонавтовъ, то отправляются они, чтобы отомстить за оскорбленіе, напримѣръ, за похищеніе Елены и, въ наказаніе, разрушаютъ Трою. Преданіе представляетъ все это въ роскошно-разукрашенномъ видѣ: можетъ быть даже все—лишь созданіе народной фантазіи, разрисованное впоследствии поэтами съ убѣждающею силою до мельчайшихъ подробностей. Позднѣе нашли ученые (александрійцы), которые подчинили эти преданія о происшествіяхъ, въ дѣйствительности-ли случившихся или только выдуманныхъ, строгой хронологической системѣ, въ которой походъ Аргонавтовъ и Троянская война, Кекропсъ и Кадмъ, Данай и Пелопсъ, переселенія дорянъ и іонянъ нашли себѣ опредѣленное по времени и годамъ мѣсто.

Однако, какъ ни произвольна эта система александрійско-ученыхъ объясненій, какъ ни мало она миритъ противорѣчія и разрѣшаетъ загадки, какъ ни мало свѣта она бросаетъ въ хаосъ,—тѣмъ не менѣе въ основѣ сказаній о переселеніи народовъ, о морскихъ и сухопутныхъ походахъ, о появленіи и исчезновеніи тѣхъ или другихъ громкихъ именъ

несомнѣнно лежатъ какіе-либо факты, могущіе быть выясненными, если отказаться отъ хронологическихъ данныхъ. При соблюденіи этого условія можно, съ нѣкоторою вѣроятностью, остановиться на нижеслѣдующемъ.

Если оставить безъ вниманія обитателей самой глубокой древности, до которыхъ не восходитъ даже и преданіе, то колыбелью греческаго народа, откуда вышло также и населеніе Италиі, нужно считать Фригію, это плоскогорье Малой Азіи, лежащее непосредственно за греческимъ ея побережьемъ. Хотя впоследствии фригійцы далеко отстали въ своемъ развитіи, считались варварами и осмѣивались, однако не подлежитъ сомнѣнію, что они одного происхожденія съ эллинами и говорили однимъ языкомъ съ ними. Изъ Фригіи шла одна народная волна за другою въ большіе или меньшіе промежутки времени, то вслѣдствіе толчковъ изъ внутренней Азіи, то вслѣдствіе переполненія народонаселенія въ самой странѣ. Первая волна, перекатившись черезъ Голлеспонтъ или Босфоръ и пройдя дальше, вѣроятно снабдила Италію населеніемъ, родственнымъ греческому. Вторая волна пошла по тому же направленію, но, вступивъ въ Европу, повернула на югъ, заняла Македонію, Элладу, Пелопонесъ и здѣсь остановилась. Принесенные ею народы занялись земледѣліемъ. Это были пеласги, которые повсюду здѣсь считаются коренными жителями и во всѣхъ дальнѣйшихъ движеніяхъ являются основною силою хотя и подъ различными отдѣльными названіями. Третью волну, меньшую, но весьма воинственную, составляли дорійцы, которые пошли по тому же пути, но временно утвердились въ горахъ, на сѣверѣ Эллады, около Олимпа. Четвертую и послѣднюю волну, которая, впрочемъ, могла отдѣлиться раньше дорійцевъ, составляли іонійцы. Они не перешли черезъ Геллеспонтъ, а направились на югъ, овладѣли всѣмъ западнымъ берегомъ Малой Азіи, переходили затѣмъ отъ острова къ острову и, наконецъ, достигли восточнаго берега Греціи, гдѣ и утвердились преимущественно въ Атикѣ, сдѣлавшейся такимъ образомъ настоящею родиною іонійцевъ.

Здѣсь, какъ и почти на всемъ пути, сталкивались они съ чужеземнымъ народомъ, успѣвшимъ уже и тамъ пріобрѣсти значеніе. То были финикійцы. Послѣдовательными толчками вытѣсненные изъ Азіи отъ Евфрата, финикійцы, наконецъ, очутились прижатыми къ самому морю, въ обладаніи лишь узкой полосы сирійскаго берега, гдѣ они водворились въ немногихъ городахъ. Финикійцы сдѣлались мореплавателями, изобрѣтали и развивали ремесла, создали разныя отрасли промышленности и даже довели эти отрасли до процвѣтанія, занимались торговлею, а, при случаѣ, не гнушались и морскимъ разбоемъ. Въ поискахъ за пурпуровыми раковинами, металлами и другими предметами торговли финикійцы явились на острова, а по малоазійскому берегу—въ Атику и Арголиду, и вездѣ основывали факторіи, поселенія, склады товаровъ, базары, какъ, напримѣръ, на Аргивскомъ берегу, гдѣ финикійцы, уже въ самыя древнія времена, имѣли обширныя торговые обороты, учили, наконецъ туземцевъ своимъ ремесламъ и искусствамъ. Повсюду, куда ни являлись финикійцы, привозили они съ собою и своихъ боговъ. Такъ, напримѣръ, жителей Сидона, во всѣхъ ихъ путешествіяхъ, сопровождало изображеніе богини Астарты, и тамъ, гдѣ они останавливались, возникали капища въ честь этой богини. Такъ явилась Астарта—„Чужая Афродита“—въ Грецію и обратилась здѣсь въ богиню любви, родившуюся изъ морской пѣны: богиня эта пришла изъ-за моря, и вотъ отсюда то явилось поэтическое сказаніе о чудесномъ рожденіи Афродиты изъ моря. Главнымъ мѣстопребываніемъ этой богини сдѣлался Коринѣ, лежавшій на перешейкѣ или истмѣ, отдѣляющемъ Пелопонесъ отъ Средней Греціи. Это былъ самый выгодный пунктъ финикійскихъ торговыхъ поселеній. Жрицы и служительницы храма Афродиты отлично умѣли ткать и красить матеріи, чему онѣ научились у финикійцевъ. Жители Тира не выходили въ море безъ изображенія Геракла-Меликерта. Въ немъ олицетворялись у грековъ торговое мореплаваніе и морскіе походы финикійцевъ; подвиги и приключенія этого

Геркулеса принадлежатъ именно финикіянамъ. Гераклъ-укротитель льва—это азіатскій, финикійскій образъ; „Геркулесовы столбы“ при выходѣ изъ Средиземнаго моря—это крайній предѣлъ финикійскихъ плаваній того времени; съ другой стороны, финикіяне же привозили золотыя яблоки изъ сада Гесперидъ въ Африкѣ, быковъ Геріона изъ Испаніи. Ихъ сооруженія—плотины и рвы, каналы, очищеніе русла рѣки—все это олицетворялось въ знаменитыхъ „подвигахъ“ Геркулеса.

У финикіянъ учились іонійцы. Они усвоили себѣ ихъ культуру, сдѣлались мореплавателями и ихъ соперниками. По временамъ бывали они съ ними въ союзѣ, — такъ, Іолай является спутникомъ Геркулеса—но затѣмъ становятся ихъ противниками и вытѣсняють ихъ совсѣмъ изъ Эгейскаго моря и съ греческаго берега. Они слѣдуютъ по пятамъ финикіянъ и проникають въ Сирію и Египетъ, потому что іоническія названія можно прослѣдить подъ различными формами. Во времена владычества Гиксосовъ (царей-пастырей) у устьевъ Нила, слѣдовательно около 1500 лѣтъ до Р. Х., іонійцы пытались даже сдѣлать завоеванія и въ Египтѣ и основать тамъ свои поселенія; но это имъ не удалось. Во всякомъ случаѣ они учились у финикіянъ и египтянъ, и чему научились, то приносили съ собою обратно въ Грецію. Въ переселенцахъ, приносившихъ въ Грецію плоды культуры, мы узнаемъ этихъ іонійцевъ, получившихъ свое образованіе на востокѣ, въ Финикіи и Египтѣ. Іо, дочь аргивскаго царя *), гонимая чрезъ моря и земли, находитъ себѣ пристанище, въ Египтѣ, а Данай возвращается оттуда въ Аргосъ. Кадмъ, финикіянинъ, слѣдуетъ по пути Европы и основываетъ Кадмею въ Віотіи. — Это все были греки одного происхожденія, одного языка, но они приходятъ изъ чужихъ странъ, почерпнувъ оттуда свое образованіе.

Время соперничества финикіянъ съ іонійцами было, конечно, временемъ дикимъ, временемъ всяческаго неустройства. Медленно двигалось просвѣщеніе, выражавшееся въ основаніи государствъ, которыя являются предъ нами подъ кровомъ мифовъ, выходятъ изъ полумрака сказаній. Первымъ царствомъ было царство сказочнаго Миноса, царя Критскаго, водворившаго порядокъ на Эгейскомъ морѣ, подчинившаго своему скипетру или принудившаго къ дани много острововъ и даже самую Аттику. Въ Віотіи, при Копайдскомъ озерѣ, въ первомъ греческомъ городѣ, окруженномъ стѣнами, Орхоментъ, микійцы создали благоустроенное государство, слѣды котораго видны до сихъ поръ на горѣ Катаботръ въ громаднхъ, частію подземныхъ каменныхъ постройкахъ и сооруженіяхъ въ скалахъ; эти сооруженія имѣли цѣлью предотвратить разливы озера и обратили обширную болотистую долину въ плодородныя поля. Рядомъ съ ними, въ другой части Віотіи, въ Оивахъ, возникло царство потомковъ Кадма, а въ Пелопонесѣ,—отъ Пелопидовъ или ихъ раднаачальника Пелопса полуостровъ и получилъ свое названіе,—владычество Пелопидовъ широко разрослось изъ города Микены. Пелопсъ, сынъ Тантала, пришелъ изъ Лидіи, гдѣ оставилъ сестру свою Ніобу. Многочисленные и цвѣтушія дѣти Ніобы погибли отъ стрѣлъ Аполлона и Артемиды. Этимъ мифомъ олицетворяется рѣка, дѣти которой—ручьи—высохли подъ лучами знойнаго лѣтняго солнца, а она, бѣдная мать, съ горя изсякла. Изъ страны золота, съ горъ Сипила и Тмола, съ береговъ золотоносной рѣки Паткола принесъ Пелопсъ баснословныя богатства и помощью ихъ овладѣлъ страпою и городами ахейцевъ въ Арголидѣ.

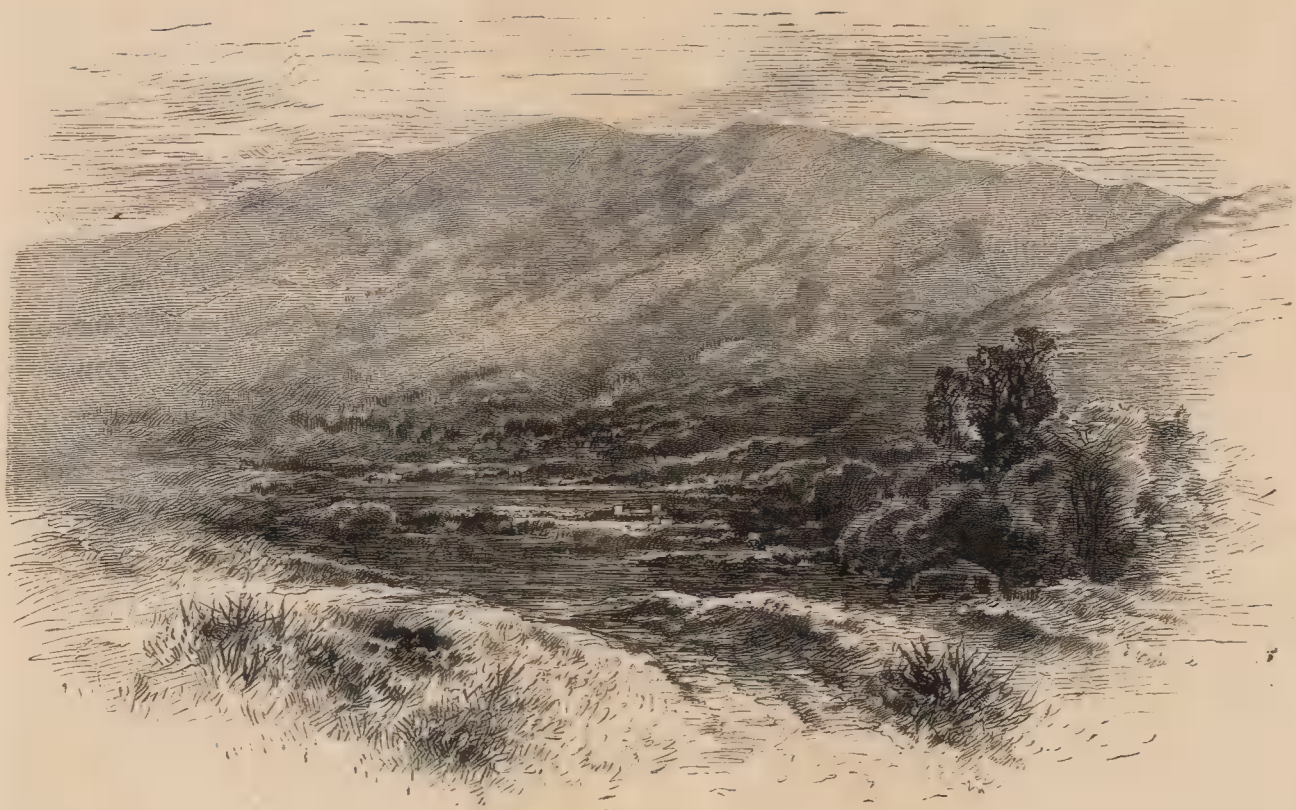
Но власть породила властолюбіе. Властолюбіе повлекло за собою ревность, соперничество, семейный раздоръ, борьбу и убійства изъ-за владѣнія престоломъ. Царскіе роды погрязли въ убійствахъ; злудьянія слѣдовали одно за другимъ въ родѣ Лабдакидовъ въ Оивахъ и Пелопидовъ или Атридовъ въ Микенахъ. Въ то время, какъ родъ Лабда-

*) По греческой мифологіи, Іо, дочь Инаха, подверглась жестокому мщенію супруги Зевса, Геры, за любовь къ ней Зевса. Іо, превращенная Герой въ молодую теллицу и преслѣдуемая Аргусомъ, странствуетъ по землѣ. Трагическое положеніе Іо великолѣпно описано поэтомъ Эсхиломъ въ его драмѣ „Скованный Прометей“.

кидовъ погибаетъ въ лицѣ дѣтей Эдипа, къ Пелопидамъ пришелъ на помощь Аполлонъ, богъ свѣта, примиритель и благодѣтель, снялъ проклятіе и изгналъ эринній, страшныхъ представительницъ этого дикаго, чреватаго несчастіями, страшнаго времени.

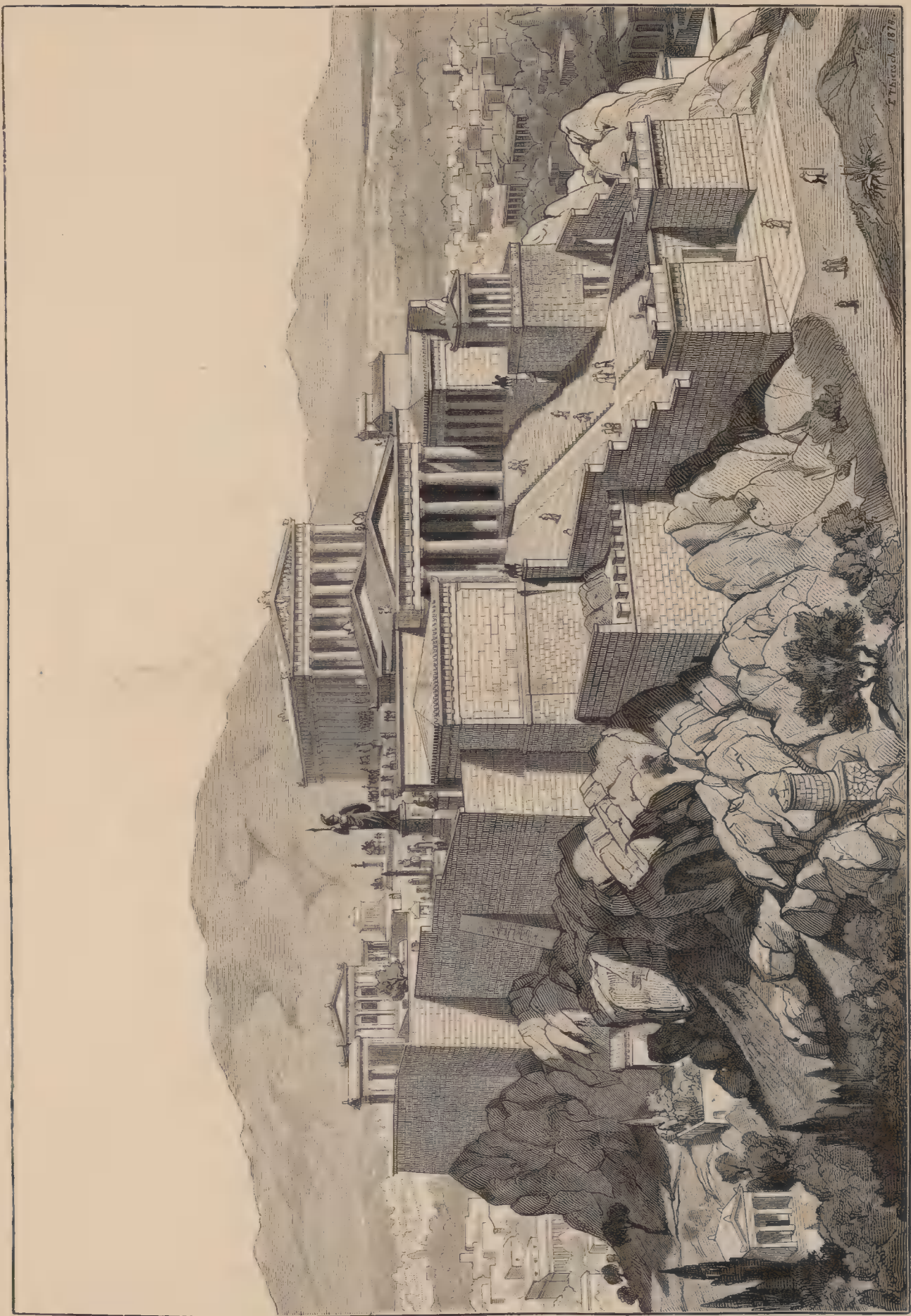
Этимъ заключается собственно героическій періодъ, но государства, которыя подъ конецъ его соединились для похода противъ Трои, не были тѣми, изъ которыхъ со-
здался политическій строй Греціи временъ уже историческихъ. Еще разъ произошло передвиженіе племенъ, хотя и затемненное преданіемъ, но уже болѣе близкое къ дѣйствительности и достовѣрной исторіи. Это движеніе прошло чрезъ всю Грецію, съ крайняго ея сѣвера до самаго юга, потомъ отхлынуло назадъ и перекаатило свои волны на мало-азіатскій берегъ. То было переселеніе дорійцевъ и Гераклидовъ. Только изъ этихъ переселившихся племенъ произошла прочная осѣдлость и затѣмъ возникла государственная жизнь, послужившая основою дальнѣйшей греческой исторіи и развитія культуры эллиновъ.

Мѣстоположеніе Додона.

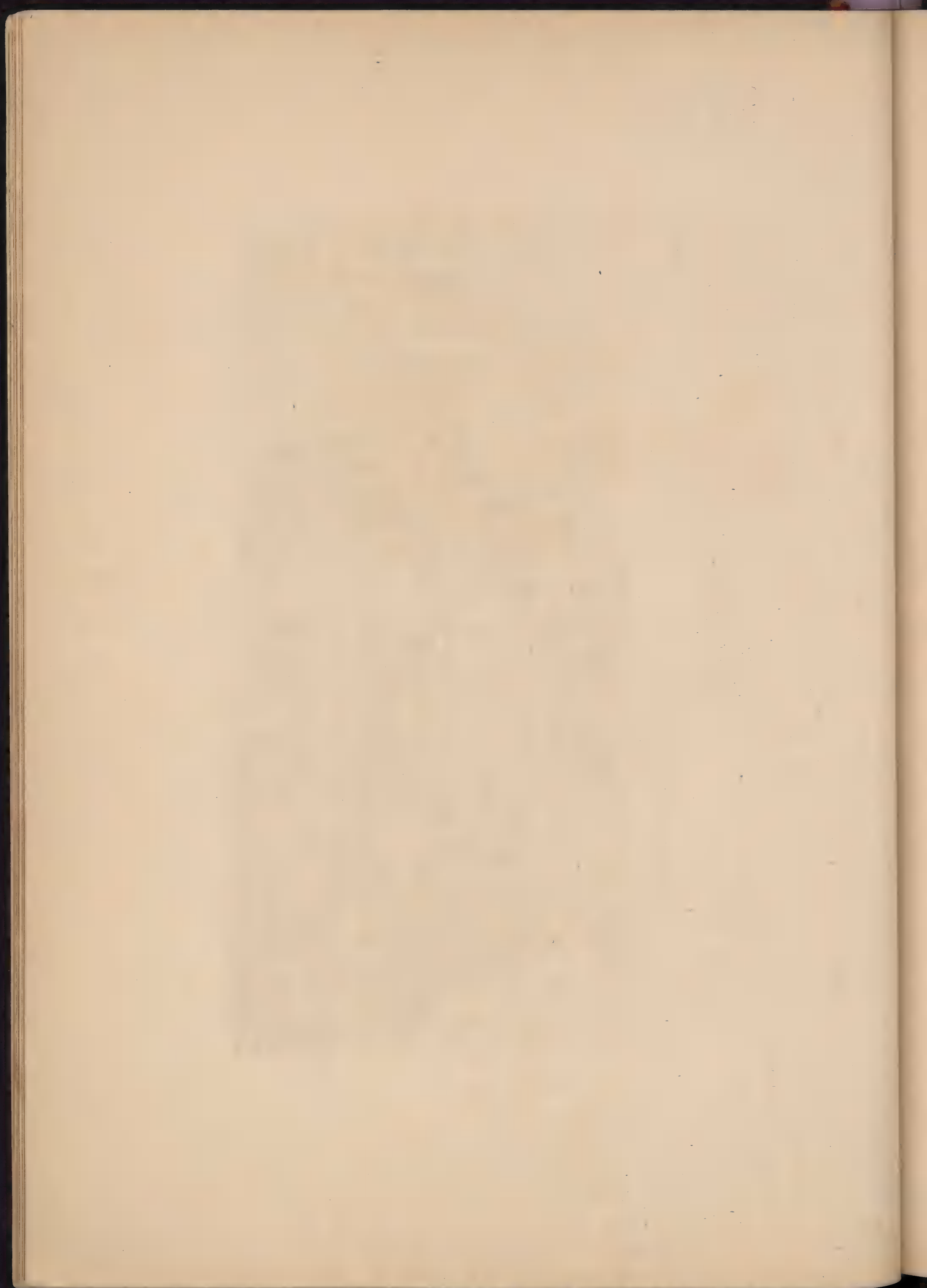
Достойно замѣчанія, что указанное движеніе возникло въ странѣ, которая впослѣдствіи едва считалась греческою, а, по меньшей мѣрѣ, полуварварскою. Двойное названіе народа—„греки“ (Graikoi, Graeci), какъ звали ихъ римляне, и „эллины“, какъ онъ называлъ самъ себя, происходитъ оттуда. Въ Эпирѣ долгое время спокойно жили пеласгическія племена; связующимъ звеномъ для нихъ служилъ храмъ Зевса въ Додонѣ. Культъ Додонскаго Зевса былъ распространенъ всюду, гдѣ только жили пеласги. Ахиллъ молился Додонскому Зевсу. Наконецъ, воинственное племя эпиротовъ, называемое ѳессалійцами, перешло черезъ Пиндъ, спустилось въ плодородную долину рѣки Пеней, сѣло тамъ и дало странѣ свое имя—ѳессаліи. Но прежде здѣсь жили другія племена, и они то должны были уступить свое мѣсто пришельцамъ. Вытѣсненные отсюда віотійцы, эолійскаго, т. е. тоже пеласгическаго племени, потянулись на югъ и завладѣли страною ми-

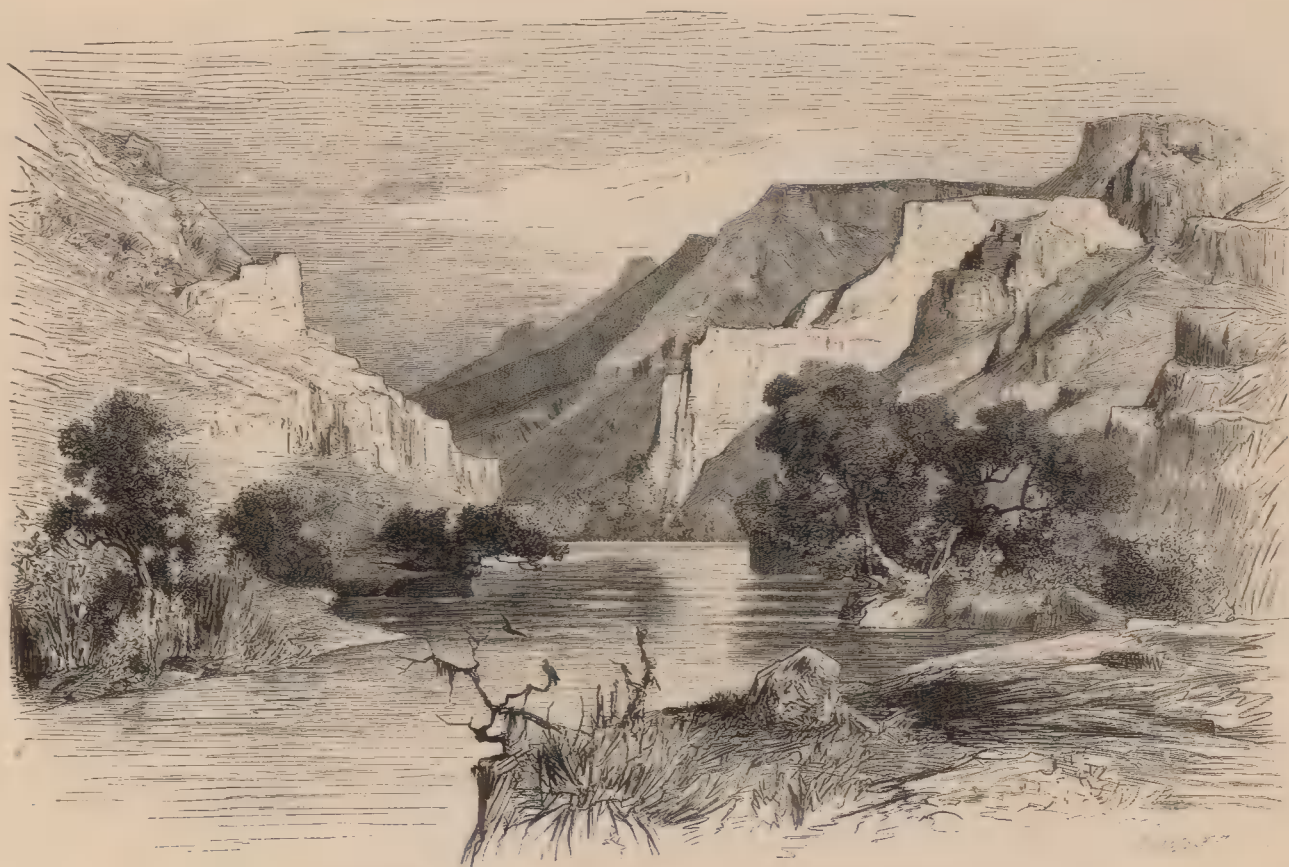

Аѳинскій Акрополь.

Темпейская долина съ Олимпомъ и рѣкой Пенеемъ.

нійцевъ и потомковъ Кадма, получившей отъ нихъ свое названіе — Віотіи. Дорійцы же, населявшіе мѣстность около Олимпа и знаменитую Темпейскую долину, черезъ которую рѣка Пеней изъ Фессаліи пробиваетъ себѣ дорогу въ море, были отброшены на сѣверъ. Тамъ они собрались потомъ съ силами, соединились съ Гераклидами или Гиллеями (или-рійцами), потомками Геракла и сына его Гилла, и подъ предводительствомъ ихъ про-рвались черезъ Фессалію и къ югу отъ нея заняли Дориду. Здѣсь примкнули они къ союзу мелкихъ племенъ, который, подъ названіемъ Амфиктіоніи, имѣлъ своимъ средоточіемъ храмъ пифійскаго Аполлона въ Дельфахъ. Кромѣ совмѣстнаго служенія божеству въ общемъ храмѣ, союзъ этотъ преслѣдовалъ въ нѣкоторомъ родѣ культурныя цѣли, служащія для облагороженія человѣка. Условія союза не ограничивались общою защитою отъ внѣшнихъ враговъ: не допускалось разрушать до основанія городъ, принадлежащій Амфиктіону, нельзя было въ случаѣ войны или осады отводить русло рѣки. Лишь по присоединеніи дорійцевъ союзъ получилъ значеніе и они, вѣроятно, принесли имя эллиновъ, подъ которымъ первоначально встрѣчаются члены союза. Преданіе считаетъ, поэтому, Эллина и Амфиктіона за братьевъ.

Но дорійцы, воины по призванію, не могли спокойно оставаться въ горныхъ узлахъ Элады. Не покидая совсѣмъ своей страны Дориды, поднялись они отсюда вмѣстѣ съ Гераклидами и искателями приключеній изъ другихъ племенъ и пустились на поиски лучшихъ мѣстъ осѣлости. Гераклиды предъявили свои наслѣдственные права на Пелопонесъ, откуда предокъ ихъ былъ вытѣсненъ Эвристеемъ. На перешейкѣ, отдѣляющемъ Среднюю Грецію отъ Пелопонеса, они были отбиты; этоліецъ Оксилъ провелъ ихъ черезъ проливъ и самъ занялъ Элиду. Дорійцы же и Гераклиды не съ одного удара, но послѣ долгихъ трудовъ и борьбы, а, частью, и по договору заняли Аргolidу, Лаконію и Мессенію.

Развалины Трои (въ настоящее время).

Движеніе, однако, этимъ не кончилось. Часть дорійцевъ отдѣлилась на островъ Критъ и основала тамъ государство, сдѣлавшееся образцомъ для своей метрополіи. Другая часть повернула изъ Арголиды опять на сѣверъ, чрезъ упомянутый уже перешеекъ, завоевала Мегару и, придавъ затѣмъ этой области дорическій характеръ, остановила свое завоевательное шествіе впередъ на границахъ Аттики, вслѣдствіе самопожертвованія Кодра, какъ говоритъ преданіе. Третья часть присоединяется къ новому движенію, которое косвенно было вызвано дорійцами. Поднятыя и вытѣсненные ими племена должны были искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія. Такъ ахейцы принуждены были оставить свои укрѣпленные города въ Арголидѣ. Они заняли у южнаго берега Криссейскаго или Коринесскаго залива область, которая отъ нихъ получила названіе Ахаіи. Особенно много изгнанныхъ скопилось въ Аттикѣ и въ прибрежныхъ городахъ Віотіи; тамъ были

Головной уборъ изъ золота, въ родѣ повязки, состоящій изъ задѣтыхъ одна за другую цѣпочекъ, составленныхъ изъ золотыхъ бляшекъ, съ большими бляхами на низу и длинными привѣсками на концахъ.

(Найденъ Шлиманомъ, при раскопкахъ Трои).

эолийцы, іонійцы, ахейцы, частью, очень знатные и богатые роды, какъ, на примѣръ, потомки Нестора изъ Пилоса. Изъ приморскихъ городовъ, первоначально изъ Аулиса, переправлялись они на корабляхъ съ одного острова на другой, пока не достигли малоазійскаго берега. Здѣсь они встрѣтились съ племенами вполне имъ родственными, пришедшими сюда по стопамъ древнихъ іонійцевъ, каковы, на примѣръ, были дарданы въ Троянской области. Лишь послѣ тяжелой борьбы пришельцы овладѣли старыми городами и, частью, разрушили ихъ, частью, преобразовали, присоединившись къ ихъ населенію. Такъ возникли здѣсь эолійскія, іонійскія и дорійскія колоніи, которыя вскорѣ, въ культурномъ отношеніи, опередили свою метрополию.

Ворота со львами въ Микенахъ (возобновленные).

Этой борьбѣ за мѣста для поселенія — по крайней мѣрѣ согласно весьма распространенному въ наукѣ мнѣнію — обязано своимъ происхожденіемъ сказаніе о знаменитой Троянской войнѣ. Несомнѣнно, что пѣсни Гомера возникли и выработались здѣсь, на малоазійскомъ берегу. Дѣйствительно-ли Атриды и ихъ сподвижники, изъ царскихъ родовъ Греціи, вовсе не участвовали въ этой войнѣ, а ихъ приключенія до и послѣ возвращенія изъ-подъ Трои суть лишь произведеніе вымысла — это остается вопросомъ болѣе чѣмъ спорнымъ.

Нѣкоторыя указанія для рѣшенія этихъ вопросовъ, конечно, уже даны получившими въ наше время такую громадную извѣстность раскопками въ древней Троѣ и въ Микенахъ, произведенными г. Шлиманомъ, но это только указанія, требующія гораздо большихъ научныхъ подтвержденій. Полнаго, опредѣленнаго отвѣта изысканія г. Шлимана не дали ни на вопросъ о существованіи и мѣстонахожденіи Трои, ни на вопросъ о

Панорама раскопок Шлимана въ Микенахъ.
(Съ такъ называемымъ „Агора“, мѣстомъ народныхъ собраній, на первомъ планѣ).

судьбѣ Атридовъ. Тамъ, гдѣ большинство современныхъ ученыхъ отыскивало древнюю Трою, не найдено никакихъ слѣдовъ ея существованія; тамъ-же, гдѣ сами древніе помѣщали Иліонъ, на теперешнемъ холмѣ, у Гиссарлыка, найдено Шлиманомъ множество остатковъ, указывающихъ на слѣды бывшаго здѣсь поселенія, притомъ такого, которое (согласно свѣдѣніямъ о Троѣ) нѣсколько разъ было разрушаемо огнемъ и мечемъ. Этихъ общихъ данныхъ, добытыхъ раскопками, конечно нельзя ни отрицать, ни оспаривать: они доставили неувядаемую славу ученому, по инициативѣ котораго они совершены.

Возникаетъ, однако, другое противорѣчіе, пока еще не разъясненное. Уровень цивилизації, изображенный въ пѣсняхъ Гомера, далеко превосходитъ тотъ, который обнаруживается найденными въ Гиссарлыкѣ остатками. Найденные въ слояхъ щебня предметы, по достоинству обработки, характеру вкуса и проч., должны быть отдѣлены другъ отъ друга цѣлыми вѣками.—Сколькими же?—На это и отвѣтить нельзя, такъ какъ древности Гиссарлыка носятъ весьма первобытный характеръ, тогда какъ культурное развитіе героевъ „Иліады“ и „Одиссеи“ отнюдь не стоитъ на такой первобытной ступени—оно далеко выше. То, что представляется несомнѣннымъ относительно Трои, такъ это именно болѣе глубокая древность найденныхъ въ Гиссарлыкѣ предметовъ, сравнительно съ предметами, найденными въ древней столицѣ Агамемнона—Микенахъ. Это мнѣніе раздѣляетъ теперь, какъ кажется, даже большинство ученыхъ. Раскопки, сдѣланныя на мѣстѣ древнихъ Микенъ, удивительны. Шлиманъ видитъ въ важнѣйшихъ изъ сдѣланныхъ раскопокъ

Золотые сосуды изъ Микенъ времени царей.
(Чаши и кубки для вина, въ греческомъ вкусѣ, украшенные различными орнаментами. Возстановлены на рисункѣ въ ихъ первоначальномъ видѣ).

Глиняные сосуды съ острова Кипра.
(Найдены при раскопках Чеснолы).

гробницы Агамемнона и его семейства, основываясь на преданіи, сообщенномъ, однако, гораздо позднѣе извѣстнымъ древнимъ археологомъ-путешественникомъ Павзаніемъ во II вѣкѣ по Р. Хр. *). Многіе согласились въ этомъ съ г. Шлиманомъ, и въ числѣ этихъ „многихъ“ нужно считать лучшихъ представителей науки. Г. Шлиманъ извлекъ изъ гробницъ настоящія золотыя сокровища: посуду, домашнюю утварь, доспѣхи, оружіе, маски, различныхъ родовъ украшенія. Громадное значеніе находокъ г. Шлимана не подлежитъ никакому сомнѣнію и никѣмъ не оспаривается. Это значеніе могло только еще увеличиться открытіями древностей, принадлежащихъ приблизительно тому же времени, сдѣланными въ послѣднее десятилѣтіе г. Чеснолою на островѣ Кипрѣ. Открытія г. Чеснолы пролили свѣтъ на уровень культуры того періода, историческія событія котораго совершенно было исчезли въ туманѣ сказаній и съ ними слились. Древности, найденныя въ Микенахъ, вообще относятся къ болѣе отдаленному времени, чѣмъ эпоха Атридовъ, основываясь главнымъ образомъ на ихъ характерныхъ отличіяхъ отъ знаменитыхъ архитектурныхъ памятниковъ того времени; а эти памятники: стѣны, ворота съ изображеніемъ львовъ и подземное зданіе, носящее названіе „сокровищницы Атрея“. Противъ этого можно по крайней мѣрѣ возразить, что самое время Атридовъ не опредѣлено и что оно пока по произволу можетъ быть отодвигаемо назадъ. Съ другой стороны, именно дому Атридовъ, а не какому либо другому, преданіе, переданное Гомеромъ, приписываетъ золотыя сокровища. Целопсъ, родоначальникъ Атридовъ, пришелъ, какъ уже было упомянуто, изъ богатой золотомъ Малой Азіи, откуда и привезъ съ собою несмѣтныя сокровища. Самыя гробницы и такъ называемую сокровищницу преданіе связываетъ именно съ Атреемъ и его домомъ, тогда какъ постройку стѣнъ Микенскихъ преданіе не приписываетъ этому роду.

Хотя различіе въ уровнѣ культуры, изображенной въ пѣсняхъ Гомера и обнаруженной раскопками въ Троѣ и Микенахъ, дѣлаетъ сомнительными въ этомъ отношеніи всѣ выводы, почерпнутые изъ „Иліады“ и „Одиссеи“, но это нисколько не уменьшаетъ ихъ культурно-историческаго значенія. Онѣ даютъ вѣрную картину того времени, въ которое возникли сами. Эта картина вполне соответствуетъ эпохѣ, въ которую дорійское движеніе заставило эолійцевъ и дорійцевъ перейти въ Малую Азію и утвердиться тамъ, послѣ долгой борьбы. Если дѣлать приблизительное предположеніе о времени описываемыхъ Гомеромъ событій, то это было за 1000 лѣтъ или въ X столѣтіи до Р. Х.

*) Этотъ археологъ и путешественникъ былъ софистъ Кесарій Каппадокійской, жилъ при императорѣ Гадріанѣ, былъ ученикомъ знаменитаго Ирода-Аттика. Новѣйшія воззрѣнія сходятся въ томъ, что Павзаній въ своихъ описаніяхъ былъ весьма добросовѣстенъ, но ему не доставало художественнаго вкуса.

Какъ уже сказано, уровень культуры, изображаемый въ произведеніяхъ Гомера — отнюдь не первобытный ни по произведеніямъ, ни по государственному устройству. Греческій политеизмъ является въ видѣ готоваго уже, замкнутаго круга боговъ; самая манера изображенія боговъ не лишена нѣкоторой лукавой ироніи; боги изображаются съ крупными и мелкими людскими слабостями; видны намеки на возникающій скептицизмъ по отношенію къ антропоморфической религіи. Жрецы уже имѣютъ опредѣленное положеніе и вліяніе. Въ государственномъ строѣ господствуетъ полный порядокъ, и царь представляется все еще единственнымъ повелителемъ, высшимъ, окончательнымъ, безапелляціоннымъ судьей. Онъ не былъ связанъ относительно объема своей власти, но по крайней мѣрѣ слушался голоса благородныхъ, которые въ позднѣйшій періодъ ограничатъ и уничтожатъ его власть. Что касается массы народа, то о ней нѣтъ и рѣчи, она не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на порядокъ вещей, предоставляетъ царямъ ссориться и не препятствуетъ женихамъ Пенелопы буйно пиршествовать во дворцѣ отсутствующаго царя Итаки, Одисея, и вести себя грубо и неприлично. Только въ Терситѣ проглядываютъ первые признаки нахальства и дерзости демагога, — типъ котораго такъ рельефно впоследствии развился у грековъ. Но у Терсита нѣтъ приверженцевъ, нѣтъ черни, которая спасла-бы его или хотя бы попыталась спасти отъ немедленной позорной кары. Самъ поэтъ служить представителемъ общественнаго мнѣнія — онъ не стоитъ еще на сторонѣ этихъ предчувствій и провозвѣстниковъ новой эпохи. Онъ держится старины: онъ сторонникъ царя съ неограниченною властью, царя, какъ произведенія божественнаго міропорядка, царя, на верховныя рѣшенія котораго не существуетъ апелляціи.

Итака.

Видъ Аѳинъ съ мѣловыхъ скалъ Пирея.

II.

Эпоха образованія государствъ (до Персидскихъ войнъ).

О ВТОРОЙ періодъ, съ конца дорійскаго движенія до начала Персидскихъ войнъ, т. е. 500 года до Р. Х., мы должны прослѣдить историческое развитіе Греціи въ трехъ главныхъ направленіяхъ. Во-первыхъ, со стороны возрастанія могущества Спарты и Аѳинъ до времени ихъ соперничества изъ-за первенства въ роли и вліяніи или, какъ выражались греки, за гегемонію (предводительство) въ общемъ ряду государствъ Эллады. Во-вторыхъ нужно прослѣдить переходъ государственнаго строя отъ монархическихъ формъ къ демократическимъ. Этотъ періодъ представляетъ высшій культурно-историческій интересъ. Въ-третьихъ, наконецъ, нужно обратить вниманіе на разлитіе эллинизма чрезъ посредство колоній на всю восточную половину Средиземнаго моря.

Много прошло времени прежде, чѣмъ новые властители, дорійцы и Гераклиды, прочно утвердились на Пелопонесѣ. Цѣлыя столѣтія протекли въ борьбѣ лишь для того, чтобы слить старыхъ и новыхъ обитателей въ одинъ общій государственный строй. Изъ молодыхъ и старыхъ государствъ выступили теперь на первый планъ: Лаконика, Арголида и Мессенія; первая наиболѣе доризированная, послѣдняя—наименѣе. Одно

время казалось, что Аргось, новая столица, замѣнившая Микены, достигнетъ того преобладанія, которое нѣкогда было въ рукахъ Агамемнона, но онъ скоро долженъ былъ уступить энергической силѣ и послѣдовательной политикѣ Спарты, которая сдѣлалась руководительницею и главою доризма и въ немъ воплотила рѣзко выраженный политическій и культурно-историческій принципъ.

Нигдѣ, можетъ быть, обстоятельства такъ мало не благопріятствовали установленію прочнаго порядка, какъ въ Лаконіи. Къ враждѣ между новыми и старыми обитателями присоединился вредъ управления страной одновременно двумя царями, изъ двухъ отдѣльныхъ семействъ. Въ самый критическій моментъ явился спаситель въ лицѣ Ликурга (884 г. до Р. Х.), которому удалось своимъ законодательствомъ помирить враж-

Гимнастическія упражненія спартанскихъ юношей въ гимназіумахъ.
(Дворъ для борьбы, метанія диска, тяжестей и т. п.).

дующихъ и установить законный порядокъ въ такой степени, что онъ навсегда упрочилъ будущность Спарты и ея историческое призваніе.

Послѣ долговременныхъ путешествій по другимъ государствамъ, Ликургъ нашелъ на островѣ Критѣ первоначальный подходящій образецъ для своихъ государственныхъ установленій. И на этотъ островъ попали дорійцы; но они были въ численномъ отношеніи слишкомъ слабы, чтобы стать во главѣ, и слишкомъ сильны, чтобы быть вытѣсненными; они вошли въ существовавшій тамъ государственный строй какъ отдѣльное военное сословіе, постоянно и наслѣдственно исполнявшее обязанность солдатъ, защитниковъ страны отъ внутренней и внѣшней опасности. Для своихъ дорійцевъ или спартанцевъ, какъ они уже съ тѣхъ поръ называются, Ликургъ исходилъ изъ той-же точки зрѣнія. Пришли они какъ воины и должны навсегда остаться таковыми, не отвлекаясь отъ своего при-

Олимпійскія игры.

званія никакимъ трудомъ, никакими посторонними занятіями. Чтобы сдѣлать ихъ независимыми, онъ раздѣлилъ между ними роскошную плодородную долину рѣки Еврота, раздавъ 9,000 участковъ такому-же числу спартанцевъ. Спартанцы должны были жить только доходами со своей земли, не обрабатывая ее сами. Обработка возложена была на осѣдлыхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ „илотовъ“. Остальную землю, по преимуществу нагорную, въ количествѣ 36,000 участковъ, получили прежніе обитатели страны, названные „періойками“ (περιοικοι — окрестные жители). Они получили свои земельные участки какъ вполнѣ свободные люди, занимавшіеся земледѣліемъ, торговлею, ремеслами, мореплаваніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они были обязаны и военною службою.

Рынокъ въ Спартѣ.

На заднемъ планѣ — укрѣпленный замокъ. Спереди — статуя Гермеса-Агорея съ сыномъ Бахуса на рукахъ; позади статуя народа Спарты и храмъ Парка, въ которомъ находились останки Ореста; немного позади, влѣво, храмъ созерцателей. Направо зданіе, сооруженное въ память Персидскихъ войнъ.

Однако-же управленіе страной было всецѣло сосредоточено въ рукахъ спартанцевъ. Ликургъ удержалъ власть обоихъ царей, но, кромѣ предводительства на войнѣ, имъ предоставлялся только одинъ почетъ, безъ власти. Рѣшающій голосъ отдалъ онъ въ руки народного собранія, въ которомъ, однако, не произносилось рѣчей, не подымалось споровъ, какъ это сдѣлалось уже обычаемъ въ получившихъ тогда цвѣтущее развитіе греческихъ колоніяхъ, — а всѣ вопросы рѣшались короткимъ отвѣтомъ — „да“ или „нѣтъ“. Въ царямъ Ликургъ приставилъ совѣтъ „тридцати геронтовъ“, выбравшихся изъ старѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ. Общее наблюденіе онъ предоставилъ шести эфортамъ или, лучше сказать, оставилъ его за ними, такъ какъ должность эфоровъ существовала уже и прежде въ видѣ надзора за рынкомъ. Получивъ постепенно значеніе на-

блюдателей и охранителей государственнаго управленія, учрежденіе эфоровъ присвоило себѣ рѣшающій голосъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Эфоры удерживали всѣ отдѣльныя отрасли государственной власти въ опредѣленныхъ закономъ границахъ и были руководителями царей. Вотъ причина, почему царское достоинство въ Спартѣ еще сохранялось въ то время, когда оно во всей остальной Греціи уже исчезло.

Сдѣлавъ спартанцевъ вполнѣ независимыми и свободными для государственной и военной службы раздѣленіемъ между ними земельныхъ участковъ, Ликургъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, позаботился создать изъ нихъ совершеннѣйшихъ воиновъ. Съ этою цѣлью онъ передалъ воспитаніе юношества въ полное распоряженіе государства. Правительственная власть давала дѣтямъ и юношамъ воспитаніе совмѣстное, безъ градацій и степеней, суровое, неумолимо-строгое. Государству нужны были воины, которые могли бы переносить

Коринѣскій заливъ.

Назѣво высокая гора — Акронкоринѣъ, у подошвы которой, по ту сторону, былъ расположенъ древній Коринѣъ. Направо — берегъ Пелопонеса.

силь лишенія, искусные во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ; воины, сверхъ того, съ развитою находчивостью, хитростью и изворотливостью; нужны были воины, которые бы безпрекословно повиновались, но умѣли бы вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣвать и предводительствовать. Въ чемъ упражнялись юноши, то продолжали и мужчины зрѣлаго возраста въ своей совмѣстной жизни.

Правда, что, такимъ образомъ, у спартанцевъ семейная жизнь и домашній очагъ были отодвинуты на задній планъ, всѣ заботы сосредоточены на государствѣ, все ученіе и воспитаніе обусловливалось военными потребностями. Какъ естественное послѣдствіе этого, должна была развиться страсть къ подвигамъ, къ войнѣ и завоеваніямъ, опредѣлившая весь дальнѣйшій ходъ исторіи Спарты. Спарта стремилась расширить свои границы, выйти изъ предѣловъ Лаконіи. Сосѣдняя съ нею страна, Мессенія, первая сдѣ-

лалась жертвою воспрянувшего духа Спарты. Двѣ продолжительныя войны, въ которыхъ всѣмъ счастію нерѣдко колебались, — Спарта была близка къ отчаянію, но войны эти кончились гибелью Мессеніи. Подобная же попытка, направленная противъ Аркадіи, была менѣе успѣшна: мужественный городъ Течей былъ только вынужденъ обязаться вѣчнымъ военнымъ союзомъ со Спартою.

Завоеванія остановились, но вліяніе Спарты распространялось. Изъ-за святилища Зевса въ Олимпіи, находившагося тамъ, гдѣ воды рѣки Алфея вступаютъ изъ горъ Аркадіи въ равнину, изъ-за права покровительства олимпійскимъ играмъ и руководительства ими поспорили два города — Элида и Писа. Первый призвалъ на помощь спартацевъ, второй — аргосцевъ. Писа была побѣждена, разрушена и стерта съ лица земли. Элида получила право руководительства играми, но Спарта сдѣлалась ихъ верховной покровительницею и стала тѣмъ самымъ во главѣ союза Амфиктіоновъ, средоточіемъ котораго было святилище Зевса и связанныя съ нимъ Олимпійскія игры. Такимъ образомъ Спарта сдѣлалась первенствующимъ и руководящимъ государствомъ Пелопонеса. Впослѣдствіи, когда ей удалось освободить остальные города и государства Пелопонеса отъ выходцевъ, захватившихъ власть въ свои руки, или такъ называемыхъ тирановъ, вліяніе и значеніе Спарты возросло до гегемоніи. Тѣмъ временемъ, пока въ Спартѣ укрѣплялся строй, созданный Ликургомъ, другія государства прошли черезъ рядъ политическихъ переворотовъ, ходъ которыхъ, въ главныхъ чертахъ, у всѣхъ былъ одинаковъ.

Впереди шли іонійскія колоніи въ Малой Азіи, съ Милетомъ во главѣ. Подвижной темпераментъ іонійцевъ, быстрое увеличеніе ихъ благосостоянія, возможность, въ тѣсныхъ предѣлахъ самаго города, самимъ сообща справляться со всѣми общественными дѣлами, все это дѣлало царскую власть излишнею. Она была уничтожена. Мѣсто царя у кормила власти не тотчасъ, однако, было занято совокупностью всѣхъ гражданъ, а сначала одними богатыми и знатными родами. Монархія преобразовалась сначала въ аристократію, а тамъ, гдѣ правящихъ родовъ было немного, установилась олигархія — правленіе немногихъ.

Но чѣмъ больше богатства и значенія пріобрѣтала масса населенія, занимавшаяся промышленностью и ремеслами, вслѣдствіе развитія торговли и производительной силы, тѣмъ больше росли ея могущество и вліяніе и тѣмъ настойчивѣе добивалась она участія въ управленіи и самостоятельности. Изъ народа, „демоса“, выросъ сильный противникъ правящимъ родамъ. Но время его роли, вліянія, величія еще не пришло. Демосъ, еще слабый, не имѣвшій опоры, невозмужалый, подчинялся руководству отважныхъ и хитрыхъ вождей, преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли. Подъ покровомъ народнаго расположенія, подъ защитою тѣлохранителей, стремились они захватить власть въ свои руки, и это удавалось имъ вездѣ, гдѣ не создано было прочнаго порядка, подобнаго спартанскому. Такъ возникла въ седьмомъ и шестомъ столѣтіяхъ во всей Греціи эпоха Тирановъ.

Тираны обыкновенно достигали власти насиліемъ и однимъ насиліемъ могли сохранить эту власть, засѣвъ въ крѣпкихъ цитаделяхъ или, по тогдашнему выраженію, акрополяхъ, и окруживъ себя толпами наемниковъ. Тираны отличались всевозможными жестокостями и позорными пріемами управленія, и послѣдствія этого не замедлили выразиться въ народномъ раболѣпії, упадкѣ нравственности и преобладаніи своекорыстныхъ расчетовъ надъ любовью къ отечеству. Это было неизбѣжною необходимостью. Однако, съ другой стороны, тираны содѣйствовали, хотя часто ненамѣренно, и возвышенію и достиженію зрѣлости народа. Какъ люди отважные и рѣшительные, тираны, конечно, направляли народныя стремленія на внѣшнія дѣла и великими предпріятіями расширяли его политическій кругозоръ. Они предавались роскоши какъ ради собственнаго удовольствія, такъ и ради того, чтобы занять мысли и руки массы; они поощряли промышленность и искусства и привлекали къ своимъ дворамъ всѣхъ, чье имя было извѣстно въ области

поэзии и науки. Они одаряли храмы боговъ драгоценными произведеніями искусства, воздвигали много громадныхъ построекъ, храмовъ, дворцовъ и замковъ (акрополей) и принимали общепользныя сооруженія, каковы: гавани, каналы, водопроводы. Въ политическомъ отношеніи, тираны также трудились для будущаго. Отстранивъ аристократію, унизивъ и подвергнувъ изгнанію древніе знатные роды, они обыкновенно, хотя и безсознательно, полагали основаніе равенству и, незамѣтно для себя, сослужили службу демократіи, созрѣвавшей подъ ихъ владычествомъ. Такимъ образомъ время тирановъ было необходимымъ переходомъ какъ въ политическомъ, такъ и въ культурно-историческомъ отношеніяхъ. Преобладаніе демоса возникло само собою изъ паденія тирановъ; отъ нихъ-же ведетъ свое начало пышный расцвѣтъ литературы и искусства въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ.

Греческіе воины.

Самыми выдающимися и могущественными тиранами были: Клизеенъ Ортагоридъ въ Сикіонѣ, Кипселъ и Періандръ въ Коринѣ, Поликратъ на островѣ Самосѣ и Пизистратъ въ Аѣинахъ. Всѣ тираны управляли захваченными ими государствами (политіями) съ несомнѣннымъ искусствомъ, а нѣкоторые изъ нихъ были люди положительно мудрые, проникнутые лучшими намѣреніями. Періандръ считается даже въ числѣ „семи греческихъ мудрецовъ“. Но сыновья или преемники тирановъ обыкновенно не были похожи на нихъ и не могли удержать положенія, которое наслѣдовали. Они погибали въ короткое время, частью, отъ заговоровъ внутри страны, частью, стараніями Спарты, всегда являвшейся грознымъ врагомъ тирановъ. И этотъ образъ дѣйствій Спарты по отношенію къ тиранамъ объясняется вотъ чѣмъ. Спарта, какъ государство благоустроенное, поддерживавшее у себя строгій порядокъ и консервативныя учрежденія, должна была смотрѣть на безпокойную обстановку и шаткое положеніе правленія тирановъ, какъ на постоянную опасность для себя. Въ стремленіи къ расширенію своего вліянія Спарта

безпрерывно натакивались на могущество этих правителей, тѣсно сплотившихся между собою и противопоставлявшихъ союзъ союзу. Со стороны тирановъ даже народности и національной свободѣ какого-либо государства угрожала величайшая опасность, такъ какъ тираны, ища повсюду опоры и поддержки, обыкновенно завязывали сношенія съ чужеземными властителями и странами, съ Египтомъ, Лидіею и Персіею, и, въ этихъ видахъ, возбуждали варваровъ противъ Греціи. Поэтому Спарта, предпринимая энергическую борьбу противъ тирановъ, дѣйствовала не только въ своихъ собственныхъ интересахъ, но и на пользу всего эллинскаго племени. Изгнавъ тирановъ, Спарта освободила и спасла Грецію. Этою борьбою спартанцы стяжали себѣ громкую славу, приобрѣли высокое значеніе и распространили свое вліяніе далеко за предѣлы Пелопонеса. Послѣ этого, однако, спартанцы пришли въ столкновеніе съ окрѣпшимъ, тѣмъ временемъ, могуществомъ Аѳинъ, имѣвшихъ собственное, почти совершенно отдѣльное историческое развитіе.

Видъ Аѳинъ въ настоящее время.
(Надѣво городъ, правѣ Акрополь съ развалинами Парѳенона и театра: дальше холмъ Арѣя—Ареопагъ).

Волна переселенія Гераклидовъ почти вовсе не коснулась Аттики, лежащей на выступѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ моремъ и отдѣленномъ горами отъ остальной Эллады. Въ ней не произошло, по крайней мѣрѣ, тѣхъ переворотовъ, которые потрясли мирный бытъ другихъ государствъ. Въ нее, однако, потянулось со всѣхъ сторонъ множество мессенцевъ, іонійцевъ, эолійцевъ, ахейцевъ, эгинцевъ, большею частью, богатые и знатные роды, которые были приняты въ страну полноправными гражданами и привили населенію Аттики подвижной и воспріимчивый темпераментъ, свойственный смѣшаннымъ племенамъ. Одинъ изъ этихъ родовъ, Нелеиды или Несториды изъ Пилоса, достигъ даже царскаго достоинства въ Аѳинахъ, послѣ прекращенія полумифическаго туземнаго рода Эрехтидовъ. Но Нелеиды не долго назывались царями, хотя и не утратили своего значенія. Послѣ Нелеида-Кодра, пожертвовавшаго своею жизнью за отечество, никто болѣе не считался достойнымъ носить имя царя. Потомкамъ Кодра оставили ихъ наследственный санъ, но у нихъ отняли имя βασιλεύς — „царь“, назвавъ архонтомъ, т. е. властителемъ. Такихъ пожизненныхъ наследственныхъ архонтовъ насчитываютъ тринадцать. Впослѣдствіи, какъ дальнѣйшая ступень къ отмѣнѣ царской власти, была уничтожена наследственность и

пожизненность архонта и его стали выбирать на десять лѣтъ, хотя все еще изъ потомковъ Кодра. Наконецъ—и это третья ступень—къ званію архонта получили доступъ другіе знатные роды; стали уже выбирать девять архонтовъ на одинъ годъ. Между ними распредѣлились сопряженные съ этою властью обязанности. Такимъ образомъ положенъ конецъ царской власти; ея мѣсто заступили аристократія совершенно такъ же, какъ въ остальной Греціи, только съ болѣею постепенностью. Дальнѣйшее развитіе государственнаго строя шло одинаковымъ путемъ. Аристократы злоупотребляли властью; притѣсненіе народа выдвинуло впередъ неизбежно связанную съ этимъ явленіемъ тиранію, а за тираніей явилась демократія.

Населеніе Аттики раздѣлялось на три сословія: эвпатридовъ, геоморовъ и демиурговъ, т. е. на благородныхъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Эвпатриды, владѣя лучшею землею, вели торговлю на собственныхъ корабляхъ, пріобрѣтали богатство, силу и значеніе. Два другихъ сословія, поселенныя на тощей, каменистой и гористой землѣ или работая на участкахъ другихъ, все болѣе и болѣе входили въ долги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ зависимость отъ эвпатридовъ. Послѣдніе до крайности злоупотребляли своимъ выгоднымъ положеніемъ. Достигнувъ законной власти послѣ паденія царей, они пользовались правами власти для себя, въ своихъ личныхъ интересахъ. Насилія и притѣсненія породили духъ сопротивленія въ массѣ низшихъ классовъ, силы которой постепенно развивались. Ни писанный законъ, ни постановленія Дракона, долженствовавшіе оградить массу населенія отъ произвола, не могли препятствовать пробужденію самосознанія. Отдѣльные честолюбцы изъ класса эвпатридовъ вздумали воспользоваться этимъ настроеніемъ. Молодой Килонъ, при помощи своего зятя, мегарскаго тирана Теагена, попытался водворить въ Аѣинахъ тиранію. Попытка неудалась: эвпатриды, предводительствоваемые Алкмеонидами, самымъ богатымъ и знатнымъ изъ своихъ родовъ, восторжествовали. Но вкоренившійся уже духъ сопротивленія не утихъ, борьба сословій не прекратилась, смятеніе и опасности все болѣе и болѣе возрастали.

Тогда явился въ Аѣинахъ человѣкъ, подобно Ликургу въ Спартѣ, выполнившій трудную задачу преобразованія строя общества: онъ слилъ борящіеся элементы въ общую организацію, опредѣлилъ права и обязанности каждаго сословія и указалъ путь дальнѣйшаго развитія. То былъ Солонъ, богатый и знатный эвпатридъ, много путешествовавшій и много видѣвшій, стоявшій выше предразсудковъ разныхъ партій своей родины,—человѣкъ, котораго народъ причислилъ къ семи своимъ мудрецамъ и, можетъ быть, съ большимъ правомъ, чѣмъ кого-либо другого.

Легко было видѣть болѣзнь мѣста Аѣинъ, но нелегко было найти цѣлебное средство, которое могло бы удовлетворить всѣхъ. Старыя права и существующія отношенія къ власти должны были быть приняты въ соображеніе; къ преимуществамъ происхожденія и праву собственности нельзя было не отнестись съ осторожностью, со вниманіемъ, снисходительно. Поэтому-то Солонъ, хотя и опирался на довѣріе согражданъ, не могъ помышлять о такмъ идеальномъ, безусловно лучшемъ устройствѣ общества, какое впоследствии вырабатывали философы. Онъ могъ думать только о такомъ, которое было бы возможно и которое открывало бы пути для усовершенствованія въ будущемъ. Управление и власть были въ рукахъ эвпатридовъ; отнять это отъ нихъ онъ не могъ, но долженъ былъ доставить прочимъ гражданамъ хотя бы участіе, хотя бы право доступа къ тому и другому. Онъ рѣшилъ задачу, распредѣливъ права и обязанности сообразно доходамъ съ недвижимой собственности.

Солонъ раздѣлилъ всѣхъ гражданъ на четыре класса; только три первые изъ нихъ платили подати. Размѣромъ послѣднихъ опредѣлялись степень участія въ управленіи государствомъ и вытекавшая изъ этого степень права. Эти три класса поставляли изъ своей среды военную силу для защиты отечества; только изъ перваго класса могли быть

выбиремы архонты. Такъ какъ въ это время только эвпатриды владѣли крупною собственностью, то за ними остались пока высшія права на управленіе. Четвертый классъ не допускался до почетныхъ должностей, но имѣлъ право голоса въ народномъ собраніи, вѣдѣнію котораго подлежало обсужденіе основныхъ законовъ, вопросъ о мирѣ и войнѣ и выборъ изъ своей среды присяжныхъ судей. Приданіемъ такого значенія народному собранію былъ положенъ краеугольный камень будущему зданію афинской демократіи. Но Солону предстояло оказать еще болѣе существенную помощь низшему классу, такъ какъ это былъ классъ крайне обѣднѣвшій, состоявшій, вслѣдствіе своихъ долговъ, въ полнѣйшей зависимости отъ богатыхъ. Онъ отмѣнилъ личное задержаніе за долги ■ кабалу и облегчилъ тяжесть самыхъ долговъ, введя новую монетную систему и постановивъ, что уплата долговъ должна быть производима по расчету на новую, облегчающую бѣдный, задолжавшій людъ монету. Сто новыхъ драхмъ, введенныхъ Солономъ, равнялись семидесяти тремъ старымъ; должники, расплачиваясь со своими кредиторами новою монетою, выгадывали 27 процентовъ *).

Хорошо понимая, что его учрежденія поведутъ впослѣдствіи къ полному уравниенію правъ гражданъ, Солонъ хотѣлъ оградить государство отъ опасности сильныхъ внутреннихъ переворотовъ. Онъ придавъ государственному устройству консервативный противовѣсъ, создавъ верховное наблюдательное учрежденіе, члены котораго состояли только изъ лицъ, уже прежде безукоризненно отправлявшихъ высшія государственныя или архонтовъ должности. Это учрежденіе должно было представлять оппозицію всѣмъ скороспѣлымъ нововведеніямъ, наблюдать за нравами и обычаями страны и охранять ихъ. То былъ знаменитый ареопагъ, названный такъ по мѣсту своихъ собраній на холмѣ Арее, лежавшемъ насупротивъ Акрополя **).

Солонъ издалъ, кромѣ того, много постановленій, имѣвшихъ цѣлью способствовать приведенію въ дѣйствіе новыхъ учреждений, восполненію ихъ недостатковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, охраненію ихъ. Будучи архонтомъ, онъ въ 594 г. выставилъ на общественныхъ мѣстахъ писанный текстъ законовъ и тѣмъ завершилъ свое зданіе. Затѣмъ онъ взялъ съ народа клятву, что въ теченіе 10 лѣтъ его постановленія останутся неприкосновенными, не будутъ отмѣнены. Онъ хотѣлъ, чтобы въ это время его законы были подвергнуты испытанію и привились къ жизни.

Законы Солона были приняты, вошли въ дѣйствіе и послужили основаніемъ для дальнѣйшаго развитія законодательства въ Аѣнахъ. Но они не могли устранить борьбу партій, не могли сдерживать честолюбіе могущественныхъ фамилій и ихъ главъ, которые, какъ и въ другихъ городахъ и странахъ Греціи, стремились къ власти, къ тираніи. Аѣины постигла такая же участь, не смотря на предостереженія и старанія Солона. Послѣ многихъ колебаній счастья, два раза достигая власти и два раза изгоняемый, утвердилъ, наконецъ, свое владычество въ Аѣнахъ Пизистратъ.

Пизистратъ былъ идеаломъ тирана, соединявшаго лучшія качества. Онъ былъ рожденъ, чтобы повелѣвать: своими военными предпріятіями онъ поднялъ родной городъ на

*) Солонъ учредилъ такъ называемую сейсахтію (*σεισαχτήρια*), что обыкновенно переводятъ на новѣйшіе европейскіе языки выраженіемъ: „сложеніе тягости“, и это сложеніе тягости происходило отъ пониженія денежной единицы, безъ измѣненія, однако, суммы долговыхъ обязательствъ. Солонъ велѣлъ выбрать изъ обращенія всю звонкую монету, перечекавить ее на новую въ ту же нарицательную цѣнность, но низшаго дѣйствительнаго достоинства. Мѣра Солона, очевидно, очень крута и, на примѣръ, при нынѣшнихъ нашихъ экономическихъ порядкахъ, не помогла бы дѣлу ни мало, не облегчила бы бѣдный податной классъ, а, напротивъ, еще увеличила бы экономическій кризисъ. Мѣра Солона—это мѣра пресловутой принудительной цѣнности, которую, въ разное время, безуспѣшно испробовали европейскія государства.

**) Отъ словъ *Ἀρεῶς* (род. надежъ отъ *Ἄρης*—богъ войны) и *πάγος* скала. Почему скалистый холмъ, лежавшій противъ аѣинскаго Акрополя, названъ Ареевымъ, совершенно неизвѣстно. Но съ незапамятныхъ временъ на Ареевомъ холмѣ находилось судилище, которое вѣдало дѣла о смертоубійствахъ, ■ именно: объ умышенномъ убійствѣ, о поджогахъ, объ отравленіи. Но со времени Солона Ареопагу былъ присвоенъ надзоръ за правами гражданъ. Онъ получилъ значеніе высшаго полицейскаго учрежденія въ Аѣнахъ.

высоту, до которой тотъ еще никогда не достигалъ. Онъ былъ рожденъ, чтобы быть царемъ: онъ окружалъ себя блескомъ и роскошью, покровительствовалъ искусствамъ, привлекалъ къ своему двору поэтовъ, мудрецовъ и ученыхъ и привязывалъ ихъ къ себѣ, давая имъ занятія и щедро награждая. Онъ учредилъ, при содѣйствіи ученыхъ, бібліотеку и первую, какъ бы добровольную академию для ученыхъ. Онъ велѣлъ собрать пѣсни Гомера и выпустить въ свѣтъ, такъ сказать, критическое изданіе ихъ. Возникши въ началѣ этого культурнаго періода изъ народныхъ сказаній, пѣсни Гомера сдѣлались въ концѣ его предметомъ научной разработки и вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ достояніемъ всего эллинскаго міра, что указывало на приближеніе времени процвѣтанія въ Греціи литературы.

Пизистратъ управлялъ Аѣинами кротко и справедливо. Онъ уважалъ законы и не нарушалъ постановленій Солона, насколько онѣ мирились съ его властью. Сынъ и наследникъ его Гиппій не пошелъ по стопамъ отца. Послѣ того какъ его братъ Гиппархъ на панаѣинейскомъ праздникѣ палъ отъ рукъ убійцъ Гармодія и Аристогейтона, древній тиранъ сдѣлался тираномъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Этимъ онъ ускорилъ свое паденіе. Онъ долженъ былъ вскорѣ удалиться, вытѣсненный своими противниками и ихъ союзниками — спартанцами.

Но Аѣины, освободившись отъ тирана, не избавились отъ борьбы партій. Эвпатриды, возвратившіеся при помощи спартанцевъ, стали стремиться къ восстановленію стараго порядка и къ уничтоженію постановленій Солона. Народная партія настолько, однако, уже окрѣпла въ правленіе Пизистрата, что ей недоставало только вождя, который повелъ бы ее къ побѣдѣ. Она нашла его въ Алкмеонидѣ Клизеенѣ, который сталъ во главѣ ея, руководимый честолюбіемъ и жаждою власти. Онъ сломилъ сомкнутую силу властвующаго класса, введя измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Не обращая вниманія на сложившіяся временемъ отношенія, онъ заново раздѣлилъ страну и народъ на десять колѣнъ или филъ, представлявшихъ административные и податные округа. Сверхъ того, Клизеенъ принялъ въ разрядъ полноправныхъ гражданъ много вновь поселившихся ремесленниковъ и промышленниковъ, которые до сихъ поръ были только терпимы, чѣмъ усилилъ демократическій элементъ. Наконецъ, Клизеенъ провелъ еще одну мѣру крайне демократическаго характера, основанную на принципѣ равенства: высшіе сановники должны были выбираться по жребію, хотя, правда, изъ числа немногихъ, имѣвшихъ право занимать эти должности.

Самому Клизеену не удалось воспользоваться плодами своихъ усилій: но столь же мало достигъ цѣли противникъ его Исагоръ, предводитель аристократической партіи. Эта послѣдняя, возвратившись въ родной городъ и захвативъ въ руки прежнюю власть, при помощи воинственнаго спартанскаго царя Клеомена, вызвала своими насиліями народное возстаніе, отъ котораго сами Исагоръ и Клеоменъ едва спаслись. Клеоменъ, предвидѣвшій въ Аѣинахъ будущаго соперника Спарты, привлекъ къ борьбѣ съ ними союзъ пелопонесскихъ государствъ и віотійцевъ и призывалъ даже Гиппія. Но его усилія оказались тщетными. Пелопонесцы отказались отъ похода: они не хотѣли слѣдовать примѣру спартанцевъ, которые, пріобрѣтая свою славу и значеніе борьбою противъ тирановъ, воевали теперь уже съ цѣлью навязать тирана Аѣинамъ. Віотійцы были наголову разбиты аѣинянами; въ тотъ же день аѣиняне одержали побѣду надъ халкидцами на островѣ Эвбеѣ и обратили ихъ городъ Халкиду, бывшій основателемъ многихъ колоній, въ аѣинскій.

Такимъ образомъ Аѣины побѣдоносно вышли изъ борьбы и смятеній; законы Солона утвердились, а съ ними демократія. Ей принадлежало будущее. Спарта и Аѣины, враждебно столкнувшись при описанныхъ событіяхъ, сдѣлались съ этихъ поръ соперниками изъ-за гегемоніи. Ихъ борьба неминуемо должна была возобновиться, хотя общая опасность, представляемая Персидскими войнами, отдалила ее на нѣкоторое время.

Импровизаторъ

3

Поводъ къ войнѣ съ персами поданъ былъ отчасти именно вмѣшательствомъ въ борьбу изъ-за главенства въ Аѳинахъ, преимущественно же греческими колоніями и ихъ отношеніями къ могущественному сосѣду, угрожавшему имъ съ тыла.

Колоніи эти представляютъ замѣчательное явленіе не только греческой, но и всемірной исторіи. Метрополія, охваченная первоначально волновавшими ее передвиженіями племенъ, достигши потомъ высокой степени процвѣтанія, шлетъ избытокъ своего населенія на дальніе берега, чтобы основать тамъ новые города. Эти послѣдніе, расцвѣтая быстрѣе метрополіи, поступаютъ въ свою очередь также. Такимъ путемъ эллинизмъ, греческій языкъ, греческіе нравы и учрежденія переносятся на всѣ берега, куда только манятъ плодородіе почвы, хорошія гавани, торговля и заработокъ, купля и продажа. По всѣмъ берегамъ Чернаго моря и въ самую глубь Азовскаго распространяются колоніи. Греческая промышленность процвѣтаетъ въ странѣ скивовъ. Берегъ Фракіи покрывается множествомъ греческихъ городовъ. Колоніи тянутся по восточной сторонѣ Средиземнаго моря до устьевъ Нила и создаютъ Новую Грецію на ливійскомъ берегу, въ Киренаикѣ. Адриатическое море всюду омываетъ греческія поселенія, южная Италія становится Великою Греціею. Греческая культура распространяется даже въ Галліи изъ города Массиліи, основаннаго фокидцами; болѣе чѣмъ половина Сициліи на восточной сторонѣ становится греческою; только западная половина острова остается въ рукахъ соперниковъ грековъ—финикіянъ или карфагенянъ, которые вообще стремятся къ преобладанію въ западной части Средиземнаго моря. На всемъ же востокѣ широкій поясъ цвѣтущихъ городовъ окружаетъ метрополію по ту сторону моря. Этотъ поясъ является какъ бы оплотомъ противъ варваровъ, привлекаемыхъ сюда богатствомъ и роскошными условіями жизни этихъ колоній. Варварскія полчища слятся прорваться черезъ него. Еще лидійскій царь Крезъ не безъ успѣха сдѣлалъ подобную попытку; тѣмъ менѣе могли удержаться отъ этого могущественные побѣдители многихъ азіатскихъ народовъ—персы.

Парѳенонъ во время Перикла.

III.

Эпоха демократіи и борьба за гегемонію.

Е ХОТѢЛЪ повелитель персовъ забыть, что еще не исполнилъ клятву, не отомстилъ маленькому народу, дерзнувшему оказать помощь его врагамъ, и не наказалъ его: „Царь, помни аѳинянъ“!—вотъ слова, которыя онъ велѣлъ ежедневно повторять передъ собою. И онъ дѣйствительно вспомнилъ объ аѳинянахъ!

Подавленіемъ іонійскаго возстанія разрушена была стѣна, отдѣлявшая Грецію отъ громаднаго Персидскаго царства. Ни море, ни земля не представляли уже препятствій. Варвары могли свободно ринуться на тѣхъ, трудами которыхъ была создана и распространялась цивилизація. Азія могла двинуться на Европу и однимъ, можетъ быть, ударомъ уничтожить жизнь, которая къ этому именно вре-

Мѣсто Мараѳонской битвы.

Мараѳонскій воинъ.
(Могила Аристіона въ Аѳинахъ).

мени развилась въ полномъ блескѣ, служила свѣтильникомъ земли и залогомъ благодѣяній будущаго. И они не замедлили явиться.

Въ царствованіе Дарія, Персія представляла объединенное государство, обладавшее громадною силою. Воля одного, воля желѣзная, правила имъ. Могла-ли ему противостать маленькая, разрозненная, занятая междоусобіями Греція? Войско и флотъ умѣренной численности казались достаточными, чтобы раздавить всѣ государства на маленькой территоріи. Первый ударъ (въ 490 г. до Р. Х.) былъ прямо направленъ на Аѳины. Но на равнинѣ Мараѳонской воодушевленіе гражданъ, предводительствуемыхъ рѣшительнымъ и опытнымъ Мильтіадомъ, отбросило въ десять разъ большую силу персовъ къ морю и заставило искать спасенія на корабляхъ. Отечество и цивилизація были на этотъ разъ спасены.

Но опасность все-таки не была устранена. Внутреннія смуты Персіи были причиною, что вторичное нападеніе азіатскихъ ордъ затянулось, пока не взошелъ на престолъ новый царь, молодой и предприимчивый, гордый и заносчивый, жестокий и хвастливый, настоящій азіатскій деспотъ, какихъ исторія много видала. Это былъ Ксерксъ. Онъ собралъ народы своего обширнаго царства отъ эѳіоповъ до массагетовъ, жившихъ по ту сторону Каспійскаго моря, народы отъ Инда до Оракіи, черныхъ нубійцевъ, смуглыхъ египтянъ, горбоносыхъ ассирійцевъ, вавилонянъ, финикіянъ изъ семитическаго племени, бѣлокожихъ иранцевъ, быстрыхъ наѣзди-никовъ степи, фригійцевъ и лидійцевъ, мидянъ и персовъ и опы-ныхъ въ мореплаваніи іонійцевъ: составилось войско и флотъ,

Берегъ Эссалии съ Термопильскимъ проходомъ.

какихъ міръ дотолѣ еще не видалъ. Десять лѣтъ спустя послѣ пораженія персовъ при Марафонѣ эта страшная масса, считавшаяся милліонами, перешла черезъ непокорный Геллеспонтъ, тщетно разбившій мостъ и отрясавшій пѣли. Черезъ Фракію и Македонію двинулась эта страшная масса впередъ сухимъ путемъ. Только между Эссалиею и собственно Эллагою въ Термопильскомъ проходѣ, гдѣ хребетъ горы Эта, плотно прилегая къ морю, оставляетъ лишь узкую дорогу, какъ-бы ворота, ожидала ихъ малая горсть эллиновъ, всего только триста спартанцевъ съ царемъ Леонидомъ во главѣ, съ немногими союзниками позади. Вотъ все, что успѣла собрать безпечная Греція.

Натискъ персовъ въ этомъ пунктѣ (въ Термопильскомъ проходѣ) не имѣлъ успѣха. Ударъ за ударомъ былъ отбитъ, отрядъ „безсмертныхъ“ *) оказался весьма „смертнымъ“ и ничтожнымъ, пока, наконецъ, измѣна нѣкоего Эфіальта не привела персовъ въ тылъ спартанцевъ. Тогда всѣ спартанцы пали славною смертию, сражаясь съ безконечно-превосходными силами врага, и заслужили себѣ вѣчный памятникъ съ надписью, какъ нельзя лучше соотвѣтствующею своему предмету. „Путникъ, когда ты придеши въ Спарту, возвѣсти ей, что видѣлъ насъ здѣсь павшихъ вѣрными ея законамъ“ **).

Теперь путь былъ открытъ; персидскія полчища ринулись на Аттику. Но Аѣины были на-готовѣ. ВъThemistocle, быть можетъ величайшемъ изъ сыновъ Греціи, Аѣины имѣли человека, которому по силамъ было бороться съ самою большою опасностью. Съ умомъ и энергіею успѣлъ онъ убѣдить аѣинянъ построить флотъ, что они и исполнили съ безпримѣрною быстротою. Флотъ былъ готовъ, женщины и дѣти были отведены въ безопасное мѣсто, мужчины садятся на суда, предоставляя страну и городъ врагамъ. Храмы и жилища обратились въ пепелъ, но воины были на морѣ за „деревянными стѣнами“ своихъ кораблей. Персидскій флотъ заперъ въ узкомъ Саламинскомъ проливѣ своихъ ничтожныхъ противниковъ, чтобы уничтожить ихъ, и Ксерксъ самъ явился туда полюбоваться зрѣлищемъ пораженія грековъ. Но повелителю міра, къ чрезвычайной его

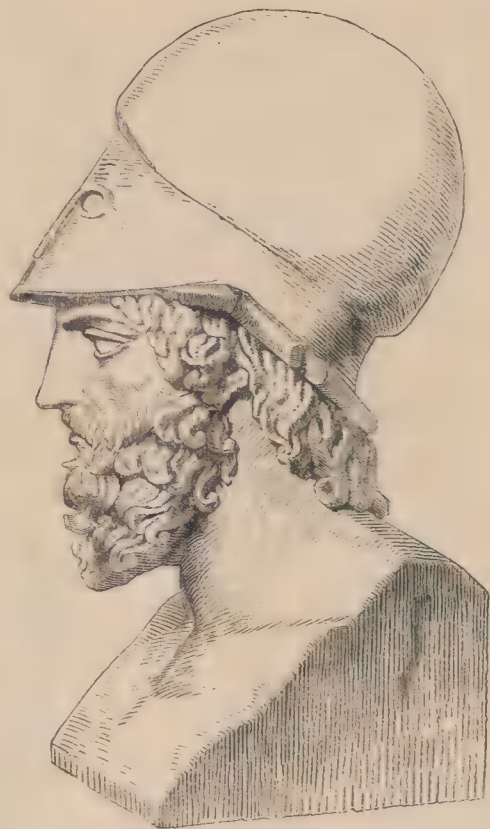
*) Часть отборнаго войска Ксеркса.

**) Вотъ подлинный текстъ надписи: „Ὁδεῖν ἀγγελλεῖν λακεδαιμονίᾳ ὅτε τῆδε χεῖμα τῶν καὶ νῦν περὶ σπάρτης“...

Мильтіадъ.

Θемистоклъ.

досадѣ, суждено было увидѣть пораженіе своего флота. Въ отчаяніи Ксерксъ поспѣшилъ оттуда, чтобы обезпечить себѣ отступленіе; съ неменьшею поспѣшностью разбитый его флотъ отошелъ къ азіатскому берегу. Но Греція не была еще окончательно спасена. Полководецъ Ксеркса, Мардоній, перезимовалъ съ войскомъ въ Θессаліи и только пораженіе, которое было ему нанесено при Платеѣ соединенными силами грековъ подъ предводительствомъ спартанскаго царя Павзанія и аѣинскаго полководца Аристиды, навсегда избавило Грецію отъ персидскаго ига и спасло цивилизацію эллиновъ отъ уничтоженія ея варварами. Саламинъ и Платея спасли цивилизацію всего человѣчества отъ

Мѣстоположеніе Мегары и острова Саламина.

гибели. Немедленно послѣдовалъ обратный толчекъ: греческій флотъ перешолъ въ наступленіе. Микале, Эвримедонтъ, Кипрскій Саламинъ обозначаютъ станціи на пути этого наступленія и столько-же памятныхъ побѣдъ Европы надъ Азіею. Великое время родило великихъ людей:Themistocles смѣнилъ Мильтіада, Кимонъ — Themistocles, чтобы вести афинянь отъ торжества къ торжеству.

Персы были отброшены; опасность со стороны Азіи была устранена, а на самый домъ Ксеркса, какъ бы въ возмездіе за его гордыню, обрушились несчастья и злодѣянія. Но едва опасность миновала, и даже еще раньше, какъ опять уже разыгрались въ странѣ пагубныя силы раздора,—непремѣннаго спутника всѣхъ движеній внутренней жизни Греціи. Если ревность Спарты пробудилась уже раньше, то она должна была вспыхнуть съ болѣею силою теперь, когда Аѣины достигли значенія, равнаго спртанскому. Хотя Аѣины добровольно уступили спартанцамъ верховное предводительство на сушѣ, но зато на морѣ обстоятельства сложились сами собою такъ, что аѣиняне стали во главѣ Греціи. Преимущественно стараніямъ Аѣинъ обязаны были острова и города, расположенные по берегу Малой Азіи, своимъ освобожденіемъ отъ персидскаго ига, и поэтому, весьма естественно, что они вступили въ морской союзъ, главою котораго сдѣлались Аѣины съ болѣе и болѣе возрастающимъ могуществомъ.

Все обошлось-бы мирно и спокойно, если бы Аѣины довольствовались гегемоніею на морѣ, а Спарта на сушѣ. Первое время казалось, что такъ и будетъ. Но одни не могли вполне отстранить себя отъ моря, другіе отъ суши, и обоюдное неудовольствіе союзниковъ привело къ столкновеніямъ еще задолго до того, какъ вспыхнула такъ называемая Пелопонесская война,—эта роковая борьба за первенство, обратившая тѣсныя рамки формальныхъ узаконеній. Самъ Аристидъ, глава консервативной партіи, внесъ, по окончаніи Персидской войны, предложеніе, чтобы всѣ классы получили равныя права въ управленіи, такъ какъ всѣ равно пострадали, всѣ оказали равныя услуги въ дѣлѣ освобожденія отечества. За это предложеніе Аристидъ и получилъ прозваніе „справедливаго“. Послѣдняя преграда пала вмѣстѣ съ Ареопагомъ. Состоя изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, стоя на стражѣ законовъ и правовъ, имѣя право остановить всякое рѣшеніе народнаго собранія, которое казалось ему опаснымъ для отечества, Ареопагъ имѣлъ назначеніе и силу ограничить демократію въ ея быстромъ движеніи, охранять государство отъ опрометчивыхъ шаговъ. Эти права были у него отняты и оставлена ему только судебная власть. Такимъ образомъ право рѣшать и вязать перешло

тившаяся въ борьбу за существованіе.

Рѣшительная борьба была тѣмъ неизбѣжнѣе, что тутъ стояли другъ противъ друга два взаимно другъ друга исключających политическихъ принципа. Основною политическою чертою Спарты было постоянство, основною чертою Аѣинъ—подвижность. Аристократическое правленіе Спарты становилось все болѣе исключительно своеобразнымъ, лишеннымъ первоначальной возвышенности, по мѣрѣ того какъ уменьшалось число чисто спартанскихъ фамилій. Твердо держались спартанцы Ликурговыхъ законовъ, не смотря на всѣ перевороты въ Элладѣ, не взирая на всѣ великія событія греческой исторіи. Въ противоположность тому, въ Аѣинахъ все склонялось на сторону демократіи. Духъ Солоновыхъ законовъ, гордо воспріянувъ, сло-

Перикль.

Бюсть, находящійся въ Луврѣ, въ Парижѣ.

въ руки всѣхъ гражданъ, взятыхъ какъ единый демось. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно духъ демократіи, поднятый Персидскими войнами, и связанное съ нимъ освобожденіе и развитіе всѣхъ силъ вызвали изумительную роскошь и великолѣпіе культуры этой эпохи и привели цивилизацію къ быстрому и блестящему расцвѣту. Великіе люди толпятся въ несравненныхъ Аѣинахъ. Государственные люди и полководцы, поэты, философы и историки, скульпторы, живописцы и зодчіе шли, такъ сказать, рука объ руку. Изумительный городъ возстаетъ изъ развалинъ послѣ сожженія персами, городъ, создавшій произведенія искусства и памятники, которые навсегда остались образцами для всѣхъ человѣческихъ поколѣній. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла возникаетъ изъ маленькой колесницы Тесписа театръ, развивается театральное искусство, является трагедія, полная смысла, возвышенная по своему направленію, потрясающая по своей силѣ, классически выработанная, возбуждающая до сихъ поръ не меньше удивленія, чѣмъ прежде.

Сиракузы.

Хотя Аѣины. Греція, весь міръ, можно сказать, обязаны этими твореніями демократическому строю государственной жизни. хотя демократія подняла патріотизмъ до высоты гордаго чувства, но, съ другой стороны, не замедлили обнаружиться и дурныя послѣдствія безграничной свободы. Люди, создавшіе величіе своей родины, Мильтіадъ,Themistocles, Кимонъ, первые извѣдали непостоянство народнаго духа, неблагодарность народа, скоро забывающаго заслуги: они заплатились за величіе свое и своей родины осужденіемъ, смертію или изгнаніемъ. Участіе въ дѣлахъ государственныхъ подняло массу, познакомило ее съ правомъ, законами и управленіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвлекло ее отъ послѣдовательнаго труда, особенно съ тѣхъ поръ, какъ за это участіе, за исполненіе судейскихъ обязанностей и даже за посѣщеніе театра стали выдавать вознагражденіе. Толпа, которую всегда легко увлечь, вскорѣ сдѣлалась игрушкою въ ру-

кахъ народныхъ ораторовъ, льстившихъ ея наклонностямъ, потворствовавшихъ ея страстямъ и заботившихся, будто бы, о ея пользѣ.

Современемъ неизбежно должны были всплыть на поверхность и приобрести силу дурные элементы: шумливые и тщеславные крикуны и хвастуны, лукавые софисты, продажные сикофанты; нравы и обычаи, право и законы должны были придти въ упадокъ; вѣра и невѣріе съ суевѣріемъ, свободомысліе и религіозная нетерпимость, преданность и неблагодарность, великодушіе и жестокость были одновременно и въ одинаковой степени послѣдствіемъ демократическаго строя.

Пока Аѣины слѣдовали указаніямъ своихъ великихъ мужей, пока они слушались своего Перикла, который, однако, тоже не избѣгъ неблагодарности, до тѣхъ поръ дурныя стороны демократіи съ избыткомъ уравнивались хорошими ея сторонами. Периклъ, человѣкъ безупречнаго характера, высоко выдѣлявшійся изъ толпы по уму и образованію, одушевленный идеальнымъ стремленіемъ—вести свою родную политію къ высшимъ и прекраснѣйшимъ цѣлямъ, старался поднять народъ на такую высоту, на которой стоялъ самъ. Никогда не лстя, но весьма часто говоря горькую правду, онъ съ мудростью и настойчивостью направлялъ народъ на путь послѣдовательной политики и въ то же время сдѣлалъ свою политію средоточіемъ высшаго искусства и культуры.

Периклъ охотно воспрепятствовалъ бы разгорѣться рѣшительной борьбѣ между Спартою и Аѣинами или, по крайней мѣрѣ, отдалить бы разрывъ, если внутри всякой области, въ стѣнахъ каждаго государства возникали междуусобія, тѣсно связанныя съ однородною борьбою болѣе крупныхъ государствъ или политій. Повсюду образовались двѣ партіи—аристократическая и демократическая, одна поддерживалась Спартою, другая Аѣинами и обѣ онѣ боролись за преобладаніе съ чрезвычайною страстностью и жаждою крови, которыя могутъ проявляться въ такой степени только въ междуусобныхъ войнахъ. Ужасы въ Корпирѣ (Коринеской колоніи) могутъ служить тому примѣромъ.

Военное счастье было такъ же переменчиво, какъ и театръ войны. Вначалѣ казалось, что звѣзда Аѣинъ меркнетъ. Въ скученной массѣ населенія, которую согнало въ городъ вторженіе въ Аттику спартанцевъ, открылась моровая язва, слоившая мужество народа и уронившая духъ предприимчивости. Но счастливыя дѣйствія Демосѣна въ Мессеніи, взятіе гавани Пилоса и взятіе въ плѣнъ спартанцевъ на островѣ Сфактеріи кожевникомъ Клеономъ, первымъ изъ крикливыхъ демагоговъ, нападенія Никія на Лаконію привели въ свою очередь Спарту въ уныніе и отчаяніе. Аѣины удержались на своей высотѣ. Тутъ счастье опять переменилось. Бразидъ, лучшій полководецъ, кото-

Алкивιάдъ.

Бюстъ — музеѣ Чіарамонти въ Римѣ.

бы отношенія такъ не обострились, что онъ самъ долженъ былъ присовѣтовать этотъ разрывъ. Въ 431 году до Р. Х. вспыхнула губительная двадцатисемилѣтняя война, называемая въ исторіи Пелопонесскою, но бывшая на самомъ дѣлѣ кровавымъ общимъ междуусобіемъ всей Греціи. Театръ войны, постоянно мѣняясь, коснулся всѣхъ государствъ, городовъ и острововъ и на самыхъ отдаленныхъ колоніяхъ отражались судорожныя движенія метрополій. Не только внѣшній врагъ вторгался въ ту или другую страну, раззорялъ города и съ холодною жестокостью умерщвлялъ жителей; но

Бани Қарақаллы.

У

Утро въ Перистилѣ, на женской половинѣ греческаго дома.

5

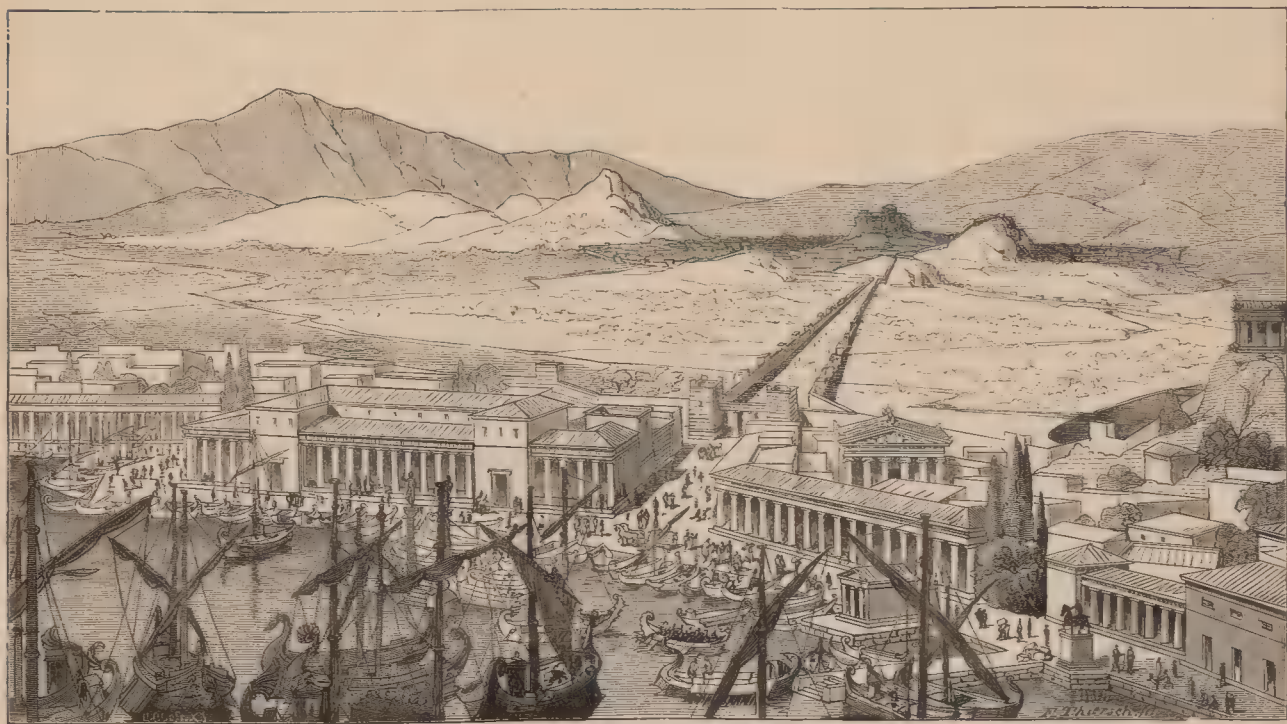

раго имѣли спартанцы въ эту войну, возымѣлъ геніальную мысль: онъ внезапно перенесъ театръ военныхъ дѣйствій на сѣверъ, на берега Стримона въ Македоніи, гдѣ находились непокорныя аѳинскія колоніи, неистощимые источники богатства своей метрополіи. Полный успѣхъ былъ наградою отважному Бразиду, когда смерть неожиданно остановила его побѣдоносное шествіе. Неудачи или полуудачи утомили наконецъ оба государства на столько, что аѳинскому полководцу Никію удалось заключить, въ 421 году, миръ, извѣстный подъ именемъ Никіева мира.

На самомъ дѣлѣ мира не было и исторія его не считаетъ миромъ. Война продолжалась косвенно, черезъ союзниковъ, и перенесена была въ болѣе отдаленныя страны. Въ Сициліи счастье заманчиво улыбнулось аѳинянамъ. Несогласія среди сицилійскихъ колоній подавали надежды на завоеваніе богатаго острова съ его цвѣтущими городами. За этимъ пріобрѣтеніемъ открывались дальнѣйшіе виды на славу и могущество, виды, хотя и неопредѣленные, но столь блестящіе, что вскружили головы пылкихъ аѳинянъ. Они двинулись, не

Гавань Пирей
въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ древности. *

слушая предостереженій, вооружились съ такою энергіею, съ такою настойчивостью, какъ никогда прежде, и послали туда лучшія силы, какія имѣли въ своемъ распоряженіи. Сначала все, повидимому, шло хорошо. Не смотря на вялость вождей, счастье благопріятствовало. Сиракузы, упорное сопротивленіе которыхъ надо было одолѣть, сломить, были осаждаемы съ большою энергіею и чуть уже не сдались. Но одинъ человѣкъ обратилъ счастье въ погибель и смѣнилъ торжество Аѳинъ отчаяніемъ. Спартанцы послали туда только одного полководца Гилиппа. Онъ создалъ въ осажденномъ городѣ войско и флотъ, повелъ ихъ въ битву и побѣдилъ. Корабли, войско и вожди аѳинянъ были уничтожены или попали въ руки враговъ, которые жестоко отпраздновали свою побѣду. Только немногіе успѣли спастись въ Аѳины и рассказать о неслыханномъ, ужасномъ пораженіи.

Аѳины были унижены, почти сломлены; блестящія надежды были разбиты, могущество и вліяніе потеряны; въ стѣнахъ ихъ раздавался плачъ о потерѣ столь многихъ дорогихъ сыновъ, о гибели лучшихъ людей. Ко всему этому присоединилось еще и то

обстоятельство, что Аѣины, по собственной винѣ, лишились единственнаго человѣка, способнаго въ этотъ критическій моментъ поднять ихъ изъ бездны пораженія и отчаянія. Геніальнѣйшій изъ сыновъ аѣинскихъ и вообще одинъ изъ даровитѣйшихъ людей въ древнемъ мірѣ, Алкивіадъ, сдѣлался жертвою вражды партій и непостоянства народной любви: онъ былъ приговоренъ, хотя и заочно, къ смерти. Но Алкивіадъ не былъ Аристидомъ или Кимономъ, которые даже въ изгнаніи только и думали о благѣ отечества. Алкивіадъ былъ сынъ своего народа и своего вѣка, соединявшій всѣ добродѣтели и пороки аѣинянъ: знатный и богатый, высоко-образованный и опрометчивый, честолюбивый, но неразборчивый въ средствахъ для достиженія цѣли, Алкивіадъ былъ любимымъ ученикомъ Сократа; но великому философу не удалось укротить бурной, страстной натуры своего ученика, направить его порывы на путь истины. Алкивіадъ могъ быть всѣмъ, чѣмъ только хотѣлъ: ораторомъ, солдатомъ и полководцемъ, государственнымъ человѣкомъ и дипломатомъ, спартанцемъ среди спартанцевъ, азіатскимъ сатрапомъ среди персовъ; онъ могъ найтись во всякомъ положеніи и одолѣть всякую опасность или трудность. Безъ Алкивіада Аѣины оказались просто нулемъ и ничтожествомъ. Осужденный заочно своими соотечественниками на смерть, Алкивіадъ, въ свою очередь, хотѣлъ унижить ихъ за это и заставить призвать себя, какъ избавителя.

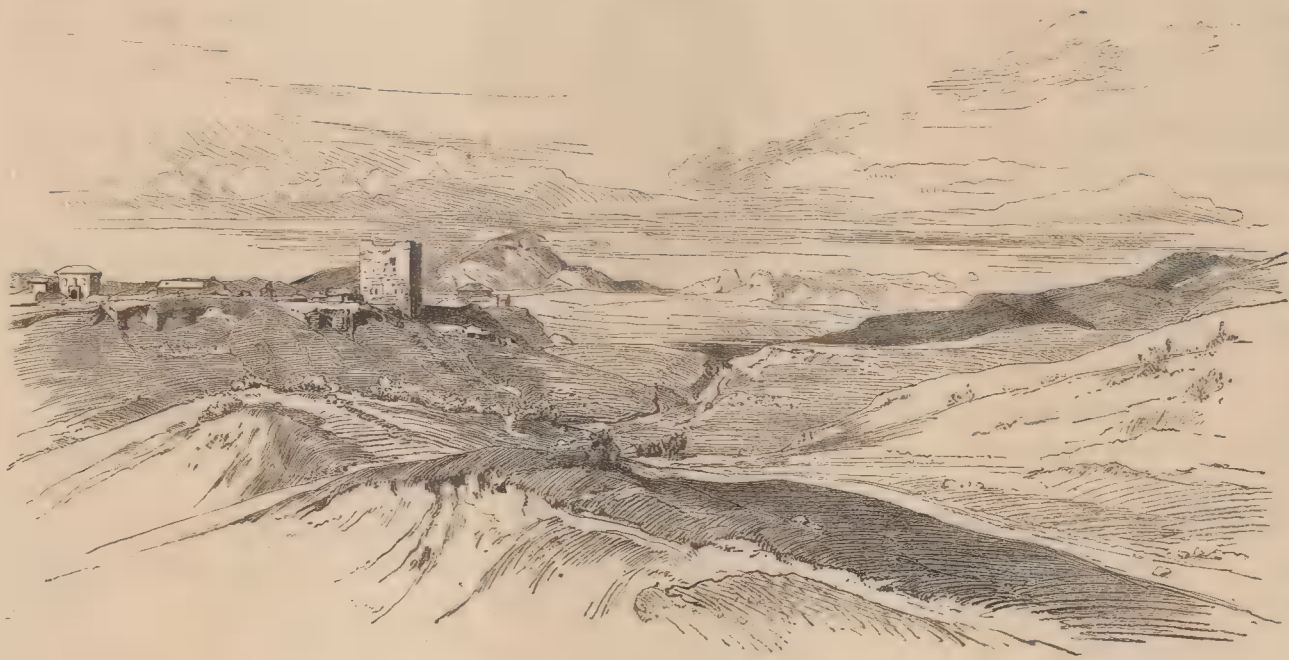
Напрасно Аѣины съ энергіею, всегда присущей народному правленію, старались выйти изъ своего отчаяннаго положенія; флотъ за флотомъ посылали они на борьбу, исходъ которой пересталъ уже быть сомнительнымъ. Но счастье улыбнулось имъ еще разъ. Флотъ самовольно призвалъ Алкивіада принять команду, и пелопонесцы, предводительствуемые спартанцемъ Миндаромъ, понесли при Кицикѣ, въ Мраморномъ морѣ, такое пораженіе, какого еще никогда не испытывали. Алкивіадъ воротился въ Аѣины, какъ онъ того хотѣлъ, съ невиданнымъ дотоѣ торжествомъ, какъ побѣдоносный герой и избавитель. Четыре года поддерживалъ онъ могущество Аѣинъ. Но, находясь въ отсутствіи съ войскомъ и флотомъ, онъ не могъ управлять черною родного города. Демократія клонилась къ упадку, несчастія сломили ея мужество; софисты со своимъ мудрствованіемъ перепутали понятія о правдѣ и неправдѣ; воодушевленіе упало, мысли спутались; готовность къ жертвамъ угасла. При такомъ порядкѣ вещей старые противники демократіи опять поднялись, чтобы окончательно ее сломить и учредить олигархію по спартанскому образцу. Алкивіадъ снова долженъ былъ пасть и удалиться въ изгнаніе.

Тогда настала часъ паденія Аѣинъ. Десяти военачальникамъ Аѣинъ удалось одержать еще одну и послѣднюю побѣду при Аргинузскихъ островахъ, но аѣиняне выказали неблагодарность своимъ полководцамъ, осудивъ ихъ на смерть за то, что они во время бури не могли собрать убитыхъ и спасти потерпѣвшихъ отъ кораблекрушенія. Аѣины заслужили свою судьбу. Въ умномъ Лизандрѣ, который, подобно Алкивіаду, былъ одновременно полководцемъ и дипломатомъ, Спарта нашла человѣка, приведшаго борьбу къ развязкѣ. Въ рѣшительной битвѣ при Эгосъ-Потамосѣ онъ разбилъ послѣднюю надежду аѣинянъ. Онъ подступилъ къ Аѣинамъ и городъ сдался, осажденный съ моря и съ суши (въ 404 г. до Р. Х.). Въ Акрополѣ былъ поставленъ спартанскій гарнизонъ, длинная стѣна, соединявшая городъ съ моремъ, была разрушена и во главѣ управленія, по приказу Лизандра и подъ его защитою, стало учрежденіе „Тридцати тирановъ“, состоявшее изъ предводителей олигархической партіи.

Аѣинская демократія пала на время, морское могущество Аѣинъ—навсегда. Хотя владычество тирановъ продолжалось всего нѣсколько мѣсяцевъ, хотя Аѣины воротили свою независимость и ихъ даровитые полководцы, каковы Кононъ, Хабрій, Ификратъ, Тимофей, опять повели войско и флотъ къ побѣдамъ, но единство и сила уже исчезли, политика лишилась энергіи и послѣдовательности; бездарные ораторы царили въ народномъ собраніи. То, что было потеряно, было потеряно уже навсегда.

Послѣ побѣдоноснаго окончанія Пелопонесской войны, Спарта стояла на вершинѣ своего могущества. Въ Греціи у нея не было соперниковъ. Агезилай одержалъ побѣды и приобрѣлъ новую славу въ борьбѣ съ исконными врагами Эллады—персами. Онъ нѣсколько разъ проникалъ глубоко внутрь Малой Азіи и разоблачилъ слабость и безпомощность персидскаго колосса. Это безсиліе обнаружилось еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, при знаменитомъ отступленіи „Десяти тысячъ грековъ“, послѣ битвы при Кунаксѣ, подъ начальствомъ аѳинянина Ксенофонта. Но и могущество Спарты было однако уже близко къ паденію. Въ оцѣнѣннѣи отъ успѣховъ, Спарта захотѣла обратить союзниковъ въ своихъ подданныхъ (стремленіе, особенно отличавшее политику Лизандра) и вызвала этимъ такую ненависть къ своему владычеству, какой не возбуждали даже Аѳины. Спарта вездѣ насильственнымъ образомъ вводила олигархію, назначала въ городахъ своихъ гармостовъ и ставила гарнизоны въ акрополяхъ. Такой образъ дѣйствій долженъ былъ подорвать и уничтожить значеніе Спарты.

Мѣстоположеніе Θιβη.
На лѣвой сторонѣ—крайнія зданія Кадмея.

Спартанскій отрядъ, мирно проходившій мимо Θιβη подъ начальствомъ Фебида, неожиданно и тайкомъ занялъ, при содѣйствіи олигархической партіи, ѳиванскую цитадель Кадмею (383 г. до Р. Х.). Спарта осудила виновника этого поступка, но самый поступокъ, предавшій въ ея руки опаснѣйшій изъ городовъ Греціи, одобрила. Гарнизонъ остался въ Кадмѣѣ, а въ Θивахъ стали править олигархи. Вожди народной партіи, съ Пелопидомъ во главѣ, спасшіеся бѣгствомъ ■ нашедшіе убѣжище въ Аѳинахъ, освободили черезъ четыре года городъ и крѣпость. Имъ предстояло теперь выдержать борьбу на жизнь и смерть со спартанцами, гарнизонъ которыхъ они принудили къ позорному отступленію. Они рѣшительно и храбро вступили въ эту борьбу. ѳиванцы, хотя до тѣхъ поръ и пользовались славою сильнаго и храбраго народа, но, подобно всѣмъ віотійцамъ, слыли за людей весьма непрозорливаго ума. Утонченность эллинскаго образованія менѣе всего привилась къ нимъ. Побѣда народной партіи, необходимость отчаянной борьбы за свободу и существованіе и въ особенности руководство высоко выдающихся людей расшевелили неподвижный духъ ѳиванцевъ и возвысили его до энтузіазма. Къ пылкому

Пелопиду присоединился мудрый Эпаминондъ, философъ школы Пифагора, человѣкъ скромный, о которомъ до тѣхъ поръ мало и слышно было. Ставъ во главѣ Фивъ, онъ неожиданно выказался гениальнымъ полководцемъ, мыслящимъ нововводителемъ въ военномъ искусствѣ, проницательнымъ государственнымъ человѣкомъ, покровителемъ изящныхъ искусствъ, на славу и къ блеску своей родины, совершеннѣйшимъ эллиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова. При Левктрахъ (371 г. до Р. X.) онъ одержалъ первую рѣшительную побѣду надъ спартанцами. Послѣ нея онъ вторгнулся внутрь Пелопонеса, чтобы сразиться съ врагомъ на собственной его землѣ. Современъ Гераклидовъ, стало-быть болѣе 500 лѣтъ, нога непріятеля не ступала въ долину Эвроты и Спарта не видала врага у своихъ воротъ. Тутъ грозный противникъ неожиданно появился на противоположномъ берегу рѣки и только бдительность Агезилая спасла городъ отъ гибели. Въ другой разъ Эпаминондъ проникъ даже въ улицу города. Отчаянная борьба жителей хотя и принудила его къ отступленію, но онъ сумѣлъ создать для Спарты постоянныхъ враговъ, угрожавшихъ ей вблизи. Онъ привелъ въ порядокъ дѣла Аркадіи, представлявшей все еще страну разрозненную, обуреваемую несогласіями, безсильную, и создалъ для неяполитическій центръ. Онъ освободилъ Мессенію, призвалъ туда потомковъ древнихъ вы-

Демосокенъ.
Статуя въ „Braccio nuovo“, въ Ватиканѣ.

ходцевъ, построилъ городъ Мессену и возвратилъ такимъ образомъ къ новой жизни стараго врага Спарты. Одни боги спасли Спарту. Въ большомъ сраженіи при Мантинеѣ фиванцы побѣдили, но Эпаминондъ получилъ смертельную рану. Пелопидъ еще передъ тѣмъ палъ въ Тессаліи и фиванцы остались безъ вождя. Эпаминондъ сказалъ на своемъ смертномъ одрѣ, что онъ оставляетъ родному городу двухъ блестящихъ дочерей—Левктру и Мантинею; но онъ не оставилъ сына, не оставилъ преемника, способнаго воспользоваться его наслѣдствомъ и продолжать его смѣлую политику. Фивы потеряли значеніе первенствующаго города.

Водворился всеобщій миръ, вызванный утомленіемъ и слабостью, а не твердою волею и убѣжденіемъ въ его необходимости. Въ

Греціи три государства стояли другъ противъ друга; каждое стремилось къ гегемоніи, но ни одно не имѣло достаточно силы и энергіи, чтобы захватить ее и удержать за собою. Спарта, злобствуя и выжидая, замкнулась въ самой себѣ; половина ея владѣній, Мессенія, была потеряна почти безъ надежды когда либо получить ее обратно. Древнее Ликургово устройство сохранилось во всѣхъ своихъ формахъ, но его духъ и смыслъ подверглись сильному вліянію времени. Число спартанскихъ фамилій упало съ 9,000 до 700, богатство пріобрѣло среди нихъ преобладающее значеніе, развилось корыстолюбіе и водворилась ненавистная олигархія. Равенство исчезло. Повременамъ, однако, вспыхивала прежняя

гордость, оживалъ древній воинскій духъ. Аѳины опять сдѣлались демократическимъ государствомъ, но далеко не прежняго полета. Нерѣшительныя ихъ попытки къ возстановленію гегемоніи на морѣ или вовсе не удавались, или имѣли весьма слабый успѣхъ. Ревнуя то къ Спартѣ, то къ Фивамъ, Аѳины постоянно колебались въ своей политикѣ. Посредственныя головы, какъ, напримѣръ, Эвбулъ, который долго имѣлъ руководящее значеніе, клонили къ миру, совѣтуя отречься отъ первенства. Были, правда, выдающіеся люди въ Аѳинахъ, но то были философы, чуждавшіеся государственной и общественной дѣятельности, жившіе въ замкнутой области отвлеченнаго мышленія и измышлявшіе, подобно Платону, идеальныя, теоретическія государства. Сократъ направлялъ еще своихъ учениковъ къ участию въ общественной жизни, но, идя противъ теченія, онъ за свои убѣжденія поплатился жизнью. Теперь иначе стало въ Аѳинахъ. Практическая жизнь и теорія, государство и философія — все шло врозь. Фивы, наконецъ, лишившись, какъ выше упомянуто, главы и руководителя, вступили въ борьбу съ віотійскими городами и сосѣдями, нежелавшими ей подчиниться. Быстро развившееся могущество Фивъ столь-же быстро опять упало.

Хотя эти три государства, взаимно себя исключая, не были въ состояніи принять на себя руководство дѣлами Греціи, но силы занная отъ моря прибрежными греческими городами и колоніями, рядъ столѣтій провела въ безвѣстности. Ея жители считались у Грековъ по меньшей мѣрѣ полуварварами, но ея царскій родъ Теменидовъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ древнеаргивской владѣтельной фамиліи. Настоящимъ эллиномъ, однако, эллиномъ своего времени сдѣлался только Филиппъ, проведеній свою юность въ Фивахъ, на глазахъ у Пелопида и Эпаминонда, и выучившійся у послѣдняго военному искусству. Попадъ на престолъ силою обстоятельствъ очень молодымъ (359 г. до Р. Х.), онъ долженъ былъ сначала справиться съ внутренними врагами, а потомъ обезпечить свою страну отъ враговъ вѣшнихъ, илли-

Эллады далеко не были исчерпаны. Ея культура была первая и единственная въ мірѣ, ея искусство стояло на высшей степени процвѣтанія: быть аѳиняниномъ или эллиномъ все еще составляло предметъ справедливой гордости. Греческіе наемники, часто замѣнявшіе воиновъ, набравшихся изъ гражданъ по жребію, сражались вездѣ, и шла молва, что нельзя одержать побѣды безъ эллинскаго военного искусства и безъ эллинской храбрости. Недоставало только вождя, который собралъ-бы разбросанныя силы и направилъ ихъ къ великой цѣли. Этотъ вождь былъ уже недалеко.

Въ то время, какъ Греція изнемогала отъ непрерывныхъ войнъ, на сѣверѣ копилась непочатая сила. Македонія, окруженная съ трехъ сторонъ варварскими племенами, отрѣ-

Эсхинъ.

Статуя находится въ Неаполѣ.

рійцевъ и еракійцевъ. Послѣ этого только могъ онъ приняться, не спѣша, за приведеніе въ исполненіе своихъ плановъ противъ Греціи, которые зародились у него еще, можетъ быть, въ Фивахъ. Конечною цѣлью Филиппа была гегемонія надъ греческими государствами и совокупная со всею Греціею борьба противъ Азіи, разрушеніе царства Персидскаго. Мы говорили, что онъ приступалъ къ выполненію своихъ плановъ не спѣша: дѣйствительно, онъ прибѣгалъ чаще къ хитрости, чѣмъ къ силѣ, выжидая удобнаго момента для дѣйствій, или подготавливая его своими интригами; для завоеваній онъ не имѣлъ достаточно силы, а гибели Эллады онъ не хотѣлъ и не могъ хотѣть.

Въ войнахъ съ иллирійцами и еракійцами онъ обучилъ свое войско и утвердилъ свою власть. Послѣ этого онъ устремился на прибрежные города, обладаніе которыми должно было доставить Македоніи доступъ къ морю; одни изъ нихъ онъ завоевалъ, отъ покоренія другихъ долженъ былъ отказаться. Въ Эпирѣ, откуда онъ взялъ себѣ въ жены Олимпію, онъ сумѣлъ пріобрѣсти вліяніе. Фессалію онъ подчинилъ себѣ. Совершенно такимъ же образомъ сталъ онъ, угрожая, у самыхъ воротъ Греціи: Термопилы были открыты его „фалангѣ“. Но Филиппъ хотѣлъ, чтобы Греція сама его призвала, хотѣлъ явиться туда какъ избавитель и освободитель. Удобный случай скоро представился. Уже десять лѣтъ кипѣла въ самомъ сердцѣ Эллады опустошительная „Священная“ война. Фокидцы, тѣснимые еиванцами, осужденные амфиктіонами, овладѣли сокровищами дельфійскаго храма. Съ этими несмѣтными богатствами, накопленными вѣками, они въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣшно боролись противъ болѣе могущественныхъ сосѣдей. Віотійцы призвали царя Филиппа на помощь. Онъ явился и быстро положилъ конецъ войнѣ. На мѣсто фокидцевъ въ хранители дельфійскаго святилища былъ выбранъ Филиппъ, и такимъ образомъ македонянинъ былъ признанъ эллиномъ.

Но не вся Греція рукоплескала ему. Какъ Филиппъ съ самаго начала считалъ Аѣины своимъ опаснѣйшимъ врагомъ, такъ, съ другой стороны, и въ Аѣинахъ нашлись люди, сумѣвшіе проникнуть въ его планы и желавшіе помѣшать ихъ исполненію. Они съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми ходами, уловками и происками коварнаго врага, который разставлялъ сѣти Греціи и все болѣе ихъ затягивалъ. Руководители Аѣинъ ублаживали своихъ согражданъ, но въ лицѣ Демосфена натолкнулся Филиппъ на человѣка, подобнагоThemistocle или Периклу, человѣка пылкаго и стремительнаго, перваго оратора всѣхъ временъ, достаточно сильнаго, чтобы пробудить аѣинянъ отъ ихъ сна. Филиппъ имѣлъ въ Аѣинахъ, какъ и вездѣ, свою партію. Его дѣла велъ блестящій ораторъ и ловкій дипломатъ Эсхинъ. Не смотря на это, Демосфену удалось открыть глаза народу; ему удалось воспламенить ихъ, какъ въ былыя времена, на жертвы, чтобы собрать флотъ и войско для борьбы съ врагомъ; ему удалось также заручиться союзниками и вступить въ союзъ даже съ ненавистными еиванцами. Казалось, что воротились времена вторженія персовъ въ Элладу.

Но вотъ наступилъ рѣшительный моментъ для царя Филиппа. Вторая Священная война изъ-за Амфиссы, вызванная его происками, послужила предлогомъ. Неожиданно явился онъ по сю сторону Термопилъ во главѣ своихъ испытанныхъ ветерановъ, угрожая Фивамъ и Аѣинамъ. Наскоро собранное войско встрѣтило его въ Віотіи, но на равнинѣ при Херонее (въ 338 г. до Р. X.) проиграло битву. Оно должно было уступить долговременной воинской опытности. Филиппъ, оставаясь вѣрнымъ своей цѣли, воспользовался побѣдою съ кротостью и ловкостью. Не доводя Аѣинъ до отчаяннаго сопротивленія, на которое они уже приготовились, онъ заключилъ миръ, уважая свободу Греціи. Онъ соединилъ всѣ государства въ одинъ союзъ и союзныя войска должны были идти подъ его предводительствомъ въ задуманный имъ походъ противъ персовъ. Онъ не медлил походомъ. Передовые отряды стояли уже въ Азіи, когда самъ Филиппъ палъ отъ руки убійцы (въ 336 г. до Р. X.).

Въѣздъ Александра Великаго въ Вавилонъ.

IV.

Эпоха царства Македонскаго и паденіе независимости отдѣльныхъ государствъ.

Подобно стремительному потоку народовъ, ринулось на Грецію войско царя Ксеркса, но эта масса безсильно отхлынула назадъ. Сравнительно съ ничтожною горстью воиновъ Александръ Великій устремился на Азію и однимъ ударомъ разгромилъ персидскаго колосса.

Это громадное государство продолжало еще существовать, не смотря на то, что болѣе уже не имѣло властителей въ родѣ Кира и Дарія или даже Ксеркса. Оно подгнило въ самомъ своемъ основаніи, въ корнѣ: безсильнъ былъ его царскій родъ, немощно было оно въ своемъ великолѣшіи. Уже походы царя Агезилая обнаружили слабость Персіи. Она уже никогда болѣе не осмѣливалась повторить поползновеній Дарія и Ксеркса. Персія оставила Грецію въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока сами греки, заискивая у сатраповъ, не явились во дворецъ въ Сузу и не стали просить помощи и покровительства великаго царя. Тогда только онъ могъ достигнуть того, что не удавалось страшнымъ полчищамъ и громаднымъ флотамъ его предшественниковъ: онъ предписалъ элинамъ позорнѣйшія мирныя условія, заставилъ ихъ принять въ 387 г. до Р. Х. миръ, извѣстный подъ именемъ Анталкидова, по имени заключавшаго этотъ миръ представителя Спарты, эфора Анталкида.

Правда, Анталкидовъ миръ былъ заключенъ лишь для одной внѣшности и отнюдь не доказывалъ силу Персіи: онъ могъ имѣть значеніе только до тѣхъ поръ, пока грекамъ угодно было его сохранить. Съ этихъ поръ персидскія деньги получили большое вліяніе на Грецію и ея отдѣльныя государства.

Мысль о войнѣ грековъ противъ Персіи или, скорѣе, противъ Азіи уже давно зародилась и исторически развилась. Агезилай, среди побѣдъ и плановъ о наступленіи, былъ отозванъ изъ Азіи междоусобіями въ самой Греціи и опасностью, угрожавшей его родинѣ. Послѣ него эссалийскій тиранъ въ Терахъ, Язонъ, задумалъ-было также походъ противъ Азіи, но рука убійцы слишкомъ рано сразила этого способнаго дѣятеля. Царь Филиппъ съ энергіею преслѣдовалъ ту же самую мысль и, послѣ многолѣтнихъ трудовъ, былъ уже близокъ къ достиженію своей цѣли, но и его планамъ помѣшала смерть. Но онъ оставилъ еще лучшаго дѣятеля въ великомъ сынѣ своемъ Александрѣ и Персіи не долго оставалось ждать его.

Молодой Александръ вступилъ на престолъ двадцати лѣтъ отъ роду. Трудно представить болѣе затруднительныя обстоятельства, чѣмъ тѣ, которыя окружали Александра при вступленіи его на престолъ. Въ собственномъ домѣ нашлись соискатели царскаго вѣнца; на сѣверѣ еракійцы и иллирійцы начали наступательную войну; на югѣ вся Эллада угрожала возстаніемъ, желая свергнуть съ себя македонское иго; въ Азіи стояло македонское войско, начальникъ котораго, Атталъ, былъ главою противниковъ Александра; персидское золото, въ изобиліи раздаваемое, всюду подстрекало враговъ и раздувало пламя вражды и противоборства. Но Александръ одолѣлъ своихъ враговъ, хотя не безъ насилія. Въ кровопролитныхъ сраженіяхъ побѣдилъ онъ варваровъ. Совершивъ изумительный для того времени переходъ черезъ горы на сѣверѣ, Александръ явился внезапно подъ стѣнами непокорныхъ Фивъ, явился раньше, чѣмъ могла дойти

Александръ Великій.
Бюстъ въ Парижѣ, въ Луврѣ.

какая-либо вѣсть о предпринятомъ имъ походѣ. Фивы съ презрѣніемъ отвергли его предложеніе покориться безъ боя. Городъ былъ взятъ приступомъ и стертъ съ лица земли. Испуганная Греція поспѣшила вручить молодому побѣдителю, какъ нѣкогда его отцу, безусловное главное начальство надъ войскомъ въ войнѣ противъ Персіи.

Съ небольшимъ войскомъ, состоящимъ изъ 30,000 чел. пѣхоты и 5,000 всадниковъ, Александръ отправился въ 334 г. до Р. Х. въ Азію. Все, что впослѣдствіи подходило изъ Македоніи и Греціи, послужило только для пополненія убыли умершими и дезертирами, оставившими

своего вожда по различнымъ причинамъ. И съ этимъ сравнительно ничтожнымъ войскомъ Александръ совершалъ дѣла, предъ которыми блѣднѣетъ все, что мы знаемъ изъ сказаній и баснословныхъ рассказовъ прежняго времени. Съ быстротою и съ ослѣпительнымъ блескомъ метеора Александръ проходитъ черезъ территорію, составлявшую тогдашній міръ, оставляя въ то же время глубокіе, неизгладимые слѣды своего краткосрочнаго пребыванія въ странѣ. Нельзя не сознаться, что Александръ обладалъ всѣми качествами героя въ такой степени, какъ едва ли кто-либо другой, всѣми качествами, необходимыми для выполненія тяжелой задачи, возложенной на него всемірною исторіею. Александръ взялъ съ собою въ походъ, говоритъ Плутархъ, то, что даетъ наибольшую надежду на успѣхъ: благочестіе по отношенію къ богамъ, честность, простоту, умѣренность, веселое расположеніе духа съ презрѣніемъ къ смерти, даръ слова и правдолюбіе, спокойную обдуманность и быстроту въ дѣйствіяхъ, славолюбіе и твердую волю въ исполненіи того, что онъ считалъ справедливымъ. Передъ началомъ сраженія онъ хладнокровно и обдуманно распредѣлялъ все, согласно со-

ставленному плану, принимая въ соображеніе даже качество почвы и силу или безсиліе врага. Потомъ онъ бросался впередъ съ невообразимыми энергіею и мужествомъ, съ неодолимою силою льва, во главѣ своихъ избранныхъ всадниковъ, на непріятеля, увлекаая за собою своихъ солдатъ въ неустрашимомъ самозабвеніи, и рѣшалъ судьбу битвы личною храбростію. Нужно ли было переходить рѣки, какъ бы послѣднія ни были широки и глубоки, или завладѣть городами и крѣпостями, какъ-бы высоко они ни лежали и какъ-бы неодолимы ни были ихъ стѣны, изобрѣтательный умъ Александра всегда находилъ средства и пути для преодоленія препятствій, стремясь какъ бы покорить себѣ теченіе и силу водъ, подняться на высоты и опрокинуть стѣны. Но, на ряду съ изобрѣтательностью, въ Александрѣ была сила, сносливость въ борьбѣ съ трудностями и лишениями. По страшнымъ бесплоднымъ пустынямъ онъ шелъ вмѣстѣ съ своими солдатами, вмѣстѣ съ ними пересиливая голодъ и жажду; ласковымъ, ободряющимъ словомъ и своимъ примѣромъ онъ умѣлъ ободрять унывающихъ, а ропщущихъ побуждать къ новымъ усиліямъ.

Битва Александра Великаго.
Мозаика изъ Помпей, въ Неаполитанскомъ музеѣ.

На рѣкѣ Граникѣ, впадающей въ Проπονтиду (Черное море), недалеко отъ Геллеспонта, встрѣтило Александра первое непріятельское войско, персидскіе всадники подъ начальствомъ сатрапа (управителя) Малой Азіи и греческіе наемники съ родосцемъ Мемнономъ во главѣ, человѣкомъ смѣлымъ и сообразительнымъ. Ни быстрота теченія, ни крутизна береговъ, ни спокойная храбрость грековъ, ни, наконецъ, личная храбрость сатраповъ не могли удержать отважнаго натиска силъ, предводимыхъ молодымъ героемъ. Первая побѣда освободила греческіе береговые города: вся Малая Азія сдѣлалась добычею грековъ. Таковъ былъ результатъ перваго похода. Когда Александръ въ 333 г. до Р. Х. собрался во второй походъ, персидскій царь Дарій Кодоманъ успѣлъ, между тѣмъ, уже созвать подвластные ему народы и самъ сталъ во главѣ ихъ. Александръ, еще не вдаваясь во внутрь Азіи, прежде всего намѣревался овладѣть прибрежными странами, чтобы обезпечить себѣ тылъ отъ нападенія непріятельскаго флота и движеній его, которыя могли бы быть губительны для Македоніи. Но едва только успѣлъ Александръ пройти горныя тѣнины въ томъ углу Сиріи, гдѣ берегъ, измѣнивъ восточное направленіе, поворачиваетъ на югъ, какъ

грозныя персидскія полчища внезапно показались въ тылу грековъ; Александръ немедленно возвратился и пошелъ имъ на встрѣчу. Въ сраженіи при Иссъ онъ разбилъ персовъ на голову и разсѣялъ. Дарій не могъ устоять противъ нанесеннаго ему удара; онъ бѣжалъ съ поля сраженія, оставляя въ рукахъ своего противника всю мѣстность, лагерь, свое семейство и несмѣтно-богатую добычу. Александръ, однако, не преслѣдовалъ разбитаго врага. Онъ поворотилъ къ югу и овладѣлъ, послѣ восьмимѣсячной осады, сильнымъ городомъ Тиромъ, какъ ни громадно-труднымъ казалось это предпріятіе, потому что Тиръ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ моремъ; затѣмъ Александръ овладѣлъ расположеннымъ на скалистой возвышенности городомъ Газою, который считался неприступнымъ. Египетъ, измученный продолжительнымъ персидскимъ игомъ, съ радостью встрѣтилъ молодого македонскаго побѣдителя. Даже пустыня не могла остановить побѣдоноснаго шествія Александра: то, что не удалось войску Камбиза, которое не могло проникнуть до оазиса Юпитера-Аммона, удалось Александру. Персидское войско, руководимое Камбизомъ, погибло въ пескахъ пустыни, изнемогая отъ жажды подъ лучами палящаго африканскаго солнца. Для Александра и его войска совершилось чудо: когда уже всѣ воины доведены были до крайняго изнеможенія, когда всеобщій ужасъ передъ вѣрною гибелью, такъ сказать, дошелъ до своего апогея, разразилась гроза и, что составляетъ чрезвычайно рѣдкое явленіе въ Африканской степи, пошелъ обильный проливной дождь, который освѣжилъ все и спасъ погибавшее войско Александра. Зевсъ-Аммонъ и его жрецы благодушно приняли увѣнчаннаго славою побѣдителя. Жрецы провозгласили Александра сыномъ своего великаго бога, и Александръ не отвергъ этой почести, разумѣется, вовсе не потому, что онъ самъ былъ убѣжденъ въ ея справедливости и законномъ основаніи. Какъ ученикъ мудраго Аристотеля, посвященный своимъ учителемъ и наставникомъ въ тайны философіи безъ предубѣжденій, философіи, которая признаетъ истинною только то, что можетъ признать разумъ, для которой не существуютъ ни многобожіе, ни легенды, ни мифы, онъ не могъ раздѣлять повѣрій и суевѣрій тогдашней массы народной. Но Александръ могъ отнестись съ уваженіемъ къ этому повѣрію, оставить ему почетное мѣсто въ средѣ народа; даже болѣе того: Александръ съ необыкновенною проницательностью воспользовался этимъ титуломъ, въ качествѣ основателя и повелителя огромнаго царства,—царства всемірнаго, обнимаващаго столько народностей, столько религіозныхъ вѣрованій. Въ этихъ видахъ онъ могъ согласиться, чтобы его назвали сыномъ Зевса-Аммона; съ этою цѣлью онъ поклонялся вмѣстѣ съ жрецами пустыни великому богу-солнцу; съ другой стороны мы знаемъ, что съ іудейскими первосвященниками въ Іерусалимѣ Александръ молился Богу-Іеговѣ. Руководясь такимъ воззрѣніемъ на религію вообще, Александръ защищалъ и заставлялъ уважать вѣру персовъ: въ Индіи онъ удивлялся мудрости тамошнихъ философовъ дервишей и кающихся отшельниковъ.

Передъ выступленіемъ изъ Египта, Александръ, съ геніальною прозорливостью властителя всего міра, выбралъ мѣсто, гдѣ основалъ городъ, которому, на память грядущимъ вѣкамъ, далъ названіе по своему имени. Согласно волѣ этого великаго человека, Александрія сдѣлалась скорѣе первенствующимъ, всемірнымъ городомъ, въ которомъ соединились греческая мудрость съ египетскою, культура эллинская съ культурою восточною, гдѣ происходилъ обмѣнъ великихъ твореній Востока и Запада. Два года спустя послѣ сраженія при Иссъ (въ 331 г. до Р. Х.) Александръ выступилъ изъ Египта, чтобы завладѣть и другою половиною Персидскаго царства. Дарій въ это время успѣлъ набрать новое войско, призвать на помощь и отдаленнѣйшіе народы своего государства. За Тигромъ ожидалъ онъ своего противника. Дарій надѣялся своимъ во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ въ десять разъ многочисленнѣйшимъ войскомъ побѣдить Александра на обширной равнинѣ, лежащей за Тигромъ и Евфратомъ. Тщетная надежда. Планы Дарія уничтожены въ сраженіи при Гавгамелѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ войскомъ, поло-

женъ конецъ и власти персидскаго деспота. Азія лежала у ногъ Александра. Древній Вавилонъ, этотъ властелинъ Востока, принялъ его съ чрезвычайнымъ, небывалымъ торжествомъ; столица Суза, Персеполь, священный городъ персовъ, Экбатана, знаменитая столица Мидіи,—все эти города сдались безъ боя, вмѣстѣ съ несмѣтными сокровищами, накопившимися тамъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Еще одинъ усиленный переѣздъ конницы—и бѣжавшій Дарій былъ бы взятъ въ плѣнъ. Александръ дѣйствительно догналъ его, но засталъ его уже умирающимъ отъ ранъ, нанесенныхъ ему его собственными сатрапами. Убійца Бесъ былъ настигнутъ у сѣверныхъ предѣловъ государства, пойманъ и казненъ.

Три года Александръ оставался въ этихъ крайнихъ областяхъ своего новаго государства, быстро умиряя всякое возстаніе. Вездѣ вводилъ онъ порядокъ, основывалъ, для

Вахханалія Александра Великаго.

охраны и укрѣпленія своей власти, новые города и населялъ ихъ и македонцами, и греками. Оградивъ свои завоеванія въ этомъ отношеніи, Александръ пустился въ дальнѣйшія предпріятія. Все, что принадлежало царю персидскому, сдѣлалось достояніемъ Александра. Но онъ этимъ не удовольствовался; онъ хотѣлъ выполнить еще и то, къ чему Дарій тщетно стремился. Тамъ дальше, къ востоку, лежала цвѣтущая, густонаселенная Индія, страна чудесъ и всего необычайнаго и загадочнаго, страна сказочная, баснословная, на которую никогда еще не ступала нога завоевателя съ запада. Съ войскомъ бѣльшимъ, чѣмъ онъ имѣлъ первоначально, перешелъ Александръ черезъ высокій пограничный хребетъ и спустился въ долину рѣкъ, впадающихъ въ Индъ. Онъ встрѣтилъ

тамъ воинственное населеніе, укрѣпленные города, мужественное сопротивленіе. Переходя рѣки, Александръ бралъ приступомъ города, первымъ взбираясь на ихъ стѣны, разбивъ индѣйскаго раджу Пора съ его войскомъ, снабженнымъ слонами, одолѣвалъ и покорялъ все, что ему сопротивлялось. Побѣдоносно подошелъ затѣмъ Александръ къ Гифазису, послѣднему притоку Инда, и уже готовился занять страну, лежащую между этою рѣкою и священнымъ Гангомъ. Но здѣсь успѣхъ великаго полководца остановленъ былъ его собственными солдатами: во что бы то ни стало они потребовали возвращенія на родину. Тщетно Александръ старался ихъ переубѣдить, напрасно употреблялъ онъ въ дѣло свое грозное слово, которымъ онъ нерѣдко подстрекалъ своихъ солдатъ къ новымъ усиліямъ, напрасно запирался онъ въ своей палаткѣ и липалъ ихъ своего лицеизрѣнія, упрямые воины настаивали на своемъ и встрѣтили его съ радостнымъ привѣтствіемъ тогда лишь, когда онъ самъ лѣтомъ 326 года до Р. Х. объявилъ, что рѣшилъ возвратиться назадъ. Но онъ хотѣлъ, чтобы этотъ смѣлый походъ не пропалъ даромъ; онъ хотѣлъ и на обратномъ пути пройти по новымъ мѣстамъ, совершить неслыханные подвиги. Еще восемь мѣсяцевъ оставался Александръ у сѣверныхъ притоковъ Инда, сражаясь и вводя порядокъ, основывая новые города для защиты и укрѣпленія завоеваннаго имъ края. Въ теченіи этого времени Александръ выстроилъ флотъ, на которомъ спустился по Инду до океана. Въ открытомъ морѣ онъ молился богамъ, прося ихъ не посылать другого завоевателя, подобнаго ему. Потомъ онъ передалъ флотъ Неарху, повелѣвъ ему идти вдоль берега до Персидскаго залива, а оттуда подняться вверхъ до Вавилона. Самъ Александръ пошелъ съ остальною частью своего войска черезъ степь, занимаемую Гедрозіей *), при этомъ необычайной стойкостью, энергіей, мужествомъ онъ подавалъ примѣръ солдатамъ. Такъ шло войско Александра, пока не достигло плодоносныхъ долинъ Караманіи; здѣсь кончились перенесенныя имъ и его войскомъ бѣдствія и трудности. Въ празднествахъ и пиршествахъ, которымъ Александръ умѣлъ предаваться, онъ заставлялъ себя и своихъ солдатъ забывать прошлыя лишенія. По миѳическимъ сказаніямъ, Діонисъ, богъ вина, шелъ изъ Индіи тѣмъ же путемъ,—завоевательнымъ походомъ съ Востока на Западъ. Въ опьянѣніи отъ радости, торжествуя свои побѣды, Александръ и его приближенные представляли фантастически-побѣдоносное шествіе Діониса въ сопровожденіи вакхантовъ и вакханокъ, при звукахъ шумной музыки. Семь дней они посвятили богу пиршества и опьянѣнія.

Затѣмъ, водворяя вновь порядокъ тамъ, гдѣ онъ былъ нарушенъ во время продолжительнаго его отсутствія, Александръ отправился въ Вавилонъ, чтобы тамъ приготовиться къ новымъ походамъ. Вавилонъ сдѣлался его столицею: Александръ хотѣлъ, чтобы Вавилонъ былъ средоточіемъ всего міра, чтобы здѣсь сходились товары и люди отдаленнаго Востока и крайняго Запада, чтобы произведенія сѣвера здѣсь встрѣчались съ произведеніями Африки и Аравіи. Поэтому онъ повелѣлъ построить у этого города огромную гавань, могущую вмѣстить въ себя тысячу кораблей. Отсюда онъ хотѣлъ обслѣдовать югъ, обойдя Аравію, найти морское сообщеніе съ Египтомъ и, если возможно, обогнувъ вокругъ Африки, проплыть въ Средиземное море, чтобы покорить себѣ весь Западъ. Флотъ Александра, подъ начальствомъ Неарха, уже былъ готовъ. Тутъ изнурительная болѣзнь сразила юнаго царя; черезъ нѣсколько дней колоссальное царство лишилось своего властелина, своего руководителя. На тридцать третьемъ году отъ роду и на тринадцатомъ своего царствованія, въ іюнѣ 323 г. до Р. Х., скончался творецъ великихъ дѣлъ, быть можетъ, величайшій дѣятель, какого только можетъ назвать всемірная исторія.

*) Провинція эта находится на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ нынѣшній Белуджистанъ. Греки населеніе Гедрозіи называли эіонскимъ, стало быть оно было не арійскаго происхожденія.

Передъ входомъ въ театръ.

Со смертию Александра его обширное государство осиротѣло: оно осталось безъ наслѣдника, безъ преемника, который могъ бы силою ума и мощною рукою сохранить его въ цѣлости. Ему суждено было распасться. Въ кровавыхъ войнахъ съ перемѣннымъ счастьемъ, въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ спорили между собою полководцы Александра, сначала назвавшіе себя „наместниками“, а потомъ „царями“. Азіатскія области, привыкшія къ рабству, не обнаруживая никакой самостоятельной воли, безучастно выжидаютъ, кто будетъ побѣдителемъ. Между тѣмъ вся царская фамилія

Храмъ Союза.

Храмъ Посейдона въ Калавріи.
Мѣсто смерти Демосѣена.

Островъ Идра.

Македонія погибаетъ отъ злодѣйствъ, сами полководцы, почти всѣ безъ исключенія, кончаютъ свое поприще насильственной смертію. Это время смутъ обыкновенно называется въ исторіи эпохою Діадоховъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ войнъ, продолжавшихся почти десять лѣтъ, образуется множество болѣе или менѣе прочныхъ государствъ, такъ, напримѣръ, царство Птолмеевъ въ Египтѣ, царство Селевкидовъ, занимавшее Сирію и лежащія за нею области бывшей Персидской монархіи; Македонія сдѣлалась достояніемъ наслѣдниковъ Антигона и Дмитрія Полиоркета.

Такимъ образомъ кажется, какъ будто всѣ великія дѣянія Александра ни къ чему не привели, какъ будто онъ только раззорялъ. Но это только кажется. Александръ домогался, конечно, гораздо большаго, чѣмъ какое нибудь раззореніе царства Персидскаго, или же завладѣніе престоломъ Дарія Кодомана. Онъ хотѣлъ соединить Азію съ Европою, онъ хотѣлъ всѣ населявшія извѣстную тогда территорію племена соединить, связать одною общою культурою въ одинъ народъ, среди котораго эллины получили бы первенство или гегемонію. Ученикъ Аристотеля и не могъ имѣть иного стремленія. Съ этою цѣлью Александръ основалъ множество греко-македонскихъ городовъ,—ихъ насчитывается семьдесятъ—отъ Александріи (близъ Ливійской пустыни) до Гифазиса, оконечной точки его индійскаго похода; въ этихъ видахъ Александръ образовалъ многочисленные учрежденія, ввелъ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался властителемъ Азіи, свой государственный строй. Только съ этою цѣлью, съ цѣлью сближенія съ народомъ, съ цѣлью расположить его въ пользу своихъ начинаній, Александръ уважалъ персидскіе обычаи, поклонялся, вмѣстѣ съ народомъ, его азіатскимъ богамъ.

Въ этомъ отношеніи старанія Александра отнюдь не были безуспѣшны. Эллинское вліяніе безостановочно продолжало дѣйствовать въ Азіи и послѣ Александра, въ царствованіе Діадоховъ, въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствахъ. Далѣе, въ области Инда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, найдены несомнѣнные доказательства вліянія греческаго искусства. Съ другой стороны, Александрія сдѣлалась главнымъ хранилищемъ греческой литературы, когда она уже начинала гаснуть въ метрополіи. Въ завоеванныхъ странахъ греческая культура, правда, смѣшалась съ азіатскимъ духомъ, но основное начало оставалось эллинскимъ; поэтому-то и новѣйшая культура тамъ эллинская, а не азіатская.

Въ этомъ смыслѣ Александръ Великій представляется послѣднимъ дѣятелемъ, довершителемъ греческой исторіи. Онъ сдѣлалъ изъ національной культуры Греціи культуру всемірную и сознательно преслѣдовалъ эту цѣль. Греческая культура, распространяясь по всему Востоку, а вслѣдъ затѣмъ, чрезъ посредство римлянъ, и по всему Западу, начиная исполнять свое всемірно-образовательное назначеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ стала терять не свою производительную, но свою творческую силу. Она перестала создавать новые виды поэзіи, новые образцы искусства; она пошла по проложенному пути, хотя, безъ сомнѣнія, съ видоизмѣненіями, но свои созданія она сдѣлала достояніемъ всего міра и все, что она вызывала, являлось болѣе или менѣе самостоятельнымъ. Аристотель былъ послѣдній изъ философовъ-творцовъ. Его ученіе посѣяло добрыя сѣмена и вызвало всѣ науки къ дѣятельной жизни. Съ этихъ поръ философскія школы распространились всюду. Философія сдѣлалась излюбленнымъ занятіемъ и всякій образованный человѣкъ въ обширной области эллинизма долженъ былъ понимать тайны философіи, долженъ былъ принадлежать къ какой-либо философской школѣ. Но, такъ сказать, внутреннее преуспѣяніе, дальнѣйшее развитіе пока остановилось.

Такимъ образомъ исполнилось призваніе Греціи, ея предназначеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и тотъ интересъ, который имѣла для насъ ея исторія. Такой храбрый и свободолюбивый, такой гордый и способный народъ не погибаетъ, если онъ даже теряетъ свою свободу. Такъ и было въ теченіи почти двухсотъ лѣтъ послѣ того, какъ сраженіе при Херонѣ рѣшило судьбу Греціи. Эти попытки — предсмертныя судороги великаго, блестящаго народа. Съ участіемъ слѣдимъ мы за его исторіею, съ душевною скорбью смотримъ на всѣ его неудачи, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ неизбѣжность его судьбы.

Уже во времена Александра Великаго спартанцы, единственный народъ, который изъ гордости не послѣдовалъ за нимъ, пытались-было освободить Грецію, но въ сраженіи

близъ Мегалополя они были побѣждены ■ принуждены смириться. Послѣ смерти великаго царя, Аѳины также сдѣлали попытку освободить Грецію отъ владычества македонскаго, но предпріятіе это кончилось ограниченіемъ правъ демократіи, занятіемъ гавани Мунихіи македонскимъ гарнизономъ и смертью великаго ихъ гражданина и оратора Демосфена. Но Аѳины все еще не были сломлены. Еще два раза они предпринимали борьбу за свою независимость, но безуспѣшно, противъ Дмитрія Поліоркета, котораго они раньше встрѣчали съ торжествомъ, какъ своего освободителя, а потомъ противъ Антигона Гоната, которому они семь лѣтъ сопротивлялись, пока, въ 255 г. до Р. Х., не были покорены.

Не менѣе безуспѣшны были старанія Спарты. Она даже пыталась внутренне преобразоваться и укрѣпиться, возстановивъ древнее Ликургово учрежденіе. Вся поземельная собственность спартанцевъ, которая первоначально была раздѣлена между 9,000 семействъ, была теперь сосредоточена въ рукахъ сотни богатыхъ семействъ, все-же остальное населеніе было въ крайней бѣдности. Слѣдовало начать преобразование съ того, чтобы вновь раздѣлить спартанцевъ, принявъ въ этотъ разрядъ періойковъ. Царь Агисъ, рѣшившійся было на это, погибъ въ борьбѣ съ богатыми собственниками и эфорами. Сынъ его противника Леонида, молодой царь Клеоменъ, сначала былъ счастливѣе въ этомъ дѣлѣ. Онъ провелъ предпринятое имъ внутреннее преобразование, приучалъ народъ къ воинскимъ занятіямъ, какъ это прежде водилось въ Спартѣ, установилъ строгое воздержаніе, поднялъ духъ народа и воодушевилъ его такъ, что три года съ успѣхомъ боролся противъ сильнаго въ то время Ахейскаго союза и противъ умнаго его руководителя Арата. Но разбитые имъ ахейцы, въ союзѣ съ его противниками, призвали на помощь македонскаго царя Антигона Дозона. Въ сраженіи при Селласіи (222 г. до Р. Х.) Клеоменъ и юная, возродившаяся Спарта были побѣждены, не смотря на оказанную ими величайшую храбрость и отчаянное сопротивленіе. Клеоменъ съ немногими своими друзьями самъ лишился жизни, попавъ въ плѣнъ въ Египетъ. Власть, значеніе и независимость Спарты рушились навсегда. Но по крайней мѣрѣ конецъ ея былъ достоинъ ея продолжительной, славной исторіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Аѳины и Спарта все болѣе и болѣе удалялись отъ политической жизни, два племени выступили на первый планъ—этолійцы и ахейцы, образовавъ два союза. Эти союзы, въ теченіи македонской эпохи, когда Греція колебалась между независимостью и покорностью, спорили съ переменнымъ счастьемъ изъ-за гегемоніи, какъ нѣкогда Спарта и Аѳины. Присоединеніемъ къ тому или другому союзу обуславливался вопросъ о политикѣ и войнѣ для каждаго отдѣльнаго города. Цари македонскіе пользовались всякимъ предлогомъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Греціи, какъ это ■ было, когда, послѣ сраженія при Селласіи (222 г.), Спарта лишилась власти и значенія. Послѣ этого сраженія Ахейскій союзъ еще разъ, хотя на короткое время, явился въ блескѣ и славѣ, озарившихъ послѣдніе дни греческой свободы. Во главѣ его стоялъ Филопоменъ, истинно великій мужъ, грекъ въ родѣ Перикла и Эпаминонда; какъ военачальникъ союза, онъ не только счастливо и побѣдоносно сражался, но также умѣлъ нравственно возвысить своихъ соотечественниковъ и возбудить мужчинъ ■ женщинъ къ жертвамъ всякаго рода. Но этотъ подъемъ эллинскаго духа былъ связанъ съ его именемъ, съ его личностью. Послѣ его смерти угасъ даже и послѣдній лучъ греческаго величія.

Въ то время уже выступила на сцену новая сила, возстаніе противъ которой во всякое время было-бы безсильно и напрасно. Греція влачила жизнь только призрачную, преисполненную взаимныхъ ссоръ и интригъ и до тѣхъ поръ только, пока римлянамъ угодно было ее шадить. Покончивъ въ 168 г. до Р. Х. съ царствомъ Македонскимъ, римляне не замедлили приняться и за Грецію. Чтобы не погибнуть безъ славы, ахейцы вступили въ послѣднюю борьбу, которая должна была рѣшить ихъ судьбу. Борьба

кончилась въ 146 г. до Р. Х. пораженіемъ ихъ и разрушеніемъ Коринѳа Мумміемъ. Даже названіе Греціи съ этихъ поръ болѣе не встрѣчается въ политической исторіи; она сдѣлалась просто-на-просто римскою провинціею, Ахаіею. Хотя и вычеркнутая изъ ряда самостоятельныхъ государствъ, Греція тѣмъ не менѣе подчинила себѣ своего побѣдителя въ области умственного развитія и духовнаго образованія. То, что свободная Эллада создала въ области искусства, поэзіи и науки, вообще на поприщѣ культуры, передавалось теперь римлянами всему свѣту, какъ высокія требованія цивилизаціи.

Пляшущія дѣвушки.
Мраморный барельефъ находится въ виллѣ Боргезе, въ Римѣ.

КНИГА II.

Жизнь и обычаи.

I.

Время молодости.

ПРЕКРАСНОМЪ тѣлѣ должна жить и прекрасная душа“. Это знаменитое изреченіе Сократа, безъ сомнѣнія, вполне примѣнимо къ Греціи и даже, быть можетъ, только къ одной Греціи, ибо то, что сказано этими словами, составляло для грека идеаль челоуѣка, идеаль эллина.

Съ тѣхъ поръ, какъ эллинизмъ былъ поставленъ на твердую почву, то есть со временъ Солона, учрежденія котораго, какъ и законы его о воспитаніи и обученіи, были проникнуты этимъ духомъ, съ тѣхъ поръ равномѣрное развитіе и образованіе духовныхъ и тѣлесныхъ способностей и силъ челоуѣка, установленіе гармоніи между тѣломъ и душою составляло конечную цѣль воспитанія, конечную цѣль личнаго стремленія. И красота, красота тѣла и души составляли при этомъ первое условіе. Прекрасное и благородное, даже по ученію философовъ, должны занимать первое мѣсто, затѣмъ уже слѣдуетъ справедливость и, подъ конецъ только, польза.

Соотвѣтствуя этому стремленію къ гармоніи, воспитаніе у грековъ было двоякое, духовно-умственное и тѣлесное. Для свободнаго, благороднаго челоуѣка другаго воспитанія не должно существовать, такъ какъ исключительно первое придаетъ душѣ вялость, второе же безъ перваго создаетъ натуру грубую, дикую. Какъ на средство для достиженія этой двоякой цѣли, греки указываютъ на музыку и на гимнастику: музыка, по ихъ понятіямъ, — искусства музъ, то есть прежде всего стихотворство, поэзія, со включеніемъ философіи,

а гимнастика обнимаетъ все разнообразныя, но правильно соразмѣренныя упражненія тѣла. Согласное примѣненіе этихъ средствъ должно было создать человѣка прекраснаго, по возможности совершеннаго. Оно должно было образовать гражданина государства, такъ какъ эллинъ жилъ только для государства, былъ членомъ его, членомъ цѣлаго. Эллинское воспитаніе должно было создать человѣка, способнаго удовлетворять всѣмъ обязанностямъ гражданина, будетъ ли онъ призванъ къ участию въ управленіи, къ участию въ веденіи дѣлъ общественныхъ, или же отечество потребуетъ для своей защиты и охраны своихъ сыновъ, храбрыхъ, выносливыхъ, умѣющихъ владѣть оружіемъ.

Поэтому въ Спартѣ ребенокъ съ рожденія принадлежалъ государству. Государству принадлежало право рѣшить его судьбу, право надъ жизнью и смертью. Если новорожденный ребенокъ казался слабосильнымъ, государство налагало на него свою тяжелую руку: его покидали и предоставляли случаю. Въ Аѳинахъ это право принадлежало даже отцу. Изъ опасенія, что народонаселеніе слишкомъ увеличится, или раздробятся состоянія, иногда даже злоупотребляли этимъ правомъ, но нерѣдко также счастливая судьба спасала найденныша.

Вообще въ Греціи рожденіе ребенка считалось радостнымъ семейнымъ событіемъ. На третій день послѣ рожденія совершалось первое торжество по этому поводу: двери дома украшались цвѣтами и вѣнками, ребенка обносили кругомъ очага, какъ символъ признанія его правоспособнымъ жителемъ этого дома.

сти, но и фантазія мамокъ работала и наполняла сказки страшилищами въ родѣ вампирообразныхъ Ламій или пугаль Мормо, смущавшихъ дѣтское воображеніе. Затѣмъ заставляли ребенка учить наизусть басни Эзопа, съ ихъ первобытными и вѣчно юными истинами. Разказы о великихъ дѣяніяхъ героевъ древности рано возбуждали въ дѣтяхъ желаніе подражать имъ. И въ играхъ, и въ игрушкахъ у дѣтей не было недостатка. Первая игрушка, трещотка съ металлическими побрякушками, занимала уши и глаза ребенка. На рынокъ постоянно былъ большой выборъ куколъ, разрисованныхъ и неразрисованныхъ фигурокъ изъ глины и воску, также съ подвижными руками и ногами. Тростниковая палочка служила лошадкою, на которой разѣзжалъ самъ царь Агезилай со своими сыновьями; катали обручъ, пускали волчокъ, въ особенности волчокъ, спускаемый веревкою и подгоняемый кнутикомъ.

Греческая мать со своими дѣтьми.
Барельефъ въ Луврѣ.

На десятый день родственники и друзья приглашались къ новому торжеству, къ нареченію имени. По этому случаю они приносили подарки. Имя давалось только одно, часто въ честь какого-либо бога; нерѣдко подобное имя переходило въ семействѣ изъ рода въ родъ, чаще всего внукъ назывался по дѣдушкѣ. Тщательно повитый, — этотъ обычай, впрочемъ, отвергался въ спартанскомъ воспитаніи, какъ изнѣживающій, — лежалъ въ подвѣшенной корзинкѣ, на рукахъ ли матери, или чаще кормилицы, ребенокъ составлялъ предметъ всесторонняго попеченія, по крайней мѣрѣ въ болѣе или менѣе зажиточномъ домѣ. Рано напѣвались ребенку пѣсенки и рассказывались прекрасныя повѣ-

Домашнее воспитаніе было очень строгое какъ со стороны матери, такъ и няньки, которая также имѣла право наказанія. Розги и удары башмакомъ были въ большомъ ходу. Прежде всего требовалось послушаніе и благонравіе и наблюдалось, чтобы добрыя наставленія не оставались безъ вліянія. Платонъ влагаетъ въ уста своего Протагора слѣдующее сужденіе: „Какъ только мальчикъ начинаетъ понимать то, что говорятъ другіе, кормилицы и матери, наставникъ и отецъ наперерывъ стараются сдѣлать изъ него по возможности хорошаго человѣка, указывая ему во всемъ, что онъ дѣлаетъ, что хорошо, что дурно, или что прекрасно, что дурно; поэтому-то ребенокъ одно дѣлаетъ, а другого нѣтъ. Если мальчикъ слушается добровольно, то и ладно; если-же нѣтъ, то его, какъ искривленное дерево, стараются исправить угрозами и ударами“.

До шестого или до седьмого года мальчикъ остается, такимъ образомъ, подъ надзоромъ матери вмѣстѣ съ сестрами въ домашнемъ уединеніи. Дочери и долѣе еще остаются на попеченіи матери, которая одна только обучаетъ ихъ, да можетъ быть еще лучшія служанки дома.

Мальчикъ же съ седьмого года отдавался въ школу. Въ зажиточныхъ домахъ къ нему приставляется постоянный спутникъ, наставникъ — педагогъ, выбираемый изъ старшихъ, надежнѣйшихъ и приличнѣйшихъ рабовъ отцовскаго дома. Наставникъ ничему не училъ мальчика, не былъ учителемъ, а только наблюдалъ за поведеніемъ и благонравіемъ, имѣя право добиться послушанія даже ударами. Онъ отводилъ его въ школу и потомъ опять приходилъ за нимъ туда.

Школа въ Греціи не была учрежденіемъ государственныхъ сыновей чему нужно, получалъ отъ Ареопага выговоръ. Такимъ образомъ обученіе дѣтей было общепринятымъ. Государство, уже со временъ Солона, стало издавать различныя постановленія по части обученія; оно обратило вниманіе на продолжительность и время ученія; оно, на примѣръ, не позволяло, чтобы школы открывались до восхода солнца и закрывались послѣ заката. За этимъ слѣдили съ цѣлью чисто нравственною.

Рано утромъ, съ восходомъ солнца, ученіе начиналось. Со всѣхъ сторонъ мальчики спѣшили въ школу, дѣти зажиточныхъ въ сопровожденіи наставниковъ, которые носили за ними книги и музыкальные инструменты, бѣднѣйшіе безъ провожатыхъ, но всѣ безъ шума, вполне прилично: такъ было заведено издавна, какъ описываетъ Аристофанъ въ своихъ „Облакахъ“:

„Никогда не было слышно отъ мальчиковъ ни крика, ни дерзкихъ возгласовъ.

„Изъ каждаго переулка толпа тянулась прилично въ музыкальную школу

„Вдоль улицъ, въ легкой одеждѣ, вскидывая снѣгъ, какъ мучную пыль“.

Эзопъ

Бюстъ находится въ виллѣ Альбани, въ Римѣ.

дарственнымъ, а частнымъ предпріятіемъ учителя, который извлекалъ изъ этого доходъ. Учитель и школа, правда, стояли подъ надзоромъ государства, но не въ отношеніи обученія, а въ отношеніи нравственности и нравовъ. Для надзора были особые чиновники, пайдономы, инспектора школы, а высшее наблюденіе принадлежало особому почтенному учрежденію, Ареопагу, какъ высшему блюстителю общественныхъ нравовъ и обычаевъ. Учить дѣтей не было обязательнымъ, но отецъ, который не училъ своихъ

Болѣ всего обращалось вниманія на наружное приличіе и благонравіе какъ въ самой школѣ, такъ и внѣ ея. Мальчикъ долженъ ходить по улицѣ (такъ говорили предписанія), опустивъ голову, смотря себѣ подъ ноги, а не по сторонамъ, закутавъ руки въ складки своего платья, съ почтеніемъ уступая дорогу старшимъ, идущимъ на встрѣчу, даже краснѣя, если старшій съ нимъ заговаривалъ. На пути своемъ мальчикъ долженъ былъ избѣгать рынка, такъ какъ это мѣсто было обычнымъ собраніемъ взрослыхъ мужчинъ и вообще занятій всякаго рода; если же приходилось проходить по рынку, то ни въ какомъ случаѣ онъ не смѣлъ останавливаться. Забавы и игры подъ открытымъ небомъ были безусловно предоставлены молодежи. Греческіе мальчики знали всѣ игры, которыя и нынѣ въ употребленіи: игра въ мячикъ различныхъ родовъ, качели, которыми пользовались преимущественно дѣвицы, игра — перекидыванье на рукахъ шара, — которая теперь еще встрѣчается у итальянцевъ, метаніе черепками или монетами, игра въ жгутикъ, въ жмурки, перегонки, отгадываніе числа бобовъ или орѣшковъ въ закрытой ладони, вскидывать камешки вверхъ и потомъ опять ихъ ловить, игра въ „цари“, причемъ одинъ изъ мальчиковъ выбирался въ „цари“, предводительствовалъ и приказывалъ, другіе должны были его слушаться и исполнять приказанія. Были у грековъ также игры особаго въ одной эпиграммѣ жалуется орѣшникъ у дороги:

„По-истинѣ досадно служить мишенью для толпы шаловливыхъ мальчишекъ
„И быть посаженнымъ у дороги для того, чтобы закидывали тебя камнями“.

О ѣздѣ на козлѣ другая эпиграмма гласитъ:

„Играющіе мальчики надѣли на тебя, о козель, намордникъ
„И украсили твою косматую голову пурпуровою уздою;
„Вокругъ храма они ѣздятъ на тебѣ, изображая бѣгъ коней,
„Быстро и съ легкостью ты мчишься съ веселою толпою“.

Педагогъ.
Статуя находится во Флоренціи.

рода, на примѣръ, прыганіе на туго-набитый кожаный рукавъ, обмазанный жиромъ, съ тѣмъ, чтобы удержаться на немъ, или перетягиваніе каната, протянутого черезъ столбъ, т. е. испытываніе, кто кого пересилитъ. Изъ шалости, бывало, поймаютъ мальчики осла и представляютъ на немъ смѣлаго наѣздника въ карикатурѣ или же то же самое дѣлаютъ на неповоротливомъ козлѣ. Такія изображенія мы видимъ на картинахъ и читаемъ въ стихахъ. Фруктовые деревья нерѣдко страдали отъ нападеній толпы мальчишекъ, бросавшихъ въ нихъ камни. Такъ

Впрочемъ, кажется, у греческихъ мальчиковъ оставалось не слишкомъ много времени для игръ и веселыхъ забавъ, такъ какъ школа и гимнастическія упражненія достаточно занимали почти весь день. Удобствъ въ школѣ не было; какихъ-либо особыхъ столовъ и скамеекъ, въ родѣ тѣхъ, какіе нынѣ придумываются въ видахъ сбереженія здоровья, у грековъ не существовало. Учитель давалъ мальчикамъ какое-нибудь сидѣнье безъ спинки, на которомъ они и сидѣли, а писали на доскѣ, которая лежала на колѣняхъ. Нерѣдко ученіе происходило подъ открытымъ небомъ, но дисциплина всегда соблюдалась строжайшая, и тѣлесное наказаніе палкою было въ употребленіи. Платонъ въ своемъ уже упомянутомъ „Протагорѣ“ замѣчаетъ: „отъ учителя прежде всего требовалось, чтобы онъ обращалъ болѣе вниманія на благонравіе и поведеніе порученнаго ему мальчика, чѣмъ на ученіе и музыку“. Впрочемъ и ошибки въ чтеніи и въ грамматикѣ влекли за собою тѣлесное наказаніе. Сантиментальной гуманности въ греческой школѣ не знали.

Школьные сцены.
(Живопись на вазахъ).

Ученіе начиналось съ чтенія и письма. Сперва писалъ учитель, а за нимъ ученикъ. На ариметику обращалось вниманія вообще менѣе; ариметическія познанія пріобрѣтались нагляднымъ образомъ, счетомъ камешковъ, яблокъ и другихъ подобныхъ предметовъ. Выучившись читать и писать, тотчасъ принимались за чтеніе поэтовъ, т. е. начиналось то ученіе, которое собственно и развиваетъ душу: при этомъ не столько имѣлось въ виду пріобрѣтеніе множества познаній, сколько нравственное вліяніе на учащагося изучаемыхъ предметовъ. Вопросъ о возможности извлечь пользу изъ ученія стоялъ совершенно въ сторонѣ, какъ вопросъ, не относящійся къ ученію. Заботились только о развитіи ума и души, объ образованіи прекраснаго, благороднаго, свободнаго, возвышеннаго духа. Поэтому-то поэзія занимала первое мѣсто въ греческомъ обученіи. Въ такомъ положеніи было дѣло еще во времена Солона и впослѣдствіи не измѣнилось, хотя въ кругъ ученія стали входить геометрія и рисованіе. Грекамъ казалось невѣроятнымъ, чтобы можно было посредствомъ ученія привить дѣтямъ мудрость или добродѣтель; поэтъ Теогнисъ говоритъ:

„Если-бы возможно было научить смертныхъ мудрости или разуму,
„Сынъ всегда равнялся-бы отцу въ развитіи, внимая его наставленіямъ,
„Но ученіе никогда не преобразитъ дурныхъ наклонностей въ хорошія“.

Полагали, что занятіе поэзіею развиваетъ любовь къ добродѣтели и отвращеніе къ пороку. Пѣсни и стихотворенія, какъ нѣчто волшебное, чарующее, легко овладѣваютъ молодыми умами и направляютъ ихъ незамѣтно, какъ бы играя, къ высокимъ цѣлямъ. Болѣе всего при этомъ надѣялись на благотворное вліяніе Гомера, на вліяніе тѣхъ кар-

тинъ великихъ подвиговъ героевъ, которыя онъ рисуетъ съ такимъ мастерствомъ. Хотя Греки очень хорошо понимали, что пѣсни Гомера содержатъ много такого, что не вполне соотвѣтствуетъ степени развитія юношей, но этотъ недостатокъ не имѣлъ въ ихъ глазахъ слишкомъ большой важности, такъ какъ онъ значительно умялся той возвышенностью мыслей и тѣмъ высоконравственнымъ воодушевленіемъ, съ какими Гомеръ описываетъ людей и событія. Притомъ же мѣрность и благозвучіе его стиховъ, по мнѣнію древнихъ, успокоительно дѣйствовали на страсти молодыхъ людей. Къ числу стихотвореній, имѣвшихъ воспитательное значеніе, принадлежали и не религіозные гимны, содержаніе которыхъ заимствовалось изъ поэтическихъ преданій о богахъ, произведенія Гезіода, полныя практической мудрости и жизненнаго опыта, глубокомысленныя изреченія предсказателей и пламенные стихи Тиртея и его сотоварищей, которые возбуждали въ гражданахъ любовь къ отечеству и учили ихъ храбрости и самопожертвованію. Хотя всѣ эти поэты и жили задолго до времени высшаго расцвѣта могущества греческаго народа, но едва-ли кто будетъ отрицать, что они своими произведеніями немало способствовали поднятію греческой культуры на такую высоту.

Въ школахъ греческихъ творенія этихъ поэтовъ постоянно читались, списывались, заучивались наизусть и пѣлись. Съ самаго начала къ поэзіи присоединилась музыка, какъ ея неразлучная спутница. Уже въ глубокой древности поэтъ и музыкантъ соединялись въ одномъ лицѣ. Только со времени Платона музыка стала музыкантъ и даже танцоръ. Музыкою занимались въ школѣ не для одного удовольствія и развлеченія, а ради того благотворнаго вліянія, которое она имѣетъ на человѣческую душу. Обученіе музыкѣ потому важно, говоритъ Платонъ, что ритмъ и созвучіе глубоко проникаютъ въ душу, потрясаютъ ее, располагаютъ къ возвышенному. Поэтому музыка древнихъ вовсе не стремилась достигъ виртуозной быстроты въ ущербъ мелодичности; а напротивъ того, она отличалась изящной простотой напѣвовъ. Особеннымъ почетомъ въ тѣ времена пользовалась дорическая музыка, мелодіи ея были суровы, они не ласкали слуха легкостью мотива, а возбуждали и воспаляли слушателей. Но уже при Аристофанѣ въ музыку, даже въ школьномъ преподаваніи, стала вкрадываться вычурность, такъ что этотъ поэтъ, напомнивъ, что по древнимъ обычаямъ за подобныя попытки полагалось наказаніе, говоритъ:

„Если кто позволялъ себѣ скачки, вычурныя трели и переливы,
„Какъ въ новѣйшее время ввелъ Фринихъ со своими головоломными прыжками,
„Того щедро награждали палками за то, что осквернялъ даръ музы“.

Поэтическія произведенія передавались речитативомъ или пѣніемъ. Обыкновенно аккомпанировали на цитрѣ. Игрѣ на этомъ инструментѣ учили въ школѣ и кромѣ того на

Дѣвушка, играющая на флейтѣ.
(Живопись на вазѣ).

отдѣляться отъ поэзіи и составила самостоятельное искусство, но отъ этого она не только ничего не выиграла, въ глазахъ тогдашнихъ грековъ, а скорѣй потеряла. Человѣкъ, избравшій музыку своей профессіей, не пользовался у нихъ особеннымъ уваженіемъ и считался простымъ ремесленникомъ. Но пѣніе и игра на цитрѣ составляли украшеніе благовоспитаннаго, свободнаго человѣка. Такъ Ахиллесъ у Гомера поетъ и играетъ. Эпаминонду, ученику философовъ, великому государственному дѣятелю и замѣчательному полководцу, ставили въ заслугу то, что онъ хорошій

ней играли дома для собственного удовольствія. Флейта тоже была довольно распространённымъ инструментомъ, но не столько въ школахъ, сколько среди любителей музыки — отчасти потому, что на этомъ инструментѣ нельзя самому себѣ аккомпанировать, отчасти потому, что для игры на флейтѣ требовалось слишкомъ много искусства и ловкости, для чего не было времени въ школахъ, и, наконецъ, потому, что игра на этомъ инструментѣ обезображивала лице. Именно по этой причинѣ, напримеръ, Алкивиадъ, который хорошо игралъ на цитрѣ и вообще любилъ всему учиться, безусловно отказывался отъ игры на флейтѣ. Впрочемъ, игра на флейтѣ, — въ особенности славились вѣотійскіе артисты на флейтѣ, — была непремѣнною спутницею всякихъ празднествъ, какъ религіозныхъ, такъ и свѣтскихъ, при торжественныхъ шествіяхъ, пиршествахъ и празднованіи побѣдъ, но играли обыкновенно наемные флейтисты и флейтистки, которые занимались этимъ, какъ ремесломъ.

Со временъ Ликурга музыка входила также въ число предметовъ, которымъ обучались спартанскіе юноши, и здѣсь она тѣмъ болѣе имѣла значенія, что въ Спартѣ гораздо меньше заботились о развитіи вкуса къ изящнымъ искусствамъ чѣмъ въ Аѣинахъ и другихъ греческихъ государствахъ. Въ Аѣинахъ музыка, какъ она тогда понималась, и гимнастика имѣли цѣлью сдѣлать человека по возможности совершеннымъ какъ въ духовномъ, такъ и въ тѣлесномъ отношеніи и во всемъ его бытѣ установить равновѣсіе, тогда какъ въ Спартѣ всякій гражданинъ былъ прежде танца, въ Аѣинахъ же только средство. Въ Спартѣ стремились создать воина; въ Аѣинахъ же свободно-мыслящаго, независимаго, благороднаго человека. Воспитаніе того и другого было приспособлено къ условіямъ политической жизни каждаго изъ этихъ государствъ.

Въ Аѣинахъ воспитаніе дѣтей не было ограничено какими-либо правилами, даже гимнастическія упражненія предоставлялись усмотрѣнію каждаго, тогда какъ въ Спартѣ государство принимало мальчиковъ съ семи лѣтъ на свое попеченіе. Они воспитывались вмѣстѣ, какъ молодые солдаты въ казармахъ, и, смотря по возрасту, распредѣлялись по отдѣленіямъ и подраздѣленіямъ; наиболѣе способный мальчикъ завѣдывалъ отдѣленіемъ, а все вмѣстѣ поручалось пайдоному, наблюдавшему за воспитаніемъ юношей. Государство держало молодежь очень строго, что называется „въ ежовыхъ рукавицахъ“. Съ двѣнадцати лѣтъ короткій плащъ служилъ имъ одеждою какъ лѣтомъ, такъ и зимою; ноги были босы; жесткая постель состояла изъ камыша, собраннаго самими мальчиками въ низовьяхъ рѣки Эвроты безъ помощи ножа; простая пища въ умѣренномъ количествѣ съ молодости приучала ихъ къ лишеніямъ. Тому же, чей аппетитъ ею не удовлетворялся, не только не возбранялось добыть себѣ пищи путемъ воровства, но этотъ способъ пропитанія даже поощрялся, если кража увѣнчивалась успѣхомъ, и виновникъ ея не

Дѣвушки съ китеарой.
(Родъ гуселей).

всего воинъ, и цѣлью воспитанія тамъ было образовать изъ мальчика совершеннѣйшаго и наиболѣе выносливаго солдата. Читать и писать учились въ школахъ; о всемъ же, что кромѣ того необходимо было знать, мальчикъ, по понятіямъ спартанскимъ, могъ получить свѣдѣнія, постоянно находясь въ обществѣ старшихъ; тогда какъ въ Аѣинахъ мальчикъ былъ вовсе почти отдѣленъ отъ нихъ. Въ Спартѣ, какъ въ государствѣ, ведущемъ постоянныя войны, приученіе тѣла къ перенесенію всякаго рода трудностей посредствомъ гимнастики составляло конечную цѣль спартанскаго воспитанія.

былъ открытъ; но бѣда была тому, кто попадался въ воровствѣ и, слѣдовательно, оказывался неловкимъ: его наказывали голодомъ и вдобавокъ били.

Умъ молодого спартанца предоставлялся почти самому себѣ, развитіе его возлагалось исключительно на постоянное общеніе со старшими, неожиданные вопросы и насмѣшки которыхъ изощряли находчивость юношей: чѣмъ мѣтче, быстрѣе и лаконичнѣе былъ отвѣтъ, тѣмъ болѣе онъ нравился. Гимнастическія упражненія дѣлались систематически подъ надзоромъ школы и ими занимались не только мальчики и юноши, но даже взрослые, до 30-лѣтняго возраста. Лишь достигши этого возраста спартанецъ, хотя онъ уже давно считался и былъ въ числѣ воиновъ, такъ сказать, выпускался изъ школы. Всѣ эти гимнастическія упражненія были тѣ же, что и во всей остальной Греціи, за исключеніемъ грубаго боя, подготовлявшаго атлетовъ, который былъ строго воспрещенъ. Объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Впрочемъ, въ тѣхъ греческихъ государствахъ, гдѣ на жизнь смотрѣли съ болѣе свободной, болѣе

Пляшущія дѣвушки.

гуманной точки зрѣнія, спартанскій методъ воспитанія не примѣнялся. Спарта казалась постояннымъ военнымъ лагеремъ; жизнь въ ней, подчиненная строгимъ правиламъ, была скорѣе вѣчнымъ плѣномъ, отъ котораго могла избавить только смерть. Между тѣмъ какъ, по мнѣнію философовъ, не на грубыя силы должно опираться отечество, въ случаѣ опасности, а на благородство и возвышенность чувствъ гражданъ.

Въ Аѣинахъ, какъ мы уже упомянули, молодые люди занимались гимнастикой безъ принужденія правительства. Государство только наблюдало за нравственностью, за чистотою обычаевъ, устраивая и содержа въ то же время общественныя гимназіи для взрослыхъ. Хотя молодежь и имѣла доступъ въ эти гимназіи, но собственно систематическое обученіе мальчиковъ гимнастикѣ происходило въ частныхъ школахъ, устраиваемыхъ учителями на свой счетъ. Устройство ихъ было, впрочемъ, самое незабѣдливое, такъ какъ гимнастическія упражненія грековъ не требовали тѣхъ разнообразныхъ и часто сложныхъ приспособленій, которыя мы встрѣчаемъ въ нынѣшнихъ заведеніяхъ.

Теня.

Аэрокоринонь.
Кипарисовая роща Крацейонь.

Видъ Коринеа
съ каменныхъ ломокъ.

Коринонь.

Гора Билтепе въ Аркадїи.
Городъ Сикіонъ.

7

этого рода. Школы эти собственно сначала и назывались палестрами, но впоследствии, когда программа ихъ значительно расширялась, онѣ мало чѣмъ отличались отъ „гимназій“.

Гимнастическія упражненія мальчиковъ шли параллельно другимъ занятіямъ попеременно утромъ или вечеромъ. Въ періодъ процвѣтанія Греціи гимнастикой занимались всегда нагими, —отсюда и названіе гимназія (gymnos значитъ голый). Во времена же глубокой древности было иначе: легкая одежда, хитонъ, все-таки покрывала тѣло упражнявшагося въ гимнастикѣ. Но вмѣстѣ съ развитіемъ могущества Греціи появилось также страстное стремленіе къ изящному, желаніе видѣть прекрасныя формы человеческого тѣла, что и повело къ тому, что при гимнастическихъ упражненіяхъ снимали съ себя уже всю одежду. Нагота наконецъ становилась уже до того естественнымъ явленіемъ, до того сроднилась съ чувствомъ и понятіями эллиновъ, что даже дѣвушки, занимаясь гимнастикой, снимали съ себя одежду.

Дѣвушка играющая въ кости.

Дѣвушки, однако, не вездѣ упражнялись въ гимнастикѣ. Въ большей части греческихъ государствъ, въ особенности въ Аѣинахъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ старались подражать аѣинскимъ обычаямъ, только мужчины занимались ею. Дѣвушки, воспитывавшіяся въ тишинѣ и замкнутости домашняго очага, дѣлали необходимыя для правильнаго развитія тѣлодвиженія, танцуя, качаясь на качеляхъ и играя въ мячи, но къ мѣстамъ упражненій и въ общественныя школы онѣ не допускались и вообще рѣдко показывались внѣ стѣнъ родного дома. Только при публичныхъ празднествахъ, во время которыхъ дѣвушки участвовали въ хорахъ и танцахъ, выходили онѣ изъ своего тѣснаго домашняго круга и встрѣчались съ юношами и мужчинами.

Совсѣмъ иное дѣло было въ Спартѣ и другихъ дорическихъ государствахъ. Здѣсь дѣвушки росли гораздо свободнѣе; ихъ не подвергали такимъ ограниченіямъ. Ихъ не удаляли отъ общества мальчиковъ и юношей, такъ какъ условія домашней жизни тамъ

были совершенно другія. У нихъ часто устраивались общія празднества, танцы и игры. Въ Спартѣ дѣвушки также упражнялись въ гимнастикѣ, бѣгали, боролись, прыгали не хуже мальчиковъ и юношей. При гимнастическихъ упражненіяхъ онѣ снимали съ себя и постоянно носимую ими легкую одежду—напоминавшій рубашку короткій хитонъ, едва покрывавшій колѣна. При этомъ онѣ были совершенно отдѣлены отъ мальчиковъ которые даже не допускались зрителями, какъ нѣкоторые ошибочно полагали. Только дорическія дѣвушки изъ всѣхъ эллинскихъ женщинъ допускались къ олимпійскимъ играмъ въ качествѣ зрительницъ. Участвовать же въ состязаніяхъ, какъ бы онѣ ни были ловки и сильны, имъ не дозволялось.

Школьное обученіе кончалось, когда юношѣ исполнялось 16 лѣтъ. Курсъ, если только можно такъ выразиться, проходимый въ это время, былъ обязателенъ для всякаго свободнаго эллина. Послѣ того продолжались гимнастическія упражненія одновременно съ военными упражненіями, верховою ѣздою, фехтованіемъ и, въ связи съ этими занятіями, велись бесѣды старшихъ съ подростяющею молодежью. Но этимъ не всегда кончалось умственное образованіе. Многіе, желавшіе посвятить себя высшей государственной службѣ, изучали еще законовѣдѣніе, администрацію, краснорѣчіе и другіе необходимые для нея предметы. Со временъ Перикла, когда іонійскіе философы переселились въ Аѣины, всѣхъ грековъ, въ особенности же аѣинянъ, охватило какое-то непреодолимое стремленіе къ пріобрѣтенію познаній, такъ что молодые люди, сыновья знатныхъ и богатыхъ родителей, по окончаніи курса въ школахъ, посѣщали еще лекціи риторовъ, софистовъ и философовъ, за что платили очень дорого. Впослѣдствіи мы еще встрѣтимся съ этими учителями, когда станемъ говорить о гимназіяхъ.

Дѣвушки изъ Танагры.

II.

Наружность, одежда, косметика.

ИКОГДА ни одинъ народъ не благоговѣлъ такъ передъ красою, ни одинъ не преклонялся передъ нею, какъ Греки.

„Эллада, непобѣдимая въ бою, окруженная ореоломъ славы,
„Добровольно склоняла свою гордую выю передъ могуществомъ
красоты“.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ воспѣвается Лаиса, знаменитѣйшая красавица своего времени. Въ Греціи нерѣдко назначались состязанія въ красотѣ; на пиршествахъ и при торжественныхъ шествіяхъ принадлежало ей первое мѣсто; греки часто избирали въ свои жрецы наиболѣе красивыхъ и статныхъ людей и даже назначали пословъ и сановниковъ по ихъ красотѣ. Одинъ сицилійскій городъ Сегеста соорудилъ храмъ и приносилъ жертвы прекраснѣйшему изъ своихъ жителей, несмотря на то, что онъ не былъ даже его гражданиномъ.

Причина этого, доведеннаго до глупости, поклоненія красотѣ, была та, что древніе греки были дѣйствительно замѣчательны стройностью и изяществомъ своего тѣлосложенія и этимъ рѣзко выдѣлялись изъ всѣхъ извѣстныхъ тогда народовъ. Ихъ собственная красота научила ихъ тому страстному стремленію къ прекрасному, которымъ проникнута

была вся ихъ жизнь, вся ихъ культура. Эта красота была столько же даромъ природы, сколько и результатомъ ихъ рѣдкой заботливости о правильности своего тѣлеснаго развитія. Природа дала грекамъ страну съ ровнымъ, умѣреннымъ климатомъ,—они не знали ни сильныхъ жаровъ, ни холодовъ, ни засухъ, ни тумановъ, вообще никакихъ рѣзкихъ переѣнъ температуры, которыя сильно мѣшаютъ тѣлу развиваться соразмѣрно. Они уже съ самаго дѣтства укрѣпляли себя не только для того, чтобы сдѣлать свое тѣло выносливымъ, крѣпкимъ и стройнымъ, но и чтобы этимъ самымъ придать ему извѣстную красоту. Такъ, Лукіанъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій заставляетъ Солона объяснять Анахарзису, во время посѣщенія имъ гимназій, все то, что онъ видѣлъ, но, какъ скиѣ и варваръ, не могъ понять. „Ты видишь, говоритъ онъ, какое тѣлосложеніе создаютъ эти упражненія и до какой степени они уничтожаютъ вялость и дряблость мускуловъ, придавая въ то же время тѣлу силу и красоту. Что сталъ бы ты дѣлать съ слабыми существами, которыя не въ состояніи даже самое незначительное время переносить жажду и умираютъ отъ страха еще задолго до рукопашной схватки съ врагомъ? Похожи

ли хоть сколько-нибудь на нихъ наши юноши съ ихъ красивыми и смуглыми отъ постоянного пребыванія на солнцѣ лицами? Ихъ мужественная наружность носитъ на себѣ отпечатокъ душевной силы, теплоты и стойкости. Ихъ собственный вѣсъ не тяготитъ ихъ. Стройный станъ ихъ очерченъ изящными линіями; упорнымъ трудомъ устранивъ весь излишекъ жира, они придали тѣлу крѣ-

ко, и позволительно отъ созданій искусства сдѣлать заключеніе и о самой природѣ. То, что греки рассказываютъ о самихъ себѣ, можно утверждать и о природѣ, но, принимая, разумѣется, въ соображеніе, что искусство, обходя подробностями, идеализируетъ природу и возводитъ отдѣльные качества въ типъ и развиваетъ ихъ далѣе, чѣмъ позволяетъ природа.

Главными достоинствами мужского тѣлосложенія были стройный и сильный станъ, широкая, выпуклая грудь и прямые бедра. Гимнастическія упражненія сообщали тѣлу мощь и ту благородную, гордую и легкую осанку, которая составляетъ лучшее отличіе свободного человѣка. Гимнастика, укрѣпляя и развивая мускулы, предупреждала вмѣстѣ съ тѣмъ отучненіе отдѣльных частей тѣла, устанавливала между ними равновѣсіе и придавала имъ правильность очертаній. Цвѣтъ кожи грековъ собственно былъ бѣлый съ мягкими оттѣнками, но они не любили бѣлизны кожи въ мужчинѣ, и гимнастика, которую они дѣлали нагими подъ палящими лучами солнца, скоро покрывала все ихъ тѣло, и лице въ особенности, темнымъ бронзовымъ загаромъ.

Типъ греческой головы.
(Съ фресокъ Паренона).

пость, силу и красоту. Вотъ преимущества, которыми они не могли бы пользоваться безъ тѣлесныхъ упражненій и связаннаго съ ними образа жизни“.

Этимъ словами Солонъ даетъ намъ ясное понятіе о томъ, каковъ былъ идеалъ мужской красоты по представленію грековъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что этотъ идеалъ и дѣйствительность сходились очень близко.

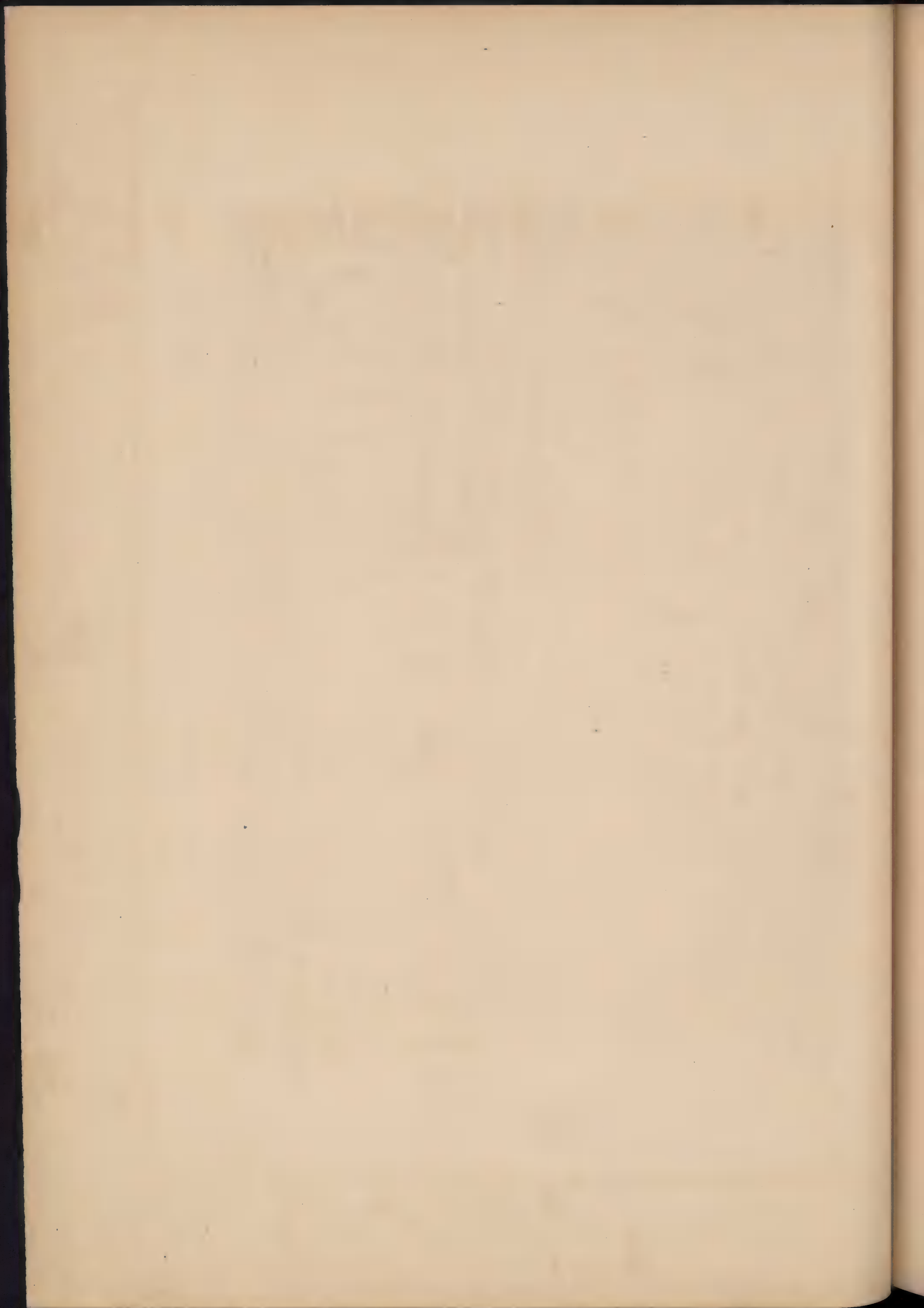

Лаокоонъ.

26

10

Аполлонъ Бельведерскій.

На круглой, стройной шеѣ покоится выразительная голова съ темнорусыми волосами и глазами, полными огня. Своеобразный греческій профиль, въ которомъ лобъ и носъ составляютъ одну прямую линію, конечно, есть ничто иное, какъ созданіе искусства, хотя, нѣтъ сомнѣнія, что нѣчто подобное было и въ дѣйствительности, такъ какъ этотъ характерный абрисъ верхней части лица сохраняется во всѣхъ фигурахъ грековъ и гречанокъ, гдѣ бы они ни изображались, въ скульптурѣ-ли, или въ живописи, на глиняныхъ-ли сосудахъ, или, наконецъ, въ видѣ маленькихъ пластическихъ статуэтокъ. Причину этого нужно искать въ стремленіи греческихъ художниковъ изображать въ своихъ произведеніяхъ лицо съ профилемъ не обыденнымъ, неправильнымъ, но по возможности близкимъ къ идеалу; впрочемъ можетъ быть тутъ сказывается вліяніе азіатскаго искусства. Въ послѣднемъ часто встрѣчается правильный профиль, но съ косымъ, откинутымъ лбомъ. Греки переняли его и, такъ сказать, еще болѣе его выпрямили и сдѣлали отвѣснѣе; слѣды такого профиля встрѣчаются еще на египетскихъ памятни-

кахъ, на старинныхъ разрисованныхъ вазахъ, безъ сомнѣнія потому, что болѣе выпуклый лобъ выражаетъ большую силу ума, характера. По той же причинѣ задняя часть головы суживалась болѣе, чѣмъ это могло быть на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе того, что въ греческомъ профилѣ, между надлобной частью и носомъ, по линіи глазъ, не было изгиба, глаза казались глубоко впавшими. Вообще нужно замѣтить, что верхняя часть лица, сравнительно съ нижней, была очень велика, поэтому, для уничтоженія чрезчуръ рѣзкаго контраста между ними, греческимъ художникамъ приходилось дѣлать въ своихъ статуяхъ и картинахъ губы, обрисованныя, впрочемъ, очень тонко, полными, нѣсколько даже припухлыми, а подбородокъ круглымъ и выдающимся немного впередъ. Отъ этого самого типичная греческая голова отличалась крупными и рѣзкими чертами. Многое изъ этого, какъ мы уже сказали, дѣйствительно могло принадлежать головѣ грековъ, но все-таки нельзя же, чтобы на греческомъ лицѣ вовсе не существовало изгиба у верхней части носа, и во всякомъ случаѣ развитіе лба должно было представлять разнообразіе соответственно индивидуальности каждаго. И мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ индивидуальности на эти бюстахъ, сдѣланныхъ, очевидно, съ натуры.

Въ физическомъ развитіи греческія женщины нисколько не уступали мужчинамъ (конечно, при этомъ нужно принимать во вниманіе различіе половъ): онѣ были высоки, стройны и имѣли благородную, величественную осанку, какъ это видно изъ изображеній богинь и изъ тѣхъ глиняныхъ статуэтокъ, которыя весьма недавно были найдены въ Танагрѣ. Эти статуэтки, сдѣланныя съ рѣдкимъ искусствомъ, очевидно, слѣплены съ натуры. Въ женщинѣ греки, вопреки весьма распространенному на Востокѣ вкусу, не любили слишкомъ полныхъ формъ тѣла, но требовали отъ нихъ строгой соразмѣрности частей, которая бы, впрочемъ, не нарушала мягкости и округленности очертаній. По мнѣнію грека, у женщинъ и формы тѣла должны быть женственныя, а не мужскія, хотя послѣднее иногда встрѣчалось у спартанокъ, благодаря ихъ гимнастическимъ упражненіямъ; по крайней мѣрѣ Аристофанъ влагаетъ въ уста Лизистраты слѣдующія слова, обращенныя къ одной спартанкѣ:

„Здравствуй, лагонянка, дорогая Лампито!
Какъ ты, цвѣточекъ мой, похорошѣла,
пополнѣла!... Что за свѣжая краска, что
за сила въ твоемъ тѣлѣ! Ужъ, конечно,
ты сможешь удавить быка!“

— „Да, я думаю, потому что не даромъ-же
занималась гимнастикой!“

отвѣчаетъ та.

Лукіанъ набрасываетъ еще и другую картину женской красоты въ своемъ описаніи смирнянки Пантеи; но его описаніе едва-ли можетъ быть для насъ вполне яснымъ, такъ какъ онъ сравниваетъ эту красавицу съ весьма извѣстными, но, къ сожалѣнію, давно потерянными статуями и притомъ для сравненія беретъ только отдѣльныя части ихъ: у одной голову, у другой станъ, у третьей руку или ногу. Но все-таки его слова нѣсколько поясняютъ намъ, какія очертанія той или другой части тѣла считались древними изящнѣйшими. Такъ, напримѣръ, многіе думаютъ, судя по возобновленнымъ статуямъ, что у гречанокъ руки были некрасивы, неуклюжи, съ широкими и тупыми концами пальцевъ. Это мнѣніе совершенно ошибочно. Лукіанъ, напротивъ, часто говоритъ „о красивой формѣ кисти, о изяществѣ соединенія ея съ нижнею частью руки и о длинныхъ, постепенно-суживающихся пальцахъ“. Съ этимъ описаніемъ вполне согласуется то небольшое, что сохранилось до насъ отъ античныхъ женскихъ рукъ. У Капитолійской Венеры, напримѣръ, одной изъ наилучше сохранившихся статуй (у нея недостаетъ только нѣсколькихъ пальцевыхъ суставовъ), изображающей вполне развит-

пуюся женщину, красиво округленная рука оканчивается кистью съ постепенно суживающимися пальцами. Всѣ эти детали руки такъ красивы, что мы и въ настоящее время могли бы указать на нее, какъ на образецъ красоты и изящества руки. Точно также руки у танагрійскихъ фигуръ, вообще хорошо сохранившихся, безусловно прекрасны: онѣ достаточно полны и круглы въ верхней части, а красивые пальцы, средней длины, вполне соотвѣтствуютъ тому описанію греческой женской руки, которое дѣлаетъ Винкельманъ:

„красота молодой руки, говоритъ онъ, состоитъ въ умѣренной полнотѣ, бросающей едва замѣтныя, нѣжныя тѣни на сочлененія пальцевъ, гдѣ у полныхъ людей бываютъ небольшія ямки. Пальцы представляютъ собой какъ-бы маленькія красивыя колонки, постепенно суживающіяся, безъ рѣзкаго обозначенія суставовъ“. Сочиненія другихъ писателей еще болѣе пополняютъ наши свѣдѣнія о томъ, что, по понятіямъ древнихъ, было красивымъ. Такъ, мы узнаемъ, что греки особенно цѣнили высокій подъемъ ноги и что Аспазія, напримѣръ, славилась красотой своихъ ногъ, но при этомъ нужно замѣтить, что обувь была просторна, не стягивала ступни и нисколько не мѣшала свободному ея развитію: она позволяла даже разсмотрѣть цвѣтъ кожи ноги. У гречанокъ лицо было очень выразительно и миловидно; брови, граціозно изгибаясь, очерчивались мягкою, безъ рѣзкихъ изломовъ линіей, тогда какъ темныя длин-

Венера Капитолійская.

вой женщины, былъ похожъ на розу, только что распустившую свои лепестки. Женщины, наружность которыхъ соединяла въ себѣ всѣ только что перечисленныя характерныя черты греческой расы, могли быть названы, по мнѣнію грековъ, дѣйствительно красивыми, но такихъ было, конечно, немного; впрочемъ большинство родившихся свободными отличалось миловидностью, граціозностью, легкостью движеній и естественностью осанки. Поза греческой женщины, при всякомъ положеніи тѣла, была изящна и въ то же время естественна.

ныя рѣсницы осѣняли большіе влажные глаза, довѣрчиво и весело смотрѣвшіе на окружающій міръ. Темнорусые, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волоса и голубые глаза составляютъ необходимую принадлежность греческаго типа, какъ то указываютъ всѣ вообще раскрашенные статуи, найденныя въ Танагрѣ. Но разбросанность эллинскаго племени, обширность торговыхъ сношеній и постоянныя столкновенія въ различныхъ гаваняхъ и другихъ торговыхъ пунктахъ съ иноплемениками не позволили грекамъ долго сохранять типъ своего племени во всей его первоначальной чистотѣ и смуглая кожа, черные волосы и такіе-же глаза показывали въ грекѣ примѣсъ крови чуждой ему расы. Золотистый цвѣтъ волосъ обыкновенно сопровождался бѣлизной кожи съ оттѣнкомъ слоновой кости или розоватымъ отливомъ. Щеки были покрыты легкимъ румянцемъ, а ротъ, какъ это сказано въ описаніи одной краси-

Въ такомъ видѣ представляется этотъ совершенно исключительный типъ женщины древняго міра, красота и привлекательность котораго заключается столько-же въ соразмѣрности всѣхъ частей тѣла, сколько и во вполне соответственномъ развитіи души и тѣла. Рѣзче всего красота его выступаетъ и сильнѣе всего поражаетъ васъ въ истинно-художественныхъ произведеніяхъ греческаго искусства, для которыхъ образцами служили дѣйствительно живые люди, что недавно подтвердилось многочисленными раскопками, сдѣланными въ Танагрѣ, гдѣ найдены были статуэтки, изображающія женскія фигуры, полныя граціи и естественности.

Віотійцы, а къ нимъ причисляются жители Танагры, были извѣстны въ Греціи скорѣй съ дурной стороны, чѣмъ съ хорошей, тогда какъ женщины ихъ повсюду славились своей красотой, что и дало поводъ одному поэту сказать: „Не уклоняйся отъ встрѣчи съ віотянкою: она полна привлекательности“. Оивянкѣ даже присуждается первый призъ за красоту. Одинъ изъ писателей признаетъ ее за самую граціозную и миловидную изъ всѣхъ гречанокъ по ея высокому росту, по походкѣ, по изящности движенія и манеръ.

богаче и пестрѣе, чѣмъ впоследствии, въ періодъ полнаго развитія Греціи. Процвѣтаніе іонійскихъ городовъ и сношенія съ Азіей развили тамъ роскошь до небывалыхъ размѣровъ, которая проявилась также и въ богато-изукрашенной одеждѣ. Вліяніе азіатскихъ нравовъ и вкусовъ сказывается въ великолѣпнѣй и пестротѣ красокъ, въ употребленіи золотой вышивки и узорчатыхъ матерій. Изъ Іоніи философы, поэты и другіе писатели перенесли образованіе въ Аѣины, а вмѣстѣ съ образованіемъ перешла и роскошь костюмовъ. Во времена Солона Аѣины быстро расцвѣли и разбогатѣвшіе граждане этого города легко поддавались вліянію роскоши. Они стали носить длинныя одѣянія, спускавшіяся склад-

Даже рѣчь оивянки полна оживленія и прелести, тогда какъ рѣчь самихъ віотійцевъ отличалась какъ разъ противоположными качествами.

Изящество и тонкій вкусъ, присущіе вообще всѣмъ грекамъ и гречанкамъ, въ особенности проявляется въ формѣ ихъ одежды. Ихъ въ высшей степени несложная одежда, ниспадающая красивыми складками, вполне обрисовываетъ формы тѣла и нисколько не мѣшаетъ свободѣ движеній. Въ общемъ она не измѣнялась въ теченіе всей греческой исторіи, хотя, конечно, нѣкоторыя части ея и получили другую форму подъ вліяніемъ моды. Въ первыя времена греческая одежда была роскошнѣе,

Женщина изъ Танагры.
(Оригиналъ находится въ Британскомъ музеѣ).

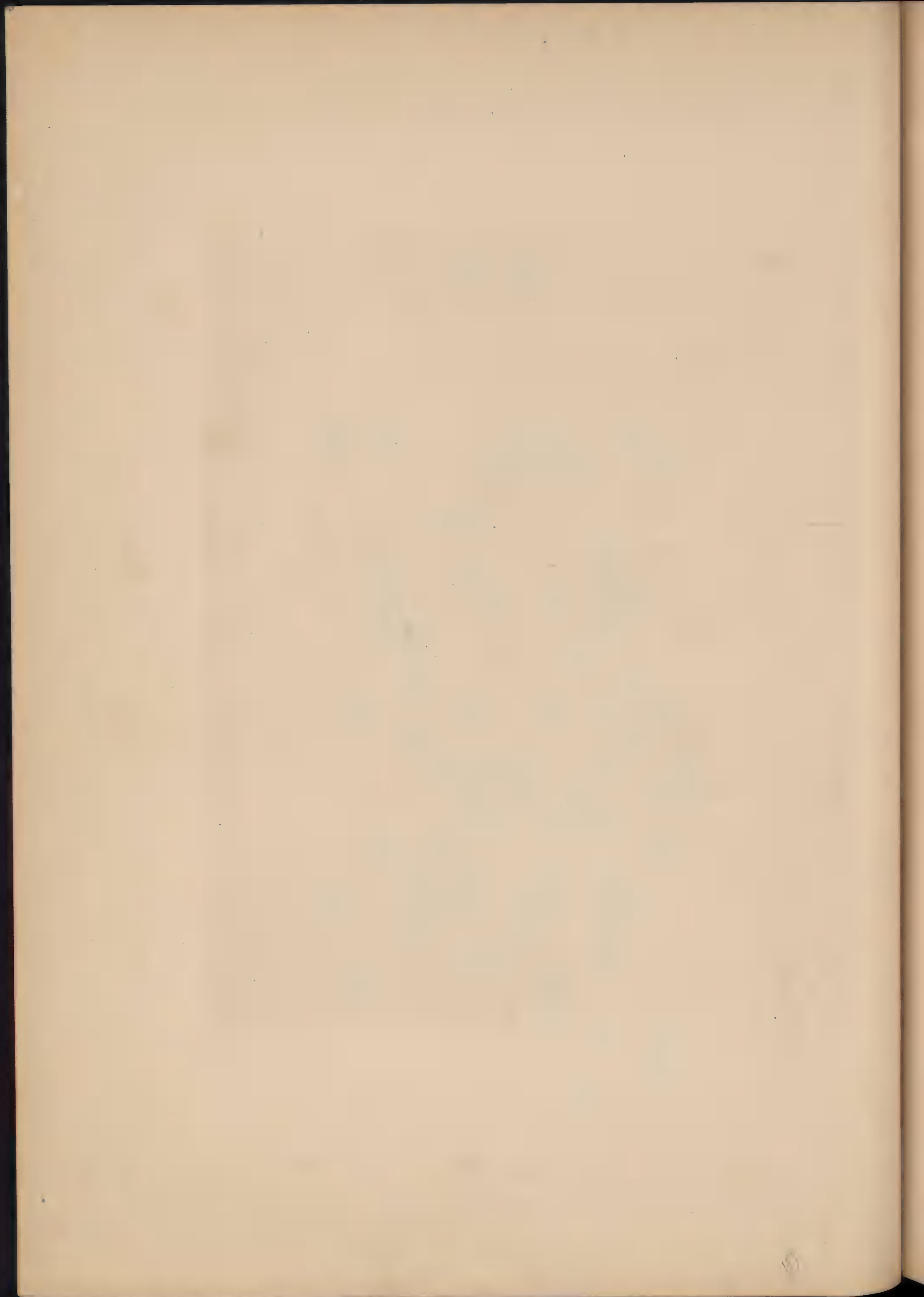

Римская вила.

8

ками до ногъ, и закалывать свои волосы золотыми булавками, головка которыхъ представляла золотого кузнечика (цикаду); когда же они выходили изъ дома, то рабы носили за ними мягкіе стулья.

Таково было положеніе дѣлъ въ Аѣинахъ ко времени Мараѳонской битвы. И при этихъ-то условіяхъ не кажется-ли чудомъ, что она была выиграна! Но не нужно забывать, что въ ней участвовали не одни богатые граждане, носившіе длинныя одежды и золотыя украшенія: вмѣстѣ съ ними сражались и простые сельскіе обыватели, крѣпкое, здоровое племя, которое выступало на сцену въ рѣшительную минуту и спасало отечество отъ угрожающей опасности. Со времени Персидскихъ войнъ роскошь нарядовъ постепенно исчезала, уступая мѣсто той простой и изящной одеждѣ, которою мы такъ часто восхищаемся въ произведеніяхъ греческаго искусства. Совершилось это, разумѣется, подъ вліяніемъ развивавшагося тогда пластическаго искусства; но это продолжалось недолго, и пышность не замедлила опять явиться: молодые, знатные аѣиняне, которыхъ Аристофанъ въ насмѣшку называлъ юношами съ „пышно-заманчиво-кольцеобвитыми пальцами“, въ длинныхъ со шлейфами плащахъ, съ умашенными и завитыми волосами и съ кольцами на пальцахъ до самыхъ ногтей, давали полный просторъ своему чванству. Алкивіадъ былъ однимъ изъ ихъ предводителей, софисты—учителя или, лучше сказать, развратители юношества—отъ нихъ не отставали.

Несмотря на то, что мода и тщеславіе часто очень обезображивали греческій костюмъ, однако общій его характеръ, какъ мы уже сказали, оставался съ начала до конца неизмѣннымъ. Одежда грековъ была та же самая, что и у римлянъ. Она рѣзко отличается отъ теперешнихъ нашихъ платьевъ своимъ несложнымъ покроємъ; ближе всего къ ней подходитъ названіе облаченія, такъ какъ ее нельзя было надѣвать на себя, а нужно было именно облекаться въ нее или набрасывать на плечи. По крайней мѣрѣ, послѣднее было основнымъ способомъ, первое—исключеніемъ. Для полнаго одѣянія какъ мужчины, такъ и женщины требовались только двѣ одежды, форма которыхъ для обоихъ половъ была совершенно одинакова. Правда, эта форма одеждъ нѣсколько измѣнялась подъ вліяніемъ времени, моды, возраста, сословія и личнаго вкуса, однако не на столько, чтобы общій видъ ихъ совершенно измѣнился.

Одежда какъ грека, такъ и гречанки состояла всегда изъ одного нижняго и одного верхняго платья; первое называлось хитономъ, а послѣднее гиматіономъ. Оба состояли изъ продолговатаго куска толстой матеріи и различались между собой только длиной и шириной и способомъ употребленія того или другого куска.

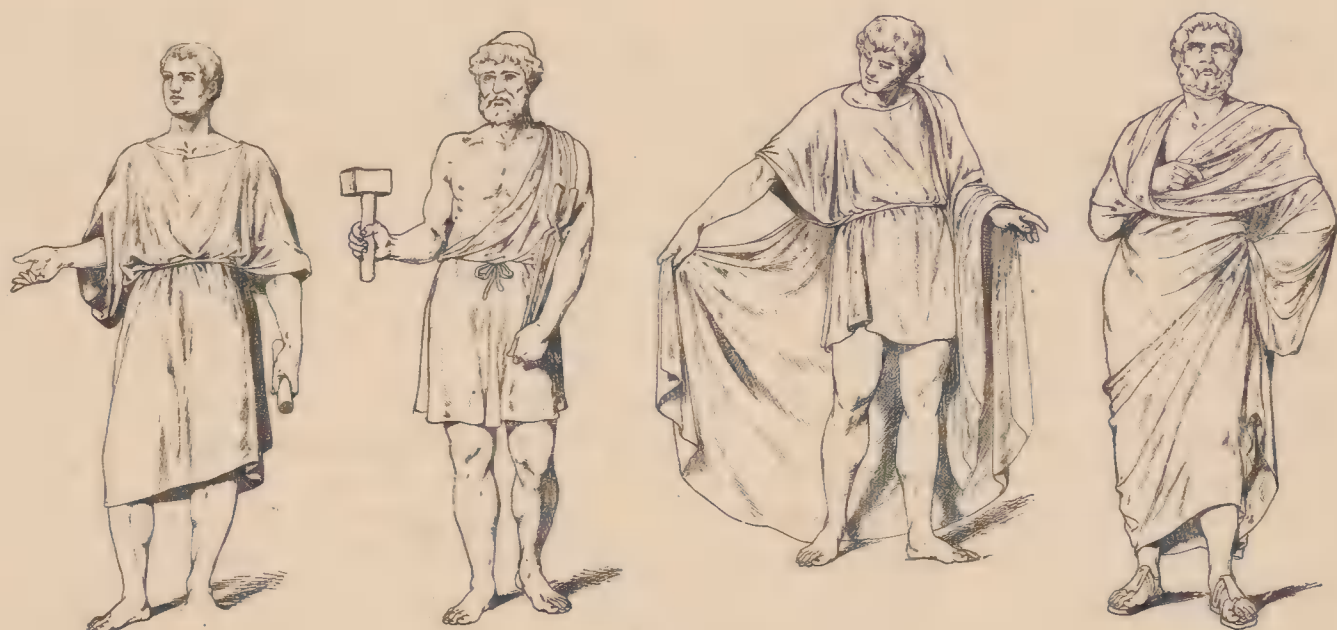
Сперва мы познакомимся съ мужскимъ хитономъ. При этомъ мы попросимъ читателя взглянуть на помѣщенные ниже рисунки, которые дадутъ ему вполне наглядное понятіе о древне-греческой одеждѣ.

Представимъ себѣ прямоугольный кусокъ сукна около двухъ аршинъ ширины и около четырехъ длины, сложенный пополамъ, какъ листъ бумаги. Этотъ кусокъ прикладывается къ тѣлу съ лѣвой стороны такъ, чтобы одна его половина покрывала спину, а другая—переднюю часть тѣла. На лѣвомъ плечѣ онъ подхватывается запонами, причемъ остается отверстіе, чрезъ которое проходитъ рука, а правая сторона свѣшивалась внизъ, оставаясь совершенно открытою. Такова основная форма хитона, изъ которой образуются побочные его виды,сообразно съ желаніемъ, потребностями и модой. На лѣвомъ плечѣ хитонъ могъ быть скрѣпленъ посредствомъ гладкаго шва, а на правомъ застежкой; открытая сторона его иногда зашивалась, такъ что хитонъ образовывалъ родъ блузы; онъ даже могъ имѣть короткіе рукава, которые покрывали верхнюю часть руки до локтя; правая сторона иногда спадала до бедра, такъ что половина груди и правая рука бывали совершенно свободны и голы. Въ этомъ видѣ хитонъ назывался, „экзомисомъ“, и такъ какъ онъ былъ очень удобенъ для работы, то его обыкновенно носили

рабы, рабочіе и ремесленники,—въ этомъ же хитонѣ обыкновенно изображался и Вулканъ (Гефестъ), богъ кузнечнаго искусства. Хитонъ, перехваченный выше бедръ поясомъ, доходилъ обыкновенно до колѣнъ. Щеголи, о которыхъ мы уже говорили, носили иногда хитоны съ длинными шлейфами. Охотники или вообще на походѣ подымали, съ помощью пояса, хитонъ очень высоко.

Женскій хитонъ былъ почти такой же, съ тою только разницею, что для него требовалось гораздо болѣе матеріи, такъ какъ онъ долженъ былъ спускаться до самыхъ ногъ и облегать все тѣло красивыми складками. Кусокъ матеріи обертывался вокругъ стана, прикрѣплялся на плечахъ и свободно спадалъ до низу, причемъ правая сторона тѣла была также открыта. Часто онъ былъ даже длиннѣе всей фигуры; тогда можно было, подхвативъ его поясомъ, собрать такъ, что онъ образовывалъ родъ буфа, покрывавшаго весь поясъ. Богиня охоты Артемида изображается всегда съ хитономъ, поднятымъ выше колѣнъ, а спартанскія дѣвушки, одѣвавшіяся вообще свободно

Мужчины.

1) въ хитонѣ,

2) Гефестъ въ экзомпсѣ,

3) моментъ надѣванія гиматіона,

4) въ гиматіонѣ.

и легко, большею частью носили хитоны только до колѣнъ, съ одной стороны разрѣзанные для болѣе свободы движеній.

Но женское тщеславіе и кокетство, конечно, не могло удовлетвориться простотою хитона первоначальнаго образца. Женщины умѣли собирать буфъ, образуемый поясомъ, въ изящныя складки, и онъ нерѣдко ниспадалъ до самыхъ колѣнъ. Онъ назывался „колпосъ“ (κόλπος—пазуха) и часто встрѣчается на статуяхъ роскошно одѣтыхъ богинь. На плечи и грудь до пояса женщины набрасывали накидку (διπλόδιον) кусокъ матеріи, который образовался изъ загнутаго верхняго края хитона. Постепенно мода, а можетъ быть и потребность, создала изъ диплойдіона особую часть одежды, надѣвавшуюся поверхъ хитона, въ родѣ душегрѣйки.

Весьма разнообразны были формы рукавовъ и способы скрѣпленія на плечахъ частей хитона. Сначала хитонъ былъ совсѣмъ безъ рукавовъ и съ застѣжками на плечахъ; потомъ появились и рукава, большею частью короткіе, собранные въ видѣ мѣшка выше локтя, или же и открытые, съ тремя застѣжками въ верхней части руки, а не то

такъ и просто сшитые. По рисункамъ на древнихъ вазахъ видно, сколько мода и вкусъ вносили тутъ разнообразія. Когда хитонъ съ правой стороны зашивался, то онъ превращался уже въ платье, которое надѣвали черезъ голову, вмѣсто того чтобы набрасывать на себя.

Гиматіонъ—верхняя одежда мужчинъ и женщинъ, не подвергался такимъ измѣненіямъ: онъ навсегда остался плащемъ. Это былъ продолговатый кусокъ ткани, похожій на хитонъ въ простѣйшемъ видѣ, но только значительно большихъ размѣровъ, въ особенности въ длину; впрочемъ и величина его была различна, смотря по тому, для чего онъ употреблялся и какимъ образомъ его носили. Мужчина набрасывалъ одинъ конецъ ткани сзади, черезъ лѣвое плечо, затѣмъ пропускалъ его или подъ правую руку, или же поверхъ ея и закидывалъ другой конецъ опять черезъ лѣвое плечо назадъ, такъ что гиматіонъ спадалъ на спину отвѣсными складками. Мужчина могъ такимъ образомъ закутываться въ свой гиматіонъ съ ногъ до головы, причемъ руки его были,

Женщины.

1 и 2) въ различные моменты надѣванія хитона.

3) въ простомъ хитонѣ,

4) въ хитонѣ и накидѣ, въ моментъ застегиванія его.

смотря по желанію, или совсѣмъ спрятаны, или же свободны; складки надъ плечами можно было, въ случаѣ нужды, тоже стянуть, или отпустить свободнѣе.

Женскій гиматіонъ, какъ мы уже сказали, ничѣмъ не отличался отъ мужского: та же форма, тотъ же способъ ношенія, тѣ же незначительныя измѣненія сообразно съ личнымъ вкусомъ. Впрочемъ въ одеждѣ женщинъ гиматіонъ имѣлъ большее значеніе, чѣмъ въ одеждѣ мужчинъ, такъ какъ, по общепринятому, строго соблюдавшемуся обычаю, греческая женщина не могла выходить изъ дома безъ гиматіона; дома же она могла быть въ одномъ хитонѣ. Поэтому, для того чтобы нравиться и вмѣстѣ съ тѣмъ не выходить изъ границъ приличія, ей приходилось обращать особенное вниманіе на то, какъ одѣть хитонъ и какимъ образомъ расположить его складки, чтобы фигура ея показалась изящной и скромной. Постоянное упражненіе и женская изобрѣтательность создали изъ этого цѣлую науку. Женщина выказывала при этомъ свой личный вкусъ и даже нѣкотораго рода кокетство. Серьезная и соблюдающая приличіе женщина окутывала въ гиматіонъ всю свою фигуру вмѣстѣ съ руками, накидывая его иногда и на голову и прикрывая на половину лицо, такъ что виднѣлись только глаза да носъ. Въ такомъ видѣ

изображались обыкновенно оивянки, какъ то показываютъ многія изъ найденныхъ въ Танагрѣ статуэтокъ. Эти высокія, стройныя фигуры, нерѣдко въ заранѣ обдуманной граціозной позѣ, выступающія медленнымъ, величественнымъ шагомъ, укутавшись въ свои широкіе со складками гиматіоны, кажутся не только достойными уваженія матронами, но и истинными образцами красоты. Молодыя женщины, въ сознаніи своей юношеской прелести и, разумѣется, не безъ умышеннаго кокетства, плотно обтягивали легкій гиматіонъ вокругъ стана, особенно у плечъ и бедръ, чтобы выставить все изящество и красоту своего тѣлосложенія. Этимъ искусствомъ выставить на показъ красоту формъ тѣла въ совершенствѣ владѣли не только всѣ вообще гречанки, но и греческіе художники.

На одежду вліяли, кромѣ возраста и вкуса, еще погода и время года. Во время лѣтняго зноя употреблялась и ткань легкая и кусокъ ткани былъ меньшаго размѣра. Въ этомъ видѣ гиматіонъ назывался „калиптра“ (καλύπτρη—фата), тогда какъ въ другое время его называли также „пеплосъ“ (πέπλος). Онъ состоялъ большею частью только изъ легкой, тонкой накидки, которая ничего не прикрывала и надѣвалась только ради приличія: ее набрасывали на плечи и руки и окутывали ею голову, какъ вуалью. Искусство красиво и изящно драпировать складки гиматіона считалось гречанками немаловажнымъ достоинствомъ женщины.

Мужской гиматіонъ подвергался также различнымъ измѣненіямъ. Когда Аѣины, послѣ Персидскихъ войнъ, во времена Кимона, стали подражать во всемъ спартанцамъ, вошли въ вомъ застегивался брошкою, такъ что онъ прикрывалъ верхнюю часть тѣла, не стѣсняя въ то же время свободы движеній. Хламида была собственно одеждою юношей, тогда какъ мальчики носили только хитонъ. Ее носили также путешественники и всадники, а поэтому самому и Гермесъ, постоянно странствовавшій посланецъ боговъ, всегда изображается одѣтымъ въ хламиду. Ее очень часто можно видѣть на картинахъ и изображеніяхъ, напримѣръ, на наѣздникахъ, представленныхъ на фризѣ Парѣнона.

Въ этомъ собственно состояла (мы, впрочемъ, не говорили еще объ обуви и головныхъ уборахъ) вся одежда грековъ и гречанокъ въ эпоху высшаго развитія ихъ отечества и процвѣтанія у нихъ искусствъ. Пластичность этой одежды какъ бы являлась на помощь искусству, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые носили эту одежду, высоко ставили умѣнье красиво собирать и располагать ея складки. Самая матерія способствовала развитію этого искусства, такъ какъ она легко сгибалась въ самыя разнообразныя складки: для одежды преимущественно употреблялась шерстяная матерія, которая, какъ извѣстно, отличается своей мягкостью и гибкостью. До времени Персидскихъ войнъ аѣиняне носили длин-

Женщины.

- 1) въ хитонѣ и на-
кидкѣ съ колпосомъ. 2) въ хитонѣ и гиматіонѣ

Эфебъ въ хитонѣ и шляпѣ.

Эфебъ въ хламидѣ и шляпѣ.

ный полотняный хитонъ, но въ послѣдующія времена плотно въ мужской одеждѣ почти вовсе не встрѣчается; женщины носили полотняный хитонъ, должно быть, довольно часто, что можно заключить изъ тонкости складокъ нижняго платья на статуяхъ. Бумажная матерія хотя и была извѣстна, но составляла исключительное явленіе, точно такъ же, какъ и шелкъ, который только въ позднѣйшее время сталъ употребляться для одеждъ. Шерстяная матерія также была различной плотности, тонкости и отдѣлки, смотря по времени года и по состоянію. Зимой носили толстые плащи съ грубымъ ворсомъ наружу, а на лѣто платья дѣлались изъ очень тонкой, прозрачной и легкой матеріи, похожей на нашу кисею.

Кромѣ этихъ двухъ родовъ матеріи было еще много другихъ, изъ которыхъ одни годились болѣе для дѣланія пышныхъ складокъ, другія длинныхъ и извилистыхъ.

Не одинъ только скульпторъ, но и живописецъ находилъ въ греческой одеждѣ то, что ему нужно для своего искусства, — онъ находилъ въ ней богатство красокъ. Собственно говоря, натуральный цвѣтъ бѣлой шерсти считался самымъ приличнымъ для платья цвѣтомъ. Его, безъ сомнѣнія, очень много носили какъ мужчины, такъ и женщины; такъ, на примѣръ, о египтянкахъ рассказываютъ, что онѣ покрывали го-

Дѣвочка Танагріанка въ хитонѣ.

лову и лицо плащами изъ бѣлой матеріи; точно также у танагрійскихъ терракотъ цвѣтъ нижняго платья былъ преимущественно бѣлый. Однако уже до Персидскихъ войнъ въ Греціи стали входить въ употребленіе заимствованныя изъ Іонійскихъ колоній пестрыя одежды и даже узорчатая матерія. Хотя послѣднія и рѣдко встрѣчались въ цвѣтушія времена Греціи, но ихъ замѣняли разноцвѣтными вышивки по краямъ, по угламъ и даже посерединѣ одежды. Часто гиматіонъ дѣлался изъ ма-

теріи ярко-голубой, фіолетовой, желтой, красной или пурпуровой. Женщины танагрійскія, кажется, болѣе всего любили розовый цвѣтъ; это обыкновенный цвѣтъ ихъ плащей, которые окаймлялись тканью другого цвѣта или же золотою тесьмой.

Употребленіе обуви и головныхъ уборовъ въ древности, сравнительно съ новѣйшимъ временемъ, было совершенно ничтожно. Мужчина дома вовсе не носилъ обуви, а приходя къ кому нибудь въ гости или на обѣдъ, онъ снималъ ее у дверей. Даже Сократъ, отправляясь на званный обѣдъ, надѣвалъ новыя, красивыя сандаліи (т. е. подошвы, прикрѣплявшіяся къ ногамъ посредствомъ ремней), хотя обыкновенно ходилъ безъ обуви даже зимою. Это не было, однако, общимъ правиломъ. Хорошая обувь болѣею частью составляла, какъ и теперь, необходимую принадлежность приличнаго костюма. Кто имѣлъ претензію быть

хорошо одѣтымъ, долженъ былъ имѣть соотвѣтствующую обувь, а потому ни искусство, ни ремесло не оставляли этой части одежды. Даже простыя сандаліи — и тѣ вырѣзались для каждой ноги отдѣльно. Формы обуви были очень разнообразны, начиная отъ простой подошвы-

Грекъ и гречанка въ разноцвѣтномъ одѣяніи.

или золотистою ременною перевязкою, доходившею до икръ. Тоже самое было съ башмаками. Фивянки носили красныя башмаки, зашнурованные такъ, что голая нога виднѣлась черезъ шнуровку. Танагрійскія женщины окрашивали въ красный цвѣтъ только толстыя подошвы, верхняя-же часть башмака была всегда желтая. Сапоги или полусапожки составляли обувь странниковъ и наѣзтниковъ, а также богини Артемиды-охотницы. Франты также носили пестрые зашнурованные сапоги. Впрочемъ, несмотря на это, обыкновенный цвѣтъ мужской обуви, надо полагать, былъ черный.

Головные уборы во всякомъ случаѣ не были въ такомъ употребленіи, какъ обувь, которая составляла вопросъ большаго или меньшаго приличія, но все-таки греки, кажется, употребляли ихъ чаще, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ. Конечно, постоянныя

сандаліи до высокихъ ботфортовъ, доходившихъ иногда до колѣнъ. Чаше всего употреблялись у грековъ, конечно, сандаліи, но и высокіе башмаки (котурны) были не рѣдкость. Сандаліи обыкновенно прикрѣплялись къ ногамъ простымъ ремнемъ, а иногда и искусной работы разноцвѣтною

Различные виды обуви.

Головы мужчинъ.

гимнастическія упражненія юношей на открытомъ воздухѣ подъ палящими лучами полуденнаго солнца имѣли цѣлью пріучить ихъ къ тому, чтобы головы ихъ могли оставаться непокрытыми, безъ опасности получить солнечный ударъ. Вслѣдствіе этого греки всѣхъ возрастовъ ходили обыкновенно съ непокрытою головою. Иное дѣло путешественники и наѣзтники. — тѣ вмѣстѣ съ хламидою надѣвали шляпу, которая составляла какъ бы необходимую принадлежность этого рода одежды. Гермесъ, напр., носилъ или шлемъ съ крыльями, или шляпу и, не смотря на свое божественное происхожденіе, очень вѣжливо снималъ ее при поклонахъ, что уже и тогда было въ обычаѣ. Шляпы дѣлались большею частью войлочные, имѣли круглую форму съ болѣе или менѣе широкими полями, мягкими или твердыми, которыя были

Парикмахеръ.
Группа, найденная въ Танагрѣ.

По крайней мѣрѣ многія изъ тѣхъ женскихъ фигуръ, которыя найдены въ Танагрѣ, представлены со шляпами на головахъ, изъ чего нельзя не заключить, что въ этомъ богатомъ городѣ шляпа у женщинъ была въ общемъ употребленіи. Она тамъ имѣла въ высшей степени оригинальную форму большой плоской тарелки съ высокимъ остріемъ посерединѣ; качаясь надъ головою, шляпа защищала ее отъ солнца, но какимъ образомъ она прикрѣплялась къ головѣ — неизвѣстно. Цвѣтъ шляпъ былъ разли-

или приподняты кверху, или опущены внизъ. У моряковъ шляпа была безъ полей въ формѣ ермолки; въ подобныхъ шляпахъ изображается Харонъ, мрачный перевозчикъ черезъ рѣку Стиксъ, и Одиссей, блуждающій мореплаватель. Во всякомъ случаѣ шляпа не составляла потребности для грека; употребленіе ея было гораздо больше распространено среди женщинъ, среди которыхъ, впрочемъ, ношеніе ея было скорѣе однимъ изъ требованій моды, чѣмъ необходи-

Головы женщинъ.

ченъ, такъ, напр., голубья съ красною или золотою каймою и др.; поэтому она производила впечатлѣніе скорѣй наряда, чѣмъ необходимой части одежды и, безъ сомнѣнія, надѣвалась тогдашними дамами не безъ цѣли придать этимъ своей фигурѣ больше кокетливости. хотя, съ другой стороны, она придавала и видъ солидности, будучи прикрѣплена къ окутанной въ гиматіонъ головѣ.

Чѣмъ рѣже употреблялись шляпы, тѣмъ болѣе мужчины и женщины заботились о своей причeskѣ. Для грека высшаго круга было просто неприлично явиться въ общество

плохо причесаннымъ, и при случаяхъ особенной важности требовалась также особенно тщательная прическа. Такъ, напримѣръ, у спартанцевъ былъ обычай особенно хорошо причесываться передъ битвой, какъ будто они шли не на смерть, а на празднество. Ксерксъ, разумѣется, не въ состояніи былъ понять, чтобы лицомъ къ лицу со смертию можно было еще наряжаться, и очень удивился, узнавъ, что спартанцы передъ самымъ сраженіемъ при Термопилахъ усердно занимались расчесыва-

кадою (*κρεβδύλος*). Въ Спартѣ мальчики носили короткіе волосы, а эфебы (*ἐφῆβοι*—юноши)—длинные. Наоборотъ, въ Аѣнахъ молодые люди, вступая въ возрастъ эфeбовъ, обрѣзали свои волосы и съ особыми церемоніями посвящали ихъ какому нибудь божеству, а потомъ снова ихъ отпускали. Но всѣ греки безъ исключенія очень заботились о своихъ волосахъ, были ли эти волосы длинны или коротки.

То же самое было и съ бородою: ее нигдѣ не подстригали совсѣмъ коротко и не сбривали. Красивая окладистая борода считалась украшеніемъ мужчины. Равнымъ образомъ не носили ее вовсе неподстриженною, что считалось неприличнымъ или по крайней мѣрѣ страннымъ. Совершенно гладкія, безбородыя лица встрѣчаются только позже, во времена Александра Великаго. Это былъ восточный обычай и сколько ему ни противи-

ніемъ своихъ длинныхъ волосъ; они думали, что хорошо причесанные волосы дѣлаютъ красиваго еще красивѣе, а некрасиваго еще ужаснѣе.

Говоря вообще, въ Греціи носили волосы умеренной длины, но въ частности это правило подвергалось значительнымъ измѣненіямъ, смотря по возрасту, мѣстности и по времени года. Такъ, напримѣръ, аѣняне, послѣ Персидскихъ войнъ, совсѣмъ перестали носить хохолъ, который они зачесывали вверхъ и прикрѣпляли надо лбомъ ци-

Клитія.

Мраморный бюстъ: находится въ британскомъ музеѣ.

Святилище Диоскуровъ, храмъ Аполлона.
Гробница Фемиды
Жертвенникъ Геркулеса.

Плотаповая ропа.
Дромосъ въ Спартѣ

Гимназіумъ
Статуя Кастора
охранителя мѣста.

Одеонъ.

лись въ Греціи, считая его признакомъ изнѣженности, онъ всетаки настолько распространился среди грековъ, что только философы и софисты остались вѣрны традиціямъ старины.

Стрижкой волосъ и бороды и причесываньемъ ихъ занимались парикмахеры. Ихъ было очень много во всѣхъ греческихъ городахъ, особенно въ Аѳинахъ, которыя содержали для этой цѣли особыя публичныя помѣщенія. Парикмахеры, уже и тогда отличавшіеся своей болтливостью, собирали всѣ новости и знали всѣ городскія сплетни, распространеніемъ которыхъ они, конечно, усердно занимались. Часто ходили къ нимъ только за тѣмъ, чтобы разузнать о томъ, или о другомъ происшествіи, такъ что помѣщенія ихъ были постояннымъ сборищемъ праздной, любопытной и болтливой толпы проводившей тамъ часть дня, какъ теперь это бываетъ въ кофейныхъ.

Греки вообще любили курчавые, вьющіеся волосы и умѣли ихъ искусно убирать и завивать въ локоны. Роскошные длинные волосы женщинъ представляли для парикмахеровъ богатый матеріалъ, который подъ ихъ искусными руками превращался въ самыя разнообразныя прически: иногда онѣ были очень просты, а иногда чрезвычайно замысловаты. Прическа молодыхъ женщинъ отличалась отъ прически старухъ и измѣнялась еще смотря по тому, оставалась ли женщина дома, или шла въ гости, или на торжественное празднество; кромѣ того, на форму ея вліяло положеніе женщины въ обществѣ, сословіе, къ которому она принадлежала, время года и мода, наконецъ въ ней многое зависѣло отъ голова Аріадны, принимаемая за голову Вакха; наконецъ ихъ носили куртизанки. Общимъ правиломъ для порядочныхъ женщинъ было не закрывать затылка и плечей своими волосами, о томъ же, чтобы быть открытъ лобъ, онѣ мало заботились, такъ какъ высокій лобъ не считался признакомъ красоты, въ особенности женской.

У Клитіи, одной изъ прелестнѣйшихъ головъ классическаго искусства, полной красоты и естественности, лобъ очень узокъ; прическа ея можетъ служить образцомъ простоты: посерединѣ головы волосы раздѣлены проборомъ, а у висковъ они закинута назадъ въ видѣ искусно уложенныхъ локоновъ. Способы собиранія волосъ на затылокъ были весьма различны. Чаше всего волосы завязывались въ узелъ (*κόρυμβος*) или ближе къ затылку, или на темени. Такую, напримѣръ, прическу носили, какъ говорятъ, ѳивянки, называвшія ее „лампадіонъ“, такъ какъ она своей формой и рыжеватымъ цвѣтомъ волосъ нѣсколько напоминала пламя. Кромѣ того употреблялись и ленты въ одинъ, два, три ряда для скрѣпленія волосъ на головѣ на различныя манеры. Ленты

Женская головка въ мюнхенской глиптотекѣ.

личнаго вкуса. Писатели даютъ тогдашнимъ прическамъ много различныхъ названій. Напрасенъ былъ бы трудъ описывать всѣ прически и приводить всѣ ихъ названія, — достаточно только указать на свойственныя всѣмъ общія черты.

Хотя гречанки и любили вьющіеся волосы, но длинные локоны, падающіе на лице и шею, носили преимущественно жрицы, прислужники Вакха тоже вакханки, распускали свои волосы: самъ Вакхъ часто представляется въ локонахъ, ими украшена и такъ называемая

были цвѣтныя или золотыя и начинались или отъ затылка, или у самого лба. Широкая лента, которая въ видѣ діадемы отдѣляла волосы отъ лба, по формѣ своей называлась σφενδονή, т. е. праща. Въмѣсто лентъ нерѣдко употребляли также шелковыя сѣтки различныхъ цвѣтовъ, или золотыя нитки, или маленькіе платки, въ которые собирали волосы какъ бы въ мѣшокъ и прикрѣпляли къ затылку. Всѣ эти простѣйшіе виды причесокъ были вызваны, если хотите, необходимостью, но врожденный вкусъ гречанокъ умѣлъ изъ простоты создавать разнообразіе, изъ необходимости цѣлое искусство. Но во всѣхъ изображеніяхъ греческихъ женщинъ, во множествѣ представляемыхъ намъ произведеніями древняго искусства, нарядъ ихъ, какъ бы онъ ни былъ разукрашенъ, всетаки полонъ изящества и естественности и далекъ отъ той искусственности и даже эксцентричности, которыми отличались пышные уборы римлянокъ временъ Имперіи.

Гречанки не только обладали искусствомъ изящно одѣваться, но и знали много средствъ и снадобій для увеличенія или по крайней мѣрѣ для поддержанія своей красоты. Онѣ успѣшно боролись противъ вліянія времени и возраста, этихъ злѣйшихъ враговъ красоты, и при помощи различныхъ притираній еще долго поддерживали свѣжесть и хорошій цвѣтъ лица, пока, наконецъ, не были вынуждены, по непреложнымъ законамъ природы, уступить всеильному времени. Тогда оставалось имъ только одно: отказавшись навсегда отъ напрасной уже борьбы, сложить свое оружіе и посвятить его богинѣ любви, какъ это говорится въ надписяхъ; на примѣръ:

„Ты, Критерея, правда, и одаряешь красотою,
но вѣдь придетъ время, которое отниметъ
прекрасные дары твоего благоволенія. Такъ какъ
время это и для меня уже проходить, то возьми
этихъ свидѣтелей твоего потеряннаго дара, о
возвышенная, назадъ!“...

Даже Лаиса, которая праздновала такъ много побѣдъ, должна была наконецъ сдаться:

„Она, которая когда-то съ прелестною,
презрительною улыбкою смѣялась надъ Элладой;
она, жилище которой постоянно было окружено
толпою влюбленныхъ, Лаиса посвящаетъ свое
зеркало Нафії. „Такъ какъ себя, какова я теперь,
■ не хочу видѣть, а такой, какою я была,
зеркало мнѣ показать не можетъ!“...

Гречанка щеголиха употребляла для своего туалета пятьдесятъ различныхъ предметовъ, которые одинъ изъ писателей перечисляетъ такъ: зеркала, баночки и скляночки масла и помады, щетки и гребенки, кисти и краски. Да, и кисти и краски! Дѣло въ томъ, что гречанки умѣли вовремя придти на помощь природѣ и предупредительно помогали ей скрыть свои недостатки. Онѣ разрисовывали бѣлилами и румянами щеки, кисточкою придавали бровямъ красивый изгибъ, красили ихъ, равно какъ и рѣсницы, темной краской, носили фальшивые волосы, сѣдые волосы красили въ черный цвѣтъ, а желтоватые въ золотисторыжій. Опять-таки этими свѣдѣніями мы обязаны надписямъ

„Многіе, утверждаютъ что ты, Никилла,
красишь въ черный цвѣтъ свои волосы и что ты
такою черною, какова ты теперь, уже куплена
на рынкѣ.

Въ другомъ мѣстѣ говорится:

„Ты покупаешь свинцовыя бѣлила, медъ и
воскъ, локоны ■ зубы; но вѣдь за эти же самыя
деньги ты могла бы купить цѣлое лицо.

Или еще подробнѣе.

„Подкрашивай пожалуй голову, но вѣдь ты этимъ не подкрасишь старость, не разгладить тебѣ морщинъ на своихъ щекахъ, и какъ ты ни натирайся свинцовыми бѣлилами, всетаки это будетъ не новое лицо, а только маска. Конечно, тебѣ это не нравится, но о чемъ же ты хлопочешь? Никогда не можетъ быть того, чтобы отъ бѣлилъ и румянъ Гекуба сдѣлалась Еленой.

Чтобы вы-
красить во-
лосы въ золо-
тистый цвѣтъ,
гречанки упо-
требляли тѣ
же средства,
какія венеціан-
ки XVI сто-
лѣтія; онѣ на-
мазывали во-
лосы ѣдкою
мазью и въ та-
комъ видѣ са-
дились на солн-
це. Впрочемъ
цвѣтъ, хотя это и считалось женскою суетностью.

Флаконы, зеркала, скребцы, опахала.

мужчины едва-
ли отставали
въ этомъ отъ
женщинъ, по
крайней мѣрѣ
они также ок-
рашивали свои
волосы и боро-
ды въ черный
цвѣтъ, когда
начала показываться сѣди-
на, а иные кра-
сили волосы въ
каштановый и
бѣлокурый

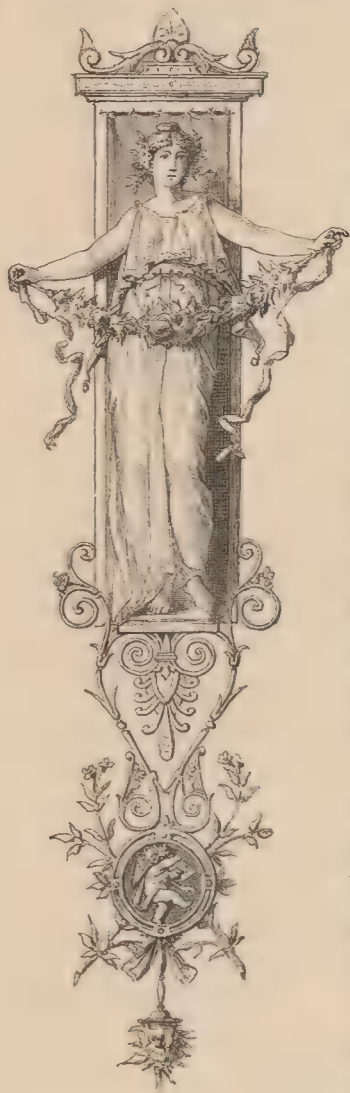

Снаряженіе невесты къ свадьбѣ
Кассандра и Беллерофонъ, рис. съ вазы.

Продажа цвѣтовъ.

Въ обыкновенное время для туалета греческой дамы требовались только благовонныя масла и притиранія. Духи и разныя косметическія вещества, эти произведенія Азіи и въ особенности Аравіи, тоже были въ большомъ ходу въ Греціи. Уже у Гомера богини были всегда окружены благоуханіемъ амврозій. Онѣ умѣли придать красоту и прелесть не только самимъ себѣ, но и людямъ; такъ напр., Аѳина во время сна Пенелопы сдѣлала ее прекраснѣе, чѣмъ обыкновенно, а Гера еще болѣе увеличивала обаятельность своей красоты, когда хотѣла одурачить своего упрямаго супруга. Ни одно общественное празднество, ни одно пиршество не обходилось безъ куреній различныхъ благовонныхъ маселъ и духовъ. Аѳиняне приготовляли ихъ въ высшей степени искусно. Говорятъ, что нѣкоторыя высокопоставленныя дамы временъ Александра Великаго, напримѣръ королева Вереника, изобрѣли особыя косметическія вещества, сами ихъ составляли и сами ввели въ употребленіе. Аспазія даже написала цѣлую книгу въ 2-хъ томахъ о косметикѣ, но, къ сожалѣнію, эта книга сгорѣла во время Александрійскаго пожара.

Греческая дама послѣ купанья или, лучше сказать, послѣ того, какъ прислужница обольетъ и обмоетъ ее въ большомъ чану (ванны въ домахъ встрѣчались рѣдко, а мыться въ общественныхъ купальняхъ считалось не совсѣмъ приличнымъ), заставляла себѣ натирать волосы и все тѣло благовонными веществами. Нашего мыла греки не знали; оно замѣнялось другими очень разнообразными средствами. Затѣмъ гречанка надѣвала хитонъ и начинала свой туалетъ. У знатныхъ дамъ было множество прислужницъ и всѣ онѣ были чѣмъ нибудь заняты: одна обмахивала свою госпожу большимъ вѣеромъ, другая

причесывала ее, третья держала маленькое металлическое зеркало, четвертая подавала ей коробочку, из которой та доставала кольца, серьги, золотые обручи для нижней части руки около кисти и для верхней надъ локтемъ, цѣпочки для шеи и волосъ, пряжки для поддержанія одежды и т. д. Выходя изъ дому, она надѣвала плащъ и брала въ руки вѣеръ въ видѣ окрашеннаго въ какой нибудь цвѣтъ пальмоваго листа, на примѣръ голубой съ красною каймою, какой обыкновенно употребляется танагрійскими женщинами. Когда она сидѣла на открытомъ воздухѣ, служанка держала надъ ней большой раскрытый зонтикъ для защиты отъ лучей солнца. Когда же она отправлялась на какое нибудь празднество, то вѣнокъ на головѣ составлялъ непремѣнную принадлежность ея туалета.

Цвѣты и вѣнки были самымъ обыкновеннымъ украшеніемъ даже въ обыденной греческой жизни. Ни одинъ праздникъ не обходился безъ нихъ, ни одно торжество какъ радостное, такъ и печальное; ими украшали храмы, дома, алтари и статуи людей, молодыхъ и старыхъ. Молодые люди прогуливались съ цвѣтами въ рукахъ, подобно тому какъ нынѣшніе франты носятъ ихъ въ петлицѣ верхней одежды; на большихъ обѣдахъ украшали цвѣтами и вѣнками не только голову но и грудь, чаши и кубки. Вино, душистыя масла, вѣнки и цвѣты были неразлучными спутниками грека. Анакреонтъ поетъ:

„Натри меня масломъ, обвей мою голову розами“.

Цвѣты и вѣнки продавались женщинами на рынкахъ; въ Аѳинахъ мѣстомъ продажи цвѣтовъ былъ такъ называемый „миртовый рынокъ“. Вѣнки изъ зелени дѣлались обыкновенно изъ мирта, плюща, серебристаго тополя, какъ у танагрійскихъ дамъ, или наконецъ изъ вѣтвей другихъ растений; въ нихъ влетали цвѣты самыхъ разнородныхъ сортовъ.

„Я переплету нѣжный нарциссъ съ душистою
миртой, я влету въ вѣнокъ улыбающуюся лилію,
вмѣстѣ съ фіалкою, прелестный крокусъ съ нѣжнымъ
цвѣтомъ гіацинта; влету я туда и розы, это
прелестное украшеніе, такъ что они обовьютъ
благоухающую голову Геліодоры. Я разсыплю цвѣты
и цвѣтки по ея волнистымъ волосамъ.“

Изъ всѣхъ цвѣтовъ любимѣйшимъ и наиболѣе употребительнымъ была роза, царица цвѣтовъ, цвѣтокъ любви. Какъ теперь на Востокѣ, такъ и въ классической древности розу прославляли поэты въ своихъ пѣсняхъ.

Увядшій послѣ ночной пирушки вѣнокъ нерѣдко прикрѣплялся къ двери возлюбленной, какъ знакъ вѣрности, такъ и для напоминанія о недолговѣчности молодости и красоты.

„Какъ этотъ вѣнокъ, цвѣтешь ты и поблекнешь такъ же, какъ онъ“.

Эти слова были какъ бы предсказаніемъ для грековъ и гречанокъ. Ихъ красота, ихъ прелесть сохранялась долѣе, чѣмъ свобода этой націи. Пока гимнастическія упражненія и публичныя состязанія продолжались, что было еще во времена императоровъ, до тѣхъ поръ только и можно было видѣть прекрасные образцы высшей греческой красоты и вполне правильно развитыхъ людей; но съ распространеніемъ изнѣженности нравовъ все это исчезло безвозвратно, забыта была и изящная по своей простотѣ и удобная одежда древнихъ грековъ: она замѣнилась нынѣшними стѣснительными костюмами Византійской имперіи, которые, въ свою очередь, исчезли во время нашествія варваровъ. Но и эти послѣдніе жалкіе остатки классической древности исчезли во время переселенія народовъ.

Греческія женщины въ домашнемъ быту.
Рисунки на вазахъ.

III.

Женщины.

В ПЕРВЫЯ времена историческаго развитія Греціи мы видимъ чудные, стройные, полные совершенства женскіе образы, истинные идеалы благородной и любящей женщины, которые рѣзко выдѣлялись на мрачномъ фонѣ картины тогдашнихъ нравовъ. Такова была, напримѣръ, Адраста, добровольно обрекая себя на смерть, чтобы смертию своею сохранить жизнь и здоровье своего мужа; Ифигенія, которая, не проронивъ ни одного слова, безъ малѣйшаго признака недовольства или горести, отдала себя въ жертву, исполняя жестокий приговоръ отца и жреца. Антигона, движимая чувствомъ дѣтской любви и сознаниемъ своего долга, вопреки запрещенію Креона, слѣдуетъ въ изгнаніе за своимъ несчастнымъ, отвергнутымъ собственными дѣтьми, слѣпымъ отцомъ и, рискуя собственной жизнью, хоронитъ павшаго брата, подвергая себя этимъ самымъ смерти. Навзикая, эта прелестная царевна, веселая, наивная, невинная и притомъ свободная и рѣшительная, одаренная независимымъ характеромъ, который она выказала при встрѣчѣ своей съ Одиссеемъ, выброшеннымъ волнами на берегъ послѣ кораблекрушенія. Вся Одиссея есть ничто иное, какъ хвалебная пѣснь въ честь Пенелопы, которая 20 лѣтъ ожидала возвращенія своего супруга, несчастнаго скитальца, постоянно преслѣдуемаго все новыми и новыми несчастьями, умѣла ловко и твердо отклонять предложенія многочисленныхъ жениховъ и остаться вѣрною своему супругу. Никогда ни въ какой исторіи, ни въ какой поэзіи не изображалась супружеская любовь трогательнѣе, нѣжнѣе и искреннѣе взаимной любви Гектора и Андромахи, погибающихъ по волѣ неумолимой судьбы,—Гекторъ на полѣ сраженія, Андромаха въ рабствѣ

у грековъ. Даже Елена, которая у Гомера является болѣе жертвою Афродиты, чѣмъ своего собственнаго увлеченія, невыразимо прелестна, такъ что ей стоитъ только появиться предъ народомъ, и старики и юноши преклоняются передъ нею и готовы ради нея, не смотря на ея иностранное происхожденіе, переносить всѣ ужасы долготѣйшей войны. Она одна обвиняетъ себя за то, что причинила столько несчастій Троѣ, она одна, никто другой не укоряетъ ее въ нихъ.

Какой свободой, какимъ уваженіемъ пользовались тогда женщины! Троянскія царевны ходятъ по улицамъ города въ сопровожденіи одной только служанки и то болѣе потому, что показаться на улицѣ безъ провожатыхъ считалось тогда для женщины неприличнымъ, онѣ смѣшиваются съ толпою старцевъ и напряженно слѣдятъ съ высоты стѣнъ за ходомъ битвы. Елена, по своемъ возвращеніи въ Грецію, дѣлается опять полновластной хозяйкой, отдающей всѣмъ приказанія во дворцѣ Менелая, всѣми уважаемой и прославляемой женщиной; такъ же какъ и прежде она принимаетъ гостей, занимаетъ ихъ своею бесѣдою и придаетъ всему царскому дому оживленный, веселый видъ и блескъ. Арета, царица теаковъ, стояла такъ высоко въ

Побѣдительница въ бѣгѣ.
(Дѣвочка дорянка).

глазахъ своего супруга Алкиноя, какъ никакая другая женщина на свѣтѣ. Когда она идетъ по городу, ее всюду встрѣчаютъ радостные клики народа, который смотритъ на нее, какъ на какое-то божество. Благодаря своему уму и проницательности, она умѣетъ рѣшать споры мужчинъ и опять помирить ихъ. Даже Одиссей обнимаетъ ее колѣна, обращаясь къ ней съ мольбою о помощи, такъ какъ Навзикая ему еще раньше сказала, что онъ навѣрно возвратится на родину если Арета будетъ къ нему благосклонна.

Это высокое положеніе женщинъ въ героическія времена увѣковѣчено твореніями Го-

мера и оно сразу бросается въ глаза въ аттическихъ трагедіяхъ; но потомъ значеніе женщинъ мало по малу падаетъ. Неоспоримо, что кругъ дѣятельности ихъ съ теченіемъ времени постепенно суживался въ Греціи, онѣ уже вовсе не принимаютъ такого участія въ дѣлахъ общественныхъ, какъ прежде, и наконецъ совсѣмъ отодвигаются на задній планъ. Это особенно было замѣтно въ Аѣинахъ, а такъ какъ этотъ городъ былъ, такъ сказать, разсадникомъ греческой культуры, изъ котораго искусство и наука распространились по всей Элладѣ, то по всей вѣроятности, тоже должно было быть и во всей остальной Греціи.

Не трудно найти причину такого паденія значенія греческой женщины: она заключается въ развитіи государственнаго устройства въ демократическомъ направленіи; особенно личная свобода была удѣломъ однихъ мужчинъ, а не женщинъ. Приобрѣтая все болѣе и болѣе гражданскихъ правъ, мужчины стали болѣе заниматься общественными дѣлами, отвыкали отъ дома и проводили день внѣ своей семьи—на площади (*агора*), въ судѣ, въ гимназіяхъ или по дѣламъ государственнымъ, или просто въ бесѣдѣ о политикѣ. Жена

же оставалась дома одна; это вошло даже въ обычай и не возбуждало ничего вниманія или удивленія, а такая замкнутость жизни неминуемо должна была отозваться на уровнѣ умственного развитія женщинъ.

Но такъ какъ демократическое направленіе водворялось не вездѣ въ одно время и въ той же степени, то и положеніе женщинъ было различно въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи. Оно было лучше и свободнѣе въ государствахъ, управляемыхъ тираннами, или тамъ, гдѣ сохранились аристократическія учрежденія, т. е. гдѣ управленіе было въ рукахъ знатныхъ родовъ. Тамъ женщина пользовалась большимъ уваженіемъ и была болѣе развита въ умственномъ отношеніи. Первое встрѣчается въ дорійскихъ государствахъ, въ особенности въ самой Спартѣ, послѣднее же, т. е. сравнительно болѣе образованность женщинъ, замѣчается въ городахъ эолянъ.

Что касается спартанскихъ обычаевъ, то Ликурга сильно обвиняли въ томъ, что онъ не подчинилъ вполне женщину мужчйнѣ и не лишилъ ея вовсе значенія. Аѳиняне говорили, что спартанцы находятся подъ башмакомъ своихъ женъ; эти же послѣдніе отвѣчали имъ, что онѣ единственныя женщины въ Греціи, которыя рождали настоящихъ мужей. Дорійскія дѣвушки такъ же занимались гимнастикой, какъ и юноши, но только отдѣльно отъ нихъ, причемъ изъ всѣхъ гречанокъ имъ од-

Сафо.
Бронзовый бюстъ.

личныхъ и религіозныхъ торжествахъ было неизбѣжно и даже при этомъ онѣ играли чуть ли не первую роль. Всѣ такія празднества состояли изъ танцевъ, игръ и хорового пѣнія къ которымъ приготавлилъ ихъ управитель хора, представлявшій собою вмѣстѣ съ тѣмъ и поэта, и композитора, и учителя танцевъ. Во всѣхъ этихъ упражненіяхъ, которыя, къ слову сказать, тогда цѣнились выше, чѣмъ истинныя познанія, дѣвушки спартанскія были чрезвычайно ловки.

Спартанка, по выходѣ замужъ, принимала на себя управленіе всѣмъ домомъ и завѣдываніе всею толпою слугъ-илотовъ. Дома она была полновластной хозяйкой, здѣсь и самъ мужъ обыкновенно покорялся ея распоряженіямъ. Нерѣдко ея вліяніе распространялось и на государственныя дѣла, какъ о томъ говоритъ исторія. Впрочемъ онѣ получили на это какъ бы какое-то законное право, такъ какъ никогда ничей патріотизмъ не былъ такъ часто и такъ тяжело испытываемъ, какъ именно патріотизмъ спартанокъ; ни одна мать такъ часто не видала сѣровъ своихъ сыновей на войну, какъ онѣ, ни одна не умѣла такъ хорошо скрыть свою скорбь, когда они не возвращались съ поля битвы:

„Деменета послала своего единственнаго сына
въ сраженіе съ врагами. Кости всѣхъ ихъ, павшихъ
за отечество, скрываетъ одна братская могила. Но

нѣмъ дозволено было присутствовать на олимпійскихъ играхъ. На празднествахъ Геры онѣ сами принимали участіе въ олимпійскихъ состязаніяхъ въ бѣгѣ, и побѣдительница въ награду получала оливковый вѣнокъ и право выставить свой портретъ. Обращеніе дорійскихъ дѣвушекъ съ юношами было вполне свободное и непринужденное, а случаевъ для встрѣчъ тѣхъ и другихъ всегда представлялось множество, такъ какъ участіе дѣвушекъ и женщинъ въ безчисленныхъ пуб-

Пиръ.

Слезы не льются изъ глазъ печальной матери. Она
Лишь произносить только эти слова: „Спарта!
И для тебя произвела на свѣтъ моихъ сыновей!“

Спартанскія матери предпочитали смерть своихъ сыновей постыдному возвращенію ихъ домой; для нихъ было лучше видѣть ихъ лежащими на щитѣ, чѣмъ возвращающимися безъ щита; рассказываютъ даже, будто одна мать сама убила своего сына, когда онъ пришелъ къ ней послѣ сраженія обезоруженнымъ и дрожащимъ отъ страха.

Женщинъ такого закала въ эолійскомъ племени не встрѣчается: тамъ женщина является созданіемъ болѣе слабымъ, болѣе женственнымъ, миловиднымъ, привлекательнымъ. Эолійскія женщины, въ особенности уроженки острова Лесбоса, были самыми красивыми во всей Греціи; онѣ занимались также музыкою и поэзіею, чего не было бы, если бы онѣ не пользовались болѣею свободой, сравнительно съ другими своими

Сидящая гречанка.

соплеменницами. Эолійское племя создало лирическую поэзію; у него были не только свои поэты, но и свои поэтессы, какъ, напримѣръ, Коринна танагрятка; Эринна, умершая, къ сожалѣнію, слишкомъ рано, оставивъ только одно стихотвореніе, считавшееся долгое время образцовымъ произведеніемъ, и наконецъ Сафо, прозванная „десятой музой“.

Сафо была красивѣйшей женщиной своего времени и самой извѣстной поэтессой всѣхъ временъ; она родилась въ Эрессосѣ на Лесбосѣ отъ знатныхъ родителей, изгнанныхъ изъ своего отечества, что случилось тогда, въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х., во время политической борьбы аристократовъ съ демократами очень нерѣдко. Впослѣдствіи они были возвращены. Хотя она была замужемъ и имѣла дѣтей, однако вела жизнь свободную и, не стѣняясь, посвящала свое время музамъ, въ кругу своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, которыхъ, впрочемъ, она умѣла держать въ почтительномъ отдаленіи. Въ Митиленѣ, въ этомъ перлѣ Лесбосскихъ городовъ, она у себя собрала кружокъ молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ, дружбу и любовь которыхъ она всегда ставила очень высоко. Она жила вмѣстѣ съ ними, учила ихъ музыкѣ и искусству писать стихи, такъ какъ тогдашнія разно-

образныя формы стиховъ представляли не мало затрудненій, и упражнялась съ ними въ разнообразныхъ танцахъ. Вмѣстѣ съ ними она показывалась и на общественныхъ празднествахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорится въ одной изъ безчисленныхъ эпиграммъ, посвященныхъ этой безсмертной женщинѣ:

„Войдите въ рошу Геры, въ сіяющій храмъ богини.
Лесбійскія дѣвы, начните граціозную пляску
Составивъ священный хоръ въ честь
Возвышенной. Смотрите:
Съ золотою лирою въ рукѣ, шествуетъ впереди васъ Сафо...
Веселитесь, пляшите, о счастливейшія.
Вамъ, конечно, покажется,
Что сама Калліопа поетъ пѣсню любви“...

Жизнь, которую, насколько не таясь отъ взоровъ другихъ людей, вела Сафо и ей подобныя женщины, жизнь нечуждая, съ одной стороны, политики, съ другой посвященная и музамъ, искусству, дружбѣ и любви, такая жизнь была немыслима для женщины въ Афинахъ и вообще въ другихъ городахъ и государствахъ іонійскаго племени.

Сафо могла по крайней мѣрѣ писать стихи, помогать безсмертной славы, а іонянка жила и умирала въ неизвестности. Дѣйствительно вся ея жизнь проходитъ въ величайшемъ уединеніи и замкнутости. Только въ своемъ домѣ она имѣла право распоряжаться, только въ немъ ея голосъ имѣлъ нѣкоторое значеніе, а тамъ, гдѣ домъ раздѣлялся на двѣ половины, на мужскую и женскую, она только очень усердно, потому что, достигнувъ въ нихъ извѣстнаго совершенства, онѣ могли участвовать въ религіозныхъ празднествахъ, а это было особенно заманчиво, потому что это былъ единственный случай, когда онѣ показывались публично, и здѣсь имъ пред-

въ послѣдней была повластной хозяйкой. За исключеніемъ своего мужа, іонянка была вовсе лишена мужского общества, не участвовала въ политической жизни своей родины и не получала даже посредственнаго образованія; впрочемъ она въ немъ и не нуждалась. Дѣвушка росла въ уединеніи и все свое воспитаніе получала отъ няньки да матери, отъ которыхъ она могла заимствовать, конечно, немного познаній и развивалась въ умственномъ отношеніи, поэтому, неудовлетворительно. Въ Греціи вообще обширныя свѣдѣнія въ наукахъ и знаніе литературы цѣнили не высоко, такъ что даже мальчикамъ въ школѣ немногому приходилось научиться. Гораздо выше ставили пѣніе, музыку и танцы; даже аттичскія дѣвушки этими искусствами занимались

Танцовщица.
Мраморная статуя въ Ватиканѣ.

Сцены изъ домашней жизни.

ставлялась полная возможность видѣться съ молодыми людьми. Въ большинствѣ же случаевъ родители сами между собою рѣшали браки своихъ дѣтей, считая совершенно лишнимъ спрашивать ихъ согласія, и нерѣдко молодые люди въ первый разъ видѣли другъ друга только при сговорѣ. Кромѣ вышеупомянутыхъ искусствъ, дѣвушки обучались всѣмъ домашнимъ занятіямъ: онѣ пряли, ткали и отлично вышивали; въ послѣднемъ особенную славу заслужили аѳинянки. Вести хозяйство гречанка начинала учиться лишь тогда, когда сама становилась хозяйкой.

Съ замужествомъ, казалось бы, и замкнутость жизни женщины должна была уменьшиться, однако на самомъ дѣлѣ положеніе ея оставалось неизмѣннымъ. Хотя она и была полной хозяйкой у себя дома, но гражданскія права ея нисколько не увеличивались, и она переходила только изъ-подъ опеки родителей подъ опеку мужа. Защищаться сама передъ судомъ она не могла. Обѣдала она обыкновенно съ мужемъ, но когда у него были гости, она не присутствовала за столомъ. Изъ дому она выходила рѣдко,—ограниченіе, мало по малу исчезнувшее ко времени политическаго упадка,—и во всякомъ случаѣ не дѣлала этого безъ вѣдома мужа. Когда она уходила изъ дому, въ гости-ли, или къ больной подругѣ, или же на общественное празднество, ее всегда сопровождала служанка. Болѣе бѣдныя, у которыхъ не было рабовъ, нанимали себѣ для этой цѣли провожатыхъ. Такой обычай, на нашъ взглядъ, конечно, стѣснителенъ, но въ тѣ времена на него смотрѣли скорѣе какъ на почетъ и преимущество, отличавшее даму отъ простой женщины. Богатыя знатныя дамы имѣли по нѣсколько провожатыхъ рабынь, которыя составляли какъ бы ихъ свиту; но греческіе цензоры порицали это, какъ проявленіе чванства и открыто хвалили жену полководца Фокіона за то, что она довольствовалась одной провожатой. Если для иллюстраціи этихъ осурьихъ обычаевъ прибавить нѣсколько мѣстъ изъ писателей и поэтовъ, хотъ бы, напр., извѣстнаго ненавистника женщинъ Еврипида, у котораго Ифигенія говоритъ, что „одинъ мужчина лучше десяти тысячъ женщинъ“; если сюда присоединить еще всѣ ѣдкіе и злые нападки на нихъ комиковъ, то пожалуй покажется, что всѣ гречанки вообще и особенно аѳинянки находились въ величайшемъ униженіи, почти наравнѣ съ рабами. На самомъ дѣлѣ этого не было. Во многихъ странахъ и во всѣ времена существовали народы, у которыхъ женщины находились въ болѣе или менѣе подчиненномъ положеніи: суровые обычаи приравнивали ихъ тамъ къ несовершеннолѣтнимъ, и еще теперь имѣетъ свой смыслъ старинное выраженіе: *mulier taceat in ecclesia* (въ собраніяхъ женщина должна молчать). Никогда однако женщины не были лишены возможности завоевать въ домѣ и въ обществѣ подобающее имъ положеніе и значеніе. Женственность, ихъ грація и красота были въ ихъ рукахъ могучимъ оружіемъ, передъ которымъ всего менѣе способенъ былъ устоять страстный грекъ. Это доказываетъ намъ Анакреонъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Мать-природа дала рога воламъ;
 Лошадямъ дала она копыта для быстроты бѣга;
 Зайцу дала она быстрыя ноги;
 Крѣпкіе зубы дала она льву;
 Плавни дала она юркимъ рыбамъ,
 Силу полета дала пернатымъ;
 Мужчинамъ дала она мужество.
 Что же она дала женщинамъ?
 Все, что она дала имъ,—это красота!
 Но вмѣсто блестящаго щита,
 Вмѣсто остраго копья, она
 Дала имъ только одну красоту,
 Которой однакоже все и всегда будетъ подчиняться“.

Свободную гречанку изъ болѣе зажиточнаго класса общества мы отнюдь не должны представлять себѣ рабынею или чѣмъ нибудь въ родѣ женщинъ низкаго класса, прачки или кухарки,—напротивъ, она была въ полномъ смыслѣ слова барыня. Всѣ образцы безчисленныхъ памятниковъ живописи и скульптуры той эпохи слѣдовало бы признать грѣшными противъ правды, если допустить, что ихъ прототипы не были дамами въ полномъ смыслѣ этого слова, изящными существами, или полными прелести и утонченной граціи, прояв-

ляющейся во всякомъ движеніи, или полными величія и женскаго достоинства. Даже произведенія поэзіи — главный источникъ умственнаго развитія для тогдашнихъ грековъ—были доступны женщинамъ, потому что списки съ нихъ были почти во всѣхъ домахъ. Она кромѣ того могла посѣщать театръ, исключая развѣсучаевъ, когда непристойное содержаніе пьесы, какъ

Эроть Праксителя.
 (Со статуи въ Ватиканѣ).

напр., нѣкоторыя комедіи, заставляло благородную женщину добровольно отказываться отъ этого удовольствія.

Благодаря такимъ личнымъ качествамъ и красотѣ, женщины легко устраняли всѣ препятствія, которыя законъ и предразсудки ставили имъ, расширяли свои права и достигали того, что мужья обращались съ ними если не предупредительно, то во вся-

комъ случаѣ со вниманіемъ и нѣжностью. Грекъ не произносилъ въ ея присутствіи ни одного слова, которое могло бы нарушить приличіе, оскорбить ея нравственное чувство и скромность. Посторонній мужчина не смѣлъ входить къ ней, когда она была дома одна, безъ мужа. Уже гомеровская женщина только самой себѣ обязана была своей свободой и высокимъ положеніемъ; государство и законъ не давали ей болѣшихъ правъ, чѣмъ тѣ, которыя она сама себѣ завоевала. Когда Пенелопа бранила своихъ жениховъ, то родной ея сынъ указалъ ей тѣ предѣлы, которыхъ женщина не должна переступать; хотя ее и изумило это замѣчаніе, но все-таки она безропотно умолкла, признавая за нимъ право на это.

Мужъ занимался исключительно дѣлами, какъ своими частными, такъ и государственными, считая послѣднія своей священной обязанностью, а управленіе домомъ воз-

лагать на свою жену, оставляя за собою развѣ общій надзоръ. Жена имѣла въ своемъ распоряженіи и подъ своей властью всю прислугу, распредѣляла домашнія работы, наблюдала за сохраненіемъ запасовъ, держала все въ порядкѣ, распоряжалась и такимъ образомъ была въ хлопотахъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Нерѣдко простирала она свою власть и на мужа: наравнѣ съ мужьями-деспотами бывали и жены-тиранки, сварливыя Ксантиппы, неоставлявшія въ покоѣ ни боговъ, ни смертныхъ, ни всемогущаго Зевса, ни мудраго Сократа. Такого рода преимущество надъ мужемъ давало женѣ иногда полученное въ наслѣдство богатство, иногда—бывали и такіе случаи—большая степень образованія, или знатность рода. При такихъ условіяхъ мужъ становился въ полную зависимость отъ жены, какъ напр. въ „Облакахъ“ Аристофана Стрепсиадъ, который надѣлалъ долговъ, потому что былъ женатъ на знатной и легкомысленной горожанкѣ, отъ которой „несло шафраномъ и помадою, тщеславіемъ и мотовствомъ“.

Конечно, бывали въ Греціи и браки по любви, основанные на полной гармоніи душъ. Хотя вообще устраивали и рѣшали браки родители, но нерѣдко бывало, что любовь соединяла молодыхъ людей, хотя имъ предстояло устранять много препятствій и даже приносить жертвы; примѣромъ можетъ служить Каллій, который, чтобы жениться на сестрѣ Кимона, долженъ былъ уплатить долги отца ея Мильтіада. И такъ какъ мужъ обыкновенно получалъ жену свою изъ рукъ родителей робкою, неразвитою, то отъ него вполне зависѣло и даже было его обязанностью образовать и воспитать ее по своему разумію. Совершенно такъ и навѣрно вполне согласно съ дѣйствительностью описывается жизнь одной молодой четы въ соч.

Аспазія.
(Съ бюста, наход. въ Ватиканѣ).

нѣями. Не правда ли, немного; впрочемъ у ней была еще одна добродѣтель, — это домовитость“. Исхомахъ, имя одного афинянина, рассказываетъ далѣе, какъ онъ училъ свою молодую жену лежавшимъ на ней обязанностямъ. „Сначала мы принесли жертву богамъ, чтобы они помогли мнѣ научить жену всему, что нужно для хорошей хозяйки, а ей—усвоить мои наставленія и такимъ образомъ устроить наше общее счастье. Когда она немного попривыкла ко мнѣ и смѣло со мною говорила, то я спросилъ ее, понимаетъ ли она, почему родители были согласны на нашъ бракъ? Вѣдь мы сами, говорилъ я, не могли быть достаточно осмотрительными въ нашемъ выборѣ, несмотря на то, что отъ него зависитъ судьба всей нашей семьи. Если боги дадутъ намъ дѣтей, то, я надѣюсь, мы съумѣемъ общими силами найти средства дать имъ наилучшее образованіе, чтобы они въ послѣдствіи сдѣлались нашимъ утѣшеніемъ и источникомъ счастья, которымъ мы должны дорожить. Они—опора и надежда нашей старости, наслѣдники нашего состоянія. Что касается послѣдняго, то мы будемъ общими силами стараться его увеличить, такъ какъ оно — наше общее, нераздѣльное достояніе. Въ этомъ, продолжаетъ онъ, каждый изъ насъ имѣетъ свои опредѣленные обязанности. Нужды семейства двоякаго рода: онѣ

„Экономикъ“ Ксенофонта. Сократъ, разыгрывая роль человека несвѣдущаго, заставляетъ одного молодого, знатнаго и богатаго афинянина рассказывать ему, какъ онъ довелъ свое хозяйство до такого образцоваго состоянія. „Что же ты дѣлаешь, когда бываешь дома?“ спрашиваетъ онъ. — Рѣшительно ничего; я не работаю, такъ какъ это дѣло жены. „Развѣ ты еѣ ужъ такою опытною взялъ отъ родителей?“ — Во все нѣтъ; что же она могла знать, когда я взялъ ее 15-ти лѣтъ? она только и умѣла, что прясть да распредѣлять работу между рабы-

раздѣляются, такъ сказать, на внѣшнія и внутреннія; первыя лежатъ на обязанности мужа, вторыя—жены. Природа одарила мужчину силою и мужествомъ, чтобы онъ могъ переносить холодъ, жаръ и всѣ трудности путешествій и войны; женщина рождена слабою, что заставляетъ ее любить спокойную жизнь, и робкою, что возбуждаетъ въ ней тѣмъ большую бдительность. Поэтому-то и поручается женѣ собственно хозяйство и управление домомъ. Заботы того и другой клонятся къ одной и той же цѣли; различно только распредѣленіе труда, смотря по силамъ и способностямъ каждаго. Въ сущности, развѣ не естественнѣе женѣ оберегать хозяйство, вмѣсто того чтобы бѣгать по улицамъ, а мужу заниматься внѣшними дѣлами, а не сидѣть, какъ женщинѣ, постоянно дома? Ты должна оставаться дома, посылать прислугу по разнымъ дѣламъ изъ дому, имѣть надзоръ за ихъ работою въ домѣ, принимать запасы и распредѣлять ихъ по надобности; когда будетъ стрижка овецъ, принять шерсть и отдавать ее прясть и ткать для одежды; принять хлѣбъ, когда его привезутъ съ поля, очистить и высушить его для печенія и, наконецъ, исполнять еще одну обязанность, которая тебѣ, можетъ быть, и не понравится. — это ухаживать за больною прислугою“. — Напротивъ, отвѣчаетъ молодая жена, для меня это будетъ пріятнымъ

Афродита.
Вариантъ Книдской Венеры. въ Мюнхенской глиптотекѣ.

занятіемъ, потому что вызоветъ ихъ благодарность и удвоитъ привязанность. „Наконецъ, добавляетъ мужъ, если все такъ будетъ, и все это ты исполнишь, ты будешь имѣть въ душѣ чистую, живую радость. Когда ты сдѣлаешься совершеннѣе меня, то я твоими добродѣтелями на столько буду побужденъ, что малѣйшія твои желанія будутъ для меня приказаніями, и ты увидишь, какъ съ годами моя любовь и нѣжность будутъ только расти“.

Такъ говорилъ молодой афинянинъ. Это доказываетъ, во всякомъ случаѣ, что взаимная любовь и семейное счастье не были чужды греческаго брака и что не мало женъ въ концѣ своей жизни могли быть въ томъ положеніи, о которомъ говорится въ слѣдующей эпиграфѣ:

„Пафія посвящаетъ вѣнокъ Каллироѣ, локоны съ головы Тебѣ, о Паллада, и тебѣ, Артемида, подноситъ она поясъ. Киприда дала ей мужа по ея желанію: ее радовала Цѣломудренная юность, и она подарила мужа цвѣтущими сыновьями.“

Вообще гречанки и въ особенности афинянки славились супружескою вѣрностью. Законы, касающіеся этого, были, впрочемъ, чрезвычайно строги къ женщинамъ, тогда какъ на мужчинъ не налагали никакихъ обязанностей, предоставляя имъ, между тѣмъ, всѣ права. Какъ по обычаю, такъ и по закону мужчина пользовался полнѣйшею свободою и пользовался ею неограниченно, хотя со вступленіемъ въ бракъ наступало нѣкоторое ограниченіе или сдержанность. Эта свобода мужчинъ, это потворство кодекса нравственности представляетъ темную сторону въ любви грековъ къ прекрасному, пятно на ихъ добродѣтели; они создали такой классъ женщинъ, который обыкновенно боязливо скрывается во мракѣ ночи, а въ то время ярко выступилъ впередъ и вліялъ на государственную жизнь и культуру, и это значеніе было такъ важно, что умолчать о немъ

нелзя. Гетеры, т. е. подруги, всецѣло отдававшіяся служенію Афродитѣ, составляютъ замѣтную область греческой жизни. Нерѣдко доставляли онѣ мужчинамъ — между которыми мы встрѣчаемъ славныя имена — то очарованіе женскаго общества, котораго жена, при замкнутости своей жизни, не могла имъ доставить. Онѣ привлекали и очаровывали мужчинъ прелестями тонкаго, развитаго ума и притягательною силою остроумной бесѣды, подчасъ проявляли даже любовь и привязанность. Но такихъ гетеръ, которыя пользовались извѣстностью, хотя и не почетною, и имена которыхъ перешли къ потомству, очень немного: онѣ составляютъ единичныя явленія, выступавшія изъ стоявшаго въ тѣни и неизвѣстности большинства. Мѣста своего пристанища и своей дѣятельности гетеры избирали преимущественно тамъ, гдѣ женщина всего менѣе пользовалась свободою, а именно въ іонійскихъ городахъ и въ особенности въ Аѣнахъ, затѣмъ въ Коринѣ, — въ этомъ городѣ всемірной торговли съ ея пестрою бродячею толпою, гдѣ впервые появилась и водворилась Киприда и гдѣ въ посвященномъ богинѣ этой храмѣ служили также жрицы, такъ называемыя „гіеродулы“. Въ Спартѣ гетеръ вовсе не было.

Гетеры возникли въ іонійскихъ городахъ Малой Азіи въ то время, когда эти города процвѣтали богатствомъ и роскошью и когда демократія развивалась. Среди демократіи гетеры открыли себѣ широкое поприще, хотя не ограничивались и этою сферою. Красуясь пестрыми, яркими одеждами, гетеры съ учеными и философами пробрались и въ Атику и находили въ Аѣнахъ, по мѣрѣ того какъ этотъ городъ пріобрѣталъ болѣе значенія, доходное примѣненіе своей профессіи гетеръ. Не безъ причинъ, въ смыслѣ образованныхъ собесѣдницъ и вмѣстѣ жрицъ любви, гетеры явились въ Аѣны одновременно съ софистами и философами; между ними была извѣстная связь, которая еще долгое время сохранялась. Многія изъ этихъ гетеръ, жаждавшихъ образованія и познаній, хотя бы только для того, чтобы придать своимъ прелестямъ утонченность и увеличить ихъ притягательную силу, искали общества философовъ и посѣщали ихъ школы, въ свою очередь, сами были посѣщаемы ими, доставляя имъ удовольствіе интимною дружбой. Едва-ли философія извлекла изъ этого какую либо пользу, хотя Сократъ, который любилъ иронически притворяться ничего незнающимъ, и увѣрялъ, что онъ изучилъ краснорѣчіе у Аспазіи и что онъ тѣ чудныя откровенія о сущности любви, которыя излагаются въ „Симпосіонѣ“ Платона, узналъ отъ какой-то Діотимы. Исторія философіи ни одной изъ этихъ женщинъ не знаетъ и не называетъ.

Первая изъ іонійскихъ гетеръ, достигшая извѣстности и вліянія, была Таргелія изъ Милета, которая, какъ утверждаютъ, руководила дѣлами персидскаго царя и старалась расположить умы въ Греціи въ его пользу. Она сдѣлалась потомъ пріятельницею вессалійскаго царя Антиоха и удержала за собою власть, которую отъ него получила, даже послѣ его смерти.

Гораздо болѣе славно, или, лучше сказать, прославлено было имя Аспазіи, которая, благодаря своей связи съ Перикломъ, первымъ и благороднѣйшимъ государственнымъ дѣятелемъ Греціи, распространила нѣкоторый ореолъ на весь этотъ классъ женщинъ.

Уроженка Милета, Аспазія жила сначала въ неизвѣстности въ Аѣнахъ и вдругъ появляется въ качествѣ подруги великаго человѣка, который значительное время управлялъ судьбами своего отечества. Ради Аспазіи Перикль прогналъ свою жену и вмѣсто нея взялъ къ себѣ въ домъ еще неизвѣстную тогда гетеру; ради нея Перикль переносилъ насмѣшки комиковъ; ради нея онъ смирился передъ народомъ и предсталъ передъ судьями съ мольбами и слезами, умоляя ихъ пощадить ее, такъ какъ она обвинялась въ безбожій. Изъ сожалѣнія и уваженія къ великому демагогу, судъ оправдалъ Аспазію. Безъ сомнѣнія, она столько же обладала внѣшнею красотою, сколько и дарами духовными и, навѣрное, какъ ей приписывали, имѣла вліяніе и на политическія дѣла. И Сократъ, и Перикль, оба, какъ говорятъ, научились отъ нея краснорѣчію, той силѣ слова,

которою Периклъ свободно ворочалъ всею Эллагою и потрясалъ ее, какъ олимпійскій громовержецъ, молніями и громомъ. Поэтому-то Аспазію и называли Герою этого олимпійца, подобно тому какъ Гера была супругою настоящаго Юпитера. Аспазія помогала Периклу при составленіи рѣчей; въ особенности ей приписываютъ знаменитую рѣчь, произнесенную Перикломъ въ честь павшихъ воиновъ. Сократъ самъ слышалъ—такъ рассказываетъ Платонъ,—что Аспазія часть рѣчи говорила по вдохновенію безъ подготовки, часть предварительно составляла. По смерти Перикла Аспазія вышла замужъ за незначительнаго человѣка—Лизикла, и того она даже умѣла возвысить. Послѣ того она исчезла въ ту же безвѣстность, изъ которой появилась на сцену.

Ни одна изъ ея преемницъ не достигла того значенія, того блеска, который окружалъ ея имя. Та или другая гетера еще, правда, отличалась поразительнымъ остроуміемъ и умѣла приковывать къ себѣ даровитѣйшихъ людей, какъ, напримѣръ, самого Діогена, эту „собаку“, пренебрегавшую всякимъ свѣтскимъ тщеславіемъ и удовольствіемъ; даже и этотъ Діогенъ томился въ узахъ какой-то Лаисы. Но поклоненіе приносилось только красотѣ и вліяніе ея рѣдко переходило границы сердца и кошелька. Вся Греція лежала у ногъ коринеской Лаисы, красивѣйшей женщины своего времени, и еще послѣ ея смерти воспоминаніе о ней и о ея красотѣ вдохновляло поэтовъ. Еще упомянемъ о Фринѣ, вѣотянкѣ изъ Теспіи, города бога любви—Эрота. Фрина красотою своею собирала груды золота и творила настоящія чудеса. Однажды она, подобно Аспазіи, была обвиняема въ безбожій и должна была быть осуждена, т. е. приговорена къ смертной казни. Никакія просьбы, никакія мольбы не помогали. Тогда ораторъ Гиперидъ, ея страстный поклонникъ, принявшій на себя ея защиту, сорвалъ съ нея плащъ и обнажилъ побѣждающую ея красоту. Судьи не могли устоять противъ чародѣйства прелести: они ее оправдали. Въ обыкновенное время она не расточала своей красоты и только сквозь одѣяніе можно было догадываться о совершенствѣ ея формъ. Только одинъ разъ показала она народу нагою, безъ всякой одежды: религія, какъ бы служа тому предлогомъ, была ея извиненіемъ. Это было въ Элевзинѣ на празднествѣ морского бога Посейдона, у взморья, при громадномъ стеченіи народа: она распустила свои волосы, сняла одежду и, подобно Венерѣ Анадіоменѣ, погрузилась въ морскія волны. Пракситель взялъ ее въ этомъ видѣ моделью своей Книдской Афродиты, а Апеллесъ нарисовалъ ее въ видѣ богини, рождающейся изъ морской пѣны. Съ Праксителемъ Фрина была въ любовной связи. По ея просьбѣ онъ подарилъ ей лучшее свое произведеніе, группу Эрота съ сатиромъ, которую она принесла въ даръ одному изъ храмовъ своей родины.

У Фрины деньги составляли уже главный предметъ. „Безъ денегъ нѣтъ дружбы“, говорили уже тогда. Она продавала свою благосклонность за столь дорогую пѣну, что даже богатый Демосѳенъ, узнавъ сумму, въ которую она цѣнила свои любовныя ласки, ушелъ отъ ея дверей, сказавъ, что онъ не покупаетъ такъ дорого раскаянія. Обиліе золота достигло у Фрины до такихъ размѣровъ, что она могла предложить воздвигнуть на свой счетъ разрушенныя Александромъ стѣны Θивъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы на нихъ была сдѣлана надпись: „Александръ разрушилъ, гетера Фрина воздвигла ихъ вновь“. Разсказъ этотъ по крайней мѣрѣ служитъ доказательствомъ, какъ высоко оцѣнивали ея богатства. О томъ же, какъ прославляли ея красоту, можно заключить изъ того, что въ Теспіи ея статуя, сдѣланная Праксителемъ, стояла рядомъ со статуею Афродиты, а въ Дельфахъ золотая статуя, пожертвованная ею, поставлена была между статуями спартанскаго царя Архидамы и Филиппа Македонскаго!

Многія греческія гетеры разбогатѣли и достигли почестей, многихъ еще называли по имени, но ни одна изъ нихъ не достигла славы Фрины, Лаисы или Аспазіи. Показавшись было на свѣтъ, всѣ онѣ снова погрузились въ мракъ неизвѣстности. Но взаимно того, вмѣстѣ съ паденіемъ общественной жизни, положеніе честныхъ женщинъ,

кажется, возвысилось, свобода ихъ какъ бы увеличилась, ихъ личное значеніе усилилось, семейная жизнь стала какъ бы интимнѣе. Долго еще послѣ утраты Аѳинами свободы государственной, встрѣчаются тамъ замѣчательно ученныя женщины. Когда Греція стала клониться къ упадку, къ потерѣ своей самостоятельности, въ то время опять выступаютъ женщины, отличающіяся самоотверженіемъ и патріотизмомъ. Такъ блестятъ еще передъ концомъ Греціи, какъ яркія вечернія свѣтила, нѣкоторыя спартанскія женщины, какъ, напримѣръ, мать несчастнаго царя Агиса и его молодая вдова. Последняя, сдѣлавшись женою его преемника, царя Клеомена, не смотря на неудачу попытки перваго мужа, сумѣла убѣдить и второго, чтобы онъ возстановилъ древнюю Ликурговскую Спарту со всею строгостью ея нравовъ и славою. Когда же и эта попытка не удалась, то она не отказалась раздѣлить со своимъ мужемъ все постигшія его бѣдствія и даже смерть. Даже и въ роскошномъ и развратномъ Коринѣ, при разрушеніи его Мумміемъ, встрѣчались еще женщины, предпочитавшія добровольную смерть постыдному рабству.

Вотъ въ какихъ словахъ одной эпиграммы прославляется одна изъ такихъ женщинъ, современницъ разрушенія Коринѣа Мумміемъ. Приводимъ эту эпиграмму прозою, въ дословномъ переводѣ:

„Меня звали Родою, и я честно погибла съ моею матерью Боискою, но не отъ стрѣлъ враговъ и не болѣзни: мы сами избрали добровольную смерть, когда пламя войны повергло на землю стѣны высокаго Коринѣа. Сначала мать поразила меня острою сталью, потомъ и она сама мужественно наложила на себя руку, завязавъ на шеѣ смертоносный узелъ. Вѣдь каждой благородно-настроенной душѣ добровольная смерть кажется прекраснѣе, чѣмъ позорное рабство“.

Входъ въ греческій домъ.

IV.

Домъ, домашняя утварь, прислуга.

АСТОЯЩАГО жилого древнегреческаго дома до насъ не сохранилось. Для того чтобы составить себѣ понятіе о немъ, мы должны ограничиться свѣдѣніями, почерпнутыми изъ описаній и рассказовъ, перешедшихъ отъ древнихъ къ потомству. Но, конечно, по этимъ описаніямъ трудно составить такой планъ греческаго дома въ его общихъ чертахъ, въ которомъ все бы согласовалось съ дѣйствительностью. Весьма естественно, что въ этомъ отношеніи существовало величайшее разнообразіе. Съ теченіемъ времени обычаи измѣнились, потребности культуры расширились, или приняли другое направленіе. Вѣдь весьма различны условія жизни въ городахъ или въ сѣлахъ, на склонахъ горъ или на равнинѣ, на просторѣ или въ тѣсномъ пространствѣ. Точно также вызываются различныя измѣненія, смотря по тому, богатъ или бѣденъ живущій въ извѣстномъ домѣ, велика-ли его семья, какое положеніе въ обществѣ и какую должность занимаетъ онъ, или, наконецъ, каковъ его собственный вкусъ и его личныя затѣи.

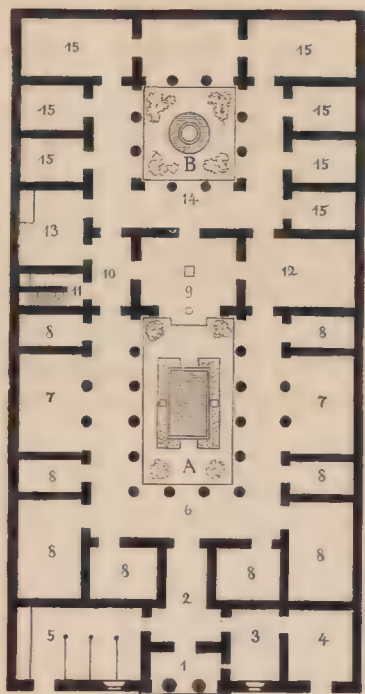
Но не смотря на все это, греческій домъ все-таки имѣетъ свой основной типъ, который оставался неизмѣннымъ во все время, начиная отъ Гомера; онъ сохранилъ свои характеристичныя черты и въ помпейскомъ дворцѣ и даже и въ нынѣшнихъ восточныхъ постройкахъ. Не трудно распознать эти основныя очертанія въ каждомъ строеніи, если только составить себѣ ясное понятіе объ историческомъ развитіи мѣстныхъ условій.

Мы, разумѣется, оставляемъ въ сторонѣ хижину, этотъ примитивный домъ, который нищета людская создавала себѣ всюду въ одинаковомъ видѣ, смотря по матеріалу, который находился въ данномъ краѣ. Такого рода постройки древнѣйшихъ временъ встрѣчались и въ Греціи, рядомъ съ такъ называемыми циклоническими сооруженіями. Но для нашей исторіи культуры онѣ никакого значенія имѣть не могутъ. Насъ интересуетъ жилой домъ, который имѣетъ уже опредѣленный характеръ и своеобразную внѣшность, созданную культурою, разросшуюся и измѣнившуюся вмѣстѣ съ нею.

Мы сказали, что не трудно распознать основныя очертанія жилого греческаго дома, если только ясно себѣ представить исторію его развитія. Два рода построекъ знаменательны въ исторіи жилого древне-греческаго дома: постройки сѣверныхъ областей и постройки южныхъ. Первыя представляютъ обширную комнату, покрытую кровлею съ фронтономъ; свѣтъ въ нее проникаетъ съ улицы. Вторыя, т. е. южныя постройки, наоборотъ, группируются вокругъ большого четырехъугольнаго двора, изъ котораго свѣтъ проходитъ во внутреннія помѣщенія, съ улицы совершенно закрытыя, плотною стѣною. Домъ съ

центрѣ всей постройки, но только отличается бѣльшими, чѣмъ обыкновенно, размѣрами. Само собою разумѣется, что дворцы Одиссея и Менелая могли и не быть именно такими, какими они описаны Гомеромъ: онъ описываетъ вообще царскіе чертоги своего времени и нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ они были дѣйствительно таковы.

Расширеніе жилищъ столько же было вызвано потребностью имѣть болѣе просторное царское помѣщеніе, сколько было слѣдствіемъ измѣненныхъ культурой вкусовъ. Но ни то, ни другое условіе не измѣняло основнаго плана: оно только увеличивало его вдвое или втрое. Во дворцѣ Одиссея мы видимъ три дома съ дворами, одинъ за другимъ и всѣ три соединены между собою, а второй и третій такъ близки одинъ къ другому, что образуютъ какъ бы одно зданіе, чего нельзя

Видъ греческаго дома.

А. Ауга (родъ внутренняго двора), состоящая вмѣстѣ съ прилежащими комнатами (7, 8, 9, 13) мужскую половину. В. Перистиль, состоящая съ прилежащими комнатами (15), женскую половину. 1. Вестибуль (передняя). 2. Проходъ въ аугу. 3. 4. Купальни. 5. Кухня. Простая со статуей Гестіи, богини домашняго очага. 10. Проходъ въ женскую половину.

крытою залою и домъ съ внутреннимъ дворомъ,—вотъ два типа, подъ которые можно подвести всѣ постройки всѣхъ временъ, детали же ихъ могутъ быть весьма различны.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно того, по какому основному плану строились греческіе дома; безспорно по образцу южному, представляющему закрытый снаружи домъ со внутреннимъ дворомъ. Такъ оно и должно было быть, если бы даже и не всѣ свѣдѣнія и на счетъ этого были между собою согласны. Греческій домъ имѣлъ такой общій видъ уже въ то время, отъ котораго до насъ дошли первыя описанія, позволяющія намъ дѣлать какія-либо заключенія. Во дворцахъ (если только позволено ихъ такъ называть) Одиссея, Менелая и царя Фіакійцевъ Алкиноя дворъ лежитъ въ

навѣрно сказать относительно перваго. Первый дворъ занятъ былъ хозяйственными помѣщеніями; второй, со своими пристройками, составлялъ какъ бы мужскую половину—здѣсь пируютъ женихи; третій дворъ принадлежитъ семейству, женѣ,—здѣсь помѣщается все, что состоитъ подъ ея надзоромъ.

Уже и тутъ видно раздѣленіе дома на двѣ части, на половину мужчинъ и половину женщинъ. Но, по словомъ Гомера, встрѣчалось еще другое устройство дома. Второй и третій дворъ иногда окружались колоннадою, вслѣдствіе чего они обращались въ залы, защищенные отъ непогоды, хотя съ точностью опредѣлить нельзя, насколько эта колоннада была покрыта. Въ всякомъ случаѣ, все было такъ устроено, что окружающія помѣщенія имѣли достаточно свѣта. Кромѣ того, въ третьемъ дворѣ, надъ жилыми комнатами, былъ верхній этажъ, служившій помѣщеніемъ для прислуги и, вѣроятно, преимущественно для женской.

Все это, за исключеніемъ перваго или, такъ сказать, хозяйственного двора, котораго при городскихъ постройкахъ не бываетъ, встрѣчается во всѣхъ греческихъ домахъ историческаго времени. Основныхъ чертъ этихъ построекъ двѣ: во-первыхъ, домъ расположенъ вокругъ четырехъугольнаго двора, во-вторыхъ, вся постройка раздѣлена на двѣ половины: одна для мужчинъ и для приѣма гостей, другая для женщинъ или, какъ назывались эти половины, на *αὐδρῶν* и *γυναικῶν*. Чѣмъ болѣе въ какомъ-либо государствѣ усиливался демократическій элементъ, чѣмъ болѣе мужчины предавались общественной, внѣшней жизни, чѣмъ болѣе усиливалась замкнутость, на которую обложены были женщины, тѣмъ явственнѣе должно было выражаться это раздѣленіе въ самой постройкѣ и во внутреннемъ распредѣленіи комнатъ. Но бѣднякъ все-таки продолжалъ строить свою хижину, и еще часто встрѣчалась первоначальная, старинная постройка дома съ одной комнатой и верхнею надстройкою, замѣнявшей гинай конитъ (женскую половину) или даже безъ нея; въ такомъ случаѣ предоставлялось мужу и женѣ, сообразно обычаю, устраиваться, какъ имъ было удобно. Удаленіе мужа изъ семейнаго быта и жизни имѣло послѣдствіемъ то, что въ историческое время, въ сравненіи съ эпохой Гомера, не обращалось особеннаго вниманія на архитектуру и художественность украшеній жилого дома, явленіе совершенно непонятное при общемъ развитіи и необыкновенномъ процвѣтаніи всѣхъ искусствъ. Также нельзя не замѣтить, что съ упадкомъ общественной жизни и увеличеніемъ значенія женщины и вообще семейной жизни, искусство все болѣе проникаетъ въ домашній бытъ, который становится лучше, а обстановка красивѣе и изящнѣе. Это въ особенности замѣтно въ томъ отдѣленіи, въ которомъ помѣщались женщины, какъ то доказываютъ позднѣйшіе помпейскіе дома, устройство которыхъ позволяетъ заключить, что въ тѣ времена женщина, изъ своей замкнутости, вновь вступила въ общественную жизнь.

Недостатокъ мѣста въ городахъ, обнесенныхъ стѣнами, былъ причиною, что вездѣ дома, имѣя узкій фасадъ, тѣснились стѣна о стѣну. Расширеніе помѣщенія было такимъ образомъ только возможно или вверхъ посредствомъ надстройки, или вглубь. Последнее было общимъ правиломъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, гинай кониты утратили-бы свой дворъ. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что при томъ положеніи, которое греческія женщины занимали въ домѣ, гинай кониты должны были быть позади андронита; помѣщенія же ихъ въ сторонѣ можно допустить только въ видѣ исключенія, вызваннаго мѣстными условіями.

Обыкновенный жилой домъ семейства, состоятельнаго, вдавался вглубь, имѣя на улицу только узкій фасадъ. Внутреннія, выходящія на дворъ стѣны обыкновенно окрашивались какой либо слабою краской. Если былъ надстроенъ этажъ, то окна, на улицу, были малы и ихъ было немного; видъ же на улицу открывался съ плоской крыши. Нѣсколько колоннъ съ небольшими стѣнами украшали входъ въ домъ, но и это встрѣчалось не всегда.

Спарта.

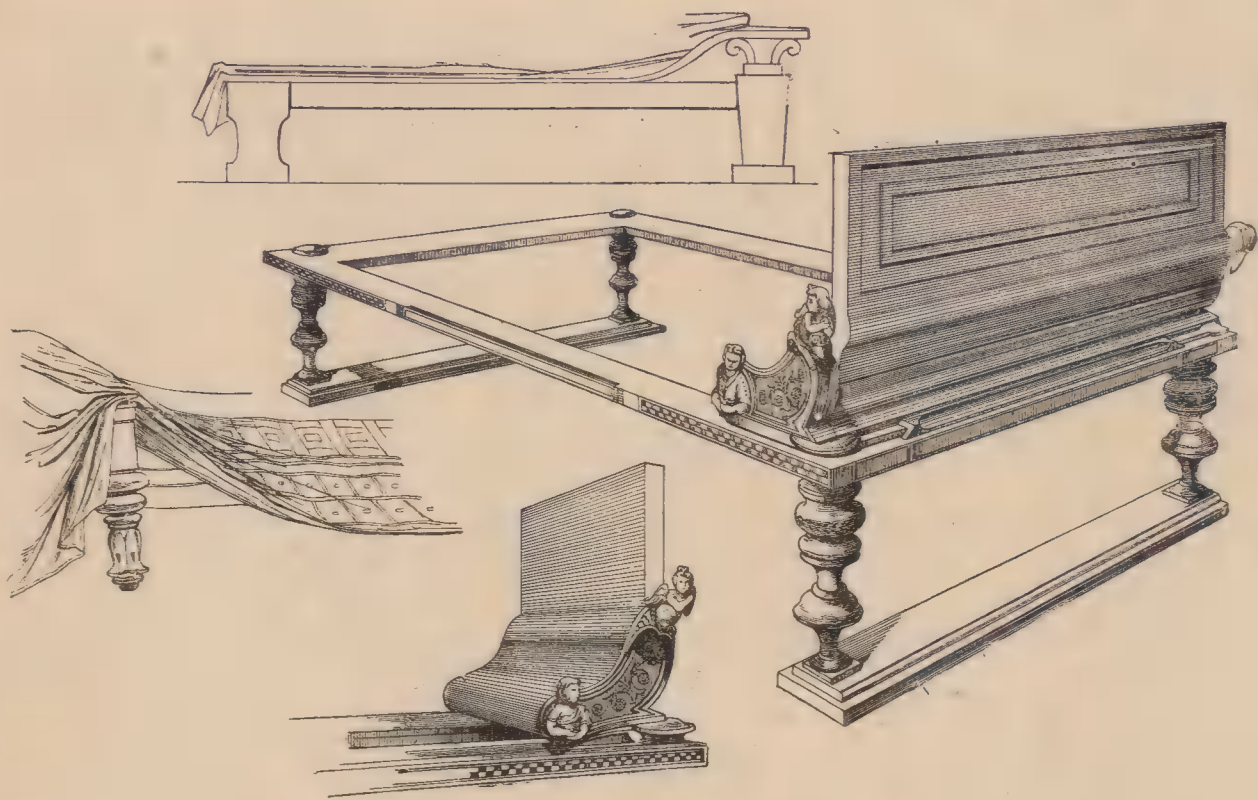
Направо Акрополь, передъ нимъ рынокъ, на переднемъ планѣ рѣка Евратъ съ платановой аллеей и храмомъ Фейи
направо; на заднемъ планѣ за равниной гора Тайгетъ, съ пикинами гор. Мисерой у подошвы его.

Входныя двери находились посерединѣ. Придверный сторожъ изъ домашнихъ рабовъ охранялъ дверь и отворялъ ее по стуку или по зову и, если приходившій былъ гость, о немъ докладывалъ хозяину. Отъ выходной двери начинался ходъ (δουρῳρεῖον) между передними частями зданія, выходящими на улицу. Эти помѣщенія служили для домашняго обихода, для жилища рабовъ, для хозяйства, какъ это, напр., вѣроятно было въ первомъ дворѣ дворца Одиссея; иногда въ нихъ устраивались торговыя лавки. За этимъ ходомъ былъ дворъ андронита, или аула. Эта аула иногда окружалась галлереями съ колоннами и въ случаѣ нужды могла быть покрыта и обращена въ залу; во всякомъ случаѣ крыша ея должна была имѣть большое отверстіе, чтобы не отнять свѣта у всѣхъ вокругъ лежащихъ помѣщеній, освѣщавшихся только этимъ способомъ. Раздѣленіе комнатъ было произвольное, смотря по надобности. Въ передней части хозяинъ занимался своими дѣлами, вмѣстѣ со своими управляющими или рабами, здѣсь онъ читалъ и пи-

Спальная мебель.

сать, предавался ученымъ занятіямъ и отдыхалъ, здѣсь была его столовая, когда къ нему собирались гости. Изъ аулы шелъ ходъ съ запирающеюся дверью (μεσσηλος) во дворъ или въ залу гинайконита. И здѣсь расположеніе и распредѣленіе комнатъ было почти то же, какъ въ андронитѣ, только съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно необходимости и личнымъ требованіямъ. Последнія помѣщенія въ задней части гинайконита назначались для хозяйства, для занятій рабынь, для пряжи и тканья, для чистки платья и т. д. Отсюда вела дверь въ садъ, если таковой былъ, или же на улицу, если домъ выходилъ на двѣ улицы.

Расположеніе комнатъ, какъ сказано выше, было произвольное и при выборѣ комнатъ соображались съ тою цѣлью, для которой онѣ предназначались. Для столовыхъ выбирали тѣ комнаты, въ которыхъ лѣтомъ была болѣе свѣжая температура и которыя зимою согрѣвались бы солнцемъ. Для своихъ занятій хозяинъ выбиралъ самую свѣтлую комнату, свѣтлое же помѣщеніе выбирала хозяйка для своей работы. Для сохраненія зерноваго хлѣба тре-

бовалось сухое помѣщеніе, для вина и прочихъ запасовъ—прохладное. Размѣщеніе всѣхъ этихъ комнатъ обуславливалось положеніемъ дома относительно солнца и другими извѣстными обстоятельствами. Но одно помѣщеніе имѣло свое опредѣленное мѣсто въ общемъ устройствѣ, это такъ называемый простасъ или пастасъ (*πρόστας, παστας*). Онъ былъ средоточіемъ домашняго очага, мѣстомъ жертвоприношеній и празднествъ, потому что здѣсь стоялъ домашній алтарь, который въ греческой домашней жизни имѣлъ огромное значеніе. Здѣсь стояла статуя Гестіи *), богини очага, дома, семейства; здѣсь освящали и праздновали важнѣйшія семейныя событія. Къ этому алтарю приносили новорожденнаго ребенка въ знакъ пріема его въ среду семьи; здѣсь чествовали отъѣздъ и возвращеніе; здѣсь праздновали рожденіе, нареченіе имени, свадьбу; здѣсь же оплакивали смерть какого либо члена семьи. Сюда приводили всякаго новаго раба, потому что и онъ принадлежалъ къ дому, который въ полномъ составѣ собирался вокругъ алтаря Гестіи. Къ этому же алтарю прибѣгали и рабъ, боясь наказанія, и бѣглець, искавшій защиты, подобно тому, какъ Одиссей сѣлъ у Алкиноя въ пепель очага, который въ то время еще составлялъ одно и то же съ домашнимъ жертвенникомъ. Вслѣдствіе такого своего значенія въ домѣ, простасъ занималъ исключительное положеніе. Въ домѣ съ однимъ дворомъ простасъ находился въ концѣ двора, обращенный къ нему открытою стороною. Въ домѣ-же съ двумя дворами онъ устраивался на концѣ гинайконита, соответственно его значенію, но, вѣроятно все же, онъ находился между обоими, соответствуя въ этомъ случаѣ таблиніуму римскаго дома.

Домашній жертвенникъ имѣлъ первенствующее значеніе въ домѣ и, безъ сомнѣнія, былъ соответственно тому украшаемъ. Въ остальномъ, какъ мы уже упомянули, отдѣлка дома, даже во время лучшей исторической поры, не отличалась особенной красотой и изысканствомъ. Не такъ это было во времена Гомера, по крайней мѣрѣ въ царскихъ чертогахъ, если дозволено сдѣлать какое либо заключеніе по описаніямъ „Одиссеи“. Дворцы Менелая и Алкиноя сіяютъ блескомъ металлическихъ украшеній, которыми были обиты карнизы и стѣны. Помимо описываемой Гомеромъ серебряной двери во дворецѣ Алкиноя, притворявшейся къ бронзовому порогу, несомнѣнно, что въ гомеровскія времена или, лучше сказать, въ героическій вѣкъ Греціи, стѣны покрывались кованными блестящими бронзовыми листами, въ которыя можно было даже смотрѣться какъ въ зеркало. Доказательствомъ тому служатъ сохранившіеся слѣды, напримѣръ, въ сокровищницѣ Атрея въ Микенахъ, гдѣ бронзовые гвозди въ стѣнахъ указываютъ, что ими были прикрѣплены кованные металлическіе листы.

Эти украшенія исчезаютъ во время того темнаго періода, который лежитъ между героическимъ вѣкомъ и историческими временами. Долго они ничѣмъ не были замѣнены, напротивъ, говорится именно о томъ, что стѣны оставались безъ всякихъ украшеній. Не лучше были полы: они дѣлались изъ простого плитняка. Алкивиадъ, говорятъ, первый пригласилъ живописца разрисовать или вообще украсить комнаты, что до того времени дѣлалось только въ храмахъ и общественныхъ зданіяхъ. Съ тѣхъ поръ это стало все болѣе и болѣе входить въ употребленіе, въ особенности послѣ Александра Великаго, когда общественная жизнь стала приходить въ упадокъ. Даже первоклассные живописцы, какъ, напримѣръ, Зевксисъ, не отказывались работать надъ украшеніемъ домовъ. Къ разрисовкѣ стѣнъ присоединилось уже тогда украшеніе половъ мозаикою. Такимъ образомъ возникло новое, полное фантазіи и прелести искусство, произведенія котораго въ неисчерпаемомъ изобиліи находятся теперь при раскопкахъ въ Помпеѣ и Геркуланумѣ, правда, не греческихъ, а римскихъ временъ. Такъ какъ въ Греціи мы не встрѣчаемъ остатковъ этого искусства, то мы о немъ поговоримъ въ 2-мъ отдѣлѣ этой книги.

*) Изъ этого культа Гестіи, какъ извѣстно, развился и римскій культъ богини Весты.

(Прим. перев.).

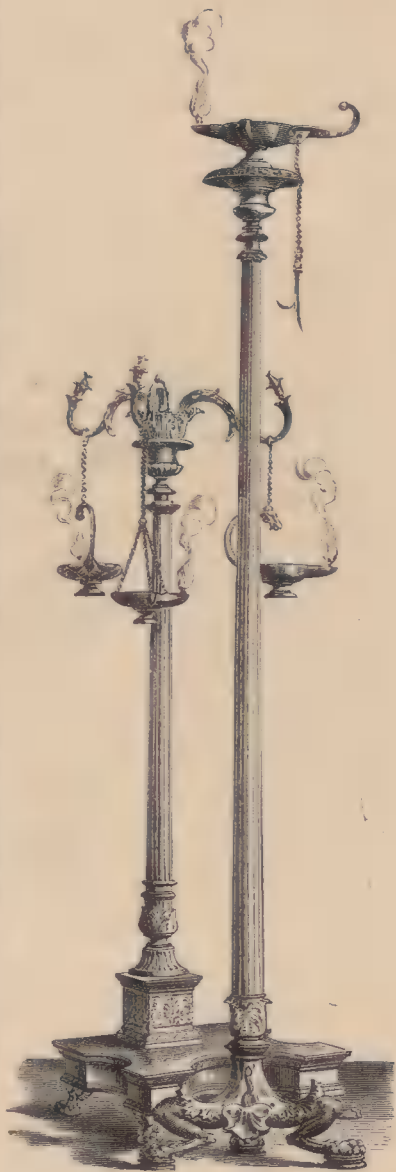

Нельзя того же сказать объ прочемъ убранствѣ комнатъ, о домашней утвари. Хотя меблировка и общее убранство комнатъ, по полнотѣ и разнообразію, не могутъ быть сравниваемы съ нашимъ временемъ, тѣмъ не менѣе отдѣльными предметамъ отнюдь нельзя отказать въ изяществѣ и вкусѣ. Кресла, кровати, столы часто роскошно отдѣлялись: нерѣдко они были массивныя, металлическія съ инкрустаціею изъ слоновой кости или серебра, а ножки ихъ, изящно изогнутыя въ различныхъ формахъ, обыкновенно окончивались въ видѣ львиныхъ лапъ. Вообще, украшенія въ видѣ звѣрей и человѣческихъ фигуръ на домашней утвари попадаются очень часто.

Въ особенности богато украшалась мебель, предназначавшаяся для сидѣнія или для лежанія. Женщины чаще сидѣли, мужчины-же лежали; они любили читать, писать и даже обѣдать лёжа, облокотясь на подушку. Стулья были о четырехъ ножкахъ, прямыхъ, или изогнутыхъ, или даже скрещенныхъ, безъ спинки или съ нею; въ последнемъ случаѣ она ловко и удобно огибала спину; сидѣнья покрывались одѣялами или обкладывались подушками. Стулья съ ручками также были въ употребленіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что античныя стулья, именно съ изогнутыми ножками и закругленною спинкою, были весьма изящной формы, но едва-ли бы они отвѣчали нынѣшнимъ требованіямъ комфорта и современному вкусу. Напротивъ, будучи приспособлены для греческой дамы, они вполне гармонировали съ ея костюмомъ и еще болѣе съ ея благородной осанкой, съ тѣмъ изяществомъ и достоинствомъ ея позы въ сидячемъ положеніи, которая насъ, можетъ быть, еще болѣе въ ней восхищаетъ, нежели ея походка и поза въ стоячемъ положеніи.

Ложе, предназначавшееся преимущественно для мужчины, представляло родъ скамьи безъ спинки или съ низкою спинкою у изголовья; у ногъ ея большею частью ничего не было. Покрывала, которыя на нихъ клались,—впослѣдствіи они нерѣдко замѣнялись пуховыми подушками,—были весьма разнообразны, шершавыя и гладкія, толстыя и тонкія, также пестрыя, вышитыя золотомъ и серебромъ, съ бахрамою и кистями; иногда было еще покрывало на концѣ для укутыванія ногъ. Такихъ покрывалъ, которыми отчасти уже и тогда Грецію снабжалъ Востокъ, въ домѣ быть большой запасъ. Онѣ употреблялись какъ для дневного ложа, такъ и для кровати, которая отличалась отъ перваго развѣ только одѣяломъ и постельнымъ бѣльемъ.

Всѣ эти предметы, мелкая домашняя утварь, и все, что требовалось для стола и туалета — требованія послѣдняго были очень многочисленны и разнообразны — хранились не въ высокихъ шкафахъ, а въ сундукахъ съ крышкою, имѣвшихъ видъ ларя. Той же формы были и ларцы, гдѣ хранились разныя украшенія и туалетныя принадлежности, такъ часто встрѣаемыя на картинахъ, гдѣ изображена домашняя жизнь. Форма ихъ собственно очень проста: четырехугольный ящикъ съ крышкою, но художественныя произведенія, въ особенности металлическія, не замедлили украсить ихъ внѣшній видъ. Точно также искусство положило свою помощь на отдѣлку столовъ, которые составляли въ каждомъ домѣ предметъ особеннаго щегольства. Они были всевозможныхъ формъ,—круг-

Лампы и канделябры.

лые, овальные и четырехугольные, но не велики, какъ и теперь на Востокѣ, такъ низки, что лишь самые высокіе были равной высоты съ ложемъ. Это было тѣмъ болѣе удобно, что всѣ греки кушали вообще лёжа.

Принадлежности освѣщенія хотя были и довольно изящны, но очень неудовлетворительны. Вообще способы освѣщенія у древнихъ мы не можемъ не назвать крайне недостаточными. Человѣкъ практическій долженъ съ удивленіемъ спросить, почему греки, вмѣсто того чтобы создавать все новыя и новыя философскія системы, не обратили своего великаго творческаго ума на усовершенствованіе способовъ домашняго освѣщенія, вещи столь важной во всякомъ хозяйствѣ. Много еще вѣковъ прошло послѣ нихъ, но ничего въ этомъ отношеніи не было сдѣлано. Впрочемъ греки, не привыкши ночь превращать въ день, какъ это водится въ наше время, и не чувствовали настоящей потреб-

Греческія женщины за домашними работами.

ности въ улучшеніи способовъ освѣщенія. Для домашняго обихода у нихъ была только маслянная лампочка съ фитилемъ, а для улицъ—проводятыя съ факелами. Свѣчи впервые введены были въ употребленіе только уже римлянами. Свѣтъ, распространяемый масляною лампою, они, въ случаѣ нужды, усиливали увеличеніемъ огня или числа фитилей въ лампѣ, или числа самыхъ лампъ. Изящество лампы и ея украшенія плохо вознаграждали слабость освѣщенія. Безчисленныя лампы, которыя сохранились, даже самыя простыя, изъ обожженной глины (терракотты), имѣютъ видъ плоскихъ чашекъ съ носикомъ и ручкою, весьма красивой формы; многія могутъ считаться истинными образцами изящества. до котораго только могутъ быть доведены простые предметы домашняго употребленія: онѣ прелестно украшены рельефными фигурками и различными изображеніями. Въ большинствѣ случаевъ онѣ глиняныя. иногда попадаются металлическія, есть даже сдѣланныя изъ серебра или золота. Основная форма была почти всегда одинакова;

только необходимость употребленія нѣсколькихъ фитилей въ одной лампѣ немного измѣняла форму. Однѣ были стоячія, другія подвѣшивались. Для нихъ предназначались изящные канделябры различной высоты съ тарелкою наверху для первыхъ, для вторыхъ съ ручками, къ которымъ лампы и подвѣшивались. Въ бѣдныхъ домахъ они были деревянные, въ богатыхъ—бронзовые или изъ благороднаго металла. Такіе-же преимущественно канделябры употребляли всѣ пишущіе и читающіе. Они устанавливались возлѣ ложа, такъ что ими непосредственно освѣщались находившіяся въ рукахъ рукописи или книга, которыя въ то время были одинаковой формы. Матеріаломъ для писанія служили въ древнее время специально приготовленные для этой цѣли листы папируса, что заимствовано греками изъ Египта — и только впоследствии пергаментъ, который затѣмъ свертывался. Книга, слѣдовательно, имѣла видъ свитка, который постепенно при чтеніи развѣртывался. Эти свитки вкладывались поодиночкѣ, или по нѣсколько вмѣстѣ въ большіе круглые футляры; послѣдніе, такимъ образомъ, замѣняли наши книжные шкафы. Книги подобнаго рода составляли необходимую принадлежность всякаго образованнаго дома: всякій частный человѣкъ заводилъ у себя сочиненія своего любимаго писателя. Публичныя библіотеки возникли только позже, послѣ Александра Великаго; сперва онѣ были учреждены Птолемеями въ Александріи, а потомъ Атталами въ Пергамѣ. Сочиненія философовъ также тщательно переписывались торговцами и продавались на книжныхъ рынкахъ. Уже тогда были большіе охотники до книгъ и собиратели ихъ, какъ, на примѣръ, поэтъ Эврипидъ. Аристотель также обладалъ цѣлою частною библіотекой. На ряду съ библіотеками были также любители древностей, которые скупали предметы замѣчательные по изяществу работы, по своей древности и рѣдкости, или потому, что принадлежали извѣстному историческому лицу или знаменитости, или, наконецъ, имѣли къ нему какое-либо отношеніе. Такъ, на примѣръ, одинъ потратилъ много труда и издержекъ, чтобы только добыли лиру Орфея; другой любилъ миниатюры, точенныя и рѣзныя вещицы изъ слоновой кости, какъ-то: четверку запряженныхъ лошадей, которая могла быть закрыта крыльями мухи, или кунжутное зерно, на которомъ было начертано нѣсколько стиховъ Гомера; третій собиралъ коллекцію восковыхъ фигуръ, на примѣръ, неподобно сдѣланные изъ воска фрукты, такъ натурально, что они вводили зрителя въ заблужденіе. Все это были забавы искусства, не имѣвшія недостатка ни въ мастерахъ, ни въ любителяхъ.

При существованіи такихъ потребностей и при страсти къ приобрѣтенію перечисленныхъ предметовъ, независимо отъ кухни и кладовыхъ, было достаточно домашняго скарба, чтобы жилища не казались пустыми. Для содержанія въ чистотѣ и храненія всѣхъ этихъ вещей, размѣщавшихся въ многочисленныхъ помѣщеніяхъ, требовалось не мало труда, не мало прилежныхъ, ловкихъ и надежныхъ рукъ. И въ этомъ, обыкновенно, не было недостатка въ греческихъ домахъ. То были руки рабовъ и рабынь, безъ которыхъ порядочное хозяйство не могло считаться полнымъ: они составляли, такъ сказать, живую утварь дома. Ихъ не было только въ бѣднѣйшихъ домахъ.

Рабы составляли необходимую принадлежность греческаго быта. Греческая свобода безъ сопровождающаго ее невольничества была немыслима. Безъ рабства, какъ учрежденія, грекъ не могъ-бы всецѣло посвящать себя общественной жизни, не могъ-бы быть всегда готовымъ къ отправленію обязанностей воина и гражданина. Поэтому греки никогда не сомнѣвались въ своемъ безусловномъ правѣ на обладаніе рабами; даже философы, какъ Платонъ и Аристотель, никогда не возвышаются до мысли объ общей человѣческой свободѣ. У нихъ было только одно твердое общее воззрѣніе: „Эллинъ не можетъ быть рабомъ“. Поэтому военно-плѣнные греки взаимно выкупались. Рабы грековъ были исключительно иноземнаго происхожденія или военно-плѣнные, или же купленные на рынкахъ, гдѣ торгъ ими производился по временамъ въ опредѣленные

сроки. Только лакедемонскіе илоты составляли въ этомъ отношеніи исключеніе. Они издревле считались покореннымъ племенемъ, что и было узаконено. Хотя они и не принадлежали отдѣльному лицу, а были прикрѣплены къ землѣ (*adscripti glebae*, какъ говорилось у римлянъ), но обращеніе съ ними было гораздо хуже, чѣмъ съ рабами.

Вообще-же обращеніе съ рабами въ Греціи было гораздо мягче, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ древнемъ мірѣ, далеко гуманнѣе, чѣмъ въ Римѣ и Италіи. Рабы могли вступать въ бракъ; работая на своихъ господъ съ усердіемъ, они могли завести родъ собственнаго хозяйства; пользовались попеченіемъ въ старости и во время болѣзни; могли, въ качествѣ управителя или надзирателя, заслужить довѣріе своего господина и личными услугами установить нѣкоторую короткость въ обращеніи съ ними. Обреченный на вѣчную неволю, рабъ имѣлъ интересы, неразрывно связанные съ интересами его господина: такъ смотрѣли на это обѣ стороны.

Въ Атикѣ число рабовъ далеко превышало число гражданъ. На 21,000 полноправныхъ гражданъ или на 150,000 душъ свободного состоянія приходилось 400,000 рабовъ. Разумѣется, они не всѣ были при городскихъ домахъ. Многіе, обязанные служить господину, работали въ его помѣстьяхъ, на его фабрикахъ, въ его рудникахъ, многіе, въ качествѣ ремесленниковъ, работали на другихъ; но заработокъ шелъ въ пользу господина. Благоустроенный домъ зажиточнаго гражданина имѣлъ обыкновенно въ своемъ распоряженіи отъ 10 до 20 рабовъ и рабынь, если же число ихъ было меньше, то хозяйство считалось стѣсненнымъ. Бывало, впрочемъ, и больше, но никогда въ Греціи число рабовъ не доходило до такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ Римѣ.

Рабы отправляли въ домѣ всѣ обязанности, относящіяся къ хозяйству, не исключая и тѣхъ, которыя обыкновенно исполняются ремесленниками. Они должны были содержать домъ въ чистотѣ и порядкѣ и сохранять его; молоть зерно, печь хлѣбъ, работать въ погребѣ и на кухнѣ, служить за столомъ; дѣлать покупки и исполнять порученія; прислуживать господину и госпожѣ, которая нѣсколькихъ рабынь занимала однимъ своимъ туалетомъ. Рабыни должны были прясть, ткать, шить платья, причемъ, разумѣется, всегда присутствовала и руководила работою хозяйка съ дочерьми. Въ порядочномъ домѣ во всемъ былъ установленъ величайшій порядокъ. Какъ для всякаго рода мебели, для всякой принадлежности стола-ли, постели, или одежды имѣлось свое определенное мѣсто храненія, такъ для всякаго раба и рабыни была назначена своя работа, свои обязанности. Въ большихъ хозяйствахъ выбирали изъ числа рабовъ или рабынь одно пользующееся довѣріемъ лицо, которое должно было, въ качествѣ ключника или ключницы, помогать въ дѣлѣ надзора за хозяйствомъ господину или госпожѣ, и въ особенности послѣдней, такъ какъ она болѣе всего нуждалась въ такой помощи, будучи обременена всѣми трудностями по дому. Иногда, однако, госпожа нуждалась въ довѣренномъ лицѣ не для одного только хозяйства. Случалось, что она, пораженная стрѣлою бога любви, сбивалась съ пути истины, задумываясь и мечтая, она выпускала изъ рукъ и шерсть, и веретено. Тогда любимица-рабыня была посвящена въ тайну страсти и служила посредницею для любовныхъ сношеній своей госпожи съ ея возлюбленнымъ.

Ключница или экономка отнюдь не освобождала хозяйку отъ личнаго надзора за домомъ. Госпожа во всякомъ случаѣ должна была сама все приказывать, всѣмъ руководить, все знать, всюду имѣть свой глазъ; она должна была, хотя и снисходительно, но строго и справедливо слѣдить за всѣмъ хозяйствомъ. Если жена сознала и свято исполнила возложенныя на нее обязанности, благодарный мужъ посвящалъ ей надгробную надпись въ родѣ той, которую мы читаемъ въ слѣдующихъ стихахъ Антипатра Сидонскаго:

„Не удивляйся, что на надгробномъ памятникѣ Мироны
Ты видишь изображенія бича, совы, натянутого лука, вмѣстѣ съ гусемъ и быстроногимъ псомъ;
Что она по мѣрѣ своихъ силъ управляла домомъ—это выражаетъ натянутый лукъ;
Что она заботливо холила дѣтей—это показываетъ собака:
Бичъ же вовсе не означаетъ суровою госпожу,
А лишь строгую, всегда наказывающую справедливо;
Заботливость о домѣ вѣщаетъ гусь; что, утомясь,
Она занималась приношеніями Палады, это показываетъ тебѣ сова“.

Застольная сцена.

V.

Гостеприимство и столъ.

„Кто любитъ тебя, того зови на обѣдъ—

ЕНАВИСТНИКИ, прочь!“ — Это прекрасное изреченіе Гезіода! Но греческое гостеприимство древнихъ временъ этимъ не ограничивалось. Всякій проходившій мимо и постучавшійся въ дверь бывалъ принятъ; онъ считался стоящимъ подъ покровительствомъ верховнаго бога Зевса-гостепріимца (Ζεύς ξένιος). Разумѣется, долженъ былъ просить гостепріимства и странникъ, если его постигло несчастіе — изгнаніе изъ родной страны, а это у грековъ считалось величайшимъ несчастіемъ. Непривѣтливая дорога не представляла ни убѣжища, ни защиты, а опасностей было много.

Всякій странникъ былъ, поэтому, принятъ и угощаемъ прежде даже, чѣмъ его спрашивали, откуда и куда онъ идетъ. „Какія ты глупости говоришь сегодня“, ска-

заль Менелай Этеонею, когда тотъ его спросилъ, не указать-ли пришельцамъ, — это были Телемакъ и сынъ Нестора, — на другой домъ. Кто приходилъ во время обѣда, хозяинъ тотчасъ же просилъ его принять участіе въ обѣдѣ. Кто являлся просителемъ или бѣглецомъ, тотъ садился сперва у домашняго очага или жертвенника. Только накормивъ и

Развалины виллы Гадриана у Тиволи.

напоивъ гостя, заставляли его рассказывать, кто онъ, откуда, какого рода и племени. Даже случайное посѣщеніе часто вызывало продолжительныя отношенія гостепріимства, которыя заключались въ обоюдныхъ правахъ и обязанностяхъ, переходившихъ даже преемственно на сыновей. Состоявшіе въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ избѣгали другъ друга въ сраженіи, если принадлежали къ двумъ враждебнымъ лагерямъ, или же обмѣнивались вооруженіемъ, какъ это описывается въ „Иліадѣ“, не смотря даже на то, что одно стоитъ сто воловъ, а другое лишь десять.

По общему обычаю временъ гомеровскихъ, для почетнаго гостя прежде всего устроивали ванну. Во дворцѣ Нестора въ Пилосѣ сама царская дочь приготовляетъ ванну для Телемака и натираетъ его послѣ ванны масломъ. Вѣроятно она была уже въ возрастѣ, не представляющемъ болѣе никакой опасности, такъ какъ отецъ ея, „старый бражникъ“, тогда уже прожилъ свои знаменитые „три вѣка“, т. е. время, въ три раза превосходившее

Во время пира.

обыкновенную человѣческую жизнь. У Менелая служанки оказываютъ тѣ же услуги молодому сыну Одиссея. Послѣ ванны начинался обѣдъ. Рабыни обносили кружки съ водою и чаши для умыванія рукъ, слуги ставили возлѣ каждого гостя отдѣльный маленький столикъ, приносили кушанья—куски мяса на блюдахъ, хлѣбъ въ корзинахъ, разбавляли вино въ большихъ сосудахъ и разносили его въ кубкахъ. Приходилъ музыкантъ-пѣвецъ, игралъ и воспѣвалъ дѣянія героевъ, или же шла оживленная бесѣда. Приходила также хозяйка дома не для того, чтобы съ ними раздѣлить трапезу, а чтобы насладиться бесѣдою. Вотъ, на примѣръ, является Елена: одна прислужница ставитъ ей прекрасную скамеечку, другая ее покрываетъ мягкимъ шерстянымъ ковромъ, третья приноситъ прялку и серебряную корзинку съ шерстью; Елена садится, принимается за работу и заводитъ съ гостями разговоръ. Обѣдъ проходитъ за винами и бесѣдою; послѣ него всѣ отправляются отдохнуть, такъ какъ главное пиршество начинается только вечеромъ.

Гостю устраиваютъ ложе въ залѣ,—объ особыхъ покояхъ для гостя не упоминается нигдѣ, а только говорится о большомъ запасѣ одѣялъ. Уходитъ-ли гость рано утромъ или въ какое бы то ни было время дня, его провожаютъ дружескимъ пожеланіемъ и даютъ ему подарокъ въ воспоминаніе его посѣщенія и на память о хозяинѣ.

Другія времена, другіе нравы! Съ началомъ историческаго періода пробудилась въ Греціи дѣятельная жизнь. Отношенія государствъ между собою, общія для всѣхъ грековъ празднества, обширная торговля, увеличивающееся населеніе, политика, власто-

Кружки для вина (κύλικες).

Кратеры—сосуды для разбавленія вина водой.

любіе, стремящееся за предѣлы города и государства, оживленныя сношенія съ колоніями вокругъ Эллады за моремъ,—все это вызываетъ кипучую жизнь на сушѣ и на морѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и прелесть стариннаго патріархальнаго гостепріимства. Въ городахъ появились гостинницы и трактиры, въ которыхъ путешественникъ могъ пріютиться за деньги и ласковое слово. Не нужно было болѣе прибѣгать къ гостепріимному крову пріятеля.

Хотя, такимъ образомъ, пріемъ пріѣзжаго гостя подъ свой кровъ становился все рѣже и рѣже, но грекъ не любилъ одинъ сидѣть за столомъ: онъ или приглашалъ своихъ друзей къ обѣду, или отправлялся къ нимъ самъ. Но и въ этомъ произошло много переменъ. Простота исчезла, угощеніе стало разнообразнѣе и изысканнѣе.

Какъ просто жили герои Гомера! Животное, приносимое въ жертву, былъ-ли то быкъ, свинья или баранъ, доставляло имъ достаточно для пищи мяса. На вертелахъ жарили его или, лучше сказать, вялили надъ огнемъ. Съ жаренымъ мясомъ ѣли хлѣбъ, испеченный, вѣроятно, самымъ первобытнымъ способомъ—вотъ и вся почти ихъ пища. Греки никогда не были особенно требовательными относительно ея, никогда не были гастрономами и мотами, какъ римляне, но современемъ познакомились также и съ другими блюдами. Къ домашнимъ животнымъ присоединились птица, дичь, къ мясу—рыба, къ молоку—сыръ. Соленая рыба, привозимая въ огромномъ количествѣ, составляла главную пищу рабовъ и бѣдняковъ, которые прежде обыкновенно довольствовались размазней (саламатой). Зажиточные-же люди любили свѣжую рыбу, въ особенности жирныхъ угрей изъ Віотіи изъ тинистаго Конаидскаго озера. Черепахи, раки и устрицы были уже тогда извѣстны, какъ лакомства. Различные овощи, приготовленные частью на манеръ салата, особенно-же стручковые, какъ-то: горохъ, бобы, чечевица, служили необходимою приправою кушаньевъ, а къ десерту подавали различное пирожное и печенья, которыми больше всего славилась Аттика, страна ароматическаго меда горы Гимета. Хотя греки не были особенными знатоками вина, но, тѣмъ не менѣе, имѣли свои любимыя вина—съ острововъ Лесбоса и Хіоса и съ материка изъ Сикіона и Фліунта. Вина, отчасти темнокрасныя, отчасти свѣтло-желтыя или бѣлыя, были очень крѣпки. Поэтому грекъ пилъ неразбавленное вино рѣдко: даже при пиршествахъ прибавляли обыкновенно къ двумъ частямъ вина три части воды.

О приготовленіи всего необходимаго для пира заботилась хозяйка дома; по крайней мѣрѣ она все заказывала и за всѣмъ въ кухнѣ наблюдала. Если при особенныхъ случаяхъ искусство домашнихъ пекарей не было достаточно, то нанимались повара. Они ежедневно стояли на рынкѣ въ ожиданіи, не потребуетъ ли кто-нибудь ихъ услугъ.

Не смотря на то, что всѣ заботы о пирѣ лежали на хозяйкѣ дома, она даже не имѣла права появляться къ обѣду передъ гостями и принимать въ немъ участіе. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи были гетеры, которыя, владѣя нерѣдко обширными средствами и имѣя много рабовъ и рабынь, задавали обѣды друзьямъ и гостямъ. Жена обѣдала съ однимъ мужемъ или, лучше сказать, мужъ обѣдалъ со своей женой на женской половинѣ, когда у него не было гостей, что случалось впрочемъ не часто. Любя общество, грекъ рѣдко пропускалъ случай повеселиться: рожденіе ребенка, пріѣздъ или отѣздъ пріятели, побѣда на состязаніи, праздникъ, или другой достопамятный по какому-либо случаю день, даже одно минутное счастливое настроеніе духа—все служило для того желаннымъ предлогомъ. Поэтъ Агаѣонъ, одержавъ побѣду на состязаніи драматическихъ поэтовъ, пригласилъ на вечеръ, для празднованія своего торжества, всѣхъ принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, а на слѣдующій день своихъ друзей.

Самая процедура приглашенія была очень проста. Греки, благодаря своему открытому образу жизни, ежедневно видѣлись въ гимназіяхъ, на рынкѣ и проч., и приглашенія передавались просто, безъ церемоній. Хорошій пріятель могъ являться и безъ приглашенія, и ему всегда были рады. Онъ могъ даже приводить съ собою гостя. Являлись также другіе, незваные гости: паразиты, которыхъ привлекало даровое угощеніе, и шуты, которые остроты свои обращали въ ремесло. Большимъ запасомъ дурныхъ и хорошихъ шутокъ они оплачивали свое незваное и не всегда пріятное присутствіе.

Передъ тѣмъ какъ идти на званый обѣдъ, грекъ обыкновенно занимался своимъ туалетомъ, т. е. бралъ ванну, натиравъ тѣло душистымъ масломъ и надѣвалъ лучшую

одежду и обувь. Встрѣтивъ гостей и поздоровавшись съ ними, хозяинъ указывалъ всякому свое мѣсто, причемъ самое почетное было возлѣ него; обѣдали обыкновенно въ столовой мужской половины, въ андронитѣ. Слуги снимали у гостей обувь и очищали ноги отъ уличной пыли. Потомъ гости возлежали, такъ какъ обычай времени гомеровскихъ сидѣть за столомъ уже давно вывелся. Ложа были мягкія, покрытыя разноцвѣтными одѣялами съ бахромой. Облокачивались лѣвою рукой, а правая оставалась свободною. Обыкновенно лежали на одномъ ложѣ по-двое; число ложъ зависѣло, разумѣется, отъ числа гостей. Каждому гостю рабы ставили отдѣльный покрытый столъ и подавали мясо, рыбу и соусы на блюдахъ, хлѣбъ, печенія и фрукты въ корзинкахъ. Тогда еще не было въ обычаѣ употреблять при ѣдѣ особыя тарелки, ножи и вилки: ихъ еще не знали, — употреблялась только ложка. Мясо разносили уже разрѣзаннымъ; его брали пальцами правой руки и обмакивали въ блюдо съ соусомъ. Передъ обѣдомъ и послѣ него слуги обносили воду для обмыванія рукъ. Въ промежуткахъ, въ случаѣ нужды, руки вытирали о хлѣбъ, или о тѣсто, особо для этого приготовленное.

Составъ обѣда бывалъ различный: очень простой на общественныхъ обѣдахъ спартанцевъ, разнообразіе у аѳинянъ, еще болѣе коринѳянъ, вѣотійцевъ, роскошнѣе всего въ Сициліи. Всякій обѣдъ состоялъ обыкновенно изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ подавалась или большіе кувшины для разбавленія вина, куда вливались вина жгучія и прохладительныя, крѣпкія и слабыя, и кружки съ охлажденною льдомъ водою и другія съ чистымъ, неразбавленнымъ виномъ; разставляли по столамъ ложкообразные черпаки, кубки и разнородныхъ формъ чаши для питья—высокія и низкія самой изящной выдѣлки, и ритіоны, фантастическія чаши въ видѣ рога. Рабы хлопотали, оказывая гостямъ тѣ услуги, которыя оказывали юные виночерпій Олимпа—Геба богамъ и Ганимедъ Зевсу; для этого выбирались самые красивые и молодые юноши. Гости украшали грудь и голову вѣнками изъ миртъ и фіалокъ, изъ розъ и плюща не только для выраженія радости, но и для того, чтобы прохлаждать разгорѣвшіеся отъ вина виски. Полагали, что вѣнки и цвѣты уменьшали опьяняющее дѣйствіе вина. Входятъ музыканты и начинается пѣніе и танцы, улаждающіе слухъ и зрѣніе гостей; Бахусъ,

Бахусъ.
Статуя въ Луврѣ

рыба, мясо съ овощами или другой приправой, во второмъ десертъ — печенье и фрукты. Пока продолжался собственно обѣдъ, греки не пили, и только вначалѣ совершали богамъ возліяніе неразбавленнымъ виномъ, и послѣдній глотокъ въ концѣ обѣда посвящался „Доброму Генію“; также никакого развлеченія, кромѣ бесѣды, во время обѣда не было. Это начиналось только со второго отдѣленія, при „симпосіонѣ“, попойкѣ, передъ началомъ которой убирали столы и подметали съ полу всѣ куски и крошки, падавшія во время обѣда. Затѣмъ слуги вносили другіе столы, заставленные соленымъ печеньемъ, сыромъ или другими яствами, возбуждающими жажду; далѣе прино-

Кукольные комедианты въ Помпеѣ.

поддерживаемый музами и граціями, нерѣдко доводилъ ихъ до состоянія безпомощнаго опьянѣнія.

Греки любили вино и прославляли его въ пѣсняхъ. Они любили его не просто какъ наслажденіе, но какъ средство для облегченія заботъ, какъ спутника веселія и удовольствія. Вино возбуждало юношей и помогало старцамъ забывать свою сѣдину и не обращать вниманія на свои немощи; вино отгоняло мысли о ненавистномъ адѣ, о грустномъ, нескончаемомъ пребываніи душъ въ пустынномъ и мрачномъ царствѣ тѣней. Чѣмъ мрачнѣе, чѣмъ безнадежнѣе, чѣмъ безотраднѣе казалась жизнь умершихъ, тѣмъ болѣе грекъ старался пить полною чашею наслажденія земной жизни; только тѣ, которые уже не вѣровали болѣе въ возможность загробной жизни, или же наложили на себя обѣтъ воздержанія, составляли исключеніе изъ этого общаго правила. „Весь міръ пьетъ“, говоритъ Анакреонъ, „почему-же и мнѣ не пить“:

„Земля пьетъ, отъ нея пьютъ цѣлые сонмы де-
ревъ, море пьетъ рѣки, солнце пьетъ изъ моря;
луна высасываетъ свой влажный свѣтъ отъ солнца,—
а вы, друзья, не позволите мнѣ пить?“

Масса подобныхъ стихотвореній приглашаетъ человѣка наслаждаться скоротечною жизнью за чашей вина.

„Пей, пользуйся временемъ! Что принесетъ тебѣ
завтра?—Этого никто не знаетъ. Ну! Не бѣги, не
утруждай себя. Наслаждайся, пока можешь; ѣшь,
думай о смерти!... Вѣдь, бытіе отъ небытія раздѣ-
ляетъ лишь одно мгновеніе. Жизнь, вѣдь, только
моментъ, ■ твое лишь то, что ты успѣлъ взять.
Умрешь ты, и тебѣ не останется ничего,—все
возьмутъ другіе“.

Обильныя возліянія Бахусу имѣютъ на старости лѣтъ послѣдствіемъ безчисленные недуги. Что-же изъ этого?—спрашиваетъ поэтъ:

„Развѣ мнѣ не предстоитъ разъ умереть? Что-
же меня тревожить? То-ли, что я страдаю подагрой,
или, какъ бѣгущій опрометью, рискую слетѣть въ
пропасть ада?... Многіе поддерживаютъ меня...
Пусть я буду хромъ, друзья! Вѣдь, я не пере-
стану отъ этого веселиться на пирушкѣ!“

Боги никогда не приходятъ по-одиночкѣ, говоритъ поэтъ, такъ думали въ древности. Вакхъ привлекалъ Эротъ, вино—любовь, а за любовью и виномъ слѣдовали музы, богини пѣнія и поэзіи, музыки и танцевъ. Приглашеніе пить въ то же время является вмѣстѣ приглашеніемъ къ пѣнію, къ игрѣ и къ танцамъ; на пиршествахъ музы неразлучны съ богомъ вина:

„Кого не веселятъ звуки флейты, кто презираетъ нектаръ
Бахуса или сладостную пѣсню, факелы и женщинъ, умищенія
и вѣнки и, при скудной трапезѣ, постоянно жадною рукою
все высчитываетъ проценты да проценты, тотъ, мнѣ кажется,
уже мертвъ. Я равнодушно пройду мимо изнуреннаго голодомъ
трупа, которому жаль даже издержекъ на чужое веселье“...

Такъ при помощи боговъ обѣдъ переходилъ въ пиршество, такъ описываетъ его и Анакреонъ, который самъ, въ видѣ пьянаго Силена, плѣшиваго и сѣдовласаго старца, танцуетъ и размахивая тирсомъ, веселился среди толпы юношей:

„Вѣнки изъ розъ на чело возложимъ въ праздникъ Лііа, когда мы пьемъ, весело смѣясь, когда дѣва танцуетъ подь звуки лиры!.. Смотрите!.. Какими плавными, легкими прыжками несется плясунья!.. Голова у ней увѣнчана плющемъ, и тирсъ жужжитъ въ воздухѣ отъ размаха. Но, чу! Слушайте... ювоша съ роскошными кудрями извлекаетъ звуки изъ своей свирѣли. Рѣзко раздаются свистки трубочекъ!.. Это чтобы больше украсить праздникъ!.. Самъ Эроть златовласый зоветъ праздновать. Его радостные шаги любятъ даже старцы“.

На обыкновенныхъ празднествахъ сами гости не принимали участія въ танцахъ и музыкѣ. Случалось, что они для начала хоромъ пѣли какую-нибудь пѣснь или же каждый по-очередно пѣлъ какой-нибудь стихъ экспромтомъ, но обыкновенно хозяинъ для того нанималъ людей, специально этимъ занимающихся артистовъ. На пиру Калліа, описываемомъ Ксенофонтомъ, въ началѣ втораго отдѣленія, къ попойкѣ является въ залу

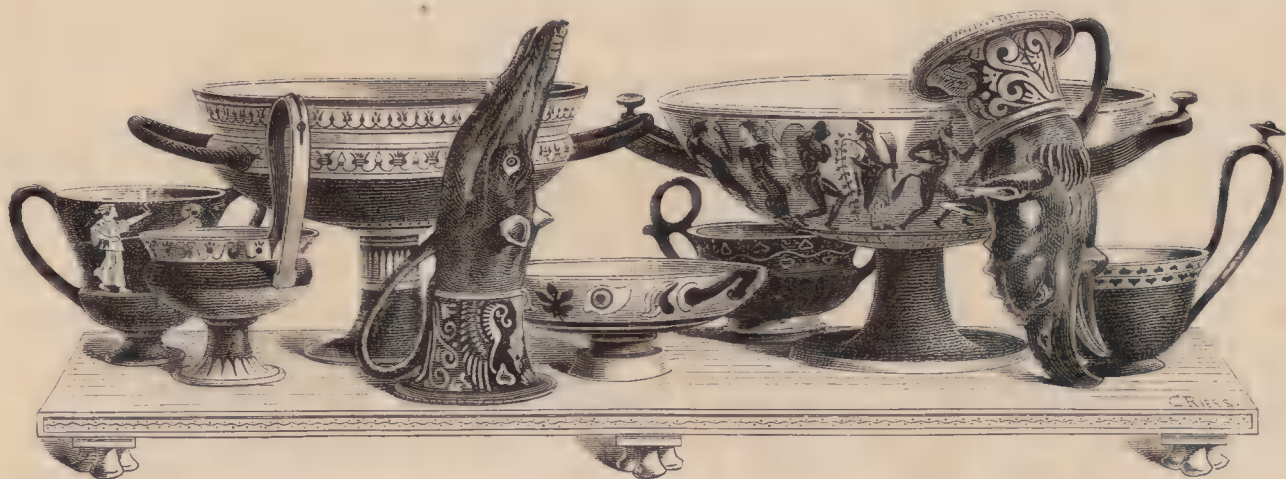

Женщины-жонглеры.

для увеселенія общества какой-то сиракузанецъ — нынѣ онъ себя бы назвалъ директоромъ — въ сопровожденіи флейтщицы, молодой и прекрасной танцовщицы и мило-виднаго мальчика. Мальчикъ играетъ на питрѣ, флейтщица на своемъ инструментѣ, а танцовщица, подь звуки и подь тактъ этой музыки, дѣлаетъ разнообразныя граціозныя движенія. Потомъ ей подають обручи; она бросаетъ ихъ одинъ за другимъ на воздухъ, продолжая танцовать подь музыку, ловитъ ихъ опять и опять бросаетъ вверхъ, такъ что одновременно двѣнадцать обручей мелькають передъ глазами зрителей. Послѣ этого начинаетъ танцовать мальчикъ, который своею красотою, граціозными движеніями и позами вызываетъ общій восторгъ. Наконецъ, дѣвушка начинаетъ опасную игру, возбуждающую въ присутствующихъ болѣе страха, чѣмъ удовольствія. Вносятъ большой обручъ, вокругъ котораго прикрѣплены мечи вверхъ остріемъ. Головою впередъ вскакиваетъ она въ середину обруча, извивается и танцуетъ надъ мечами, исполняя самыя замысловатыя движенія и смѣлые прыжки съ величайшею ловкостью и увѣренностью, не поранивъ себя.

Вообще въ акробатическихъ упражненіяхъ греческіе жонглеры достигли замѣчательнаго совершенства и тѣ изъ нихъ, которыя болѣе походили на танцы, производились въ домахъ во время обѣда. Фокусники танцовали на рукахъ, ноги же въ это время замѣняли руки. Ногами онѣ бросали мячи, наполняли виномъ кубокъ изъ большого кувшина, держа его одною ногою, а черпакъ другою. Присутствовавшій на этомъ пиршествѣ Каллія Сократъ мало находилъ удовольствія въ подобныхъ развлеченіяхъ, особенно въ опасномъ танцѣ надъ мечами, находя его не соответствующимъ веселью пира. Въмѣсто этого онъ восхваляетъ мимическое искусство, представляющее глазамъ прекрасное, восхитительное зрѣлище. Сиракузанинъ согласенъ и на это, такъ какъ подобныя мимическія представленія входятъ въ кругъ дѣятельности этихъ странствующихъ артистовъ и принадлежатъ къ послѣбѣдненнымъ развлеченіямъ. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ приготовленій является молодая танцовщица въ видѣ Аріадны въ роскошномъ свадебномъ нарядѣ и садится на кресло; потомъ, при звукахъ флейты, приходитъ мальчикъ, приближается къ уединенно сидящей красавицѣ и затѣмъ начинается сцена, какъ они обоюдно разгораются любовью; все это представляется такъ прелестно, такъ естественно и правдоподобно, что все

Сосуды для напитковъ въ формѣ чашъ, кубковъ и роговъ.

общество приходитъ въ восторгъ, всѣмъ кажется, что мальчикъ и дѣвушка въ дѣйствительности воодушевлены страстною взаимною любовью.

Но такого рода развлеченія не были необходимы для доставленія удовольствія гостямъ. Въ Греціи знали множество игръ, изъ которыхъ, правда, нѣкоторыя, какъ напр. игра въ кости или игра въ шашки, мало подходили къ попойкѣ, зато другія были совершенно къ тому приурочены. Изъ числа послѣднихъ самою любимой была такъ называемая „Коттабось“, требовавшая прежде всего ловкости и навыка. Ея было нѣсколько родовъ. Одинъ изъ нихъ приблизительно (описаніе не вполне ясно) состоялъ въ томъ, что остатокъ вина изъ бокала выплескивали на вѣсы, колебавшіяся надъ головою бронзовой фигурки, которую называли именемъ любимого раба — Манесъ, съ такою ловкостью, что чашка вѣсовъ падала со звономъ на эту фигурку. По силѣ звука и высотѣ тона судили о большемъ или меньшемъ расположеніи любимой особы. Иногда вино не выплескивали изъ бокала, а выбрызгивали изо рта, для чего необходимо было, конечно, большее искусство *). Менѣе труденъ былъ другой родъ этой игры: именно пускали маленькіе кораблики въ большую чашу или ванну, а струею вина, выплеснутой изъ бокала, попадали въ одинъ изъ нихъ и затопляли его. Кто бывалъ счастливъ и ловокъ, того награждали вѣнкомъ или разноцвѣтною лентою, которая повязывалась

*) Задача состояла въ томъ, чтобы наполнить по возможности до краевъ вѣсовую чашку, плеснувъ съ нѣкотораго разстоянія изъ бокала (иногда изо рта), что требовало извѣстнаго навыка и искусства.

на голову, или товарищи его цѣловали; кто-же оказывался неловкимъ, того наказывали, заставляя выпивать кубокъ крѣпкаго вина или безъ воды, или съ соленою водою.

Право награждать или наказывать принадлежало архонту, предсѣдателю пира. Передъ каждою пирушкою, въ которой попойка должна была занимать первое мѣсто, выбирали распорядителя и предсѣдателя пира, архонта, или баллотировкою, или просто гости назначали для занятія этой должности изъ своей среды такого человѣка, который уже пріобрѣлъ извѣстность въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Первою его обязанностью было приготовленіе вина съ водою и выборъ величины кубковъ: начинали обыкновенно съ маленькихъ кубковъ, а кончали большими. Были плоскія чаши и высокіе на тонкихъ ножкахъ кубки, почти всѣ съ двумя ручками, куда, какъ мы это видимъ на рисункахъ, просовывали указательный палецъ, чтобы граціозно балансировать сосудъ на рукѣ. И здѣсь даже грекъ не забывалъ о красотѣ и граціи. Величина кубковъ не переходила извѣстныхъ границъ; только иногда архонтъ приказывалъ подать огромныя кружки, что случалось или когда всѣ участники пира достаточно напивались, или когда одному изъ кутилъ приходило въ голову, вмѣсто чаши или кубка, испробовать свои силы на кувшинѣ, въ которомъ смѣшивали вино съ водою, и онъ, приставивъ его ко рту, вливалъ въ себя цѣлое море.

Въ рукахъ архонта или симпозиарха было также право управленія бесѣдой во время обѣда, что совершалось обыкновенно съ общаго согласія. Вино не только не мѣшало бесѣдѣ и остроумію, —напротивъ, оно ихъ вызывало и оживляло. Говорили экспромтомъ стихи и задавали загадки, а тотъ, кто не сумѣлъ разгадать заданной ему загадки, долженъ былъ въ наказаніе выпить кружку крѣпкаго вина, иногда разбавленнаго соленою водою. По-очереди говорили также рѣчи на извѣстныя заданныя темы.

Такъ, напр., было на томъ знаменитомъ обѣдѣ, который поэтъ Агаѳонъ давалъ въ 416 г. до Р. Х. своимъ друзьямъ по поводу первой одержанной имъ на состязаніи драматиковъ побѣды. Платонъ описываетъ этотъ обѣдъ или, правильнѣе сказать, придумалъ подходящее описаніе. Безъ сомнѣнія, обѣдъ былъ, и великій философъ воспользовался имъ, какъ случаемъ, чтобы изложить въ своемъ „Симпосіонѣ“ будто бы произнесенныя на этомъ обѣдѣ рѣчи, гдѣ проводится его собственный взглядъ на любовь; эта книга по своей прелести, бойкости и вполне классической законченности, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ и совершеннѣйшимъ образцамъ всемірной древней литературы.

На этомъ пиру собрались всѣ замѣчательные таланты Аѳинъ, какіе только въ нихъ тогда были, нѣкоторые изъ извѣстныхъ учениковъ Сократа, онъ самъ, неподражаемый мастеръ задавать вопросы и отвѣчать на нихъ, комикъ Аристофанъ, извѣстный врачъ Эриксипсахъ и самъ хозяинъ пира Агаѳонъ, поэтъ въ полномъ разцвѣтѣ таланта. Большинство гостей было нездорово или нечувствовало охоты пить послѣ вчерашней попойки, а потому условились предоставить всякому пить по желанію, нанятую флейтицу отправить домой или на женскую половину и вмѣсто того провести время за рѣчами. По предложенію Федра, рѣшили по-очереди, какъ кто возлежалъ, говорить хвалебныя рѣчи Эроту. Федръ полагалъ, что этотъ великій богъ слишкомъ мало воспѣтъ поэтами и восхваленъ ораторами, а потому нужно теперь восполнить то, что было упущено сдѣлать въ честь этого бога. Такимъ образомъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ рѣчей о любви, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности представляетъ характеристику лица, ее говорившаго. Одинъ прославляетъ Эрота, какъ старшаго, могущественнѣйшаго изъ боговъ, властвующаго надъ богами и людьми; другой—какъ младшаго и красивѣйшаго, никогда не старѣющаго, третій говоритъ о необходимости различать двухъ Эротовъ, обыкновеннаго, земнаго, и небеснаго, ведущаго къ добродѣтели. Эриксипсахъ, какъ естествоиспытатель, видитъ любовь во всѣхъ явленіяхъ природы; Аристофанъ, вѣрный самому себѣ, рассказываетъ чрезвычайно комическій мифъ о происхожденіи любви между людьми. По его мнѣнію, первоначально существовали только сросшіяся пары людей съ четырьмя

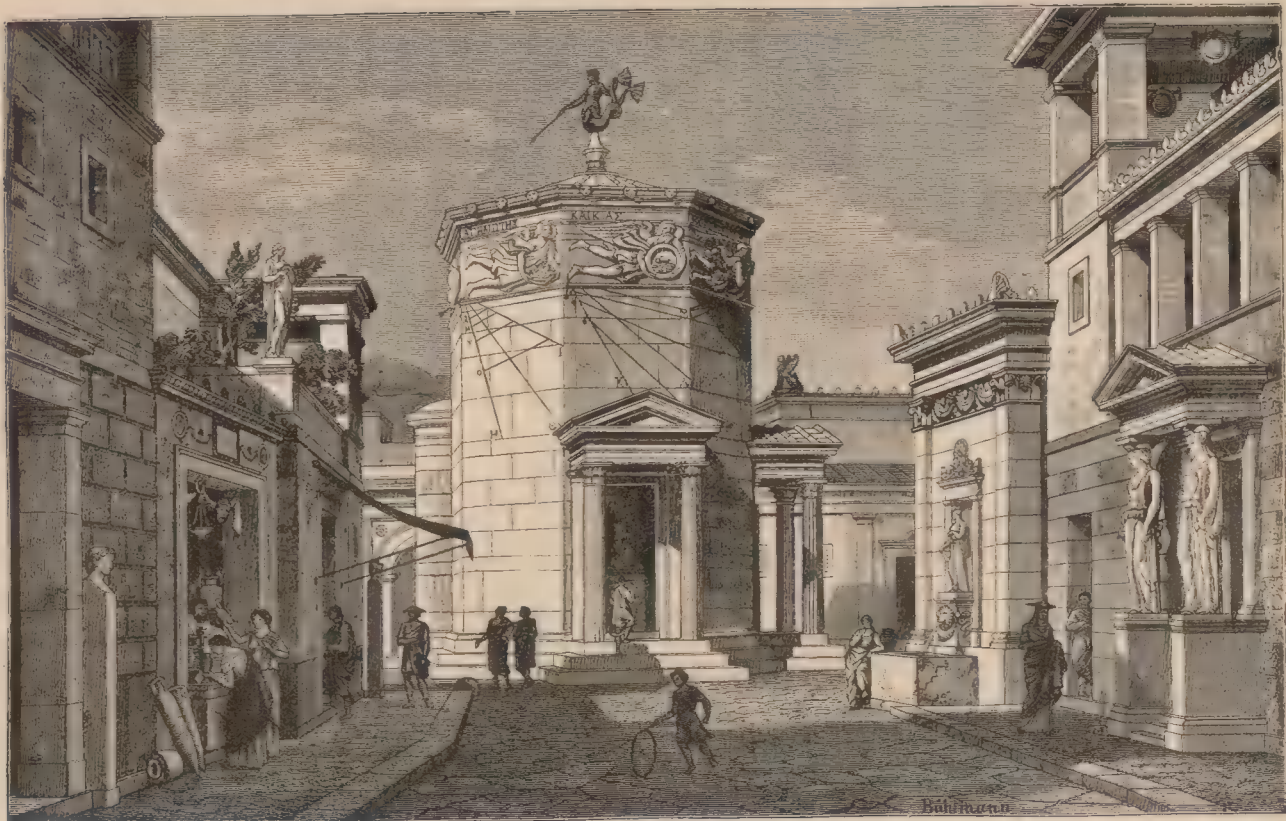

руками и четырьмя ногами, двигавшіяся колесомъ; но такъ какъ они въ этомъ видѣ становились слишкомъ могущественными и опасными, то Зевсъ разрѣзалъ ихъ пополамъ, а теперь отдѣленные половины ищутъ другъ друга, стремясь къ воссоединенію. Послѣ Аристофана очередь Агаѳону: онъ, въ прекрасной и убѣдительной рѣчи, возноситъ предметъ бесѣды опять на высоту вдохновенія, откуда Сократъ, послѣдній изъ говорившихъ, разбивая, путемъ холодной діалектики, все его положенія, возвращаетъ его къ трезвой дѣйствительности. На этой твердой почвѣ онъ развиваетъ свои собственныя воззрѣнія на сущность любви и конечной цѣли—красоты, увѣряя, что все это ему внушено мантинейскою Діотимою, женщиною, одинаково свѣдующей въ дѣлахъ любви и въ философіи. Передавая своимъ ученикамъ содержаніе бесѣды ея, онъ постепенно возводитъ ихъ медленнымъ путемъ умъ въ высшія сферы, въ царство мыслей о вѣчномъ, неизблемомъ первообразѣ красоты, не имѣющемъ ничего общаго съ земнымъ, при созерцаніи и сознаніи котораго для человѣка жизнь получаетъ свое настоящее значеніе, свою настоящую цѣну.

Но не долго суждено было гостямъ остаться на этой высотѣ духовнаго наслажденія: вскорѣ имъ пришлось вспомнить о земной цѣли ихъ свиданія. Занятые бесѣдой, они не только забыли о винѣ, но не замѣтили даже, что была уже глубокая ночь, часъ, когда обыкновенно гости расходятся по домамъ. Едва только Сократъ окончилъ свою рѣчь, какъ послышался шумъ у дверей. Раздался голосъ Алкивіада, который требовалъ, чтобы его впустили. Онъ вошелъ пьяный, опираясь на флейтщицу и одного товарища, украшенный вѣнками и лентами, которыми онъ намѣренъ былъ, по его словамъ, украсить также Агаѳона, что и исполнилъ. Но увидавъ вдругъ возлѣ себя Сократа, онъ обвинилъ и голову своего мудраго, горячо любимаго друга вѣнками. Затѣмъ онъ не ушелъ, а остался и, такъ какъ всѣхъ ихъ засталъ трезвыми, то назначилъ самого себя симпозиархомъ, взялъ громадную чашу, велѣлъ ее наполнить виномъ и выпилъ. Затѣмъ приказалъ налить Сократу, говоря, что ему, Сократу, это нипочемъ, такъ какъ онъ можетъ пить, сколько угодно, и никогда не будетъ пьянъ. Такъ началась попойка, но при этомъ не забыли о рѣчахъ; дошла очередь до Алкивіада сказать хвалебное слово Эроту. Но вмѣсто этого, онъ началъ восхвалять Сократа, этого дивнаго, чудеснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ страннаго человѣка. Послѣ того надлежало Сократу привѣтствовать Агаѳона, но вошла новая толпа ночныхъ гулякъ и наполнила всю залу шумомъ. Порядокъ нарушился, пошла безобразная попойка до тѣхъ поръ, пока одни не ушли домой, а другіе, совсѣмъ пьяные, не заснули на мѣстѣ. Когда пѣтухи запѣли и блѣдное мерцаніе утра проникло въ комнату, тамъ сидѣли только еще оба поэта—Аристофанъ и Агаѳонъ съ Сократомъ, который старался ихъ убѣдить, что настоящій трагикъ долженъ быть въ то же время и комикомъ. Утомленные, они сдались и заснули—сперва Аристофанъ, а потомъ и Агаѳонъ. Только уже когда наступилъ день, Сократъ всталъ какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ въ лицей, выкупался и, по своему обыкновенію, оставался тамъ цѣлый день.

Попойки кончались нерѣдко и по другому, особенно когда большинство участниковъ была молодежь. Увѣнчанные, выходили они на улицу, украшали статую Гермеса, которая стояла передъ домомъ, или же, нарушая ночное спокойствіе и дѣлая въ пьяномъ видѣ всякія безчинства, съ шумомъ подходили къ домамъ своихъ возлюбленныхъ или извѣстной красавицы, готовой къ услугамъ Афродиты, и вѣшали имъ на двери увядшіе вѣнки. Но не всегда это выраженіе уваженія было благосклонно встрѣчаемо: нерѣдко вѣнки безжалостно растаптывались ногами разгнѣванной кокетки.

Улица въ Аѳинахъ съ башнею вѣтровъ.

Въ ней находились водяные часы; снаружи, на стѣнахъ, солнечные, надъ ними фигуры вѣтровъ. Бронзовый тритонъ на крышѣ служилъ флюгеромъ — указывалъ стрѣлкою на соотвѣствующую фигуру вѣтра.

VI.

Общественная жизнь.

НОГОЛЮДНЫЙ городъ спитъ. Уже далеко за полночь, исчезли ночные гуляки, вскорѣ утренняя заря займется надъ Аѳинами. Ночные обходы, которые на пути своемъ задержали нѣсколько подозрительныхъ личностей и забрали нѣсколькихъ воришекъ, притаившихся въ ожиданіи прохожаго, въ надеждѣ содрать съ него плащъ, тоже удалились на покой. Вездѣ тихо, и въ узкихъ то поднимающихся, то спускающихся улицахъ, среди невзрачныхъ простыхъ домовъ, подъ портиками, и на площадяхъ передъ храмами, и на рынкѣ. Вмѣстѣ съ разсвѣтомъ выступаютъ изъ мрака абрисы общественныхъ зданій, высясь надъ низкими, разбросанными домами, какъ доказательство горделивой, величественной силы воздвигшаго ихъ народа, кроющейся въ сознательномъ единодушіи, въ общемъ сочувствіи къ общественной пользѣ. На площадяхъ виднѣются многочисленные жертвенники, а на улицахъ передъ каждымъ домомъ стоятъ на невысокихъ че-

тырехугольных столбиках гермы или бюсты боговъ — выраженіе унаслѣдованнаго отъ предковъ благочестія, символы покровительства боговъ, подъ защитой которыхъ находился и весь городъ, и частные дома.

По мѣрѣ того, какъ утро освѣщаетъ предметы и солнце поднимается надъ горизонтомъ, на улицахъ вновь закипаетъ жизнь. Аѳинянинъ встаетъ съ солнцемъ и, закусивъ слегка, — завтракъ у него состоялъ изъ куска хлѣба, омоченнаго въ вино, — онъ выходитъ изъ своего дома или по собственнымъ, или по общественнымъ дѣламъ, но до него еще на улицѣ показывается земледѣлецъ, который изо дня въ день до свѣта приво-

звѣнному геніями и фесто-нами, за прозрачною и свѣжею водою, которую въ изобиліи даютъ водопроводы, высѣченные въ скалѣ еще Пизистратидами, создавшими себѣ этими водопроводами вѣчные памятники. Мальчики скромно идутъ въ школу, — одни, болѣе бѣдные, безъ проводниковъ, другіе, богаче, въ сопровожденіи раба-дядьки (*παῖδα γωγύς*), который несетъ за ними письменныя принадлежности и

Рабыни у колодца.

музыкальные инструменты. Со всѣхъ сторонъ являются ремесленники и продавцы; они спѣшатъ въ свои мастерскія, въ свои лавки, къ своимъ столикамъ; они идутъ разными улицами, но всѣ стремятся къ одному мѣсту, къ рынку, — тамъ и въ ближайшемъ его сосѣдствѣ сосредоточена вся эта кипучая дѣятельность.

Рынокъ или агора (*ἀγορά*) — это сердце греческаго города, отъ него исходятъ всѣ жизненныя артеріи, всѣ большія улицы и дороги, пересекающія городъ и всю страну. Община устраиваетъ рынокъ всегда просторный и украшаетъ его храмами, жертвенниками, многочисленными статуями и памятниками, окружаетъ его портиками, подъ которыми гражданинъ, неимѣющій занятій, но любящій пестроту рынка, проводитъ свое свободное время: здѣсь онъ прогуливается, здѣсь онъ видится съ своими друзьями.

Но не всегда эта агора была правильнымъ или симметрически обстроенымъ мѣстомъ.

Рынокъ растетъ вмѣстѣ съ расширеніемъ города. Въ распространеніи рынка, въ его памятникахъ заключается исторія города. Самъ рынокъ имѣетъ свою исторію. Агора въ Аѣнахъ образовалась изъ скромнаго предмѣстья гончарей-ремесленниковъ, керамики, и расширилась до размѣровъ, удовлетворяющихъ требованіямъ дѣятельнаго населенія всемірнаго города; раздвигалась она постепенно, но неправильно: она не имѣла вида правильной площади, а скорѣе представляла цѣлую часть города. Каждый предметъ, каждая отрасль торговли и занятій имѣла свое опредѣленное мѣсто; для торговцевъ были установлены точныя правила. За исполненіемъ этихъ правилъ слѣдила торговая полиція въ лицѣ „агораномовъ“, которымъ было предоставлено право взысканія; на ихъ же обязанности лежало наблюденіе за порядкомъ; они наблюдали за доброкачественностью товаровъ, преслѣдовали искусственное повышеніе цѣнъ, смотрѣли за правильностью мѣръ и вѣсовъ и за полновѣсностью монеты.

Посѣтитель рынка, слѣдовательно, все находилъ на своемъ мѣстѣ. Отдѣльно или подъ открытымъ небомъ, или въ камышевыхъ или досчатыхъ будкахъ, такъ называемыхъ „пиклахъ“, стояли продавцы луку и чесноку, любимой пищи греческаго простонародья; отдѣльно продавцы вина, фруктовъ и овощей, гороха и чечевицы, которые продавались также и въ вареномъ видѣ; далѣе стояли продавщицы цвѣтовъ, вѣнковъ и цвѣтныхъ лентъ, употреблявшихся для украшенія во время пира, или продавщицы хлѣба, передъ которыми пирамидами были нагромождены круглые хлѣбы. Бѣда тому, кто имѣлъ неосторожность разсыпать одну изъ этихъ пирамидъ! Потокъ брани и ругательствъ разъяренной ланной мастерскія ремесленниковъ и художниковъ, которыя постоянно были наполнены досужими людьми, приходившими отчасти полюбоваться работою, которая въ Аѣнахъ всегда была изящна и художественна, отчасти просто убить время.

Для этой-же цѣли служили и пирюльни, расположенныя въ сосѣдствѣ, — настоящія склады сплетенъ. Одинаковое съ ними назначеніе нерѣдко имѣли всегда открытыя пріемныя комнаты лекарей, бывшія также неподалеку. Были въ Греціи врачи, какъ, напримѣръ, Гиппократъ, преимущественно въ Аѣнахъ ученые врачи, которые пользовались большимъ почетомъ и довѣріемъ. Хотя они еще не изучали анатоміи человѣческаго тѣла — это началось только со временъ Александра Великаго, — но добросовѣстнымъ наблюденіемъ и продолжительнымъ опытомъ они достигали высокаго совершенства въ дѣлѣ врачеванія. На ряду съ ними было, впрочемъ, много шарлатановъ, самаго появленія которыхъ боялись пуще смерти. Говорили, что они вмѣсто спасенія жизни могутъ отправлять въ преисподню даже самое безсмертіе.

Гиппократъ.
Мраморный бюстъ въ Луврѣ.

продавщицы сыпался на несчастнаго. Въ другихъ мѣстахъ торговали горшками, платьемъ, рыбою. Рыбный рынокъ — любимое мѣсто гастрономовъ: туда бросались все покупатели, какъ только звонокъ возвѣщалъ, что открывается продажа свѣжей морской рыбы; и тамъ не было недостатка въ брани и ругательствахъ.

Рынокъ не только представлялъ все необходимое для ежедневныхъ потребностей, — на немъ сосредоточивалось много другихъ занятій и дѣлъ, на самомъ рынокѣ и около него находились многочис-

Внутренность Парѳенона.

„Только коснулся вчера Менедемъ-врачъ желѣзнаго Зевса,
Какъ его—пусть хоть и желѣзный Зевесъ онъ—нынѣ хоронять“.

Даже во снѣ этихъ шарлатановъ увидѣть было опасно:

„Разъ увидать Діофантъ во снѣ врача Гермогена:
И не проснулся онъ больше, хотя и носилъ амулетъ“.

Рядомъ съ врачами, занимавшимися въ своихъ доступныхъ въ это время для всякаго пріемныхъ, толкались пачкуны и шарлатаны, выхвалявшіе мази и лекарства своего приготовленія. Тутъ-же продавали они различныя секретныя средства и ладонки для колдовства и противъ него, кольца, ограждающія отъ болѣзней и отъ укушенія дикими звѣрями и различныя подобные предметы, въ которые простой народъ твердо вѣрилъ.

Меркурій.

Статуя въ виллѣ Боргезе въ Римѣ.

Эскулапъ.

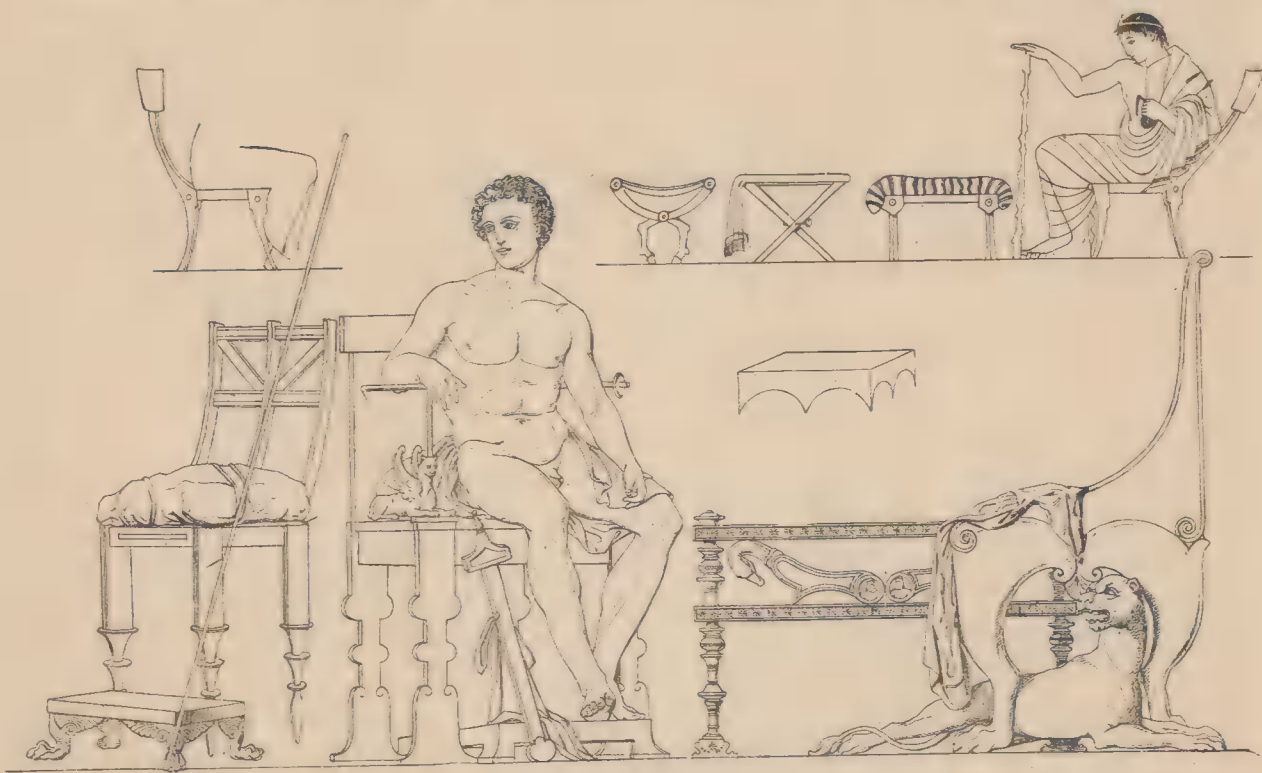
Статуя въ виллѣ Албани въ Римѣ.

Здѣсь была толкотня и шумъ. Болѣе степенно и спокойно было въ той части рынка, гдѣ были поставлены столы трапезитовъ—мѣняль и банкировъ. Тамъ заключались какъ малыя, такъ и большія денежныя сдѣлки, какъ мѣстныя, такъ и заморскія. Трапезиты размѣнивали иностранную монету, которая, при обширной торговлѣ и приливѣ иностранцевъ, въ изобиліи появлялась на рынкахъ Аѳинъ и другихъ большихъ приморскихъ городовъ. У нихъ продавались и покупались иностранныя деньги, когда кто-нибудь хотѣлъ путешествовать. Они подвергали тщательному испытанію всякую монету по ея вѣсу и внутреннему достоинству, потому что въ обращеніи уже тогда появлялось много фальшивыхъ монетъ, сдѣланныхъ изъ простого металла, обложеннаго снаружи серебромъ или золотомъ. Трапезиты получали деньги за отдаленныхъ или заморскихъ купцовъ и

банкировъ и по ихъ письменнымъ приказамъ производили платежи. За проценты они принимали на себя управленіе имѣніями или завѣдываніе наличными капиталами и по ассигновкамъ довѣрившихъ имъ свое состояніе производили платежи, ибо никто охотно не держалъ дома денегъ, къ тому же это избавляло отъ хлопотъ. Все это производилось на рынкѣ. Трапезиты дѣлали большіе обороты, въ особенности по порученію знатныхъ и богатыхъ лицъ, которые довѣряли веденіе своихъ дѣлъ тому или другому изъ нихъ. У нихъ и при ихъ содѣйствіи совершались условія о куплѣ и продажѣ, отдавались въ заемъ свободныя деньги или, наоборотъ, занимались, даже завѣщанія отдавались на ихъ сохраненіе. У трапезитовъ были крѣпкіе сундуки, и они вели счетныя книги.

Какъ мѣнялы и банкиры, такъ и купцы рѣшали и обдѣлывали всѣ свои дѣла на рынкѣ. Здѣсь сосредоточивалась и мелочная, и оптовая торговля, хотя разношники и коробейники сновали по всѣмъ улицамъ; равнымъ образомъ лавки и магазины, особенно

Различныя сидѣнья.

же со съѣстными припасами, и питейные дома встрѣчались повсемѣстно, но всетаки мелочная торговля по преимуществу скучивалась на рынкѣ или около него. Мелочные продавцы и торгаши, большею частью, наравнѣ съ многочисленными ремесленниками, не пользовавшіеся никакимъ уваженіемъ при демократическомъ образѣ правленія, подъ вліяніемъ демагоговъ, сикофантовъ и софистовъ играли важную и часто роковую роль. Большимъ уваженіемъ и почетомъ пользовались нерѣдко оптовые торговцы, отчасти фабриканты, производившіе работы руками рабовъ, частью купцы, занимающіеся морскою торговлею, какъ привозною, такъ и вывозною. Подъ защитою аѣинскаго военнаго флота, ихъ корабли ходили по всей восточной половинѣ Средиземнаго моря; ихъ можно было встрѣтить въ Сициліи, въ Египтѣ, равно какъ и въ портахъ крымскихъ. На рынкѣ аѣинскомъ они выставляли образцы своихъ товаровъ, тамъ-же заключали условія и совершали обороты, между тѣмъ склады ихъ находились большею частью въ Пирей, большомъ портовомъ городѣ, гдѣ громадныя постройки тянулись по всей набережной и отдѣлялись отъ воды одною только широкой улицею.

Вся рыночная торговля была въ рукахъ мужчинъ; продавицы хлѣба и цвѣточницы составляли исключеніе. Онѣ не пользовались хорошою славою, въ особенности цвѣточницы, которыя, будучи молоды и красивы, нерѣдко должны были переносить колкія замѣчанія, которыя, можетъ быть, имъ и не нравились: такъ, напримѣръ, слѣдующій облеченный въ привѣтливую форму вопросъ:

„Красная дѣвица, съ розами въ корзинѣ, что ты продаешь?
Цвѣты-ли? самоѣ-ли себя? говори!—или и то и другое?“

Какъ продажа, такъ и купля совершалась обыкновенно мужчинами. Хозяйка дома никогда на рынокъ не ходила — это считалось неприличнымъ, — а самъ хозяинъ, особенно если нужно было купить лакомства и къ вечеру ожидались дорогіе гости, друзья. Обыкновенно же это было дѣломъ невольника, пользующагося довѣріемъ:

Аула съ простасомъ и статуею Гестии на заднемъ планѣ.

ежедневно рано онъ ходилъ на рынокъ для закупки необходимыхъ припасовъ. У кого не было средствъ держать невольника, тотъ, разумѣется, самъ ходилъ на рынокъ, чтобы купить свою скромную пищу, а можетъ быть, тутъ-же съѣсть свою вареную чечевицу, горохъ или бобы, свой лукъ и чеснокъ; такъ дѣлали рабочіе, ремесленники, матросы и солдаты, которымъ горохъ высыпался въ ихъ шлемъ.

Не одни только дѣла и потребности приводили людей на рынокъ: не мало было въ Афинахъ и въ другихъ греческихъ городахъ праздныхъ людей, которые считали самымъ пріятнымъ препровожденіемъ времени пребываніе на „полномъ рынкѣ“ (Πλήθος ἀγορά). Быстрые, постоянно мѣняющіяся картины оживленной дѣятельности рынка доставляли имъ величайшее удовольствіе. Молодые люди, щеголи жеманно приходили съ цвѣтами въ рукахъ, чтобы любовались ихъ новымъ удивительнаго покроя платьемъ, или посмѣ-

ялись надъ нимъ. Приходили и серьезные люди, почтенныя сѣдыя головы, совершить свою обычную прогулку въ портикѣ, или же съ желаніемъ наблюдать и изучать людей, для чего они смѣшивались съ толпою и заводили разговоры то съ тѣмъ, то съ другимъ. Ихъ можно было видѣть по два, по три вмѣстѣ, въ накинутахъ на плечи простомъ лаконскомъ плащѣ, опирающимися, наклонившись впередъ, на длинныя суковатыя палки—своихъ неразлучныхъ спутниковъ. Такъ Сократъ ежедневно посѣщалъ рынокъ и мастерскія, заводя разговоры со всякимъ встрѣчнымъ, какъ бы тотъ ни былъ ничтоженъ и незначителенъ, и спрашивая его до мельчайшихъ подробностей. Такъ появлялся—какъ странное нарушеніе ежедневной обычной картины—Диогенъ-„собака“, этотъ сѣдовласый философъ съ фонаремъ въ рукахъ, при дневномъ солнечномъ свѣтѣ, среди рыночной толпы, отыскивавшій людей, „истинныхъ людей“, найти которыхъ ему не удавалось. Съ удивленіемъ и смѣхомъ провожали чудака, презиравшаго суету мірскую и людскую пустоту.

Не у всѣхъ однако грековъ, особенно не у всѣхъ аѳинянъ, было время посѣщать рынокъ; многіе приносили даже собственныя дѣла въ жертву высшимъ обязанностямъ. Тѣ-же часы, когда на рынокѣ кипѣла торговля, съ ранняго утра до обѣда, были заняты государственными дѣлами, занимавшими ежедневно время большей части гражданъ. Въ прежнее время управленіе, государственныя дѣла и судопроизводство были на рукахъ у знатныхъ и богатыхъ, которые могли этимъ заниматься, не рассчитывая на прибыль, на вознагражденіе. Промышленники уже потому не могли въ этомъ участвовать, что должны были заботиться о ежедневномъ заработкѣ и, среди хлопотъ о средствахъ къ жизни, у нихъ не оставалось времени для дѣлъ государственныхъ. Только люди дѣйствительно свободные, получившіе наслѣдственное имѣніе и поэтому независимые, пользовавшіеся обезпеченнымъ, вліятельнымъ положеніемъ, считались первоначально достойными заниматься государственными управленіемъ и судомъ.

Это совершенно измѣнилось въ тѣхъ государствахъ, съ тѣхъ поръ какъ демократія забрала бразды правленія въ свои руки, особенно въ Аѳинахъ. Законодательство Солона, развитое Клисѳеномъ, открыло демократіи доступъ къ управленію, но прошло еще нѣсколько времени, пока она вошла въ полную силу. Пока служба государственная обусловливалась имуществомъ и независимостью положенія, массѣ промышленниковъ трудно было въ полной мѣрѣ пользоваться своими правами. Только когда за участіе въ народномъ собраніи и на судѣ стали давать жалованье и когда, далѣе, благодаря Клеону, судьямъ было назначено вознагражденіе въ три обола, плата почти равнявшаяся ежедневному заработку простолюдина и удовлетворявшая насущнымъ его потребностямъ,—масса народу набросилась на общественныя дѣла и исполняла ихъ съ тою неугасаемою, всегда сопутствующею демократіи политической страстью.

Это имѣло свою хорошую и дурную стороны. Оба направленія дошли до высшаго развитія при такомъ народѣ, какимъ были населены Аѳины и Аттика. Необычайная воспріимчивость, духовная гибкость и живость, которая сдѣлала всю Грецію страшною, возбуждающею общее удивленіе, были именно основными свойствами аѳинянъ. Этою духовною гибкостью, этою воспріимчивостью объясняются многія явленія ея культуры, многія противорѣчія въ ея исторіи. Ихъ настроеніе измѣнчиво, какъ легко подвижный умъ дѣтей. Въ одно мгновеніе увлеченный вихремъ вдохновенія къ величайшимъ усиліямъ, къ возвышенному самопожертвованію, къ самымъ смѣлымъ предпріятіямъ, этотъ же народъ въ слѣдующій моментъ, если его поражало какое-либо несчастье, падаетъ духомъ, обнаруживаетъ страхъ, отчаяніе и боязливость, чтобы вскорѣ затѣмъ опять воспрянуть духомъ съ новою силою. Этотъ свободный, остроумный народъ, этотъ наставникъ всѣхъ временъ и всего міра въ дѣлѣ утонченнаго образованія и культуры, этотъ созидатель самыхъ независимыхъ философскихъ системъ, этотъ народъ свободы, осмѣи-

вающій въ своихъ комедіяхъ все святое, все божественное, завѣщанное ему преданіемъ, коснѣетъ въ непроницаемомъ суетвѣріи, съ безжалостною нетерпимостью изгоняетъ, наказываетъ даже смертью своихъ лучшихъ, свободомыслящихъ людей—философовъ. Съ увлеченіемъ встрѣчая все великое, все благородное, все прекрасное, готовый всегда признать заслуги своихъ великихъ дѣятелей и вознаградить ихъ, то ликуетъ, устраивая имъ торжества, то преслѣдуетъ ихъ съ неблагодарностью, несправедливостью и даже жестокостью. Такъ стоятъ рядомъ влеченіе къ возвышенному со склонностью къ низости, свѣтлыя стороны свободы съ ея недостатками, добродѣтели съ пороками.

Масса народа, одареннаго природою этими качествами, при демократическомъ образѣ правленія, была увлечена въ политику, въ общественныя дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что участіемъ въ дѣлахъ управленія и суда народъ возвышался: онъ изучалъ государственныя учрежденія, привыкалъ къ пониманію своихъ правъ и къ примѣненію законовъ, укрѣплялся въ любви къ отечеству; онъ заботился о многихъ высшихъ предметахъ, въ которыхъ обыкновенно масса не принимаетъ никакого участія, такъ, напр., о всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ искусства ■ архитектуры, которыми Периклъ украсилъ свою родину. Съ другой стороны, народъ отвлекался отъ собственныхъ занятій, привыкалъ ничего не дѣлать, втягивался въ общественныхъ собраніяхъ, на совѣщаніяхъ и въ судѣ въ развлекающую и отчасти возбуждающую жизнь, и все таки не пріобрѣталъ столько самопознанія, чтобы не сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ дурныхъ, честолюбивыхъ своихъ вожаковъ. Эти демагоги льстили народному самолюбію, возрастающему вмѣстѣ со славою и величіемъ Аѣинъ, и такимъ образомъ управляли толпою, вселяя въ ней ненависть, недовѣріе и подозрѣніе. Тѣмъ легче было имъ вести свою игру, что истинно свободомыслящіе, независимые и образованные граждане, утомленные бесполезною борьбою, удалялись отъ политической жизни, такъ что, наконецъ, можно было на вопросъ „Что такое государство?“ дать отвѣтъ: „масса бѣдной, голодной, безродной черни“.

Демагоги, въ родѣ Клеона съ товарищами, еще не были изъ худшихъ, помогавшихъ развиться крайней демагогіи. Рядомъ съ ними процвѣтали сикофанты, такой сортъ людей, которые собственно занимались тѣмъ, что возбуждали иски. Первоначально они служили орудіемъ въ рукахъ народныхъ предводителей противъ ихъ политическихъ враговъ, чтобы сдѣлать этихъ послѣднихъ безвредными; опутывая ихъ процессами и непріятностями, сикофанты обратили свои проiski противъ частныхъ лицъ, отчасти изъ личной непріязни, отчасти съ расчетомъ на вымогательства. Они отыскивали все, что только могло служить поводомъ къ искамъ и судебному преслѣдованію, изобрѣтали ложныя причины, приводили подставныхъ свидѣтелей и на этомъ основывали свои обвиненія, такъ что, наконецъ, никто, даже самый честный гражданинъ, и менѣе всего богатые, знатные и пользующіеся уваженіемъ, — не могъ быть увѣренъ въ томъ, что не будетъ привлеченъ къ суду по ложному обвиненію и осужденъ легкомысленными судьями, бывшими подъ вліяніемъ извѣстной партіи и всегда недовѣрчивыми.

Аѣины обратились въ арену для адвокатовъ, въ лагерь судилищъ, въ гнѣздо пропесовъ. Все ихъ населеніе, какъ болѣзною, было заражено ябедничествомъ и крюкотворствомъ; казалось, оно состояло только изъ судей, адвокатовъ и тяжущихся. Аристофанъ говоритъ:

„Сверчокъ чирикаетъ только мѣсяцъ,
А народъ аѣинскій въ сутяжничествѣ
Чирикаетъ безъ усталы весь свой вѣкъ“.

Чтобы избѣжать этой напасти, два гражданина, считая, что въ Аѣинахъ можно только просудить всѣ свои деньги и все свое состояніе,—какъ описываетъ Аристофанъ въ своей комедіи „Птицы“,—выселяются и основываютъ съ птицами въ облакахъ новый городъ,

которому даютъ фантастическое названіе „Пристанище кукушекъ въ облакахъ“; но едва только городъ успѣлъ основаться, и слухъ объ этомъ дошелъ до Аѳинъ, какъ уже цѣлый рой сикофантовъ со своими шайками подымается туда-же въ заоблачныя высоты.

Дѣйствительно, съ ранняго утра все такъ и гудѣло, пицало и чирикало по улицамъ Аѳинъ ради судебныхъ дѣлъ. Четвертая или пятая часть всѣхъ гражданъ была на ногахъ, чтобы въ десяти различныхъ отдѣленіяхъ города собраться для суда. Съ тѣхъ поръ, какъ настоящее судопроизводство, за исключеніемъ дѣлъ спорныхъ по дѣламъ торговымъ и полицейскаго благочинія, перешло въ руки гражданъ, ежедневно пять тысячъ человѣкъ были заняты этимъ. Изъ всѣхъ гражданъ, достигшихъ тридцатилѣтняго возраста, ежегодно выбирались по жребію 6000 присяжныхъ—геліастовъ; изъ нихъ 1000 была запасныхъ, остальные распредѣлялись по городу по 500 чел. въ каждое изъ десяти отдѣленій или дикастерій. Куда каждому надлежало идти, т. е. въ которое судилище, опре-

Аѳиняне заняты разговоромъ.

дѣлялось также жребіемъ. За исключеніемъ празднествъ и дней, назначенныхъ для народныхъ собраній, они засѣдали ежедневно съ утра до обѣда: судьи—на возвышенныхъ скамейкахъ, а тяжущіеся стороны на подмосткахъ. Самое мѣсто суда было окружено оградой, но засѣданія были открытыя, что при страсти аѳинянъ къ процессамъ привлекало часто множество постороннихъ слушателей. Истцы, отвѣтчики и свидѣтели должны были являться лично, и каждый по крайней мѣрѣ начало рѣчи обязанъ былъ говорить самъ, затѣмъ уже могъ его замѣнить ораторъ или адвокатъ. Эти защитники были люди, отлично знающіе свое дѣло, опытные во всѣхъ ухищреніяхъ и изворотахъ судебной практики. Воспитанные въ школѣ софистовъ, они знали всѣ уловки, всѣ тонкости и лазейки судопроизводства; съ замѣчательною смѣтливостью умѣли пользоваться недомолвками, всегда были готовы къ возраженіямъ и охотно пускались въ словопренія. Аристофанъ такъ ихъ характеризуетъ:

„Нынѣшняго покровъ болтуновъ съ рынка готовить безъ остроты

„Колкія рѣчи на противника, сражающагося съ нимъ въ тяжёбомъ дѣлѣ
нищихъ-бездѣльниковъ“.

Пниксъ въ нынѣшнемъ его состояніи.

Аѳинскіе граждане охотно посѣщали засѣданія суда: имъ нравилось все, что тамъ происходило, такъ какъ удовлетворяло ихъ страсть къ сѣтяжничеству, а плата, которую они получали, вознаграждала ихъ за потерянное время. Другое дѣло было съ общимъ народнымъ собраніемъ, которое происходило четыре раза въ мѣсяцъ на Пниксѣ къ западу отъ Акрополя, такъ какъ платившіяся здѣсь судебныя издержки были ничтожны. Народъ предпочиталъ проводить время на рынкѣ въ болтовнѣ, оставляя скамейки на Пниксѣ незанятыми. Но руководители собранія—пританы, которыхъ можно упрекать въ томъ, что они и сами слишкомъ поздно, передъ самымъ только обѣдомъ приходили въ собраніе, обладали сильно дѣйствующимъ средствомъ привлечь народъ! Черезъ улицы, ведущія отъ рынка къ Пниксу, по два служителя держали канатъ, окрашенный ярко-красною краскою, и, подвигаясь впередъ, гнали народъ къ Пниксу. Кого канатъ задѣвалъ, оставляя по себѣ слѣды, тотъ, какъ опоздавшій, долженъ былъ платить пеню. Тутъ уже, кто только былъ на улицахъ, всѣ спѣшили къ Пниксу, стараясь занять первыя мѣста. Здѣсь все было въ величайшемъ порядкѣ подъ надзоромъ особыхъ смотрителей и приставовъ. Дѣла начинались жертвоприношеніемъ и молитвою, затѣмъ шли доклады. Право рѣчи и предложенія принадлежало всякому совершеннолѣтнему гражданину, который, во время рѣчи, наѣвѣлъ на голову вѣнокъ, въ знакъ своей неприкосновенности.

■ Народное собраніе рѣшало всѣ государственныя дѣла, но веденіе ихъ и подготовка лежали на обязанности совѣта (βουλή), состоявшаго изъ пятисотъ членовъ. Со времени Клисѳена „пятисотъ“ ежегодно выбирались по жребію. Совѣтъ имѣлъ ежедневныя засѣданія въ βουλευτήριον (это зданіе лежало между Акрополемъ и рынкомъ), но не въ полномъ составѣ, а комиссіями по 50 человекъ, которыя назывались пританеями, а члены ихъ—пританами. Они чередовались по жребію. Эти пританы собственно завѣдывали главными дѣлами: они приготавливали все для народныхъ собраній, руководили ими и приводили ихъ рѣшенія въ исполненіе. Имъ принадлежало право предлагать новые законы, они управляли финансами (государственными доходами и расходами), завѣдыва-

ли сухопутными и морскими силами, распоряжались войною и миромъ въ тѣхъ предѣлахъ, для которыхъ не требовалось разрѣшенія народнаго собранія; они же принимали иностранныхъ пословъ и отправляли своихъ. Всѣ важныя и главнѣйшія дѣла проходили черезъ ихъ руки, а такъ какъ члены совѣта и пританы были выборные и часто мѣнялись, то каждый аѳинскій гражданинъ отъ перваго до послѣдняго, богатый и бѣдный, могъ надѣяться, разъ или другой или даже чаще побывать членомъ высшаго государственнаго учрежденія. Каждаго гражданина одушевляло возвышающее чувство гордости, что если онъ и подчиняется законамъ, то на дѣлѣ всетаки принадлежитъ самъ къ числу власть имѣющихъ и завѣдующихъ государственнымъ управленіемъ. Правда, эта власть въ его рукахъ часто походила на тиранію и нерѣдко въ худшемъ ея видѣ.

Покинутая Медя.

7

Видъ роскоши въ Олимпіи.

VII.

Досугъ.—Гимнастика и состязанія.

ДОСУДАРСТВО хотя отнимало много времени у гражданъ, но не все. Ни политическая, ни судебная дѣятельность, ни военная, ни гражданская служба не поглощали всего ихъ времени, всѣхъ ихъ силъ, и не мѣшали ихъ склонности къ удовольствіямъ. Отъ дѣлъ государственныхъ у нихъ оставалось довольно времени для собственнаго образованія, для удовлетворенія своихъ склонностей, для удовольствій. Въ умѣннѣ наслаждаться и пользоваться досугомъ свободный, благородный, независимый грекъ видѣлъ главную задачу своей жизни, настоящей жизни, тогда какъ погоня за наживой, за увеличеніемъ своего состоянія считалась дѣломъ пошлымъ, мизернымъ, даже неблагороднымъ, если это производилось въ обширныхъ размѣрахъ. Такое воззрѣніе господствовало уже при Периклѣ, когда еще лучшіе граждане завѣдывали дѣлами государства; оно возросло и укрѣплялось по мѣрѣ усиленія демократіи, когда знатные и благородные начали удаляться отъ дѣлъ, и особенно проповѣдывалось великими философами и ихъ послѣдователями. Досугъ, говоритъ Аристотель, есть конечная дѣятельность, но, разумѣется, не для того, чтобы обращать его въ ничего-недѣланіе, ибо послѣднее не можетъ быть цѣлью жизни. Досугъ—не праздность, не бездѣлье;

онъ даетъ отдыхъ въ благородномъ препровожденіи времени душѣ человѣка, незанятаго дѣлами. Досугъ есть искусство, искусство жизни, заключающее въ самомъ себѣ наслажденіе и блаженство.

Хотя число досужихъ людей постепенно увеличивалось, но, разумѣется, сравнительно такихъ было очень мало, ибо только самые возвышенные и образованные умы умѣли такъ пользоваться досугомъ и возвышать жизнь до искусства. Эта способность выпадаетъ на долю спокойнаго и степеннаго возраста, когда бурная и кипучая молодость уже осталась позади. Бурная молодость и жаждущій дѣятельности зрѣлый возрастъ, когда человѣкъ полонъ еще стремленій къ чести и славѣ, требуютъ другихъ развлеченій, другихъ удовольствій для наполненія часовъ досуга.

Въ Спартѣ молодежь вообще не знала досуга. Ликургъ допускалъ отдыхъ только въ старости. Жизнь молодежи должна была проходить на войнѣ или въ постоянныхъ приготовленіяхъ къ ней; для отдыха полагался только умѣренный сонъ. Даже на охоту смотрѣли не какъ на развлеченіе, а какъ на подготовку къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ Афинахъ было иначе. Молодой афинянинъ, достигшій юношескаго возраста, съ 18-ти до 20-ти лѣтъ, долженъ былъ нести гарнизонную службу въ пограничныхъ крѣпостяхъ Аттики; затѣмъ,—такъ какъ въ судопроизводствѣ онъ могъ участвовать лишь по достиженіи 30-ти лѣтъ,—послѣ народныхъ собраній и военныхъ упражненій, у него оставалось довольно времени для той жизни, которую вели тогда всѣ молодые люди.

На такое препровожденіе времени смотрѣли въ Греціи, и главнымъ образомъ въ Афинахъ, чрезвычайно снисходительно. Натурѣ предоставлялось свободно развернуться, сообразно съ ея наклонностями; умѣрять ея огонь, сдерживать ея порывы не считали нужнымъ; думали, что послѣ тревогъ, страстей зрѣлое спокойствіе и самообладаніе должно придти само собою. Затѣмъ являлась непринужденность, простота и отличающая эллиновъ естественность, которыя совмѣщали откровенность, любезность, наивность ребенка со свѣтлостью и спокойствіемъ мужа; въ результатѣ получалась вѣчная юность, которою проникнуты вся жизнь, всѣ творенія грековъ.

„Не долго цвѣтутъ розы; отцвѣли,—
Болѣе не найдешь уже розъ, только встрѣтишь шипы“.

Это значить: скоро проходитъ время юности, затѣмъ наступаетъ время трудовъ и заботъ зрѣлаго возраста, далѣе недуги, сопряженные со старостью, наконецъ—смерть. Поэтому можно и слѣдуетъ пользоваться молодостью; таково ученіе всѣхъ мудрецовъ и поэтовъ:

„Полезное наставленіе даю я смертнымъ: пока еще въ тебѣ пышетъ
Избытокъ лучезарной юности, и на умѣ высокіе помыслы,
Наслаждайся добромъ, тебѣ посланнымъ, ибо другой юности
Боги тебѣ не дадутъ, и отъ смерти не избавить
Никого счастливый случай. Вскорѣ разрушительно наступитъ
Непріязненная старость“.

Обычай и общественное мнѣніе предоставляли юношамъ полнѣйшую свободу въ дѣлахъ любви. Понятія о бракѣ и налагаемыхъ имъ обязанностяхъ были очень строги, но до брака жизнь была неограниченно свободна. Вакхъ и Эротъ были боги, которымъ юноша грекъ приносилъ жертвы, боги, которые давали ему чувствовать свою власть:

„Лукавъ Эроть, лукавъ!—Что мнѣ поможетъ? Говорю я еще,
Лукавъ Эроть, и повторяю это часто со стономъ и болью.
Онъ все надъ этимъ смѣется, и только радѣется, когда я его часто
Браню; и чѣмъ больше я на него нападаю, тѣмъ больше онъ растетъ и развивается.

Молодому человѣку были позволительны всякія любовныя похождения, и общество не обращало вниманія, дѣлаетъ ли юноша это тайно или открыто. Поэты рассказываютъ, какъ ни опасности, угрожавшія отъ ревности, ни проливной дождь не мѣшали влюбленному тайно пробираться къ своей возлюбленной. Но не всегда его впускали, и случалось, что брезжущее утро заставляло его уснувшимъ въ ожиданіи у запертой двери.

Не всѣ красавицы были такъ суровы. Часто бродили онѣ ночью по улицамъ со своими возлюбленными и шумѣли съ молодежью, съ пѣснями подъ звуки флейты и цитры, при свѣтѣ факеловъ, озарявшихъ краснымъ своимъ свѣтомъ всю подпившую толпу, обвитую вѣнками и цвѣтами. Разумѣется, дѣло не обходилось безъ рѣзвыхъ шалостей и необузданныхъ выходокъ, безъ ссоръ и дракъ какъ между собою изъ ревности, такъ и

Ночные гуляки.
Съ рис. на вазѣ.

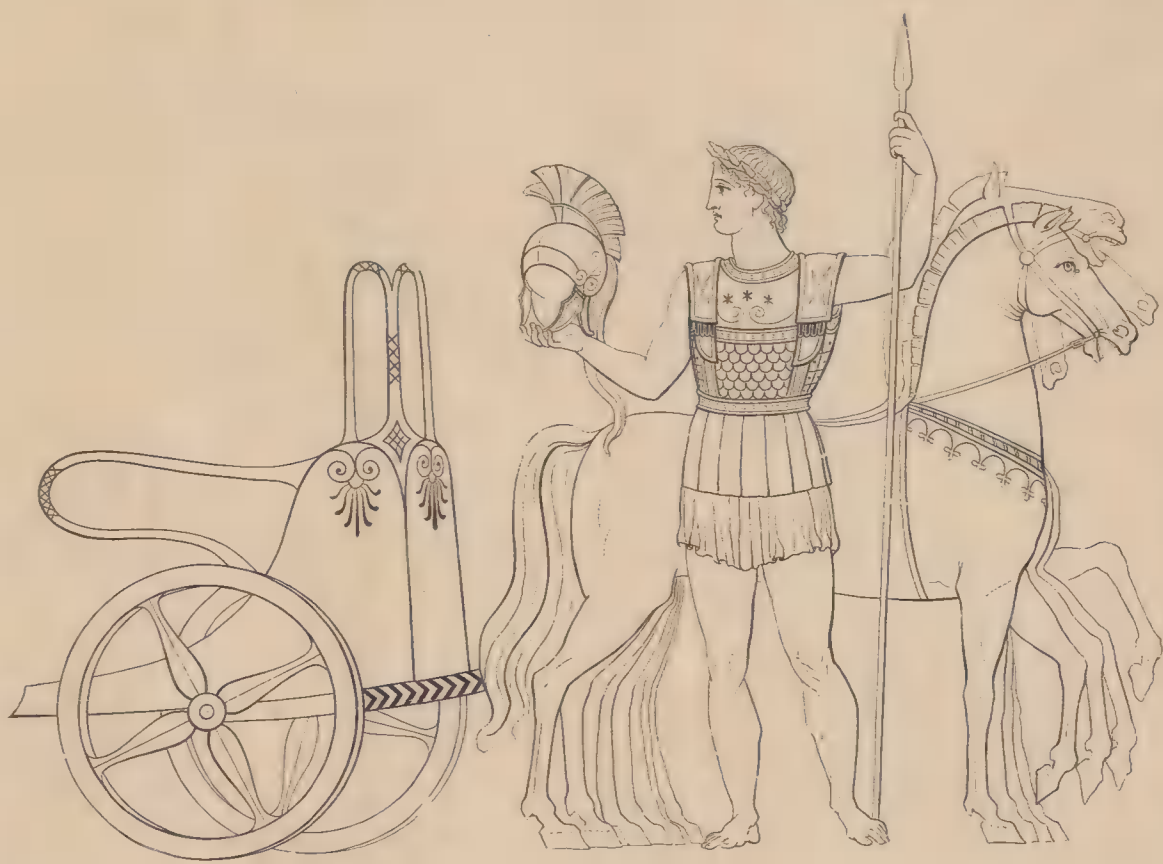
съ караульными, останавливающими нарушителей ночной тишины. Гетеры, находившіяся въ лучшихъ условіяхъ, даже жившія иногда при блестящей обстановкѣ съ множествомъ невольниковъ и невольницъ, часто приглашали своихъ друзей къ себѣ на обѣдъ; и въ свою очередь были угощаемы послѣдними или у себя, если они жили своимъ домомъ, или же въ гостинницѣ.

Такихъ гостинницъ было много; въ нихъ молодые люди были постоянными гостями. Они сходились туда для того, чтобы провести вмѣстѣ время, побесѣдовать, для игры, для попойки, для пиршествъ вскладчину. Нерѣдко они составляли тѣсныя кружки. Молодые люди въ Аѣнахъ образовывали союзы друзей, гетерій, — которые, можетъ быть, имѣли и политическое значеніе, но большею частью цѣлью ихъ было только веселое провозжденіе времени. Послѣ Пелопонесской войны всякій аѣнянинъ высшаго общества считалъ необходимымъ принадлежать къ одному изъ подобныхъ обществъ-клубовъ. Общеніе образованныхъ, умныхъ,

каковы были аѳиняне, молодыхъ людей вызывало остроты и шутки, которыя вѣроятно записывались. Македонскій царь Филиппъ желалъ приобрести одинъ изъ такихъ сборниковъ и предлагалъ за него большія деньги, но не могъ его получить.

Предметомъ особеннаго щегольства служили собаки, птицы, лошади. Содержать собакъ и пѣвчихъ птицъ было въ большой модѣ, но эти молодые франты предпочитали содержать пѣтуховъ и перепеловъ, которыхъ учили драться. За ученыхъ дорого платили, держали пари, точно такъ же, какъ это еще теперь въ ходу въ Англіи. Естественно, страсть къ лошадямъ считалась выше и благороднѣе. Состязанія въ верховой ѣздѣ, равно какъ и ристаніе на колесницахъ, были тогда въ большомъ ходу не только въ Аѳинахъ, но и во всей Греціи.

Греческая колесница.
Съ рис. на вазѣ.

Впрочемъ такъ было не всегда. Гомеръ и герои Греціи знали лошадь только какъ упряжное животное. Герои сражались не сидя на конѣ, а съ колесницъ: пара тяжелыхъ лошадей везутъ колесницу о двухъ колесахъ, на которой справа стоитъ воинъ, а лѣвѣе возница. И позже еще на большихъ ристаніяхъ и празднествахъ въ Олимпіи на первомъ планѣ были состязанія въ ѣздѣ на колесницахъ. Это считалось самымъ почетнымъ состязаніемъ; такъ какъ оно дорого стоило, то только самые знатные и богатые люди Греціи, правители и тираны городовъ и государствъ могли участвовать въ нихъ. Содержаніе отличной лошади вошло въ обычай и сдѣлалось предметомъ честолюбія; напримеръ, Алкивіадъ изъ своей конюшни посылалъ въ Олимпію 7 запряжекъ. Удовлетвореніе этой страсти стоило громадныхъ денегъ и многихъ разоряло. Зато порода лошадей улучшалась, облагораживалась, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ къ ѣздѣ на колесницахъ присоединилось искусство верховой ѣзды, требовавшее старательной выѣздки

Тибериј на о. Капри.

лошадей и введенія болѣе легкихъ восточныхъ породъ ихъ. Первая лошадь была привезена въ Грецію изъ-за моря, потому онѣ и были посвящены Посейдону. Когда лошади стали употребляться для верховой ѣзды, ихъ посвятили Палладѣ-Аѳинѣ, богинѣ искусствъ, покровительницѣ Аттики, гдѣ и было положено начало искусству верховой ѣзды и выѣздки.

Въ сраженіяхъ при Марафонѣ и Платей у аѳинянъ еще не было конницы. Сто лѣтъ спустя, торжественная процессія Панаѳинеевъ была сопровождаема искуснѣйшими наѣздниками, которые, по описанію Фидія, сидѣли такъ крѣпко на конѣ, что казалось, будто лошадь и конь слились въ одно, составляли одинъ организмъ. То были лошади сильныя, съ мощными мускулами, но въ то же время горячія, красивыя и гордыя, полныя жизни, проявляющейся въ каждомъ мускулѣ, съ глазами, блистающими огнемъ и умомъ, лошади берберійской породы, но греческаго завода, греческой выѣздки. Аѳиняне довели верховую ѣзду до высокой степени совершенства, искусства; ихъ выѣзка, по словамъ Ксенофонта, состояла не въ укрощеніи, въ принужденіи и грубомъ обращеніи; они смотрѣли на лошадь, какъ на друга, какъ на разумное существо, холили ее и обращались съ нею бережливо, осторожно, ласково и съ любовью. Весьма пріятно посмотришь на изображенныхъ всадниковъ на фризѣ Парѳенона, съ какой легкостью и твердостью безъ сѣдла и узды держатъ они благородное, горячее и вмѣстѣ съ тѣмъ покорное животное въ шенкеляхъ, какъ смѣлы ихъ посадка и всѣ движенія, обнаруживающія благородство и изящество. Тѣмъ болѣе понятно, почему молодые, знатные аѳиняне, эти рыцари своего времени, занимались этою забавою, этимъ „спортомъ“ и увлекались имъ, хотя издержки на это удовольствіе доводили родителей нерѣдко до отчаянія. Такъ въ „Облакахъ“ Аристофана бѣдный Стрепсиадъ, которому страсть сына Фидиппида къ лошадямъ не даетъ покоя, говорить:

„Нѣтъ у меня, бѣднаго, сна изъ за платежей, кормленія лошадей и долговъ этого молодца. Съ длинными волосами разъѣзжаетъ онъ то верхомъ, то парой; лошади ему только и снятся. А я прихожу въ отчаяніе съ наступленіемъ платежей вмѣстѣ съ полнолуніемъ“.

Охота имѣла для грековъ менѣе значенія и привлекательности. Она не составляла промысла, ею не занимались со страстью, наполняющею жизнь, какъ это было въ Средніе вѣка, равно не подняли ее на степень искусства, какъ въ Новѣйшія времена. Всякій могъ охотиться и вездѣ, развѣ только какой-нибудь частный владѣлецъ не допускалъ охоты въ своемъ имѣніи. Молодой спартанецъ охотился съ копьемъ на Тайгетѣ, въ ущельяхъ котораго водились медвѣди и кабаны; онъ охотился ради удовольствія, для возбужденія, упражненія и приключеній и потому, что охота составляла хорошую подготовку къ войнѣ, требуя храбрости, силы, хладнокровія и рѣшимости. На оленей, козъ и зайцевъ охотились съ собаками, съ лукомъ и стрѣлами. Богиню охоты Артемиду представляютъ въ высокоподобранномъ хитонѣ, въ охотничьей обуви, съ лукомъ въ рукѣ, съ колчаномъ за плечами, съ собакой. Для ловли птицъ ставились сѣти и прутики, намазанные клеемъ, и призывался богъ Панъ на помощь: богъ лѣсовъ зналъ всѣ пути дичи и загонялъ ее въ сѣти охотника. Часть добычи приносилась Пану въ жертву; ему посвящались даже копье и лукъ, когда старикъ-охотникъ, утомленный трудностями жизни и огорченный ничтожностью добычи, отказывался отъ охоты, собираясь въ послѣдній путь къ вѣчному спокойствію.

Нигдѣ не говорится, чтобы охотники, кромѣ удовольствія преслѣдовать дичь и перехитрить ее, наслаждались свободою жизни подъ открытымъ небомъ, запахомъ лѣсовъ, чистымъ горнымъ воздухомъ и прелестями различныхъ видовъ. Вообще, говорятъ, у грековъ не было никакого расположенія, никакого сочувствія къ красотамъ и преле-

стямъ природы, никакой воспримчивости въ этомъ отношеніи. Греки не имѣли особой отрасли литературы для описанія явленій и красотъ природы и ландшафтная живопись не составляла у нихъ особой отрасли искусства. Греческіе писатели и поэты не представляли въ прекрасныхъ описаніяхъ этихъ прелестей, живописцы не воспроизводили ея

поражающихъ своею красотою видовъ, не рисовали картинъ съ натуры. Греки вообще мало или почти вовсе не занимались изслѣдованіемъ природы съ тою цѣлью, чтобы путемъ изученія ея раскрыть жизнь, причины ея возникновенія и исчезновенія, обнаружить полныя таинственности дѣйствія ея силы; также мало они заботились о томъ, чтобы примѣнить силы природы къ улучшенію своей матеріальной жизни. Изображеніе явленій природы, созерцаніе и изслѣдованіе ихъ не привлекало грековъ. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, будто они не обращали вниманія на

Артемида, богиня охоты.
Такъ наз. Версальская, статуя въ Луврѣ.

прелести и разнообразіе видовъ своей страны, что для нихъ были недоступны красоты поражающихъ воображеніе картинъ природы. Напротивъ, есть указанія, доказывающія, что душа ихъ трепетала, содрогалась и при звукахъ природы и глубоко сочувствовала ея явленіямъ.

Да и немислимо, чтобы греки, обладавшие утонченными понятіями о красотѣ человѣческаго тѣла, греки, которые безъ анатоміи, безъ упражненій во вскрытіи труповъ, почти единственно черезъ наблюденіе и изученіе его поверхности и наружнаго вида, создали тѣ дивныя фигуры, пол-

ныя жизни и прелести, которыя составляютъ образцы скульптурнаго искусства—немислимо, чтобы они не любили всего того, что природа даетъ намъ прекраснаго въ цвѣтахъ, формахъ и линіяхъ. Вѣдь создали-же они, на примѣръ, на позлащенныхъ блестящими лучами вечерняго солнца вершинахъ горъ Акрополь, съ гигантскими морными ступенями, воротами, храмами, колонадами и колоссальными статуями,—одно изъ самыхъ величественныхъ и поражающихъ зрителя удивленіемъ зданій міра! Когда они стояли тамъ наверху и взоры ихъ далеко блуждали по горамъ, полямъ, долинамъ и морямъ, неужели умъ и сердце ихъ оставались равнодушными ко всей этой пано-

рамѣ! Тамъ, подъ ногами ихъ, лежали разнообразной формы холмы, на которыхъ кипѣла дѣятельность древнихъ Аѳинъ: то въ видѣ крутого неподвижнаго Ареопага, то въ видѣ плавно — закругленнаго холма Музея и Нимфъ. Къ сѣверу и къ востоку эти холмы, постепенно возвышаясь, являются грозными вершинами Пентеликона и Парнаса, къ югу, наоборотъ, они убѣгаютъ въ море въ неувимомъ разнообразіи линій и формъ. Панорама необозримая, какая рѣдко представляется взорамъ. Въ одномъ направленіи взоръ упирается въ поясъ вершинъ, покрытыхъ лѣсами пихты, въ противоположномъ онъ теряется въ необозримомъ просторѣ страны, покрытой оливковыми рощами, садами и виноградниками, расположенными по долинамъ рѣкъ Кефиса и Илиса, и усѣянной многочисленными селеніями съ храмами, обсаженными лаврами и пиніями, до самаго моря, глубоко вдающагося въ страну со своими лазоревыми волнами по нѣжно изгибающимся бухтамъ и заливамъ. Изъ того же моря поднимаются острова, малые и большіе: славный своею битвою Саламинъ, поднимающаяся террасами Эгина, за ними къ югу берегъ Пелопонеса и зубчатое побережье Арголиды со своими крупными высотами, наконецъ, хребетъ Киллена, гордость Аркадіи, отдѣляющійся отъ темно-голубаго небснаго свода своими плавными серебристо-сѣрыми линіями. Кругозоръ необъятный! а

Аѳинская равнина съ Эгиной и горами за ней.
Видъ съ Акрополя.

на немъ необозримое богатство отдѣльныхъ видовъ, представляющихся при невыразимой прозрачности воздуха съ необыкновенною ясностью, чистотою и точностью очертаній. Очаровательны рельефы высотъ и долинъ въ безчисленныхъ, плавно изгибающихся и сплетающихся линіяхъ, которыя то сходятся, то разбѣгаются. Все это залито дивнымъ свѣтомъ, разстилающимся по сушѣ и по морю, вблизи и вдали съ величайшимъ богатствомъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, темныхъ и свѣтлыхъ, яркихъ и нѣжныхъ, постоянно измѣняющихся, то исчезающихъ, то вновь появляющихся.

Впрочемъ, совершенно излишне описывать красоты этой страны, когда ихъ восхваляютъ изъ рода въ родъ до нашихъ дней. Всѣ греческіе писатели и поэты—начиная съ Гомера, великаго „слѣща“, одареннаго вѣрнымъ взглядомъ на все возвышенное и прекрасное, умѣвшаго изображать мѣткимъ словомъ характеристичныя явленія природы, до буколическихъ и идиллическихъ писателей и сочинителей эпиграммы, древнѣйшихъ и позднѣйшихъ,—всѣ дышали поэзіею природы. Они питали одинаковое сочувствіе ко всему, какъ возвышенному, мощному, такъ и малому, утонченному, мило-видному; одинаково относились къ гармоніи какъ въ цѣломъ ея, во всемъ объемѣ, такъ и въ частностяхъ—въ единичныхъ явленіяхъ.

„Спокойно блещетъ пурпурное море; дуновение бури уже
Не гонитъ пѣнистыхъ волнъ, взрывая бездну,
И могучій потокъ, разбиваясь о неподвижныя скалы,
Не подымается болѣе до облаковъ, не опускается въ неизмѣримую глубь.
Легкій зефиръ вѣетъ по нивѣ, и ласточка, чиликая,
Неустанно хлопочетъ и быстро вѣетъ себѣ прочное гнѣздышко“.

Точно такъ же, какъ поэтъ воспѣваетъ бурю и тишину моря, дыханіе зефира и ласточку, строящую гнѣздо, онъ описываетъ живыми красками темныя тѣни лѣсовъ и подъ ними свѣтлыя, кристальныя воды ключа, къ которому спѣшитъ для отдыха утомленный путникъ, томимый жаждою.

„Сядь съ сюда, странникъ, подъ тѣнь высокой сосны,
Гдѣ легкій зефиръ шелеститъ трепещущими листьями!
Здѣсь, у сладко журчащаго ключа, звуки милыхъ сиренъ
Убаюкиваютъ утомленные глаза“.

Поэты того времени воспѣваютъ богатство цвѣтовъ на лугахъ, украшенныхъ весеннею природою, розы, распускающія пурпуровыя свои чашечки, плющъ, нѣжно обвивающій могилы и виноградную лозу, разстилающую свои гибкіе побѣги и прикрывающую ими роскошныя гроздья, они воспѣваютъ обитателей лѣсовъ и луговъ, поющаго соловья, чирикающаго кузнечика и предвѣстницу весны—жужжащую пчелку.

Прекрасно воспѣваетъ хоръ у Софокла:

„Славную Колонскую рощу, гдѣ
„Голосистый соловей
„Охотно таится и сладко-жалобная пѣснь его откликается въ цвѣтушія долины
„Изъ зеленой чащи плюща и зелени, богамъ посвященной,
„Отягченной плодами, укрытыми тамъ отъ
„Палящихъ лучей солнца и отъ дуновенія вѣтровъ“.

Тамъ цвѣтетъ нарциссъ, питаемый небесной росой, и золотистый шафранъ; тамъ никогда не изсякаютъ незнающія сна воды. Это не единственное описаніе; оно не составляетъ исключенія. Даже комикъ Аристофанъ, среди вольностей необузданной веселости, предается изліянію глубокихъ чувствъ, внушаемыхъ ему природою: онъ то приглашаетъ соловья открыть изъ глубины груди потокъ своего божественнаго пѣнія, „которое такъ сладко изливаютъ его благословенныя уста“, то—хоры птичекъ прославляютъ себя самихъ, ибо онѣ живутъ „въ прохладѣхъ подъ кровомъ зелени, по цвѣтистымъ долинамъ“, или въ укрытыхъ сводахъ во время морозовъ; то онъ, наконецъ, описываетъ прелести прогулки въ окрестностяхъ Аѳинъ:

„Нѣтъ! спускаясь внизъ къ Академіи, мирно гуляешь по оливковой рощѣ
„Съ челою, увѣнчанною сверкающимъ тростникомъ, подъ руку со скромнымъ другомъ,
„Наслаждаясь благоуханіемъ плюща и полнѣйшимъ отдохновеніемъ
„Подъ тѣнью серебристыхъ тополей, на благорастворенномъ весеннемъ воздухѣ,
„Когда вязъ привѣтливо и нѣжно шепчется съ платаномъ“.

Не есть ли это сентиментальность пѣвцовъ природы и дружбы восемнадцатаго столѣтія? Впрочемъ, нѣтъ! это древне-греческая античная поэзія, это Аристофанъ. Да, творецъ-философъ Платонъ кажется намъ даже подражателемъ сочинителя „Идиллій“—Гесснера, правда только въ одномъ мѣстѣ „Федра“, гдѣ Сократъ восхищается у него красотою избраннаго мѣста и описываетъ ее. Мудрецъ, который только желалъ видѣть истинныхъ людей, вышелъ-было, бесѣдуя, въ поле къ прохладнымъ, зеленымъ берегамъ Илісса.

Федръ указалъ на прелестное мѣстечко въ тѣни на травѣ, чтобы тамъ продолжать бесѣду о любви и красотѣ. „Клянусь Герой“, говоритъ Сократъ, „чудное убѣжище! могучій платанъ широко раскидываетъ свои вѣтви; высокій прутнякъ кругомъ все покрываетъ своею тѣнью, наполняя воздухъ упоительнымъ благоуханіемъ своихъ цвѣтовъ. У платана журчитъ прелестный прохладный ручеекъ, вѣроятно посвященный, судя по украшающимъ его статуямъ, нимфамъ или Ахелою. Какъ благодѣтеленъ и живителенъ воздухъ этого мѣста, какъ благозвучно раздается трещаніе стрекозъ. Но заманчивѣй всего выглядитъ эта цвѣтущая зелень, ласково приглашающая насъ прилечь и отдохнуть.

Не служить ли выраженіемъ глубокаго чувства, задумчивой симпатіи къ красотамъ природы, къ ея разнообразію, тотъ фактъ, что грекъ всю природу олицетворяетъ въ божествахъ: въ деревѣ онъ видитъ дріаду, въ горахъ и ущельяхъ ореадъ, ручейки и рѣчки ему кажутся наядами, всякій ключъ — нимберегамъ Аттики. При переходѣ его черезъ горныя вершины передъ нимъ вдругъ является Панъ. Его одолеваетъ меланхолическое чувство тоски и одиночества на горахъ, безпомощности въ лѣсахъ. Не лишенъ также романтизма и мифъ о Діанѣ-Селенѣ, богинѣ луны, которая влюбляется въ спящаго Эндиміона, прекраснаго пастуха. Исторія любви въ чащѣ лѣсовъ при лунномъ свѣтѣ плѣняла даже положительный умъ грековъ...

Изъ этого можно убѣдиться, что грекъ, гуляя или предаваясь нѣгѣ досуга, въ то же время наслаждался красотами природы. Конечно, не малое удовольствіе доставляла ему при этомъ и бесѣда. Разговоръ, оживленные пренія, острая, глубоко-

фою, обмывающею свои милыя, розовыя ножки прозрачною, студеной водою! Море грекъ населяетъ множествомъ тритоновъ и nereидъ, лѣсъ — хвостатыми фавнами и козлоногими сатирами; во главѣ послѣднихъ стоитъ рогатый Панъ съ мохнатыми ногами, — богъ луговъ и покровитель пастуховъ, обитатель горъ, скалъ и ущелій, собирающій вокругъ себя монотонными звуками свирѣли весь этотъ сонмъ боговъ и богинь природы. Пока полуденный жаръ стоитъ надъ лѣсами и горами, когда вся природа кажется погруженною въ сонъ, когда воздухъ подъ палящими лучами солнца дрожитъ и сверкаетъ, „Панъ спитъ“. Романтиченъ рассказъ Геродота объ афинскомъ герольдѣ, послѣшнно отправленномъ въ Спарту просить помощи, когда персы пристали къ

Фавнъ Праксителя.
Статуя въ Ватиканѣ.

мысленная рѣчь и возраженія составляли потребность грека, самый лучшій и пріятный для него отдыхъ, лучшее препровожденіе свободнаго времени. Нигдѣ такъ не процвѣтала бесѣда, какъ въ Аѣинахъ, у народа веселаго, развитаго, воспріимчиваго и остроумнаго. Стеченіе въ этотъ всемірный городъ людей всѣхъ родовъ и всѣхъ странъ, не исключая египтянъ и вавилонянъ, столкновение въ этомъ средоточіи образованія науки и искусства всѣхъ людей, выдававшихся умомъ, въ томъ числѣ и женщинъ постоянно выдвигало новые интересы, придавало имъ заманчивость и давало свѣжій матеріалъ. Въ Аѣинахъ бесѣда составляла удовольствіе, изъ удовольствія переходила въ искусство, которымъ занимались съ величайшимъ усердіемъ съ тѣхъ поръ, какъ Сократъ сдѣлалъ бесѣду методомъ обученія и изслѣдованія. Благодаря ему и послѣдователямъ его школы, философская форма бесѣды, или діалогъ, перешла въ литературу и въ науку.

Дорога изъ Элевзиса въ Аѣины. Храмъ Афродиты. Крѣпость. Гостинница.

Хотя природа была источникомъ наслажденія при прогулкахъ, зато въ путешествіи она не имѣла никакого или, по крайней мѣрѣ, мало значенія. Въ цвѣтущій періодъ Греціи много путешествовали; какъ на сушѣ, такъ и на морѣ замѣчалось сильное оживленіе; но, никто не путешествовалъ только для того, чтобы видѣть прекрасныя страны, чтобы насладиться красотою горныхъ вершинъ или цвѣтущихъ, роскошныхъ видовъ. Ими любовались мимоходомъ, но это не составляло предмета и цѣли путешествій. Да и самое путешествіе не было пріятно. Морскія поѣздки совершались на гребныхъ, большею частью открытыхъ лодкахъ или на парусныхъ судахъ и были сопряжены съ затрудненіями и опасностями: морскимъ богамъ приносились жертвы, чтобы заручиться ихъ покровительствомъ, а Пріапа, бога гаваней, умоляли, чтобы онъ дозволилъ благополучно достигъ желанной пристани. Были и хорошія дороги,—преимущественно тѣ, которыя вели къ знаменитымъ

святилищамъ; по сторонамъ ихъ нерѣдко попадались храмы, памятники, жертвенники, были поставлены скамьи для отдыха странника, встрѣчались тамъ и сямъ заѣзжіе дома, правда безъ особыхъ удобствъ; въ большинствѣ же случаевъ дороги были слишкомъ дурны для ѣзды на колесницахъ. Поэтому предпочитали путешествовать пѣшкомъ или верхомъ, причемъ одинъ или нѣсколько рабовъ несли багажъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда употреблялся экипажъ, большею частью двухколесный, въ него запрягали муловъ, рѣдко лошадей. Женщины и больные путешествовали въ носилкахъ.

Всякій путешествовалъ по дѣламъ и имѣлъ какую нибудь опредѣленную цѣль путешествія. Большею частью это были торговые дѣла или празднества и игры, нерѣдко политика и страсть къ приключеніямъ, такъ какъ послѣ Пелопонесской войны, эллинскіе наемники поступали на службу во всѣхъ странахъ; безъ нихъ не обходилось ни одной войны, ни одной побѣды. Художники и ученые, люди получившіе высшее образованіе, путешествовали съ научной цѣлью, чтобы познакомиться съ обитателями другихъ странъ. Обыкновеніе путешествовать ради обозрѣнія другихъ городовъ и странъ и описанія ихъ достопримѣчательностей возникло только впоследствии. Были, правда, и раньше отдѣльные случаи путешествія, изъ жажды къ познаніямъ: такъ „отецъ исторіи“, Геродотъ собиралъ во время своихъ путешествій матеріалы для своего великаго творенія. Часто богатые и почтенные лица, цари и тираны вызывали знаменитыхъ ученыхъ и художниковъ къ своимъ дворамъ, частью для того, чтобы придать послѣднимъ блескъ, частью и для собственнаго удовольствія. Такъ поступали Пизистратиды и Поликратъ, тиранъ Самосскій, а въ послѣдствіи, преимущественно сиракузскіе тираны. По ихъ приглашенію въ Сиракузы ѣздили поэты Симонидъ, Пиндаръ, Эсхиль и позже Платонъ, а философы со всѣхъ сторонъ стекались въ Аѣны.

Путешествія и странствованія собственно не были въ характерѣ эллиновъ, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ завершился періодъ колонизаціи. Послѣ бурной или трудовой молодости, послѣ дѣятельной жизни въ зрѣлыхъ годахъ на службѣ государству, когда приближалась старость, эллинъ жаждалъ полнѣйшаго отдыха на досугѣ. Эллинъ въ своихъ воззрѣніяхъ на свѣтъ и жизнь былъ пессимистъ, и не одинъ философъ и поэтъ въ Греціи высказалъ своего мнѣнія, что жить для жизни не стоитъ, и что для человѣка было бы лучше всего не родиться, но разъ это случилось, то чѣмъ скорѣе придется проститься съ жизнью, тѣмъ лучше. „О! я усталъ отъ трудовъ!“—этотъ вздохъ слишкомъ часто слышался изъ устъ греческихъ мыслителей и поэтовъ. Надоѣдаетъ греку политическая жизнь, утомленъ онъ трудностями и напряженіями войны на сушѣ и на морѣ, изнемогая отъ бурь и суетныхъ стремленій жизни,—въ глубинѣ души онъ чувствуетъ потребность въ отдыхѣ, спокойствіи и досугѣ:

„Часто ты, о Зевсъ, давалъ мнѣ то, о чемъ я просилъ въ молитвахъ,
Часто достигалъ я черезъ море безъ опасности желанной цѣли.
Не откажи-же и теперь мнѣ въ благополучномъ пути, дай добратся,
Освободившись отъ всѣхъ заботъ, до пристани отдыха.
Радость доставляютъ домъ и родина; но заботы не доставляютъ
Мнѣ спокойной жизни, а только мученія и труды“.

Занятія въ гимназіяхъ, т. е. въ заведеніяхъ для тѣлесныхъ упражненій, были для грека пріятнымъ препровожденіемъ времени. Кто былъ свободенъ, тотъ большую часть дня проводилъ въ гимназіи. Къ обѣду рынокъ и судилища закрывались, и все населеніе направлялось оттуда къ гимназіямъ. Здѣсь собирались для упражненій молодые люди, даже старики, которые хотѣли еще поддержать гибкость и ловкость своихъ членовъ; приходили художники, чтобы изучать позы и движенія голыхъ тѣлъ; многіе приходили только для того, чтобы посмотреть, какъ молодые люди упражняются и борются, сюда-же сходились ученые и философы со своими учениками,

чтобы, сидя, лежа или даже прогуливаясь, въ живой бесѣдѣ излагать свое ученіе; здѣсь встрѣчались друзья и проводили жаркое время дня въ пріятныхъ разговорахъ подъ портиками или подъ тѣнью развѣсистыхъ деревъ.

Но время, проводимое въ гимназіяхъ, служило не только удовольствіемъ и отдыхомъ: напротивъ, тамъ занимались серьезно и съ усердіемъ: гимнастическія упражненія считались подготовленіемъ къ войнѣ, упражненіемъ въ битвѣ, въ дѣлѣ чести, и занимали важное мѣсто въ жизни эллиновъ. Не было эллина, который бы пренебрегалъ этими упражненіями, необходимыми для полнаго развитія тѣлесныхъ силъ. Цѣлью ихъ была физическая красота и пригодность гражданина для защиты отечества, сила и ловкость, чтобы состязаться и побѣждать на играхъ. Наградой служилъ простой лавровый вѣнокъ, но съ нимъ были сопряжены слава и честь на всю Грецію, какъ для самого побѣдителя, такъ и для родного его города.

Поэтому гимназіи были всюду въ Греціи государственными учрежденіями. Сначала тѣлесныя упражненія производились тамъ, гдѣ только находилось удобное, свободное мѣсто; но по мѣрѣ того, какъ эти упражненія постепенно облекались въ форму, системы и приобрѣли большее значеніе въ жизни государства, то оно и отвело для нихъ мѣсто и уступило необходимыя помѣщенія и зданія, принадлежавшія къ при помощи особой скребницы въ видѣ изогнутой щетки. Нужно было также помѣщеніе для холодныхъ и теплыхъ ваннъ, для разведенія огня, для храненія разныхъ гимнастическихъ принадлежностей, для служащихъ и для прислуги. Къ этому присоединялись еще залы для игръ и бесѣды, портики, мѣста для зрителей, аллеи, купы деревъ и цвѣтники, также храмы,—гимназіи были посвящены богамъ,—даже жертвенники, памятники и статуи.

Ежедневныя упражненія были, въ сравненіи съ нынѣшнею гимнастикой, чрезвычайно просты. Такой обстановки для гимнастическихъ упражненій, какая теперь у насъ требуется, въ древности вовсе не знали. Бѣгъ, прыганіе, метаніе диска и копья и на-

Очищающійся отъ масла и пыли атлетъ.
Статуя въ Ватиканѣ.

великолѣпнѣйшимъ въ городѣ и государствѣ. Такъ какъ гимназіи служили для удовлетворенія многихъ и важныхъ жизненныхъ и государственныхъ потребностей, то обыкновенно онѣ строились въ огромныхъ размѣрахъ. Въ Аѣнахъ гимназій было три: Киносаргъ, Лицей и Академія. Онѣ находились въ тѣнистыхъ прохладныхъ рощахъ и были любимымъ мѣстомъ прогулки аѣнянъ. Всѣ три были такихъ размѣровъ, что все аѣнское войско могло въ нихъ расположиться лагеремъ и производить военныя эволюціи. Мѣсть для гимнастическихъ упражненій было нѣсколько: палестра для борьбы, мѣсто для метанія копья и диска, дромосъ (δρόμος) для бѣга. Кромѣ того, требовались зданія или крытыя помѣщенія для одѣванія и раздѣванія, для натиранія тѣла масломъ и для чистки тѣла, производившейся

Поле битвы при Платеѣ.

конецъ борьба—вотъ главные виды гимнастики. Они же занимали главное мѣсто на большихъ состязаніяхъ и играхъ, называемыхъ „пентатліями“. Бѣгъ былъ самымъ почетнымъ упражненіемъ и въ этомъ отношеніи выносливость грековъ была неизмѣрна. Они бѣгали по глубокому песку, такъ что нога не имѣла подъ собою твердой почвы, совершенно неодѣтые, а иногда въ полномъ вооруженіи или только въ шлемѣ и со щитомъ. Прыжекъ въ высоту или въ даль производился или одною только силою ногъ, или же съ помощью гирь въ рукахъ, которыя въ моментъ подпрыгиванія раскачивали впередъ, а затѣмъ откидывали назадъ; такимъ образомъ сразу твердо становились на мѣсто. Копье было легко и обвито ремнемъ, что при бросаніи придавало

Бросающій дискъ.
Статуя, нах. во дворцѣ Массими въ Римѣ.

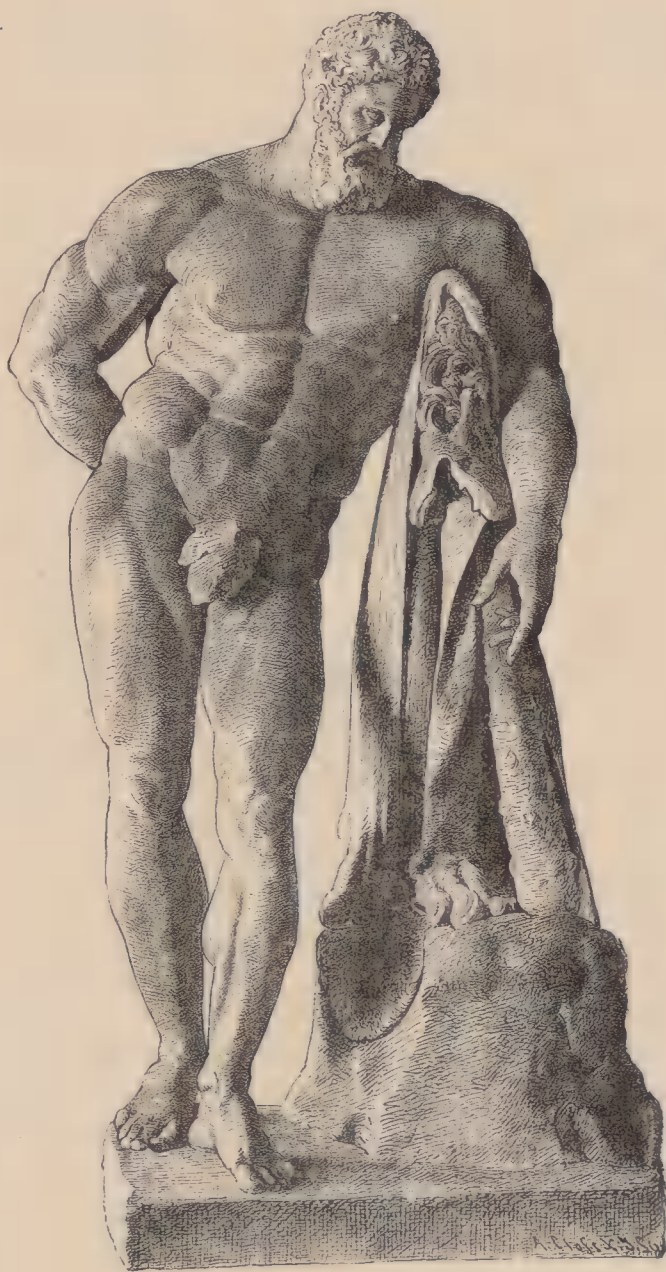
Передъ бросаніемъ диска.
Статуя, нах. въ Ватиканѣ.

ему вращательное движеніе; требовалось особое умѣнье бросить копье далеко и въ то же время попасть въ цѣль. Метаніе диска было извѣстно еще въ героическій періодъ. Дискъ — былъ металлическій кругъ восьми дюймовъ въ діаметрѣ; охватывали его пальцами, уперевъ на ладонь и съ размаху бросали вдаль,—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, потому что побѣдителемъ признавался тотъ, кто дальше всѣхъ бросилъ дискъ. Передъ тѣмъ какъ бросить, дискъ держали въ лѣвой рукѣ, чтобы не утомлять правой. До насъ дошли двѣ знаменитыя статуи, изображающія дискобола въ моментъ бросанія и передъ бросаніемъ. Умѣнье бороться съ теченіемъ времени было возведено на степень искусства.

Не одна сила рѣшала побѣду въ состязаніи. Были различнаго рода приемы и уловки, изученіе которыхъ было необходимо для начинающихъ. Нерѣдко ловкость и изворотливость побѣждали грубую силу.

Соединеніе этихъ пяти родовъ упражненій составляло, какъ мы уже упомянули, пентатлонъ (πένταθλον — пятиборство). Во всемъ требовалось равномѣрное развитіе, такъ какъ при этомъ только условіи гимнастика приносила пользу всему тѣлу, придавая ему

Фарнезскій Геркулесъ, патронъ атлетовъ.
Статуя, нах. въ Неаполитанскомъ музеѣ.

Гермесъ, богъ гимнастовъ.
Статуя въ Ватиканѣ.

красоты и крѣпости. Одностороннее развитіе въ одномъ упражненіи, конечно, облегчало побѣду въ немъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно создало „атлетику“, которая всегда презиралась и отвергалась разумными греками. Изъ всей массы гадостей, которыя являетъ Греція, говоритъ Еврипидъ, самая большая—атлетъ. Атлетика идеаломъ своимъ почитала Геркулеса, поражающаго колоссальностью тѣлосложенія, какъ изображаетъ его Фарнезская

статуя, тогда какъ гимнастика своимъ богомъ-покровителемъ считала юношески стройнаго и ловкаго Гермеса. Атлетика сдѣлала изъ гимнастики ремесло; она давала тѣлу одностороннее развитіе, дѣлая его мощнымъ, но не изящнымъ; она притупляла умъ и чувство и дѣлала людей неспособными ни къ какой другой дѣятельности, даже къ военной службѣ, потому что ихъ тяжелое, неуклюжее, слишкомъ упитанное и жирное тѣло было неспособно къ перенесенію лишеній и усилій, голода и жажды, зноя и холода. Поэтому атлеты избѣгали высшей гимнастики и упражнялись предпочтительно въ грубомъ кулачномъ бою, который спартамцами безусловно отвергался. Кулачные бойцы обвивали руки и кисти рукъ жесткими ремнями, чтобы ударять до крови, и къ кулачному бою присоединяли еще борьбу, что вмѣстѣ взятое носило названіе „панкратіона“. Правда, они за побѣду удостоивались рукоплесканій толпы, но, какъ отдѣльный классъ, ихъ всегда презирали, особенно въ старости, когда они безъ средствъ къ жизни скитались разбитые, почти не узнаваемые, съ измятыми ушами и нерѣдко съ переломанными членами. Какъ гимнастика составляла непремѣнное занятіе всякаго эллина, такъ и зрѣлище гимнастическихъ состязаній казалось для него просто необходимымъ. Это было дѣломъ чисто народнымъ, національнымъ; всякій человѣкъ греческаго происхожденія имѣлъ право принимать въ немъ участіе. Приобрѣвъ силу и ловкость, онъ стремился показать себя, заслужить честь и славу. Случаевъ для этого представлялось

Никѣ (богиня побѣды) Пеонія.
Изъ Олимпіи.

состязавшимися, такъ какъ игры эти происходили въ честь Аполлона, бога музъ.

Изъ всѣхъ игръ самыми выдающимися и знаменитыми были Олимпійскія, происходившія въ Олимпіи въ Элидѣ черезъ каждые четыре года. Начало ихъ относится ко временамъ мифическимъ, но слава и общественное значеніе ихъ начинается съ тѣхъ поръ, какъ спартанцы получили первенство въ Пелопонесѣ. Съ 776 года начали записывать имена побѣдителей на этихъ играхъ и отсюда начинается греческая эра по Олимпіадамъ, которыя праздновались чрезъ каждые четыре года, что можетъ служить доказательствомъ ихъ значенія для всего края. Побѣдитель на этихъ играхъ получалъ въ награду, правда, только вѣнокъ изъ оливковыхъ вѣтвей, но слава его распространялась

много; каждый городъ имѣлъ свои публично-торжественныя игры въ честь и подъ покровительствомъ какого-либо божества, такъ что онѣ имѣли, такимъ образомъ, значеніе и характеръ религіозный. Хотя этихъ празднествъ было много, но только четыре изъ нихъ имѣли значеніе великихъ національных празднествъ всей Греціи и считались важнѣйшими. Это были: Немейскія игры въ Аркадіи, Истмійскія на Коринфскомъ перешейкѣ, Пифійскія въ Дельфахъ и Олимпійскія въ Олимпіи. Родъ игръ, порядокъ ихъ и происхожденіе были вездѣ въ главныхъ чертахъ одинаковы, только Пифійскія имѣли свою особенность въ томъ отношеніи, что поэты и пѣвцы занимали первое мѣсто между со

по всей Греции до дальнѣйшихъ ея колоній и онъ съ величайшимъ торжествомъ вступалъ въ свой родной городъ при ликованіи своихъ согражданъ.

Распорядители Олимпійскихъ игръ были элидяне; они и охраняли все, что относилось къ этимъ играмъ. Руководители и судьи, гелланодики, выбирались изъ нихъ-же. Каждые четыре года, передъ наступленіемъ игръ, элидяне объявляли, что наступило время всеобщаго мира: война и ссоры прерывались, и дороги, ведшія къ Олимпіи, считались неприкосновенными, священными. Всѣ государства присылали своихъ представителей, которые являлись со всевозможнымъ блескомъ; для массы зрителей, которые собирались на эти игры, не хватало помѣщенія ни въ самой Олимпіи ни въ ея окрестностяхъ. Съ этой цѣлью строились особые здания, шалаши, разбивались палатки; приѣзжали содержатели гостинницъ, купцы и торговцы, и такимъ образомъ въ короткое время выросталъ многолюдный городъ, который съ окончаніемъ игръ столь-же быстро исчезалъ, такъ какъ на этомъ священномъ мѣстѣ никто не имѣлъ права жить. Только жрецы, служители и караульщики жили тамъ постоянно.

Тамъ, гдѣ Алфей — главная рѣка Аркадіи — выходитъ изъ горъ и дѣлаетъ поворотъ по долинѣ Элиды къ морю, въ нѣкото-

три храма чудное свое твореніе, колоссальную статую Зевса Олимпійскаго, украшенную золотомъ и слоновою костью. У подножія этой статуи побѣдители награждались вѣнками.

Пониже Алтиды былъ расположенъ стадій въ 600 футовъ длины — мѣсто для игръ и бѣга. Вокругъ него амфитеатромъ шли мѣста для зрителей. Далѣе шелъ гипподромъ, имѣвшій овальную форму, назначенный для состязанія на колесницахъ и

Гермесъ, статуя Праксителя.
Изъ Олимпіи.

ромъ разстояніи отъ праваго берега стоялъ храмъ верховнаго бога—Зевса. Отъ этого храма до берега рѣки и вдоль послѣдняго шла священная дубрава Алтиды, окруженная каменною стѣною, мѣсто празднества, хранилище святынь, изображеній боговъ и даровъ, имъ посвящаемыхъ. Здѣсь же находились склады сокровищъ и собраніе безчисленныхъ памятниковъ и статуй, во всякое время живо напоминавшихъ о побѣдителяхъ на играхъ. Храмъ Зевса, въ честь котораго совершались игры, возвышался надъ всею мѣстностью. Этотъ храмъ былъ твореніемъ элидскаго архитектора Либона. Зданіе было окончено ко времени Пелопонесской войны и украшено мраморными произведеніями Фидія, его учениковъ и другихъ не столь знаменитыхъ художниковъ. Самъ великій художникъ поставилъ вну-

въ верховой ѣздѣ. Олимпійскія игры продолжались пять дней, такъ какъ съ теченіемъ времени онѣ сдѣлались очень разнообразными и состояли изъ всевозможныхъ упражненій. Первоначально былъ только бѣгъ, потомъ къ нему присоединились пентатлонъ и панкратіонъ, затѣмъ еще различныя состязанія между мальчиками, какъ-то: въ бѣгѣ и въ борьбѣ, наконецъ состязаніе на колесницахъ, дававшее обширную арену для честолюбія знатныхъ и богатыхъ, почему оно и считалось главнѣйшимъ, почетнѣйшимъ, хотя вовсе не требовалось, чтобы самъ владѣлецъ лошадей управлялъ ими. Каждый вечеръ, по окончаніи состязаній, побѣдители награждались вѣнками и послѣ этого ихъ чествовали всю ночь на пиршествахъ. Поэты воспѣвали ихъ славу въ восторженныхъ одахъ и безсмертнымъ считался тотъ счастливецъ, котораго воспѣлъ Пиндаръ. Кто оставался три

Внутренность храма Зевса въ Олимпіи.
(На заднемъ планѣ статуя самого бога).

раза побѣдителемъ, тотъ имѣлъ право поставить въ Алтидѣ свою статую. Такимъ образомъ священная роща, наконецъ, наполнилась тысячами статуй.

Все это, правда, исчезло, хотя Олимпійскія игры существовали долго еще послѣ паденія греческой свободы. Даже во время римскаго владычества онѣ продолжали существовать до тѣхъ поръ, пока христіанство, христіанская имперія, изъ нетерпимости къ языческимъ обычаямъ, не прекратила ихъ вовсе.

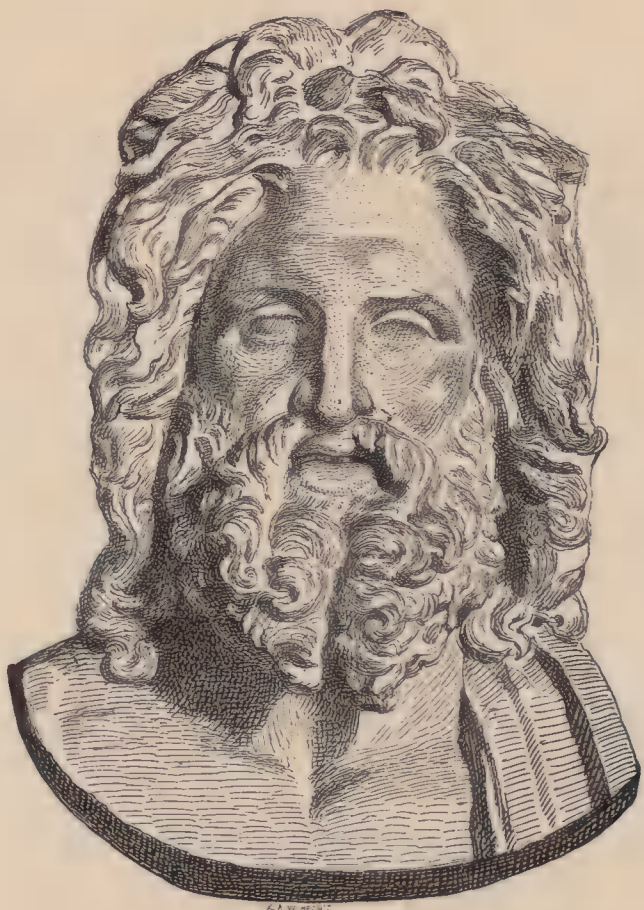
Въ 394 году послѣ Р. Х. Олимпійскія игры были навсегда упразднены. Уже и раньше роща, храмъ и казнохранилище нерѣдко лишались своихъ сокровищъ и укра-

шеній, такъ, напр., колоссальная статуя Фидія была отвезена въ Константинополь; но храмъ Зевса все еще стоялъ, пока, наконецъ, не былъ сожженъ варварами, послѣ чего уже землетрясеніе довершило дѣло разрушенія. Затѣмъ и Алфей прорвалъ запущенныя свои плотины и покрылъ иломъ и пескомъ руины и всю эту знаменитую священную, но уже оскверненную мѣстность. Такъ они оставались покрытыми громадными массами мусора въ теченіе болѣе тысячелѣтія, пока нѣмецкой любознательности и безкорыстнымъ трудамъ,— особенно благодаря настойчивости ученаго Э. Курціуса, — не удалось, снова исторгнуть изъ нѣдръ земли то, что такъ долго было въ ней сокрыто. Хотя открытія и раскопки произведеній искусства далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ и напряженной энергіи искавшихъ, но все-таки и при такихъ условіяхъ наука приобрѣла много важныхъ данныхъ для своего развитія и обогащенія. Недавно найдена въ храмѣ Геры статуя Гермеса съ мальчикомъ Вакхомъ на рукахъ; статуя эта, по описанію Павзанія, приписывается Праксителю, а стиль и изящество ея дѣйствительно оказываются достойными этого художника, и это обстоятельство даетъ надежду, что и впредь трудные поиски не останутся безъ пользы для искусства.

Зевсъ.

(По найденному въ Отриколл бюсту, нынѣ находящемуся въ Ватиканѣ).

VIII.

Жизнь религіозная.

БѢТЪ того человѣческаго грѣха, который не имѣлъ бы своего олицетворенія на Олимпѣ. Такъ по крайней мѣрѣ кажется, если судить по мифамъ, которые передаютъ намъ греческіе поэты о своихъ богахъ. Такъ сластолюбивый Зевсъ, принимая всевозможные образы, преслѣдуетъ прекрасныхъ дочерей смертныхъ; далѣе, ревнивая Гера, его супруга, дѣлающая ему публично непріятныя сцены; ихъ сынъ, хромой, уродливый, всѣми осмѣиваемый Гефестъ; злая и вѣтренная Афродита; лукавый, плутоватый обманщикъ Гермесъ, мстительный Посейдонъ, пьяный Діонисъ, толстый какъ бочка, обжорливый и упитанный Гераклъ— вотъ какое общество населяетъ Олимпійскія высоты.

Неудивительно послѣ этого, что грѣшный смертный спрашиваетъ:

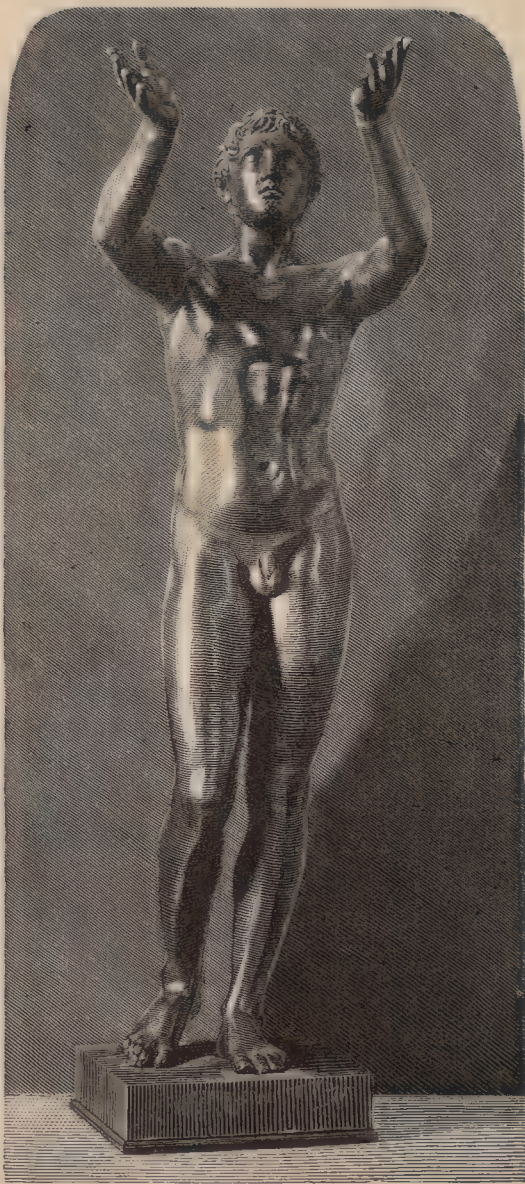
„Что я сдѣлалъ такого дурного?“

и получаетъ такой отвѣтъ:

„Свали вину свою на Зевса!

„И онъ не устоялъ противъ страсти и прелестей красотокъ“.

Если припомнимъ, какъ уже встарину Гомеръ обращался съ олимпійцами, какъ онъ изображаетъ ихъ похождения болѣе съ ироніею и добродушною насмѣшкою, чѣмъ съ вѣрою, какъ позже Аристофанъ выводитъ на сцену боговъ на посѣщеніе аѳинской публики въ самомъ забавномъ и неприличномъ видѣ, то по меньшей мѣрѣ можно предположить, что этотъ же народъ былъ вполне проникнутъ безнравственною вольностью и невѣріемъ. Не такъ было на дѣлѣ. Эти миѳы ранняго и грубаго времени обратились въ легенды, въ сказки, и въ историческія времена вѣрить въ нихъ никто и не думалъ. За ними стоятъ боги во всемъ ихъ величій, почитаемые и чествуемые какъ цѣлымъ государствомъ, такъ и отдѣльными лицами. Боги, къ которымъ грекъ обращается съ молитвою, покровительствуютъ добру, караютъ за зло и охраняютъ законы нрав-

Молящійся мальчикъ.
(Бронзовая статуя, нах. въ Берлинскомъ музеѣ).

Искусство главнымъ образомъ изображаетъ предметы религіозные и создаетъ для боговъ самыя красивыя, видныя зданія; государство преслѣдуетъ, изгоняетъ, даже наказываетъ смертью всякаго, кто оказывается опаснымъ для религіи государства; всякій гражданинъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ обращается къ богамъ и чтитъ ихъ. Во всѣ важные моменты своей жизни, отъ рожденія до смерти, грекъ совершаетъ священнодѣйствія. Нареченіе имени представляетъ религіозный обрядъ; помолвка, свадьба съ сопро-

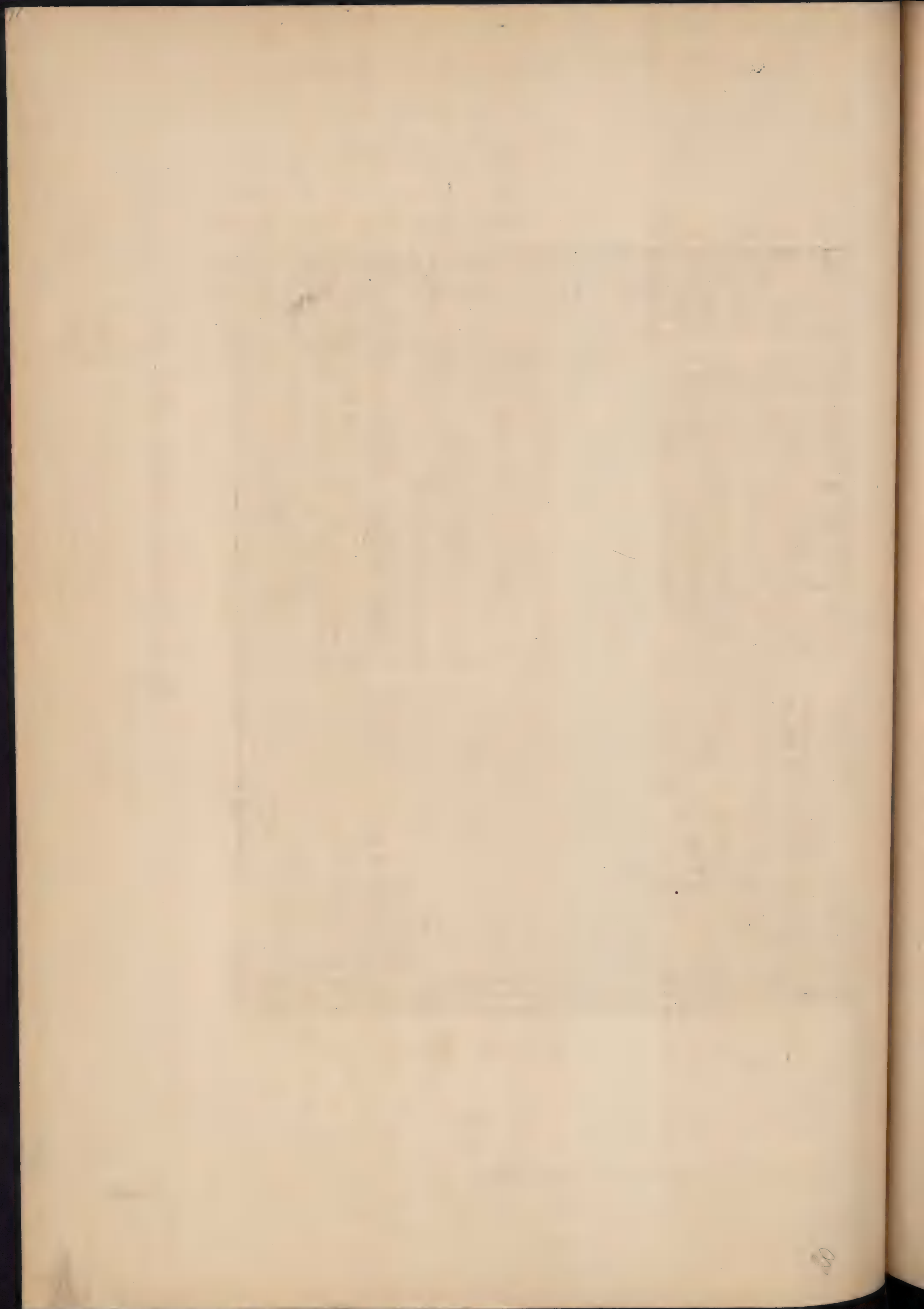
ственности. Они награждали добродѣтель и наказывали преступленія, хотя наказаніе нерѣдко слѣдовало долго спустя послѣ преступленія, и мстительныя эвмениды не тотчасъ начинали преслѣдовать преступника. Эти боги требовали чистоты сердца и святости мыслей отъ всякаго, кто къ нимъ обращался съ мольбами или благоговѣйнымъ выраженіемъ чувствъ благодарности. Такова была вѣра народная, такова же была и вѣра философовъ Сократа и Платона, старавшихся тщательно изслѣдовать всю природу вещей и міровыя явленія, но никогда не отрекавшихся отъ общенія съ богами, отъ своей связи съ божественнымъ. Сократъ обращался за совѣтомъ къ оракулу и молилъ боговъ надѣлать его душевною, внутреннею красою. Греческая жизнь преисполнена благочестія.

Сцена изъ Римской жизни.

вождавшими ее церемоніями, наконецъ погребеніе,—все это сопровождается жертвоприношеніями и молитвами. При всякомъ случаѣ грекъ приступаетъ къ священнодѣйствию или же священному мѣсту не иначе, какъ очистивъ свои помыслы, что символически выражалось окропленіемъ себя водою.

Греку не нужно было жреца для жертвоприношенія или молитвы. Всякое священнодѣйствіе онъ могъ совершать самъ. Отецъ семейства представлялъ жреца у своего домашняго алтаря. Богамъ-небожителямъ онъ молился стоя, съ поднятыми вверхъ руками; обращая мольбы къ богамъ морскимъ, онъ простиралъ руки впередъ; обращаясь къ богамъ преисподней, онъ наклонялъ руки внизъ. Всякій участвующій въ жертвоприношеніи надѣвалъ на это время на голову вѣнокъ. Жертвы были безкровныя и кровавыя. Первые состояли изъ плодовъ, фруктовъ, вина, молока, масла, меду, ячменя,—поджаренный ячмень бросали въ огонь жертвенника,—даже изъ различныхъ печеній. Нѣкоторымъ богамъ приносились въ жертву животныя, для чего выбирались самыя лучшія, безъ малѣйшаго порока; жертва состояла или изъ одного животнаго, или изъ большаго числа, иногда до сотни, что называлось „гекатомбой“. Сжигалось при этомъ не все животное, а только извѣстныя его части, остальное раздавалось участникамъ жертвоприношенія въ видѣ угощенія, такъ какъ они считались, такъ сказать, гостями боговъ. Обрядъ жертвоприношенія, на строгое соблюденіе котораго греки обращали особенное вниманіе, уже у Гомера имѣетъ опредѣленную форму. Несторъ велѣлъ позолотить рога вола, предназначеннаго въ жертву; обыкновенно же жертва украшалась вѣнкомъ. Приносящій жертву, чтобы очиститься и достойно предстать передъ богами, сперва выпивалъ вмѣстѣ съ товарищами освященной воды, затѣмъ возносилъ мольбу къ божеству, которому жертва приносится, отрѣзалъ на лбу животнаго клочъ шерсти и бросалъ его въ огонь. Посыпавъ на шею жертвеннаго животнаго освященнаго ячменя, его убивали и снимали съ него шкуру, затѣмъ вырѣзывали филейныя части, завертывали въ пласты жира и сжигали вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими частями и окропляли все это виномъ. Наконецъ остальное мясо разрѣзали, жарили на вертелѣ и съѣдали.

Всѣ эти обряды могъ исполнять всякій грекъ; такимъ образомъ онъ имѣлъ право на непосредственное общеніе съ богами. Тѣмъ не менѣе существовали въ Греціи жрецы, безъ которыхъ богослуженіе не могло обходиться. У каждаго божества было освященное ему мѣсто—храмъ съ участкомъ земли—и свой культъ. Для постояннаго заведыванія этими храмами и совершенія обрядовъ въ нихъ, съ полнымъ и точнымъ знаніемъ обычаевъ, даже въ Греціи требовались особые лица—жрецы. Ихъ познанія и обязанности переходили изъ рода въ родъ, но они отнюдь не были изолированы отъ общественной жизни. Они могли участвовать во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, занимать почетныя мѣста и должности, но не образовывали никакой особенной жреческой касты или іерархіи. Жрецъ былъ такой же гражданинъ, какъ и всѣ другіе.

Тѣмъ не менѣе, жрецы пользовались извѣстнымъ почетомъ и особымъ уваженіемъ. Чѣмъ выше почитался богъ, которому тотъ или другой жрецъ служилъ, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользовался и жрецъ его, какъ довѣренное лицо этого бога. Такое значеніе жрецовъ имѣло свои основанія. Семейства жрецовъ пришли вмѣстѣ съ богами и, пребывая постоянно въ святилищѣ боговъ, они вмѣстѣ съ ними распространяли образованіе, укрѣпляли нравственность. Они были знакомы съ древнимъ правомъ, съ древними обычаями, о чемъ нигдѣ ничего не было писано, и умѣли поддерживать и сохранять эти обычаи, это право. Они были отчасти представителями идеи національности, такъ какъ много святилищъ имѣли не только мѣстное, но общее, національное значеніе; вліяніе ихъ распространялось на весь эллинскій міръ, чтившій въ нихъ свое общенациональное учрежденіе, какъ, напримѣръ, оракулы Аполлона, особенно дельфійскій.

Мантика или искусство предвидѣнія, угадыванія, въ сущности не принадлежала исклю-

чительно жрецамъ, и жрецъ здѣсь являлся первоначально только какъ обыкновенный смертный. Въ душѣ каждого могъ заговорить вѣщій голосъ божества, каждый могъ внять этому голосу и послѣдовать его указаніямъ на основаніи собственныхъ соображеній. Божество, наполняя воздушное пространство, посредствомъ различныхъ знаменій, истолковываемыхъ каждымъ по своему, выражало свою волю и давало совѣты. Грекъ хотя и вѣрилъ въ эти предзнаменованія, но толкованіе, напримѣръ, полета птицъ или другихъ явленій при жертвоприношеніяхъ не было облечено, какъ у римлянъ, въ систему, не составляло науки, доступной только избраннымъ, привилегированнымъ лицамъ.

Другое дѣло—оракулы, неразлучно связанные съ опредѣленными божествами и находящіеся въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Лицамъ, обращающимся къ оракуламъ, они отвѣ-

Дельфійское ущелье

чали только чрезъ посредство жрецовъ и ихъ устами. Чрезъ жрецовъ предлагались вопросы оракулу, и жрецы же давали отвѣты на эти вопросы. Такъ было въ Додонѣ, древнѣйшемъ святилищѣ Зевса Пеласгійскаго въ Эпирѣ; отвѣты этого бога слышались въ шелестѣ священнаго дуба или въ журчаніи священнаго источника, конечно, непонятныхъ для людей непосвященныхъ. Точно также непонятны были для нихъ изреченія Аполлона, бога прорицанія, въ Дельфахъ. Значеніе этого святилища въ историческое время было гораздо выше додонскаго и пріобрѣло высшее, истинно-національное значеніе.

Дикую, негостепріимную мѣстность избралъ богъ Аполлонъ для своего главнаго пребыванія и своей дѣятельности—обрывистое ущелье у подножія высокаго Парнаса, угрюмое и уединенное, оживляемое лишь журчаніемъ источниковъ. Гора Парнасъ считалась мѣстомъ пребыванія музъ, а источникъ Кастальскій былъ предметомъ вдохновенія

для поэтовъ. Здѣсь Аполлонъ убилъ дракона Пиѳона,—богъ свѣта побѣдилъ варварство, невѣжество. Здѣсь выходилъ изъ трещины паръ, опьянявшій, притуплявшій сознаніе. Здѣсь основался оракулъ Аполлона, и этотъ богъ отсюда изрекалъ свою волю, давалъ свои указанія. Построенъ былъ храмъ, около него поселились жрецы, и поселеніе „Дельфъ“ возросло до размѣровъ большого священнаго или храмоваго города. Слава этого прорицалища распространилась по всей Элладѣ, даже далеко за ея предѣлы. Со всѣхъ сторонъ стекались за совѣтомъ къ богу; города, государства, цари и властители посылали туда многочисленныя, блестящія посольства съ богатыми дарами. Такъ наполнялись Дельфы сокровищами, богатствами и произведеніями искусства, которыя собирались въ особыя хранилища.

Богъ говорилъ устами женщины. Зная тонкость чувствъ, склонность къ предчувствіямъ и мечтательности женщины, онъ пользовался этими качествами и, избравъ женщину своею жрицею, орудіемъ своихъ откровеній, чтить въ ней весь женскій полъ

Развалины Дельфъ

Какъ нѣкогда Кассандра въ Троѣ у Оимбрійскаго жертвенника являлась вдохновенною жрицею Аполлона, такъ и въ Дельфахъ пиѳія, избираемая изъ лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ женщинъ этого города, возвѣщала его загадочныя изреченія. Регулярно разъ въ мѣсяцъ, увѣнчанная лаврами, она восходила на свое сѣдалище, на треножникъ надъ испускавшею сѣрныя пары земною трещиною. Передъ тѣмъ пиѳія долго постилась, купалась въ священномъ источникѣ, пила изъ него и жевала лавровые листья. Подготовленная такимъ образомъ къ восторженности и экстазу, она вскорѣ чувствовала дѣйствіе царовъ, умъ ея помрачался, сознаніе терялось, и она приходила въ изступленіе, издавала безсмысленные звуки и слова, изъ которыхъ жрецы, находившіеся въ это время при ней, составляли отвѣты бога, придавая имъ нужную форму и смыслъ. Первоначально отвѣты давались даже въ стихахъ—въ гекзаметрѣ, впослѣдствіи и въ прозѣ.

Все это было благочестивымъ обманомъ, хотя, если хотите, нельзя не признать, что жрецы съ нѣкоторымъ внутреннимъ, сокровеннымъ убѣжденіемъ придавали опредѣленный

смыслъ извѣстнымъ звукамъ и изреченіямъ пивіи. Самый обманъ былъ основанъ на дѣйствительно доведенномъ до совершенства знаніи человѣческаго сердца, современныхъ обстоятельствъ и взаимныхъ отношеній. Эти жрецы лучше всѣхъ знали дѣла и положеніе отдѣльныхъ государствъ и городовъ; они близко знали руководящихъ дѣятелей, отдѣльныя партіи и ихъ стремленія, обо всемъ имѣли точныя свѣдѣнія. Когда партіи или частныя лица обращались къ оракулу за совѣтомъ или указаніями, то жрецы заранѣе знали, что нужно отвѣчать, а если и не знали, то у нихъ было довольно времени получить необходимыя свѣдѣнія, разспрашивая подробно обо всемъ обратившихся за совѣтомъ, до тѣхъ поръ, пока пивіа всходила на свое священное сѣдалище. Чаще всего просили только совѣта относительно различныхъ случаевъ или просто покровительства бога. Очень рѣдко вопросы касались непосредственно будущаго. Въ такихъ случаяхъ жрецы облакали отвѣтъ въ двусмысленную, неясную форму, въ родѣ даннаго ими Крезу, что онъ разрушитъ большое царство, если перейдетъ рѣку Галисъ, или же аѳинянамъ, во время Персидской войны, что они должны укрыться за деревянными стѣнами. Эта премудрость оракула, облеченная въ темныя, гадательныя слова, при возраставшемъ невѣріи, вызывала часто насмѣшки, и комики нерѣдко надъ нею подшучивали. Такъ Аристофанъ, въ своей комедіи „Всадники“, въ рассказѣ о спорѣ между кожевникомъ Клеономъ и колбасникомъ, приводитъ нѣсколько смѣшныхъ примѣровъ этого. Между прочимъ говорится:

„Коль скоро кожаный орелъ (т. е. Клеонъ) своими крючковатыми когтями
„Схватитъ дракона, безсмысленнаго кровопійцу,
„Вамъ, пафлагонцамъ, разливается отваръ чесноку,
„Все же божество оказываетъ много чести продавцамъ потроховъ.
„Такъ что они предпочитаютъ и впредь торговать колбасами“.

Не смотря на насмѣшки и возрастающее невѣріе, дельфійскіе жрецы съ необыкновеннымъ умомъ, съ рѣдкою ловкостью умѣли въ теченіе многихъ столѣтій поддержать значеніе оракула и придать ему громадное вліяніе въ войнахъ и ссорахъ эллиновъ между собою. Даже разграбленіе фокеецами сокровищъ этого святилища не уничтожило блеска этого бога, и долго спустя еще онъ защищался съ силою и стойкостью противъ нападеній галловъ. Только все побуждающему и всюду воцаряющемуся христіанству Аполлонъ уступилъ свой храмъ; пивіа перестала подыматься на свое сѣдалище, Дельфы опустѣли и вся мѣстность пришла въ состояніе запустѣнія. Чувствуя неудовлетворительность своего ученія о божествахъ, греки прибѣгали къ мантикѣ и оракулу и искали утѣшенія въ тайныхъ культахъ, мистеріяхъ. Хотя это ужъ не было болѣе чистою, возвышенной религіей, хотя это ничего не разъясняло о судьбѣ человѣка послѣ смерти, все же именно въ этомъ отношеніи всѣмъ посвященнымъ давались лучшія, болѣе опредѣленныя чѣмъ прежде надежды. Эти ожиданія могли осуществиться только для чистыхъ сердцемъ, ведущихъ безупречную жизнь, и только такія имѣли доступъ въ мистеріи. Поэтому мистеріи, не представлявшія изъ себя ничего мудренаго, имѣли благотѣльное нравственное, очищающее вліяніе. Всякій, изъявлявшій желаніе быть принятымъ въ мистерію, долженъ былъ представить доказательства своей незапятнанной репутаціи, своей безупречной жизни. Всякій грекъ могъ быть принятъ въ мистерію. Ни лѣта, ни полъ не служили препятствіемъ къ тому, такъ что и женщины и дѣти имѣли въ нихъ доступъ; былъ даже тайный культъ тесмофоріи, куда допускались исключительно женщины. Всякій вновь поступающій долженъ былъ пройти три степени, называясь въ это время „мистомъ“; онъ долженъ былъ быть введенъ однимъ изъ „мистагоговъ“, т. е. посвященнымъ въ таинства высшей степени. Всякому повышенію предшествовали новое очищеніе, покаяніе и испытаніе. Посвященіе сопровождалось различными обрядами, которые исполнялись старшимъ жрецомъ и руководителемъ таинствъ—„гіерофантомъ“ и

его помощниками. Достигшимъ высшихъ степеней, т. е. „эпоштамъ“ или „созерцающимъ“, въ драматической формѣ, показывались различныя представленія мифическаго содержанія и символическаго значенія, изображавшія преимущественно загробную жизнь. Въ остальномъ эти представленія мало различались отъ общенародныхъ вѣрованій.

Мистеріи отправлялись въ многихъ мѣстахъ въ Греціи; самыя знаменитыя были самоеракійскія и элевзинскія въ Аттікѣ. На Самоеракіи, маленькомъ островѣ Эгейскаго моря, съ самыхъ раннихъ временъ греческой исторіи водворился тайный культъ или мистерія „кабировъ“, олицетворенныхъ силъ природы. Происхожденіе этого названія ихъ и значеніе до сихъ поръ не разъяснено, равно какъ не разъясненъ и самый порядокъ священнодѣйствія, которое всегда совершалось съ величайшею тайнственностью. Болѣе извѣстны „элевзинскія мистеріи“. Въ нихъ участвовала большая часть аѳинянъ и обитателей Аттіки, такъ что онѣ являлись дѣломъ народнымъ. Онѣ были не менѣе древни, чѣмъ самоеракійскія, и продолжались до временъ христіанскихъ. И здѣсь преимущественно поклонялись олицетвореннымъ силамъ природы, матери-земли, — богинѣ земледѣлія Деметрѣ и Діонису, богу вина. Въ Элевзисѣ, на разстояніи четырехъ часовъ къ востоку отъ Аѳинъ, Деметра, тщетно девять дней проискавъ дочь съ факеломъ въ рукѣ на всѣхъ моряхъ и всей землѣ, узнала, что ея дочь Персефона увезена Гадесомъ и сдѣлалась его супругой и парией преисподней. Здѣсь же Персефона была возвращена къ земной жизни и къ земнымъ радостямъ. Этотъ мифическій рассказъ и представляется въ элевзинскихъ мистеріяхъ. Похищеніе дочери, увезенной въ преисподнюю, обрѣтеніе ея и возвращеніе на полгода на землю изображаютъ прекращеніе жизни природы осенью и зимою, посѣвъ же сѣмянъ, ихъ всходъ и созрѣваніе весною и лѣтомъ представляетъ возрожденіе ея и какъ бы открываетъ надежду на лучшую жизнь послѣ смерти.

Элевзинскія празднества, большія Элевзиніи, — были и малыя, въ родѣ подготовительныхъ къ большимъ — продолжались 12 дней въ августѣ или сентябрѣ, около того времени, когда плоды созрѣвали и хлѣба убирались съ полей. Это были народные празднества, къ которымъ стекались со всѣхъ сторонъ въ Аѳины на пиршества граждане другихъ государствъ. Послѣ объявленія объ открытіи празднествъ наступалъ „миръ божій“, и всѣ посвященные въ таинство приготавливались къ встрѣчѣ мистерій постомъ, покаяніемъ и жертвоприношеніемъ. Очищеніе или омовеніе совершалось на морскомъ берегу морскою водою. Первые дни проходили въ жертвоприношеніяхъ Деметрѣ, Діонису и другимъ богамъ, во вкушеніи частей жертвъ и въ торжественныхъ шествіяхъ по окрестностямъ; все это имѣло характеръ серьезнаго, сосредоточеннаго подготовленія. Но на шестой день все принимало другой видъ. Въ этотъ день древняя статуя бога Діониса, украшенная вѣнками и съ факеломъ въ рукѣ въ торжественной процессіи перевозится изъ Аѳинъ въ Элевзинъ. Въ этой процессіи участвовали какъ посвященные въ таинство, такъ и непосвященные, всѣ въ вѣнкахъ. Маски всѣхъ родовъ, шутки и игры, крикъ и шумъ, танцы и музыка сопровождали это шествіе, которое выступало изъ Аѳинъ только вечеромъ. Въ теченіи четырехъ часовъ оно двигалось по „священной дорогѣ“ и приходило въ Элевзинъ лишь ночью. Здѣсь процессія входила во дворъ обширнаго зданія, возведеннаго во времена Перикла собственно для представленія мистерій. Громадное зданіе на колоннахъ было со всѣхъ сторонъ окружено стѣнами; въ немъ вмѣщалась масса людей. По прибытіи туда начинались представленія. Ночной мракъ, слабое освѣщеніе, невѣрное мерпаніе дымныхъ факеловъ придавали этому обряду какую-то торжественность, усиливавшуюся таинственностью обстановки. Представленія продолжались нѣсколько ночей. Обрѣтеніе дочери вызвало радость Деметры и послѣ мрачнаго ночнаго торжества, послѣ предшествовавшихъ поста, жертвоприношенія и посвященія начинались радость, веселье и пиршества и тѣмъ кончались элевзинскія празднества.

Рядомъ съ Деметрою богъ Вакхъ или Діонисъ игралъ уже второстепенную роль, но во многихъ мѣстахъ Греціи, въ особенности въ Атикѣ, Вакхъ имѣлъ свои особые празднества, которыя хотя и были менѣе серьезны, но зато и болѣе оживленны и народъ въ нихъ предавался болѣе шумнымъ увеселеніямъ. Богъ Діонисъ даровалъ человѣку виноградъ, сокъ котораго доставляетъ удовольствіе, отгоняетъ заботу и помогаетъ забывать страданія. Вѣчно юный, вѣчно веселый, этотъ богъ изображался скульпторами съ нѣжными формами и съ нѣжными чертами лица, съ томнымъ взглядомъ и съ небрежно-важною походкою. Начавъ съ Индіи, этотъ богъ побѣдоносно обходитъ весь свѣтъ, распространяя вездѣ винодѣліе, отгнѣсняетъ недруговъ и возбуждаетъ весельемъ упавшіе силы друзей. Укрощенные тигры, пантеры и львы идутъ по его стопамъ или тащатъ его колесницу; козлоногіе сатиры и хвостатыя силены сопровождаютъ его прыгая и танцуя; женщины бросаютъ свои прялки и ткацкіе станки, выходятъ изъ дома, оставляютъ мужей, дѣтей, все семейство, чтобы присоединиться къ пляскамъ, которыя окружаютъ Вакха: менады, неистовыя вакханки, украшенныя виноградною зеленью и пестрыми

Праздничное шествіе въ честь Вакха.
Рисунокъ на Боргезской вазѣ въ Дуврѣ.

мѣхомъ лани, размахивая тирсовымъ жезломъ, обвитымъ плющемъ съ сосновыми шишками, сопутствуютъ ему, припѣвая дифирамбы и сопровождая пѣніе комическими кривляньями; громкая музыка литавръ и барабановъ, кастаньетокъ и бубенъ, флейтъ и дудокъ заглушаютъ шумъ этой дикой, доведенной до изступленія толпы. Съ такою свитою богъ Вакхъ пришелъ въ Грецію, благодѣтельствуя и творя по пути чудеса, возбуждая и вдохновляя своихъ поклонниковъ, но буйный и жестокий по отношенію къ тѣмъ, которые противятся введенію винодѣлія и не хотятъ чтить его.

Вездѣ при празднествахъ въ честь Діониса сохранился этотъ характеръ ихъ; впрочемъ, иначе и быть не могло. Въ Віотіи почитаніе этого бога приняло даже характеръ еракійской и фригійской необузданности, неистовыхъ оргій, которыхъ въ остальной Греціи не очень любили. Только женщины и дѣвицы черезъ каждые два года праздновали на Парнасѣ нѣсколько ночей во имя Вакха. Безъ стѣсненія, которое въ обыкновенное время налагалось на женщину, онѣ предавались тамъ необузданному, неистовому веселью. Подобно менадамъ, онѣ бродили по горамъ въ оленьихъ шкурахъ, съ тирсами въ рукахъ и съ распущенными волосами, ликовали и плясали, выдѣлывая безобразныя движенія,

приносили жертвы и, какъ нѣкогда мать Пентея со своими подругами, доведенная Діонисомъ до иступленія, растерзала своего сына, такъ они разрывали животное, приносимое въ жертву, и ѣли сырое мясо.

Въ Атикѣ празднества Діонису были менѣе неистовы, хотя и здѣсь веселье и пьянство были непремѣнными спутниками ихъ. При большихъ Діонисахъ всякій, нисколько не роняя своего достоинства въ глазахъ другихъ, могъ и даже долженъ былъ напиться пьянымъ. Молодое вино чуть ли не текло по улицамъ,—его разливали всюду открыто. Всякій украшалъ себя вѣнками изъ плота, переплетеннаго розами и фіалками, такъ какъ празднество происходило въ самое цвѣтущее время весны. Веселье царствовало на всѣхъ улицахъ, на всѣхъ площадяхъ: фигляры, маріонетки, фокусники давали публичныя представленія, безчисленное множество гостей и иностранцевъ съѣзжалось на эти торжества. Изображенія Вакха въ торжественныхъ процессіяхъ носили по городу, а толпа переодѣтыхъ аѳинянъ въ костюмахъ бога Пана и сатировъ, вакханокъ и менадъ составляли ихъ свиту. Въ эти дни въ особенности проявлялась страсть аѳинянъ къ публичнымъ представленіямъ. Такъ какъ нѣкогда Тесій, подобно другимъ фокусникамъ,

Аѳинскія женщины изъ шествія Панаѳинеевъ.
Рельефъ Фидія въ Парѳенонѣ.

давалъ свои представленія во время Діонисій, то и остался обычай именно въ эти дни давать на сценѣ новыя трагедіи и комедіи. За лучшія изъ нихъ назначались награды.

Такимъ образомъ рядомъ съ богомъ Діонисомъ являлись здѣсь трагическая и комическая музы, Мельпомена и Талія, рядомъ съ распущенностью серьезныя и остроумныя представленія. И прочія музы, смотря по мѣрѣ ихъ значенія въ дѣлѣ воспитанія грековъ, не были забыты аѳинянами въ своихъ празднествахъ. Хотя для нихъ не было установлено никакого особаго празднества, но зато онѣ имѣли свою долю участія въ Панаѳинеехъ, или большихъ празднествахъ аѳинянъ, которыя для Атики имѣли то же значеніе, какое Олимпія для всей Греціи. То былъ праздникъ въ честь Аѳины-Паллады, дѣвы Минервы-Паллады, мощной покровительницы города, громадная статуя которой, произведеніе Фидія, и знаменитый огромныхъ размѣровъ храмъ Парѳенонъ, съ высоты Акрополя царили надъ всею страной. Каждые четыре года отправлялся этотъ праздникъ съ необычайнымъ великолѣпіемъ. Къ нему собирались гости со всѣхъ сторонъ въ Аѳины, въ этотъ избранный всемірный городъ, предоставляющій столько удовольствій своимъ посѣтителемъ. Здѣсь происходили состязанія въ поэзіи и музыкѣ, въ бѣгѣ и

борьбѣ, въ ѣздѣ верхомъ и на колесницахъ, въ бросаніи копья и диска, наградой побѣдителю была ваза, сдѣланная изъ терракоты и наполненная оливковымъ масломъ — произведеніемъ страны родной. Но самый блистательный отдѣлъ этого праздника былъ тотъ, когда весь народъ въ лицѣ своихъ красивѣйшихъ и лучшихъ женщинъ въ торжественномъ шествіи подносилъ богинѣ — покровительницѣ великолѣпно вышитый пеплосъ. — эта одежда вышивалась женами и дѣвками Аѣиной для древней статуи, составлявшей святыню города. Участвующие собирались за воротами; тамъ составлялись группы, которыя должны были шествовать въ опредѣленномъ порядкѣ. Во главѣ шли играющіе на цитрахъ и флейтахъ, за ними граждане въ полномъ вооруженіи — сперва пѣхота, потомъ всадники на прекрасно — выѣзженныхъ лошадяхъ, цвѣтъ молодежи Аѣинской. За ними побѣдители на состязаніяхъ въ верховой ѣздѣ и въ бѣгѣ на колесницахъ со своими лошадьми и колесницами, затѣмъ жрецы и прислужники, которые вели животныхъ, назначенныхъ для жертвоприношенія. Далѣе шли избранные старцы съ оливковыми вѣтвями, сорванными съ освященнаго дерева въ академіи; эфебы

Жертвенныя животныя и ихъ проводники изъ шествія Панаѣинеевъ.
Рельефъ Фидіа въ Парѣенонѣ.

или юноши, достигшіе зрѣлости брачныхъ лѣтъ, несли подарки и сосуды, драгоценныя произведенія аѣинскаго искусства, которыя подносились богинѣ. Красивѣйшія дѣвицы и женщины, избранныя ради своей красоты, составляли особую группу; изъ нихъ однѣ несли на головахъ корзины съ жертвенными орудіями, другія несли въ рукахъ кувшины, третьи, наконецъ, шли безъ всего, съ опущенными руками, тихо — торжественно. Всѣ были въ лучшей своей одеждѣ, въ пышныхъ нарядахъ и убранствѣ, съ вѣнками на головахъ. Жены и дочери метойковъ, т. е. союзниковъ аѣинянъ, находившихся вмѣстѣ съ ними подъ покровительствомъ Аѣины, несли за ними сѣдалища и зонтики. Подносимый богинѣ-покровительницѣ нарядъ, пеплосъ, былъ развѣшенъ на колесницѣ въ видѣ паруса. Въ этомъ порядкѣ шествіе двигалось по лучшимъ улицамъ города, останавливалось передъ главными жертвенниками, для приношенія жертвъ на пути, медленно подымалось на центральное городское укрѣпленіе Акрополь, и тамъ передъ храмомъ подъ звуки гимновъ, воспѣваемыхъ массою народа, приносились жертвы и представлялись подарки. Все это изображено въ многочисленныхъ барельефахъ на фризѣ Парѣенона, сдѣланномъ самимъ Фидіемъ. Благосклонная судьба сохранила донинѣ большую часть этихъ замѣчательнѣйшихъ и совершеннѣйшихъ произведеній искусства.

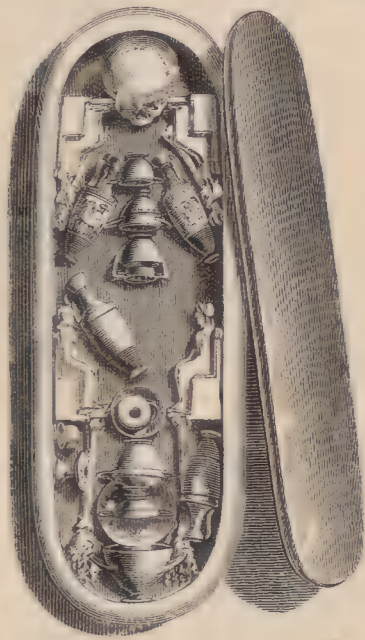

Источникъ Стикса.

Поэтому родственники и друзья съ благоговѣйною почтительностью и добросовѣстностью исполняли все обязанности и обряды, которые государство и религія предписывали по отношенію къ умершимъ. Оставленіе умершаго безъ погребенія влекло за собою строжайшую кару какъ въ этой жизни, такъ и въ загробной. Даже проходящему страннику повелѣвалось, если онъ встрѣтитъ на пути трупъ, прикрыть его хотя немногими горстями земли. Въ крайнемъ случаѣ, это дѣйствіе доставляло блуждающей душѣ спокойствіе и открывало ей доступъ въ преисподню. Только изъ крайней ненависти греки позволяли себѣ изуродовывать

Во всехъ вышеописанныхъ празднествахъ грековъ, равно какъ и во многихъ другихъ, которыя мы здѣсь пройдемъ молчаніемъ, выступаютъ двѣ стороны человѣческой жизни. Съ одной стороны онѣ являются временемъ радостнаго наслажденія, стремленія по возможности испытать до дна чашу сладостей этой жизни, съ другой стороны — въ нихъ представляется томящее предчувствіе худшей, страшной жизни послѣ смерти, которую (жизнь) греки старались по возможности облегчить участіемъ въ мистеріяхъ.

Только немногіе изъ грековъ, особенно же пифагорейцы, твердо вѣрили, что загробная жизнь будетъ лучше, что тамъ будетъ она постепенно усовершенствоваться при общеніи избранныхъ съ богами. Другіе, къ тому же лучшіе изъ народа, отрицали безсмертіе души, или, по крайней мѣрѣ, выражали сомнѣнія, преисполненные опасеній, относительно того, что говорили о загробной жизни Сократъ своимъ ученикамъ и друзьямъ. Масса народа со страхомъ ожидала смерти; она твердо держалась ученія Гомера о безотрадной жизни по ту сторону Стикса, въ странѣ тѣней, о блужданіи душъ по берегамъ мрачной рѣки, колы скоро покойнику не была отдана послѣдняя честь оставшимися въ живыхъ.

Открытый гробъ и его содержаніе.

дикимъ звѣрямъ. Даже война останавливалась для того, чтобы отдать послѣднюю честь павшимъ жертвамъ битвъ. Могила и останки считались неприкосновенными во вѣки.

Немедленно послѣ смерти покойнику вкладывался въ ротъ оболъ (мелкая монета для платы за перевозъ, чтобы душа какъ можно скорѣе успѣла переправиться черезъ

Улица Гробовщиковъ въ Аѳинахъ
въ первонач. видѣ.

рѣку Стиксъ на челнокъ Харона. Тѣло покойника обмывалось, обмазывалось благовонными маслами, закутыралось въ бѣлый плащъ и, украшенное цвѣтами, выставлялось на носилкахъ, чтобы друзья и родственники могли его навѣстить на другой же день. Послѣ этого на другое утро былъ обыкновенно выносъ тѣла, а затѣмъ его или сожигали, съ тѣмъ, чтобы пепель схоронить въ урнѣ, или же хоронили зарывая въ землю.

Греки употребляли оба рода погребенія, но въ глубокой древности чаще встрѣчалось сожиганіе, въ историческія же времена зарываніе въ землю, которое вошло и въ обычаи христіанъ.

Погребеніе происходило обыкновенно внѣ городскихъ стѣнъ. Нерѣдко встрѣчались и совершенно одинокія могилы, на-прим., когда покойникъ былъ похороненъ на той землѣ, которая составляла его собственность. Большею же частью устраивались опредѣленныя кладбища. Нѣкоторыя изъ нихъ находились въ окрестностяхъ Аѳинъ; многія могилы были расположены вдоль дорогъ или образовали собою особыя улицы „могильныя“. Одна изъ такихъ улицъ открыта недавно въ Аѳинахъ. Надъ могилою дѣлали невысокую насыпь, нажаніе которой говоритъ само за себя:

Рельефъ греческой могилы.
Въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ.

ней сажали густой плющъ и розы, и при жертвоприношеніяхъ за упокой умершихъ поливали молокомъ и виномъ. Около могилы ставили каменный памятникъ, — развѣ только крайняя бѣдность не дозволяла, — въ видѣ колонны, или камень съ надписью, или барельефъ изображающій покойника и его ближайшихъ родственниковъ. Въ надписи обозначалось имя почившаго, попадались кое-какія свѣдѣнія о его жизни или изреченія въ формѣ эпиграммы. Многія надписи дошли до насъ, какъ, на-примѣръ, слѣдующая эпиграмма, содер-

„Оплакивалъ я смерть моей Θоніи; но надежда на
„Ребенка, котораго она мнѣ оставила, смягчала страданія.
„О ужасъ! злополучная чума похищаетъ у меня и сына;
„Съ нимъ отлетѣло отъ меня всякое счастье.
„Внеми-же, Персефона, молитвѣ опечаленнаго отца у могилы,
„Вложи спящаго ребенка благосклонно въ руки матери“.

Всѣ изображенія на памятникахъ также трогательны и просты, какъ эта надпись, и другія, ей подобныя, нѣжно, глубоко и естественно прочувствованы. Тутъ нѣтъ ничего страшнаго, нѣтъ скелета, нѣтъ косы, нѣтъ песочныхъ часовъ или какихъ либо другихъ подобныхъ знаковъ возбуждающихъ въ посѣтителѣ страхъ могилы. Какъ на землѣ жили

мать съ дочерью, мужъ съ женою, родители съ дѣтьми, такъ они и здѣсь представлены вмѣстѣ: стоя или сидя, протягивая другъ другу руки. смотрятъ другъ на друга съ любовью и съ участіемъ, какъ бы въ обычной душевной бесѣдѣ... Камень увѣковѣчилъ ихъ жизнь, жизнь счастья и любви, которой они наслаждались, пока ихъ озарялъ свѣтъ божій. Съ такою-же любовью украшали могилу снаружи и внутри. Съ почившими укладывали въ гробъ все, что они болѣе всего любили въ жизни: можетъ быть понадобится и послѣ смерти; во всякомъ случаѣ имъ все это отдавали, какъ бы выражая этимъ увѣренность въ продолженіи этой жизни или другой. Въ гробъ клали лучшія украшения усопшихъ, утвари и сосуды, флаконы съ благовоннымъ масломъ, баночки съ мазями, какъ ихъ употребляли при жизни, посуду для фруктовъ, масла и вина, чаши для питья, особые сосуды для покойниковъ, могильные высокіе „лекиты“, т. е. кувшины, украшенные изображеніями, представляющими поминаловіе усопшихъ. Ихъ снабжали на путь пирожнымъ и питьями, часто даже только символически изъ глины или камня. Съ дѣтьми укладывали въ гробъ ихъ куклы, со взрослыми друзей и подругъ, разумѣется только въ символическихъ изображеніяхъ, въ фигуркахъ изъ глины, снятыхъ съ натуры. По крайней мѣрѣ этимъ объясняется присутствіе въ гробахъ прелестныхъ фигуръ, найденныхъ недавно въ Танагрѣ.

Все это должно было послужить усопшему, когда онъ воскреснетъ къ новой жизни. И дѣйствительно, древніе греки воскресли изъ гробовъ, но иначе, чѣмъ ожидали и полагали. Съ открытіемъ этихъ гробовъ началось возрожденіе греческой жизни для науки, для искусства. Благодаря обычаю класть въ гробы модныя вещи умершихъ, мы близко познакомились съ жизнью древнихъ грековъ; имъ мы обязаны безчисленными образцами прекраснаго, достоинства и значеніе которыхъ никогда не угаснетъ, точно такъ же какъ произведенія Гомера, Фидія или Платона.

Сосуды, ставившіеся въ гробницы (Лекиты).

Навзикая и Одиссей. (Одиссея VII. 427.)

CIRCUS MAXIMUS ВЪ РИМѢ.

(Въ первоначальномъ видѣ).

Ца́рство Пала́тинскій холмъ съ царскими дворцами, направо Авентинъ. На заднемъ планѣ Ала́банскіи возвышенности.

Украшения, найденныя Шлиманомъ при раскопкахъ Трои.

КНИГА III.

Искусство и литература.

I.

Искусство въ его культурно-историческомъ развитіи.

Въ

ГРЕЦИИ искусство имѣло также свой героическій вѣкъ, періодъ загадокъ и чудесъ, отдѣленный отъ ясной, строгой и точной исторіи греческаго искусства широкой пропастью темныхъ вѣковъ. Отъ одного къ другому нѣтъ перехода; тщетно наука стремилась отыскать связь, ихъ соединявшую. Когда грекъ пришелъ къ самосознанію, когда онъ началъ изслѣдовать свое прошлое и писать свою собственную исторію, тогда дорическій храмъ уже стоялъ тамъ вполне законченнымъ въ духѣ совершенно своеобразномъ, и произведенія героическаго вѣка въ обломкахъ остались непонятными или забытыми и навѣки погребенными въ нѣдрахъ земли.

Для насъ они, тѣмъ не менѣе, служатъ указаніемъ. Отчасти они и нынѣ еще въ томъ же положеніи, въ которомъ они были во время процвѣтанія греческой исторіи, отчасти они въ послѣднее время только вырыты изъ покрывавшей ихъ темной могилы. Они свидѣтельствуютъ, что когда-то въ Элладѣ въ сказочное, легендарное время или и еще раньше существовала культура, которая погибла въ переворотахъ героическаго вѣка. Водопроводы въ Орхоменѣ въ Віотіи, мощныя стѣны вокругъ царскаго жилища (прин. къ категоріи замка) въ Тиринѣ, въ Арголидѣ, названныя циклопическими, потому что предполагали, что ихъ должно быть соорудили гиганты, стѣнчатобразная, зрѣлообдуманная кладка стѣнъ въ Микенахъ, такъ называемыя сокровищницы, скорѣе надгробныя памятники, изъ кото-

рыхъ наиболѣе замѣчательна сокровищница Атрея, львиныя ворота въ Микенахъ и многія тому подобныя сооруженія доказываютъ, что греки обладали необыкновеннымъ навыкомъ и рѣдкой ловкостью въ этихъ дѣлахъ, что неограниченные владетелины безусловно распоряжались силою и дѣятельностью своихъ подданныхъ. Даже болѣе: онѣ указываютъ на нѣкоторое совершенство въ искусствѣ, на извѣстный даже характеръ искусства. Камнетесныя работы циклопическихъ стѣнъ конечно нужно считать первобытными, равно какъ и отдѣлку фигуры льва надъ вратами замка Агамемнона и сводъ сокровищницы построенной уступами, но первобытнымъ не можетъ считаться отдѣлка стѣнъ въ этой сокровищницѣ. Съ увѣренностью можно сказать, что стѣны эти были когда-то покрыты металлическими пластинками или дощечками и по всей вѣроятности наружныя части зданія, по крайней мѣрѣ орнаменты, были украшены въ этомъ же родѣ. Изъ пѣсень Гомера мы узнаемъ, что подобная отдѣлка была въ замкѣ Менелая и въ особенности блистательно сдѣлана во дворцѣ Алкиноя. Такимъ образомъ

оказывается, что въ то время этотъ родъ металлическаго украшенія былъ очень распространенъ въ архитектурѣ, насколько это позволяло богатство царственныхъ лицъ. Безъ сомнѣнія, Азія была колыбелью этого

Такъ называемая сокровищница Атрея. Разрѣзъ.

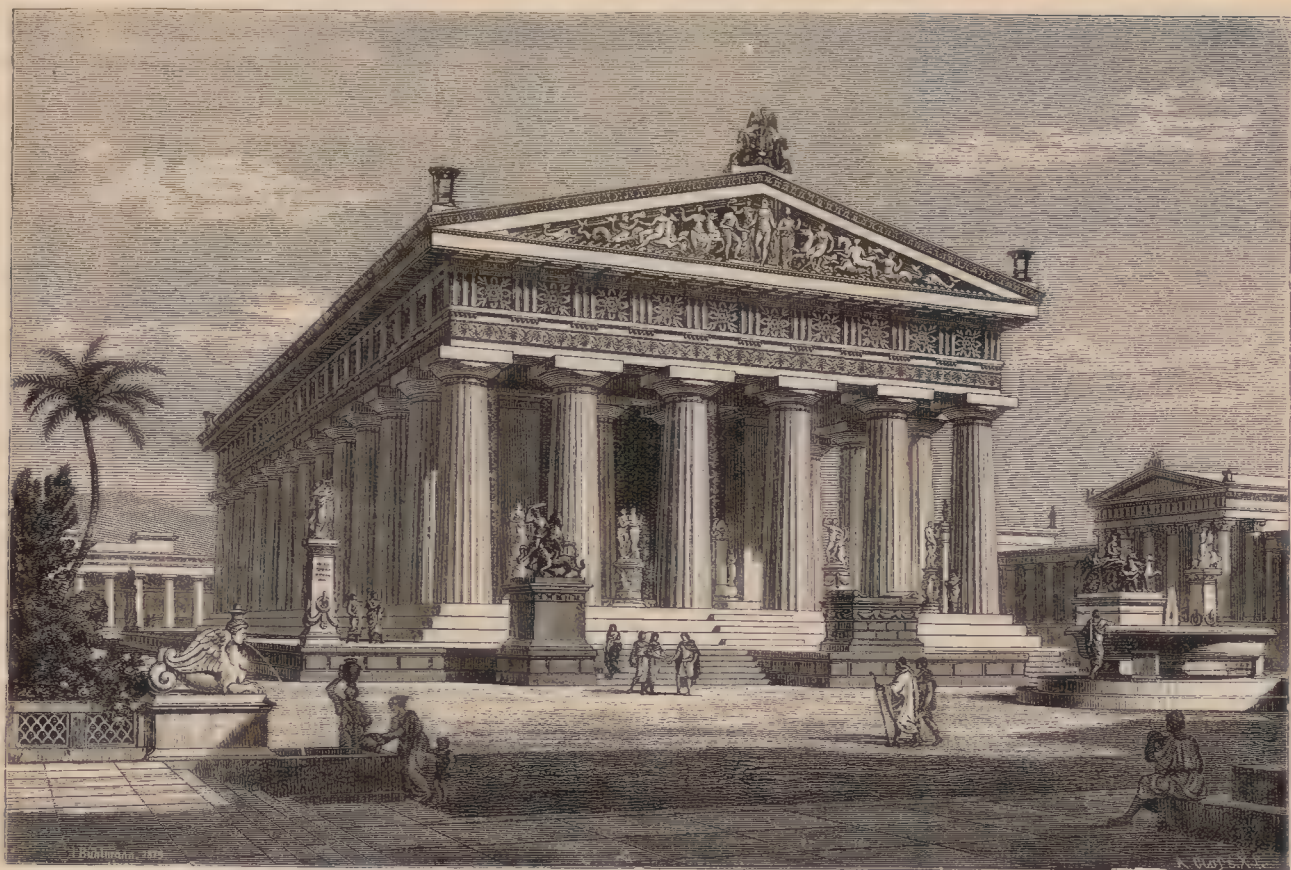
выбитыми молоткомъ и скрѣплявшимися заклепками; украшенія изъ благороднаго металла не врѣзывались, а накладывались и прикрѣплялись къ подкладкѣ. На закругленныхъ мѣстахъ металлическіе листы прибивались къ выдающейся части, какъ это мы даже позже видимъ на статуяхъ. Къ тому же заключенію можно было придти по древнимъ преданіямъ, но нынѣ мы можемъ въ этомъ убѣдиться по многочисленнымъ сокровищамъ искусства, добытымъ стараніями д-ра Шлимана изъ подземныхъ могилъ царей въ замкѣ Микенъ. Золотые и серебряные сосуды состоятъ изъ склепленныхъ между собой металлическихъ листовъ или пластинъ, украшенія составляютъ золотыя пластинки, прикрѣпленные къ подкладкѣ изъ простого металла на выдающихся и выступающихъ мѣстахъ всего орнамента. Даже обычай покрывать золотыми масками лица царственныхъ особъ можно объяснить, основываясь на широкомъ примѣненіи этого искусства. Обращаясь къ стилю орнаментовъ и украшеній, къ происхожденію розетокъ, лентъ, шлейфовъ и т. д., они намъ опять указываютъ на Азію, на родину Пелопидовъ въ Малой Азіи и даже дальше—на устья рѣкъ Евфрата и Тигра. Отыскивая слѣды этого искусства на греческой почвѣ, въ Элладѣ, не найдемъ даже самыхъ слабыхъ воспоминаній о нихъ, развѣ только ничтожныя указанія, что всѣ отрасли его въ незапамятныя времена вышли изъ одного источника.

стиля, такъ какъ тамъ вообще началась выдѣлка металлическихъ вещей.

Стѣны зданій изнутри, вѣроятно даже и колонны и стропилы покрывались первоначально металлическими пластинками.

За героическимъ вѣкомъ, даже послѣ Гомеровскаго, слѣдуетъ темное время, въ теченіе котораго, по сравненію съ Гомеровскимъ описаніемъ, культура и искусство скорѣе падали и исчезали, чѣмъ прогрессировали. Только въ вѣкѣ, предшествовавшемъ Персидскимъ войнамъ, эллинское искусство, т. е. коренное греческое искусство, начинаетъ какъ будто развиваться, чтобы послѣ этихъ войнъ съ невѣроятною быстротою достигнуть небывалой высоты. Периптеръ, храмъ, устройство котораго представляетъ на всѣхъ фасадахъ рядъ колоннъ, удаленный отъ главной стѣнки, въ шестомъ вѣкѣ уже представлялъ собою совершенно опредѣлившійся типъ строенія, но онъ такъ внезапно выступаетъ изъ мрака, какъ будто ему ничего не предшествовало. Въ то время какъ остатки искусства ваянія этого періода напоминаютъ Дедаловское несовершенство, а современные

Храмъ Посейдона въ Пестумѣ
въ первоначальномъ видѣ.

изображенія на вазахъ или тому подобныя рисованія показываютъ едва только начатки искусства, храмы на колоннахъ въ Селинунтѣ, Агригентѣ, Пестумѣ, принадлежащіе этой эпохѣ, обнаруживаютъ полнѣйшее развитіе его, которое можно было превзойти только еще красотою деталей.

Но храмъ этотъ по своему совершенству и оконченности не представляется произведеніемъ внезапно и быстро созданнымъ ни по общему очертанію, ни по стилю искусства. Хотя и нѣтъ указаній, по которымъ можно бы было прослѣдить въ общемъ его постепенное сооруженіе, но характеръ отдѣльныхъ его частей и украшеній могутъ намъ разяснить его исторію. Ядро храма составляетъ святилище, въ которомъ находится изображеніе какого либо бога. Храмъ строился не для бога, а для изображенія

его, которое первоначально находилось подъ открытымъ небомъ, въ освященной мѣстности *), въ священной рощѣ, въ священномъ деревѣ. Для защиты самого храма строили четыре стѣны съ крышею. Для расширенія святилища, а можетъ быть и для удобства торжественнаго шествія кругомъ, или же, наконецъ, для какой либо другой потребности богослуженія иногда увеличивали размѣръ крыши, и дѣлали навѣсъ, поддерживаемый рядомъ колоннъ. Впрочемъ можетъ быть на переднемъ фасадѣ боковыя стѣны выступали вмѣстѣ съ крышею, опиравшейся на нѣсколько колоннъ; такимъ образомъ образовывалась паперть, или предхрамье. Такого вида храмы, называемые *in antis*, встрѣчаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Такимъ же порядкомъ надстраивался и задній фасадъ, наконецъ и боковыя. Это представленіе постепеннаго расширенія храма имѣетъ нѣкоторое основаніе, хотя оно весьма шатко и свѣта и воздуха, наконецъ сами колонны и различныя отдѣльныя части крыши указываютъ, что эти постройки сначала возводились изъ дерева. Едва-ли можно сомнѣваться, что эти приемы отъ деревянныхъ построекъ перенесены были и на каменные сооруженія. Позднѣйшій греческій храмъ, можетъ быть, и напоминаетъ деревянныя постройки древнѣйшихъ временъ, но во всякомъ случаѣ онъ построенъ не по образцу послѣднихъ. Онъ является исключительно каменною постройкою. Все, что осталось отъ

Пропилеи въ Аѣинахъ
въ первоначальномъ видѣ.

сомнительно. Можетъ быть было и наоборотъ, т. е. что скромная потребность побудила построить незатѣйливое святилище внутри колоннады.

Но допустимъ, что таковы были ходъ развитія архитектуры храмовъ; этимъ, однако, не объясняются подробности или детали ея и орнаментовъ, равно какъ и характеръ стиля. Нѣкоторыя части греческаго храма, какъ-то: архитравы, балки, лежащія непосредственно надъ капителями колоннъ, надъ ними триглыфы, выступы поперечныхъ балокъ, метопы, пролеты между триглыфами, имѣвшіе первоначально цѣлью облегчить проходъ для

*) То, что называется *тѣменосъ*.

деревянныхъ сооружеій или отъ позднѣйшаго періода металлической обшивки, давно безусловно преобразовалось въ орнаментъ.

Но и это далеко не все объясняетъ. Откуда же произошло различіе въ колоннахъ, это индивидуальное различіе въ капителяхъ, въ кладкѣ балокъ и во многихъ другихъ деталяхъ? Оно не объясняется необходимостью и на греческой почвѣ раньше не встрѣчается, а является только тогда, когда храмъ уже въ законченномъ видѣ представляется глазамъ. Въ Азіи такая архитектура явилась спроста, какъ оторванные остатки культуры незапамятныхъ временъ, погибшей во время тѣхъ громаднѣхъ переворотовъ и потрясеній, которыя такъ часто волновали Западную Азію отъ рѣки Тигра до Геллеспонта. Греческая культура ими овладѣла, процвѣтая въ колоніяхъ по берегу Малой Азіи. Воспріимчивый духъ эллиновъ высматривалъ, выбиралъ, выдѣлялъ все, что ему казалось пригоднымъ, и создалъ новыя, уже чисто-эллинскія произведенія, отличающіяся безупречною гармоніею и высшимъ совершенствомъ, подобныхъ какимъ до сихъ поръ не было.

Такимъ образомъ одновременно возникли въ построеніи храмовъ два стиля греческаго искусства: дорическій и іоническій, хотя и различныя, но сродныя дѣтища одного и того же творческаго духа эллиновъ. Въ основаніи и построеніи храма не было различія. На каменныхъ террасахъ, высокими уступами образующихъ нижнюю часть постройки, покоился посвященный какому либо божеству храмъ, какъ-бы отдѣляясь отъ земной скверны. На серединѣ высокой каменной площади выдвигалось собственно святилище, назначавшееся для статуи божества. Святилище это состояло изъ четырехъ глухихъ стѣнъ, окруженныхъ рядомъ выемчатыхъ или снабженныхъ канелюрами колоннъ, образующихъ широкій крытый ходъ вокругъ всего зданія. На капителяхъ покоится антаблемакъ, состоящій изъ архитрава или эпистилия, надъ нимъ фризъ и наконецъ широкій карнизъ съ роскошнымъ симсомъ, по которому сбѣгаетъ сильно покатая крыша. На передней и задней сторонѣ зданія крыша образуетъ треугольники, на углахъ которыхъ ставятся акротеріи, пластическія украшенія скульптурной работы, высоко выдающіяся. На передней сторонѣ широкая дверь открывала входъ во внутренность, освѣщенную черезъ большое отверстіе въ крышѣ. Когда не было священнодѣйствія, это отверстіе, называвшееся гипайтрономъ (подъ открытымъ небомъ), или престоломъ божества *) закрывалось досчатою настилкою. Внутренность занимало или одно помѣщеніе со статуею божества въ углубленіи, или же часть отдѣлялась для сокровищницы, для хранилища сокровищъ и богатствъ храма. Если храмъ былъ очень обширныхъ размѣровъ, — что греки, замѣтимъ, очень любили, и города Эллады въ этомъ соперничали, — то внутренность раздѣлялась на три части двумя продольными рядами колоннъ. Такъ какъ эти внутреннія колонны по своимъ размѣрамъ не доходили до стропиль крыши, то подъ архитравами, непосредственно надъ ними лежащими, ставился другой рядъ колоннъ, образующихъ галерею. Таковы были храмъ Посейдона въ Пестумѣ и Парѳенонъ. Потолокъ какъ внутренняго зданія, такъ и колоннады былъ раздѣленъ на четырехугольныя кверху суживающіяся клѣтки, что ясно указываетъ на происхожденіе этого орнамента отъ крестообразной кладки балокъ.

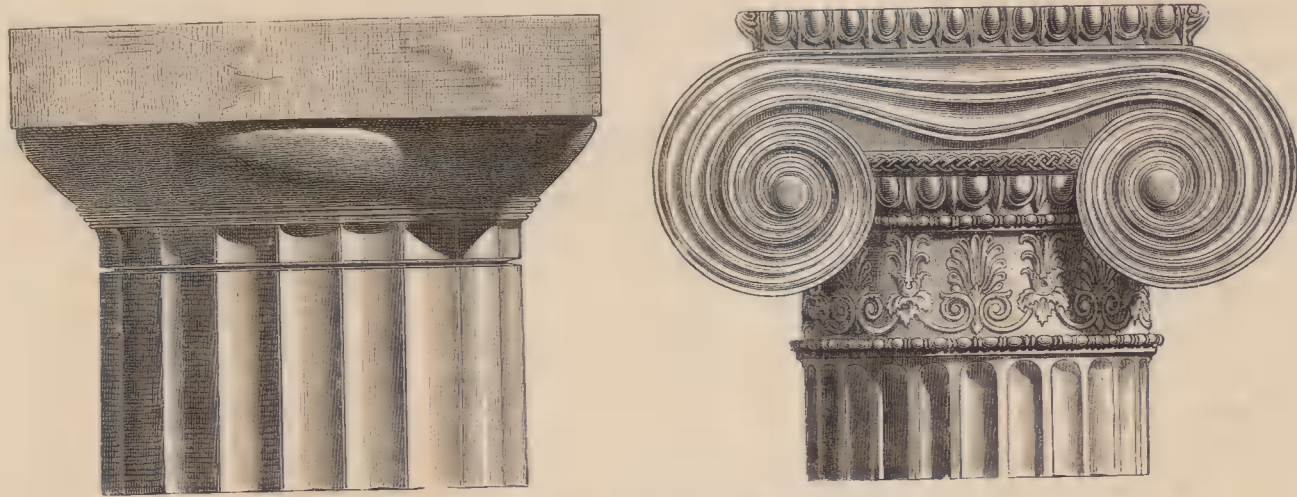
Все внутри и снаружи, колонны и балки, потолокъ и фронтоны были выкрашены яркими цвѣтами. И это украшеніе перешло отъ древнѣйшаго азіатскаго искусства, облагороженнаго греками, и нельзя сказать, чтобы оно теченіемъ времени уменьшилось. По крайней мѣрѣ, пока строительное искусство постоянно усовершенствовалось, достигая высшаго развитія во время Перикла, раскрашиваніе возрастало въ яркости и роскоши

*) Отъ того-то и у латинскихъ поэтовъ, напримѣръ у Виргилія, встрѣчается выраженіе: „Sub divo“ — подъ божествомъ, подъ Зевсомъ, подъ открытымъ небомъ. (Прим. перев.).

красокъ. Цвѣта синій и красный, зеленый и золото покрываютъ все строеніе, украшаютъ отдѣльныя части и орнаменты, ярко отличая ихъ другъ отъ друга, и придаютъ всему храму веселый видъ, соотвѣтственно изобилію цвѣтовъ и свѣта, которыми его окружаютъ небесный сводъ, воздухъ и земля. Даже когда въ пятомъ столѣтіи бѣлый мраморъ замѣнилъ обыкновенный строительный камень, этотъ обычай не измѣнился. Мраморъ, самъ по себѣ драгоценный строительный матеріалъ, оказался еще болѣе удобнымъ для непосредственнаго наведенія красокъ. Такимъ образомъ штукатурка сдѣлалась излишнею, прозрачныя лазуревыя цвѣта на мраморѣ казались еще гляцивитѣе.

Подобное раскрашиванье обще какъ дорическимъ, такъ и іоническимъ храмамъ. Величественность и солидность формъ, такъ сказать, болѣшая серьезность составляла различіе дорическихъ храмовъ отъ іоническихъ, отличавшихся болѣею легкостью, стройностью, граціею и миловидностью. Соотвѣтственно различію общаго характера обоихъ племенъ, выразившемуся въ ихъ постройкахъ, эти два стиля получили свои названія. Стройность и изящность іонической колонны выигрываетъ еще и оттого, что она со

Дорическая и іоническая капители.

своими выемками или канеллюрами не начинается, подобно дорической, непосредственно отъ земли, а поκειται на составномъ фундаментѣ такъ называемой аттической формы (аттикѣ), состоящемъ изъ двухъ подушекъ (выпуклостей) съ выемкою (канеллюрою) между ними. На этомъ фундаментѣ съ болѣе глубокими канеллюрами и съ капителю, украшенною загнутыми спиралью подушками, іоническая колонна, вѣроятно также ярче выкрашенная, представляетъ болѣе веселый видъ, чѣмъ дорическая съ ея полукруглымъ фризомъ. Та же разница является и въ кладкѣ балокъ: архитравъ состоитъ изъ трехъ выступающихъ нѣсколько одна передъ другою частей; замѣнь же триглифовъ и метоповъ является фризь скульптурной работы. Даже карнизъ крыши представлялъ различныя особенности какъ въ формѣ, такъ и въ окраскѣ. Во всѣхъ греческихъ государствахъ были-ли онѣ дорическаго или іоническаго происхожденія, оба стиля употреблялись одинаково часто, однако такъ, что на Востокѣ, въ особенности въ Малой Азіи, преобладалъ іоническій стиль, а собственно въ Греціи и въ западныхъ колоніяхъ въ южной Италіи и Сициліи предпочитался дорическій стиль. Въ Атикѣ сталкивались оба стиля и здѣсь въ Аѣинахъ оба одновременно достигли высшей красоты, высшаго совершенства. Это было въ то время, когда Перикль управлялъ государствомъ. Послѣ Персидскихъ войнъ аѣиняне стали во главѣ умственнаго развитія Эллады и вообще болѣею частью во всемъ первенствовали. Побѣды придали имъ особенную силу; торговля и промышленность обогатили ихъ, государственная казна наполнилась взносами союзниковъ, денегъ было тамъ въ изобиліи. Со всѣхъ сторонъ стекались иностранцы къ центру

власти и культуры, всё, кто только хотѣлъ пожить съ комфортомъ, всё, кто искалъ возможности извлечь пользу изъ своихъ познаній, своихъ способностей и своей ловкости. Тамъ собирались ученые, писатели, поэты и гениальные художники, какихъ когда либо видѣлъ свѣтъ. Ихъ радушно встрѣчалъ Перикль, сочувствовавшій всему высокому и прекрасному и умѣвшій воспользоваться всѣми этими познаніями и талантами во славу своего отечества, для украшенія своей родины.

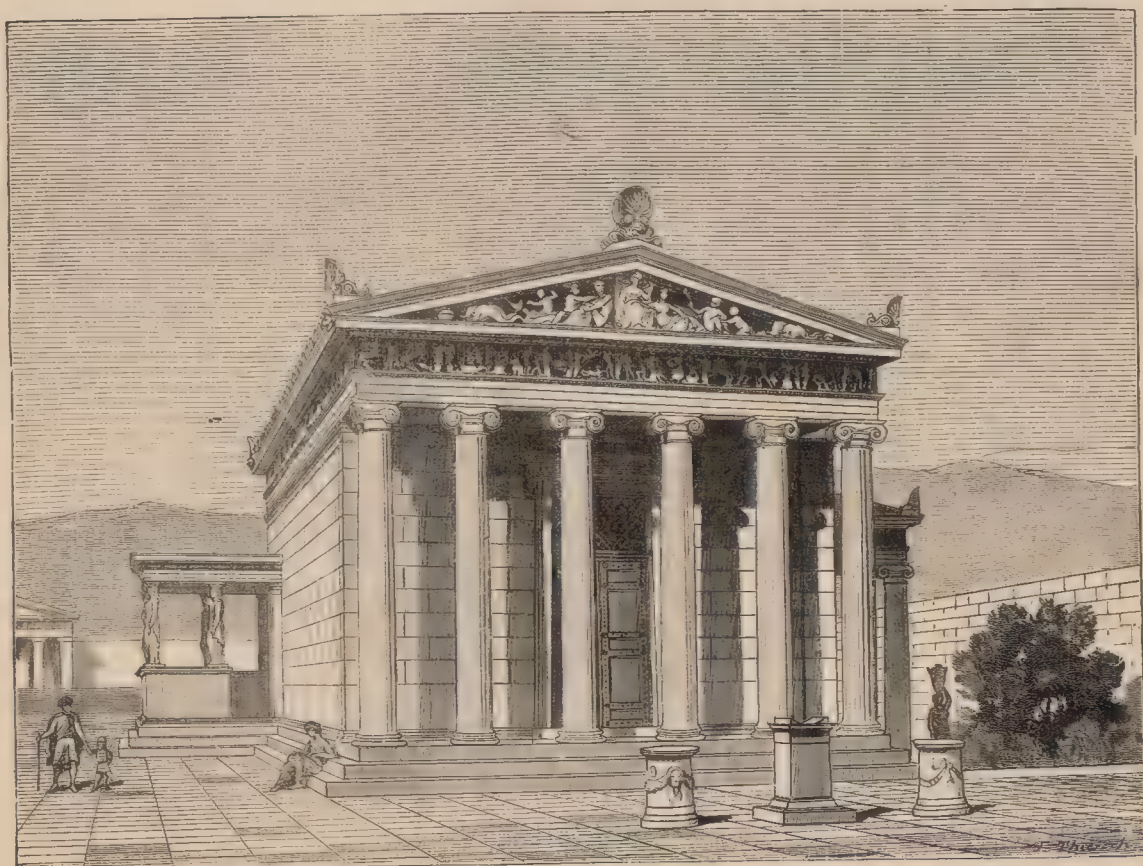
Въ то время храмы страны болѣею частью представляли развалины, будучи разрушены персами. Думали только о спасеніи отечества, объ укрѣпленіи города, о возведеніи высокихъ стѣнъ и тому подобныхъ дѣлахъ. Благодаря стараніямъ Перикла, храмы во всѣхъ мѣстахъ были вновь сооружены и городъ украсился общественными зданіями. Аѣины превосходили всё остальные города и наружнымъ блескомъ, какъ достойная столица всей страны. Мѣстомъ для своей дѣятельности Перикль избралъ Акрополь, священное сѣдалище боговъ - покровителей страны, Аѣины Паллады и Посейдона, сдѣлавшееся излишнимъ въ качествѣ укрѣпленнаго мѣста. Изъ него онъ хотѣлъ создать мѣстопробываніе всѣхъ боговъ, гордость Аѣинъ со своими храмами и изображеніями боговъ, царившими надъ сушею и моремъ. При содѣйствіи своего друга Фидія, Перикль создалъ изъ Акрополя обширнѣйшее строеніе, въ которомъ отдѣльныя зданія являлись только частями цѣлаго (какъ показываетъ нашъ чертежъ, представляющій впрочемъ Акрополь въ возобновленномъ видѣ). Давно начатая постройка Эрехтейона, этого народнаго святилища, этого храма всѣхъ боговъ страны, усердно продолжалась и была наконецъ окончена. На мѣстѣ древняго храма Аѣины архитекторъ Иктинъ построилъ громаднѣйшій Парѣнонъ, а гениальный Фидій украсилъ его безчисленными произведеніями скульптуры такого совершенства, такой краски, какихъ только могло создать пластическое искусство. Съ единственной стороны, съ которой крѣпость была доступна, была устроена широкая мраморная лѣстница, на верху которой черезъ роскошную колоннаду вель ходъ въ святилище. То были Пропилеи, обширный великолѣпный портикъ, построенный архитекторомъ Мнезикломъ. Остатки всѣхъ этихъ построекъ, сохранившіеся до нашихъ временъ, вполне достаточны, чтобы въ умѣ и на рисунокъ возсоздать эти дивныя творенія греческаго искусства, что и имѣетъ цѣлью наша книга.

Оба стили, дорическій и іоническій, примѣнены къ этимъ сооруженіямъ Пе-

Кариатида съ Эрехтейона.

Эрехтейонъ
въ первоначальномъ видѣ.

рикля и его друзей-художниковъ. Пареонъ—чисто дорическая постройка: мощный периптеръ въ сто футовъ ширины и въ двѣсти двадцать шесть футовъ длины, съ замѣчательною по своему стилю пропорціональностью во всѣхъ частяхъ въ сравненіи съ храмами южной Италии и Сициліи. Внутренность его раздѣлена на три части двумя рядами двухъярусныхъ колоннъ и еще съ поперечною перегородкою. Передняя бѣльшая половина съ изображеніемъ богини, знаменитою статуею Фидіа, была назначена собственно для торжествъ и празднествъ; задняя половина служила государственною сокровищницею. Вокругъ наружной стороны стѣнъ Пареонскаго святилища тянулся безъ перерыва фризъ съ изображеніями Панаѳинейскаго торжества; метопы, равно какъ и фронтоны, были украшены рельефами; все это было работы Фидіа, его учениковъ и сотрудниковъ. Эрехтейонъ, напротивъ, былъ іоническаго стиля (какъ показываетъ нашъ рисунокъ). Іоническія колоннады его портиковъ были неправильно размѣщены по причинѣ неровности грунта. Небольшой боковой портикъ канефоръ, вмѣсто колоннъ, покоился на каріатидахъ, т. е. женскихъ статуяхъ, изображающихъ носильницъ корзины, наполненныхъ священной утварью во время торжественныхъ шествій празднества Панаѳинеевъ. Оба стиля были соединены въ великолѣпномъ зданіи Пропилеевъ: у самаго подъема былъ рядъ дорическихъ колоннъ, затѣмъ обширный портикъ изъ іоническихъ колоннъ, наконецъ, у выхода опять дорическая колоннада.

То было время великихъ сооруженій въ Аѳинахъ. Вмѣстѣ съ архитектурою процвѣтали и другія искусства, не было ремесла, которое оставалось бы безъ примѣненія. Послѣдовавшія Пелопонескія войны и безпорядочность демократическаго правительства совсѣмъ не благопріятствовали искусствамъ. Дальнѣйшее развитіе строительнаго искусства остановилось въ Аѳинахъ, но въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ строили не менѣе прежняго. Это было какое-то долго длившееся соперничество въ дѣлѣ украшенія городовъ.

Ифигенія въ Тавридѣ.

и странъ храмами и памятниками, публичными и общественными зданіями и портиками, тѣнистыми колоннадами для прогулокъ, гимназіями и судилищами. Въ особенности рынокъ, „агора“ и окружающія его мѣста возбуждали самолюбіе и гордость городовъ и поощряли къ постройкамъ, но это усердіе не породило ничего новаго въ дѣлѣ архитектуры. Правда, архитекторъ Каллимахъ изобрѣлъ, какъ говорятъ, новую капитель, роскошно украшенную акантовыми листьями, для различія названную коринескою. Въ сущности эта капитель составляла не болѣе, какъ видоизмѣненіе іоническаго стиля. Только римляне возвели эту капитель на степень особаго „подраздѣленія“. Вообще они, присоединя къ основнымъ элементамъ греческаго строительнаго искусства своды и куполы, вызвали архитектуру къ новой жизни, дали ей новое направленіе, новыя стремленія.

Изъ всѣхъ искусствъ архитектура первая достигла въ Греціи полного совершенства. Медленно слѣдовала за нею, насколько намъ извѣстно, живопись. Мы говоримъ, насколько намъ извѣстно, потому что о всемъ времени ея развитія, о всемъ времени процвѣтанія живописи до тѣхъ поръ, пока она, долго уже послѣ смерти великихъ художниковъ, поступила подъ покровительство римлянъ, никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Обо всѣхъ произведеніяхъ Полигнота, Зевксиса, Апеллеса и другихъ великихъ художниковъ мы узнали единственно изъ рассказовъ писателей. Неимовѣрная цѣна, которая платилась за ихъ произведенія и которою выразилось ихъ значеніе и вліяніе, даетъ намъ основаніе предположить, что они достигли большого совершенства, но не позволяетъ сдѣлать никакого представленія или сужденія объ нихъ. Можно, пожалуй, заднимъ числомъ сдѣлать объ нихъ заключеніе по декоративной живописи времени римскихъ императоровъ, сохранившейся въ Римѣ, Геркуланумѣ и Помпеѣ. Но заключеніе это можетъ быть ошибочнымъ, ибо рядомъ съ небрежною работою второстепенныхъ художниковъ стоятъ труды величайшихъ мастеровъ.

Существуетъ, однако, чисто греческая живопись, именно рисунки на вазахъ, существовавшая во все время развитія искусствъ въ Элладѣ. Благодаря обычаю грековъ и этрусковъ укладывать въ могилы вмѣстѣ съ умершими разрисованные глиняные сосуды всевозможныхъ родовъ, сохранились для насъ тысячи ихъ, и хотя большая часть изъ нихъ найдена въ Италіи, тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что они греческаго, въ особенности аѳинскаго и коринескаго происхожденія. Эти глиняные сосуды, украшенные, болѣею частью, изображеніями лицъ, даютъ, нѣкоторымъ образомъ, возможность прослѣдить ходъ развитія этого искусства съ самаго начала до времени его возрожденія послѣ Александра Великаго. Производствомъ этихъ рисунковъ занимались художники-ремесленники, а не мастера живописи, что назыв. *ex-professo*. Разрисовываніе вазъ представляло искусство, ограниченное тѣсными рамками, искусство декоративное, имѣвшее опредѣленныя формы и краски и не шедшее дальше двуцвѣтныхъ силуэтовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается нѣсколько цвѣтовъ, они являются только въ качествѣ дополнительныхъ контуровъ. Всѣ находки и открытія древнѣйшихъ временъ, включая троянскія и микенскія раскопки Шлимана и кипрскія Чеснолы (изображеніе см. на стр. 13) представляютъ обожженные, разрисованные глиняные сосуды. Линейныя украшенія во всѣхъ ихъ разновидностяхъ и богатыхъ сочетаніяхъ тѣже, какія мы находимъ на кельтскихъ и германскихъ надгробныхъ урнахъ. Греческіе рисунки указываютъ однако съ самаго начала на дѣятельность ума, создавшаго въ позднѣйшее время необыкновенно тонкія, удивительныя по формѣ произведенія. Трудно рѣшить, когда гончарное ремесло грековъ вышло изъ своего первобытнаго состоянія, равно какъ вообще нельзя съ увѣренностью опредѣлить время появленія того или другаго стиля, послѣдовательность ихъ возникновенія или ихъ одновременнаго существованія. Ближайшая эпоха показываетъ намъ сосуды изъ свѣтлой глины съ изображеніями

Вазы.

1) старого стиля, 2) афинская, съ бѣлымъ фономъ, для гробницъ, 3) стиля время процвѣтанія, 4) среднего стиля

животныхъ или людей краснаго и темно-коричневаго цвѣта, поясами окружающими сосудъ одно надъ другимъ. Животныя, отчасти дикія, отчасти фантастическія; общій характеръ ихъ восточный, почему этотъ разрядъ вообще и называется „азиатскимъ“. Только съ третьяго разряда, представителями котораго служатъ вазы съ черными фигурами на красномъ фонѣ, начинается собственно греческій стиль. На нихъ уже животныхъ нѣтъ, и украшенія принимаютъ яснѣе выраженный греческій характеръ. Этотъ стиль представляетъ нѣсколько разновидностей: или весь фонъ здѣсь красный, или-же (какъ переходъ къ слѣдующему стилю) большая часть фона черная, а спереди и сзади оставлены красныя поля. Черныя фигуры представляютъ только силуэты; руки и ноги крайне неудовлетворительно сдѣланы, только позы болѣе или менѣе жизненны. Тѣмъ не менѣе, эти сосуды должны быть отнесены къ тому времени, когда постройка храмовъ, пожалуй, не достигла еще высшей художественности, но во всякомъ случаѣ по отношенію къ общей формѣ давно уже находилась на извѣстной степени совершенства.

Слѣдующій періодъ, представляющій вазы съ красными фигурами на черномъ фонѣ, принадлежитъ времени высшаго процвѣтанія греческаго искусства. Эти вазы по формѣ замѣчательно изящны и работы необыкновенно отчетливой; онѣ покрыты чернымъ блестящимъ лакомъ высшей тонкости и прочности; красныя фигуры испещрены полосами и по нимъ проведены контуры, придающіе имъ жизнь и выраженіе. Вообще вся разрисовка благороднѣе, утонченнѣе, безупречнѣе и указываетъ, что искусство живописи по отношенію къ рисованію достигло уже во время оно нѣкотораго совершенства. Рядомъ съ этими вазами встрѣчаются другія, очень красивыя по формѣ афинскія вазы, съ бѣлымъ фономъ, но бѣлый фонъ и выступающія на немъ фигуры разныхъ цвѣтовъ очень непрочны сдѣланы. Это время высшаго процвѣтанія искусства разрисовыванія вазъ. Послѣ этого хотя и замѣтно дальнѣйшее развитіе, но уже обнаруживаются нѣкоторыя недостатки, указывающіе на ослабленіе и обыкновенно предшествующіе упадку и

исчезновенію. Ваза принимает колоссальные размѣры, получаетъ характеръ какой-то чопорности, дотолѣ скромная кисть наноситъ нѣсколько новыхъ красокъ; вообще все, даже золото обнаруживаетъ стремленіе къ наружному богатству и бьетъ на эффектъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, самая выдѣлка непрочна, лакъ менѣе ровень и блестящъ, нанесеніе красокъ небрежно, общее впечатлѣніе отъ нихъ уже не то; въ нихъ нѣтъ уже той тонкости, той тщательности отдѣлки, той изысканности формъ, которыми отличался предъидущій періодъ. Живопись стремится къ болѣе постояннымъ сюжетамъ, охотно вводитъ въ середину рисунка храмъ, памятникъ или другое какое-либо зданіе, около которыхъ группируются фигурки, однако группы, которыя должны были-бы стоять одна за другою, все еще ставятся одна надъ другою.

Итакъ эта послѣдняя ступень разрисовки вазъ, современная знаменитому живописцу Апеллесу, имѣетъ еще столько недостатковъ, такъ безконечно далека отъ совершенства, что не можетъ претендовать на названіе свободного искусства. Какъ бы ни была прелестна греческая ваза какъ сосудъ, какъ утварь по красотѣ и роскоши стиля, по формѣ и краскамъ, какая бы въ нихъ ни проявлялась общая гармонія и пропорціональность. Но рисунки на ней крайне неудовлетворительны въ смыслѣ изображенія дѣйствительной жизни грековъ. Онѣ даютъ только смутное представленіе объ этой жизни. Хотя въ этихъ рисункахъ намъ часто нравятся прекрасные контуры, прелесть фигуръ и ихъ позъ, но въ нихъ нѣтъ пластичности, нѣтъ выраженія, нѣтъ, слѣдовательно, ни физической, ни духовной жизни. Эта живость, несмотря на блескъ колорита, все-таки является не болѣе, какъ раскраскою, наполненіемъ контуровъ краскою, которая даже не соответствуетъ природному цвѣту предмета. О свѣтѣ и его дѣйствіи, о главной тѣни, о падающихъ тѣняхъ, о тонкихъ полутѣняхъ и оттѣнкахъ еще и помину нѣтъ. Если о точномъ воспроизведеніи явленій природы не могло быть и рѣчи, тѣмъ менѣе можно было ожидать, чтобы были выполнены высшія условія живописи. Тамъ нѣтъ артистическаго ансамбля, нѣтъ воздушной перспективы, нѣтъ единства и законченности освѣщенія, нѣтъ рельефности, достигаемой различными сочетаніями оттѣнковъ, нѣтъ взаимодѣйствія тона красокъ, нѣтъ сопоставленія ихъ для общей гармоніи, для восхитительнаго колористическаго единства.

Достигла-ли греческая живопись, свободное искусство великихъ мастеровъ, высшихъ ступеней? Поднялась-ли она до вполне тождественнаго воспроизведенія природы, возвысилась-ли она на степень искусства, для котораго свѣтъ и краски являются волшебными средствами? На эти вопросы приходится отвѣчать утвердительно, если судить по впечатлѣнію, которое производили ихъ картины. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ указанныхъ ступеней и условій были ею достигнуты. Мы не можемъ опредѣлить, на сколько она не достигла высшей ступени искусства, но во всякомъ случаѣ греческая живопись была искусствомъ вполне свободнымъ, далеко оставляющимъ за собой египетскую живопись, которая вращалась въ самыхъ тѣсныхъ границахъ, какъ по роду произведеній, такъ и по степени совершенства. А между прочимъ начало ея развитія было то же самое, и къ тому же въ сравнительно позднѣйшее время. И она началась съ рисованія силуэтовъ. Весьма не задолго до Персидскихъ войнъ Эвмаръ впервые сталъ въ своихъ изображеніяхъ различать женщинъ и мужчинъ, и Кимонъ Клеонскій началъ ставить правильно профиль головы и рисовать поднятые и опущенные глаза. За ними слѣдовалъ Полигнотъ, первый великій живописецъ, современникъ и протѣже аѳинскаго полководца Кимона. Его дѣятельность процвѣтала (съ 475 до 455 г. до Р. Х.), слѣдовательно до временъ Перикла и Фидія. Онъ былъ художникъ, обладавшій силою духа и таланта и уже владѣвшій весьма опредѣленнымъ стилемъ; онъ рисовалъ на стѣнахъ общественныхъ зданій картины гомерическаго, мифологическаго и историческаго содержанія. Его произведенія украшали прежде всего въ Аѳинахъ картинную галерею, названную по

его картинамъ *στοὰ ποικίλη*, т. е. испещренная, или исписанная колоннада, затѣмъ храмъ Тезея, пинаотеку Пропилеевъ, составлявшую боковой флигель, потомъ разныя зданія въ Оэспіи и Платеѣ и, наконецъ, сборное мѣсто книдійцевъ, въ Дельфахъ (такъ наз. *λέσχη*). Безъ тѣней и освѣщенія и съ незначительной туповкой, онъ стремился, однако, къ близости къ природѣ, и даже въ своихъ историческихъ картинахъ старался создать сходство лицъ. Имъ, говорятъ, изображены рыбы адской рѣки Ахерона, кремнистое дно которой какъ-бы просвѣчиваетъ черезъ воду, и „Поликсена“, взглядъ которой такъ выразителенъ, что вся Троянская война будто отражается въ ея глазахъ. Въ своихъ группахъ онъ главныхъ лицъ выставлалъ впередъ, но ставилъ ихъ къ одноцвѣтной стѣнѣ, безъ всякаго фона.

Что касается задняго фона, то въ этомъ отношеніи усовершенствованіе обязано своимъ происхожденіемъ театру. На аттической сценѣ тогда уже ставились разрисованныя декорации съ заднимъ планомъ. Аполлодоръ ввелъ картинную живопись, которую съ тѣхъ поръ стали предпочитать стѣнной. Правда, его задній планъ былъ еще очень скромный: только немногія черты, едва отличавшіяся отъ одноцвѣтной стѣны, подавали мысль о какомъ-либо строеніи или ландшафтѣ на заднемъ планѣ. Этотъ-же художникъ впервые ввелъ сліяніе цвѣтовъ и давалъ своимъ изображеніямъ освѣщеніе и тѣни, вслѣдствіе чего онъ и былъ названъ „Скиографомъ“, т. е. писателемъ тѣней.

Вотъ до какой степени развитія живопись была доведена въ Аѣинахъ къ временамъ Перикла. Она, правда, получила новое направленіе, но только что на него вступила. Дальнѣйшіе успѣхи этого искусства уже не принадлежатъ Аѣинамъ, потерявшимъ послѣ Пелопонесскихъ войнъ вмѣстѣ съ гегемоніей первенство и въ этомъ отношеніи. Другія школы искусствъ, въ особенности Іоническая и Сикіонская, были въ этомъ отношеніи руководителями. Къ іонической школѣ принадлежатъ: Зевксисъ, Парразій и Тиманеъ, которые стремились придать своимъ произведеніямъ возможно большую натуральность и естественную непринужденность. Зевксисъ нарисовалъ кисть винограда, привлекавшую птицъ, Парразій изобразилъ занавѣсъ, введеній въ заблужденіе самого Зевксиса. Эти живописцы, благодаря которымъ рисовальное искусство сдѣлалось общеприимнымъ, имѣли блестящее матеріальное обезпеченіе. Они не только стремились изобразить дѣйствительность, но желали придать всему видъ прелести. Дѣйствительность они изображали не только въ смыслѣ тѣлесномъ, но и въ смыслѣ умственномъ, отвлеченномъ и достигали этого посредствомъ выразительности цѣлаго. Такъ, Парразій представлялъ Одиссея, какъ онъ притворяется сумасшедшимъ, или же Демоса, какъ олицетвореніе демократіи, съ выраженіемъ всѣхъ смѣшанныхъ качествъ ея элементовъ. Тиманеъ, въ своей знаменитѣйшей картинѣ „Жертвоприношеніе Ифигеніи“, нарисовалъ всѣ степени душевной скорби, и такъ какъ онъ для отца не находилъ достаточно сильнаго выраженія скорби, то онъ закрылъ его лице покрываломъ. Зевксисъ до такой степени развилъ и усовершенствовалъ сочетаніе тѣней, что древними онъ собственно считается основателемъ живописи.

Сикіонская школа имѣетъ другую заслугу. Она была школою въ строгомъ смыслѣ этого слова: она воспитывала учениковъ. Теорія, техника и правильность были у нея главными руководителями. На помощь искусству она привлекла науку, математику, тщательно изучала природу, и такимъ образомъ придала искусству академическое направленіе. Изъ нея возникла до сихъ поръ еще по существу своему точно неизвѣстная энкаустика, которая впервые дала идею миниатюрной живописи. Первымъ мастеромъ въ этой отрасли живописи былъ Павзій. Онъ нарисовалъ Мету, богиню пьянства; онъ изобразилъ ее пьющею изъ стеклянной чаши, черезъ которую видно ея лицо; онъ написалъ также быка и такимъ образомъ, что поставленный въ глубину, онъ издали казался видимымъ впереди картины. Но всѣхъ этихъ и другихъ живописцевъ превосхо-

диль Апеллесъ, современникъ и придворный живописецъ Александра Великаго. Родомъ іоніецъ изъ Малой Азіи, онъ окончилъ свое образованіе въ Сикіонѣ и соединилъ такимъ образомъ развязанность и прелесть одной школы съ строгою правильностью и серьезнымъ направленіемъ другой. Александръ Великій только одному ему позволялъ съ себя рисовать, потому что никто, кромѣ него, не умѣлъ придать некрасивой головѣ великаго царя выраженіе умственного величія. Апеллесъ также рисовалъ полководцевъ Александра, его возлюбленную Кампаспу и дѣла. Но высшая сила Апеллеса выражалась не въ его портретахъ, не въ историческихъ картинахъ, а въ мифологическихъ темахъ, и, всего больше, въ изображеніи красоты. Онъ не любилъ многофигурныхъ изображеній, а отдѣльныя фигуры онъ исполнялъ съ совершеннѣйшею естественностью, съ необычайною увѣренностью, съ величайшею легкостью. Его твердая рука не знала боязливости. Въ выраженіи возвышенной прелести, съ которою сумѣлъ изобразить онъ

Съ Фикоронской цисты

богиню красоты и любви, выходящей изъ моря и выжимающей дивно-изящными руками пѣну морскую изъ роскошныхъ волосъ, въ невыразимомъ очарованіи, увлекающемъ и приковывающемъ глаза восхищеннаго зрителя, никакой другой живописецъ не могъ, согласно мнѣнію древнихъ, равняться съ Апеллесомъ. Это возвышенное чувство прекраснаго было его исключительною собственностью. Въ Апеллесѣ греческая живопись достигла своего апогея. Послѣ него она получила еще другія направленія, но уже не подымалась выше. Живописцы въ родѣ Протогена, работавшаго въ Родосѣ, съ скрупулезною тщательностью изображавшіе природу, не заходили далѣе изображенія мелкихъ вещей. Другіе сдѣлались виртуозами своего искусства, какъ, напримѣръ, Теонъ, изобразившій тяжело вооруженнаго воина, готоваго къ борьбѣ такъ живо, что онъ какъ бы выступаетъ изъ картины. Еще другіе—и это были голландцы своего времени—съ кропотливостью, хотя и съ изяществомъ, изображали предметы обыденной жизни, фрукты

и другіе съѣстные припасы, сапожныя лавки, цирюльни и т. д. Ихъ называли рипаро-графами *), то-есть живописцами грубыхъ и низкихъ предметовъ; тѣмъ не менѣе за ихъ картины платили такъ же дорого, какъ и нынѣ. Рисованіе каррикатуръ также находило себѣ мѣсто. Наконецъ при преемникахъ Александра Великаго ландшафты и сельскіе виды сдѣлались предметами самостоятельной отрасли живописи.

Такимъ образомъ греческая живопись, обнимая всѣ отрасли человѣческой жизни, выполнила свою задачу. Во всѣхъ различныхъ проявленіяхъ она имѣла продолженіе, какъ свидѣлствуютъ найденныя картины временъ первыхъ римскихъ императоровъ, но о той высотѣ, которой живопись достигла ко времени Аппеллеса, эти находки не даютъ намъ никакого понятія. Исключеніе составляютъ мозаика сраженія Александра Великаго (см. выше стр. 41), или четыре картины, найденныя при первой раскопкѣ въ Геркуланумѣ, на которыхъ фигуры окаймлены красною краскою, или же, наконецъ, такъ называемая Фикоронская циста, находящаяся въ Римѣ, въ Museum Kircherianum. Эта циста есть ничто иное, какъ круглый туалетный ящикъ изъ бронзы, на которомъ кругомъ выгравированы сцены изъ исторіи похода аргонавтовъ. Эти сцены даютъ намъ слабое понятіе о совершенствѣ, въ которомъ тогда, по всей вѣроятности, находилось древнее греческое искусство. Правда, это только рисунки, но рисунки достойныя Греціи и времени процвѣтанія въ ней искусства.

По отношенію къ греческой пластикѣ потомство счастливѣе, даже, можно сказать, вдвое счастливѣе, потому что пластика была излюбленное, преимущественное искусство Греціи, та отрасль художествъ, которая ни прежде, ни послѣ равной себѣ, по совершенству, не встрѣчала. Мы можемъ, пожалуй, допустить, что живопись великихъ мастеровъ христіанскаго міра пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій по Р. Хр. жизненною правдой и колоритомъ превосходитъ живопись грековъ, но современное искусство ваянія, а въ особенности новѣйшаго времени, не можетъ не уступить пальмы первенства Фидію и Праксителью. Изъ твореній перваго мастера, величайшаго изъ всѣхъ, такъ много сохранилось, что не только возможно распознать его работу, но нельзя не удивляться художнику, не полюбить его. Также произведенія его предшественниковъ и непосредственныхъ преемниковъ для насъ не потеряны, хотя мы должны въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольствоваться только копіями. Такимъ образомъ представляется возможность, хотя и не безъ пробѣловъ, прослѣдить исторію греческаго ваянія по его произведеніямъ и, любясь ими, понять и раздѣлять тотъ восторгъ, который они вызывали въ древнихъ.

Ваяніе относительно не рано вышло изъ области первоначальныхъ грубыхъ попытокъ. Состоя, такъ сказать, въ веденіи боговъ, оно должно было прежде всего бороться, чтобы сбросить съ себя ихъ оковы. Но, кромѣ того, оно должно было еще преодолѣть препятствія, встрѣчавшіяся со стороны техники, побѣдить трудности, которыя представляли ему хрупкость и вѣсь употреблявшагося имъ матеріала. Только послѣ этого оно получило полную свободу дѣйствій и творчества. Дерево, металлъ и камень стоятъ тутъ рядомъ. Дерево покрывалось металлическою жестью, прикрѣпляемою ко всѣмъ изгибамъ и выступамъ. Это по-гречески выражалось словомъ *σφύρηλατος* **). Эта металлическая обшивка была, какъ мы уже выше видѣли, древнѣйшая форма металлургическаго искусства, техника азіатскаго происхожденія. Послѣ того вошелъ въ употребленіе также древнѣйшій способъ скрѣпленія металла—заклепка. Этотъ способъ изобрѣтенъ, какъ говорятъ, Главкомъ Хиосскимъ въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Хр. Наконецъ, самосцы Ройкосъ и Теодоръ нѣсколько позже изобрѣли литье изъ металла. Съ этого времени, а именно около шести-

*) Въ буквальный смыслъ „рипарографъ“ значить: списыватель грязи и самыхъ низкихъ предметовъ.

**) Происходитъ это выраженіе отъ словъ: *σφύρα*—молотъ и *ἐλαύνω*—гоню, выгоняю, обдѣлываю; слѣдовательно *σφύρηλατος*—обдѣланный молотомъ. (Прим. перев.).

сотога года, литье металла сдѣлалось искусствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пластика сбросила съ себя сковывавшіе ее узы и получила свободный, широкій просторъ.

Одновременно съ этимъ пали и стѣснявшія ее духовныя ограниченія. Пластика выросла въ храмахъ, на службѣ боговъ; она переходила изъ рода въ родъ въ однихъ и тѣхъ же семействахъ, какъ наслѣдство отъ отца къ сыну, и отъ сына къ внуку. Святилища нуждались въ пластическомъ украшеніи своихъ строеній, они требовали драгоценныхъ, богато-украшенныхъ подарковъ при жертвоприношеніяхъ, имъ нужны были изображенія боговъ, но все это должно было быть, согласно древнему преданію, прямолинейно, столбообразно, безъ выраженія, со сложенными ногами и прижатыми къ животу или бедрамъ руками. Наконецъ, былъ сдѣланъ шагъ впередъ: была допущена раздвинутость ногъ, свободное положеніе рукъ и открытые глаза. Затѣмъ искусству пришло на помощь новое обстоятельство, именно установившійся новый обычай, которому само божество должно было подчиниться и отказаться отъ строгости своихъ формъ. Этотъ исключительно греческій обычай устранялъ отъ изображенія человѣческаго тѣла

Женская фигура съ фриза Пареенона.
Въ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

не только всѣ стѣсненія, но возбудилъ даже стремленіе къ совершенству формъ, стремленіе, имѣвшее своей причиной всюду проникшую страсть къ прекрасному, изящному, возвышенному. То былъ народный, національный обычай заниматься гимнастикой и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ было принято заниматься ею безъ верхняго платья и въ совершенно нагомъ видѣ. Въ гимназіяхъ художникъ знакомился съ человѣческимъ тѣломъ, здѣсь вырабатывалось чувство изящнаго для всей греческой націи. Съ тѣхъ поръ, какъ Олимпійскія игры достигли высшаго развитія и процвѣтанія, именно около шестисотога года, установился обычай ставить торжествующему побѣдителю металлическую статую въ священной роцѣ Алтиды; побѣдитель имѣлъ даже право самому себѣ ставить такую статую, если онъ былъ побѣдителемъ уже три раза. Изъ этого обычая возникли разнообразнѣйшія задачи, разрѣшавшіяся искусствомъ при помощи изученія природы, которая такимъ образомъ сдѣлалась наставницею художниковъ, развязавшей имъ руки и давшей имъ свободу. Ко времени Персидскихъ войнъ, въ пятомъ столѣтіи, послѣдовало уже значительное усовершенствованіе этого искусства.

Это возвышеніе искусства послѣдовало довольно скоро, но не непосредственно. Часто упоминавшіяся селинскія метопы въ Сициліи представляютъ грубое, неуклюжее произведеніе, хотя и съ нѣкоторою драматическою оживленностью, но все же довольно низкопробной работы. Даже знаменитые египетскіе мраморы, эти произведенія скульптуры, найденныя въ развалинахъ храма Паллады въ Эгинѣ и составляющія нынѣ гордость мюнхенской глипотеки, далеко не достигли высшей степени совершенства, хотя они, вѣроятно, произведенія рукъ Оната, вышедшаго изъ тогда уже извѣстной и пользовавшейся огромной славой школы въ Эгинѣ. Эти фигуры, представляющія борьбу у тѣла павшаго героя Ахиллеса, поражаютъ замѣчательною правильностью изображенія чело-вѣческихъ тѣлъ. Каждая поза, каждое движеніе строго рассчитаны до мельчайшихъ подробностей, техническая отдѣлка мускуловъ, суставовъ, жилъ указываютъ на добро-совѣстное изученіе природы, на почти непріятно поражающую, почти на черезчуръ хватившую черезъ край вѣрность натурѣ. Но въ нихъ недостаетъ выраженія, художникъ не вложилъ въ нихъ своей души, не оживилъ камня своимъ духомъ, не пропиталъ гармоніей своего произведенія. Головы типично вѣрны, но взглядъ неподвиженъ, улыбка ничего не выражаетъ. Богиня Паллада, стоящая посерединѣ надъ трупомъ, также является однообразной, безчувственной, въ неоживленной формѣ, въ спускающейся правильными складками одеждѣ.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя, около половины пятаго столѣтія, все то, чего недостаетъ у Эгинетъ, представляется уже въ полномъ развитіи. Три великіе ученика Арселада въ Аргосѣ—Миронъ, Поликлетъ и Фидій достигли верха совершенства и развитія. Въ то время, какъ Периклъ принимаетъ бразды правленія въ Аѳинахъ, ваяніе уже находится въ полномъ расцвѣтѣ, достигаетъ чарующей зрѣлости: въ будущемъ оно можетъ получить иное направленіе, явиться въ другихъ видахъ, но высшей степени совершенства достигнуть уже невозможно. Миронъ, работавшій преимущественно изъ бронзы, приобрѣлъ знаменитость своими статуями побѣдителей. Какъ второй Прометей, онъ оживилъ мертвую массу и вдохнулъ въ неподвижныя формы дыханіе жизни. Его Ладасъ, побѣдитель въ бѣгѣ, умираетъ, достигнувъ цѣли, съ послѣднимъ дыханіемъ на устахъ: это не „бѣгущій“, а „дышашій“ Ладасъ, вздрагивающій всѣмъ тѣломъ, испуская послѣднее дыханіе. Его дискоболъ *), сохранившійся въ различныхъ копіяхъ, въ моментъ бросанія диска стоящій въ наклонномъ положеніи какъ пригвожденный къ землѣ, представляетъ въ совершенствѣ юношу, напрягающаго всѣ свои силы. Съ этимъ новымъ воззрѣніемъ на свое призваніе Миронъ расширяетъ предѣлы и средства скульптурнаго изображенія. Охотно изображая животныхъ, Миронъ сбрасываетъ послѣднія оковы рутиннаго преданія. Его знаменитая, получившая громадную славу въ древности статуя коровы была исполнена съ такою вѣрностью природѣ, что вводила въ обманъ людей и животныхъ. Товарищъ Мирона, Поликлетъ имѣлъ совершенно другое направленіе. Онъ не любилъ изображать драматически-напряженныхъ тѣлъ, онъ предпочиталъ совершенство формъ, безупречную красоту, полную жизни фигуру и представляетъ все это въ прекраснѣйшемъ видѣ. Чтобы успѣшнѣе достигнуть этого, онъ ставитъ исполняемую фигуру въ позу полнѣйшаго спокойствія, только немногія плавныя линіи обнаруживаютъ невыразимую прелесть легкаго движенія, какъ будто его фигура, упираясь на одну ногу, другою слегка играетъ. Таковъ его Дорифоръ, эфебъ-копьеносецъ, — идеаль мужской фигуры, таковъ его Діадуменъ, юноша, полу-дитя, обвязывающій себѣ вѣнокъ вокругъ головы, таковы его Канефоры, носильщицы корзинъ въ совершенно спокойной позѣ.

Фидій соединяетъ въ себѣ достоинства обоихъ своихъ товарищей, т. е. живость и красоту, и гдѣ это нужно, онъ ихъ доводитъ до божественнаго величія и возвышенности.

*) Т. е. атлетъ или гимнастъ, бросающій дискъ.

(Прим. перев.).

Периклѣ нашелъ въ Фидіѣ творца всего, что ему было нужно для выполненія своихъ плановъ относительно украшенія Аѳинъ, но Фидій, въ свою очередь, встрѣтилъ въ Периклѣ покровителя, вполне понимавшаго и оцѣнивашаго его великія дарованія, его возвышенную душу и поэтому доставлявшаго ему работы въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Изъ его мастерской вышли безчисленныя творенія; и если онѣ не всѣ вышли-изъ подъ его рѣзца—что было бы, конечно, невозможно,—то, во всякомъ случаѣ, всѣ зародились въ его головѣ, исполнены подъ его руководствомъ, на его глазахъ и носятъ отпечатокъ его громаднаго творческаго генія.

Таковы украшенія Парѳенона, сохранившіяся въ большей или меньшей неповрежденности и собранныя въ Британскомъ музее въ Лондонѣ. Два громадныхъ фронтона были украшены многочисленными, огромныхъ размѣровъ фигурами, изображающими на одной сторонѣ рожденіе Паллады-Аѳины или ея первое появленіе въ собраніе боговъ, съ другой стороны—ея борьбу съ Посейдономъ изъ-за Аттики. Деяносто двѣ фигуры горельефной работы, большею частью представляющія борьбу центавровъ, на-

Панаѳинеевъ, но не собственно праздникъ или торжественное шествіе панаѳинеевъ, и, если хотите, даже не приготовленіе къ нему, а смѣсь того и другого, составленную по выбору художника, заимствовавшаго изъ той или другой части то, что по его соображеніямъ могло быть сопоставлено. Здѣсь все собрано: эпизоды изъ дѣйствительной жизни, картины изъ отдѣльныхъ частей шествія, типичныя сцены по поводу празднества, отчасти довольно низкой пробы, словомъ жизнь людей, какъ онѣ ее наблюдали вокругъ себя, лица почетныя и простаго званія, старъ

полняютъ кругомъ метопы и на четыреста футовъ протяженія тянется фризь или цѣпь барельефовъ по четыремъ наружнымъ стѣнамъ храма — что за гигантская работа! И это не какая-либо грубая и неуклюжая, рассчитанная на внѣшній эффектъ работа, какою въ то же время былъ украшенъ храмъ Зевса на Олимпѣ Паіоніемъ и Алкаменомъ,—нѣтъ, это изящная, добросовѣстная работа великаго художника.

Этотъ гигантскій фризь представляетъ истинное чудо, созданное творческимъ геніемъ человека. Изображаетъ этотъ фризь праздникъ

Ніоба.
Статуя во Флоренціи.

и младъ, знатныя дамы и ихъ рабыни; животныя, принадлежащія къ празднеству, благородныя лошади со своими всадниками, жертвенные быки и бараны, одни изъ нихъ упирающіеся, другіе послушно идущіе. Во всемъ этомъ, въ высокомъ, какъ и въ низкомъ, въ благородномъ, какъ и въ обыденномъ, великій художникъ сумѣлъ выбрать именно тѣ элементы, которые дышутъ жизнью и при всей своей простотѣ достойны быть возведенными въ перлъ созданія. Соблюдая невыразимую гармонію, выдвигая прекрасное, граціозное и восхищающее черезъ сопоставленіе его съ грубымъ и

обыденно - житейскимъ, Фидій сумѣлъ, нисколько не противорѣча дѣйствительности, дать всему въ общемъ составѣ отпечатокъ чего-то величественнаго и священнаго, приличествующаго величію идеи празднества и достойнаго быть украшеніемъ храма боговъ. Онъ сумѣлъ влить свою пламенную душу какъ во все произведеніе, такъ и въ отдѣльныя части; люди и предметы являлись въ томъ естественномъ видѣ, какими они ему представлялись, какими онъ ихъ видѣлъ и познавалъ своимъ творческимъ окомъ. Отъ этого-то мы и нынѣ еще, любуясь даже обломками произведеній Фидія, можемъ чувствовать передъ нами то же, что чувствовалъ Фидій, въ созерцаніи изображенныхъ имъ спенъ обыденной жизни, мы забываемъ нашу обыденную жизнь

и ставленіе о нихъ, мы должны ограничиться свидѣтельствомъ и описаніями древнихъ. Сперва Фидій соорудилъ въ аѳинскомъ акрополисѣ громадную въ 60 фут. вышины бронзовую статую Аѳины-Паллады, покровительницы города. Потомъ онъ воздвигъ ея же сидячую статую внутри Парѳенона и въ то же время создалъ чудо пластики, свою статую „Зевса“ въ храмѣ Олимпійскомъ, которая, по свидѣтельству древнихъ, представляла верхъ совершенства, возможнаго въ ваятельномъ искусствѣ.

Оба колосса были сдѣланы хризэлефантинскимъ способомъ, т. е. изъ золота и слоновой кости. То были остатки или варіантъ древнѣйшей техники, металлическаго обкладыванія драгоценнѣйшимъ матеріаломъ. Всѣ обнаженныя мясистыя части тѣла были изъ

Венера Милосская.
Въ Луврѣ, въ Парижѣ.

съ ея трудностями и заботами; въ виду его спокойныхъ, плавныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, преисполненныхъ жизни фигуръ исчезаетъ безпокойство сердца, утихаютъ страсти, нами овладѣваетъ настроеніе счастья и мира.

Но это только одна сторона творчества Фидія. Большую славу, чѣмъ эти рельефы, доставили ему въ древности его изображенія боговъ, изъ которыхъ статуи Паллады - Аѳины и Зевса Олимпійскаго особенно прославлялись. Переходя изъ устъ въ уста, слава этихъ произведеній гремѣла въ теченіе многихъ столѣтій; весь образованный миръ Греціи и Рима до самаго паденія язычества приходилъ къ этимъ твореніямъ искусства какъ бы на поклоненіе. Эти статуи погибли вмѣстѣ съ язычествомъ. Что бы сдѣлать себѣ пред-

слоновой кости, все облаченіе изъ литого золота. Тутъ уже въ одномъ этомъ сочетаніи является счастливое сопоставленіе колоритовъ, такъ какъ роскошная слоновая кость прекрасно гармонируетъ съ золотомъ. Но художникъ пошелъ дальше: волосы были позолочены, щеки выкрашены и зрачки глазъ сдѣланы изъ блестящаго драгоценнаго камня; даже къ золотому облаченію было добавлено разрисованное украшеніе. Слѣдовательно правило неупотребленія красокъ (нераскрашаемость) греческой скульптуры, въ теченіи многихъ столѣтій и до нашихъ дней считавшееся несокрушимымъ догматомъ, не было соблюдено. Впрочемъ его и догматомъ-то вообще считать нельзя. Слѣды раскрашиванія открыты на самыхъ замѣчательныхъ греческихъ произведеніяхъ скульптуры и ваянія какъ древняго, такъ и позднѣйшаго времени. Всякій непредубѣжденный изслѣ-

Умиращій галлъ.
Въ Римѣ на Капитоліи.

дователь можетъ это понять изъ сообщеній древнихъ, говорящихъ именно въ этомъ смыслѣ. Къ тому же раскрашиваніе скульптурныхъ произведеній идетъ рука объ руку съ идеей разноцвѣтности въ архитектурѣ. Поэтому догматъ этотъ долженъ рушиться. Спрашивается только, въ какомъ видѣ и въ какихъ предѣлахъ раскрашиваніе допускалось. Объ этомъ можно еще поспорить.

Въ статуяхъ Паллады и Зевса Фидій превзошелъ все, что человѣкъ въ состояніи исполнить. Онъ хотѣлъ представить боговъ, именно боговъ, въ которыхъ смертный могъ-бы вѣровать, которымъ онъ могъ бы поклоняться и молиться. Съ этою цѣлью онъ создалъ фигуры идеальныя: мощнаго царя боговъ, при движеніи бровей котораго сотрясаются вершины Олимпа, и Палладу-Аѳину, воинственную, могущественную защитницу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, богиню мудрости и искусствъ. Онъ ихъ создалъ, согласно народнымъ вѣрованіямъ, столь возвышенными, столь величественными, столь недоступными, что образы ихъ закрѣплены навѣки. Народъ не могъ представить себѣ ихъ иными.

По отношенію къ остальнымъ богамъ было не то; искусственное воспроизведеніе ихъ выпало на долю послѣдующихъ художниковъ. Изъ нихъ преимущественно двое, Скопасъ и Пракситель, повели искусство по новому пути, или-же вѣрнѣе,—давали преж-

Фарневскій быкъ.
Въ Неаполитанскомъ музеѣ.

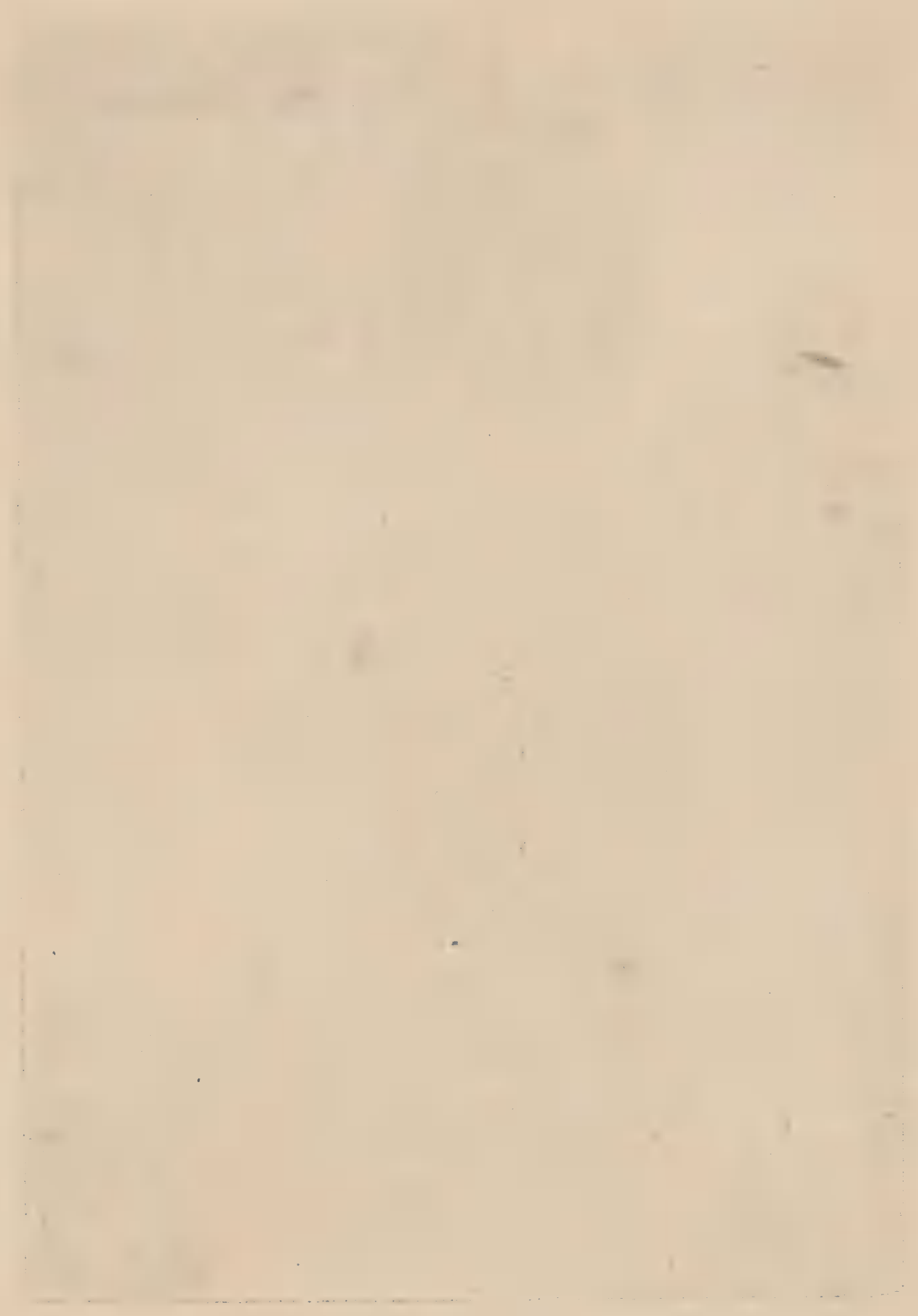
нимъ приѣмамъ направленіе особаго рода. Скопасъ нѣкоторымъ образомъ пошелъ по слѣдамъ Мирона, а Пракситель—Поликлетъ. Одушевленнымъ статуямъ Мирона, полнымъ жизни, Скопасъ придалъ страсть и драматическое выраженіе. Не просто изящная форма, а форма, преисполненная страсти, съ выраженіемъ душевнаго волненія, сдѣлалась цѣлью его изображеній. Такъ онъ представилъ менаду въ необузданномъ изступленіи подъ вліяніемъ вакхическаго опьяненія: голова ея смѣло откинута назадъ, волосы распущены, вѣтеръ ихъ разноситъ, истерзанная козочка въ ея рукахъ, однимъ словомъ, „уязвленная бѣшенствомъ душа“. Такого же характера приписываемая ему знаменитая группа „Ніоба и ея дѣти“, сохранившаяся лишь въ копіяхъ. Она представляетъ истинную трагедію, полную страстнаго одушевленія, такъ что даже складки платья будто колышутся: мать своею преступно-дерзновенной гордостью своимъ многочисленнымъ семействомъ навлекла на себя гнѣвъ и мщеніе боговъ; оцѣпенѣлая, ошеломленная невыразимою горестью, она видитъ, какъ всѣ ея дѣти падаютъ, пронзенныя стрѣлою смерти. Полны жизни также фигуры у памятника Мавзола въ Галикарнассѣ, которыя если не произведенія самаго Скопаса, то во всякомъ случаѣ созданы подъ его руководствомъ. Когда ему приходилось изображать красивыя, нѣжныя формы, то онъ умѣлъ имъ также придать выраженіе мечтательности, напримѣръ, своимъ Эроту и Афродитѣ.

Фрина передъ судьями.

Видъ съ Дельфъ на Криссейскую равнину.
Задній край Коринской бухты и Пелопоннесъ.

Лучшая Афродита, впрочемъ, была предметомъ творчества знаменитаго Праксителя. Онъ ее творилъ пять разъ. Самая знаменитая статуя Афродиты была въ Книдѣ и хранится въ довольно похожей копіи въ Мюнхенѣ. Старая школа, современная Фидію, всегда видѣла въ Афродитѣ прежде всего богиню, и, какъ представительница женской цвѣтущей красоты, она оставалась для нихъ богинею, которую надлежало изобразить съ величіемъ и достоинствомъ. Поэтому они не осмѣливались ее представить совершенно голою, но всегда закрывали нижнюю часть тѣла. Въ этомъ видѣ богиня любви и красоты изображена въ статуѣ Венеры Милосской, хранящейся въ Луврѣ въ Парижѣ. Она считается великолѣпнѣйшимъ произведеніемъ греческой пластики, хотя древніе объ ней и не упоминаютъ, равно какъ и объ имени художника; нельзя даже съ точностью опредѣлить время, къ которому она принадлежитъ. Во всякомъ случаѣ эта статуя вполне заслуживаетъ высшей преміи за красоту,—того яблока Эриды, которое она съ торжествомъ держитъ въ лѣвой рукѣ. Другое дѣло — Пракситель и его послѣдователи. Представивъ свою Афродиту неодѣтою, Пракситель лишилъ ее величія, но зато онъ облекъ ее въ обольстительную прелесть. Изъ богини красоты онъ создалъ богиню любви, женщину расцвѣтшей красоты въ пору молодости, явившуюся на землю, чтобы насладиться жизнью. Говорили, будто Афродита сама даже спустилась съ Олимпа, чтобы показать Праксителю свои формы. Его творенію даже соперничавшія съ Афродитой богини Паллада и Юнона уступили первенство красоты.

Сила Праксителя состояла въ изображеніи подобныхъ юныхъ созданій величайшей красоты. Это составляло особенность молодой школы. Подобно типу Афродиты, Пракситель создалъ типъ томнаго, погруженнаго въ мечты юнаго Вакха, равно какъ и типъ нѣжнаго, жаждущаго любви и влюбленнаго отрока — Эрота. Его найденный въ Олимпіи Гермесъ съ мальчикомъ Вакхомъ на рукахъ, о которомъ мы уже упомянули, созданъ въ этомъ же духѣ. Изъ этой школы вышли прелестныя статуи молодого Аполлона Савроктона, убивающаго ящерицъ, и хранящаяся въ Мюнхенской глиптотекѣ, статуя дивнаго мальчика, извѣстнаго подъ именемъ Иліоневса, одинъ торсъ котораго можетъ служить предметомъ восхищенія.

Съ такимъ то направленіемъ новая школа овладѣла пластикою и вела ее до временъ Александра Великаго. Тогда Лизиппъ изъ Сикіона, послѣдній великій скульпторъ Греціи, далъ этому искусству новое направленіе. Живопись раньше уже получила теоретически академическое направленіе. Почти то же случилось съ ваяніемъ. Лизиппъ установилъ новый типъ, новый образецъ челоѣческой фигуры, носящій характеръ утонченности, искусственной идеальности: онъ представлялъ челоѣка не такъ, какъ онъ есть, а такъ, какъ его рисовало ему его воображеніе. Онъ изображалъ головы и конечности меньшихъ размѣровъ и вообще всю фигуру стройнѣе нормальнаго. Въ этомъ духѣ онъ создалъ своего Апоксиомена, гимнаста, счищающаго съ руки слой масла. Такъ какъ Лизиппъ умѣлъ идеализировать изображаемыя имъ головы, то онъ сдѣлался любимцемъ Александра, который только одному ему позволилъ изображать его пластически, точно такъ же, какъ одному только Апеллесу рисовать его.

Лизиппъ имѣлъ много учениковъ, но никто изъ нихъ не поднялся на высоту мастера своего искусства. Искусство не прекратило своей дѣятельности, хотя вообще принято считать, что съ начала III-го до середины II-го столѣтія до Р. Х. былъ застой, перерывъ въ искусствѣ. Оно широко распространилось, и было занесено Александромъ и его преемниками далеко на Востокъ. Тамъ двѣ школы старались поддержать славу ваянія, одна въ Пергамѣ, въ царствованіе Атталидовъ, другая въ Родосѣ, богатомъ торговомъ городѣ, гдѣ науки и искусства въ это время находили поддержку и покровительство. Родосъ заступилъ мѣсто Аѣинъ, только не съ тѣми талантами, не съ тою творческою силою. Въ этихъ школахъ было ново только то, что ихъ художники смѣло и талантливо

примѣняли то, чему ихъ научили предшественники. Это относится преимущественно къ Родосу. Пергамская школа обнаруживаетъ реальное направленіе въ сохранившихся статуяхъ сражающихся и умирающихъ галловъ, фигурахъ принадлежавшихъ къ побѣдному памятнику Аттала II-го, и статуяхъ „точильщиковъ“. Смѣлость Родосской школы выразилась въ колоссальности ея статуй, и въ числѣ ихъ гигантская бронзовая статуя Колосса, бога солнца, у входа въ гавань поражала весь свѣтъ удивленіемъ. Это работа Хареса изъ Линдоса, школы Лизиппа. Знаменитая группа Лаокоона, произведеніе трехъ родосскихъ мастеровъ: Агезандра, Атанодора и Полидора, поражаетъ своею виртуозностью, своею удивительною техникою и вмѣстѣ рѣдкою анатомическою вѣрностью. Въ тѣлахъ отца и сыновей, обвитыхъ змѣями, въ напряженныхъ, отъ страха содрогающихся мускулахъ, въ лицахъ, выражающихъ величайшія страданія, все сдѣлано безусловно-правильно. Но наслажденіе, съ которымъ мы любуемся этою работою, вызвано уже не свѣтлою радостью при видѣ возвышеннаго творенія искусства и очарованіемъ красоты,—здѣсь наслажденіе и радость смѣшаны съ вниманіемъ, вызываемымъ отдѣлкою деталей, съ чувствомъ удивленія передъ преодоленными, какъ бы умышленно созданными трудностями. То же впечатлѣніе повторяется при видѣ другой работы того-же рода изъ Родосской школы, — группы такъ называемаго „Фарнезскаго быка“, изображающей привязываніе Дирки Цетомъ и Амфіономъ къ рогамъ разъяреннаго животнаго. Эту статую работали сообща Аполлоній и Таврискъ; въ частностяхъ она полна жизни и красоты, но въ общемъ она лишена силы истинно-художественнаго впечатлѣнія, лишена спокойствія и выдержанности цѣлаго.

Таковы были послѣднія творенія греческаго ваянія временъ самостоятельности. Вскорѣ римскій художественный вкусъ получилъ голосъ въ произведеніяхъ искусства Эллады, сначала, правда, только въ томъ отношеніи, что Римъ похитилъ у Греціи ея сокровища, что онъ лишилъ ее статуй. Римскіе полководцы увозили ихъ съ собою тысячами, такъ что цѣлые дни нужно было, чтобы ихъ ввезти въ городъ квиритовъ, при триумфальныхъ шествіяхъ того или другого полководца-побѣдителя. Но сколько бы ихъ ни вывозили, сколько бы римскіе патриціи ихъ ни присвоивали себѣ для украшенія своего города, своихъ виллъ и дворцовъ, все-таки ихъ болѣе еще, по крайней мѣрѣ числомъ, оставалось въ Греціи. Трудно повѣрить, какъ богата была Эллада произведеніями искусства и не только въ главныхъ городахъ, но во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, большихъ и малыхъ, въ публичныхъ зданіяхъ и храмахъ, на рынкахъ, улицахъ и дорогахъ, и даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Анатолія и Акарнанія, которыя считались полуварварскими. Нигдѣ на свѣтѣ ничего подобнаго даже приблизительно не встрѣчалось и не встрѣчается ни по количеству, ни по красотѣ и изяществу твореній. Еще во второмъ вѣкѣ послѣ Р. Х., когда многіе нѣкогда большіе и знаменитые города представляли только груды развалинъ, гдѣ на опустѣлыхъ мѣстахъ росла трава и паслись стада, путешественникъ Павзаній пораженъ былъ массою матеріала, который ему приходилось видѣть и описывать, и читатель его подробнаго описанія Греціи и нынѣ еще не можетъ не удивляться тому, что маленькія государства и города Эллады выработали и создали.

Римляне однако не просто грабили и вывозили изъ Греціи сокровища ея искусства. Познакомившись съ ними, они горячо полюбили самое искусство. Подъ покровительствомъ римскихъ меценатовъ развитіе искусствъ и художествъ еще разъ вспыхнуло и разгорѣлось яркимъ пламенемъ. Благодаря этому возрожденію, возникли творенія въ родѣ Аполлона Бельведерскаго, Венеры Медицейской и грандіознаго Геркулеса, одно туловище котораго, какъ сохранившійся утѣсь, вызываетъ величайшее удивленіе. Но обо всемъ этомъ рѣчь впереди.

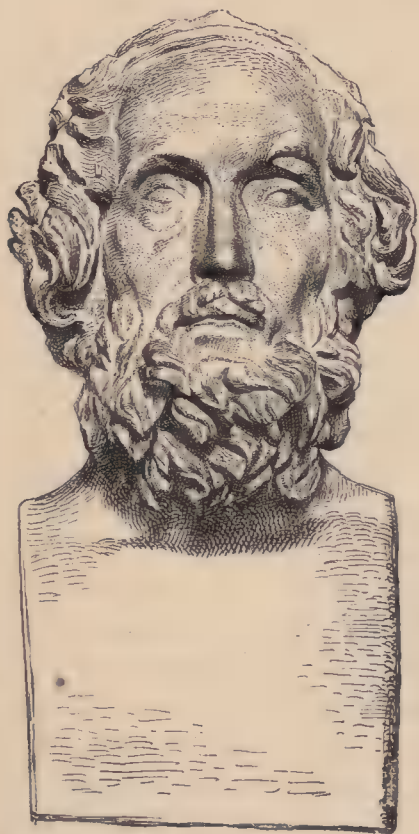

Терситъ—Одиссей.
„Иліада“ пѣснь II, стихи 244—266.

II.

Поэзія.

Гомеръ.

Какимъ-то чудомъ, какою-то загадкою стоитъ во главѣ греческой литературы поэтъ Гомеръ. До него неразрѣшимый, непроницаемый мракъ преданій и сновидѣній, послѣ него историческія сумерки, сквозь которыя нельзя еще распознать опредѣленныхъ формъ и лицъ. Среди этой темноты свѣтитъ онъ, затмѣвая своимъ блескомъ все потомство, всѣ времена.

Безъ сомнѣнія, и до Гомера были въ Греціи поэты и поэтическія творенія. Тессалія, называемая также Пелліею, родина пелійскихъ музъ, водяныхъ нимфъ Олимпа, считалась колыбелью поэзіи. Жрецъ у алтаря пѣлъ пѣсни („наны“), собравшійся народъ отвѣчалъ ему хоромъ („пеаны“). Пѣсни пѣли пастухъ, виноградарь и пряха, пѣснями сопровождалась празднества и свадьбы, пѣснями оплакивали умершихъ. Дѣянія героевъ воспѣвались въ стихахъ во время пиршествъ. Изъ всѣхъ этихъ родовъ поэзіи послѣдній родъ, родъ эпическій, героическая поэма, прежде всѣхъ сдѣлался достояніемъ литературы и, сколько намъ

известно, съ самаго начала достигъ неподражаемаго и недосягаемаго болѣе совершенства. „Иліада“ и „Одиссея“ заставили забыть все, что было до нихъ, и до сихъ поръ затмѣваютъ все, что послѣ нихъ явилось въ свѣтъ въ области литературы. Ихъ вліяніе и значеніе распространялись на всю культурную исторію Эллады и донинѣ онѣ не потеряли благотворнаго дѣйствія. Молодежь по нимъ учится, изъ нихъ черпаютъ воодушевленіе уже сами древніе, ими наслаждались и питались трагическіе поэты; они извлекали изъ нихъ матеріалъ и характеры для своихъ сочиненій. Живописцы и ваятели до сихъ поръ черпаютъ изъ этого неизсякаемаго источника.

Загадочность, сопровождающая самого Гомера и его творенія, странность ихъ появленія, наконецъ, противорѣчія, безспорно встрѣчающіяся въ нихъ, дали поводъ къ тому, что многіе отрицаютъ самое существованіе Гомера, а сочиненія его считаютъ несвязными компиляціями изъ народныхъ пѣсенъ. Но всякій, кто наслаждается поэзіею Гомера и не смотритъ на нее, какъ на мертвый трупъ, какъ на предметъ ученаго изслѣдованія, тотъ едва-ли дозволитъ отнять у себя вѣру въ существованіе личности Гомера и индивидуальности его творчества. Кто безъ предубѣжденій подходитъ къ нему, тому этотъ поэтъ представляется мощнымъ гениемъ, завершающимъ предшествовавшее развитіе и собирающимъ его лучи въ одинъ фокусъ, въ одну точку; Гомеръ представляется ему личностью, разсматривающею дѣла міра сего съ высоты и проникающею въ сокровеннѣйшіе тайники сердецъ человѣческихъ. Преданіе его называетъ слѣпымъ пѣвцомъ, но никто не можетъ съ нимъ сравняться въ силѣ прозорливости и наблюденія, никто не находилъ болѣе живописныхъ, болѣе выразительныхъ, болѣе мѣткихъ словъ.

Въ древности безусловно вѣрили въ существованіе Гомера, и не менѣе семи городовъ оспаривали другъ у друга честь считаться его родиною. Вѣроятнѣе всего—и это согласуется съ его нарѣчіемъ и поэзіею — что онъ родомъ изъ эолической колоніи, Смирны, а впослѣдствіи писалъ свои поэмы на одномъ изъ іоническихъ острововъ, Хіосѣ. На этомъ островѣ еще послѣ него процвѣтала школа рапсодовъ, т. е. поэтовъ-пѣвцовъ, которые называли себя „Гомеридами“. Въ быстро развивавшихся малоазійскихъ колоніяхъ греческая культура прежде всего облеклась въ опредѣленные формы, и поэзія впервые является здѣсь. Вторая половина десятаго столѣтія до Р. Х. можетъ, кажется, съ болѣею или меньшею достовѣрностію считаться временемъ его жизни и его творческой дѣятельности. Тѣ, которые не допускаютъ возможности, чтобы два такихъ великихъ поэта жили одновременно—никто, впрочемъ, такъ и не думаетъ—сочтутъ воинственную „Иліаду“ за первое твореніе Гомера, а миролюбивую, отчасти идиллическую „Одиссею“ уже твореніемъ послѣдующимъ, позднѣйшимъ.

Обѣ поэмы, разумѣется, не сохранились въ первоначальномъ своемъ видѣ. Въ то время, когда онѣ возникли, греки уже умѣли писать. Іонійцы переняли это искусство отъ финикійцевъ, но они и алфавитъ и почеркъ и образъ писанія, все передѣляли по своему, какъ они вообще все, что ни перенимали отъ азіатовъ, переиначивали на греческій ладъ. Послѣ долгаго колебанія греки рѣшили писать слѣва направо, а не справа налево, какъ семиты. Но тогда, и еще долго послѣ того, они примѣняли краткія письмена только для торговыхъ сдѣлокъ, и то въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли какое нибудь условіе или договоръ формулировать ясно и буквально. Поэзію же любили они въ пѣніи: они любили ее только слушать, а не читать. Такимъ образомъ, поэмы Гомера въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сохранялись только въ памяти пѣвцовъ и по-этому онѣ неминуемо должны были подвергнуться измѣненіямъ, неизбѣжны были вставки и пропуски, пока, наконецъ, будучи записаны, онѣ не получили известную прочную форму, опредѣленный текстъ. Это случилось въ Афинахъ во времена Пизистрата, по порученію котораго ученый Ономакрить предпринялъ критическій разборъ поэмъ, оставляя ве-

ликому поэту то, что казалось его достойнымъ, и отдѣляя все то, что являлось позднѣйшей добавкой, плодомъ сочинительства другихъ поэтовъ.

Послѣ Гомера существовала еще цѣлая школа эпическихъ поэтовъ, которые изъ древнихъ преданій, въ особенности изъ событій, передаваемыхъ въ „Иліадѣ“ и „Одиссеѣ“, заимствовали матеріалъ для своихъ пѣсенъ. Въ древности уже обозначали ихъ названіемъ „цикловыхъ“, такъ какъ они составляли, такъ сказать, кругъ, циклъ поэтовъ. Но отъ ихъ сочиненій даже слѣдовъ не осталось: онѣ погибли, куда-то канули. Вторая эпическая школа, образовавшаяся рядомъ съ первою, если не основанная, то по крайней мѣрѣ вызванная къ жизни Гомеромъ-же, имѣла другую судьбу. То была школа Віотійская, опирающаяся на великое имя Гезіода, подобно тому какъ Іоническая опирается на Гомера.

Гезіодъ былъ эолическаго происхожденія, родомъ, говорятъ, изъ Кимны, но настоящею родиною его была Аскра, недалеко отъ Парнаса, гдѣ онъ жилъ и подвизался на поприщѣ пѣснопѣнія подъ вліяніемъ Дельфійскаго оракула и его жрецовъ, бывшихъ еще въ полной силѣ, преимущественно въ государствахъ дорійскихъ. Віотійская школа явилась такимъ образомъ, въ противоположность Іонійской, отъ которой она заимствовала только наружную форму, гекзаметръ. Содержаніе и характеръ поэмъ этой школы были совсѣмъ иного рода, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ сочиненіяхъ, которые сохранились и которые всѣ приписываются Гезіоду. Спокойному, широкому и наглядно-живому описанію Іоническихъ поэтовъ противопоставляется строго-поучительное, сухое изображеніе Віотійской школы, сложившееся подъ вліяніемъ дельфійскаго оракула. Гезіодъ собиралъ преданія о богахъ и изложилъ ихъ въ своей „Теогоніи“, т. е. родословной боговъ, какъ бы въ религіозно-историческомъ учебникѣ. Равнымъ образомъ, Гезіодъ составилъ собраніе поговорокъ, пословицъ и разныхъ изреченій, заключающихъ въ себѣ премудрость жизни, и создалъ рядомъ съ религіознымъ разумно-практическое руководство для нравственной жизни всѣхъ сословій, которое назвалъ „Трудъ и дни“. Соотечественники этихъ обоихъ поэтовъ вскорѣ поняли, что Гезіодъ и Гомеръ идутъ по двумъ совершенно противоположнымъ направленіямъ: они устроили состязаніе между обоими поэтами, и побѣда осталась на сторонѣ Гомера. Но допустить, что между обоими поэтами была дѣйствительная встрѣча положительно невозможно, потому что, хотя и нельзя опредѣлить съ точностью, когда жилъ Гезіодъ, равно какъ и Гомеръ, но несомнѣнно, что послѣдній жилъ раньше перваго, по крайней мѣрѣ, цѣлымъ столѣтіемъ. У Гезіода были также послѣдователи и его школа и сочиненія также подверглись измѣненіямъ и вставкамъ. Текстъ его сочиненій сохранился не въ первоначальномъ видѣ, — вѣроятно онъ былъ испорченъ, и не могъ быть восстановленъ, не смотря на то, что былъ критически разработанъ тѣмъ-же Ономакритомъ.

Изъ подражателей и учениковъ Гомера и Гезіода никто не поднялся на высоту первостепенныхъ поэтовъ. Эпическія стихотворенія долго еще продолжали появляться въ изобиліи, но то былъ потокъ, который все болѣе и болѣе терялся въ песокъ, а затѣмъ и вовсе исчезъ. Истинное, самостоятельное творчество угасло. Послѣ этого случилось замѣчательное явленіе въ греческой культурѣ и литературѣ: одновременно съ исчезновеніемъ эпической поэзіи возникаетъ поэзія лирическая, одна и нераздѣльно занимавшая и наполнявшая цѣлый періодъ времени. Послѣ того, какъ лирическая поэзія, такъ сказать, завершила свое круговое движеніе, за нею пришелъ на смѣну третій родъ поэзіи, — поэзія драматическая. Когда и эта отрасль словеснаго творчества достигла высшаго развитія и кончилась вмѣстѣ со смертью своихъ великихъ творцовъ, водворилась обширная литература прозы. Такимъ образомъ различныя отрасли поэтическаго творчества исторически возникали одна за другою и составляютъ послѣдовательные періоды исторіи литературы, границы которыхъ слиты, такъ какъ возникновеніе одной

отрасли совпадало съ исчезновеніемъ другой. Онѣ являются звеньями одной законченной цѣпи. Эти періоды словеснаго творчества совпадаютъ съ эпохами культурнаго развитія и исторіи народа и имѣютъ съ ними неразрывную связь. Эпопеи, воспѣвавшія дѣянія царей и отдѣльных героев и совершенно игнорировавшія простой народъ, принадлежатъ къ времени самовласти владыкъ государствъ. За нимъ слѣдуетъ періодъ преобладанія аристократіи, когда при борьбѣ партій отдѣльныя личности пріобрѣтаютъ значеніе. Этому періоду принадлежитъ субъективная поэзія — лирика. Въ различныхъ подраздѣленіяхъ лирической поэзіи можно усмотрѣть даже степени культурно-историческаго развитія. Первая по времени вѣтъ лирической поэзіи, элегія, по формѣ и содержанію, ближе всего подходитъ къ эпопеямъ. Далѣе ямбъ, острая сатира, охотно пускающаяся въ пререканія, возникъ изъ борьбы городскихъ партій. Затѣмъ „мелось“ — пѣсня о любви, радости и горѣ, пѣснь о чувствахъ и ощущеніяхъ есть выраженіе совершенной, полной субъективности, когда наконецъ всѣ политическія ограниченія исчезли, когда демократія была въ полномъ развитіи и занимала всѣ силы народа. Теперь то на этой демократической почвѣ и преимущественно въ Аѳинахъ расцвѣла послѣдняя и высшая отрасль поэзіи — драматическая, которая, нѣкоторомъ образомъ, обнимаетъ всѣ остальные. Но когда демократія вышла за свои предѣлы, превратившись въ демагогію, когда пошлые говорюны взяли верхъ и низкія страсти разыгрались, тогда литературнымъ протестомъ является рѣзкая, безжалостная, переполненная остротами и насмѣшками комедія. Этимъ самымъ одновременно какъ бы закончилось и политическое и поэтическое развитіе, всѣ основныя формы того и другого развитія были найдены и достигли полного выраженія.

Элегія, равно какъ и эпопея, прежде всего возникаетъ въ Малой Азіи, среди Іоническаго племени. Ея названіе, какъ и самый характеръ, происходятъ отъ первобытнаго фригійскаго „элегось“, представлявшаго плачевную пѣсню, съ аккомпаниментомъ флейты. У грековъ словомъ „элегія“ опредѣляется скорѣе внѣшняя форма, состоящая изъ вторяющихся двустипій, въ которомъ гекзаметръ чередуется съ пентаметромъ. По содержанію элегія могла быть патріотическая и воинственная, поучительная и любовная (эротическая), посвященная увеселеніямъ пира; но она могла быть также плачевною пѣснью, чѣмъ она первоначально и была, т. е. „элегією“ въ смыслѣ современномъ.

Элегія началась въ седьмомъ вѣкѣ въ духѣ патріотическомъ и воинственномъ. Каллиносъ, котораго считаютъ творцомъ ея, ободрялъ своими элегіями своихъ соотечественниковъ эфесцевъ въ борьбѣ противъ Магнезіи; Тиртей, вызванный изъ Аѳинъ, воодушевлялъ элегіями спартанцевъ въ то время, когда они во второй Мессенской войнѣ, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобицъ, и передъ смѣлымъ натискомъ Аристомена, начали было робѣть и отступать. Нѣсколько позже Солонъ посредствомъ элегіи привлекъ аѳинянъ къ отвоеванію отторгнутаго у нихъ острова Саламина. Теогнисъ изъ Мегары, изгнанный аристократами, сочинялъ политическія элегіи, изъ которыхъ впослѣдствіи были извлечены изреченія мудрости и составленъ какъ бы учебникъ мудрости и добродѣтели. Симонисъ Кеосскій воспѣлъ павшихъ при Марафонѣ воиновъ, но Минермъ, въ эпоху іонической изнѣженности, восхваляетъ уже въ своихъ элегіяхъ наслажденіе жизнью, проповѣдуя, что при кратковременности жизни, вся прелесть цѣна ея лежатъ въ наслажденіяхъ.

Почти одновременно съ элегією возникъ ямбъ, также плодъ тревожной и кипучей жизни, развившейся послѣ паденія монархіи. Но ямбъ въ самыхъ выдающихся пѣсняхъ носитъ болѣе частный, личный, чѣмъ политическій характеръ. Въ нихъ подчасъ бьетъ ключемъ необузданная ненависть, направленная противъ единичныхъ личностей. На празднествахъ Деметры существовалъ обычай осыпать другъ друга насмѣшками, такъ что люди ругали другъ друга какъ бы подъ защитой религіи. Архилохъ (въ началѣ

седьмого вѣка до Р. Х.), сочинявшій свои пѣсни для служенія Деметрѣ, впервые изобрѣлъ ямбъ. Какъ смѣлый новаторъ по части стихотворнаго искусства, онъ употреблялъ новые размѣры стиховъ, быстротечные ямбы и трохеи и „пускалъ ихъ какъ острия стрѣлы“, обмакнувъ въ ѣдкую брань и насмѣшки, въ своихъ враговъ, которыхъ онъ этимъ, какъ говорили, подчасъ чуть ли не вынуждалъ наложить на себя руку. Симонидъ Аморгскій, его преемникъ, направлялъ свои стрѣлы острой насмѣшкой противъ цѣлыхъ классовъ тогдашняго общества и особенно рѣзко нападалъ на женщинъ. Его стихъ былъ замѣчательно-выработанъ. Но самый злой, самый ѣдкій, самый страстный изъ всѣхъ ямбическихъ писателей былъ Гиппонаксъ (около 540 г. до Р. Х.). И онъ, говорятъ, своими злостными стихами довелъ до самоубійства двухъ своихъ противниковъ, скульпторовъ, которые изобразили его въ каррикатурномъ видѣ, преувеличивъ его физическое безобразіе, хотя онъ и безъ того былъ крайне дурень собою.

Элегія и ямбъ развились на іонійской почвѣ; третій же видъ лирики, собственно лирика, истинныя пѣсни, такъ наз. „мелось“—эолическаго или дорическаго происхожденія. Изъ всѣхъ греческихъ племенъ эолическое было одарено наиболѣе чувствительною, мягкою душою; ему было суждено выразить словами личныя чувства, теплоту сердца, веселье, печаль и страстные желанія, облечь ихъ въ поэтическую форму. Эолическая пѣсня касалась индивидуальной личности пѣвца, онъ воспѣвалъ свои собственные чувства, приключенія своей собственной жизни, буквально воспѣвалъ, аккомпанируя себѣ на лирѣ. Островъ Лесбосъ и его цвѣтущая, прекрасная столица Митилена были средоточіемъ этого рода поэтическихъ произведеній; вся Греція съ восторгомъ принимала эти пѣсни, но мало гдѣ умѣли имъ подражать. На Лесбосѣ положительно была школа или, лучше сказать, были школы этой отрасли поэзіи, изъ которыхъ вышли двѣ знаменитости: первая—аристократъ Алкей, родомъ изъ Митилены, человѣкъ дѣла, проникнутый духомъ партіи, но съ безпокойной, пламенной душой, которая со страстностью выражала свою ненависть и свою любовь въ новой системѣ строфы, названной алкейской. Рядомъ съ нимъ, хотя нѣсколько моложе его, величайшая поэтесса всѣхъ временъ, Сафо, къ которой Алкей питалъ несчастную любовь. Впослѣдствіи комедія наложила пятно на ея имя вымышленными любовными похождениями, которыя были ей совершенно чужды, такъ какъ исторія ничего не говоритъ ни о Фаонѣ, ни о низверженіи съ Левкадійской скалы. Сафо извѣстна въ исторіи какъ замужняя женщина, какъ мать любимаго ребенка, какъ начальница школы для дѣвицъ, съ которыми она пѣла пѣсни и упражнялась въ танцахъ. Эти пѣсни, дѣйствительно, преисполнены нѣжной, жгучей любви и страстныхъ грезъ, онѣ дышатъ чувствительностью, выраженною въ прелестной задушевной формѣ. Къ сожалѣнію, въ цѣлости сохранилась только одна изъ этихъ пѣсней и еще нѣкоторыя ея произведенія дошли въ отрывкахъ отдѣльныхъ строфъ и стиховъ. Изъ преемниковъ Сафо Анакреонъ изъ Теоса тоже создалъ себѣ почетное имя. Но этотъ іоніецъ, занимавшійся пѣснопѣвіемъ при дворахъ тирановъ и воспѣвавшій ихъ любимцевъ, не обладалъ ни эолическимъ жаромъ, ни эолическою сердечностью; эти чувства въ то время уже погасли. Сѣдовласый старецъ знаетъ только о легкомысленныхъ наслажденіяхъ жизни, онъ поетъ только о любви, винѣ и танцахъ. Легкая и граціозная форма, въ которую онъ облакалъ свои мысли, была причиною, что его пѣсни сдѣлались предметомъ подражанія въ теченіи многихъ столѣтій. Къ сожалѣнію, до насъ дошло болѣе такихъ подражаній, чѣмъ настоящихъ стиховъ самого Анакреона.

И дорическое племя имѣло свою лирическую поэзію, но такъ какъ тамъ обязанности по отношенію къ обществу всегда и вездѣ отодвигали на задній планъ права отдѣльныхъ лицъ, то и дорическая лирика не была изліяніемъ личныхъ чувствъ, а составила изъ пѣсенъ и стихотвореній, сочиненныхъ для опредѣленныхъ, болѣе частью имѣющихъ общественное значеніе случаевъ; пѣсни исполнялись хоромъ мужчинъ

или женщинъ и непремѣнно сопровождалась аккомпаниментомъ музыки и танцами. Этотъ родъ лирической поэзіи былъ, нѣкоторымъ образомъ, дѣломъ государственнымъ, по крайней мѣрѣ въ Спартѣ, гдѣ поэзія процвѣтала послѣ Мессенскихъ войнъ и куда стекалось множество стихотворцевъ и музыкантовъ. Терпандеръ и Фалетъ преобразовали музыку; послѣ нихъ лидіецъ Алкманъ, бывшій долгое время рабомъ въ Спартѣ, около 620 г. до Р. Х., присоединилъ къ музыкѣ разнообразныя, многочисленные стихи и упражнялъ хоры въ пеанахъ и гимнахъ, возбуждавшихъ всеобщій восторгъ. Одновременно съ нимъ, или можетъ быть нѣсколько позже, жилъ другой поэтъ Стезихоръ изъ Гимеры въ Сициліи; онъ создалъ болѣе искусное построеніе строфъ и можетъ считаться черезъ это предшественникомъ Пиндара. Онъ также считается основателемъ буколической поэзіи. Послѣ него слѣдуетъ Аріонъ съ острова Лесбоса, изобрѣтатель диѳирамба, который онъ же довелъ до совершенства. Въ Коринѣ онъ образовалъ и научилъ хоры праздничному веселому пѣнопѣнію, въ то же время, какъ постоянно странствовавшій поэтъ Ивикъ изъ Регіума вдыхалъ съ своей стороны въ хоровое пѣніе чувства любви и страсти. Но и этотъ жаръ скорѣ погасъ. Симонидъ Кеоскій, жившій во время Персидскихъ войнъ, считался первымъ между лирическими поэтами. Имѣя много поклонниковъ, пользуясь не только большимъ почетомъ, но и политическимъ значеніемъ, онъ былъ поэтомъ, отличающимся скорѣ разностороннимъ образованіемъ, утонченностью своихъ формъ и благородствомъ мыслей, чѣмъ геніемъ, обладавшимъ огнемъ, высокимъ пареніемъ и страстью. Его многочисленные стихотворенія были чрезвычайно разнообразны. Онъ воспѣвалъ великія событія Персидскихъ войнъ, восхвалялъ героевъ и государственныхъ дѣятелей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составлялъ гимны, праздничныя и плясовыя пѣсни, побѣдныя оды и т. д.

Но у Симонида былъ соперникъ, который, будучи счастливѣе его въ томъ отношеніи, что многія его творенія сохранились въ цѣлости, затемняетъ его славу, по крайней мѣрѣ въ глазахъ потомства. То былъ Пиндаръ. Родомъ изъ Віотіи, но получившій образованіе въ Атикѣ, Пиндаръ сіяетъ какъ послѣдняя яркая звѣзда на вечернемъ небѣ лирической поэзіи Греціи. Родившись въ 522 г. до Р. Х., онъ былъ современникомъ Эсхила, перваго великаго поэта новаго періода драматической поэзіи. Столь же почти разносторонній, какъ Симонидъ, онъ воспѣвалъ всѣ явленія общественной и частной жизни съ мужественною твердостью и съ выраженіемъ глубоко прочувствованныхъ, благородныхъ мыслей. Онъ пѣлъ, какъ и Симонидъ, по приглашенію и за вознагражденіе. Но Пиндаръ далеко превосходилъ Симонида творческою силою, высотой душевнаго полета, смѣлымъ и роскошнымъ построеніемъ своихъ одъ, которыя, однакожъ именно изъ-за этого-то нерѣдко становятся темны и неудобопонятны. Изъ безчисленныхъ стихотвореній Пиндара сохранились только тѣ, которыми онъ прославлялъ побѣдителей на общественныхъ играхъ. Эти „эпиникии“ пѣлись хоромъ, при ночныхъ пиршествахъ или при тѣхъ празднествахъ, которыя устраивались городомъ въ честь возвращающагося согражданина-побѣдителя. Обычай этотъ долго соблюдался, но втораго Пиндара Греція болѣе уже не имѣла. Трагедія, которая теперь стала процвѣтать въ Аѳинахъ, заняла умъ и способности всѣхъ великихъ писателей тогдашняго времени.

Драматическая поэзія, какъ новое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшее искусство въ области стихотворства, окончательно оттѣснила музыку на задній планъ. Хотя она первоначально возникла и не въ Аѳинахъ, но тамъ только она получила свою своеобразность, тамъ только нашла она своихъ великихъ поэтовъ. Возрастая вмѣстѣ съ величіемъ Аѳинъ, сопровождая, такъ сказать, политическую жизнь этого города, возвышаясь и падая вмѣстѣ съ нимъ, драматическая поэзія, какъ въ формѣ трагедіи, такъ и комедіи сдѣлалась предметомъ творческой силы Атики.

Одинъ родъ поэзіи возникаетъ изъ другого и такимъ образомъ драматическая поэзія.

Ромулъ и Ремъ.

Чертогъ царя Аггала.

Акрополисъ.
Стой поийскас.

Статуя Цирены
съ ребенкомъ Платусомъ
на рукахъ.

Здание Совѣта.
Ораторская каяедра.

Афинскій рынокъ (агора).

Ареопагъ.

Зала Юлиппови.

произошла изъ лирической. Тамъ, гдѣ особенно почитался богъ вина и вѣстникъ радости Діонисъ, тамъ устраивались въ честь его празднества съ хоровымъ пѣніемъ, съ возвышенными диѳирамбами, въ которыхъ то съ веселіемъ, то съ грустью воспѣвались удивительныя приключенія этого бога, его страданія, его радости. Запѣвало представлялъ бога Діониса, а пѣвцы—его удивительныхъ спутниковъ,—сатировъ со всею ихъ шайкою. Такъ это долго дѣлалось въ Сикіонѣ, равно какъ и въ Атикѣ, и вообще вездѣ, гдѣ существовали диѳирамбическія представленія. Эти послѣднія вскорѣ приняли форму вокальныхъ діалоговъ. Для того, чтобы изъ диѳирамба образовалась драма, необходимо было, чтобы къ пѣнію присоединился разговоръ, живая рѣчь, чтобы предметомъ представленія не былъ бы непременно мифическій рассказъ о Діонисѣ, а чтобы выборъ темы былъ предоставленъ исполнителямъ. Такъ и было въ Сикіонѣ, гдѣ аттический поэтъ Тесписъ, котораго можно назвать первымъ по времени трагикомъ, ввелъ въ диѳирамбъ простую разговорную рѣчь. Онъ впервые въ 536 до Р. Х. вывелъ на сцену актера въ роли героя, который вступаетъ въ разговоръ съ хоромъ и его предводителемъ. Но только когда Эсхиль рѣшился допустить втораго актера, трагедія, освободившись окончательно отъ лирической поэзіи, рассказы временъ мифическихъ, героическихъ и даже историческихъ. Взамѣнъ же прежнихъ представленій образовалась трагикомедія, полшутковская игра сатировъ, которая давалась всегда послѣ трагедіи для того, чтобы снова развеселить зрителей и облегчить тяжелое впечатлѣніе, произведенное трагедіей.

Самая постройка театровъ, развивавшаяся вмѣстѣ съ развитіемъ драмы, даетъ указаніе на первоначальное свое происхожденіе. Въ 500 г. до Р. Х. обрушились въ Аѳинахъ деревянные подмостки, устроенные для театра. Послѣ Персидскихъ войнъ они были

Софокль.
Въ Латеранскомъ музеѣ, въ Римѣ.

явилась свободною, самостоятельною драмою. Къ двумъ поставленнымъ на сцену актерамъ Софокль присоединилъ еще третьяго. Все это происходило въ Аѳинахъ и не можетъ не быть причислено къ заслугамъ этого города.

Тѣмъ не менѣе, трагедія сохранила многое изъ первоначальной своей обстановки. Сохранился хоръ со своимъ пѣніемъ, но не только въ качествѣ зрителя, а уже въ качествѣ самостоятельнаго дѣйствующаго лица. Драма въ томъ отношеніи осталась, такъ сказать, достояніемъ Діониса, и представлялась только въ дни празднествъ въ его честь. Но Діонисъ самъ и его спутники были какъ бы исключены изъ представленій; предметомъ ихъ сдѣлались вообще

замѣнены постояннымъ каменнымъ театромъ. Этому примѣру послѣдовали многіе города, устраивая постоянныя сцены. Театръ въ Аѣинахъ, сцены Эсхила, Софокла и Эврипида, громадное помѣщеніе для зрителей, болѣе чѣмъ на 20 тыс. челов., получили основной свой видъ тотчасъ послѣ гибели деревянныхъ подмостковъ, но были окончены только около временъ Александра Великаго стараніями оратора Ликурга. Изъ нынѣ открытыхъ развалинъ его оказывается, что впослѣдствіи, во времена римскихъ императоровъ, къ нему были сдѣланы пристройки.

Театры у грековъ устраивались подъ открытымъ небомъ. Ряды сидѣній возвышались амфитеатромъ въ формѣ полукруговъ, раздѣленныхъ ходами въ видѣ радіусовъ. Внизу, впереди сидѣли почетныя лица и власть имѣющіе, а равно судьи для оцѣнки

Комическое представленіе.

представляемыхъ піесъ. Передъ ними, какъ и въ лирическихъ представленіяхъ, былъ расположенъ оркестръ полукругомъ же или въ видѣ полуэллипса съ *Θυμέλη* посрединѣ, служащею какъ бы алтаремъ или памятникомъ. Именемъ „оркестръ“ собственно обозначалось пространство между сценою и зрителями и служило оно мѣстомъ дѣйствій хора, расположеннаго вокругъ Тимелы. За оркестромъ непосредственно начиналась сцена, продолговатый и неглубокій прямоугольникъ, закрытый сзади и съ боковъ; сторона, обращенная къ зрителямъ, располагавшимся противъ нея амфитеатромъ, была открыта. Окружавшія сцену стѣны служили кулисами, представляя мѣстность, въ которой происходитъ дѣйствіе, или сельскій видъ, или дикую пустошь, а болѣею частью дворецъ богатаго владѣльца, но не внутренніе покои, а только обширныя сѣни у входа. Все совершавшееся внутри и все слишкомъ сильно дѣйствовавшее на нервы зритель видѣтъ

не могъ во время дѣйствія и получалъ понятіе объ этомъ только по видному черезъ открытыя двери результату. По угламъ были расположены трехстороннія кулисы, вращеніемъ которыхъ разнообразили декораціи. Именно сцена или театральные подмостки вызвали усовершенствованіе перспективы въ декоративной живописи. Также не было недостатка въ механическихъ средствахъ для произведенія грома и молніи, для поднятія выходящихъ изъ-подъ земли духовъ и появленія боговъ, спускавшихся на облакахъ и опять исчезающихъ; отсюда и произошла поговорка „*deus ex machina*“.

Не должно, впрочемъ, всего этого считать чѣмъ нибудь особенно замѣчательнымъ: во всѣхъ аттическихъ трагедіяхъ вообще не очень заботилось о правдоподобіи, и сходствѣ съ дѣйствительностью. Трагедія представляла что-то необычайное, она входила въ составъ празднества въ честь Вакха, которое, выходя за предѣлы обыденной жизни, держало всѣ умы въ напряженномъ состояніи. Актеры являлись въ необыкновенныхъ костюмахъ и говорили неестественныя рѣчи, вообще все было весьма далеко отъ дѣйствительности. Высокіе котурны чрезмѣрно увеличивали станъ, къ тому же актеры подвязывали себѣ еще искусственныя плечи и бедра; длинные пестрые, дорого стоящіе, подаренные богатыми гражданами плащи спускались до самыхъ ногъ, маски покрывали лице, — маски съ трагическимъ выраженіемъ, съ широкимъ ртомъ и огромными отверстіями для глазъ. Правда, онѣ мѣшали мимикѣ, но выраженіе лица и безъ того не было бы видно на такомъ огромномъ разстояніи. Изъ отверстія для рта вырывалась громкая, медленная рѣчь, слышная во всѣхъ концахъ театра, несмотря на величину занимаемаго имъ пространства.

Точно также и внутренній характеръ трагедіи былъ первоначально, въ особенности у Эсхила, перваго великаго драматическаго поэта, высокопарный и патетическій, умышленно поставленный далеко за предѣлы обыкновенной жизни, съ торжественнымъ стилемъ, соответствующимъ празднеству, а также духу времени, которому принадлежалъ поэтъ. Эсхиль, родившійся въ 525 г. до Р. Х. въ Элевзисѣ въ Атикѣ, былъ однимъ изъ числа вдохновенныхъ и самоотверженныхъ бойцовъ Марафонскихъ, гордился этимъ и велѣлъ сдѣлать надпись объ этомъ на своемъ надгробномъ памятникѣ. Онъ является представителемъ древнихъ Аѳинъ временъ Персидскихъ войнъ, защитникомъ старыхъ обычаевъ и учреждений и противникомъ подроставшей демогагіи. Набожный и благочестивый, какъ вообще всѣ древніе аѳиняне, онъ видитъ во всѣхъ событіяхъ вліяніе и силу боговъ, мощную руку Зевса, справедливо и мудро распоряжающуюся таинственными путями судьбы.

Ко времени Эсхила уже установился обычай, чтобы всякій поэтъ, для состязанія въ трагическомъ искусствѣ — и въ этомъ случаѣ награда побѣдителя состояла въ вѣнкѣ — одновременно представлялъ три піесы съ добавленіемъ четвертой въ видѣ веселаго дополненія. Всѣ три піесы Эсхила, составлявшія „трагедію“, имѣли одну общую основную мысль; проводя во всѣхъ трехъ почти одну и ту же идею, онъ сдѣлалъ ихъ весьма близко другъ къ другу подходящими, такъ что онѣ кажутся тремя актами одной большой трагедіи. Такъ онъ въ одной трилогіи воспѣлъ великую борьбу Европы съ Азіею, борьбу между эллинами и варварами; средняя часть ея, изображающая пораженіе Ксеркса или, скорѣе, плачь по поводу этого пораженія при дворѣ въ Сузѣ, сохранилась въ его трагедіи „Персы“. Такимъ образомъ онъ представилъ въ трилогіи „Орестія, единственной сохранившейся въ цѣлости, самый трагическій изъ всѣхъ сюжетовъ, а именно убіеніе Агамемнона, пагубныя послѣдствія этого убіенія до умопомраченія Эвменидъ Орестомъ. Это было послѣднее его твореніе во время пребыванія въ Аѳинахъ.

Его преемникъ и соперникъ — Софокль (495—406 до Р. Х.) уничтожилъ искусственную связь, существовавшую между частями трилогіи, и представлялъ каждый сюжетъ

Позидиппъ.
Статуя въ Ватиканѣ, въ Римѣ.

въ видѣ самостоятельной пьесы. Этимъ способомъ онъ могъ сюжетъ каждой отдѣльной пьесы изобразить съ большею выразительностью, съ большею живостью, что, безъ сомнѣнія, указываетъ и на высшую степень развитія драматической поэзіи. Съ этою цѣлью Софокль вводитъ третьяго актера. Такимъ образомъ драматическій элементъ сталъ окончательно преобладать надъ лирическимъ и отдѣльные характеры могли быть изображены художественнѣе. Софокль вскорѣ отказался также отъ патетическаго тона и высокотрагическихъ приемовъ Эсхила и, усиливая значеніе діалога, употребляетъ болѣе естественный простой языкъ, хотя самое содержаніе еще не взято изъ обыденной жизни. Далеко не столь религіозный, какъ Эсхилъ, Софокль отодвигаетъ внимательство божества на задній планъ; онъ изображаетъ нравственную борьбу, происходящую въ человѣческой душѣ подъ вліяніемъ различныхъ чувствъ и страстей; эти элементы борются каждый за свои права и, опираясь на нихъ, приводятъ дѣйствіе къ трагической развязкѣ. Такъ въ „Антигонѣ“, первой и, можетъ быть, лучшей изъ всѣхъ его драмъ, требованія государства вступаютъ въ душѣ героя трагедіи въ непримиримую борьбу съ обязанностями семейными.

Софокль идеализировалъ своихъ героевъ, т. е. представлялъ людей такими, какими они должны быть, Эврипидъ же такими, какъ они являются въ дѣйствительности. Это послѣдній шагъ, который сдѣлала драматическая поэзія, чтобы спуститься съ миѳической высоты Эсхила на почву чисто человѣческой жизни. Софокль въ своей мудрой сдержанности и въ своей строгой нравственности стоитъ выше духа своего времени, Эврипидъ же (482 — 407), его современникъ и младшій собратъ, вполне сжилъ съ

этимъ духомъ. Онъ былъ ученикомъ риторовъ и софистовъ и пропитанъ ихъ наставленіями; онъ говорилъ языкомъ народнаго собранія и судебныхъ учреждений и древніе мѣны измѣнялъ по произволу. Дозволяя себѣ эту вольность, онъ снимаетъ съ героевъ и героинь ихъ божественность, ихъ величественность, придаетъ имъ мелкія людскія слабости и ставитъ ихъ въ далеко не возвышенное положеніе. Драмы свои Эврипидъ наполнилъ поражающими неожиданностями, а когда борьбѣ надлежало придти къ трагической развязкѣ, у него внезапно для этой цѣли—какъ-бы на выручку—является *Deus ex machina*, богъ всеразрѣшающій, все развязывающій. Таковъ обыкновенный его пріемъ. Тѣмъ не менѣе Эврипидъ—поэтъ очень даровитый, обнаруживающій въ лучшихъ своихъ драмахъ такую величественность въ описаніи страстей, что Аристотель называетъ его „самымъ трагическимъ изъ всѣхъ поэтовъ“. Таковымъ онъ является въ „Медеѣ“, въ „Федрѣ“, дышащей местию за отвергнутую любовь ея, въ бѣшеныхъ „Вакханкахъ“, разрывающихъ врага своего бога.

Никто изъ позднѣйшихъ поэтовъ уже не достигалъ болѣе подобной высоты; впрочемъ они къ этому едва ли и стремились. Трагедія болѣе позднихъ временъ, сообразуясь съ возрастающей страстью афинянъ къ тяжбамъ, скорѣе похожа на судебное препирательство, чѣмъ на потрясающее изображеніе борьбы людскихъ слабостей и страстей съ законами божескими. Въ поэтахъ не было недостатка; уже Аристофанъ изобразилъ ихъ въ видѣ чирикающихъ ласточекъ въ рощѣ музъ. Для образованныхъ людей всѣхъ сословій установился даже родъ моды сочинять трагедіи и ставить ту или другую на сцену. Но и въ нихъ, съ легкой руки Эврипида, отличительную черту составляло то, что главное мѣсто занимали діалоги, а дѣйствіе и развитіе отдѣльныхъ характеровъ были отодвинуты на задній планъ. Завязка состояла въ спорномъ вопросѣ, находчиво разрѣшаемомъ адвокатами. вмѣстѣ съ этимъ трагедія потеряла весь свой интересъ, она дѣлалась все болѣе и болѣе „книжною драмою“, годною для чтенія, а не для постановки на сцену. Но и въ этой области позднѣйшіе поэты всегда находили могущественныхъ соперниковъ въ предшествовавшихъ трехъ великихъ трагикахъ, сочиненіями которыхъ зачитывались даже въ то время, когда они ужъ не появлялись болѣе на сценѣ. Это въ то же время причина того, что только ихъ творенія сохранились въ цѣлости.

Подобную-же участь потерпѣла и аттическая комедія, которая хотя и не была позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ трагедія, но въ своемъ развитіи отстала отъ послѣдней на цѣлое поколѣніе. И она обязана происхожденіемъ Вакху, и она порожденіе того шаловливаго своеволія, которое вызывалось дѣйствіемъ вина. Въ Атикѣ праздновали осенью въ деревняхъ такъ называемыя „Малыя Діонисіи“, по случаю сбора винограда. Эти празднества сопровождались разнообразнѣйшими представленіями, необузданно шаловливыми выходками, вольность и смѣлость которыхъ могли быть только извиняемы характеромъ празднества. Это празднество нерѣдко состояло въ роскошномъ обѣдѣ, *xômos*, съ хорошими пѣснями, откуда и названіе „комедія“. Въ этихъ пѣсняхъ все осмѣивалось. Изъ нихъ образовалась комедія, какъ изъ дифирамбовъ трагедія. Это празднество допускало величайшую вольность, и, подъ покровительствомъ бога вина, необычайную смѣлость въ нападкахъ на личность, поражающихъ насъ еще въ Аристофанѣ.

Но комедія оставалась долгое время въ сельской тиши и безвѣстности. Въ особенности во время Пизистратидовъ, тиранія которыхъ не перенесла бы безпощадныхъ нападковъ, она не смѣла переселяться въ городъ. Только когда трагедія была уже въ полномъ развитіи, около начала Персидскихъ войнъ, государство приняло комедію подъ свою защиту, открыло ей доступъ на сцену и дало ей средства для необходимой обстановки, въ которой она нуждалась не менѣе трагедіи. Хоръ и актеры трагедіи являлись въ блестящихъ, необыкновенныхъ костюмахъ; дѣйствующія лица комедіи въ видѣ причудливыхъ фигуръ съ безобразными масками, всякими животами и другими фантастиче-

скими добавленіями, дополняющими, соотвѣтственно роли, требованія смѣшного представленія. Изобрѣтательность комедіи въ этомъ отношеніи не знала предѣловъ, хоръ выступалъ на сцену въ видѣ облаковъ, птицъ, лягушекъ, ось и т. п. если и не въ полномъ видѣ, то во всякомъ случаѣ настолько характеризованномъ костюмами, что нельзя было не узнать, что представлялось; сидя на огромномъ навозномъ жукѣ, Тригей подымается на небеса, чтобы привести оттуда богиню мира; Діонисъ, вмѣстѣ съ Гераклемъ, спускались въ преисподнюю, птицы строили въ облакахъ идеальный городъ и т. д.

Хотя комедія водворилась въ Аѣинахъ еще въ началѣ пятого столѣтія, но процвѣтаніе ея относится къ концу его. Повидимому, она нуждалась для полнаго развитія своей необузданной вольности въ соотвѣтственномъ расширеніи демократическихъ началъ. Но еще болѣе нашла она пищи въ демагогахъ, въ которыхъ она преимущественно пускала свои безжалостныя стрѣлы злобной остроты и на которыхъ преимущественно обрушивается ея гнѣвъ. Съ перваго взгляда кажется, что комедія не знала ничего святого, никого и ничего не было достаточно сильного, довольно внушительнаго, чтобы испугать ее. Потокѣмъ своихъ насмѣшекъ она уничтожала самихъ боговъ и сильныхъ мира сего, все выдающееся было предано поношенію, насмѣшкѣ; не было ни малѣйшаго приличія ни въ приемахъ, ни въ языкѣ комедіи; рѣзкость ея была безмѣрна; ея непринужденность—безгранична. Мы говорили уже, что это кажется съ перваго взгляда, и дѣйствительно это только кажется. Такъ называемая древняя комедія, дѣйствительно, неограниченно пользовалась вольностью, которую ей открывали празднества Вакха, но тѣмъ не менѣе все было основано на началахъ незыблемой нравственности, она твердо стояла въ своемъ воззрѣніи на дѣятельность отдѣльныхъ партій въ государствѣ. Она возставала противъ всего ложнаго и извращеннаго, противъ нововведеній и народныхъ подстрекателей, она ратуетъ за старое право, за древніе обычаи.

Все это относится въ особенности къ Аристофану, единственному комическому поэту этого времени, нѣкоторыя шесы котораго сохранились въ цѣлости. Родившійся въ 452 г. въ Аѣинахъ, Аристофанъ началъ свое поприще комическаго писателя въ 427 году, а послѣдняя пьеса его была поставлена на сцену въ 388 году. Его геніально-веселый умъ не знаетъ предѣловъ, его изобрѣтательность неисчерпаема, шутливыя выдумки въ его комедіяхъ слѣдуютъ одна за другой какъ бы обгоняя другъ друга, его острота не знакома съ робостью, его языкъ безгранично-рѣзокъ. Онъ борется съ демогагіею и софистикою изъ-за нравовъ и обычаевъ древнихъ Аѣинъ, онъ съ воодушевленіемъ воспѣваетъ Мараѣонскихъ воиновъ и ихъ время, онъ поклоняется Эсхилу и ненавидитъ Эврипида. Въ своей комедіи „Всадники“ онъ выводитъ на сцену Клеона во время наибольшаго процвѣтанія его власти и нападаетъ на него такъ, какъ едва ли когда либо нападали на народнаго предводителя. Въ „Облакахъ“ онъ бичуетъ софистовъ, которые своими пагубными ученіями портятъ молодежь, причемъ онъ, надо сознаться, дѣлаетъ непростительную ошибку, полагая, что Сократъ ихъ глава и представитель. „Акарняне“ и „Миръ“ обращены противъ партіи войны. „Птицы“—противъ ложныхъ увлеченій аѣинянъ, которые тогда именно (въ 414 г.) предприняли было Сицилійскую экспедицію; „Осы“—противъ судебныхъ ораторовъ, обратившихъ свое дѣло въ ремесло; „Женщины на праздникъ Тесмофорій“ и „Лягушки“, направленные противъ Эврипида, посвящены литературной критикѣ.

Только что упомянутое направленіе, литературное, овладѣло преимущественно такъ называемою „среднею комедіею“ послѣ смерти Аристофана. Аѣины, послѣ своихъ несчастій въ Пелопонесской войнѣ, повидимому, не могли болѣе выносить рѣзкости и откровенности древней комедіи; по мѣрѣ упадка политическаго значенія этого города усиливался интересъ къ литературѣ. Поэтому-то и комедія получила это направ-

леніе, занимаясь до временъ Александра Великаго преимущественно тѣмъ, что имѣло у аѳинянъ значеніе въ области литературы. При этомъ она бичевала вообще всѣ глупости и неурядицы обыденной жизни и посвятила себя безобидной и спокойной критикѣ. И это направленіе сохранила она въ своемъ третьемъ періодѣ, періодѣ такъ называемой „Новой комедіи“, представителями которой считаются Менандръ и Позидиппъ. Она беретъ сюжеты исключительно изъ частной жизни и имѣетъ своимъ содержаніемъ любовныя похиженія молодыхъ людей и любовныя интриги, кончающіяся въ концѣ концовъ свадьбой. Она изображаетъ, какъ постоянные типы, алчную гетеру, влюбленнаго юношу, попадающаго въ ея сѣти, интригана-раба, какъ соучастника, и хвастливаго воина: это живые аѳинскіе типы временъ Александра Великаго. Въ ней хоръ уже не играетъ той роли, какую онъ игралъ прежде, и вообще она отвергла все то, что напоминаетъ о вакхическомъ происхожденіи комедіи. Комедія состоитъ изъ завязки, развитія интриги и заключенія.

Вотъ какова новѣйшая аттическая комедія,—уже настоящая бытовая комедія. Въ этомъ видѣ перешла она въ Римъ. Плавтъ и Терренцій, какъ мы можемъ судить по сохранившимся отрывкамъ, перенесли ее на римскую почву съ полнымъ соблюденіемъ аттическаго характера, съ тѣмъ же чисто аѳинскимъ персоналомъ и развитіемъ дѣйствія, и она, повидимому, вполне пришлась по вкусу римлянамъ.

Менандръ
Статуя въ Ватиканѣ, въ Римѣ.

Парнасъ.

III.

Прозаическая литература: исторія, крас-
норѣчіе, философія.

В ТЕЧЕНІИ многихъ вѣковъ греческая литература состояла исключительно изъ поэзіи. Поэзія уже успѣла развить и даже довести до совершенства всѣ свои отрасли, когда греки пришли къ сознанію, что и обыкновенной рѣчью можно письменнo изложить и увѣковѣчить свои мысли. Это одновременно случилось въ двухъ областяхъ: въ исторіи и философіи. Духъ человѣческій, пробудившись отъ поэтическаго сна, обратился къ изслѣдованію условій настоящей жизни, событій прошедшаго и явленій природы внѣ себя и надъ собой.

И тутъ толчокъ былъ данъ іонійцами, этимъ бодрымъ и подвижнымъ населеніемъ Малоазійскаго берега, которое вызвало къ жизни всѣ отрасли греческой культуры, предоставляя дальнѣйшее развитіе своей метрополи. Весьма вѣроятно, что жрецы во многихъ мѣстахъ дѣлали кое-какія историческія замѣтки, но во всякомъ случаѣ онѣ не

были предназначены къ обнародованію. Кадмъ изъ Милета былъ первый, написавшій около 540 года до Р. Хр. историческое сочиненіе, а именно исторію возникновенія своего отечественнаго города. За нимъ слѣдовалъ рядъ такъ называемыхъ „логографовъ“,—Гекатей, Гелланикъ, Ферекидъ, Харесь, изъ которыхъ одни сообщали этнографическія и географическія свѣдѣнія, добытыя во время своихъ путешествій, другіе передавали прозой мифологическіе рассказы поэтовъ. Но рассказы ихъ неискусны, сухи, лишены всякой оживленности и не имѣютъ никакого стремленія нравиться или стараться произвести впечатлѣніе въ родѣ поэтическаго.

Тогда является Геродотъ, называемый отцомъ исторіи, родомъ дорянинъ изъ Галикарнаса, а по воспитанію іоніецъ, впервые понявшій, что историческій рассказъ можетъ и долженъ сдѣлаться предметомъ искусства, можетъ вліять на души. Родился онъ въ 484 году до Р. Хр. и свои молодые годы посвятилъ преимущественно политической жизни, а затѣмъ изъ любознательности объѣздивъ всѣ извѣстныя грекамъ земли, чѣмъ и пріобрѣлъ опытность въ государственныхъ и общечеловѣческихъ дѣлахъ и кромѣ того собралъ массу свѣдѣній объ народахъ, населявшихъ эти страны. Съ подобнымъ запасомъ онъ началъ сперва въ Аѣинахъ, а затѣмъ въ Туріяхъ описаніе всего того, что онъ видѣлъ, испыталъ и пережилъ. Исходя изъ великаго соперничества и столкновенія между Азіей и Европой, между варварами и эллинами, онъ держится этой путеводной нити во всемъ касающемся далекихъ странъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря. Такимъ образомъ онъ является прежде всего бытописателемъ Персидскихъ войнъ, полнымъ любви къ истинѣ, безпристрастнымъ и анализирующимъ, хотя еще преисполненнымъ дѣтской склонности къ чудесному и диковинному. Онъ рассказываетъ съ охотою, гладко и наивно, но живо и картинно, безхитростно и безъ всякой задней мысли, рассказываетъ какъ общительный человѣкъ, выдавшій на своемъ вѣку виды.

Совершенно иное встрѣчаемъ мы у его великаго преемника аѣинянина Фукидида, историка Пелопонесской войны. Во время его дѣятельности—это было въ концѣ упомянутой выше войны—софисты учредили въ Аѣинахъ риторскія школы, въ которыхъ обучали искусному построенію рѣчи. Разработанная до совершенства прозаическая рѣчь не осталась безъ вліянія на Фукидида, заставивши его работать надъ языкомъ и совершенствовать стиль, но ни въ томъ, ни въ другомъ онъ не достигъ высоты своей задачи. Старательно подыскиваетъ онъ слова и часто подбираетъ чрезвычайно мѣткія; онъ старательно и не безъ искусства отдѣлываетъ свои періоды, но зато тѣ и другіе часто страдаютъ темнотою и тяжеловѣсностью. Но значеніе его заключается не въ этомъ, а въ достоинствѣ и содержаніи его сочиненія. У него исторія впервые является полнымъ, законченнымъ трудомъ. Поэтому онъ изъ исторіи своего времени выбираетъ Пелопонесскую войну, которую считаетъ величайшимъ и важнѣйшимъ событіемъ всѣхъ вѣковъ, и старается ее описать. Какъ государственный человѣкъ времени и школы Перикла, онъ стоитъ выше событій и съ великимъ, широко-хватающимъ взглядомъ своего героя и съ холодной обдуманностью заставляетъ вещи говорить самихъ за себя. Но онъ не излагаются зря: тутъ мы впервые встрѣчаемъ въ исторіи прагматическую связь. Какъ государственный человѣкъ, онъ понимаетъ и указываетъ зависимость между событіями, дѣйствующую причину и слѣдствіе; какъ знатокъ людей, онъ опредѣляетъ побужденія отдѣльных лицъ, наблюдаетъ ихъ характеръ и страсти и, какъ ораторъ, распутываетъ съ глубокою проникательностью и ясностью сложныя отношенія между людьми и событіями. Ни въ одномъ періодѣ исторія не достигала подобнаго совершенства изложенія.

Эти великія качества его перешли къ его соотечественнику Ксенофону, который своими „эллинскими рассказами“ пытался составить продолженіе труда Фукидида. Ксенофонъ былъ частнымъ лицомъ и потому не могъ съ холодною разсудительностью стать выше партій и событій. Онъ именно былъ человѣкомъ партіи, человѣкомъ жизни и это толкнуло

его на совершенно особенный путь и сдѣлало его, афинянина, приверженцемъ Спарты. Будучи другомъ Кира Младшаго и товарищемъ Агезилая, онъ участвовалъ въ походѣ въ Азію болѣе какъ случайный предводитель наемниковъ, чѣмъ въ качествѣ настоящаго полководца. Всѣ пережитыя имъ впечатлѣнія онъ соединилъ скорѣе въ мемуары, чѣмъ въ исторію, и этотъ характеръ носятъ лучшія его сочиненія—„Отступленіе десяти тысячъ грековъ изъ Азіи“ и „Воспоминанія“ о Сократѣ. Его бытописаніе не задается высокими задачами Фукидида, но зато стоитъ на высотѣ совершенства по чистотѣ аттической рѣчи, по ясному, легкому и спокойному теченію изложенія. Въ этомъ отношеніи Ксенофонтъ можетъ быть образцомъ даже для афинянъ. Достоинство историческаго сочиненія возвышено имъ и въ отношеніи внѣшней формы.

Вліяніе риторики, выработавшей къ тому времени замѣчательно изящный стиль, еще болѣе увеличило красоты историческихъ сочиненій. Теопомпъ, ученикъ оратора Исократы и самъ знаменитый ораторъ, возвысилъ исторію надъ мемуарами Ксенофонта и расширилъ ея горизонтъ. Своими „Филиппиками“ онъ сдѣлалъ опытъ всеобщей и даже культурной исторіи, вовлекая въ свое описаніе и науки, и искусства, и общество. Но стиль его ужъ не простой, легкій, естественный аттическій стиль. Историкъ не могъ въ немъ отдѣлиться отъ оратора: мелочно и педантично отдѣлывая стиль, онъ повременамъ стремится къ силѣ выраженія, дѣлается патетическимъ и высокопарнымъ. Онъ въ этомъ отношеніи чуть ли даже не впадаетъ въ крайность.

Теопомпъ нашелъ подражателей и послѣдователей, но ненадолго. По смерти Александра Великаго, когда Александрія сдѣлалась средоточіемъ литературы и науки, проза падаетъ и перестаетъ быть искусствомъ. Теперь уже не старались болѣе изящно говорить и писать, но, не заботясь о внѣшней формѣ, стремились къ возможно большей точности изложенія. Все вниманіе обращается на научность и критическій духъ, а не на описаніе. Уже не было болѣе такихъ государственныхъ мужей, которые, благодаря мудрости и опытности и своему высокому положенію, могли бы съ большимъ или меньшимъ талантомъ передать все, очевидцами чего они были. Только когда Эллада уже совсѣмъ погибла, явился среди ея сыновъ историкъ въ лицѣ ахейца Полибія, но, живя долго въ Римѣ и вращаясь среди римскихъ великихъ мужей, ахеецъ этотъ пріобрѣлъ иную тему для описанія и его исторія—уже исторія римская.

Про вліяніе краснорѣчія уже было упомянуто. Когда рѣчь идетъ объ усовершенствованіи и разработкѣ аттической рѣчи, на первомъ планѣ являются ораторы. Это касается всѣхъ риторовъ и даже отчасти софистовъ. По мѣрѣ разростанія афинской демократіи, краснорѣчіе дѣлается необходимымъ, дѣлается главнымъ предметомъ образованія. Афинянинъ нуждался въ немъ въ совѣтъ, въ судѣ, въ народномъ собраніи, такъ какъ всякій принималъ тамъ участіе. При такихъ обстоятельствахъ краснорѣчіе по необходимости достигло обширнаго развитія, сдѣлалось искусствомъ и отраслью литературы.

Въ началѣ краснорѣчіе было очень просто. Перикль, хотя и прозванный олимпійцемъ и потрясавшій своими рѣчами всю Элладу, принадлежалъ къ числу тѣхъ спокойныхъ ораторовъ, не допускавшихъ никакихъ жестовъ и движеній, ни даже измѣненія въ выраженіи лица. Онъ не старался красно говорить, а хотѣлъ лишь убѣждать. Что было причиной его вліянія,—это множество чистыхъ и высокихъ идей, которыя онъ излагалъ съ остроуміемъ и логическою ясностью и опредѣленностью, это было его высокое міросозерцаніе и главнымъ образомъ могущественное очарованіе его благородной, изъ ряду вонъ выходящей личности. Онъ никому не льстилъ, не поддавался страстямъ, но всегда былъ великъ, правдивъ и преисполненъ достоинства.

То, чего достигъ Перикль, было предметомъ желаній и стремленій многихъ людей, менѣе его одаренныхъ природою. Чтобы уравновѣсить это являются вызванныя необходимостью

школы. Первые учителя въ нихъ—софисты, будучи скептиками въ отношеніи религіи и философіи, какъ учителя краснорѣчія, много содѣйствовали разработкѣ языка и рѣчи; въ этомъ заключается ихъ положительная заслуга. Первый съ успѣхомъ открывшій школу въ Аѣинахъ былъ леонтинецъ Горгіасъ. Онъ явился въ Аѣины въ 427 году посломъ изъ Сициліи, гдѣ краснорѣчіе уже достигло извѣстнаго профессиональнаго развитія. Онъ въ Аѣинахъ встрѣтилъ поддержку и вошелъ въ моду, такъ что приобрѣлъ множество учениковъ. Онъ ихъ училъ, по обычаю софистовъ, говорить pro и contra объ одномъ и томъ же предметѣ; онъ училъ ихъ владѣть языкомъ, училъ интонаціи, ритму и благозвучію и умѣнію располагать свои мысли въ извѣстномъ симметрическомъ порядкѣ. Но Горгіасъ имѣлъ свои слабыя стороны. Чтобы придать рѣчи поэтической, музыкальный отголосокъ, онъ подбиралъ и даже сочинялъ поэтическія, звонкія слова, которыми, между прочимъ, выражались иногда самыя заурядныя мысли, самый пустой пафосъ. Эта манера, названная „горгизированіемъ“, служитъ первымъ моментомъ примѣшиванія аффектацій къ ораторской teknikѣ.

Преемники его, настоящіе ораторы, хотя и отказались отъ пустого пафоса, но пошли далѣе по пути внѣшней обработки рѣчи. Эти риторы, сдѣлавшіе краснорѣчіе средствомъ для проложенія себѣ карьеры, не только содержали школы, куда стекались юноши со всѣхъ земель греческихъ, но и писали рѣчи для другихъ, которые и произносили ихъ передъ судомъ въ защиту своихъ интересовъ. Такъ образовался классъ ораторовъ-писателей, и краснорѣчіе, употреблявшееся раньше въ судѣ и политикѣ, дѣлается предметомъ и замѣтной отраслью литературы вообще. До нашихъ временъ сохранилось много аттическихъ рѣчей съ этимъ послѣднимъ характеромъ.

Между этими ораторами, которые сами или никогда, не произносили рѣчей, или очень рѣдко произносили ихъ, но только ихъ сочиняли, былъ риторъ Лизій, владѣвшій относительно простою, неприкрашенною рѣчью, что, впрочемъ, не исключало искусной разстановки словъ. Исократъ же, какъ учитель, считающійся самымъ знаменитымъ и прославленнымъ, ушелъ далеко отъ всѣхъ и въ поверхностномъ направленіи софистовъ. У него вся рѣчь до мельчайшихъ подробностей была преисполнена благозвучіемъ. И цѣликомъ и по отдѣльнымъ фразамъ, ее можно приравнять къ архитектурной постройкѣ, отдѣльныя части которой поставлены въ педантическомъ и соразмѣрномъ соотвѣтствіи.

Такимъ образомъ рѣчь—и ея выработка не мало принесла пользы аттическому языку и литературѣ—достигла совершенства техники, выше котораго она ужъ не идетъ. Но такъ какъ тѣ, которые ее создали, лично держались болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ общественной жизни, то ей и не хватало внутренняго оживленія; ея красота—чисто внѣшняя, ея искусство—мастерство. Должны были появиться люди, которые бы влили содержаніе въ эту форму, наполнили ее пламеннымъ дыханіемъ жизни и этимъ расторгнули искусственныя оковы, въ которыя заключилъ ее школьный педантизмъ. И они появились;—это были ораторы времени Филиппа, государственные люди и предводители партій, задававшіеся высшими задачами, чѣмъ судебныя пренія, это были — Ликургъ, Гиперидъ, Эсхинъ и выше ихъ всѣхъ—Демосѣенъ.

Изъ нихъ Эсхинъ, приверженецъ царя Филиппа и противникъ Демосѣена, не получилъ школьнаго образованія. Природа надѣлила его такимъ блестящимъ даромъ слова, что онъ могъ обойтись и безъ школьнаго ученія; кромѣ того ему послужило въ пользу еще то, что раньше онъ былъ актеромъ. Не то было съ Демосѣеномъ, котораго природа обдѣлила всѣми нужными для оратора качествами, за исключеніемъ развѣ пламенной души и желѣзной силы воли. Онъ захотѣлъ быть ораторомъ и превзошелъ ихъ всѣхъ. Его характерная, не античная, но съ античнымъ отпечаткомъ голова съ могучимъ челомъ, рѣзкими чертами лица и сжатыми губами свидѣтельствуетъ о глубокомы-

сленномъ умѣ, о силѣ воли и привычкѣ къ труду. Съ самаго дѣтства ему представлялся идеаль оратора. Чтобы сдѣлаться имъ, онъ преодолѣлъ все препятствія: онъ свою природную робость превратилъ въ безстрашную смѣлость, онъ облагородилъ свои неизящныя манеры, онъ лишилъ свой языкъ его неповоротливости, онъ укрѣпилъ свои легкія и сдѣлалъ свой маленькій, слабый голосъ могучимъ и звучнымъ. Усилія, которыя ему пришлось при этомъ сдѣлать, дали даже пищу для различныхъ анекдотовъ.

Демосеенъ соединялъ въ себѣ все достоинства своихъ предшественниковъ. Подъ руководствомъ оратора Исея, онъ въ школѣ ознакомился съ техникою краснорѣчія и вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣлъ подробнѣйшія познанія въ аттическомъ правѣ. Такимъ образомъ онъ никому не уступалъ во внѣшнемъ ораторскомъ образованіи, а причина, почему онъ всехъ превзошелъ, заключается въ вѣрности и твердости его убѣжденій, въ искренности его стремленій, страстности его характера, въ его пламенномъ патріотическомъ увлеченіи. Дюжиннымъ характерамъ, которыми до сихъ поръ управлялись аѣины, игрѣ въ краснорѣчіе, практиковавшейся въ то время, противопоставилъ человѣкъ съ пламенной душой, съ искренней мужественностью, съ импонирующею силою характера. Какъ будто воскресъ одинъ изъ могучихъ мужей, управлявшихъ Аѣинами въ ихъ золотые дни. Аѣиняне пробовали было сопротивляться, но не онъ поплатился за неудачную попытку смертію въ изгнаніи на островѣ Калаврїи (въ 321 г. до Р. Хр.).

Послѣдующія времена Греціи до полной потери самостоятельности не могли воспитать великаго оратора. Восхваляютъ краснорѣчіе Деметрія Фалерейскаго, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ управлялъ Аѣинами, но это уже были послѣдніе проблески прежняго величія. Ораторы вымерли, остались только школы, куда впослѣдствіи стекались молодые римляне для изученія краснорѣчія. Такимъ образомъ и эта вѣтвь греческой культуры перешла въ Римъ.

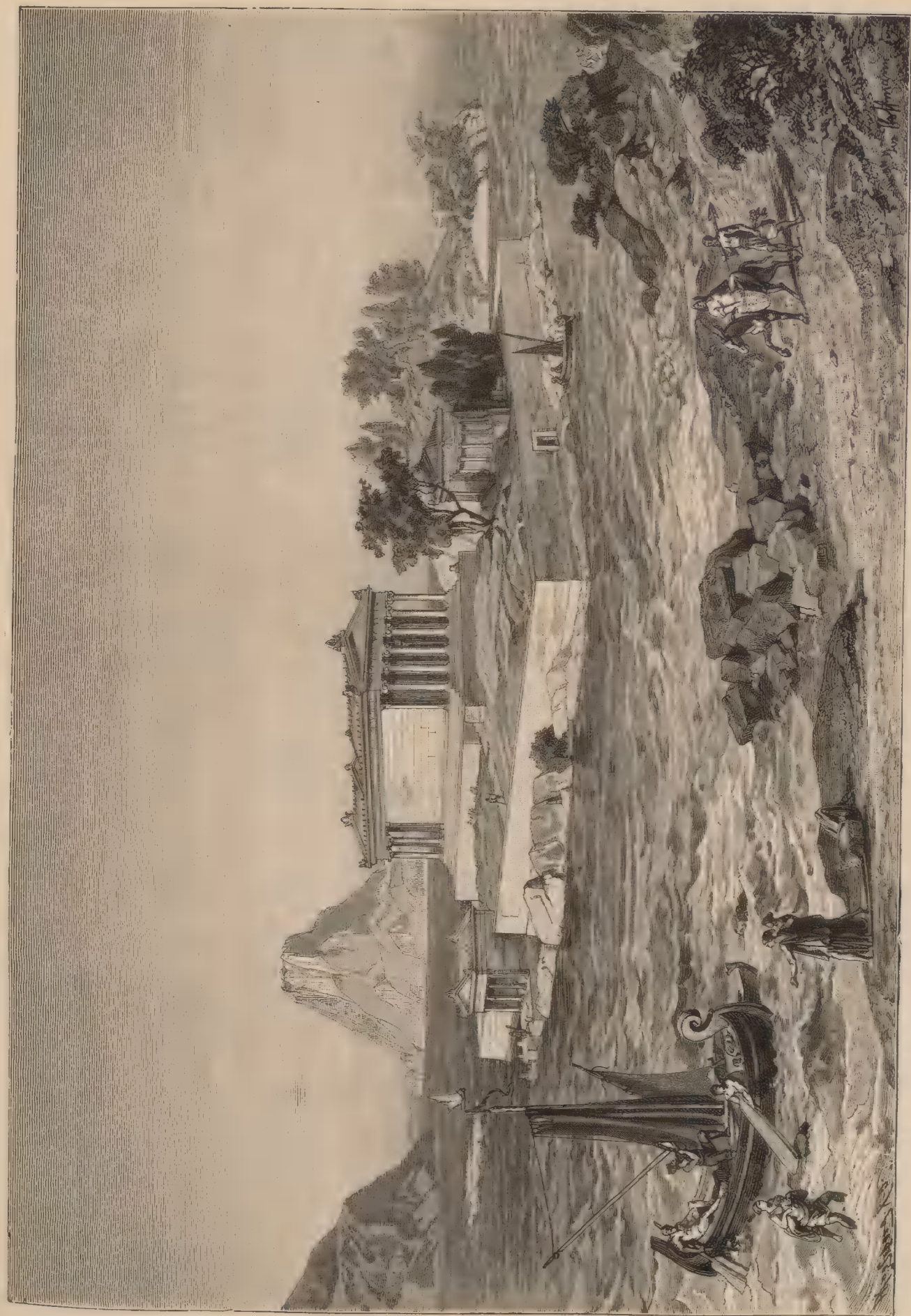
Такой же конецъ, т. е. воспріятіе римскимъ міромъ, римской культурой было удѣломъ и той вѣтви литературы, которую можно разсматривать, если не какъ роскошнѣйшій цвѣтъ эллинскаго духа, то во всякомъ случаѣ какъ послѣднее, интеллектуальное его

Демосеенъ.
Бюстъ въ Ватиканѣ, въ Римѣ.

могли долго устоять противъ его вліянія, и Демосеенъ, почти противъ ихъ воли, управлялъ ихъ сердцами и побуждалъ на патріотическіе подвиги. Безупречный и могучій, какъ Периклъ, онъ, впрочемъ, не былъ такъ счастливъ, какъ этотъ послѣдній. Аѣиняне и вообще эллины были уже въ то время не тѣ, что прежде, и въ Филиппѣ Македонскомъ они встрѣтили противника, противъ котораго не помогли ихъ сила и воля. При Херонѣ пали Аѣины и Демосеенъ вмѣстѣ съ ними. Послѣ смерти Александра онъ еще разъ сдѣлалъ попытку поднять Аѣины и Грецію; напрасно:

Островъ Сферія.
наз. Священный островъ, съ храмомъ Аполла
(въ первоначальномъ видѣ).

проявление, именно философии, которой мы напоследок и посвящаемъ нѣсколько словъ. Мы и тутъ, конечно, ограничимся нѣкоторыми историческими моментами ея культурнаго развитія, какъ мы это сдѣлали относительно другихъ отраслей наукъ и литературы.

Греческая философія есть, съ одной стороны, плодъ освобожденія эллинскаго духа отъ національно-религіозныхъ преданій, потерявшихъ свою состоятельность, и это обстоятельство служить ей точкой отправленія. Освободившись же, она, съ другой стороны, сама доискивается истинъ о Богѣ и вселенной, которыми можно было бы замѣстить прежнія воззрѣнія. Но философія пошла дальше этого, она не удовольствовалась ролью замѣстителя религіи; она вышла изъ предѣловъ отвлеченнаго мышленія и проникла въ практическую жизнь. Она пыталась улучшить нравы и управлять государствомъ по своей мысли и духу. Хотя она въ этомъ стремленіи потерпѣла неудачу, но она всетаки перешагнула черезъ ограниченный кругъ спеціальной науки и сдѣлалась общимъ достояніемъ образованія и необходимостью для всѣхъ подвизавшихся на поприщѣ общественной жизни.

Іонійцы, какъ раньше упомянуто, и тутъ были первые, прервавшіе связь съ традиціями. Непрепятствуемые никакимъ религіознымъ ученіемъ, они изучали и старались объяснить міръ видимыхъ явленій, хотя и не путемъ эксперимента, который такъ таки и остался чуждымъ грекамъ. Они доискивались перваго основанія, первоначальной матеріи, изъ которыхъ все произошло. Θαเลสъ считалъ имъ воду, Анаксименъ—воздухъ, Анаксимандръ—какое-то неопредѣленное, безконечное вещество. Но это были въ большей мѣрѣ предположенія, чѣмъ объясненія, и кромѣ того казалось многимъ слишкомъ матеріальнымъ. Они искали болѣе высокое, болѣе идеальное начало. Таковыми были пифагорейцы, такъ какъ они констатировали, что въ основаніи всѣхъ вещей заложены гармоническія, подающіяся математическому вычисленію отношенія. Но они не показали, какъ этими цифровыми соображеніями объясняются явленія. Тогда школа элеатовъ противопоставила этому скоропреходящему міру вѣчное бытіе, но всетаки не выяснила связи между обоими. Гераклитъ многократно отрицалъ существованіе бытія и признавалъ вѣчное и совмѣстное творчество и уничтоженіе, между тѣмъ какъ Эмпедоклъ предполагалъ одновременно процессы бытія и творчества. Наконецъ Анаксагоръ, бросивши физическій путь, предполагалъ внѣ міра нѣкоторый духъ, устроителя земли, но объяснить существо этого духа онъ не могъ; это было чѣмъ-то въ родѣ *deus ex machina*, котораго онъ изобрѣлъ какъ бы для разрѣшенія всѣхъ затрудненій и которому дальнѣйшей роли не приписывалъ.

Такимъ образомъ, эти попытки философовъ найти міровые законы были неудачны. Онѣ только привели къ сознанію, что то, чего искали, не найдено. Но онѣ имѣли еще и другой результатъ. Сомнѣнія усилились и умы стали стараться стряхнуть съ себя всѣ предшествовавшія вліянія. Являются люди, которые во всемъ, въ устройствѣ домовъ, расположеніи городовъ, въ одеждѣ видѣли преисполненную мудрости стройность. Это были мечтатели, мечтатели просвѣщенія, но нѣкоторымъ изъ нихъ удалось принять участіе въ государственной жизни. Таковъ былъ Парменидъ, законодатель города Элеи. Пифагорейцы долгое время имѣли громадное вліяніе во многихъ городахъ нижней Италіи, вліяніе въ смыслѣ истиннаго улучшенія и облагораживанія нравовъ, пока партія противная этому аристократическому, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, сословію, не взяла верхъ и не изгнала пифагорейцевъ. Таковъ былъ конецъ стремленія философіи къ практической государственной дѣятельности, конецъ попытокъ, такъ и оставшихся попытками и имѣвшихъ лишь мѣстное значеніе.

Но другое проявленіе, другой плодъ проснувшейся философской науки, глубже охватило и проникло въ государственную и частную жизнь. Это были софисты, учителя мудрости, каковыми они хотѣли быть, классъ философовъ, исходной точкой имѣвшихъ

отрицаніе, вызванное неудачей прежнихъ попытокъ. Такъ какъ прежнія стремленія къ положительному разрѣшенію вопроса о мірозданіи потерпѣли неудачу, то они ихъ и считали ничего не стоящими. „Человѣкъ самъ, училъ Протагоръ, есть мѣра вещей“, т. е. отъ его сужденія зависитъ ихъ достоинство и значеніе; онѣ имѣютъ вѣсь только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ имъ захочетъ придать его. Такое основное положеніе, примѣняемое къ жизни, должно было пошатнуть религію, государство и нравы, и это на самомъ дѣлѣ и произошло.

Во времени Перикла софисты проникли въ Аѣны, придя изъ чужихъ земель, какъ странствующие учителя. Они явились, впрочемъ, не съ открытыми тенденціями отрицанія, но вообще какъ учителя мудрости и краснорѣчія. Нельзя имъ отказать въ заслугѣ, что они дали толчекъ

научнымъ стремленіямъ въ Аѣнахъ. Но вскорѣ обнаружилось растлѣвающее вліяніе ихъ философскаго ученія. Такъ какъ ученики ихъ въ большинствѣ случаевъ принадлежали къ богатымъ юношамъ, потому что ихъ обученіе стоило дорого, то софистическій духъ быстро проникъ въ государственную и частную жизнь, разрушительнымъ ядомъ дѣйствуя на ту и другую. Необузданное неуваженіе къ обычаямъ, невѣріе, легкомысленность и глумленіе сдѣлались преобладающей привычкой всѣхъ долженствовавшихъ быть защитниками и руководителями отечества.

таль мало или почти ничего; онѣ хотѣлъ лишь учиться и учить, хотя безупречно исполнялъ обязанности гражданина въ мирѣ и въ войнѣ. Онѣ былъ храбрѣйшимъ, хладнокровнѣйшимъ воиномъ и никто его не превосходилъ въ способности переносить холодъ, голодъ и зной. Онѣ презиралъ роскошь, довольствовался самою скромною пищею, но когда бывалъ на веселомъ пиру, то и тутъ такъ же искренно и непринужденно предавался веселію. Никто не могъ похвастать, что побѣдилъ Сократа въ бою, въ краснорѣчіи или за бокаломъ.

Его сила заключалась въ краснорѣчіи, но не въ томъ краснорѣчіи, которому обучали софисты и риторы. Его рѣчь была разговоромъ, искусною бесѣдой, образцомъ діалектики. Вопросами, касавшимися простѣйшихъ и зауряднѣйшихъ вещей, онѣ умѣлъ

Сократъ.
Бюстъ въ Ватиканѣ въ Римѣ.

Масса аѣнянъ, еще вѣровавшая въ боговъ и державшаяся старины, приняла софистовъ съ величайшимъ отвращеніемъ, и она имѣла силы бороться противъ ихъ вліянія. Изъ ихъ среды долженъ былъ неизбѣжно явиться человекъ, который обнаружилъ бы ихъ ничтожество и побилъ бы ихъ ихъ же собственнымъ оружіемъ. Такимъ противникомъ и ратоборцемъ противъ софистовъ явился Сократъ.

Какимъ-то отверженцемъ бродилъ этотъ человекъ среди аѣнянъ, безобразный по наружности, бѣдный и невзрачный, презирая богатство и блескъ. По занятію скульпторъ, онѣ рабо-

незамѣтнымъ образомъ заставить согласиться съ нимъ, или съ легкой ироніей, убѣждая людей въ ихъ невѣжествѣ, или заставляя ихъ приходить къ сознанию тѣхъ мудрыхъ идей, которыя безъ ихъ вѣдома таились въ ихъ душѣ; отсюда метода вопрошанія получила названіе „сократической“. То, чему онъ училъ, не можетъ называться философскою системою; у него таковой не было, да онъ и не хотѣлъ имѣть ее. Онъ преимущественно преслѣдовалъ нравственныя цѣли. Онъ работалъ надъ улучшеніемъ и облагороженіемъ человѣческой души. Для этого онъ отучалъ людей отъ умничанья и внушалъ имъ основныя принципы нравственности, добродѣтель, благочестіе, воспитывалъ сознание долга и училъ о безсмертіи души. Самъ онъ вѣрилъ въ боговъ, вопрошалъ оракула, провозгласившаго его умнѣйшимъ изъ грековъ, и даже приносилъ жертвы. Чему онъ училъ другихъ, то дѣлалъ самъ: слово и дѣло у него были неразрывно связаны.

По справедливости онъ стоитъ выше всякихъ упрековъ. Однако онъ въ теченіи своей долгой жизни пріобрѣлъ много враговъ. Кого онъ разъ изобличилъ — а такихъ было много — въ невѣжественности и односторонности его ума, тотъ ему не прощалъ уже этого. Много изъ поклонниковъ старины принимали его за софистическаго мыслителя и таковымъ его изображаетъ Аристофанъ въ своей комедіи „Облака“. Демократы же ставили ему въ упрекъ, что изъ его школы вышли такіе государственные люди, какъ Алкивіадъ, такіе олигархическіе тираны, какъ Критій. Когда, по изгнаніи изъ Аѳинъ тридцати тирановъ, наступило время ябеды, доносовъ и преслѣдованій, Сократъ былъ своими противниками привлеченъ къ суду. Они обвиняли его въ отпаденіи отъ отечественныхъ боговъ, введеніи новыхъ и развращеніи юношества. Сознавая свою невинность и свои заслуги, онъ пренебрегъ обыкновенными пріемами защиты, которые могли бы его спасти, и былъ такимъ образомъ, хотя и незначительнымъ большинствомъ голосовъ, приговоренъ къ смерти. Требуя вмѣсто казни награды со стороны государства за свои заслуги, онъ еще болѣе разъярилъ бы своихъ судей и не избѣжалъ бы своей участи. Онъ хотѣлъ своею смертію запечатлѣть свою жизнь и свое ученіе и, такимъ образомъ, онъ осушилъ семидесяти лѣтъ отъ роду (399 г. до Р. Х.) чашу съ ядомъ веселый и рѣшительный, окруженный своими учениками и друзьями, которымъ онъ незадолго передъ смертію толковалъ о безсмертіи души.

Многочисленны были ученики, которыхъ Сократъ собралъ вокругъ себя со всѣхъ концовъ Греціи. До тѣхъ поръ, пока онъ жилъ, они составляли нѣчто въ родѣ кружка. Когда же онъ умеръ, члены кружка разбрелись, такъ какъ не было никого, кто могъ бы съ тактомъ и достоинствомъ поддержать его существованіе, и такъ какъ Сократъ не оставилъ никакой системы, такъ какъ онъ непосредственно вліялъ на характеръ каждаго, то они разбрелись каждый съ своимъ правомъ и воззрѣніями. Одни, главнымъ образомъ, удержали его методъ изслѣдованія и продолжали развивать діалектическіе пріемы, — таковъ былъ мегареецъ Авклидъ. Другіе заимствовали эвдемонистическую сторону его ученія и считали человѣческое благополучіе главнымъ объектомъ философіи, но преслѣдовали эту цѣль слишкомъ односторонне и различными путями. Такъ Аристиппъ изъ Кирены, основатель школы киренаиковъ, считалъ философію наукой объ умѣнной жизни; она должна, по его мнѣнію, доставлять человѣку полнѣйшее удовлетвореніе, но онъ это удовлетвореніе понималъ не въ обыкновенномъ его матеріальномъ значеніи, но какъ высшее образованіе духа, которымъ оно обусловливается. Къ той же цѣли стремился суровый, угрюмый Антисѳенъ, но по совершенно противоположному направленію; онъ видѣлъ ее въ отреченіи отъ всего житейскаго, добровольной нищетѣ и отсутствіи всякихъ потребностей. Состоя учителемъ въ „кинозаргѣ“, онъ учредилъ школу циниковъ, которые, между прочимъ, своимъ образомъ жизни заслужили прозвище „собакъ“. По крайней мѣрѣ одинъ изъ его учениковъ, знаменитый Діогенъ изъ Синопы, по прозванію „собака“ (Κύων), до того простеръ самоотреченіе, что жилъ въ бочкѣ,

откуда онъ безпрепятственно могъ презирать и осмѣивать житейскую суету и глупость.

Каждый изъ этихъ учениковъ Сократа разрабатывалъ одну изъ сторонъ его ученія, которая наиболѣе къ нему привилась. Единственнымъ изъ его учениковъ, который всецѣло проникся духомъ своего учителя и довелъ до конца и совершенства его ученіе, былъ аѳинянинъ Платонъ. Онъ не только воспринялъ все ученіе Сократа, онъ еще обнималъ всю предшествовавшую философію, всѣ плодотворныя мысли, которыя она создала, и выработалъ изъ всего этого свое собственное ученіе. Двадцати лѣтъ отъ роду, будучи еще молодымъ, начинающимъ стихотворцемъ, онъ впервые свелъ знакомство съ Сократомъ и съ этихъ поръ не покидалъ его до самой его смерти. Потомъ любознательность побудила его путешествовать. Онъ стремился къ разносторонности: онъ все хотѣлъ изслѣдовать, все хотѣлъ знать. Такъ онъ отправился въ Египетъ, въ Кирену, гдѣ тогда училъ какой-то знаменитый математикъ, затѣмъ въ южную Италію, гдѣ свелъ дружбу съ пифагорейцами, и наконецъ въ Сицилію. Послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія онъ вернулся на родину, гдѣ открылъ философскую школу въ рощѣ академіи, въ которой и работалъ до конца своей жизни.

И платоновская философія имѣетъ этическую цѣль дѣлать людей лучше, возвышеннѣе, совершеннѣе. По ученію его, во всѣхъ людяхъ живетъ влеченіе къ возвышенной жизни, потому что бессмертная душа, не будучи еще облечена въ тѣло, видѣла первообразы всего существующаго, и болѣе или менѣе ясныя воспоминанія объ этомъ дѣйствуютъ все болѣе и болѣе и придаютъ душѣ любовь къ прекрасному, влеченіе къ совершенному, стремленіе къ божественному. Для всѣхъ предметовъ вещественнаго міра Платонъ предполагаетъ такой первообразъ, совершенный и внѣ его существующій, который у него называется „идеей“, такъ идея красоты, добра, справедливости и вообще добродѣтели; высшая идея есть Богъ, какъ душа міра, проникающая все, все устроая и всѣмъ управляя. Стремленіе и задача человѣчества должны быть направлены къ тому, чтобы уподобиться этой идеѣ, достигнуть такой возвышенной жизни. Но чтобы достигнуть этой цѣли, надо обуздать и облагородить душу философіей и діалектикой, которыя просвѣтятъ человѣка и поведутъ его отъ низкаго къ высокому, отъ матеріальнаго къ духовному и идеальному, къ добродѣтели и самосознанію. Само государство должно быть преисполнено ею. Платонъ написалъ сочиненіе объ идеальной республикѣ и хотѣлъ свои выводы осуществить на дѣлѣ, сдѣлавъ вмѣстѣ съ Діонисіемъ Младшимъ, тираномъ сиракузскимъ, попытку учредить философское государство. Но жизнь пошла врозь съ философіей и сердце человѣческое было слишкомъ нечисто и слишкомъ подвержено страстямъ, чтобы эта идеальная попытка удалась.

Платонъ сохранилъ не только тенденціи своего учителя, но и діалектическій методъ его, т. е. разговорный. Онъ, какъ Сократъ, постепенно развивалъ переходъ отъ простаго къ возвышенному, но придавалъ изложенію форму литературнаго діалога, сохранившагося въ литературѣ и наукѣ. Еще въ одномъ отношеніи твердо придерживался онъ мудрости своего учителя. Благочестивый, какъ и тотъ, онъ почиталъ мистеріи и даже приносилъ жертвы, стараясь свои убѣжденія связать съ народными вѣрованіями. Поэтому онъ нерѣдко впадаетъ въ тонъ этихъ послѣднихъ, а именно, когда говоритъ о вещахъ сверхъестественныхъ. Въ немъ, въ этомъ случаѣ, пробуждается прежній поэтический жаръ, и мысли и рѣчи его принимаютъ такой высокій и могучій полетъ, что трудно бываетъ рѣшить, говоритъ ли онъ буквально или символически.

Отъ того и другого, т. е. отъ діалогическаго метода изложенія и вліянія народныхъ вѣрованій, свободенъ ученикъ его Аристотель. У него мы впервые встречаемся съ полною, точно опредѣленною философіей, свободною отъ всякихъ національныхъ преданій, и свобода эта съ точки зрѣнія культурно-исторической является послѣдней

ступенью, на которую философія взобралась на пути своего освобожденія; но вмѣстѣ съ тѣмъ она теряетъ свой эллинскій характеръ и становится достояніемъ всего свѣта. Аристотель—граница, гдѣ эллинизмъ соприкасается съ идеею всемірной гражданственности.

Аристотель родился въ 384 году до Р. Х. въ городѣ Стагирѣ. Отецъ его былъ врачъ. Семнадцати лѣтъ отъ роду онъ явился въ Аѣины къ Платону и остался у него на ученіи двадцать лѣтъ. Затѣмъ онъ сдѣлался учителемъ Александра, и когда тотъ отправился войною противъ Персіи, Аристотель вернулся въ Аѣины и основалъ новую философскую школу, носящую названіе „перипатетической“, такъ какъ во время ученія онъ прохаживался съ учениками въ тѣнистыхъ аллеяхъ Ликея (περίπατος). По смерти Александра и онъ по чьимъ-то проискамъ былъ изгнанъ изъ Аѣинъ и вскорѣ послѣ того умеръ (322).

Несмотря на долготѣнее ученіе у Платона, Аристотель держался образа мыслей совершенно противоположнаго его ученію. Онъ не могъ помириться съ идеальными воззрѣніями Платона, такъ какъ не видѣлъ въ нихъ никакой связи съ дѣйствительностью, и эта послѣдняя не могла быть объяснена первыми. Онъ былъ чуждъ поэтическихъ порывовъ Платона и потому совершенно бросилъ этотъ способъ философствованія. Аристотель обладалъ свѣтлымъ умомъ; онъ былъ тонкимъ наблюдателемъ, спокойнымъ, разсудительнымъ мыслителемъ и шагъ за шагомъ подвигался впередъ. Онъ начиналъ съ частнаго, единичнаго, конкретнаго и твердо установленнаго факта и съ спокойною наблюдательностью выводилъ отсюда общіе законы. Онъ, слѣдовательно, является творцомъ индуктивнаго метода, благодаря которому естествовѣдѣніе въ наше время достигло такихъ блестящихъ результатовъ.

Держась этого направленія, онъ изслѣдовалъ и разгруппировалъ всѣ отрасли философскихъ знаній съ такой полнотою, что нѣкоторыя, какъ напр. формальная логика, до сихъ поръ не двинулась ни на шагъ впередъ. Освободивши философію отъ всякой примѣси и прикрасъ, онъ изъ нея сдѣлалъ настоящую науку. Но онъ не ограничивался одною философіею. Онъ въ равной мѣрѣ занимался риторикой, поэтикой, политикой и финансовою наукой и опредѣленно намѣтилъ ихъ сущность и понятія. Но эта по методѣ или содержанию философская часть его дѣятельности—только половина работы его всеобъемлющаго духа. Вторая половина, и это еще большая заслуга, такъ какъ у него не было предшественниковъ, посвящена естествовѣдѣнію. Съ наблюдательностью, до него небывалою, онъ пользовался тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, который пріобрѣталъ благодаря помощи ученика своего Александра, отдавашаго въ его распоряженіе неограниченное количество денегъ и заставлявшаго тысячи людей для него собирать и работать. Благодаря этому, онъ сумѣлъ въ короткій срокъ составить громадное естественно-историческое сочиненіе, въ которомъ онъ хоть и является только мыслящимъ наблюдателемъ, а не тонкимъ, искуснымъ изслѣдователемъ, однако открылъ такъ много новаго, что является такимъ же покорителемъ міра, какъ Александръ, только міръ, который онъ покорилъ, была наука.

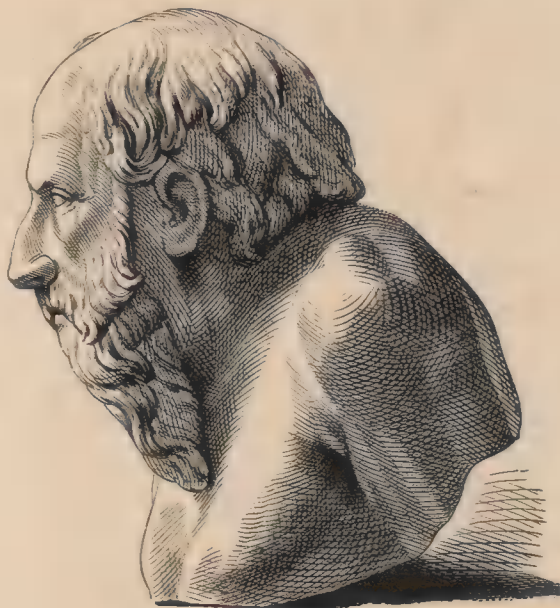
Послѣ Аристотеля греческая философія не выработала болѣе никакой системы; высшая ступень была достигнута, а творчество погасло. Только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ философія получила дальнѣйшее, хотя и одностороннее, развитіе. Такъ вскорѣ послѣ смерти Аристотеля въ Аѣинахъ были учреждены двѣ школы, изъ которыхъ одна, стоическая, была родственна съ цинической, другая, эпикурейская, походила на основанную Аристишомъ киренайскую. Первую учредилъ Зенонъ, учившій въ выстроенномъ Полигномъ зданіи „стоа пойкиле“ (στοά ποικίλη), откуда и названіе ея, а вторую—Эпикуръ, какъ и первый, человѣкъ съ безупречнѣйшею репутаціей, имя котораго стало однако впоследствии обозначеніемъ излишняго злоупотребленія жизнью. Оба стремились къ одной и той же цѣли; философія считалась ими средствомъ достигнуть по возможности счастливѣйшей жизни, но ихъ воззрѣнія на счастье были, какъ нѣкогда у Антисѣена и

Аристиппа, діаметрально противоположны. Зенонъ видѣлъ счастье въ добродѣтели, а добродѣтель—въ умѣренной жизни, въ соотвѣтствіи между жизнью и мудрою природою, приче́мъ наслажде́нія совершенно отвергались, а къ ви́шнимъ благамъ существовало полное равнодушіе. Эпикуръ же считалъ удовольствіе необходимымъ условіемъ счастливой жизни, но не какъ мимолетное ощуще́ніе, а какъ продолжительное состояніе души, и поэ́тому мудре́ць долженъ былъ, по его ученію, взвѣшивать свои удовольствія и наслажде́нія, дабы они не имѣли своимъ послѣдствіемъ вреда, а доставляли лишь внутреннее удовле́творе́ніе. Эпикуръ одобрялъ тонкія наслажде́нія; онъ не отвергалъ ихъ, подобно стоика́мъ, но полно́го счастья искалъ въ невозмутимомъ спо́койствіи души, возвышающемся надъ страданіями и смертію. Ту же цѣль преслѣдовала третья школа—скептическая. По ея ученію, было вообще невозможно доискаться истинной сущности вещей; ничего нельзя знать, даже и того, что ничего не знаешь. Но именно въ этой невозможности что́ либо знать они видѣли путь къ счастью, ибо всякаго, разъ пришедшаго къ этому убѣжде́нію, ужъ не тревожатъ никакія заботы или тревоженія; неподвижный въ своемъ спо́койствіи, онъ проживе́тъ свой вѣ́къ въ тишинѣ и беззаботности.

Это направле́ніе, это вторже́ніе въ практическую жизнь было единственнымъ путемъ философіи со вре́менъ Аристотеля. Она перестае́тъ, такимъ образомъ, быть спеціальной наукой. Еще Платонъ говорилъ, что „философъ стоитъ между другими людьми, какъ безоружный между дикими тиграми“. Теперь же наоборотъ: философія проникаетъ во всѣ слои общества; государственны́й челове́къ, полководе́ць, ораторъ, ученый, образованны́й челове́къ—всѣ въ ней нуждались, всѣ ею занимались. Философія входитъ въ моду, великихъ философовъ уже нѣтъ, но зато школы ихъ преемниковъ процвѣтають.

Но случилось нѣчто еще больше этого. Философія, какъ уже было упомянуто, потеряла уже при Аристотелѣ свой національный характеръ и сдѣлалась достояніемъ цѣлаго свѣта. Такъ она проникаетъ на востокъ въ эллинскія государства, основанныя преемниками Александра Великаго, а можетъ быть и далѣе. Затѣмъ она устремляется на западъ и дѣлается въ Римѣ необходимымъ условіемъ образова́нія, какъ въ Аѳинахъ, Александріи, Антиохіи и Пергамѣ. Среди римлянъ и черезъ нихъ она производитъ свою долю влія́нія въ дѣлѣ обновле́нія древняго міра греческой культурой и укрѣпле́нія его во время долгой борьбы противъ христіанства.

Диогенъ.
Бюстъ въ виллѣ Альбани, въ Римѣ.

Арка Константина въ Римѣ

ДѢ ПРИЧИНА, что насъ во всѣ времена влекло къ Риму съ неменьшей силой, чѣмъ къ Греціи. Однако, кажется, римская исторія не можетъ своею прелестью сравниться съ греческою. Нѣтъ у нея тѣхъ гениальныхъ, симпатичныхъ людей Эллады, вмѣстѣ съ которыми бьется наше сердце, несмотря на свою слабость! Нѣтъ того духа, который указалъ путь культурѣ и далъ форму вѣчности! Нѣтъ, наконецъ, той оригинальной поэзіи, наивной свѣжести, ласкающей веселости и воодушевленія, которыя воспламеняютъ душу и чрезъ тысячи лѣтъ!

Правда, на римской исторіи лежитъ печать какой-то трезвости: она обладаетъ разсудительностью, холоднымъ, беспощаднымъ умомъ, соединеннымъ съ суровой настойчивостью, но умъ стремится къ премудрости, а настойчивость возвышается до величія, до героизма. Отсюда вытекаетъ послѣдовательность, логичность римской исторіи. Не Александры ее вершаютъ, однимъ ударомъ покоряющіе міръ; медленно, постепенно, какъ бы по инерціи и роковой необходимости достигаетъ Римъ всемірнаго владычества и въ такомъ же постепенномъ порядкѣ теряетъ его. Мы наблюдаемъ въ

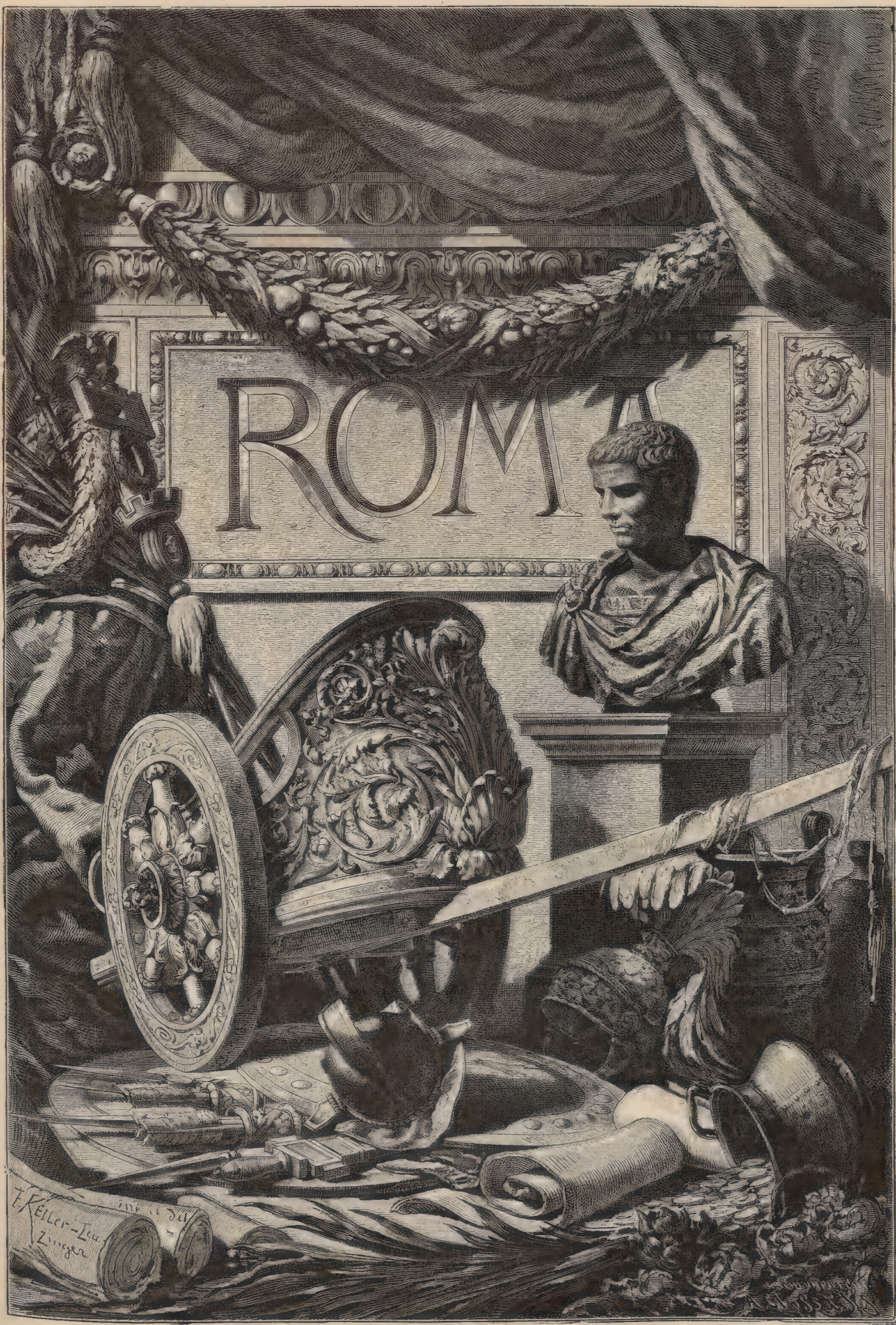
ней зрѣлище, которое изъ скромнаго зародыша разростается до могучаго величія и кончается трагическимъ, потрясающимъ образомъ. Вотъ въ чемъ очарованіе римской исторіи.

И, какъ отдѣльныя личности, римляне имѣютъ для насъ не мало привлекательности. Они—идеалы мужественности и имѣютъ по природѣ имъ свойственные добродѣтели и пороки, которые въ равной степени доставили имъ всемірное владычество. И ихъ всемірная имперія представляетъ такія обстоятельства и явленія, которыя больше уже не повторялись.

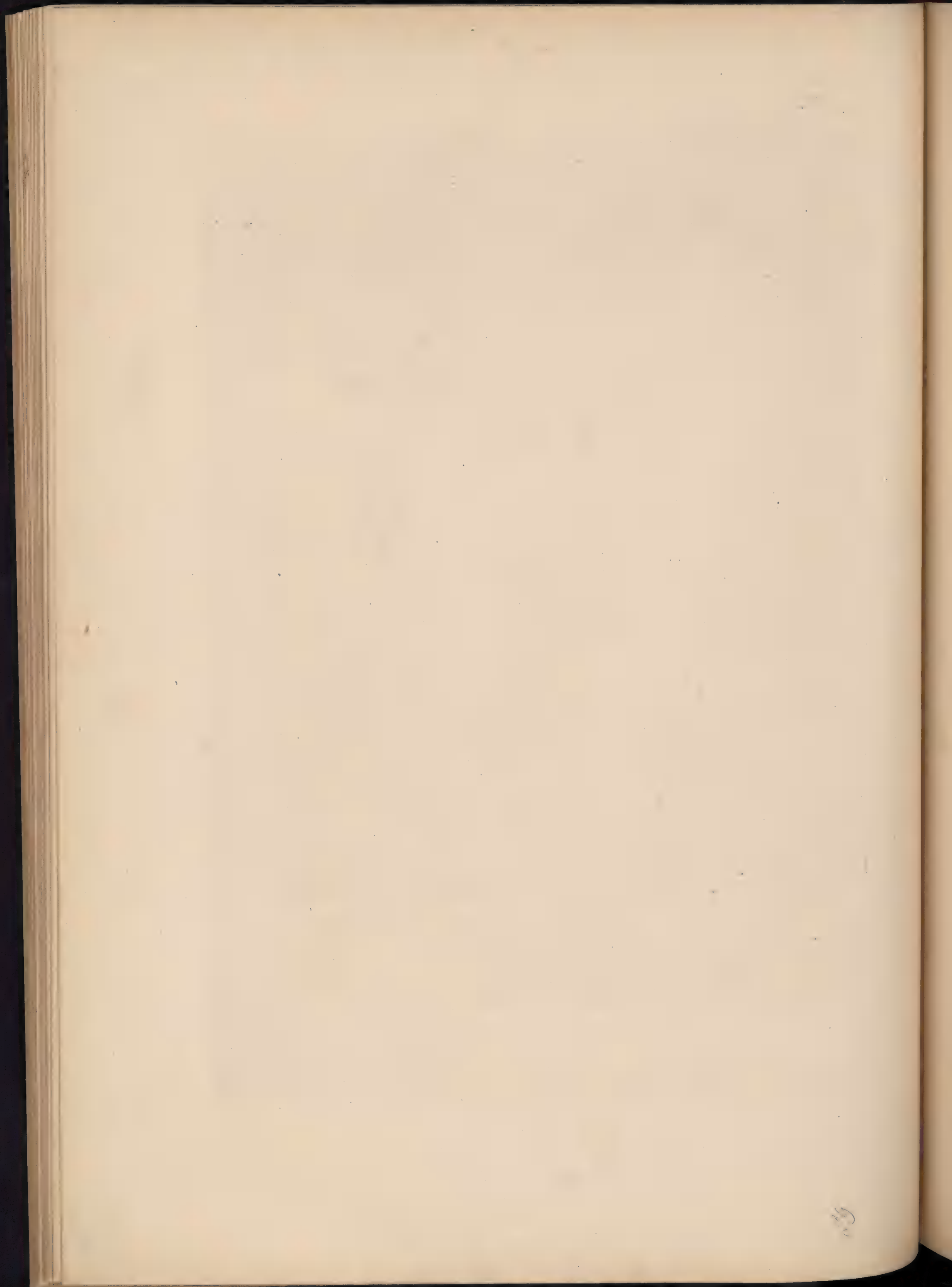
Не будемъ забывать, что, переходя отъ греческой исторіи къ римской, мы не должны миновать того моста, по которому шла всемірная исторія вообще. Римская исторія только продолженіе греческой. То, что было создано маленькой Элладой и перенесено Александромъ на востокъ, то римляне передали на западъ и на сѣверъ. Безъ эллиновъ не было бы римскаго образованія, безъ римлянъ немыслима была бы романская и германская культура!

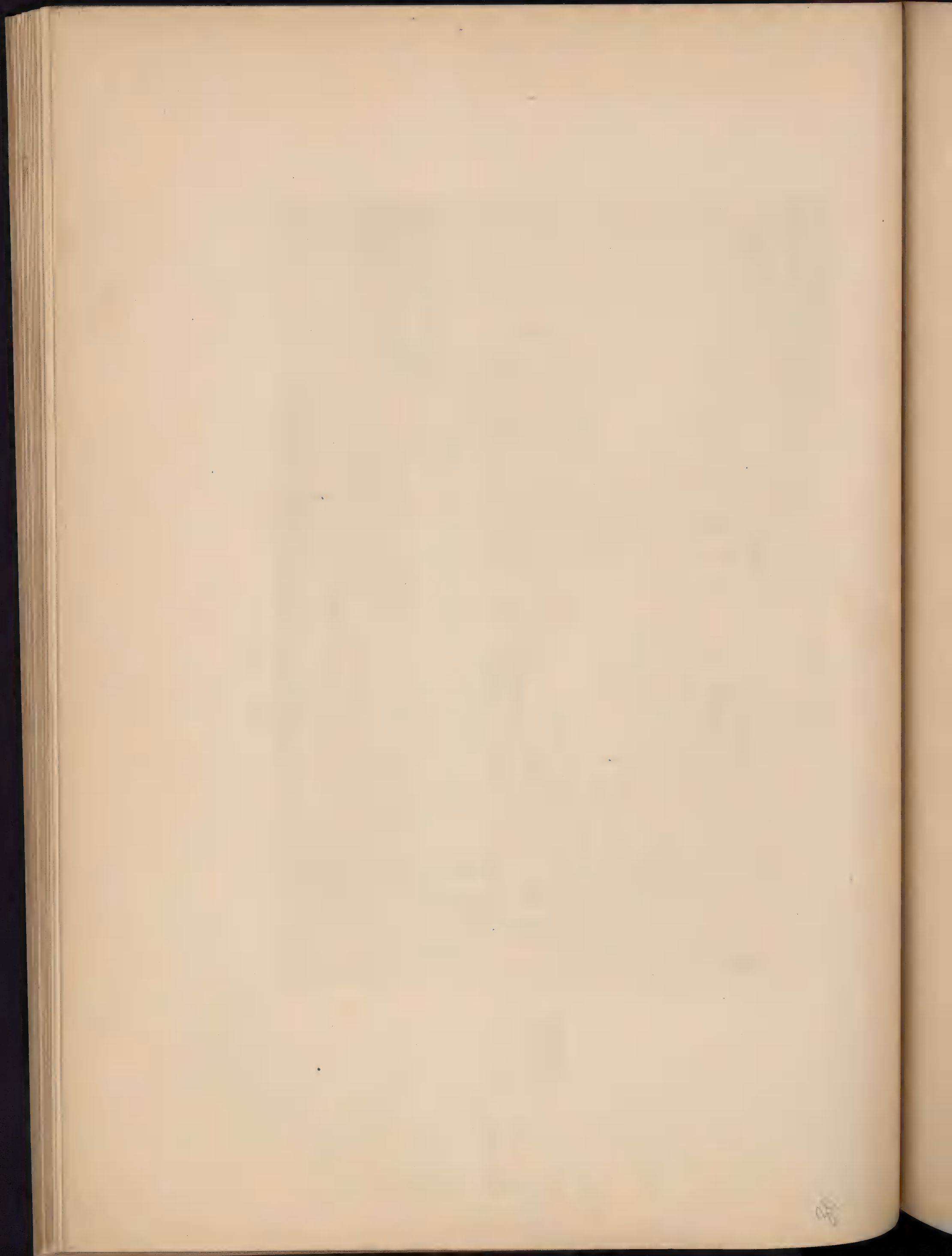

Игры греческихъ дѣвушекъ.

30

Гробница Герацѣвъ и Куріацѣвъ

КНИГА I.

Исторія государства.

I.

Время республики.

ЕСЛИ Средиземное море съ окружающими его странами было назначено судьбою образовать всемірное государство, собрать во-едино лучи древняго просвѣщенія, то, безспорно, Италія стоитъ въ этомъ отношеніи во главѣ; она одна могла достигнуть такого могущества. Она какъ бы создана для этой роли по своимъ географическимъ и историческимъ условіямъ. Простираясь съ запада на востокъ, она по направленію отъ сѣвера къ югу какъ бы разсѣкаетъ море по самой серединѣ. Отдѣленная съ сѣвера Альпійскимъ хребтомъ отъ варварскихъ племенъ, которымъ принадлежитъ новѣйшая исторія, она своею южною оконечностью касается Африканскаго берега съ одной стороны и южной границы культуры съ другой. Съ восточной и западной стороны она является естественною властительницей моря. Крѣпко сплоченная цѣпью Аппениновъ, она не разъединена, подобно Греціи, возвышенностями и бухтами, но представляетъ всѣ условія

для образованія одного государства. Ей въ удѣлъ досталась разнообразная производительность, не слишкомъ высокія горы, веселыя долины, плодородныя равнины и прекрасный климатъ. Надѣленная всевозможными благами, она обладаетъ еще роскошнѣйшею красотою ландшафтовъ, не тою красотою, въ которой больше величественнаго, чѣмъ прекраснаго, которая находитъ себѣ выраженіе въ дикихъ и грандіозныхъ возвышенностяхъ, безлюдной и голой пустынѣ, ледяныхъ или снѣжныхъ вершинахъ и мрачныхъ ущельяхъ, но красотою, полною тихаго очарованія, красотою подвижныхъ, мѣняющихся контуровъ, яркихъ красокъ, прозрачнаго воздуха и прелестнаго освѣщенія.

Таковою была Италія, одинаково способная къ владычеству на морѣ и къ высшей культурѣ, когда чужеземный народъ выбралъ ее для мѣстожителства. Это были родственныя эллинамъ племена, лишившіяся своего отечества и избравшія Аппенинскій полуостровъ мѣстомъ своей осѣдлости. И до нихъ были въ Италіи обитатели; они были оттѣснены пришельцами въ южный уголъ полуострова и мало по малу были, если можно такъ выразиться, поглощены ими, такъ что отъ нихъ сохранилось только имя; кто они и откуда пришли, мы не знаемъ.

Пришельцы, родственные эллинамъ — мы ихъ назовемъ общимъ именемъ „италійцевъ“ — пришли въ Италію не вмѣстѣ, одною сплоченною массой, но двумя отдѣльными племенами, называвшимися латинами и сабеллами. Эти племена подраздѣлялись на меньшія вѣтви: умбровъ, сабиновъ, самнитовъ, вольсковъ, и т. д. Латины пришли первыми. Они избрали мѣстомъ постоянной осѣдлости Лаціумъ на лѣвомъ берегу Тибра, южнѣе его устья. Сабелльскія племена и прежде всего самниты двинулись въ горы, укрѣпились въ нихъ и отсюда лучеобразно спускались въ долину для поселенія и завоеваній.

Но италійцы не остались единственными обитателями прекраснаго, восхитительнаго полуострова. Съ двухъ сторонъ встрѣтили они соперниковъ и противниковъ. Съ сѣвера или сѣверо-востока пришло варварское, совершенно незнакомое многоименное племя, называвшееся этрусками, тусками, тирренцами, ретами, разенами, бывшее во всѣ времена предметомъ различныхъ толковъ, но которое, однако, осталось загадкой относительно своего языка и происхожденія. Оно оттѣснило италійцевъ внизъ и прочно поселилось въ сѣверныхъ Аппенинахъ, отъ Адріатическаго до Тирренскаго моря, отъ устья По до устья Арно. Придя въ соприкосновеніе съ торговыми людьми и колонистами изъ Греціи, этруски сдѣлались морскимъ народомъ, одинаково падкимъ къ торговлѣ и морскому грабежу, и выработали нѣкоторую культуру, тоже оставшуюся для насъ загадкой. Но они не могли удержать въ своей власти то, чѣмъ завладѣли. Въ то время, когда Греція была уже на извѣстной степени процвѣтанія, черезъ Альпы проникли въ Италію кельтическія племена, завоевали съ обѣихъ сторонъ долину рѣки По и совершенно оттѣснили этрусковъ отъ береговъ Адріатическаго моря, такъ что у послѣднихъ осталась часть земли отъ устья Арно до устья Тибра, составляющая нынѣшнюю Тоскану. Это было съ сѣвера. На югѣ противниками италійцевъ явились греческія колоніи, которыя простираясь съ востока на западъ и умножаясь все болѣе и болѣе, проникли на сѣверъ, отрѣзали италійцевъ отъ моря и, наконецъ, подобно тускамъ, заняли все пространство отъ одного моря до другого, которое по справедливости было названо „Великою Греціею“. Но если они и оттѣснили италійцевъ, если даже подчинили ихъ отчасти своему владычеству, то дали имъ за это то, чего раньше у нихъ не было, — именно письменность, мѣру, вѣсъ и многіе другіе предметы обихода, и, наконецъ, искусства и культуру.

Таково въ общихъ чертахъ было населеніе Италіи въ то время, когда Римъ выступилъ изъ своего сказочнаго, неизвѣстнаго прошлаго для исполненія своей міровой задачи. Находясь на открытомъ мѣстѣ между холмами, изъ которыхъ одинъ служилъ ему защитой отъ непріятельскаго нападенія, посреди обширной, но негладкой равнины, которая далеко не отличалась здоровымъ климатомъ, Римъ, казалось, былъ не особенно богато

надѣленъ природою. Но точно такъ же, какъ Италія находилась посреди моря, Римъ помѣщался въ сердцѣ Италіи, постепенно и шагъ за шагомъ расширяя кругъ своихъ завоеваній. Расположенный на лѣвомъ берегу Тибра, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути отъ устья, онъ могъ успѣшно заниматься морскою торговлей и обезпечить себя отъ нападенія непріятельскихъ флотовъ. Расположенный на границѣ Этруріи, только по сую сторону Тибра и имъ же защищенный, онъ былъ передовымъ пунктомъ въ дѣлѣ дружественныхъ, но большею частью непріятельскихъ сношеній съ сосѣдями. Вотъ въ какихъ условіяхъ жило земледѣльческое населеніе Рима, образовавшее ядро аристократизма, одинаково склонное къ торговлѣ и войнѣ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ.

Преданіе почти совершенно умалчиваетъ о мирныхъ сношеніяхъ Рима, но зато оно очень много рассказываетъ о войнахъ и распряхъ, которыя непрерывно сопровождаютъ римскую исторію отъ начала до конца. Въ числѣ военныхъ враговъ Рима стоятъ латинскіе города и прежде всѣхъ Альба-Лонга. Результатомъ первой эпохи римской исторіи, эпохи царей, является гегемонія Рима среди городовъ латинскаго союза. Римъ изъ обыкновеннаго города дѣлается главой Лаціума, главой своей собственной и родственной территоріи. Затѣмъ съ началомъ республики начинается для него другая эпоха—борьбы и войнъ съ другими италійскими народностями и этрусками, жившими къ сѣверу отъ него. Эта борьба была очень медленна и продолжительна. Мы не видимъ ни геніальныхъ полководцевъ, совершающихъ блестящіе военные подвиги, ни администраторовъ, которые могли бы подчинить побѣжденных настолько, чтобы уничтожить у нихъ мысль объ освобожденіи изъ-подъ ига, битвахъ и побѣдахъ. Два раза въ теченіи этого періода Римъ самъ стоялъ на краю гибели: при наступленіи этрускаго царя Порсенны и нашествіи галловъ, но эти бури могли его лишь согнуть, но не сломать. За исключеніемъ этихъ случаевъ, Римъ оставался побѣдителемъ и никогда не заключалъ мира съ непріателемъ. Какъ бы велика ни была мощь противниковъ, какъ бы упорно и храбро ни было все болѣе и болѣе возрастающее сопротивленіе, оно всегда разбивалось о еще болѣе суровую, непоколебимую крѣпость желѣзнаго и никогда не падавшаго духомъ римскаго характера. Никогда величіе римлянъ не было больше, никогда ихъ добродѣтели не блестѣли ярче, чѣмъ въ эту эпоху. Сначала подчинились вольски и эквы, затѣмъ повергнуты были въ прахъ Фидена и Веи, затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ власть римлянъ должны были послѣ долгой борьбы признать сабины, умбры, самниты и этруски, и когда велѣдъ за ними пали и греческіе города, то вся Италія, за исключеніемъ галльскаго сѣвера, принадлежала имъ. Это было въ 266 году до Р. Хр. и въ 488 году отъ основанія Рима. Итакъ онъ употребилъ пять вѣковъ, чтобы довести исполненіе своей миссіи до такого предѣла.

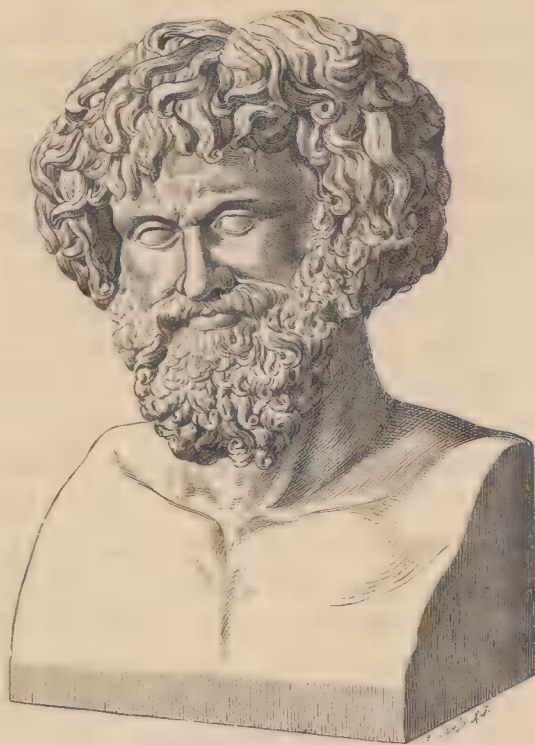
Въ этомъ медленномъ, поступательномъ движеніи впередъ невозможна была никакая остановка, невозможенъ никакой перерывъ. Каждая война вызывала новыхъ враговъ, новыя затрудненія. Въ послѣднее время на почву Италіи появился даже иноземный противникъ. Въ лицѣ Пирра римлянамъ пришлось познакомиться съ превосходною греческо-македонскою военною тактикой и только благодаря тому, чему они отъ него научились, имъ удалось побѣдить смѣлаго искателя приключеній. Въ италійской территоріи могущественнымъ противникомъ явился Картагенъ, заставившій ихъ перенести свои дѣйствія на море и даже черезъ море въ Африку и Испанію. Картагенъ былъ единственнымъ и полнымъ обладателемъ западной половины Средиземнаго моря; чтобы побѣдить его, Римъ долженъ былъ сдѣлаться морскою державой, долженъ былъ строить одинъ флотъ за другимъ по мѣрѣ того, какъ они погибали отъ бурь или непріятельскихъ натисковъ, долженъ былъ свои войска послать въ Сицилію, составлявшую яблоко раздора, Сардинію, Испанію и Африку. Двухъ продолжительныхъ, страшныхъ войнъ, подобныхъ которымъ Римъ доселѣ еще не велъ, надо было, чтобы уни-

зять этого противника, обладавшего неистощимой казной, но раздираемого борьбой партий и управляемого эгоизмом правителей, а третьей, чтоб его уничтожить и стереть съ лица земли. Первая война была ведена съ колебаніями и безъ обыкновенной энергіи и кончилась не слишкомъ выгоднымъ миромъ, а, вѣрнѣе, только перемиріемъ. Мудрый Кароагенъ нашелъ новыя средства къ войнѣ, новыя войска въ Испаніи, а въ семействѣ Баркидовъ обрѣлъ великихъ мужей, поведшихъ его къ неслыханнымъ побѣдамъ. Въ Ганнибалѣ, сынѣ Гамилькара, римляне нашли геніальнаго противника, подобнаго которому не встрѣчается во всей ихъ исторіи, и полководца, съ которымъ не можетъ сравниться ни одинъ изъ римскихъ военнопачальниковъ. Великій и великодушный, мудрый и находчивый, храбрый и разсудительный, онъ велъ войну, черпая средства въ величіи своего духа и силѣ своего характера. Почти оставленный отечествомъ, онъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ поддерживаетъ военныя дѣйствія въ Италіи; по своей собственной

иціативѣ онъ одерживаетъ побѣду за побѣдой до полного истребленія непріятельскихъ войскъ. Римляне претерпѣваютъ неслыханныя пораженія, какъ напр. при Каннахъ, и только недостаточность войскъ удерживаетъ Ганнибала отъ штурма Рима передъ его воротами. Опасность, въ которой находился его родной городъ, отвлекла его въ Африку. Когда онъ при Замѣ проигралъ сраженіе, то это не Ганнибалъ былъ побѣжденъ Сципіономъ, а Кароагенъ Римомъ.

и въ другихъ направленіяхъ обращали свое оружіе внѣ границъ Италіи. Между первою и второю Пунической войной была покорена принадлежавшая кельтамъ Сѣверная Италія и долина По, называвшаяся раньше Gallia Cisalpina и не причислявшаяся къ Италіи. Иллирійскія войны перевели римскія войска и флотъ чрезъ Адриатическое море и поставили Римъ въ непосредственное соприкосновеніе съ Греціей и ревниво-бдительнымъ Филиппомъ Македонскимъ. Хотя Испанія пала, какъ трофей второй Пунической войны, однако потребовалось еще много продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ, пока искоренили въ концѣ стремленія къ самостоятельности въ иберійцахъ и умиротворили испанскія провинціи. Скорѣе римская культура, нежели римскій мечъ сдѣлали Пиренейскій полуостровъ дѣйствительною и постоянною частью Римской имперіи. Владѣніе Испаніей указало на необходимость непосредственнаго ея соединенія съ Италіей и вотъ и Южная Галлія дѣлается римскою провинціей. Если причислить сюда нумидійскихъ царей, какъ послушныхъ союзниковъ, то съ паденіемъ Кароагена власть Рима надъ западною половиною Средиземнаго моря стала полною и неоспоримою.

Ганнибалъ.

Побѣду одержала непоколебимая твердость римлянъ, возроставшая съ каждымъ новымъ несчастіемъ. Съ гибелью Ганнибала погибъ и Кароагенъ. Когда онъ въ послѣдній разъ взялся за оружіе, то это была безнадежная борьба, вызванная отчаяніемъ, агоніа, полная ужаса и содроганія, кончина славная и благородная (146 до Р. Хр.).

Но и до того времени, какъ Кароагенъ былъ покоренъ Сципіономъ Младшимъ и исчезъ съ лица земли, римляне

Приблизительно одновременно то же происходило и на Востокъ. Въ промежуткѣ между второю и третьей Пунической войной пала Македонія, наслѣдіе Александра Великаго, послѣ двухъ упорныхъ войнъ. Еще до окончанія ихъ римскія войска перешли Геллеспонтъ и побѣдили другого эллинскаго царя, Антиоха Сирійскаго, называвшаго себя Великимъ. Одна часть Малой Азіи стала римской провинціей, въ другой остались города и правители, послушные и преданные Риму. Изъ почтительнаго уваженія къ эллинскому духовному просвѣщенію римскій сенатъ и римскіе полководцы нѣкоторое время колебались насчетъ судьбы разьединенной и междоусобной Греціи; наконецъ они положили конецъ этой нерѣшительности, и въ томъ же году, въ которомъ былъ разрушенъ Карфагенъ, они положили конецъ свободѣ Греціи, ознаменовавъ его жестокимъ, трагическимъ разрушеніемъ Коринѳа.

Итакъ, благодаря униженію Сиріи и слабости Египта, добровольно поручившаго себя покровительству Рима, можно считать принадлежащимъ Риму весь кругъ земель, обнимающихъ Средиземное море. То, что осталось въ этомъ кругѣ независимаго, существовало по снисхожденію римскаго народа. Одно за другимъ и эти государства падали, когда наступалъ ихъ чередъ. Оказываемое подчасъ сопротивление было не болѣе, какъ предсмертныя судороги. Такъ пали Критъ, Нумидія, послѣ пораженія царя своего Югурты, и наконецъ Сирія, Понтъ и Армения. Продолжительное и почти опасное сопротивление Понтийскаго царства имѣло своею причиною не столько силу и величіе Митридата, представлявшаго во всѣхъ отношеніяхъ идеаль азійскаго деспота, какъ обстоятельства, въ которыхъ находился самъ Римъ, который въ тотъ моментъ былъ раздираемъ междоусобицами, происшедшими вслѣдствіе упадка гражданской доблести.

Въ теченіи этого времени съ Римомъ и римлянами, городомъ и жителями, произошли неменьшія перемѣны. Городъ уже давно перешагнулъ черезъ старый померіумъ (romerium); семихолмный городъ сдѣлался міровымъ городомъ, обладавшимъ всею притягательною силою богатой и разнообразной жизни, но не лишенный также его пороковъ и опасностей. Квиритъ, обрабатывавшій въ мирное время землю, а въ военное бравшійся за мечъ, сдѣлался вельможей, окруженнымъ безчисленной толпой пролетаріевъ, просящихъ о хлѣбѣ. Политическія партіи перепутались и преслѣдовали новыя цѣли; образовались новыя сословія, новыя отличія.

Еще въ древнѣйшія времена, въ періодъ царей, въ Римѣ были два сословія: сословіе полноправныхъ гражданъ, патриціевъ, потомковъ кореннаго населенія Рима, и сословіе плебеевъ, кліентовъ патриціанскихъ родовъ, получившихъ право на поселеніе, находившихся подъ защитою законовъ, но не принимавшихъ никакого участія въ управленіи. Быть причисленнымъ къ этому послѣднему сословію было въ Римѣ чрезвычайно легко и поэтому плебсъ въ немъ очень быстро умножался, въ особенности вслѣдствіе переселенія въ Римъ жителей покоренныхъ въ счастливыхъ войнахъ городовъ. Когда же число плебеевъ сильно возросло и значительно превысило количество полноправныхъ гражданъ, они сдѣлались для древнихъ родовъ опасными соперниками, требовавшими полной равноправности и слиянія.

Это была страшная борьба, наполнявшая внутреннюю исторію Рима безпрестанными раздорами. Войны съ внѣшними врагами, общая нужда и трудное положеніе родины заставляло обѣ стороны на время удержать и затаить свои распри, но по минованіи внѣшней опасности онѣ возобновлялись съ новою силою, пока плебеи не добились своего. По дѣленію Сервія Туллія плебсъ дѣлается участникомъ въ государственныхъ дѣлахъ, но зато обложенъ былъ воинскою повинностью. Упраздненіе царской власти принесло плебеймъ немного пользы, такъ какъ консулы, заступившіе мѣсто царей со всѣми ихъ правами, были избираемы изъ патриціевъ и безъ участія плебса. Нѣкоторые, правда, могли попасть въ сенатъ, но не имѣли тамъ ни силы, ни значенія. Немного

позже, а именно пятнадцать лѣтъ послѣ изгнанія царей, плебеи нашли въ народныхъ трибунахъ, выбираемыхъ изъ ихъ среды, могучихъ заступниковъ, которые, руководя ими и ратуя за нихъ, добивались для нихъ одного права за другимъ. При помощи ихъ была достигнута общность писанныхъ законовъ и положенъ конецъ произволу патриціевъ; была утверждена равноправность плебеевъ въ брачныхъ дѣлахъ и одинаковое право на участіе въ государственномъ управленіи. Это случилось въ 366 году до Р. Хр. или 388 послѣ основанія Рима. Въ этомъ же году былъ выбранъ первый плебейскій консулъ, въ 399—первый плебей-диктаторъ, въ 404 — первый плебейскій цензоръ. Итакъ эта внутренняя борьба длилась полныхъ чотыреста лѣтъ.

Плебеи достигли одинаковыхъ правъ въ государствѣ, сліяніе произошло полное. Но мѣсто старой борьбы заступила новая, съ иными дѣйствующими лицами: на мѣсто патриціевъ и плебеевъ являются богатые и бѣдные, знатные и пролетаріи, аристократы и народъ; ограниченное число патриціанскихъ семействъ, къ которымъ примкнули нѣкоторые разбогатѣвшіе плебеи, захватили власть, какъ свое наслѣдіе, имъ по ихъ роду принадлежащее; они допускали въ ней участвовать только лицъ, имъ приверженныхъ, заслуживали они этого или нѣтъ, и съ единодушнымъ упорствомъ преслѣдовали лицъ, вышедшихъ изъ народа, такъ называемыхъ „homines novi“. Всѣ плоды многихъ побѣдъ и завоеваній,—богатые плѣнники, пріобрѣтенныя и присоединенныя къ Риму земли, преимущество въ управленіи покоренными странами, все это сдѣлалось привилегіей вліятельнѣйшихъ фамилій—оптиматовъ. Народъ же, все возрастая въ числѣ, съ каждымъ днемъ становился бѣднѣе и бѣднѣе и наконецъ дѣло дошло до общаго обнищанія и раззоренія.

Начало этому было положено предшествовавшими обстоятельствами гражданской войны. Громадное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что плебеи большей частью состояли у патриціевъ въ неоплатномъ долгу. Мало-по-малу они должны были или подчинить себя зависимости кредиторовъ, или перейти въ пролетаріатъ. Такимъ образомъ мелкіе владѣльцы, среднее сословіе, составляющее прочнѣйшую государственную силу, постепенно уничтожается и народъ дѣлится на богатыхъ и бѣдныхъ, на богатыхъ собственниковъ и капиталистовъ съ одной стороны и нуждающихся въ хлѣбѣ бѣдняковъ съ другой. Народъ дѣлается какъ бы мячикомъ въ рукахъ предводителей партій, содѣйствуетъ созрѣванію монархіи. Государственный вопросъ становится вопросомъ соціально-политическимъ.

Опасность очень рано опредѣлилась; но точно также рано опредѣлилось и лекарство; но одно только опредѣленіе лекарства еще не производитъ исцѣленія. Исцѣленіе могло бы быть найдено только въ образованіи новаго средняго сословія и къ достиженію этого стремился первый аграрный законъ Спурія Кассія Висцеллина. Онъ потребовалъ (въ 468 году до Р. Хр.), чтобы государственныя земли, находившіяся раньше, если не во владѣніи, то въ пользованіи патриціевъ, были раздѣлены между недостаточными гражданами. Патриціи, разумѣется, старались этому воспрепятствовать всѣми мѣрами; Кассій палъ и погибъ какъ государственный измѣнникъ, неудовлетворительное положеніе дѣлъ усиливалось и какъ цѣлебное средство видѣлась въ будущемъ опять-таки реформа аграрныхъ законовъ.

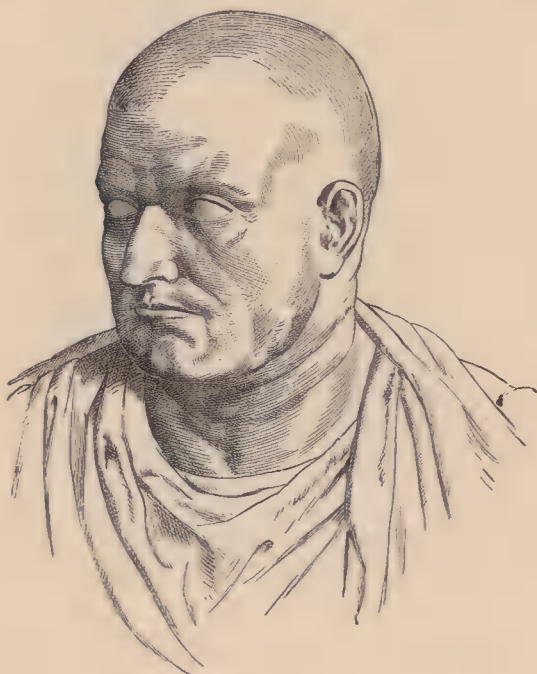
Между тѣмъ завоеваніе Италіи было окончено и она сдѣлалась римскою провинціей, достояніемъ римскихъ гражданъ, простиравшимся отъ рѣки По до южной оконечности полуострова. Соціальная злоба дня распространилась въ одинаковой степени по всей Италіи. Вслѣдствіе многочисленныхъ кровопролитныхъ войнъ, веденныхъ съ крайнимъ ожесточеніемъ, значительно сократилось число полноправныхъ римскихъ гражданъ, среднее сословіе обѣднѣло, классъ земледѣльцевъ ступался передъ крупными землевладѣльцами, ведшими свое хозяйство при помощи многихъ тысячъ рабовъ, которые тоже могли сдѣлаться опасными противниками вслѣдствіе дурнаго съ ними обращенія.

Едва ли могло много помочь, что повременамъ основывали въ покоренныхъ земляхъ колоніи для заслуженныхъ римскихъ воиновъ. Этимъ кризисъ былъ только отсроченъ, но не устраненъ. Во времена высшаго блеска римскаго оружія, когда Испанія была покорена, Картагенъ разгромленъ, когда Греція, Македонія и Малая Азія стали римскими провинціями, опасность приняла до того угрожающій характеръ, что Сципіонъ Эмилианъ просилъ боговъ не объ увеличеніи земель, какъ это дѣлалось въ торжественной молитвѣ о государственномъ благѣ, а лишь о сохраненіи Рима. Однако не находилось никого, чтобы спасти отечество, объявивъ войну не на животъ, а на смерть властвующимъ элементамъ въ государствѣ.

Наконецъ нашлись двое молодыхъ людей, отважившихся на борьбу. Это были два брата изъ оптиматовъ, принадлежавшіе къ одной изъ знатнѣйшихъ римскихъ фамилій, Тиберій и Кай Семпроній Гракхи. По своей матери они были внуками великаго Сципіона Африканскаго. По рожденію, связямъ, личнымъ талантамъ и рано приобрѣтен-

нымъ отличіямъ имъ обыкновеннымъ путемъ предстояли въ будущемъ высшія почести; но они познали нужду своего отечества и посвятили себя его спасенію. Старшій братъ Тиберій, будучи въ 134 году до Р. Хр. народнымъ трибуномъ, сталъ снова проводить мысль объ аграрной реформѣ, предлагая раздѣлить всѣ принадлежавшія государству земли въ Италіи между бѣднѣйшими гражданами. Хотя его предложеніе и было

Сципіонъ Старшій.

возведено въ законъ и было во многихъ отношеніяхъ выполнено, но вслѣдствіе могущественнаго сопротивленія и происковъ оптиматовъ Тиберій былъ убитъ и палъ жертвою своихъ стремленій.

Мстителемъ его и завершителемъ его начинаній спустя десять лѣтъ является его младшій братъ Кай Гракхъ. Болѣе своего брата опытный въ государственныхъ дѣлахъ, онъ понялъ, что принятіе аграрной реформы немислимо, и осуществленіе государственнаго недуга и разрѣшеніе соціальнаго вопроса невозможны до тѣхъ поръ, пока не сломлена сила враговъ, опирающаяся на сенатъ, и пока аристократія будетъ править Римомъ. Его пламенная натура не испугалась государственнаго переворота, его мудрость указала ему средства и пути, а энергія и дѣятельность въ продолженіи двухъ лѣтъ трибунства, казалось, успѣли привести дѣло къ желанной цѣли. Кай въ теченіи долгаго времени былъ главой Рима, даже, быть можетъ, мысль о постоянной власти и вліяніи и западала въ его юношески-храбрую, но мужественно-мудрую голову. Но время единодержавія еще не приспѣло. И онъ палъ въ уличной схваткѣ, устроенной его противниками и употребленной какъ крайнее средство противъ него.

Партія Кая Гракха связана съ разрѣшеніемъ еще одного вопроса, все болѣе и болѣе обострявшагося, именно вопроса о правахъ римскаго гражданства для италійскихъ союзниковъ. Власть Рима распространялась на весь полуостровъ, всѣ жители его принимали участіе въ завоевательныхъ предпріятіяхъ, но далеко не въ одинаковой мѣрѣ пользовались правами и выгодами побѣдъ. Властью пользовался только Римъ, а населеніе остальной Италіи вмѣсто того, чтобы получить одинаковыя права, все болѣе при-

тѣснилось и унижалось. Голоса италійцевъ, требовавшихъ гражданской равноправности, становились все громче и настоятельнѣе и Кай Гракхъ выражалъ склонность добиться удовлетворенія ихъ требованій, можетъ быть въ расчетѣ усилить ими свою партію. Но въ этой послѣдней онъ встрѣтилъ сопротивленіе. Партія его хотѣла права и выгоды сохранить только для себя. Такъ онъ погибъ, покинутый народомъ, и понадобился цѣлый годъ ожесточенной войны, потоковъ крови и совершеннаго опустошенія Италіи, пока гражданскія права стали достояніемъ не однихъ лишь жителей Рима, а обитателей всей Италіи.

Благодаря Гракхамъ, прежде раболѣпная толпа сдѣлалась сплоченною народною партіей, составившей оппозицію аристократамъ и вступившей съ нею въ борьбу. Два раза дѣло доходило до революціи, до кровавыхъ уличныхъ схватокъ. Почва закона была оставлена, а избранъ путь революціи, исключено мирное соглашеніе. Если бы побѣдила аристократія, то раздробленіе власти было бы неминуемо; если одержитъ верхъ пролетаріатъ, несамостоятельная приниженная толпа, то результатомъ побѣды должно явиться единоедержавіе. Кай Гракхъ ужъ предугадывалъ это. И въ самомъ дѣлѣ единоедержавіе спасло Римъ и его міровое государство.

Печальныя наступили времена послѣ Гракховъ. Народной партіи недоставало вождей, а опять вошедшій въ силу сенатъ не имѣлъ въ своей главѣ достойныхъ представителей. Пролетаріатъ увеличивался, благосостояніе Италіи падало, управленіе было дурно и находилось въ рукахъ корыстолюбивыхъ и продажныхъ людей, рабы угрожали возстаніемъ, на Средиземномъ морѣ владычествовали корсары, препятствовавшіе подвозу къ Риму и Италіи; въ Нумидіи происходила война, томительно затянувшаяся вслѣдствіе продажности военачальниковъ; съ сѣвера, какъ страшные призраки, нападали германскія племена—кимвры и тевтоны, наносившіе римлянамъ одно за другимъ такіа пораженія, которыхъ они не претерпѣвали съ пораженія при Каннахъ; италійскіе союзники были склонны къ возстанію; на Востокѣ возсталъ врагъ въ лицѣ Митридата: вотъ каково было положеніе Римскаго государства въ первыя десятилѣтія по смерти Гракховъ. Хотя Югурта и Нумидія были наконецъ побѣждены, а германцы разбиты Маріемъ въ двухъ кровопролитныхъ бояхъ, но зато Римъ подвергся всѣмъ ужасамъ внутренней войны между народомъ и оптиматами, возобновившейся съ новой силой, къ которой присоединились ожесточенныя войны Понтійская и Союзническая. Народная партія, przewodительствуемая побѣдоноснымъ, но до-нельзя честолюбивымъ и кровожаднымъ Маріемъ, уже считала себя побѣдительницей, когда Сулла, который убивалъ съ неменьшею холодною предвзятостью и неменьшимъ неистовствомъ, чѣмъ Марій и его приверженцы, вырвалъ у нея побѣду. Римъ никогда больше не переживалъ подобныхъ временъ. Гражданская доблесть была уничтожена страхомъ; Римъ сдѣлался рабомъ одного человѣка. Онъ нашелъ себѣ главу въ лицѣ Суллы, но Сулла не былъ человѣкомъ, могущимъ пересоздать государство и народъ и перемѣнить теченіе ихъ жизни. Аристократъ до мозга костей, со всѣми недостатками и качествами своего сословія, онъ не могъ отдѣлаться, стать выше своей партіи. Обладая силой и правомъ самодержца, призванный обновить и устроить государство и водворить миръ, онъ ограничился только возстановленіемъ вліянія оптиматовъ и власти сената. Тогда онъ добровольно удалился отъ дѣлъ, оставшись въ своемъ неприкосновенномъ величій загадкой исторіи, которую можно рѣшить только психологически. Вскорѣ его усталая голова успокоилась навѣки и вся Италія съ роскошнѣйшимъ тріумфомъ провожала его на мѣсто послѣдняго отдохновенія, какъ бы счастливѣйшаго и любимѣйшаго правителя, какъ отца отечества (въ 78 году до Р. Хр.).

Со смертію его зданіе, возведенное имъ, рушилось. Борьба партій продолжалась съ перемѣнчивымъ счастьемъ и колеблющимся успѣхомъ. Перевѣсъ одной партіи надъ другою зависѣлъ отъ содѣйствія еще третьей силы, доставившей уже побѣду Суллѣ тутъ,

эта сила—армія. Хотя римское войско еще не было постояннымъ, но уже было на пути, чтобы сдѣлаться таковымъ; легіоны и теперь набирались изъ гражданъ и союзниковъ и распускались послѣ войны. Но войны теперь не прекращались; солдаты были необходимы вездѣ—и внутри государства, и на границахъ. Легіонъ измѣнилъ даже свой характеръ. Раньше дѣлался солдатомъ гражданинъ съ кое-какимъ имуществомъ, возвращавшійся послѣ войны подъ свой мирный кровъ, Марій же сталъ принимать всякаго, кто добровольно являлся къ нему и былъ достаточно силенъ физически. Такимъ образомъ проникъ въ армію пролетаріатъ и солдатъ изъ ополченца сдѣлался воиномъ по ремеслу. Солдатъ, котораго настоящее и будущее зависѣло отъ полководца, долженъ былъ силой обстоятельствъ стоять за него въ политической борьбѣ. Все это въ порядкѣ вещей, все это должно было привести къ единовластію, къ тому, что Римъ сдѣлался какъ бы военнымъ призомъ наиболѣе даровитаго и счастливаго вождя.

Послѣ Суллы первое мѣсто, какъ полководецъ, долгое время занималъ Помпей. Счастіе ему улыбалось съ самой ранней молодости, такъ что онъ, считая только свой третій десятокъ лѣтъ, приобрѣлъ уже прозваніе Великаго. Будучи храбрымъ и отважнымъ солдатомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ осторожнымъ полководцемъ и неоднократно, самостоятельно или подъ начальствомъ Суллы, воевалъ съ величайшей удачей. Въ Африкѣ

Помпей Великій.

гнхъ царей и князей и выказалъ громадныя организаторскія способности, устроивъ эти земли, а не разгромивши ихъ. Онъ былъ первымъ въ Римѣ и римскомъ государствѣ. Такіе люди, какъ дряхлый Катонъ, державшійся еще съ слабымъ и утомленнымъ духомъ за обломки республики, какъ Циперонъ, съ тщеславнымъ самодовольствомъ переходившій отъ одной партіи къ другой, или какъ Крассъ, приобрѣвшій финансовыми аферами богатство, а богатствомъ—силу и значеніе, всѣ могутъ стоять рядомъ съ Помпеемъ развѣ въ качествѣ его помощниковъ или слугъ. Неоднократно Помпей видѣлъ корону у своихъ ногъ, но у него не хватило рѣшительности поднять ее и такимъ образомъ онъ не разъ упускалъ удобный моментъ.

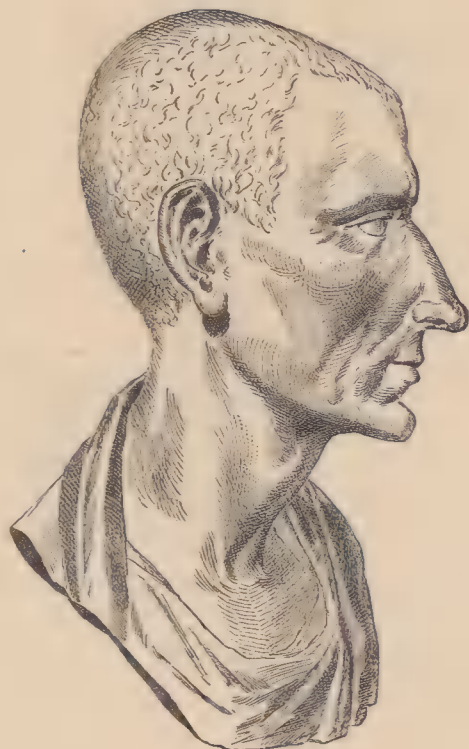
Пока онъ колебался и медлил, серьезнымъ соперникомъ его, вырвавшимъ добычу изъ его рукъ, явился Кай Юлій Цезарь, происходившій изъ одного изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ, ведшаго свое начало отъ Энея. Еще въ молодые годы онъ обратилъ на себя вниманіе Суллы, который видѣлъ въ немъ нѣчто покрупнѣе Марія. Будучи аристократомъ по происхожденію и образу жизни, получивши утонченнѣйшее греческое образованіе и прекрасно владѣя своимъ роднымъ языкомъ, онъ, несмотря на то, что весь

онъ уничтожилъ послѣдніе остатки маріанцевъ, въ Испаніи окончилъ войну съ Сарторіемъ и его преемниками; снабженный неограниченнымъ полномочіемъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль истребилъ въ концѣ корсаровъ, бывшихъ бичемъ римскаго государства и владѣвшихъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ; въ Азіи онъ окончилъ войну съ Понтомъ и Арменіей, присоединилъ къ государству многія отдаленныя провинціи, подчинилъ Риму мно-

окунулся въ жизнь знатнаго римскаго юноши, прекрасно понималъ, что будущее принадлежит народной партіи. Щедростью и играми онъ расточилъ свое состояніе и влѣзъ въ громадныя долги, но вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣлъ расположеніе народа и сдѣлался всѣми признаннымъ главой его. Но блескъ побѣды Помпея затмѣвалъ его славу и въ триумвиратѣ, заключенномъ между нимъ, Помпеемъ и Крассомъ, онъ игралъ второстепенную роль. Кромѣ народнаго расположенія ему нужны были воинская слава и легіоны, чтобы достигнуть цѣли.

И того и другого онъ достаточно добылъ во время управленія Галліей. Непрерывныя побѣды надъ гелльветами, германцами, галлами, бельгами и бриттами поставили Цезаря, какъ полководца, выше всѣхъ военачальниковъ Рима; его привыкли къ войнѣ и побѣдамъ легіоны, которые его боготворили и были готовы повсюду слѣдовать за нимъ, сдѣлали его опаснымъ противникомъ республики. Даже въ его отсутствіи значеніе его было такъ велико, что передъ нимъ ступали личность Помпея и его слава. Какъ бы машинально, побужденные общимъ страхомъ предъ великимъ и опаснымъ соперникомъ, оптиматы и Помпей сплотились, какъ защитники республики. Окончательное столкновеніе должно бы произойти. Легко покорилась Италія, постыдно оставленная въ рукахъ побѣдоноснаго и быстро наступавшаго Цезаря, хотя этому послѣднему стоило не мало трудовъ и крови, чтобы побѣдить своихъ противниковъ въ провинціяхъ. Въ короткое время, хотя не безъ опасности, были побѣждены легіоны Помпея въ Испаніи. На греческой

Юлій Цезарь.

Азію, которую „пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ“ вмѣстѣ съ ея царемъ Фарнакомъ, — во все это время республиканскіе вожди спаслись бѣгствомъ въ Африку и тамъ собрали новое войско. Но при Тапсѣ они были повергнуты въ прахъ предъ великимъ побѣдителемъ и Катонъ, послѣдній истый представитель древняго, непреклоннаго римскаго духа, окончилъ жизнь самоубійствомъ, видя кончину дорогой ему республики (въ 46 году до Р. Хр.).

Теперь Цезарь былъ единственнымъ властелиномъ Рима и не имѣлъ противниковъ на полѣ битвы. Республикѣ наступилъ конецъ, началось правленіе цезарей. Только единая воля могла спасти распадающееся римское государство, привести его въ порядокъ и руководить имъ. Представлялось невозможнымъ исправить, улучшить прежній государственный строй и укрѣпить его нравственно и политически. Нужна была реформа всего существовавшаго. Немного времени было дано для этого великому Цезарю, если считать отъ дня побѣды при Тапсѣ до его убійства. Но, повидимому, въ его ве-

почвѣ великому Помпею еще разъ улыбнулось счастье, давшее ему побѣду при Диррахіи, но при Фарсалѣ оно его оставило, и онъ, малодушно покинувши войско и всѣми оставленный, убѣжалъ въ Египетъ, гдѣ палъ отъ руки убійцы. Въ то время какъ Цезарь смиралъ кровавое возстаніе въ Египтѣ, въ то время какъ онъ терялъ драгоценное время, увлекшись греческо-восточной Цирцеею — царицей Клеопатрой, которой прелести не могли не повліять на воспріимчиваго римлянина, когда онъ спѣшилъ въ Малую

ликой душѣ все уже заранѣе было обдумано и готово къ исполненію. Въ невѣроятно короткое время были найдены и примѣнены тѣ мѣры, которыя привели въ порядокъ могущественное, но разношерстное государство и сдѣлали его способнымъ къ самоуправленію, положили основаніе его возрожденію. На дѣлѣ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ Цезаря, но онъ принялъ не ненавистный титулъ Царя, а наименованіе императора, т. е. человѣка, въ рукахъ котораго было *imperium*, или право повелѣвать. Формы республиканскаго управленія остались тѣ же, но онѣ сосредоточивались въ его личности. Сенатъ, бывшій вначалѣ виновникомъ величія, а впослѣдствіи виновникомъ упадка Рима, сдѣлался безсильнымъ учрежденіемъ, и у народа осталась лишь тѣнь участія въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Управление провинціями, вполнѣ зависимое отъ Цезаря, было реорганизовано, злоупотребленія чиновниковъ строго преслѣдуемы, разстроенные финансы поправлены; было основано много колоній для ветерановъ, Риму обезпечена безопасность, городъ былъ улучшенъ и украшенъ, были учреждены библіотеки, и приведено въ порядокъ спутанное лѣтосчисленіе составленіемъ новаго календаря. Не было вещи, на которую не простиралась бы заботливость великаго государственнаго человѣка, не было государственной нужды или потребности, которая осталась бы чуждой его ясному, проникательному уму, для которой онъ не на-

Маркъ Брутъ.

туту Помпея (въ 44 году до Р. Хр.). Но убійство это создало вмѣсто одного кроткаго тирана множество жестокихъ. Слѣдствіемъ его было не возстановленіе республики, но новыя междоусобія, борьба изъ-за вопроса, кому властвовать. Такой властитель явился, но онъ достигъ цѣли путемъ новыхъ войнъ, кровопролитій и убійствъ, превзошедшихъ печальнѣйшія времена Марія и Суллы. При Филиппахъ погибли эпигоны республики; тогда изъ-за власти состязались оба побѣдителя, Октавіанъ, племянникъ и наслѣдникъ Цезаря, предъявившій на это наслѣдство притязанія, и Антоній, любимый товарищъ и ученикъ Цезаря въ военномъ дѣлѣ и преемникъ его—только глубже и сильнѣе опутанный въ любовныхъ сѣтяхъ Клеопатры. Они раздѣлили между собою римское государство на западную и восточную части. Морское сраженіе при Акціумѣ доставило побѣду Западу и Октавіанъ, прозавшій себя Августомъ, т. е. Священнымъ, сталъ единодержавнымъ владыкой міра.

шелъ бы средства помочь горю.

Но онъ работалъ не для себя. Съ примѣрною, по крайней мѣрѣ для Рима, кротостью щадилъ онъ своихъ противниковъ, старался привлечь къ себѣ даже враговъ. Но силою или добротой невозможно было сразу уничтожить приверженцевъ республики. Еще жили маленькіе Катоны, Бруты и Кассіи, но вмѣсто открытой борьбы ими былъ пущенъ въ ходъ темный заговоръ и Цезарь палъ, пораженный кинжалами у подножія ста-

Августъ и Ливія.

II.

Время Императоровъ.

ЛИШКОМЪ пять столѣтій занимаетъ во всемирной исторіи эпоха императоровъ, время для государства слишкомъ достаточное, чтобы умереть, если разсматривать весь этотъ періодъ, какъ постепенный упадокъ и гибель всемирнаго государства и греческо-римской культуры. И мы чуть ли не имѣемъ полное право такъ смотрѣть на вещи, такъ какъ имперія, обязанная своимъ существованіемъ убійствамъ и междуусобіямъ, можетъ держаться только убійствомъ же и войною до тѣхъ поръ, пока не погибнетъ распавшаяся и обезсиленная. И что это за люди, что это за римляне, которые могли терпѣть сумашествіе кровожадныхъ тирановъ—Калигулы и Нерона, Домиціана и Коммода, которые съ отвратительнымъ подобострастіемъ пресмыкались у ногъ этихъ выродковъ рода человѣческаго и воздавали имъ божескія почести? Римъ былъ блестящею резиденціею, населенною милліонами неимущихъ, большею частью рабовъ, вольноотпущенниковъ и нищихъ, въ которой роскоше-

На переднемъ планѣ направо край наружныхъ Пропилеевъ, позади великій храмъ мистерій, въ первоначальномъ видѣ.

ствовали нѣкоторые богачи, благодаря своимъ сокровищамъ, жившіе императорскими милостями, вѣчно въ страхѣ передъ злобою тирана.

Но Римъ и Римское государство теперь ужъ не одно и то же. Отъ него, правда, міръ получалъ законы, но не силы и импульсы. Наоборотъ, изъ провинцій Римъ черпалъ свою жизненную силу, въ нихъ секретъ его продолжительнаго существованія. Въ то время, какъ Римъ погрязъ въ рабствѣ и развратѣ, муниципальная свобода процвѣтала въ провинціяхъ. Ихъ свѣжая народная сила приумножилась отъ соприкосновенія съ греческо-римской культурой, и тѣмъ болѣе жители Испаніи, Галліи, Африки, Азіи, Германіи, Панноніи и Дакии дѣлались латинами, римлянами или греками, тѣмъ менѣе было у нихъ расположенія къ возстанію и отпаденію. Они латинизировались не какъ подвластные люди, но какъ товарищи, составляющіе одно государство, съ равнымъ участіемъ въ славѣ, культурѣ и владычествѣ. Вскорѣ провинція стала единственной поставщицей,

темъ блестящихъ побѣдъ. За этой первой эпохой тирановъ слѣдовалъ періодъ прекраснѣйшихъ правителей, соединявшихъ въ себѣ мудрость съ добродѣтелью и имѣвшихъ своею задачею благоденствіе народовъ,—періодъ, который чувствительные и философски-настроенные писатели называли счастливѣйшей порой не только Римской имперіи, но и всего человѣчества. Послѣ нихъ-то собственно и начинается упадокъ, когда претенденты на престолъ непрерывно воюютъ другъ съ другомъ и, что еще хуже, когда государство было стѣснено внѣшними врагами, отрывавшими отъ него часть за частью и доведшими до паденія. Даже въ этомъ періодѣ дряхлѣющее государство выказало, впрочемъ, свою крѣпость и боролось за свое существованіе цѣлыхъ триста лѣтъ.

Августъ.

если можно такъ выразиться, свѣжихъ силъ и дарованій въ области литературы и искусства; провинціи доставляли легіоны и полководцевъ, которые нерѣдко дѣлались императорами, обладающими громаднымъ могуществомъ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, нельзя всю эту эпоху разсматривать какъ время упадка, въ особенности, если принять въ расчетъ, что именно при кесаряхъ юліанскаго дома управленіе провинціями получило правильность и предѣлы имперіи расширены на громадное пространство пу-

Августъ явился спасителемъ и возродителемъ государства, утомленнаго отъ междоусобій, кровопролитій и проскрипцій. Октавіанъ, сдѣлавшись кесаремъ и неограниченнымъ владыкой, отрекся отъ образа дѣйствій бывшаго триумвира, который съ холодной расчетливостью смотрѣлъ на гибель своихъ друзей и убивалъ своихъ враговъ. Не имѣя соперниковъ, претендующихъ на престолъ, онъ былъ кроткимъ, снисходительнымъ, справедливымъ, заботливымъ и пекущимся о благѣ государства правителемъ. Слѣдуя идеямъ и поступкамъ великаго Цезаря, онъ избралъ своимъ удѣломъ власть и не заботился о почестяхъ. Онъ не придавалъ никакого значенія титуламъ и знакамъ отличія республики, которые составляли блескъ и гордость Рима и были связаны съ военной славой и величіемъ государства. Онъ жилъ какъ обыкновенный гражданинъ, поставленный выше себя равныхъ. Но, не смотря на это, онъ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія. При помощи своихъ друзей—мудраго администратора Мецената и опытнаго полководца Агриппы, онъ сгладилъ всѣ неровности государственной жизни Рима, исцѣлилъ всѣ раны и далъ развитіе новой жизни, новой культурѣ. Вновь были созданы или преобразованы постоянное войско и флотъ; управленіе провинціями было устроено на такихъ прочныхъ началахъ, что даже дурное управленіе его преемниковъ не могло расшатать его. Торговля, образованіе, искусство, литература сдѣлались предметомъ величайшей заботливости и процвѣтали, переживая свой золотой вѣкъ. Даже миръ, рѣдчайшій гость, котораго Римъ знаетъ въ своей исторіи, и тотъ всего во второй разъ улыбнулся счастливому государству. Но миръ былъ кратковременный, такъ какъ гроза снова появилась изъ германскихъ лѣсовъ. Пораженіе Лоллія, еще большее пораженіе Вара и лучшихъ легіоновъ Рима въ Тевтобургскомъ лѣсу (въ 9 году послѣ Р. Хр.), безплодные походы Друза, Тиберія и Германика показали, что есть предѣлъ римскому могуществу и указали, откуда въ грядущемъ можетъ придти паденіе Рима. Границы имперіи простирались до Дуная и даже черезъ Рейнъ, но тутъ имъ былъ указанъ предѣлъ—до сихъ поръ, но не далѣе!

Не смотря на это, Августъ могъ, видя свои планы осуществленными, съ чувствомъ самодовольства смотрѣть на состояніе государства. Счастливъ онъ, однако, не былъ. Въ кругу своего семейства, гдѣ онъ любилъ и хотѣлъ быть счастливымъ, онъ испытывалъ нѣчто такое, какъ будто предъ нимъ возстали мстительныя фуріи за всѣ совершенныя съ молодыхъ лѣтъ убійства. Тѣхъ, къ кому лежало его сердце и кого онъ хотѣлъ видѣть своими преемниками на престолѣ, тѣхъ ему пришлось увидѣть погибающими отъ яда своей жены, властолюбивой Ливіи, желавшей возвести на престолъ своего сына отъ перваго мужа, изъ суроваго рода Клавдіевъ. Такимъ образомъ, домъ его осиротѣлъ и, прежде чѣмъ успокоить на вѣки свою увѣнчанную лаврами, но преступную голову, Августъ долженъ былъ, хотя нехотя, назначить пасынка своимъ преемникомъ.

Такимъ образомъ, на престолъ вступилъ Тиберій (14 по Р. Хр.), впервые по праву наслѣдства. Наслѣдственность престола была утверждена, но не уврачевала она недуговъ Рима. Тиберію было пятьдесятъ шесть лѣтъ; зрѣлый мужъ облекся властью. Онъ изучилъ въ Родосѣ греческую науку, пріобрѣлъ опытность въ дѣлахъ, былъ образованъ, счастливо и побѣдоносно водилъ легіоны къ Рейну и Дунаю и съ государственною мудростью управлялъ провинціями. Государство имѣло право надѣяться на него, какъ на хорошаго правителя и, въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ порахъ его правленія отличалось благоразуміемъ; скромный на словахъ и въ общаніяхъ, мудрый и справедливый въ своихъ рѣшеніяхъ, онъ дѣйствовалъ твердо и неуклонно въ дѣлѣ управленія провинціями и охраны границъ. Что за нужда, если онъ лицемѣрилъ предъ сенатомъ, а сенатъ рабски ему льстилъ: во всякомъ случаѣ, государство благоденствовало.

Но Эриніи не дремали, и посянное драконово сѣмя принесло плоды въ родѣ Юліевъ. Достигнувъ престола путемъ преступленія, Тиберій думалъ этимъ же путемъ

сохранить его, и многие члены юлианской фамилии пали жертвой его подозрительности. По мѣрѣ возрастанія подозрительности, въ немъ пробуждалась суровая, непреклонная, свирѣпая натура Клавдіевъ, и обнаруживались неприглядныя черты характера, оттолкнувшія отъ него еще Августа. Подъ вліяніемъ Сеяна, злого генія, начались убійства и казни и сдѣлались явленіемъ повседневнымъ. Душа тирана становилась все мрачнѣе и мрачнѣе; задумчивый, сосредоточенный, угрюмый, онъ напрасно старался заглушить свою недовѣрчивость, свои злыя мысли и угрызенія совѣсти въ безумнѣйшихъ оргіяхъ. Онъ бѣжалъ отъ свѣта, бѣжалъ изъ Рима и уединился на скалистомъ островѣ Капри, гдѣ приказалъ построить себѣ дворецъ. Здѣсь, подъ сводомъ вѣчно-кроткаго неба, среди простора голубого моря, на лонѣ роскоши, какая только возможна на землѣ, въ прелестной мѣстности, которую онъ могъ окинуть однимъ взглядомъ съ высоты скалъ, въ полнѣйшемъ отчужденіи отъ людей, съ сердцемъ, замкнутымъ для всякаго человѣческаго чувства, жилъ властелинъ всего міра; дряхлый и слабый,

Тиберій.

Неронъ.

неспособный болѣе къ чувственнымъ наслажденіямъ этотъ извергъ рода человѣческаго находилъ утѣшеніе въ стонахъ и страданіяхъ своихъ жертвъ, пока смерть не освободила міръ отъ этого восьмидесятилѣтняго старца-тирана.

Итакъ, Римъ и весь свѣтъ избавились отъ тирана, но его преемники снова вступили на путь крови, съ магическою силою привлекавшій ихъ къ себѣ. Въ началѣ новый владыка всегда стремится къ добру и справедливости, желая загладить зло, причиненное его предшественникомъ, но кровь все равно, что ядъ: ядъ, всосанный въ юности, начинаетъ дѣйствовать среди упоенія властью и всемогуществомъ; мгновенно помрачается разумъ, и фуріи яростно влекутъ за собою свои жертвы. То же самое произошло съ тремя императорами подъ-рядъ. Народъ привыкаетъ къ крови; она перестаетъ казаться ему чѣмъ-то особеннымъ, потому что проливаютъ ее, какъ воду. Въ циркахъ, въ бояхъ гладиаторовъ и травляхъ дикихъ звѣрей — въ этомъ отношеніи римляне были ненасытны — глазъ привыкалъ къ крови и убійству, а ухо — къ воплямъ, стонамъ и предсмертному хрипѣнію; зрѣлище ужасовъ сдѣлалось для римлянъ удовольствіемъ, развлеченіемъ. Послѣ этого кого особенно могло поражать, если императоръ

игралъ жизнью всѣхъ, возбуждавшихъ его подозрительность или гнѣвъ или вообще попадавшихъ ему на глаза? Кого онъ опасался, тотъ подвергался смерти, точно такъ, какъ и тотъ, кто словомъ или мыслью оскорбилъ императора; людей, раздражившихъ своими богатствами корыстолюбіе властителя или его друзей, казнили, заточали въ темницы или изгоняли изъ родины. Жадность императоровъ высоко подняла значеніе шпионовъ и доносчиковъ. Чтобы избѣгнуть доноса, невинные часто лишали себя жизни, какъ будто потеря жизни была для нихъ удовольствіемъ. Да и можетъ ли жизнь имѣть цѣну, если она не обезпечена завтрашнимъ днемъ? Всякій быстро истрачивалъ все, что имѣлъ, на кратковременныя на-

Клавдій.

пилъ на престолъ еще юношей, но юношей, пресытившимся уже кровью и злодѣяніями, такъ какъ онъ былъ наперникомъ Тиберія на Капри. Не смотря на это, онъ вначалѣ обнаружилъ добрыя намѣренія, отмѣнилъ свирѣпыя законы объ оскорбленіи величества, освободилъ заточенныхъ, приступилъ къ сооруженію многихъ полезныхъ зданій, осыпалъ дарами народъ и солдатъ, устраивалъ одно за другимъ множество празднествъ, пировъ, ристалищъ и звѣриныхъ травль. Но въ Калигулѣ, опьяненномъ этими празднествами, просыпаются прежнія страсти, жажда крови, и онъ превращается въ свирѣпаго, какъ бы безумнаго изверга. нѣсколько полезныхъ законопріятій. Но онъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ вольноотпущенниковъ и въ особенности своей жены, прекрасной Мессалины, не уступавшей никому изъ кесарей въ жадѣ крови и распущенности и предававшейся публично постыднѣйшему разврату до тѣхъ поръ, пока она не пала жертвой ревности

Агриппина младшая.

слажденія, на пьянство, оргіи и объяденіе, такъ какъ никто не былъ увѣренъ, что черезъ часъ, черезъ минуту не постучится въ дверь вѣстникъ смерти отъ милостиваго кесаря.

Такое время переживалъ Римъ въ правленіе послѣднихъ кесарей юліанскаго или, вѣрнѣе, клавдіанскаго рода. Какая разница въ личностяхъ и какое сходство въ явленіяхъ! Калигула, единственный оставшійся въ живыхъ сынъ мужественнаго и достойнаго Германика, всту-

Римъ нѣсколько лѣтъ переносилъ это чудовище, пока не избавился отъ него посредствомъ убійства.

Занимать слѣдуетъ его дядя Клавдій (41 по Р. Хр.), братъ Германика, человекъ ученый, но чрезвычайно ограниченный, съ слабымъ характеромъ; годы — ему было за пятьдесятъ — должны были бы научить его умѣренности. И онъ выступилъ на поприще государственной дѣятельности съ нѣкоторыми задатками добрыхъ намѣреній и оставилъ послѣ себя

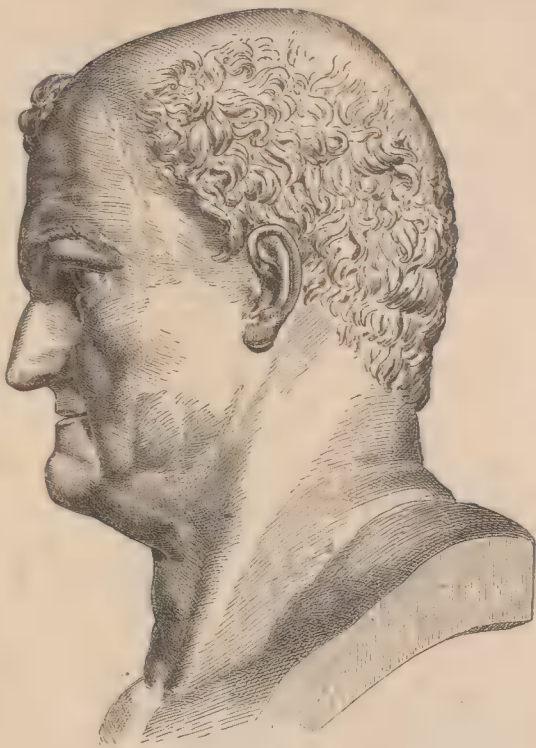

своего супруга. Римлянки этой эпохи, и въ особенности придворныя, ничуть не были лучше римлянъ. Хотя, правда, между ними встрѣчались еще благородныя женщины, какъ наримѣръ, Агриппина старшая, жена Германика, но такихъ, которыя приобрѣли извѣстность пороками и преступленіями, было гораздо больше, чѣмъ прославившихся добродѣтелями.

Къ числу испорченныхъ, дурныхъ женщинъ принадлежить Агриппина младшая, которая изъ одного властолюбія хотѣла видѣть на тронѣ своего сына Нерона. Она была женой Клавдія и правила вмѣсто него; но отравивъ мужа, продолжала властвовать сообща съ своимъ молодымъ сыномъ (54 по Р. Хр.).

Агриппина полагала, что достаточно позаботилась о Неронѣ, приставивъ къ нему, въ качествѣ учителя и руководителя, философа Сенеку, а начальникомъ арміи назначивъ храбраго и опытнаго Бурра. И чя самомъ дѣлѣ, провинціи благоденствовали. Но вскорѣ, вслѣдствіе ея властолюбія, между упомянутыми личностями произошелъ разладъ и, что еще хуже, возмужавшій Неронъ сталъ тяготиться материнскою опекою. Женатый на Поппеѣныхъ размѣровъ зданіе. Четырнадцать лѣтъ Римъ его терпѣлъ, наконецъ, избавился отъ него посредствомъ убійства.

Почти полвѣка продолжалось правленіе полуумныхъ императоровъ. Міръ жаждалъ

Веспасіанъ.

Титъ.

Сабинѣ, развратной женѣ не менѣе развратнаго Оттона, онъ снова вступилъ на путь плотскихъ наслажденій, убійствъ и казней. Бурръ былъ казненъ; Сенеку заставили лишиться себя жизни, а сама Агриппина погибла послѣ нѣсколькихъ коварно обдуманныхъ и хладнокровно исполненныхъ покушеній со стороны своего сына. Но пролитіе крови не могло заглушить въ матерубійцѣ угрызений совѣсти. Онъ является публично актеромъ, музыкантомъ, пѣвцомъ и ристателемъ и упивается похвалами подобострастно или презрительно рукоплещущей толпы. Римъ превратился отъ пожара въ груды развалинъ; увѣряли, что преднамѣреннымъ виновникомъ пожара былъ самъ Неронъ, который взвалилъ вину на христіанъ, подвергъ ихъ страшному гоненію, задавшись цѣлью отстроить Римъ въ болѣе блестящемъ видѣ. Для себя лично онъ построилъ дворецъ, колоссальное, роскошное, громад-

справедливаго и мудраго правителя. Послѣ трехъ слѣдовавшихъ за Нерономъ императоровъ—Оттона, Гальбы и Вителлія, правившихъ недолго и дурно, началась непродолжительная междоусобная война, во время которой сирійскіе легіоны провозгласили императоромъ и кесаремъ своего вождя Веспасіана (въ 69 году по Р. Хр.).

Вмѣстѣ съ Веспасіаномъ настали для государства новыя времена, періодъ побѣдъ, внѣшняго могущества и благоразумнаго внутренняго управленія. Такъ шли дѣла, хотя и не безъ перерывовъ, около столѣтія, до 180 года. Только въ началѣ и въ концѣ этого періода престолъ переходилъ отъ одного лица къ другому по назначенію благоразумныхъ государей, которые избирали достойнѣйшаго, усыновляли его и назначали своимъ преемникомъ. При такой системѣ государство благоденствовало въ то время, какъ наследственность престола въ одномъ родѣ возводила на тронъ какихъ-то безумцевъ, выроdkовъ рода человѣческаго, далеко оставлявшихъ за собой даже свирѣпыхъ императоровъ изъ юліанскаго рода.

Веспасіанъ былъ для государства вторымъ Августомъ, какъ будто возвышенная, аристократическая душа Октавіана воплотилась въ заурядной, чуть ли не вульгарной личности Веспасіана. Время произвело такое превращеніе. Веспасіанъ уврачевалъ раны государства, раскрылъ двери темницъ, призвалъ обратно изгнанныхъ, положилъ предѣлы распущенности нравовъ, под-

нял уровень нравственности, улучшилъ финансы и администрацію провинцій и возстановилъ въ войскахъ образцовую дисциплину. Бережливый до скупости, онъ жилъ скромно, какъ частный человѣкъ, на виллѣ, а не во дворцѣ, и былъ доступенъ для всѣхъ и всегда. Однакожъ, онъ твердою рукою держалъ бразды правленія, лишилъ сенатъ всякой свободы и сдѣлалъ безвредными и тѣхъ благород-

Гальба.

ныхъ, но не во-время мечтавшихъ о возстановленіи республики учениковъ Катона, которые все-таки еще встрѣчались въ Римѣ. Съ философами онъ никакъ не могъ ужиться и потому выслалъ ихъ всѣхъ изъ Рима. Такимъ образомъ, если его правленіе и не пользовалось особою симпатіею, то, во всякомъ случаѣ, оно принесло пользу Риму, Италіи и всему государству. Послѣ десяти лѣтъ царствованія онъ умеръ естественною смертію, стоя, какъ подобало, по его мнѣнію, императору, и съ остроумнымъ словомъ на устахъ. „Я думаю, что меня сдѣлаютъ богомъ“, сказалъ онъ, намекая на обоготвореніе разныхъ Нероновъ.

Ему наследовалъ его сынъ Титъ Флавій Веспасіанъ (79), болѣе извѣстный просто

подъ именемъ Тита, достойнѣйшій изъ правителей, какихъ только когда либо видѣлъ міръ. Судя по его бурной молодости, Римъ ожидалъ встрѣтить въ немъ новаго Тиберія или Нерона, но Веспасіанъ обманулъ эти ожиданія и въ теченіи двухъ лѣтъ — больше ему

не суждено было царствовать—пріобрѣлъ названіе „утѣшителя рода человѣческаго“. Отравленный, какъ подозрѣваютъ, своимъ братомъ Домиціаномъ, онъ уступилъ мѣсто новому Тиберію, еще гнуснѣйшему и бездарному. И Домиціанъ сначала старался или показывалъ видъ, что старается править хорошо и справедливо, но его неудержно влекло на путь убійствъ. Злобный, недовѣрчивый и свирѣпый по натурѣ, онъ замкнулся въ неприступномъ уединеніи и оттуда посылалъ смертные приговоры, которыми неожиданно поражалъ свои жертвы. Если ему приходило на умъ убить когонибудь изъ приближенныхъ лицъ, то они сами предупреждали его желаніе.

Сенатъ возвелъ (въ 96 году) на тронъ храбраго, но престарѣлаго Кокцея Нерву, котораго главная заслуга состоитъ въ усыновленіи Траяна. Траянъ (98—117 года по Р. Хр.) былъ именно такой государь, въ какомъ государство нуждалось: въ зрѣломъ возрастѣ, надѣленный всѣми добродѣтелями и дарами природы, мужественный и пре-

красный, какъ богъ, справедливый и кроткій, мудрый и опытный, испытанный въ бою и въ совѣтѣ. Родомъ испанецъ — Римъ и Италія ужъ не производили больше такихъ мужей—онъ самъ проложилъ себѣ дорогу. Онъ достигъ трона въ то время, когда предводительствовалъ легіонами на Рейнѣ, продолжалъ начатое Веспасіаномъ и привлеченіемъ свѣжихъ силъ изъ провин-

Траянъ.

цій старался возродить Римъ и Италію къ новой жизни. Его заботливость и любовь простирались даже на дѣтей, для которыхъ онъ учредилъ пріюты. Литература и искусство, погасшія во времена тирановъ, расцвѣли новымъ цвѣтомъ. Римское государство опять увидѣло между латинцами и греками великихъ, хотя и не классическихъ писателей. Твердою рукою защищалъ онъ границы

государства и даже расширилъ ихъ путемъ многихъ и тяжкихъ войнъ, превративъ въ римскую провинцію Дакію, первую страну по ту сторону Дуная и сдѣлавъ ее латинскою основаніемъ колоній, постройкой городовъ, проложеніемъ и устройствомъ дорогъ и мостовъ. Болѣе опасный и злой врагъ угрожалъ римлянамъ въ лицѣ парѳянъ, стремившихся на западъ. Но Траянъ отнялъ у нихъ Арменію, завоевалъ ихъ главные города и проникъ въ области древняго персидскаго государства глубже, чѣмъ кто-либо изъ предшествовавшихъ ему римскихъ полководцевъ. Во время этой войны онъ умеръ.

Преемникомъ Траяна былъ усыновленный имъ Элій Адріанъ, не принадлежавшій къ числу великихъ и талантливыхъ людей, но все же человекъ опытный въ бою, ученый и любитель искусствъ, покровитель культуры, принявшей при немъ безпрепятственное теченіе. Въ противоположность прежнимъ кесарямъ юліанскаго рода, онъ вначалѣ, казалось, вступилъ на путь крови, но кротость и благоразуміе взяли верхъ и государство вскорѣ ощутило послѣдствія справедливаго правленія. Чтобы лично самому со всѣмъ

ознакомиться и обо всем составить себѣ понятіе, онъ то пѣшкомъ, то на конѣ посѣтилъ всѣ провинціи государства. Такимъ образомъ онъ побывалъ и въ Египтѣ, гдѣ въ Нилѣ погибъ его прекрасный и любимый имъ другъ — Антиной.

Не хуже управлялъ государствомъ его преемникъ, и не менѣе счастливыя времена наступили для Рима. Подъ скипетромъ Антонина Пія (138 — 161), усыновленнаго Адріаномъ, для Рима и всего государства настала эра благоденствія. Антонинъ, заслужившій имя Благочестиваго, правилъ съ кротостью и справедливостью, мудростью и бережливостью. Престолъ занялъ истинно мудрый и добрый человекъ, желавшій міру счастья и нравственнаго преуспѣянія, насколько это было возможно при разнохарактерномъ составѣ государства. Въ извѣстной мѣрѣ это сдѣлалось возможнымъ при содѣйствіи одного новаго начала, культурно-историческое значеніе котораго впервые выяснилось въ царствованіе этихъ государей. Благодаря ихъ терпимости и справедливому правленію, христіанство — именно его мы подразумеваемъ — могло выступить изъ своего низкаго, безвѣстнаго положенія и пріобрѣсти себѣ послѣдователей и, въ особенности, послѣдовательницъ въ высшихъ кругахъ общества, даже при дворѣ, въ императорской фамиліи. Добродѣтельною жизнью, которую оно проповѣдывало, самоотреченіемъ, равенствомъ и братскимъ единеніемъ всѣхъ людей, — знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, свободныхъ и рабовъ, — проповѣдью любви и всепрощенія оно должно было пріобрѣсти сначала нравственное вліяніе и затѣмъ уже добиться политическаго значенія, сдѣлаться равноправною или господствующею церковью. Это вліяніе, сѣющее любовь, умиротворяющее страсти, успокоивающее душу, особенно было замѣтно во время Антонина. То была счастливѣйшая пора христіанства и, во всякомъ случаѣ, счастливѣйшая пора временъ императоровъ. Но она продолжалась короткое время.

Антонинъ Пій тоже усыновилъ мудраго человека, Марка Аврелія (161—180), ученика Эпиктета. Веспасіанъ изгналъ философовъ изъ Рима, но въ лицѣ Марка Аврелія на тронъ вступилъ истинный философъ. Онъ не обладалъ опытностью ни въ войнѣ, ни въ государственныхъ дѣлахъ, но полагалъ счастье только въ добродѣтели, а несчастье — въ пороки, а къ тому, что люди называютъ счастьемъ и что составляетъ предметъ ихъ стремленій, онъ былъ совершенно равнодушенъ. Таковъ былъ его образъ мыслей и дѣйствій; вѣроятно, Маркъ Аврелій остался бы имъ вѣренъ и на престолѣ, если бы на его долю выпало тихое, мирное время. Но вдругъ, съ разныхъ сторонъ явилась опасность, на время дремавшая на границахъ государства, и явилась она въ грозномъ видѣ. На востокъ паряне вторгнулись въ Сирію, съ сѣвера германцы перешли Дунай, перевалили черезъ Альпы и стояли подъ Аквилеей. Германцевъ снова обуяло стремленіе къ передвиженіямъ, приключеніямъ и завоеваніямъ. Съ этого времени они постоянно нападаютъ на границы имперіи. Маркоманы, квады и другія племена соединились и, какъ во времена Марія, грозили Риму. Но философъ оказался способнымъ подняться на высоту грозившей опасности, отложилъ въ сторону перо, которымъ такъ хорошо владѣлъ, и взялся за мечъ. Великая маркоманская война, въ которой онъ предводительствовалъ войсками и которую такъ побѣдоносно велъ, доказала, что онъ также полководецъ и герой.

Къ несчастью, у Марка Аврелія былъ сынъ, вступившій послѣ него на тронъ. Вмѣстѣ съ Коммодомъ (180—192), котораго главное удовольствіе состояло въ томъ, чтобы сражаться въ циркѣ какъ гладіаторъ и, въ качествѣ искуснаго стрѣлка, убивать дикихъ звѣрей и птицъ передъ ликующей толпой, кончилась золотая пора Римской имперіи. Внѣшніе враги, угадавъ слабость государства, усилившись и пріобрѣтя военную опытность въ войнахъ съ Римомъ, а подчасъ подъ его знаменами, не давали ему покоя; правители мѣнялись безпрестанно: то преторіанцы, то севаты, то легіоны провозглашали императоровъ и тронъ доставался или сильнѣйшему, или сулившему больше денегъ.

32

Ристанія въ Циркѣ (CIRCUS MAXIMUS).

Маркъ Аврелій.
Конная статуя въ Капитоліи.

Изъ нихъ лучшими императорами были тѣ, которыхъ возводили на тронъ легіоны, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, они были опытные полководцы, а худшими тѣ, которые вступали на престолъ по праву наслѣдства. Къ числу первыхъ принадлежалъ Септимій Северъ, вынужденный оспаривать тронъ у очень способныхъ и опасныхъ претендентовъ. Но къ его несчастію онъ имѣлъ двухъ сыновей. Убіеніе одного изъ нихъ другимъ доставило престолъ міра Каракаллѣ, достойному товарищу Калигулы и Нерона. Немного спустя, тоже по праву наслѣдства, на престолъ вступилъ Геліогабалъ, изнѣжен-

ный сластолюбецъ, который, посвященный во все тайны разврата въ Сиріи, гдѣ онъ еще мальчикомъ былъ облеченъ въ званіе жреца. Въ Римѣ онъ весь отдался во власть женщинъ, получившихъ вліяніе на дѣла государственныхъ. Его преемникъ, Александръ Северъ, воспитанный своею умною матерью Маммеею, былъ хорошимъ правителемъ, но онъ не пользовался расположеніемъ солдатъ, умертвившихъ его въ лагерѣ. За нимъ слѣдовалъ (235), вмѣстѣ съ другими претендентами, еракійскій атлетъ Максиминъ, а, немного спустя, главою имперіи удалось сдѣлаться какому-то предводителю бедуиновъ, сыну пустыни, Филиппу Аравитянину. Императоры быстро слѣдовали одинъ за другимъ, низлагая и убивая другъ друга. При Валеріанѣ государство на короткое время вздохнуло какъ бы свободнѣе, но скоро наступили времена еще худшія. На востокъ паряне основали ново-персидское государство и мечтали о восстановленіи границъ, существовавшихъ при Кирѣ и Даріѣ. Валеріанъ сдѣлался плѣнникомъ персидскаго царя, и властитель міра долженъ былъ держать стремя и наклонять спину подъ ногу азіатскаго владыки. Во всехъ римскихъ провинціяхъ появились претенденты на тронъ. Государство не имѣло главы; германскіе отряды, подъ предводительствомъ отважныхъ вождей, грабили провинціи, а на востокъ въ римскихъ владѣніяхъ образовалось новое независимое государство—Пальмира.

Но силы государства далеко еще не были истощены и, въ случаѣ нужды, являлись полководцы, способные бороться противъ опасности и стоять у кормила правленія. Таковъ былъ Авреліанъ, изгнавшій изъ Италіи аллемановъ; онъ обнесъ Римъ крѣпкою стѣною, отомстилъ персамъ за пораженіе Валеріана, разрушилъ государства Зинобію и Пальмиру; таковъ былъ Аврелій Пробъ, который призвалъ къ жизни и вновь воздѣлалъ опустошенныя пограничныя провинціи.

Истиннымъ продуктомъ своего времени является Діоклетіанъ. Родомъ изъ Далмаціи, сынъ вольноотпущенника, всемъ обязанный самому себѣ, онъ мужественно защищалъ (отъ 284 года) границы государства, но, не ограничиваясь одною защитой его, вполне переустроилъ имперію. Онъ окончательно уничтожилъ даже номинальные остатки республики; такъ, термины: консулъ, трибунъ, цензоръ вовсе вывелись изъ употребленія. Власть нераздѣльно принадлежала императору, недоступному, одѣтому въ шелкъ и золото, окруженному роскошью и этикетомъ. Сенатъ, въ былыя времена покорившій міръ, возводившій на престолъ и низлагавшій царей и императоровъ, въ свою очередь былъ низведенъ на степень муниципальнаго учрежденія. Римъ пересталъ даже быть резиденціей императоровъ и, только благодаря своему ореолу славы, считался еще столицей имперіи. Діоклетіанъ созналъ, что Римъ слишкомъ удаленъ отъ отовсюду угрожаемыхъ границъ государства; онъ созналъ также, что императоръ одинъ не въ состояніи удовлетворить всемъ насущнымъ нуждамъ времени и подавить безпрестанныя смуты, обуревавшія государство. Поэтому онъ взялъ себѣ въ соправители Максима, присвоивъ ему титулъ августъ; каждый изъ августовъ имѣлъ еще по помощнику, называемому цезаремъ. Такимъ образомъ государство распалось на четыре части съ столицами въ Миланѣ, Трирѣ, Сирміумѣ и Никомидіи. Все четыре правителя были опытные храбрые воины, и, доколѣ верховный авторитетъ Діоклетіана держалъ ихъ въ единomyслии, государство благоденствовало; оно держалось единственно этимъ авторитетомъ, но, какъ скоро его не стало, происки честолюбія привели къ междоусобной войнѣ.

Въ 305 году Діоклетіанъ, находясь въ Никомидіи, занемогъ; уставъ отъ государственныхъ трудовъ, онъ сталъ вести жизнь частнаго человѣка, избралъ своимъ мѣстопробываніемъ Солону въ Далмаціи, гдѣ построилъ себѣ на берегу моря великолѣпный дворецъ. Человѣкъ, съ громадною энергіей и желѣзною рукою управлявшій міромъ, оставилъ бурную государственную дѣятельность и въ отрадной тиши разводилъ капусту и цвѣты. А бури не утихали, — онъ снова начали свирѣпствовать въ государствахъ; августы и цезари падали

одинъ за другимъ, пока не возвысился одинъ изъ нихъ, холодный и суровый, руки котораго были обогреты кровью своихъ родственниковъ и соправителей. То былъ Константинъ Великій. Въ 312 году онъ сдѣлался обладателемъ западной части имперіи, благодаря побѣдѣ, одержанной имъ при мульвійскомъ мостѣ, недалеко отъ Рима; двѣнадцать лѣтъ спустя, онъ низложилъ послѣдняго изъ своихъ противниковъ въ Малой Азіи, и Римъ опять сталъ послушенъ волѣ одного человѣка.

Константинъ Великій въ двухъ отношеніяхъ замѣчательнъ въ исторіи. Онъ перенесъ центръ тяжести Римскаго государства, все еще простиравшагося отъ Атлантическаго океана до Евфрата, на востокъ, между Европой и Азіей, избралъ своею резиденціей прекрасно расположенную, но нѣсколько разъ разрушенную Византію и переименовалъ ее въ Константинополь. Такимъ образомъ, онъ былъ основателемъ Византійской имперіи. Онъ же даровалъ христіанству, подвергавшемуся жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны Діоклетіана, гражданскія права, подобающія его силѣ и распространенности. Давно уже расположенный въ пользу новаго ученія, Константинъ на смертномъ одрѣ принялъ христіанскую вѣру (въ 337 году).

Подобно Августу, Константинъ былъ очень несчастливъ въ семейной жизни и, въ большинствѣ случаевъ, по своей же собственной винѣ. Выразилось это въ борьбѣ между его сыновьями, долженствовавшими править имперією сообща; наконецъ, власть досталась его племяннику тивъ аллемановъ, вторгнувшись въ Галлію. Но, подобно Марку Аврелію, этотъ молодой философъ оказался способнымъ подняться на высоту каждаго положенія. Съ стремительностью, напоминающей Александра Великаго, онъ преодолѣлъ всѣ препятствія и одержалъ рѣшительную побѣду. Одолѣвъ затѣмъ своего соправителя, онъ сталъ управлять государствомъ благоразумно, справедливо, бережливо и распустилъ весь придворный штатъ свой съ тысячами его поваровъ, парикмахеровъ, камердинеровъ и т. под. Въмѣсто багряницы, онъ носилъ плащъ философа и чрезвычайно остроумными памфлетами отвѣчалъ на сыпавшіяся на него насмѣшки. Онъ возстановилъ культъ прежнихъ боговъ, и въ особенности Аполлона, бога солнца, котораго преимущественно почиталъ, и хотя не преслѣдовалъ христіанъ, однако старался унижить христіанство и сѣузить кругъ его дѣйствія. Напрасныя старанія! Если бы даже онъ и не палъ въ войнѣ съ персами, которыхъ хотѣлъ разгромить, подобно аллеманамъ, все-таки едва ли удалось

Константинъ Великій.

Юліану (361), какому-то странному человѣку, которому исторія дала названіе Отступника. По вѣрѣ язычникъ и послѣдователь многобожія, по убѣжденіямъ — философъ, онъ съ циническимъ стоицизмомъ отвергалъ роскошь, блескъ и вообще всѣ житейскія потребности и покрывалъ рваными лохмотьями свое грязное тѣло. Еще въ ранней молодости, когда онъ изучалъ въ Афинахъ философію, онъ былъ призванъ къ соучастію въ управленіи имперією и немедленно принялъ начальство надъ войсками въ войнѣ про-

бы ему совладать съ христіанствомъ, уже успѣвшимъ пустить глубокіе корни въ государствѣ. Ближайшій послѣ него и послѣдній великій государь, Θεодосій, не только возвратилъ христіанской церкви утраченныя ею права, но возвелъ ее на степень единственной государственной церкви и отмѣнилъ существовавшій дотолѣ религіозный культъ. Оракулы умолкли, языческіе храмы были закрыты, разрушены или превращены въ церкви, жертвоприношенія прекратились, погасли огни на алтаряхъ, а вмѣстѣ съ ними вѣчный огонь на очагѣ Весты.

Немного прошло еще лѣтъ и римское государство рухнуло вслѣдъ за паденіемъ своихъ боговъ. До сихъ поръ германцы нападали только на границы государства, и лишь изрѣдка ихъ вождямъ удавалось смѣлымъ и быстрымъ движеніемъ пронестись по всему государству, при помощи внезапнаго нападенія брать укрѣпленные города, превращать ихъ въ груды пепла и съ добычей возвращаться домой. Такимъ образомъ германцы побывали въ Малой Азіи, Греціи и на островахъ ея, въ Испаніи и даже въ Африкѣ. Но теперь цѣлые уже народы, какъ-бы вслѣдствіе какого-то могучаго толчка, покидали родину и вторгались въ предѣлы римской имперіи, ища не добычи, а новаго мѣста для поселенія, новаго отечества. Современемъ, провинціи Италія и даже Римъ сдѣлались ихъ достояніемъ.

Движеніе началось съ востока. Древній востокъ еще разъ уподобился вулкану, лава котораго излилась на западъ. Но на этотъ разъ движеніе шло не черезъ Малю Азію и Геллеспонтъ, но къ сѣверу отъ Чернаго моря и Альпійскихъ горъ. Между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ проникли въ Европу варвары, степные кочевники монгольскаго происхожденія, извѣстные подъ именемъ гунновъ. Ударъ прежде всего поразилъ алановъ, затѣмъ остготовъ, а еще позже вестготовъ. Послѣдніе были отброшены за Дунай и появились во Фракіи, со всѣмъ своимъ имуществомъ, семействами и стадами. Императоръ Валенсъ хотѣлъ силою воспрепятствовать ихъ движенію, но въ кровопролитномъ сраженіи подъ Адрианополемъ онъ погибъ вмѣстѣ съ своимъ многочисленнымъ войскомъ. Плотина, которую легіоны представляли напору варваровъ, была такимъ образомъ прорвана, и бурный потокъ ихъ наводнилъ имперію. Θεодосій съ величайшимъ трудомъ, путемъ переговоровъ, мечемъ и золотомъ, только на короткое время задержалъ его стремительное теченіе.

Θеодосій умеръ, едва только успѣвъ сдѣлаться самодержцемъ (въ 395 году). Онъ раздѣлилъ государство между своими двумя молодыми сыновьями. Восточная половина имперіи—съ главнымъ городомъ Константинополемъ, досталась едва вступившему въ юношескій возрастъ Аркадію, а западная—съ главнымъ городомъ Равенной, Гонорію, еще совершенно ребенку. Такъ произошло раздѣленіе имперіи. Восточной имперіи еще суждено было расцвѣсть и создать новую, средневѣковую греческую культуру. Благодаря особенной живучести своихъ жизненныхъ силъ, византійское государство выдержало напоръ фанатиковъ арабовъ, натискъ славянъ и бурю крестовыхъ походовъ; наконецъ, оно пало, утомленное тысячелѣтней борьбой, но пало все-таки не безъ славы. Далеко не такъ счастлива была Западная Римская имперія.

Если Римъ еще нѣкоторое время существовалъ, то не на остатокъ своихъ силъ, такъ какъ ихъ вовсе не было. Италія просто имѣла еще довольно денегъ, чтобы нанимать къ себѣ на службу варваровъ. Ея защитниками стали хорошо обученные германцы, предводимые германскими князьями, которые иногда и правили вмѣсто слабохарактерныхъ императоровъ. Благодаря имъ, было отражено не одно нападеніе, а при Шалонѣ нанесенъ окончательный ударъ Атилѣ, прозванному „бичемъ божіимъ“, послѣ чего азіатская орда отхлынула назадъ, только слегка коснувшись Италіи. Но Стилихонъ и его преемники, римскіе полководцы германскаго происхожденія, не могли воспрепятствовать германцамъ неоднократно вторгаться въ имперію: такъ, въ 410 году Аларихъ со своими

вестготами взяли и разграбили вѣчный городъ, а въ 452 вандалъ Гензерихъ уготовилъ ему еще злѣйшую участь. Они не помѣшали также саксамъ овладѣть Британіею, франкамъ — Галліею, вестготамъ — Испаніею, а вандаламъ — основать въ Африкѣ государство, съ главнымъ городомъ Кареагеномъ.

Было бы даже не въ порядкѣ вещей, если бы германцы защищали слабую Италію. Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, защитникамъ Италіи не сдѣлаться ея обладателями? Такъ и случилось. Одоакръ первый возложилъ на себя корону и провозгласилъ себя въ 476 году королемъ Италіи. Двѣнадцать вѣковъ прошло такимъ образомъ съ основанія города Рима до окончательнаго и безвозвратнаго паденія римскаго государства.

Форумъ Боаріумъ.

Храмъ Юпитера.

Арх.
Семпроніева базилика.

Tabularium.

Храмъ на Forum Romanum.

Капитолій въ Римѣ
(видимый изъ царскихъ дворцовъ на Палатинѣ, въ первоначальномъ видѣ).

КНИГА II.

Жизнь и нравы.

I.

Римъ, какъ городъ и государство.

ООБРАЗНО съ тѣмъ, какъ Римское государство разрослось, постепенно присоединяя къ своимъ первоначально незначительнымъ владѣніямъ городъ за городомъ, страну за страной, такъ точно въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій развивался городъ Римъ, присоединяя къ своей территоріи холмъ за холмомъ, долину за долиной. Къ Палатину, на которомъ впослѣдствіи красовались императорскіе дворцы, примкнулъ Капитолійскій холмъ, составлявшій, съ своею крѣпостью и храмомъ высшаго божества, идеальное и священное средоточіе римскаго государства во всѣ времена его существованія. Затѣмъ городъ поднялся на Квириналь, на Целійскій холмъ, къ югу на Авентинъ, къ востоку на Эсквилинь, спустился въ глубокія долины, осушенныя подземными отводными каналами и каменными клоаками, перешагнулъ далѣе черезъ

Тибръ на Яникуль и нѣкоторыми изъ роскошныхъ общественныхъ зданій коснулся орошаемаго рѣкою Марсова поля (Campus Martius).

Такъ возникъ семихолмный городъ. Въ этомъ отношеніи Римъ можетъ быть названъ городомъ историческимъ, т. е. онъ образовался медленно, постепенно, параллельно съ развитіемъ исторіи, а не вдругъ, какъ Александрія или Антіохія—творенія царственнаго зодчаго, сооруженныя по правильному, хорошо обдуманному плану, по линейкѣ и отвѣсу. Даже сдѣлавшись главою міра, Римъ еще долго носилъ на себѣ печать своего возникновенія. Узкія, извилистыя улицы тянулись безъ всякаго плана съ одного холма на другой; дома были бѣдные, дурно построенные. Пожаръ, произведенный Галлами, уничтожилъ эти жалкія хижины; городъ былъ отстроенъ очень поспѣшно, а потому самому—непрочно и несимметрично. Въ Римѣ не было ничего, похожаго на порядочную улицу или на проспектъ; видъ съ холмовъ открывался на какую-то невообразимую путаницу зданій. Даже во времена Пирра на крыши употреблялся еще гонтъ. По мѣрѣ того, какъ городъ обстраивался и земля становилась дороже, начали возводить дома въ семь, восемь и даже болѣе этажей, лишавшіе свѣта узкія улицы и грозившіе пожаромъ или паденіемъ.

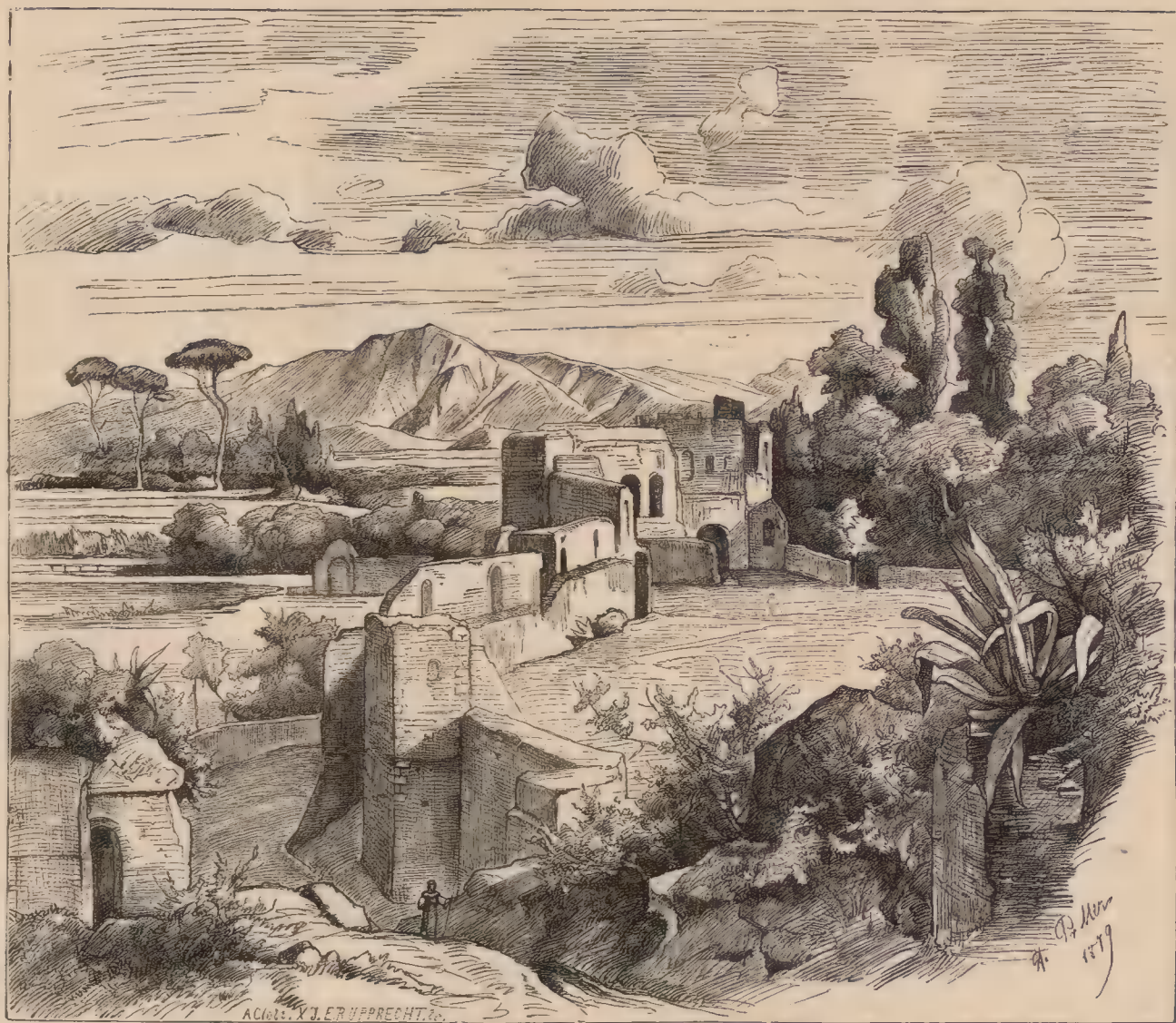
Только въ послѣднее столѣтіе республики, влательница міра, сознавъ свое значеніе, начинаетъ преобразаться. Скромно жили нѣкогда Сципіоны, но Лукулль, Скавръ, Крассъ, побѣдившіе царей и государства, вернувшись въ Римъ съ царскими богатствами, желали жить не иначе, какъ въ дворцахъ. По мѣрѣ того, какъ сокровища завоеванныхъ странъ стекались въ Римъ, увеличивалась роскошь и страсть къ великолѣпнымъ постройкамъ. Но городъ былъ уже слишкомъ обширенъ для того, чтобы преобразиться сразу. Около 100 года до Р. Хр., домъ Красса съ садомъ былъ оцѣненъ въ три милліона сестерцій, а шесть дивныхъ, находившихся въ немъ, лotosовыхъ деревьевъ—вдвое больше, что приблизительно составитъ милліонъ марокъ или полмилліона гульденовъ, и это никого не удивляло. Домъ всадника К. Аквилія, считавшійся красивѣйшимъ въ Римѣ, стоилъ вдвое дороже. Такія зданія встрѣчались, впрочемъ, тогда довольно рѣдко. Но не позже, какъ пятьдесятъ лѣтъ спустя, ихъ насчитываютъ уже сотнями. Одновременно съ этимъ возникли великолѣпныя общественныя зданія. Кто хотѣлъ руководить политикой государства, тотъ долженъ былъ заручиться расположеніемъ толпы, въ виду чего и возводилъ колоссальныя постройки, храмы и форумы, цирки и базилики, бани и театры,—послѣдніе часто на очень короткій срокъ и въ долгъ, въ надеждѣ расплатиться впослѣдствіи деньгами, добытыми грабежемъ провинцій.

Но эти сооруженія, дворцы и общественныя зданія были только островами среди моря древнихъ римскихъ построекъ. Только Августъ, возбудившій въ своихъ вельможахъ страсть къ постройкамъ, могъ гордиться тѣмъ, что нашелъ Римъ кирпичнымъ, а оставляетъ его мраморнымъ. Однако, и онъ не могъ устранить скученности городскихъ зданій, расширить и выпрямить улицы. Тогда явился на помощь пожаръ Нерона, уничтожившій старый Римъ. Болѣе двухъ третей республиканскаго Рима сдѣлались горами развалинъ; всѣ историческіе памятники и общественныя зданія временъ республики превратились въ пепель. Очистилось просторное мѣсто для новаго города. Не заботясь о старомъ Римѣ, Неронъ построилъ новый, съ широкими правильными улицами, насколько позволяла холмистая мѣстность, съ храмами, форумами и великолѣпными дворцами, на сооруженіе которыхъ Нумидія, Италія, Греція, Малая Азія доставляли бѣлый и разноцвѣтный мраморъ, а Египетъ—прекрасный порфиръ. Для себя онъ выстроилъ дворецъ, такъ называемый „золотой домъ“, величиною чуть ли не съ городъ,—цѣлый міръ въ миниатюрѣ. Спускаясь съ Палатина въ долину, онъ поднимался на Эсквилинь, занялъ цѣлый участокъ города и преградилъ священный путь, историческую Viam sacram, свидѣтельница столь многихъ триумфовъ и торжественныхъ шествій. Дворецъ этотъ былъ

окружёнъ колоннадами, тянущимися на цѣлую римскую милю, „подобными морю“ прудами, садами и лѣсами, наполненными ручными и дикими звѣрями и вообще всѣмъ, что только есть на свѣтѣ достопримѣчательнаго. Когда онъ былъ совершенно готовъ съ своими раззолоченными комнатами, украшенными драгоценными камнями, жемчугомъ и слоновною костью, Неронъ подумалъ, что теперь только онъ начинаетъ жить, какъ человѣкъ. Но какъ, спросимъ мы, жили тогда остальные смертные, которымъ сумасбродный императоръ не строилъ золотыхъ домовъ?

Всемирный городъ, построенный Нерономъ, не вполне лишился своего преж-

Аврелианская городская стѣна
съ видомъ на римскую Кампанію и Сабинскія горы.

няго характера и своимъ великолѣпіемъ былъ достоинъ всемірнаго владычества. Послѣдующіе императоры, Веспасіанъ Титъ и Домиціанъ, затѣмъ Траянъ, Адріанъ и Антонины, слѣдовали примѣру Нерона и, хотя они уже и не перестраивали города, однако воздвигли многія огромныя и роскошныя постройки, посвященныя общественнымъ потребностямъ. Веспасіанъ приказалъ снести большую часть золотого дома Нерона, чтобы очистить для народа *Viam sacram*, и на мѣстѣ „подобнаго морю“ пруда построилъ то замѣчательное зданіе, которое и теперь, подъ названіемъ Колизея, возбуждаетъ наше изумленіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ золотой домъ занималъ вершину

Эсквилина, Титъ соорудилъ для народа бани, такъ называемыя термы, превзошедшія всѣ дотолѣ существовавшія зданія подобнаго рода. За нимъ слѣдовалъ Каракалла, Діоклетіанъ и самъ Константинъ съ такими же или еще грандіознѣйшими постройками, которыхъ развалинамъ мы удивляемся и которыя только на бумагѣ воспроизводимъ въ полномъ ихъ блескѣ. Но, вмѣстѣ съ перенесеніемъ резиденціи въ Константинополь, прекратились и замѣчательныя постройки въ Римѣ. Уже Авреліанъ, боясь внезапнаго вторженія сѣверныхъ варваровъ, окружилъ семихолмный городъ крѣпкой стѣной, и этимъ на вѣки установилъ его границы.

Римъ временъ императоровъ сдѣлался чудомъ свѣта. Въ торговой части города для жизни не хватало простора; лавки, таверны, лари все болѣе и болѣе запружали улицы. Но за то уже во времена республики стали мостить улицы, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Риму. При императорахъ обыкновенно употреблялись для мостовыхъ гладкіе, обтесанные камни, лежащіе на прочной основѣ. Улицы мостили твердою лавой, а тротуары

Водоемъ Александра Севера въ Римѣ.

болѣе мягкимъ пепериномъ. Чужестранецъ на каждомъ шагу встрѣчалъ въ Римѣ что нибудь новое и достопримѣчательное. Ограбленная Греція доставляла тысячи статуй и другихъ произведеній искусства, украшавшихъ всѣ площади и зданія, а ея даровитые сыны, еще въ достаточной мѣрѣ сохранившіе преданія и искусство своей родины, по требованію императоровъ, государства и общества, къ огромной массѣ древнихъ произведеній присоединяли еще болѣе новыхъ и замѣчательныхъ. Цѣлая система подземныхъ водосточныхъ каналовъ обеспечивала городу чистоту и уносила изъ него грязь и соръ, а громадныя водопроводы, на смѣлыхъ аркахъ проносившіеся надъ долинами, ущельями и улицами, доставляли въ городъ свѣжую, холодную горную воду, иногда на разстояніи нѣсколькихъ миль. Обильными струями вытекала она изъ изящно украшенныхъ гротовъ или била водометами, составляющими украшеніе города и благотѣяніе (даже и понынѣ) для жителей, освѣжала воздухъ и служила предохранительнымъ средствомъ отъ лихорадокъ.

Громадное впечатлѣніе производили въ императорскомъ Римѣ дворцы богачей и

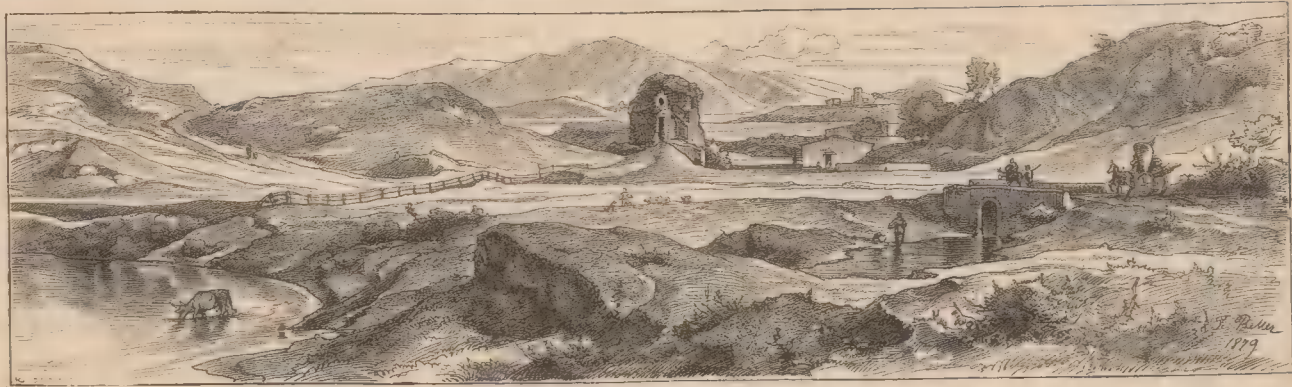

Развалины римскаго водопровода,
съ видомъ на Албанскія горы.

общественныя постройки своимъ великолѣпиемъ, колоннадами и украшеніями изъ разноцвѣтнаго мрамора, порфира и дорогого строительнаго матеріала. Очень часто они были окружены роскошною растительностію, аллеями и садами. Послѣдніе разводились повсюду на окраинахъ Рима, отчасти внутри обширныхъ, но невысокихъ дворцовъ вельможъ, отчасти дивно разбивались на холмахъ, какъ на примѣръ, сады Лукулла, Саллюстія, Мецената. Народъ искалъ, жаждалъ тѣни, зелени и цвѣтовъ и, когда уже не хватало мѣста, то цвѣточные сады разводили на крышахъ, откуда они кротно смотрѣли на улицу. Все Марсово поле (Campus Martius) было, не взирая на свои постройки, окружено и наполнено великолѣпнѣйшими общественными садами, съ обширными дерновыми площадями и тѣнистыми аллеями. Оно было любимѣйшимъ мѣстомъ жителей, которые производили на площадяхъ различныя упражненія, объѣзжали лошадей верхомъ и въ экипажахъ, какъ теперь на Корсо, прогуливались подъ деревьями или отдыхали на зеленой, свѣжей травѣ.

Какія дивныя картины, какіе прекрасные виды и ландшафты открывались глазамъ съ холмовъ города! Но и взоръ, подобно самому Риму, не ограничивался городскою стѣною. Городъ самъ собою разросся и слился съ окружающими мѣстностями. Въ настоящее время, въ обводѣ Аврелианской стѣны, на тѣхъ холмахъ, на которыхъ нѣкогда находились древнѣйшія и роскошнѣйшія части Рима, тянется если не пустыня, то пустоши, и печальная, многоверстная Кампанія охватываетъ вѣчный городъ. Только пастухи пасутъ свои стада на опустѣлыхъ лугахъ. Надъ лишенной деревьевъ, пересѣченной, изборозжденной рывинами равниною, надъ развалинами, послѣдними свидѣтелями минувшаго величія, царитъ безмолвіе смерти и, что еще хуже, лихорадки, превращающей мѣста высшей культуры и богатѣйшей жизни въ мѣста, какъ бы обреченныя на вѣчное проклятіе. И дѣйствительно, тамъ кипѣла роскошнѣйшая жизнь Рима временъ республики и императоровъ, Рима временъ триумфаторовъ, Траяна и Антонина. Улицы города представляли по ту сторону городскихъ воротъ ландшафтъ, по-

Развалины въ Римской Кампаніи.

крытый дворцами, виллами, селами и городами, съ садами и рощами, памятниками и статуями, изборужденный трубами многочисленных водопроводовъ,—ландшафтъ, столь симметричный и цѣлый, какъ будто пространство отъ семи холмовъ внизъ до моря и устья Тибра составляло одинъ городъ, куда многочисленные корабли доставляли всѣ сокровища міра.

На такую степень величія, благоденствія и блеска поднялся Римъ на средства своихъ провинцій, но Римъ, какъ государство, дурно отплатилъ провинціямъ за все, что онѣ доставляли Риму, какъ городу. Италія жестоко пострадала отъ междоусобной войны, возстанія рабовъ и борьбы Суллы съ Маріемъ, лишившись чуть ли не десятой части своего населенія. Въ Африкѣ былъ разрушенъ Карфагенъ, источникъ культуры для всего африканскаго побережья. Вслѣдствіе многихъ возстаній и войнъ, Испанія подверглась безпощадному грабежу и опустошенію, а Цезарь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ такъ же точно поступалъ въ отношеніи Галліи. Во время войны съ Митридатомъ жестоко пострадала Греція, которая стала падать все ниже и ниже; города ея опустѣли,

среди ея историческихъ памятниковъ паслись стада, а ея острова, нѣкогда богатые и цвѣтущіе культурой, обезлюдѣли. Малая Азія и Сирія, неисчерпаемый источникъ богатства для римскихъ вельможъ и капиталистовъ и поприще для спекуляцій италійскихъ аферистовъ, подвергались частымъ грабёжамъ, а жители ихъ пускались по міру. Даже море перестало быть свободнымъ: въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ оно находилось въ полномъ обладаніи пиратовъ, которые прервали всѣ коммерческія и международныя сношенія и даже были причиною страшнаго голода въ Римѣ и Италіи.

Августъ.

Такимъ образомъ, нищета въ провинціяхъ была всеобщая, пока Августъ и его самодержавная власть не доставили всемірному государству обезпеченнаго, продолжительнаго и прочнаго мира, какого оно до тѣхъ поръ не знало. Если на границахъ и стояли еще легіоны, то только съ цѣлью обезопасить внутреннія страны. Единодержавіе дало государству правильное управленіе, оградило провинціи отъ притѣсненій, охраняло муниципальную свободу городовъ, столь необходимую для ихъ преуспѣянія, возстановило международныя сношенія и обезопасило дороги и моря.

И въ самомъ дѣлѣ, государство снова расцвѣло, благодаря продолжительному, почти непрерывному миру въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ слишкомъ. Снова накопились богатства, оживились улицы, выросли и умножились города; римская культура проникла даже въ Галлію, Испанію и Британію. Всемірное государство, состоявшее изъ столькихъ цивилизованныхъ и варварскихъ народностей, изъ столькихъ языковъ и религій, сплотившись въ однородную имперію, въ которой господствовала одна воля, одна культура и два языка, такъ какъ латинскому и греческому языкамъ вездѣ учились и говорили на нихъ отъ Атлантическаго океана до Сирійско-аравійской пустыни, отъ Гадеса до Пальмиры.

Страны вновь расцвѣли. Италія занялась полеводствомъ и овцеводствомъ. Мало по малу въ ней переводятся мелкіе собственники, составлявшіе силу и опору древняго Рима. Помѣстья мало по малу переходятъ въ однѣ руки, дѣлаются собственностью римскихъ богачей и обрабатываются массами рабовъ. Содержались помѣстья, очевидно, недурно; по крайней мѣрѣ, въ описаніяхъ онѣ изображаются цвѣтущими са-

дами. Вся страна была усеяна помѣстьями, вилами, усадьбами. Число городовъ значительно превосходило тысячу. Развелось безчисленное множество лѣтнихъ дачъ и дворцовъ вельможъ и богачей, которые охотно удалялись за городъ, избѣгая шума и тревоженій столицы. Дачи строились вдоль по берегу моря, близъ морскихъ купаній, на возвышеніяхъ, въ укромныхъ, свѣтлыхъ долинахъ, въ тѣнистомъ уединеніи, далеко отъ большой дороги и удовлетворяли потребностямъ больного тѣла и усталой отъ житейскихъ тревогъ души. Разъ классическая культура и образованіе конулись Галліи и Испаніи, съ ихъ свѣжимъ, не испорченнымъ полуграбскимъ племенемъ, и страны эти расцвѣли, какъ вѣшній цвѣтъ. Галлія насчитывала до тысячи двухъ сотъ городскихъ общинъ, изъ которыхъ многія далеко превосходили теперешнія по величинѣ и богатству. Города Массилы

Римскій амфитеатръ въ Арлесѣ.

стался первымъ, по торговлѣ и образованію, городомъ въ мірѣ. Многочисленные города въ Азіи старались сравняться съ нимъ по величинѣ, блеску или просвѣщенію: Антиохія, Никомидія, Кесарія, Эфесъ, Смирна и др. До пятисотъ городовъ заключала въ себѣ та небольшая часть Малой Азіи, которая, какъ провинція, называлась просто Азіей. Коринфъ, подобно Карфагену, возродился изъ пепла и снова сдѣлался центромъ торговли и средоточіемъ роскошной жизни. И такъ, въ эти двѣсти лѣтъ и для Греціи вновь наступили времена счастливой жизни, если только періодъ безъ творчества, безъ стремленій, безъ энтузіазма можно назвать счастливымъ, въ сравненіи съ славнымъ прошедшимъ. Но города наслаждались благосостояніемъ и извѣстною долею жизни, и нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ, Аѣны—все еще городъ краснобаевъ, ораторовъ и философовъ—снова украсились великолѣпными зданіями.

Римскій амфитеатръ въ Веронѣ.

То, что случилось въ Аѣнахъ, случилось, собственно, вездѣ. Города не только благоденствовали и процвѣтали, но повсюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, возникли постройки—общепользныя и посвященныя удовольствіямъ; своею многочисленностью и грандіозностью, даже развалинами своими, онѣ поражаютъ насъ и въ настоящее время.

лія (Марсель) и Августодунумъ (Отёнъ) сдѣлались средоточіемъ высшаго классическаго образованія, куда стекались люди со всѣхъ концовъ міра для изученія греческой и латинской науки. Въ Африкѣ возродился Карфагенъ, соперничалъ, если не съ Римомъ, то съ Александріей и, по величинѣ и блеску, требовалъ перваго мѣста послѣ столицы міра. Городъ великаго Александра, насчитывавшій около милліона жителей, сдѣ-

чемъ роскошной жизни. И такъ, въ эти двѣсти лѣтъ и для Греціи вновь наступили времена счастливой жизни, если только періодъ безъ творчества, безъ стремленій, безъ энтузіазма

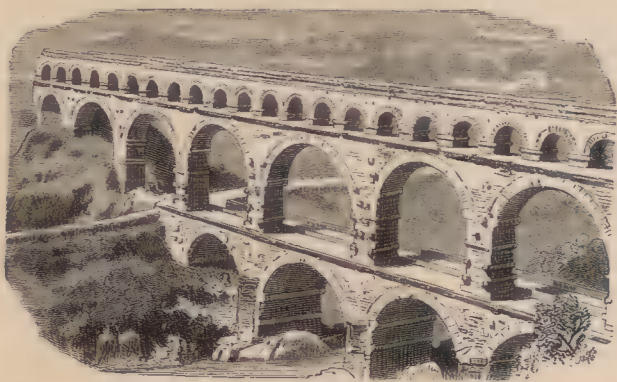
Амфора богатого стиля.
Ваза въ королевской коллекціи въ Мюнхенѣ.

Страсть римлянъ къ постройкамъ привилась всему свѣту. Обагранные кровью императоры изъ рода Юліевъ, выказавшіе удивительную смѣлость, мощь, презрѣніе къ величайшимъ затрудненіямъ, ставили ни во что всякое препятствіе, отмѣчали всѣ общественныя зданія печатью грандіозности и величія, и въ своей заботливости не обдѣлили въ этомъ отношеніи и провинцій. Императоръ Адріанъ, то пѣшкомъ, то верхомъ побывавшій во всѣхъ странахъ своего обширнаго государства, чтобы все самому обстоятельно изучить, буквально велъ за собою цѣлый, подраздѣленный на когорты, легионъ архитекторовъ, каменщиковъ, техникувъ и художниковъ, которые тотчасъ же приводили въ исполненіе задуманныя имъ постройки. Нѣкоторые изъ разбогатѣвшихъ гражданъ изъ патріотизма устраивали на свой счетъ школы и возводили зданія, посвященные удовольствіямъ

Римскій водопроводъ въ Гандѣ въ южной Франціи.

ми искусства, распространившагося этимъ путемъ по всей имперіи. Города очищались при помощи подземныхъ каналовъ; болота были осушены; черезъ рѣки наведены мосты; повсюду устроены водопроводы, доставлявшіе чистую, свѣжую воду. Римскіе города пользовались санитарными условіями, какими далеко не пользуемся мы въ настоящее время.

И всѣмъ этимъ наслаждались не только древнія культурныя страны, но и варвары, у которыхъ незадолго до того Римъ отнялъ земли и съ которыми война еще была не вполне окончена. Такимъ образомъ, неизменно быстро поднялась на

PORTA NIGRA (черныя ворота) въ Трирѣ.

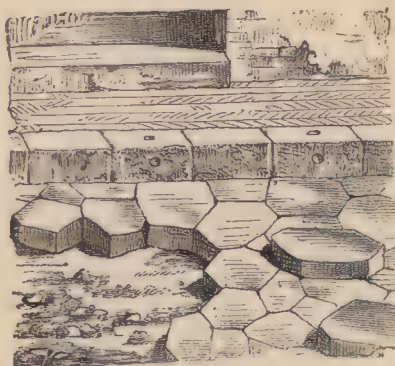
всевозможными предметами роскоши и искусства: Страсбургъ, Майнцъ, Кельнъ и Триръ, напоминавшій своими грандіозными постройками резиденцію цезарей, Аугсбургъ и исчезнувшіе города Карнунтъ и Виродунъ. Тутъ мы сотнями насчитываемъ произведенія греко-римской культуры и искусства, свидѣтельствующія о минувшемъ величіи этихъ городовъ. Одною изъ немаловажныхъ причинъ этого благоденствія была страсть римлянъ къ походамъ и войнамъ. Гдѣ проходили римскіе легионы, тамъ являлась дорога; гдѣ они становились лагеремъ, тамъ возникалъ го-

илиобщественнымъ нуждамъ. Города всего государства украсились колоннадами, храмами и базиликами, библіотеками, банями, театрами и амфитеатрами, которые въ свою очередь богато были снабжены статуями, мозаикою, бронзовыми украшеніями и другими предмета-

степень культурной страны дикая Британія съ своими татуированными жителями, которые вполне усвоили себѣ римскіе нравы и привыкли къ римскимъ банямъ, театрамъ и роскоши. То же случилось послѣ долгихъ войнъ съ Германіей, въ предѣлахъ ея подчиненія Риму. По теченію Рейна и Дуная возникли многолюдные города, украшенные

родъ. Прочное владѣніе какимъ нибудь мѣстомъ закрѣплялось прежде всего проложениемъ хорошей военной дороги. Такъ, стараніями цензора Аппія Клавдія была проведена первая и знаменитѣйшая дорога, Via Appia, шедшая на югъ черезъ Лаціумъ и помптинскія болота. Предназначенная для движенія войскъ, она была сооружена воинами. При проведеніи дороги, строители шли по прямому направленію, придерживаясь по возможности равнинъ, но не останавливались передъ прорытіемъ горы, осушкой болотъ, проведеніемъ виадуктовъ черезъ пропасти и наводкою мостовъ черезъ широчайшія истремительнѣйшія рѣки—Рейнъ и Дунай. Дорога Аппія, возбуждающая удивленіе туристовъ и отчасти эксплуатируемая; но кипѣвшая

Римская мостовая.

теріаль былъ крайне разнообразенъ, что зависѣло отъ того, что можно было достать въ окрестности; соответственно съ этимъ разнообразился и самый способъ постройки, такъ что дорога представлялась то въ видѣ обыкновеннаго шоссе, то выстилалась плоскими, многоугольными камнями, укладываемыми на своеобразно закругленной подстилкѣ. И теперь еще существуетъ до

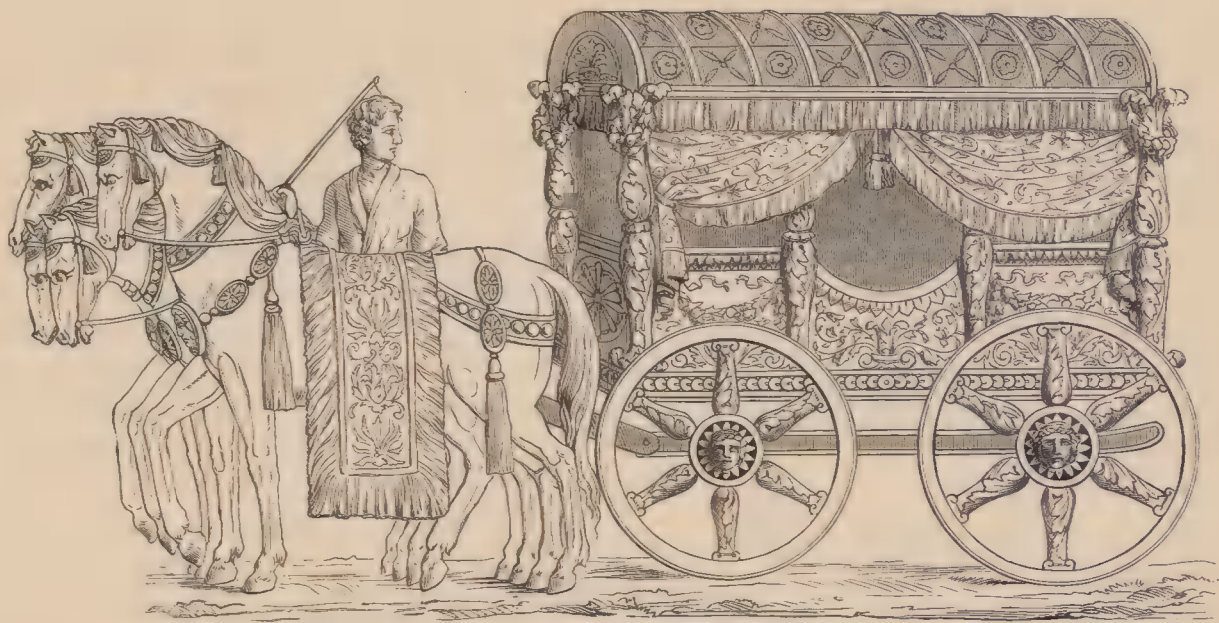

Видъ изъ Римской Кампаніи на Via Appia.
Въ серединѣ развалины гробницы Цециліи Метеллы, вдали городская стѣна Рима.

на ней нѣкогда жизнь прекратилась: дорога пролегаетъ среди развалинъ и по пустыннымъ, покинутымъ мѣстностямъ.

Такими дорогами римляне мало по малу избороздили свое обширное государство, до самыхъ отдаленныхъ, крайнихъ стратегическихъ пунктовъ, къ которымъ необходимо

Римская повозка для путешествій.

было устроить обезпеченные пути сообщенія. Онѣ шли радіусами отъ Рима и периферически проходили по провинціямъ, соединяя ихъ между собою. Пройденное разстояніе и число дней точно опредѣлялось разставленными повсюду милевыми камнями; имѣлись даже карты и планы, съ обозначеніемъ постоянныхъ дворовъ для ночлега; соображаясь съ ними, всякій могъ напередъ начертать себѣ планъ путешествія, куда-бы онъ ни отправлялся. Но этимъ не ограничивалась польза, приносимая дорогами государству. При императорахъ существовала хорошо устроенная казенная почта, которая съ величайшею скоростью приносила сколько нибудь важныя и интересныя извѣстія изъ провинцій въ Римъ, изъ Рима въ провинціи и изъ одной провинціи въ другую. Въ виду этого, на станціяхъ всегда стояли наготовѣ повозки и лошади. Доставляемая такимъ путемъ въ Римъ извѣстія тотчасъ же оповѣщались въ *Acta diurna*, нѣ котораго рода правительственной газетѣ.

для перевозки ихъ требовался иногда цѣлый караванъ экипажей. Не было недостатка и въ гостинницахъ, но онѣ пользовались далеко не блестящей репутаціей, и, кто могъ найти пристанище у своихъ друзей или знакомыхъ, тотъ предпочиталъ его постояннымъ дворамъ.

Дороги римскаго государства далеко не были безлюдны и пустычны; напротивъ, онѣ отличались большою оживленностью. Такъ какъ онѣ сооружались для военныхъ цѣлей, то по нимъ транспортировалось все, необходимое для войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

Камень обозначающій мили.

Казенною почтой могли пользоваться и частныя лица, ѣздившія по дѣламъ государства. Ѣзда была по возможности быстрая, такъ что среднимъ числомъ въ сутки дѣлалось двадцать нѣмецкихъ миль. Но при Тиберіѣ казенная почта проходило двойное, противъ указаннаго, число миль и притомъ меньше, чѣмъ въ сутки. Частныя лица ѣздили медленнѣе. Для ихъ перевозки существовали частныя общества подражавшія государственной почтѣ и державшія всегда наготовѣ повозки и лошадей. Знатныя лица обыкновенно ѣздили въ собственныхъ экипажахъ, въ сопровожденіи такого множества друзей, кліентовъ и рабовъ, что

онѣ служили и болѣе культурнымъ цѣлямъ; по нимъ перевозились продукты промышленности, земледѣлія и горно-заводской дѣятельности, по нимъ же ѣздили постоянно переводимые изъ одной провинціи въ другую государственные люди и чиновники со своими свитами. Римляне, въ равной мѣрѣ обладавшіе торговымъ и военнымъ духомъ, исходили государство вдоль и поперекъ съ цѣлями финансовыми и торговыми; нѣкоторые же, изъ одной страсти къ передвиженію, чуть ли не постоянно находились на большой дорогѣ между Римомъ и его многочисленными дачами и владѣніями. Но еще болѣею подвижностью отличались провинціалы, которыхъ неудержимо влекло въ Римъ—въ сердце міра, въ центръ многообразной жизни. Здѣсь могли сдѣлать карьеру всѣ, хватило бы только честолюбія и силы характера—качества, котораго уже недоставало римлянамъ и итальянцамъ. Въ Римъ стекались всѣ, уже добившіеся или старавшіеся добиться извѣстности: стихотворцы, ученые, художники, виртуозы. Они ѣздили также по провинціямъ,

Заливъ Байя,
съ развалинами римскихъ построекъ.

чтобы чтеніемъ лекцій и устройствомъ представленій нажить себѣ состояніе. Вездѣ въ государствѣ были извѣстны греческіе учителя, художники, ремесленники, и не было въ имперіи ни одного городка, въ которомъ не имѣлось бы достаточнаго числа чужеземцевъ.

То же самое можно сказать и о морѣ. По окончаніи междоусобныхъ войнъ, повсюду воцарились миръ и безопасность. По всему Средиземному морю торговля мирно проложила свои пути. Римъ и тутъ былъ главнымъ пунктомъ, куда стекались богатства всего міра: изъ Британіи и Испаніи—металлы, съ береговъ Балтики—янтарь, изъ Китая—шелкъ, изъ Индіи—драгоцѣнные камни, изъ Аравіи—пряности и благовонные товары, изъ городовъ Греціи—произведенія искусства, изъ Вавилоніи—различныя ткани; все, что только на свѣтѣ было прекраснаго, замѣчательнаго и драгоцѣннаго, все, что ни производила земля по части гастрономіи,—будь это рыба, птица, фрукты или пряности—все это доставлялось въ Римъ. Кто въ Римѣ видѣлъ все это и всего отвѣдалъ, тотъ видѣлъ весь свѣтъ, всего отвѣдалъ на свѣтѣ.

Римъ былъ, безспорно, единственнымъ центромъ потребленія, но складочныхъ мѣстъ и прекрасныхъ гаваней, доставлявшихъ всѣ эти блага, было много. Между ними главное мѣсто занимали двѣ первостепенныя гавани: ПUTEОЛИ, при прелестномъ Неаполитанскомъ заливѣ, — для Рима и Италіи, и греко-египетскій городъ Александрія — для Востока. Кто изъ Рима отправлялся на Востокъ, тотъ сначала отправлялся въ ПUTEОЛИ; кто возвращался обратно — высаживался въ ПUTEОЛИ. Между ПUTEОЛИ и Александріей существовало въ теченіи большей части года оживленнѣйшее сообщеніе до тѣхъ поръ, пока позднія осеннія бури не прекращали судоходства, а зима не заставляла судохозяевъ вытаскивать свои корабли на сушу. Переѣздъ изъ одного города въ другой длился обыкновенно двѣнадцать дней. Такимъ образомъ, ПUTEОЛИ были и гаванью Рима, и предверіемъ Востока. Въ puteольской гавани, рядомъ съ кареагенскими и греческими судами, пришедшими съ Чернаго моря, стояли громадныя, выдающіеся по своей постройкѣ и украшенію корабли александрійскіе; по улицамъ, прилегающимъ къ гавани, сновали и черные сыны африканскихъ пустынь, и смуглые египтяне, сирійцы и арабы, евреи и греки. Еще оживленнѣе была обширная Александрія; по своему положенію между двумя частями свѣта и напротивъ третьей, при устьѣ великой африканской рѣки, она какъ бы самою судьбою была предназначена сосредоточить въ себѣ всемірную торговлю. Геніальный взоръ великаго Александра открылъ и основалъ ее, но только связь съ римскимъ государствомъ впервые открыла Александріи міръ отъ Атлантическаго океана черезъ Индію къ промышленнымъ городамъ Китая, такъ какъ до этихъ странъ проникали ея товары и торговые сношенія и доходили коммерческія суда, содержимыя Александріею въ Красномъ морѣ.

Широкою, богатою, кипучею являлась культурная жизнь въ первыя два столѣтія императоровъ; города процвѣтали, селенія богатѣли, дороги были переполнены путешественниками и обозами съ кладью, море — покрыто торговыми флотами. Хотя эта эпоха не создавала уже такихъ произведеній духа, какими отличались Аѳины, однако просвѣщеніе и плоды творчества сдѣлались общимъ достояніемъ отдаленнѣйшихъ римскихъ провинцій. Нечего удивляться, поэтому, если во время императоровъ втораго столѣтія не было недостатка въ панегиристахъ, считавшихъ владычество Рима благословеніемъ божіимъ; благодаря Риму, міръ отложилъ въ сторону мечъ и красовался, великолѣпный, радостный, въ свѣтлыхъ одеждахъ; никогда не было такого множества богатыхъ городовъ, украшенныхъ дворцами, цирками, водопроводами, храмами, изящными и полезными зданіями; земля какъ бы исцѣлилась отъ недуга и украсилась какъ садъ; Римъ далъ міру новую жизнь — о, если бы она продолжалась вѣчно! Таковы были желанія. Напрасно! Миру, имперіи, культурѣ были указаны границы.

MAISON CARRÉE, римскій храмъ въ Нимѣ.

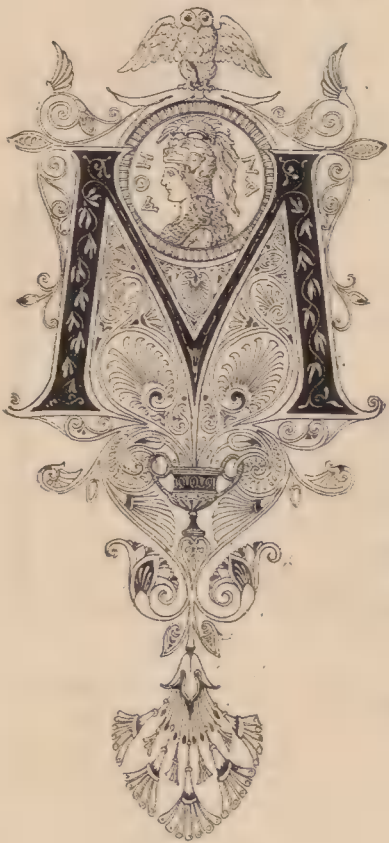

Римская пекарня.
Воспроизведено по откопаннымъ въ Помпеѣ развалинамъ.

II.

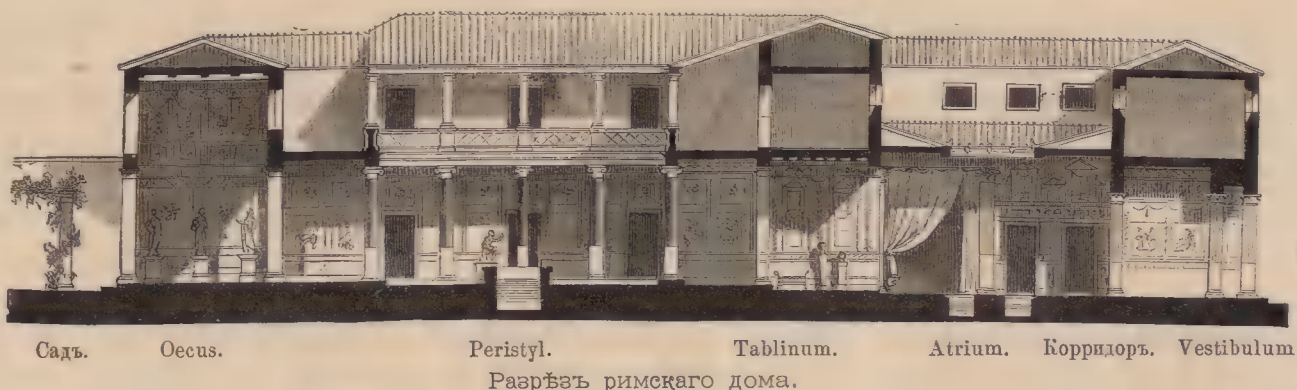
Домъ и домашній скарбъ.—Виллы и сады.

НОГИМИ причинами обуславливалось разнообразіе устройства римскихъ домовъ. Богатство и бѣдность, требованія большого свѣта и жизни знатныхъ людей, съ одной стороны, и скромный образъ жизни обыкновенныхъ гражданъ—съ другой, вызывали отличныя другъ отъ друга условія при постройкѣ жилищъ. При тѣснотѣ улицъ и дороговизнѣ земли, въ столицѣ дома строились иначе, чѣмъ въ городахъ провинціальныхъ; городской домъ устраивался иначе, чѣмъ загородный, или вилла, но были ли они расположены у моря, на горѣ или въ долинѣ, главнымъ образомъ они требовали воздуха, свѣта, зелени и воды, и римскій домъ представляетъ разнообразіе, соответствующее всѣмъ этимъ условіямъ.

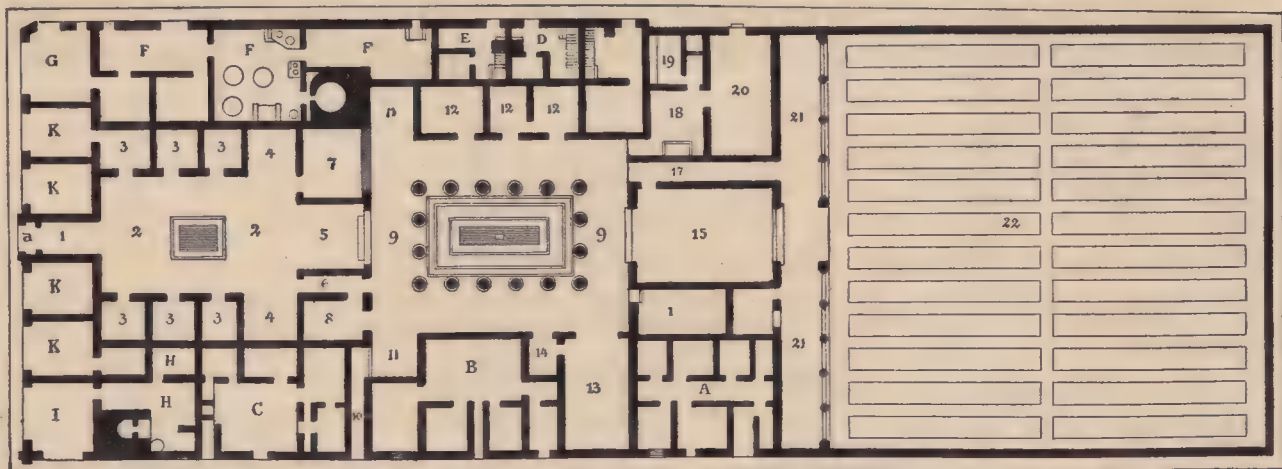
Однако, при такомъ разнообразіи въ устройствѣ домовъ, не трудно распознать основную схему всѣхъ римскихъ жилищъ. При описаніи греческаго дома мы уже имѣли случай упомянуть, что дома сѣвера и дома юга существенно

отличаются другъ отъ друга по своему основному плану. Какъ греческій, такъ и римскій дома—въ сущности совершенно тождественны въ томъ смыслѣ, что они построены по схемѣ южнаго дома, т. е. вокругъ внутренняго двора, какъ центра. Такое устройство римскій домъ сохранялъ всегда, сохраняя его даже и теперь, и мы должны постоянно имѣть въ виду это существенное обстоятельство, если только хотимъ уразумѣть идею древнихъ построекъ.

И такъ, мы имѣемъ дворъ, окруженный четырехъугольникомъ построекъ; изъ этого двора идутъ все входы и выходы, изъ него же жилия помещенія получаютъ свѣтъ. Такое простое устройство вполне удовлетворяло скромнаго римскаго гражданина, но далеко не соответствовало требованіямъ роскошной жизни. Для этой послѣдней первоначальный планъ удваивался, утраивался и вообще увеличивался въ нѣсколько разъ. Мы наблюдаемъ это въ Помпеѣ, во дворцахъ римскихъ вельможъ. Каждый флигель, каждая пристройка въ свою очередь имѣла по срединѣ дворъ. Но такое расположеніе требуетъ много мѣста и, слѣдовательно, значительныхъ средствъ на покупку недешево стоившей тогда земли, что было доступно только богачамъ римскимъ, а не бѣднымъ людямъ или людямъ, принужденнымъ, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, жить въ наемной квартирѣ. Для нихъ старались выиграть въ вышину то пространство, котораго не хватало внизу. Такимъ образомъ возникло въ Римѣ множество отдаваемыхъ въ наемъ домовъ, въ пять или шесть этажей, въ которыхъ помещалась масса семействъ, иногда на очень ограниченномъ пространствѣ. Они обыкновенно назывались „островами“, такъ какъ боль-

Чертежъ римскаго дома (домъ Пансы въ Помпеѣ).

а. Vestibulum. 1. Ходъ во внутренніе покои. 2. Atrium. 3. Внутренніе покои. 4. Alae. 5. Tablinum. 6. Fauces (проходъ въ Каведіумъ, 7. Библіотека. 8 и 11. Ехедра (?). 9. Саваедіумъ (Peristyl). 10. Боковой входъ. 12. Покои, спальня. 13, 14. Triklinium съ боковыми комнатами. 15. Oecus. 16. Архивъ. 17. Проходъ въ садъ. 18. 19. Кухня и кладовыя. 20. Конюшня. 21. 22. Портикъ, и садъ. А—Е. Квартиры, отдаваемыя въ наемъ. F—G. Пекарня съ лавкой. Н—J. Гончарная мастерская съ лавкой. К. Магазины.

шею частью выходили на четыре улицы и такимъ образомъ являлись изолированными отъ другихъ домовъ. Но и они сохраняли основную схему, то есть строились четырехъугольникомъ, съ однимъ или нѣсколькими внутренними дворами. По другимъ причинамъ видоизмѣнялась постройка загороднаго дома, или виллы. За городомъ желали наслаждаться красивыми видами, открывались ли они на море или на окрестности; ужь это одно, въ противоположность городскому дому, направляло жизнь и чувство скорѣе къ внѣшнему міру, чѣмъ къ замкнутости, и придавало окнамъ, балконамъ, наружнымъ колоннадамъ значеніе, котораго они въ городѣ имѣть не могли. Кромѣ того, смотря по надобности и времени года, запросъ бывалъ то на тѣнь и прохладу, то на солнце и тепло, и сообразно съ этимъ располагались зданія. Однако, при всемъ разнообразіи этихъ

Внутренность римскаго дома.

Спереди Atrium, черезъ который виденъ Tablinum ■ Peristyl; саади деревья сада; спереди, справа и слѣва—Alae, съ обонхъ боковъ Tablinum'a—Fauces.

требованій, вилла сохранила основной планъ,—именно, располагалась вокругъ внутренняго двора, и этотъ планъ выступалъ ясно, несмотря ни на какія отклоненія въ частностяхъ.

Не должно думать, что дворъ былъ только центромъ дома; напротивъ, во всѣ времена онъ составлялъ важнѣйшую и существеннѣйшую часть зданія, какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ. Дворъ носилъ названіе atrium — мы говоримъ здѣсь вообще о простомъ зданіи, не касаясь большихъ построекъ, которыхъ устройство сложнѣе,—и содержалъ всѣ священные предметы дома: домашній очагъ, священный огонь, изображенія домашнихъ боговъ и хозяевъ дома; кромѣ того, въ atrium'ѣ собирались всѣ члены семейства, въ составъ котораго въ древнія времена входили и рабы. Бок-

выя комнаты были либо спальни, либо кладовыя. При столь важномъ значеніи atrium'a, уже довольно рано стали покрывать его, по крайней мѣрѣ отчасти, крышей, оставляя мѣсто для доступа свѣта и свѣжаго воздуха. Такъ какъ дымъ отъ домашняго очага проходилъ черезъ это единственное отверстіе, покрывая чернымъ слоемъ копоти стѣны и потолокъ, то дворъ и получилъ названіе atrium'a, отъ слова ater — черный. Къ atrium'у шелъ съ улицы ходъ между двумя передними помѣщеніями—ostium, а небольшая открытая передняя, ведущая во дворъ, носила названіе преддверія, vestibulum. Таково было устройство небогатаго римскаго дома въ эпоху царей и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій республики; такимъ оно осталось, въ главныхъ чертахъ, и впослѣдствіи въ домахъ небогатыхъ гражданъ.

Но нравы измѣнялись, потребности возрастали, по мѣрѣ возрастанія богатства и роскоши, и римскій вельможа нашелся вынужденнымъ увеличивать свой домъ, сообразно съ увеличеніемъ числа своихъ друзей и кліентовъ. Въ жилище знатнаго римлянина, вмѣстѣ съ толпою его друзей, вторгался внѣшній міръ, а развитіе цивилизаціи требовало для семьи большей степени замкнутости, если не полнаго уединенія, то, по меньшей мѣрѣ, защиты отъ назойливости чужихъ людей. Кліентовъ и своихъ политическихъ единомышленниковъ хозяинъ дома принималъ въ atrium'ѣ, отъ куда семья необходимо было удалиться; отсюда удвоеніе дома, выразившееся въ томъ, что къ первому двору прибавился второй, устроенный по одинаковому съ первымъ плану, и предназначавшійся исключительно для семьи, друзей дома и знакомыхъ. Обыкновенно этотъ дворъ находился позади

Мальчикъ съ лебедемъ.
Фигура съ римскаго колодца.

имѣло однако послѣдствіемъ нѣкоторое видоизмѣненіе въ частностяхъ и болѣе точное распределеніе внутреннихъ покоевъ. Atrium, какъ уже было сказано, сталъ служить исключительно мѣстомъ, гдѣ хозяинъ дома приходилъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ и занимался дѣлами. Переднія помѣщенія, если домъ находился въ торговой части города, обыкновенно отдавались подъ магазины; иногда тамъ находились конюшни и помѣщенія для рабовъ. При входѣ въ домъ стоялъ привратникъ (ostiarius), рабъ, для большей безопасности нерѣдко приковывавшійся на цѣпь. Въ концѣ боковыхъ комнатъ, прилегавшихъ къ atrium'у, находились два, ведущіе внутрь хода, alae—крылья, не составлявшіе, однако жъ, существенной принадлежности дома. Очагъ, помѣщавшійся раньше въ atrium'ѣ, былъ перенесенъ далеко назадъ, въ особую кухню, снабженную разнообразнѣйшими приспособленіями и приготавливавшую яства для множества прихотливыхъ гостей. Обыкновенно же обѣдали въ atrium'ѣ, по близости священнаго очага, а иногда въ задней части дома, въ особой столовой, такъ называемомъ triclinium'ѣ. Съ перемѣщеніемъ очага, пенаты, то есть изображенія домашнихъ боговъ, потеряли свое мѣсто:

перваго; основной планъ дома могъ видоизмѣняться, въ слѣдствіе особенныхъ условій мѣстности. Этимъ и ограничивается увеличеніе римскаго дома, вызванное требованіями цивилизаціи; но и въ этомъ отношеніи онъ схожъ съ греческимъ, хотя римлянки не забирались, подобно гречанкамъ, въ гинекей. Если и въ такомъ видѣ домъ оказывался недостаточно просторнымъ, что случалось довольно часто у римскихъ вельможъ послѣдней поры республики и временъ императоровъ, то, сообразно съ надобностью, увеличивали число построекъ, совершенно, впрочемъ, сходныхъ съ указанными. Это расширеніе дома

имъ отвели особую комнату, такъ называемый *tablinum*, находившійся между обѣими половинами дома. Этотъ *tablinum*—большой, спереди и сзади открытый, но снабженный занавѣсами покой, по своему положенію и символическому значенію былъ сердцемъ дома; кромѣ пенатовъ, въ немъ хранились маски и изображенія предковъ и семейные документы; такимъ образомъ, это былъ семейный музей и архивъ. Близъ *tablinum*'а начи-

Стѣнное украшеніе въ Помпеѣ.

нался ходъ, *fauces*, ведущій изъ передней части дома въ заднюю, изъ *atrium*'а въ *cavaedium*.

Cavaedium (*cavum aedium* отъ *cavus*—пустой, полный и *aedes*—домъ) съ окружающими его комнатами, по своему расположенію, былъ почти совершеннѣйшимъ воспроизведеніемъ *atrium*'а. Такъ какъ онъ предназначался для сношеній между членами семьи и ихъ короткими знакомыми, то обыкновенно отдѣлялся роскошнѣе и богаче. Вокругъ *каведіума* шель обыкновенно портикъ, состоявшій иногда изъ сорока четырехъ

колоннъ, какъ въ домѣ Фауна въ Помпеѣ. Портикъ этотъ носилъ греческое названіе *peristyl*, обыкновенно дававшееся третьему двору съ колоннами, если таковой имѣлся. Названіе *atrium* принадлежало собственно двору передней половины, также обнесенному колоннами. Вокругъ перестили *cavaedium* а шли комнаты семьи; нѣкоторыя изъ нихъ служили спальнями, одна или нѣсколько—столовыми, одна просторнѣйшая и изящнѣйшая *exedra*—гостиной, салономъ, гдѣ римская матрона, то есть хозяйка дома, принимала гостей. Рабы и рабыни, за исключеніемъ случаевъ, когда они находились въ передней половинѣ, постоянно помѣщались и спали въ задней части дома, гдѣ находилась кухня и кладовыя, или въ верхнемъ этажѣ. Римскіе дома, высившіеся въ узкихъ улицахъ, не нуждались въ верхнихъ этажахъ, неудобныхъ въ томъ отношеніи, что они

Порхающая фигура съ стѣннаго украшенія въ Помпеѣ.

препятствовали доступу свѣта во дворъ и нижніе покои. Все, представляющее извѣстное значеніе, возводилось въ уровень съ землею, постройка же остальныхъ помѣщеній вызывалась или необходимостью, или недостаткомъ мѣста. Поэтому, верхній этажъ надстраивался надъ домомъ на такомъ протяженіи, насколько это было необходимо, и получалъ свѣтъ чрезъ окна, выходившія на улицу. Если было достаточно мѣста, то позади дома разбивался небольшой садикъ, нерѣдко имѣвшій сбоку колоннаду. Въ видѣ садика устраивалась и средняя часть *atrium* а и *cavaedium* а, представлявшая бассейнъ или дерновую лужайку, обставленную цвѣтами, растеніями и украшенную либо фонтаномъ, либо красивымъ бассейномъ, освѣжавшимъ воздухъ своими плескавшимися струями.

Таковъ былъ римскій домъ по своему устройству, прохладный и богатый воздухомъ, но съ относительно дурно освѣщенными комнатами, такъ какъ небольшія окна въ

комнатахъ нижняго этажа выходили въ atrium или cavaedium. Но ясность южнаго неба наверстывала то, что терялось вслѣдствіе недостаточнаго освѣщенія черезъ окна. Кромѣ того, окна большею частью не совсѣмъ плотно закрывались. Стекланные окна были уже извѣстны, но, насколько было распространено ихъ употребленіе, это вопросъ, который еще ждетъ разрѣшенія.

Несмотря на слабое и недостаточное освѣщеніе, всѣ части дома убирались изящно. Въ Греціи только въ позднѣйшее время стали украшать внутренность частныхъ домовъ, но съ теченіемъ времени, украшеніе комнатъ поднялось на степень искусства и перешло къ римлянамъ. Вначалѣ скромная и державшаяся въ опре-

шенія, беретъ сюжеты возможные и невозможные и украшаетъ ими стѣны жилищъ. Сотнями находимъ мы украшения этого рода въ снова увидавшихъ свѣтъ Геркуланѣ и Помпеѣ; они существовали въ домахъ и дворцахъ Рима и другихъ городовъ, куда проникла греко-латинская культура. Сухой, расчетливый архитекторъ, работающій съ линейкой и уголомъ въ рукахъ, не былъ бы доволенъ этими созданіями фантазіи; но, разъ они являются причудливыми образами, созданными игрой воображенія, и онъ уже не имѣетъ права дѣлать какіе либо вопросы, измѣрять и взвѣшивать. Именно игра воображенія, прелесть стѣнныхъ украшеній проще или, такъ сказать, разумнѣе. Обыкновенно художникъ раздѣлялъ стѣну сверху внизъ такимъ образомъ, что внизу получался поколь, затѣмъ широкое среднее поле, а вверху — довольно широкій фризъ. Яркость красокъ обыкновенно возрастала сверху внизъ, то есть поколь былъ черный, среднее поле — красное, а фризъ — бѣлый; впрочемъ, порядокъ могъ быть совершенно иной, но тогда художникъ уже работалъ по собственной фантазіи, по своему усмотрѣнію,

дѣленныхъ границъ декоративная живопись, во времена первыхъ кесарей, дѣлается блестящимъ искусствомъ и, повидимому, не сдерживается никакими границами. Ей незачѣмъ было старательно заботиться о вѣрности природѣ, законахъ статики и даже самой возможности своихъ произведеній. Она создаетъ фантастическіе образы, небывалыя архитектурныя укра-

вымысла, красота линий и красокъ даютъ имъ полное право на существованіе.

Но не вездѣ замѣчались эти фантастическіе архитектурные рисунки, съ ихъ балконами и дивною вязкою изъ брусевъ, съ ихъ гирляндами цвѣтовъ и плодовъ, цвѣточными колоннами и поделушивающими за дверью или столбомъ дѣвушками; по большей части, основной планъ

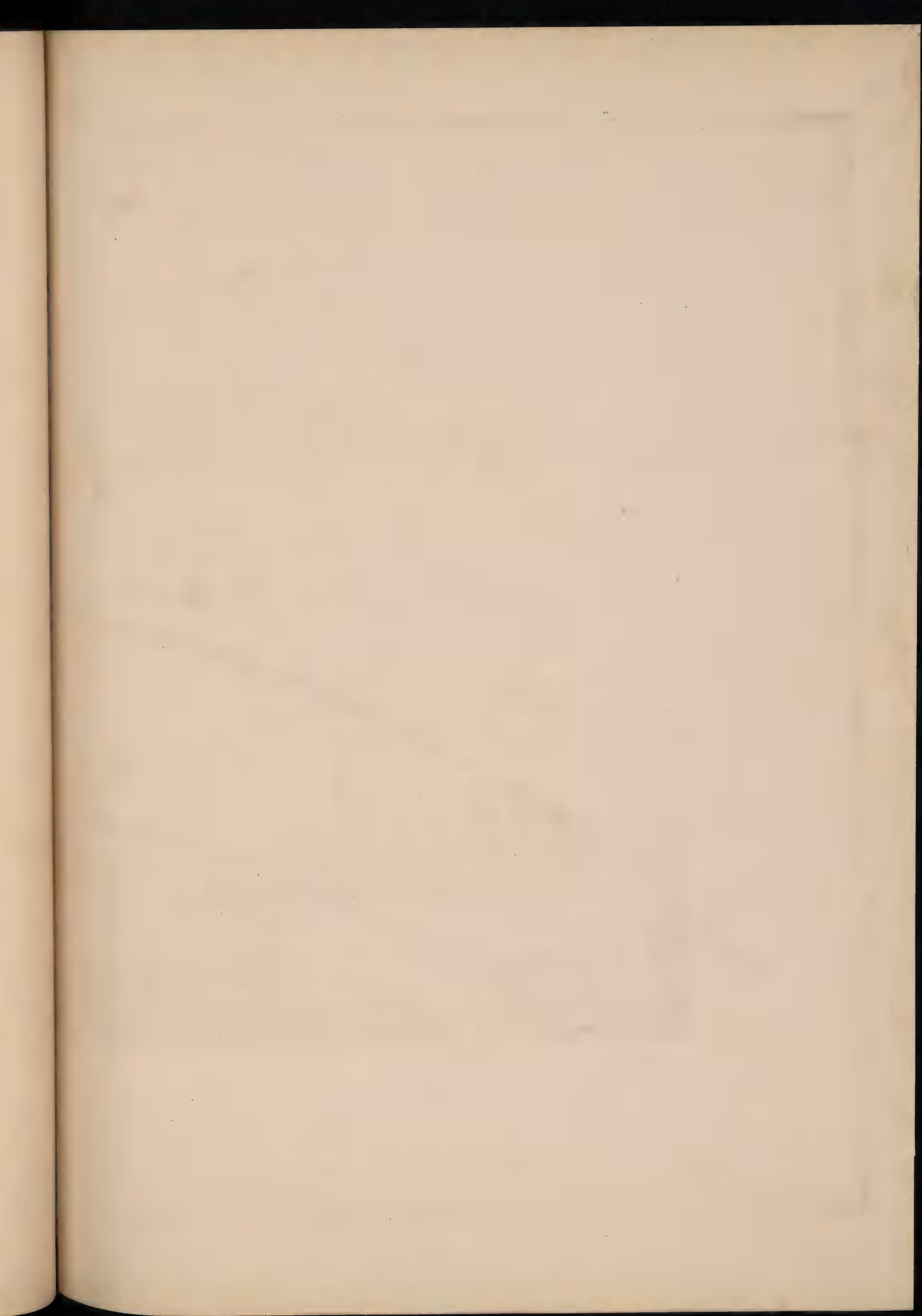

Часть римскаго потолка.

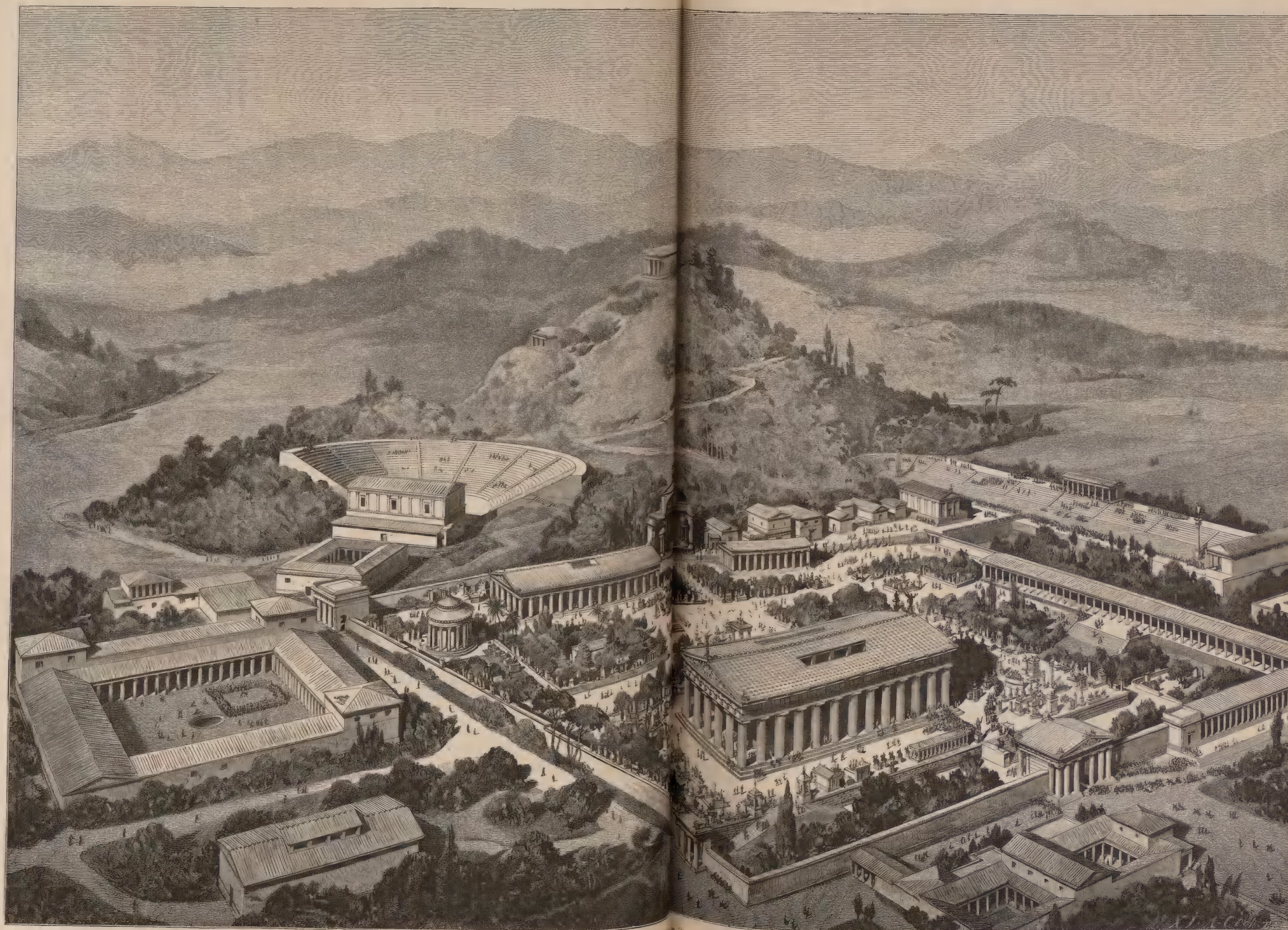

Мозаичный полъ.

Долина Кладейоса.

Театръ.

Ареадскія горы съ Олимпомъ.

Долина Алфея.

Гимназія.

Филиппейонъ
(круглый храмъ Филиппа Македонскаго).

Герейонъ.

Ехедра Прода Аттика.

Мѣсто, гдѣ происходили
Олимпийскія игры.
Рисовано съ натуры и
высѣчено Фр. Тиршемъ.

Ропа Аггиди, окруженная стѣною.
Тринадцать маленькихъ казнохранилищъ.
Строень (храмъ Матери боговъ).

Храмъ Зевса.

Стадіонъ.
Стоа пойкиле.

Ворота для торжественныхъ шествій.

Возлежание и развлечение во время пира.

35

а отнюдь не по общепринятому правилу. Каждому отдѣлу приурочивались извѣстныя украшенія, и самыя роскошныя выпадали обыкновенно на долю фриза. Даже на потолѣ изображались растенія, цвѣты, гирлянды, пестрыя птицы, четвероногіе, различныя архитектурныя украшенія и картинки. Среднее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главное поле нерѣдко въ свою очередь дѣлилось, въ продольномъ направленіи, на три части, отличавшіяся одна отъ другой орнаментаціею или красками. Такъ, среднее поле обыкновенно различалось по цвѣту отъ боковыхъ. На этихъ поляхъ, охваченныхъ пестро разрисованною рамою, изображались летающія фигуры, геніи, дѣти, танцовщицы, вакханки или полныя жизни группы, на примѣръ, вакханки, сидящія на укрощенныхъ центаврахъ и т. п. И все это кисть художника изображала такъ легко, воздушно, точно фигуры эти не имѣли тяжести, точно онѣ сами собою носились въ воздухѣ, не нуждаясь въ опорѣ для ногъ. Кроме этихъ граціозныхъ изображеній, стѣны покрывались также различной величины картинами, представлявшими сцены изъ домашней жизни, заставленные яствами столы, небольшіе ландшафты съ холмами, рѣчками и лѣсами, виллы, города, бытовые, мифологическіе и историческіе сюжеты, нѣсколько уже столѣтій извѣстные греческимъ художникамъ.

Надъ этими прелестными изображеніями, красовавшимися во всемъ блескѣ и обаяніи красокъ, порою не страшившихся даже темнаго фона, возносился не тяжелый, массивный потолокъ, а легкая покрывка, такъ же точно расписанная. На ея бѣломъ, желтоватомъ или свѣтлоголубомъ фонѣ вились разнообразно сочетавшіяся цвѣтныя линіи, въ промежуткахъ которыхъ изображались фестоны и гирлянды цвѣтовъ, пестрыя птицы, красивые

Домашняя утварь.

звѣрки, дѣти, геніи и миловидныя дѣвушки. Въ противоположность легкому и свѣтлому потолку, прочный полъ состоялъ изъ маленькихъ камешковъ, образовавшихъ собою простые геометрическіе или орнаментальныя рисунки. Но съ теченіемъ времени такимъ способомъ воспроизводились одушевленные предметы, сцены изъ домашней жизни и даже грандіозныя историческіе сюжеты, какъ, напримѣръ, найденная въ Помпеѣ „Битва Александра Великаго“ (см. рисунокъ на стр. 41).

Такимъ образомъ, все въ римскомъ домѣ было изукрашено и раскрашено; восхитительная, чарующая картина представлялась глазамъ посѣтителя, вошедшаго въ *atrium*. Если занавѣсъ въ *tablinum* былъ поднятъ — почти весь домъ представлялся, точно на ладони: фонтанъ *atrium*'а, богато украшенныя стѣны, расписныя колоннады *сavaedium*'а, съ зеленью и цвѣтами по серединѣ, стоявшія между колоннами мраморныя и металлическія статуи, такъ какъ знатный и любящій искусство хозяинъ старался какъ можно изящнѣе убирать свой домъ. Конечно, въ дворцахъ Рима мы встрѣчаемъ другого рода украшенія, удивляясь какъ искусству архитектора и живописца, такъ и самому матеріалу, изъ котораго сдѣланы украшенія. Ярko раскрашенныя колонны Помпеи замѣняются здѣсь обелисками изъ цѣльныхъ кусковъ желтаго, зеленаго, красноватаго и чернаго мрамора, привезеннаго моремъ изъ провинцій, въ которыхъ существовали мраморолони; стѣны покрыты мозаикою; двери украшены инкрустаціею изъ цвѣтнаго дерева и слоновой кости, и надъ всѣмъ этимъ великолѣніемъ высится тяжелый, богато вызолоченный потолокъ. Домиціану, любившему грандіозныя сооруженія, до того нравилась позолота, что увѣряли, будто все, до чего онъ прикасался рукою, превращалось въ золото; не даромъ же дворецъ Нерона былъ названъ золотымъ домомъ.

Такой отдѣлкѣ дома соотвѣтствовала меблировка и утварь, не столько по ихъ количеству и разнообразію, сколько по изяществу и матеріалу. Невольно бросается въ глаза скудость меблировки римскаго покоя въ сравненіи съ роскошью современнаго салона; но, насколько была скудна обстановка римскаго дома, настолько каждая вещь въ отдѣльности отличалась изяществомъ и богатствомъ. Но, быть можетъ, намъ кажется только, что все это было очень просто. Подобно тому, какъ нынѣ на Востокѣ никто не можетъ пожаловаться на недостатокъ въ жилищахъ роскоши и уюта, такъ и въ Римѣ разноцвѣтныя ткани составляли необходимую принадлежность убранства дома. Въ жаркіе дни онѣ натягивались, въ видѣ шатра, надъ просвѣтами *atrium*'а и *сavaedium*'а и составляли такимъ образомъ тѣнь и прохладу; изъ нихъ дѣлались портьеры и оконныя гардины; онѣ тянулись между колоннами и покрывали кресла, ножныя скамейки и ложа. Драгоцѣнныя александрійскіе и вавилонскіе ковры и покрывала составляли гордость домохозяина, и онъ любилъ ихъ показывать своимъ друзьямъ и чужестранцамъ.

Стѣнные шкафы, въ родѣ нашихъ, встрѣчались рѣдко; впрочемъ, они и не соотвѣтствовали бы общей фیزیономіи комнатъ; однако, въ стѣнахъ дѣлались различныя ниши и углубленія, замѣнявшія шкафы. Обыкновенно платье, деньги и другія вещи хранились въ сундукахъ съ подъемной крышкою. Нѣсколько такихъ сундуковъ, сдѣланныхъ изъ металла, найдены въ Помпеѣ. Безъ сомнѣнія, погибло множество такого рода деревянныхъ вещей—кроватей, креселъ и ложъ—а между тѣмъ, ни одинъ предметъ домашняго обихода не допускалъ большаго разнообразія въ отдѣлкѣ, не былъ въ болѣе употребленіи и не требовалъ болѣе изящной работы, какъ упомянутыя вещи. Скамьи, стулья и ложа стояли въ *atrium*'ѣ, галлерей *сavaedium*'а и въ остальныхъ покояхъ, въ особенности же въ *exedra*. Стулья имѣлись обыкновенныя, со спинкой или безъ нея, съ прямыми или перекрещивающимися ножками; сѣдалища, въ родѣ дивановъ, для двухъ или болѣе персонъ; ложа съ возвышеніемъ въ головахъ для подушки или для того, чтобы можно было опираться на него локтемъ. Римлянинъ, подобно греку, читалъ, учился, размышлялъ, писалъ, бесѣдовалъ и принималъ пищу—лежа. Деревянная мебель обыкновенно дѣлалась съ ис-

кривленными ножками и украшалась наборною работою. Нерѣдко кресла, кровати и ложа искусно выдѣлывались изъ бронзы съ богатою серебряною инкрустаціей. Въ эпоху императоровъ, то есть въ эпоху утонченнѣйшей роскоши, подушки и тюфяки набивались нѣжнѣйшимъ пухомъ и покрывались пышными, вышитыми золотомъ и шелкомъ чехлами.

Послѣ мебели для сидѣнья, въ наибольшемъ употребленіи находились столы. Ихъ было не особенно много, однако въ комнатахъ они предназначались для извѣстныхъ цѣлей. Дѣлались столы большіе и малые, изъ дерева, бронзы и мрамора, не безъ изящества и согласно съ требованіями роскошной моды. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть о столовыхъ доскахъ изъ дерева цитра, растущаго только въ Атласскихъ горахъ. Поперечный разрѣзъ его ствола, почти у самаго корня, даетъ прекрасный съ прожилками рисунокъ, и за одну доску этого дерева, имѣвшую четыре фута въ поперечникѣ, платили баснословныя, почти невѣроятныя суммы, доходившія даже до ста тысячъ талеровъ. Изящно отдѣлывались какъ мраморные столы съ ножками, покрытыми рельефными украшеніями, такъ и бронзовые и серебряные, которыхъ треножникамъ обыкновенно придавалась форма лапъ животныхъ.

Изъ остальныхъ предметовъ домашняго обихода ничему не придавалось столько значенія и ничто, между прочимъ, не представлялось, по нашимъ понятіямъ, столь неудовлетворительнымъ, какъ предметы, служившіе для освѣщенія комнатъ. Римляне и въ этомъ отношеніи не отступали отъ пріемовъ грековъ: небольшая, наполненная масломъ, чашеобразная лампочка, со свѣтильной, выходившей черезъ узкую щель особаго носика,—вотъ неизмѣнный типъ римской лампы. Пламени нельзя было усиливать далѣе извѣстныхъ предѣловъ, въ противномъ случаѣ лампа дымила. Усилить освѣщеніе можно было только посредствомъ умноженія числа источниковъ свѣта, что достигалось зажиганіемъ многихъ лампъ или одной, имѣвшей нѣсколько свѣтиленъ. Очень часто лампы украшались фигурами и другою орнаментаціею и, притомъ, безразлично: будь лампы глиняныя, металлическія, изъ бронзы или серебра.

Но гораздо больше искусства тратилось на выдѣлку различныхъ подставокъ для лампъ. Такъ какъ неловко лампу имѣть передъ глазами, то (въ виду этого) прибѣгали къ различнѣйшимъ приспособленіямъ, съ цѣлью возвысить ее надъ столомъ, удобнѣе повѣсить на стѣну и уставить сообразно съ потребностью читающаго или пишущаго. Фантазія мастера сообщала лампамъ разнообразную, подчасъ затѣйливую, но не всегда изящную форму; доказательствомъ этого служатъ фигуры, поддерживавшія резервуаръ, дерева, на вѣтвяхъ которыхъ развѣшивались лампы и небольшія, фута въ четыре вышиною, желобчатая колонны на широкомъ треножникѣ, поддерживавшія подставки лампъ. Много, большею частью, очень красивыхъ предметовъ подобнаго рода найдено въ Геркуланумѣ и Помпѣяхъ.

То же самое можно сказать и о другихъ принадлежностяхъ жилыхъ комнатъ: столовой, туалетной и даже кухни. Повидимому, и тутъ придерживались греческаго принципа—(вообще, въ этомъ отношеніи римское искусство является продолженіемъ греческаго): чтобы все, до чего прикасалась рука человѣка, облагораживалось ею, чтобы всему она сообщала красоту линий и формъ. Это правило соблюдалось даже въ отношеніи котловъ, кострюль, посуды, въ которой подавались яства, и кубковъ. Правда, римлянинъ никогда не выказывалъ особенной изобрѣтательности въ этомъ отношеніи, но за то онъ умѣлъ цѣнить хорошія вещи и щедро платилъ за произведенія греческихъ художниковъ. Римляне вообще очень любили собирать художественныя произведенія, и многіе изъ ихъ домовъ можно назвать своего рода музеями древнихъ и новыхъ произведеній искусства, различной посуды и вещицъ, сдѣланныхъ изъ дорогого камня или стекла, изъ благородныхъ металловъ или высокоцѣнной коринфской бронзы.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, римскій городской домъ, такова и вилла, за исключе-
ніемъ развѣ бѣльшаго простора. Для богачей и знатныхъ людей большихъ городовъ
римскаго государства, въ особенности для вельможъ города Рима, часть жизни, прове-
денной въ деревнѣ или на берегу моря, была необходимымъ пополненіемъ ихъ город-
ской жизни, исцѣлявшимъ ихъ отъ многихъ недуговъ, нажитыхъ въ коловоротѣ боль-
шого свѣта. Несомнѣнно, ихъ манило на лоно природы мирной, а не природы, пред-
ставляющей во всемъ своемъ грозномъ величіи; морскія бури, скалистые утесы, ди-
кія ущелья, ледники внушали римлянину чувства ужаса. Душѣ его были доступны только
нѣжныя красоты природы, прелесть лѣса, цвѣтистыхъ луговъ, обширныхъ, хорошо воз-
дѣланныхъ полей, журчащихъ ручейковъ, нѣга улыбающагося морскаго берега и мир-
ныхъ высотъ съ ихъ чистымъ воздухомъ. Не странно ли, что таковъ былъ римлянинъ,
покоритель всего міра? И все это онъ въ достаточной мѣрѣ находилъ въ виллѣ: тиши-
ну и спокойствіе, отдыхъ, исцѣленіе и душевный покой. *Beatus ille qui procul negotiis*
(блаженъ тотъ, кто вдали отъ занятій)—вотъ его мечта, вотъ что заставляло его бѣ-
жать отъ ошеломляющей, раздражающей нервы суеты города, политическихъ и вся-
каго рода дѣлъ. Избавиться отъ всѣхъ заботъ, хлопотъ, непріятностей и назойливыхъ
людей настолько прельщало римлянина, что онъ искалъ тишины сельской жизни почти
во всякое время года, даже зимою, можно сказать.

Разсматривая вопросъ исторически, мы находимъ еще одно объясненіе для этой
склонности къ перемѣнѣ мѣстожителства и любви къ сельской жизни. Римлянинъ пер-
воначально былъ земледѣльцемъ; его рука прежде управляла сохою, за мечъ же онъ
взялся впоследствии для того только, чтобы защищать свою соху. Такимъ образомъ,
римлянинъ часть года проводилъ въ своемъ имѣніи. Когда же онъ сталъ слишкомъ богатъ
и знатенъ для того, чтобы самому заниматься земледѣліемъ, тогда, по мѣрѣ возможно-
сти, онъ старался лично наблюдать за полевыми работами въ своемъ помѣстьи. Вилла
сначала вовсе не была роскошнымъ сооруженіемъ и мѣстомъ отдохновенія, а простою
сельско-хозяйственною постройкою. Она представляла собою большой четырехуголь-
никъ, построенный вокругъ одного или нѣсколькихъ дворовъ; спереди находилась квар-
тира землевладѣльца или его управляющаго (*villicus*), дальше — большая кухня и кла-
довая, въ которыхъ обыкновенно помѣщались рабы, слуги и работники, а позади—ко-
нюшни и амбары для храненія зерна и фруктовъ. Впоследствии рядомъ съ виллою стали
возводиться роскошныя усадьбы, но вилла все таки осталась сельско-хозяйственной по-
стройкой.

Вилла же, въ послѣдніе годы республики возбуждавшая восторгъ и изумленіе, бла-
годаря размѣрамъ и великолѣпію, приданнымъ ей Лукулломъ, всецѣло предназначалась
для удовольствій, отдыха и наслажденія видомъ прекрасныхъ окрестностей. Одинъ лю-
билъ прохладу моря, другой — чистый горный воздухъ, третій—тѣнь и свѣжесть лѣса,
четвертый—освѣщенныя солнцемъ равнины, мѣстности, богатые цвѣтами и плодами; кто
обладалъ достаточными средствами—а людей богатыхъ было въ то время очень много—
тотъ, въ видахъ удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній, имѣлъ нѣсколько виллъ въ раз-
личныхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ Италия покрылась множествомъ загородныхъ
домовъ, на берегу моря, недалеко отъ Рима, при Остіи и Анціумѣ, преимущественно
вокругъ Неаполитанскаго залива, около Байи, ПUTEОЛИ и Сорренто; зимнія дачи строи-
лись близъ богатаго мягкимъ и теплымъ воздухомъ Тарентскаго залива, лѣтнія—внутри
страны, на Албанскихъ и Сабинскихъ горахъ, около Тибра, при отрогахъ Аппениновъ
въ Этруріи, вокругъ озеръ сѣверной Италии, у подножія Альповъ, по ту сторону Аль-
повъ и, наконецъ, по ту сторону моря.

Свойствами мѣстности, а также намѣреніями строителя обусловливался, въ про-
тивуположность городскому дому, богатый, разнообразный, почти фантастическій внѣш-

ній видъ загороднаго дома. Покои располагались такъ, чтобы изъ нихъ можно было наслаждаться ландшафтомъ; поэтому вмѣсто того, чтобы удаляться отъ внѣшняго міра, послѣднему открывался свободный доступъ въ жилище. Для лѣта требовались прохладныя помѣщенія; для зимы — комнаты, согрѣваемые солнцемъ; необходимо было, кромѣ того, защититься отъ бурь и непогодъ, отъ рева морскихъ волнъ и шума суетливой прислуги. Такія требованія лежали въ основѣ плана римскаго дома. Тамъ, гдѣ мѣстность была покатая, устраивались террасы; въ море далеко вдавались высокія каменные стѣны и плотины съ колоннадами, предназначенными для прогулки, съ особыми покоемъ или защищенными нишами, гдѣ такъ отрадно и пріятно было отдыхать

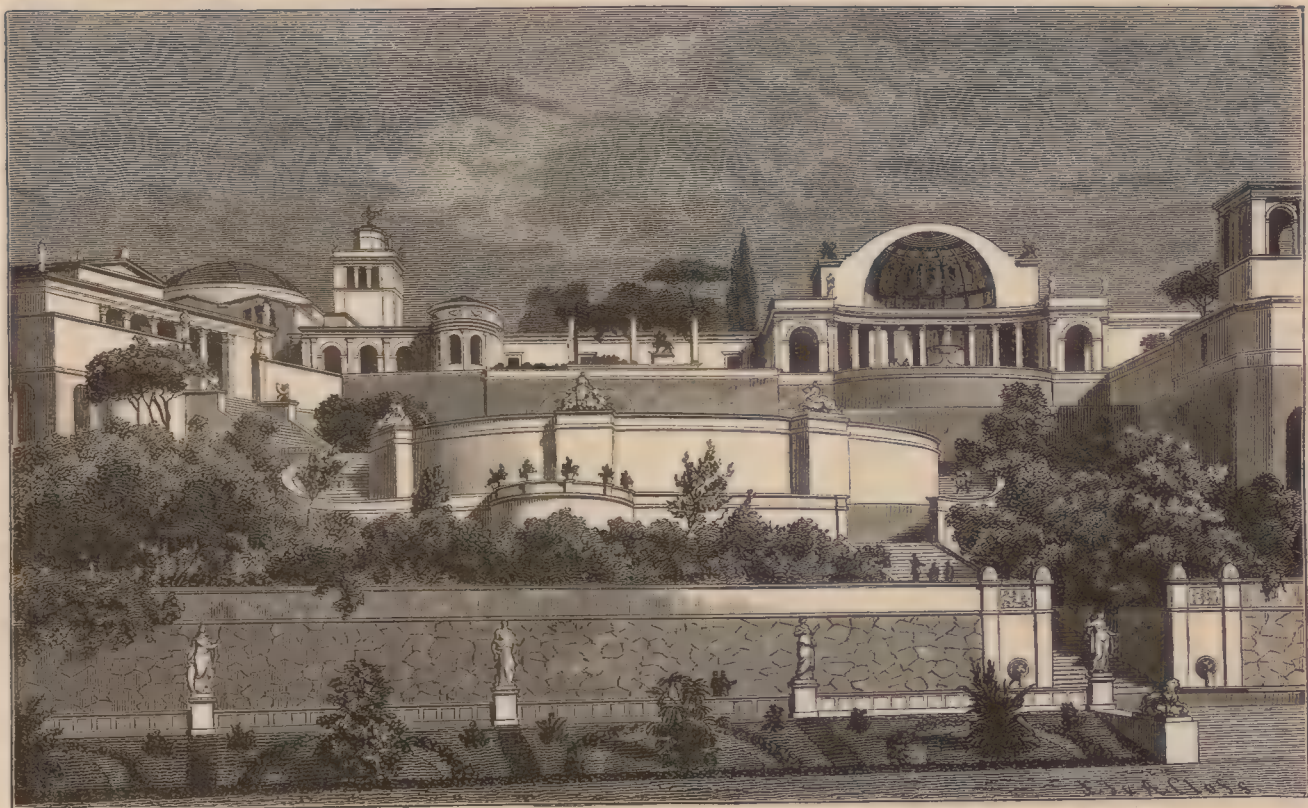
Сцена въ Римскомъ саду.
Слуги несутъ господина на носилкахъ.

на мягкихъ подушкахъ, при тихомъ ропотѣ волнъ, дробившихся о каменные стѣны. Такую морскую виллу имѣлъ у Остіи Плиній Младшій, такъ прекрасно описавшій ее. Такимъ образомъ, по своему внѣшнему виду, вилла была разнообразное зданіе съ ломаною линіею профиля, съ колоннадами, балконами, выступами, нишами, высокими окнами, крѣпкими фундаментами; и надъ всѣмъ этимъ высились башни, съ которыхъ открывался видъ на окрестность. Внутренность виллы заключала въ себѣ бани, съ холодными, теплыми и горячими ваннами, имѣла свой atrium, свои окруженные колоннами дворы. Эти дворы или галереи предназначались для зимняго времени, для лѣта же имѣлись другіе дворы, съ обвитыми плющемъ колоннами; дикій виноградъ тянулся отъ одной колонны къ другой; ключевая вода протекала по каналамъ или съ шумомъ била изъ обросшихъ цвѣтами колодцевъ и водоемовъ, струилась въ комнатахъ, въ прохладныхъ столовыхъ, спальняхъ, при дневномъ зноѣ. Вода, проведенная изъ источниковъ и ручьевъ, состав-

ляла главное украшеніе виллы, и вездѣ, гдѣ только являлась въ ней надобность, она была ключемъ и протекала по трубамъ по саду и въ домѣ.

Цвѣтовъ у римлянъ было немного; они не знали экзотическихъ растений, украшающихъ наши дома, и въ большинствѣ случаевъ довольствовались туземными розами, фіалками, нарциссами, гіацинтами и лиліями. Зато римляне употребляли ихъ въ большомъ количествѣ; особенно розы и фіалки—любимѣйшіе цвѣты для вѣнковъ. Они украшали ими круглый годъ свои дома во время празднествъ, пиршествъ, а также алтари и могилы. Особенно любили они розы, но, по недостатку многихъ сортовъ этихъ цвѣтовъ, имѣвшимися сортами римляне пользовались ежедневно. Когда собственные сады и оранжереи и знаменитые сады розъ въ Пренестѣ, Пестумѣ и Милетѣ не доставляли розъ въ достаточномъ количествѣ, тогда ихъ выписывали изъ Египта. Въ то время года, когда розы и фіалки цвѣли, ихъ благоуханіе съ недалекихъ грядъ несло въ покои виллы.

Видъ изъ виллы Императора Адріана, въ Тибуръ.

Возлѣ засаженныхъ цвѣтами грядъ находились террасы, отлогости и лужайки зеленого и мягкаго дерна, окруженные буковымъ шпалерникомъ. Римляне придавали, посредствомъ подрѣзки вѣтвей, неестественный видъ букамъ, тисамъ и кипарисамъ. Такъ, въ садахъ ихъ встрѣчались деревья, которымъ подрѣзка сообщала форму шаровъ, пирамидъ и даже буквъ, составлявшихъ цѣлыя имена, кораблей, фигуръ животныхъ, медвѣдей, держащихъ въ пасти змѣю. Это безвкусіе, находившееся въ связи съ всеобщою испорченностью нравовъ въ имперіи, не вполнѣ, однако жъ, овладѣло садами и, хотя садоводство пробавлялось иногда мелочами, но никогда не нисходило оно на степень фокусничества. Отъ виллы въ глубь сада вели тѣнистыя аллеи. Платановыя аллеи также прорѣзывали садъ или шли вокругъ прогалинь, служившихъ для игры въ мячъ и гимнастическихъ упражненій. Дикій виноградъ вился между деревьями; плоть густою пеленою стлался по каменнымъ стѣнамъ или обвивалъ стволы деревьевъ, красовавшихся вверху собственной зеленью, а внизу чужою. То тамъ, то сямъ на виллѣ находились неболь-

пія роши платановыхъ и лавровыхъ деревьевъ, укромныя убѣжища, окруженныя лавровымъ кустарникомъ, украшенныя статуей нимфы или какой нибудь богини, мраморныя лежа, на которыхъ обыкновенно отдыхалъ, занимался, размышлялъ или погружался въ дремоту, подъ убаюкивающее журчанье и плескъ фонтановъ, хозяинъ дома. Если же онъ хотѣлъ имѣть нѣсколько движенія—въ то изнѣженное время движенія требовалось не много — то, растянувшись на мягкихъ подушкахъ носилокъ (*lectica*), онъ приказывалъ носить себя по мѣстамъ, освѣщеннымъ солнцемъ, или вдоль тѣнистыхъ аллей.

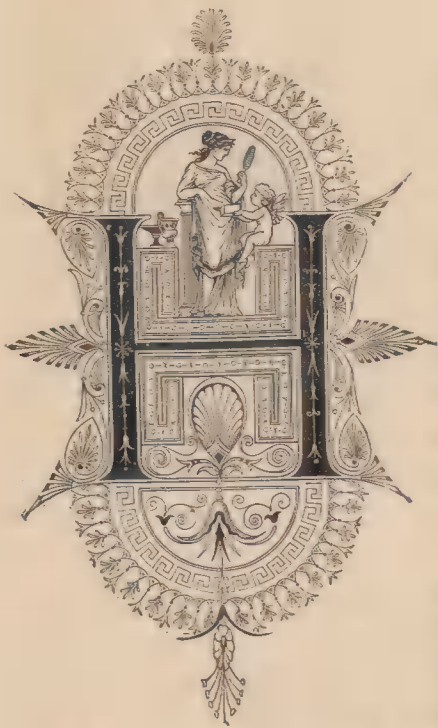
Для развлеченія на виллѣ имѣлись лапинаріи, то есть изгороди, гдѣ содержались кролики, зайцы и другіе звѣри, за которыми можно было охотиться, воларіи, особыя, обнесенныя сѣтями мѣста, въ которыхъ находились всякаго рода чужеземныя и туземныя птицы, бассейны и пруды, въ которыхъ, между прочею рыбой, разводились и прелестныя мурены, пруды съ прѣсной водой, а на дачахъ, расположенныхъ у берега моря, какъ, на примѣръ, близъ Неаполя, и съ соленой—для морскихъ рыбъ. Все это, вмѣстѣ съ мраморными стѣнами, мраморными колоннами, бронзовыми и мраморными статуями, столь обыкновенными въ виллѣ знатнаго римлянина, ничего не значило въ сравненія съ тѣмъ, что сдѣлано императорами для украшенія мѣстъ своего отдохновенія или, скорѣе, для удовлетворенія своего тщеславія, страсти къ великолѣпію и величію. Еще нынѣ мы изумляемся, ходя среди громадныхъ развалинъ Тиволи, нѣкогда называвшихся виллою Адріана. Императоръ Адріанъ, уставъ отъ дѣлъ государственныхъ и продолжительныхъ путешествій, больной тѣломъ и духомъ, пожелалъ, наконецъ, отдохнуть на лонѣ мирной жизни, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ Тибуръ, подобно Тиберію, поселившемуся раньше на островѣ Капри. Но римскій императоръ, владыка міра, не могъ осудить себя на полное бездѣйствіе, и въ затишьи лѣсовъ и горъ долженъ былъ создать жизнь того могучаго, величественнаго характера, какой былъ свойствененъ натурѣ римлянъ. Онъ завелъ звѣринецъ со стадами оленей и приказалъ выкопать прудъ или, вѣрнѣе, озеро, гдѣ могъ потѣшаться подобіемъ морскихъ битвъ. Онъ былъ восторженный любитель искусствъ и видѣлъ все, что только создало когда либо искусство. Въ его душѣ навсегда запечатлѣлись воспоминанія о горячо любимыхъ имъ Аѳинахъ, которыя онъ снова украсилъ величественными сооруженіями. Эти воспоминанія онъ рѣшился осуществить съ тѣмъ, чтобы наслаждаться ими, видѣть ихъ, когда, больной, онъ покоился на ложѣ передъ дворцомъ или когда его носили въ носилкахъ. Такимъ образомъ, въ его дворцѣ и саду находились мраморныя и бронзовыя копіи всѣхъ замѣчательныхъ произведеній греческой скульптуры. Какъ это произошло, свидѣлствуютъ нынѣ знаменитые музеи, въ которыхъ хранятся сокровища, найденныя на виллѣ Адріана. Онъ приказывалъ снимать копіи не только съ произведеній ваятелей, но и сооружалъ въ своихъ садахъ любимыя имъ зданія, какъ напр., Пританейонъ, Стоа Пойкиле (*Στοὰ Ποικίλη*), лицей и аѳинскую академію, гдѣ продолжалъ заниматься философіею со своими друзьями. Онъ былъ посвященъ въ таинство ученія египетскихъ жрецовъ. Сохранивъ отрадно-грустныя воспоминанія о Египтѣ, гдѣ погибъ въ Нилѣ его прекрасный другъ Антиной, Адріанъ построилъ на своей виллѣ египетскій храмъ, украсивъ его 100 статуями въ египетскомъ стилѣ. Въ садахъ его виллы находились, такимъ образомъ, копіи замѣчательнѣйшихъ произведеній искусства, напоминавшія ему обо всемъ, что когда либо онъ видѣлъ. Что за колоссальное сооруженіе! Какое дивное убѣжище для истомленнаго жизнью, но великаго и высокоразвитаго духа! Но недуги начали уже одолевать его, и вскорѣ его облекли сѣни смерти. Ни греческіе, ни египетскіе боги, которымъ Адріанъ поклонялся у себя на виллѣ, ни его собственное божество—императоръ Адріанъ, которому онъ воздвигалъ алтари, не могли доставить ему продолжительнаго пользованія этимъ царственнымъ чертогомъ.

III.

Одежда и косметика.

ЕЛЪЗЯ не замѣтитъ, что близкое родство римлянъ съ греками выразилось какъ въ ихъ языкѣ, такъ и въ одеждѣ: тотъ же характеръ, та же одежда, видоизмѣнявшаяся только сообразно съ условіями быта и исторіи. Одежда римлянина скорѣе накидывалась, чѣмъ надѣвалась, притомъ богатство и роскошь складокъ составляли ея главную красоту. Такимъ образомъ, одежда римлянъ и грековъ по своему характеру соотвѣтствовала требованіямъ пластики, а не живописи, какъ въ Средніе вѣка и эпоху Возрожденія. Одежда римлянъ состояла изъ тоги для мужчинъ и паллы для женщинъ, — какъ та, такъ и другая соотвѣтствовали греческому гиматіону—и туникѣ, соотвѣтствовавшей греческому хитону. Греческая и римская одежды имѣютъ свою исторію. Видоизмѣняясь различнымъ образомъ, римская одежда то приближалась къ греческой, то рѣзко отличалась отъ послѣдней. Въ древнѣйшія времена одежда римская, какъ кажется, болѣе походила на греческую, чѣмъ въ періодъ могущества Рима, и затѣмъ уподобилась и даже почти отождествилась съ греческою, во времена императоровъ и сліянія греческой и римской культуры, до основанія Византійской имперіи и даже до раздѣленія Римской имперіи на восточную

и западную. Тогда и одежда, въ свою очередь, раздѣлялась на византійскую и латинскую, и съ того времени каждая изъ нихъ идетъ уже своей дорогой. Національная верхняя одежда римлянъ, тога, представляла собою накидку, первоначально скромныхъ размѣровъ, какъ и гиматіонъ. Но когда римскій гражданинъ (*civis Romanus*), послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ и завоеваній, съ гордостью сталъ смотрѣть на покоренный имъ міръ, тогда и тога приняла важный и внушительный видъ, приличествовавшій одеждѣ римскаго гражданина, сдѣлалась полнѣе, важнѣе, богаче складками, надѣвалась болѣе изысканнымъ способомъ. Съ того времени, какъ право гражданства распространилось на всѣхъ, значеніе имперіи и римскаго гражданина стало клониться къ упадку, причемъ и тога лишилась своего національнаго значенія, сдѣлалась одеждою парадною, уменьшилась по формѣ, употребляться стала рѣже.

Римлянинъ, одѣтый въ тогу.

Въ теченіи тысячелѣтняго существованія имперіи, тога носилась всегда одинаково. Одинъ конецъ длиннаго куска матеріи, спускаясь съ лѣваго плеча, доходилъ до ногъ, а другой проходилъ по спинѣ, по правому плечу или подъ нимъ и опять перекидывался назадъ на лѣвое плечо. Такимъ образомъ, тогой можно было покрыть все тѣло, а правую руку оставить свободною, а то покрыть и ее. Но столь простой способъ ношенія тоги не удовлетворялъ уже полнотѣ и важности, требовавшихся отъ нея въ цвѣтушія времена имперіи. Большой кусокъ овально выкроенной матеріи, длиной превосходившій въ три раза ростъ человѣка, складывался вдвое такъ, что одна часть была больше другой.

Тогда, еще вечеромъ искусно сложенная въ складки рабомъ, при помощи небольшихъ дощечекъ, надѣвалась по вышеописанному способу, причемъ нижняя часть ея,

спускавшаяся съ лѣваго плеча, подбиралась и перекидывалась на подобіе кармана (sinus) — этотъ sinus дѣйствительно служилъ карманомъ — черезъ ту часть (umbo) тоги, которая шла по груди, справа налѣво. Вслѣдствіе этого на груди образовалось множество пышныхъ складокъ, сообщавшихъ римлянину несравненно болѣе важный видъ, чѣмъ греку въ его простомъ гиматіонѣ, какъ это ясно видно при сравненіи древнихъ статуй.

Въ такомъ видѣ тога, по своему значенію и формѣ, сдѣлалась одеждой государственной. Пышная, изящная и важная она требовала много важности, достоинства и умѣренности въ движеніяхъ, поэтому самому и не могла служить домашнимъ платьемъ и надѣвалась въ торжественныхъ случаяхъ, когда римлянинъ являлся, какъ римлянинъ. Но, по возвращеніи домой изъ сената или форума, онъ тотчасъ же снималъ ее. Во времена имперіи, на аудіенцію или пиръ къ императору являлись не иначе, какъ въ тогѣ. Въмѣнялось въ обязанность также одѣвать тогу въ циркѣ и театрѣ, если тамъ присутствовалъ императоръ; точно также приличіе требовало, чтобы каждый знатный римлянинъ, имѣвшій доступъ ко двору, или хотѣвшій казаться знатнымъ, носилъ тогу. Такой же почетъ оказывался римскому вельможѣ его кліентомъ, являвшимся по утрамъ къ своему патрону въ тогѣ, быть можетъ, въ той самой тогѣ, которую послѣдній недавно еще носилъ и затѣмъ подарилъ кліенту. Во времена имперіи римлянинъ одѣвалъ тогу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, при которыхъ современный человѣкъ является во фракѣ.

Римская обувь.

За исключеніемъ торжественныхъ случаевъ, съ теченіемъ времени внѣ дома стали носить болѣе легкую одежду другой формы и наименованія, именно, вошедшую во всеобщее употребленіе панулу (panula), родъ плаща для защиты отъ пыли и дождя; лацерну (lascerna), накидку, набрасывавшуюся на плечи и прикрѣплявшуюся пряжкой, и сагумъ (sagum), небольшой военный плащъ, похожій на греческую хламиду. Съ теченіемъ времени появлялась и исчезала одежда разныхъ формъ и наименованій, но собственно настоящая римская одежда не измѣнялась въ основной своей формѣ. У римлянъ былъ еще одинъ родъ одежды — туника, которую, въ противоположность тогѣ, носили дома, а также подъ тогою. Туника въ историческое время имѣла видъ черезъ голову надѣтой и перехваченной поясомъ рубашки. Первоначально, подобно греческому хитону, она открывалась съ правой стороны и не имѣла рукавовъ, но впослѣдствіи къ ней придѣлывались рукава, достигавшія сначала до локтя, а затѣмъ до кисти.

Обыкновенно римляне носили только одну тунику, но въ холодное время года люди изнѣженные или престарѣлые надѣвали нѣсколько туникъ. Такъ, на примѣръ, императоръ Августъ на старости лѣтъ одѣвалъ по три или четыре туники разомъ. Туника у знатныхъ особъ украшалась особенными знаками; такъ, у сенаторовъ она окаймлялась спереди широкой, внизъ спускающейся пурпуровой полосой, у всадниковъ — двумя, но болѣе узкими полосами. Римлянинъ носилъ дома только тунику, но, отправляясь на

пирь, накидывалъ на себя еще синтезисъ (synthesis), болѣе легкую, чѣмъ тога, парадную одежду, форму которой опредѣлить, однако, трудно. Въ такихъ случаяхъ онъ надѣвалъ также дорогія сандалии, укрѣпляя ихъ на ногѣ ремнями. Возлежа за столомъ, ихъ обыкновенно снимали, но по окончаніи пира надѣвали снова. Эту обувь, съ крѣпкими подошвами, носили также во время путешествій и походовъ; у солдатъ подошвы сандалій подбивались крѣпкими гвоздями. Впрочемъ, римляне имѣли настоящіе башмаки (calceus), носившіеся при тогѣ и изящно сдѣланные изъ разныхъ цвѣтовъ кожи — бѣлой, зеленой, желтой, красной и черной. Не римской одеждой собственно считались не покрывавшіе голени сапоги и штаны. Уже во времена республики нижнія части ногъ обматывались повязками, штаны же носили только сѣверные варвары, галлы, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, и жители Дакии. Римскіе полководцы и офицеры, участвовавшіе въ продолжительныхъ войнахъ противъ варваровъ, усвоили себѣ обычаи послѣднихъ; однако, въ Римѣ имъ не дозволялось носить bracciae. Нравы и обычаи варваровъ сдѣлались общими для всей Италіи въ послѣднюю эпоху имперіи, когда Римъ подпалъ чужеземному вліянію.

Въ древнѣйшее время римляне отпускали себѣ бороды и волосы до извѣстной длины, но въ цвѣтущее время имперіи, до вступленія на престолъ Адріана, брили бороды и коротко подстригали волосы. Знатный римлянинъ имѣлъ для этой цѣли среди рабовъ особеннаго цирюльника и парикмахера; не имѣвшій таковыхъ отправлялся въ какую нибудь залу для стрижки и бритья, которыхъ въ Римѣ было очень много. Какъ и вездѣ, парикмахерскія и цирюльни служили центромъ городскихъ сплетенъ, источникомъ и передаточнымъ пунктомъ городскихъ новостей, поэтому многіе усердно посѣщали ихъ, единственно съ цѣлью поболтать и послушать новостей. Съ восшествіемъ на престолъ Адріана, бороды опять вошли въ моду, какъ это видно на бюстахъ императоровъ. Молодые щеголи, извѣстные даже древнему Риму, еще раньше, во времена Цицерона, отпускали себѣ красивыя бородки, завивали себѣ волосы и до того дорожили ими, что „готовы были скорѣе допустить безпорядокъ въ государствѣ, чѣмъ въ своей прическѣ“. Не имѣвшіе собственныхъ волосъ носили парики; многіе красили себѣ волосы, если послѣдніе казались недостаточно красивыми, и вытравливали ѣдкими мазями или вырывали щипцами волосы, росшіе не на своемъ мѣстѣ. Когда же римляне стали болѣе владыками, чѣмъ мужами, щеголи ихъ очень хорошо уже постигали всѣ тайны туалета, благоухали эссенціями, корицею и двигали руками и ногами по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства. Были и такіе люди или, точнѣе, мужчины, которые тяготились въ жаркое время лѣта массивными кольцами, перемѣняя ихъ на болѣе легкія, такъ называемыя лѣтнія кольца. Но римскія женщины еще лучше понимали подобнаго рода хитрости туалета и изнѣженной жизни и еще успѣшнѣе практиковали ихъ.

Римская матрона, подобно римлянину, носила обыкновенно тогу и мантию, приспособленныя для ношенія женщинамъ и потому имѣвшія отчасти другой видъ и другое наименованіе. Женщины одѣвали двѣ туники, одну поверхъ другой; нижняя имѣла видъ длинной рубашки, доходившей только до колѣнъ; верхняя, въ отличіе отъ нижней, называвшаяся stola, была на столько длиннѣе нижней, что ниспадала складками на ноги и даже собиралась у пояса и буфами ниспадала внизъ. Стóла, подобно греческому хитону, открытая съ правой стороны, прикрѣплялась на плечѣ пряжкой. Вышеупомянутая форма стóлы, кажется, была общепринятою, хотя нельзя сказать, чтобы время и мода не оказывали своего вліянія на ея фасонъ. Такъ, на примѣръ, дѣлались стóлы съ полными рукавами и полурұкавами, оторачивались внизу болѣе или менѣе широкою полосою, носившею названіе instita, другаго цвѣта, пурпуровою или затканною узорами. Такая же полоса, но болѣе узкая, вышивная или золотая, охватывала шею.

Выходя изъ дома, римлянка, то есть дама или матрона, набрасывала поверхъ ту-

ники или стóлы еще накидку, замѣнявшую тогу: въ числѣ принадлежностей женскаго туалета встрѣчается и тога—и другія формы мужского плаща. Накидка эта, обыкновенно называвшаяся палла, состояла, подобно тогѣ, изъ длиннаго и широкаго куска матеріи и надѣвалась точно такъ же, какъ мужская тога, именно: одинъ конецъ ея ниспадалъ съ лѣваго плеча, другой же покрывалъ спину и правую руку спереди и перекидывался опять назадъ, черезъ лѣвое плечо. Такова основная форма паллы, допускавшая однако различные варианты въ драпировкѣ: она то покрывала голову, на подобіе вуали, то ниспадала на землю и, подобно стóлѣ, употреблялась въ видѣ пояса. Такимъ образомъ, женщина имѣла возможность и случай выказать свою изобрѣтательность, вкусъ и придать себѣ изящный видъ; впрочемъ и мода оказывала тутъ свое вліяніе.

Римская женщина.

Какъ и въ Греціи, одежда римлянъ дѣлалась изъ шерсти. Смотря по положенію и богатству, возрасту и времени года, шерстяная матерія была то грубѣе, то тоньше, то плотнѣе, то легче. Лучшіе сорта шерсти доставляла Италия, особенно Апулія; сорта же низшаго достоинства привозились изъ Милета или чрезъ Милетъ. Въ домашнемъ быту употреблялось обыкновенно полотно, но со времени сношеній Рима съ Востокомъ бумажныя ткани тоже вошли въ употребленіе, хотя не слишкомъ большое. Во времена имперіи римлянки страстно любили одежду изъ шелковыхъ тканей, составлявшихъ, однако жъ, предметъ роскоши и

Римская женщина.

употреблявшихся только знатю. Шелкъ коконовъ обрабатывался и разматывался на фабрикахъ шелковыхъ издѣлій, существовавшихъ въ Римѣ; въ магазинахъ съ шелковыми матеріями римлянки выбирали и покупали себѣ ткани. Первоначально женщины и мужчины носили одежду изъ полшелковой матеріи, то есть до вступленія на престолъ Геліогабла, который, какъ житель Востока, впервые надѣлъ платье изъ чистаго шелку. Впрочемъ, женщины гораздо раньше стали носить шелковыя платья, особенно шелковыя stola. Но такъ какъ шелкъ стоилъ дорого—фунтъ золота за фунтъ шелку,—то шелковыя матеріи ткались очень жидко, на подобіе газовыхъ тканей, сквозь которыя просвѣчивалась кожа, что дало поводъ Сенека сказать: „Есть шелковыя платья—если только ихъ можно вообще назвать платьями—не представляющія ничего, что защищало бы тѣло и приличіе“. Таковы были косскія ткани, съ острова Коса, славив-

Алкивιάда.

Агафонъ.

Пиръ у Агафона (по Платону).

Сократъ.

шіяся своей тонкостью и прозрачностью, хотя и сомнительно, чтобы онѣ дѣлались изъ шелка. Женская одежда и тоги мужчинъ издревле были бѣлыя. Бѣлый цвѣтъ, по своей чистотѣ и способности выказывать пластическую красоту формъ и изящество складокъ, очень шелъ къ лицу римской матронѣ, съ ея спокойной, но гордой осанкою, съ ея важной и полной достоинства фигурой. Но, вмѣстѣ съ развитіемъ роскоши и распущенностью нравовъ, появилась и разноцвѣтная, узорчатая одежда, постоянно сохранявшаяся во время имперіи. Да иначе и быть, не могло разъ шелкъ сдѣлался общеупотребительной матеріей для одежды. Благодаря своему чудному свойству выставлать въ полномъ блескѣ яркость цвѣтовъ, шелковыя матеріи необходимо вызвали бы страсть къ краскамъ, еслибы даже послѣдней и не существовало раньше. Кромѣ одноцвѣтныхъ платьевъ, желтыхъ, небесно-голубыхъ, синихъ и другихъ, какія обыкновенно мы видимъ на стѣнныхъ картинахъ Помпей,—вскорѣ появились платья съ золотыми оторочками и правильными узорами, которые вытискивались на одеждѣ, или сплошь

Прически римскихъ женщинъ.

покрытыя вытканными золотомъ рисунками. Но дороже всѣхъ цѣнилось платье, окрашенное пурпуромъ, и именно пурпуромъ тирскимъ, такъ какъ существовали многіе сорта пурпура, разнаго достоинства и цвѣта, начиная съ свѣтло-голубаго до темно-аметистоваго. По закону, одни лишь члены магистратуры имѣли право носить одежду изъ тирскаго пурпура, а пурпурную тогу—одинъ только императоръ. Но у кого имѣлось достаточно средствъ и охоты, тотъ легко обходилъ этого рода запретительныя законоположенія. Хотя пурпурную тогу носилъ только императоръ, тѣмъ не менѣе всякій, у кого хватало средствъ и желанія, могъ одѣваться въ пурпуръ.

Такимъ образомъ, римлянкѣ ничего не доставало относительно прекрасной и нарядной одежды; но туалетъ ея не могъ считаться совершенно законченнымъ, если она не имѣла изящной и тщательной прически. Красивые волосы считались лучшимъ украшеніемъ женщины. Насколько было велико значеніе, придававшееся красивымъ волосамъ, видно изъ того, что, по словамъ Апулея, дама, хотя бы убранная съ

ногъ до головы золотомъ, драгоценными камнями, дорогою одеждою или другими подобнаго рода украшеніями, не считалась однако же вполне прекрасной и даже хорошо одѣтой, если она не отличалась еще красотою своихъ волосъ. Въ древности прическа была проста и естественна. Начиная отъ середины лба, волосы проборомъ раздѣлялись на двѣ части, зачесывались назадъ черезъ виски и уши и заплетались на затылкѣ или, скорѣе, на темени, въ косу или узелъ, совершенно такъ же, какъ это дѣлали гречанки. Этотъ основной типъ прически сохранился и въ послѣдующія времена и нерѣдко замѣчается какъ подъ изящными, такъ и искусственными ея формами. Другая форма прически, близкая къ первой и также издревле употреблявшаяся, состояла въ томъ, что волосы, раздѣленные проборомъ на двѣ части, заплетались позади головы въ косы, которыя, если только онѣ были достаточно длинны, опять перекладывались напередъ черезъ голову, образуя собою возвышеніе на подобіе діадемы. Въ древнее республиканское время римлянки носили вуаль, служившую больше для украшенія, нежели для покрыванія лица; она прикрѣплялась къ косѣ и покрывала затылокъ, плечи и спину; но въ позднѣйшее время, по мѣрѣ того, какъ прическа становилась болѣе и болѣе вычурною, ее совсѣмъ перестали покрывать, и вуаль постепенно вышла изъ употребленія. Только жрицы да невѣсты сохранили ее, и употреблялась она лишь въ торжественныхъ случаяхъ, имѣвшихъ традиціонное или символическое значеніе.

Въ послѣднія эпохи республики и особенно во времена имперіи, римлянки уже не довольствовались простой, вышеописанной прической. Такъ, на примѣръ, косы прежней незатѣйливой прически съ нашими изображеніями — на статуяхъ, бюстахъ, особенно на бюстахъ императрицъ. Съ теченіемъ времени прическа сдѣлалась своего рода искусствомъ, которое мѣсяцами изучалось у специалистовъ дѣла рабынями, обреченными на такого рода многотрудныя обязанности.

При существованіи разнообразныхъ формъ причесокъ, римлянки имѣли возможность выказать свою изобрѣтательность и вкусъ. Такъ, онѣ очень хорошо знали, на примѣръ, что высокая прическа не идетъ къ продолговато-овальному, а низкая — къ круглому лицу. Всѣ подобнаго рода тайны разоблачилъ Овидій, этотъ знатокъ женщинъ и женскаго туалета, въ своемъ сочиненіи „Искусство любить“. Впрочемъ, прическа волосъ находилась въ зависимости отъ моды, законы которой устанавливались императрицами, пред-

Юнона.

еще болѣе удлинялись и завивались настолько, что обхватывали голову на подобіе короны. Въ особенности та часть волосъ, которая лежала обыкновенно надъ лбомъ, имѣла затѣйливую форму дугообразной діадемы и соединялась съ золотой діадемой — греческой сфендоной (σφενδομή) — напоминаемъ, на примѣръ, голову Juno Ludovisi. Съ другой стороны, нерѣдко совершенно отказывались отъ древняго типа прически; посредствомъ щипцовъ придавали волосамъ болѣе или менѣе волнистый видъ, такъ что пряди волосъ ниспадали съ темени, завивали ихъ, причемъ умѣренные локоны падали впередъ съ темени по вискамъ и затылку, и, наконецъ, какъ бы нарочно, расчесывали волосы, удерживая однако ихъ золотыми обручами. Все это видно на картинахъ, — можно сравнить

писывавшими новыя формы прически. Поэтому римлянки, заказывавшія свои мраморныя бюсты, распоряжались такимъ образомъ, чтобы прическу послѣднихъ можно было снимать и замѣнять другой, на случай перемѣны моды. Такіе бюсты сохранились и понынѣ.

Долго у римскихъ женщинъ были въ модѣ бѣлокурые и золотистые волосы. Мода эта началась со времени частыхъ войнъ римлянъ съ германцами, когда въ Римѣ находилось множество плѣнныхъ германцевъ, мужчинъ и женщинъ. Чисто свѣтлые волосы рѣдко встрѣчались у римлянъ такъ же, какъ и у самихъ германцевъ. Послѣдніе посредствомъ какой то мази или мыла придавали своимъ волосамъ бѣлокурый или золотистый цвѣтъ, если отъ природы они не имѣли его. Римлянки выписывали это средство, усердно

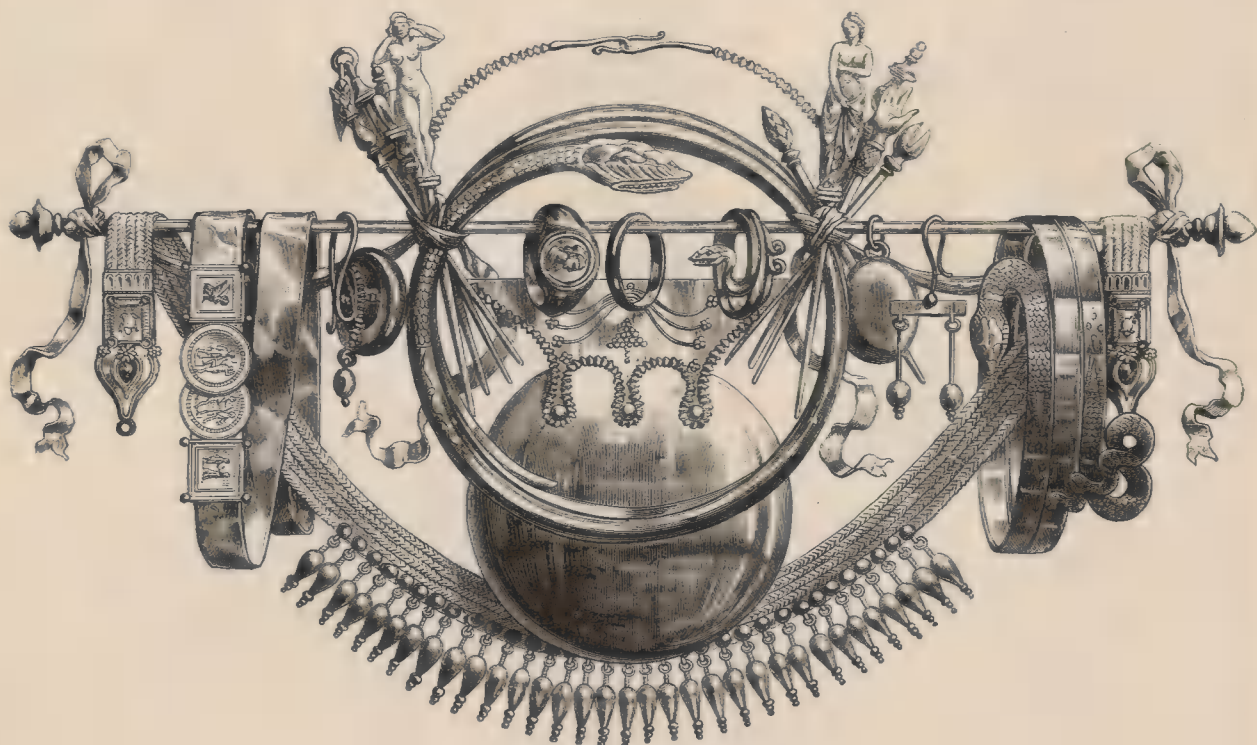

Уборная знатной римлянки.

пользовались имъ, хотя и нельзя сказать, чтобы это было особенно пріятно. Волосы предварительно тщательно вымывались въ щелокѣ, натирались составомъ и затѣмъ голова выставлялась на солнце (точно такъ дѣлали венеціанки въ 16-мъ вѣкѣ), отчего волосы высыхали и теряли свой естественный цвѣтъ. Но, такъ какъ это средство не всегда вело къ желанной цѣли, то, по необходимости, римлянки прибѣгали къ парикю. Бѣлокурые волосы получались обыкновенно отъ плѣнницъ, у которыхъ ихъ обрѣзывали, или у купцовъ, ведшихъ обширную торговлю волосами на Рейнѣ и въ Римѣ. Римскіе, а также и еврейскіе торговцы—послѣднихъ было тогда довольно много въ римскихъ и германскихъ городахъ—часто посѣщали германскія племена, для закупки бѣлокурыхъ женскихъ волосъ. Къ парикю прибѣгала римлянка, кажется, въ крайнемъ случаѣ, если

уже инымъ путемъ нельзя было возстановить природнаго недостатка. Когда же начинали сказываться послѣдствія роскошной жизни или наступала всеуничтожающая старость, разрушая прелести одну за другой, римлянка боролась съ неизбежными невзгодами, по мѣрѣ силъ старалась скрыть свои морщины, подкрашивала себѣ лицо, выпрямляла свой станъ, вставляла себѣ искусственные зубы изъ слоновой кости въ золотой оправѣ. Въ ея туалетномъ ящикѣ, нерѣдко очень значительныхъ размѣровъ и искусно украшенномъ, находились различныя мази, масла, банки, склянки, ножички, щипчики, ложечки, кисточки, прутики, скобели и такъ далѣе. Утренній туалетъ начинавшей уже старѣться римлянки—а старость наступала тогда рано—былъ продолжительнымъ и подчасъ мучительнымъ дѣломъ, какъ для служанокъ, такъ и для ихъ госпожи. Сколько тутъ требовалось искусства! Ни одному любовнику нельзя было бы посовѣтовать присутствовать при этомъ. Впрочемъ, и Овидій совѣтуетъ женщинамъ держать въ тайнѣ тѣ средства и уловки, къ которымъ онѣ прибѣгали во время своего туалета:

Украшенія римской женщины.

„Никогда не показывайте любовнику сосудецъ, оберегающій вашу красоту! Дѣйствительно—только сокровенное искусство. Все содѣйствуетъ красотѣ, но непріятно видѣть возникновеніе того, что правится только въ законченномъ видѣ. Пусть лучше думаютъ, что ты спишь, а между тѣмъ ты убираешь себя, чтобы, по окончаніи наряда, предстать предъ нами чудомъ искусства“.

Но для того, чтобы явиться чудомъ искусства, требовалось много труда и много искусныхъ рукъ. Для туалета знатной римлянки была необходима цѣлая толпа рабынь, изъ которыхъ каждой, какъ спеціалисткѣ, поручался извѣстный отдѣлъ туалета и выполненіе извѣстныхъ обязанностей. Еще вечеромъ, предъ отходомъ ко сну, для щеголихи-римлянки приготавлилось тѣсто, растворенное на молокѣ ослицы, которымъ намазывалось лицо, для приданія кожѣ мягкости, эластичности и нѣжнаго цвѣта. Молоко ослицъ пользовалось въ этомъ отношеніи особенной славой. Императрица Пoppея, супруга Нерона, такъ сказать, изобрѣла его, какъ спеціальное средство для

сохраненія красоты. Когда она путешествовала, цѣлое стадо ослицъ сопровождало ее, чтобъ всегда подъ рукой имѣлось свѣжее молоко. Утромъ, обыкновенно уже сухое, тѣсто растрескивалось, послѣ чего оно осторожно и медленно смывалось свѣжимъ молокомъ ослицы. Тогда собственно начиналась работа „косметъ“, то есть рабынь, которыхъ назначеніе заключалось въ знаніи и примѣненіи тайнъ косметики. Вообще, въ Римѣ всѣмъ вещамъ, относившимся къ косметикѣ, давали греческія названія, подобно тому, какъ въ наше время имъ предпочтительно даютъ названія французскія.

Брови и рѣсницы подводились черною краской; щеки покрывались бѣлилами и румянами; розовые ногти на длинныхъ, тонкихъ пальцахъ были предметомъ особенной заботливости и тщательно обтачивались и полировались; намазывались и искусно зачесывались волосы, затѣмъ одѣвались башмаки изъ мягчайшей, блестящей бѣлой кожи или сандалии съ осыпанными жемчугомъ ременными завязками и, наконецъ, одѣвалось предварительно надушенное платье. Во все время одѣванія, передъ дамою непрерывно держали полированное серебряное ручное зеркало, очень богатой отдѣлки, украшенное рѣзными и рельефными изображеніями, иногда даже осыпанное драгоценными камнями. Зеркало считалось изящнѣйшею и необходимѣйшею принадлежностью женскаго туалета. Такою же принадлежностью бывалъ подчасъ какой нибудь обожатель, который, вопреки вышеприведенному предостереженію Овидія, не могъ удержаться, чтобы не присутствовать при утреннемъ туалетѣ своей возлюбленной.

Туалетныя принадлежности.

ки, предназначавшіяся для укрѣпленія прически, чтобы напитанные мазями и масломъ волосы не марали шелковой одежды. Подобно этрускимъ женщинамъ, римлянки носили жемчужныя и золотыя серьги, спускавшіяся довольно низко, что очень шло къ гордой осанкѣ и величественной наружности римлянокъ; навѣшивали на шею цѣлые ряды цѣпочекъ, изъ которыхъ однѣ плотно сидѣли на шеѣ, а другія въ безпорядкѣ спускались на грудь; иногда онѣ носили также ладонки или амулеты, какъ средство, предохраняющее отъ житейскихъ невзгодъ. Браслеты, которыя носились на предплечіи и ручной кисти, имѣли форму золотыхъ, очень изящной работы обручей и запирались или замкомъ, или же обвивались вокругъ руки въ видѣ змѣи. Выходя на прогулку, римлянка одѣвала на пальцы множество золотыхъ колецъ, между тѣмъ какъ мужчины — за исключеніемъ, развѣ, изнѣженныхъ щеголей — обыкновенно довольствовались однимъ кольцомъ съ печатью, на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки.

Этой страсти къ драгоценностямъ вполне удовлетворяли греческіе мастера своими

Наконецъ, наступала очередь собственно драгоценныхъ украшеній, за исключеніемъ вколотыхъ уже въ волосы шпилекъ и надѣтыхъ на голову діадемъ, обручей и нитокъ жемчуга. Римлянки страстно любили рядиться драгоценностями. Быть можетъ, страсть эта перешла къ нимъ отъ этрусковъ, женщины которыхъ навѣшивали на себя, съ головы до ногъ, отъ плечъ до кончиковъ пальцевъ, множество всевозможныхъ брошекъ, цѣпочекъ, колецъ и серегъ. Точно также и римлянки носили въ волосахъ обручи, жемчугъ, золотыя сѣтки и повязки, удерживавшія волосы и локоны, и длинныя шпиль-

несравненными работами, которыя римляне и римлянки умѣли цѣнить по достоинству. Греческіе мастера обладали искусствомъ согласовать форму украшенія съ его назначеніемъ, причемъ украшеніе дѣйствительно соотвѣтствовало своей цѣли, возвышало прелести носившей его, а не скрадывало ихъ. Такъ, напримѣръ, упомянутыя выше серьги, такъ хорошо шедшія къ важному виду римлянки, а равно цѣпочки и діадемы своими подвѣсками рассыпались по спинѣ, плечамъ и груди. Греческіе художники покрывали золотыя вещи бархатистымъ налетомъ мельчайшихъ точекъ, украшали ихъ нѣжнѣйшими линіями, филигранною работою, по тонкости, недостижимой современнымъ мастерамъ, покрывали разноцвѣтною эмалью, хорошенькими фигурками и другими, чрезвычайно разнообразными украшеніями, выказывая при этомъ много самобытнаго таланта и изобрѣтательности. Въ послѣднія времена республики и первыя столѣтія эпохи императоровъ греческіе мастера преимущественно занимались трудной и кропотливою рѣзбою на камнѣ, и произведенія ихъ, гладкой или выпуклой работы, большею частью вправлялись въ перстни; это обратилось въ страсть, которую нельзя ставить въ упрекъ римлянамъ.

При всемъ томъ, римлянки умѣли цѣнить и самый матеріалъ своихъ уборовъ и обвѣшивали себя дорогими вещами, стоившими иногда нѣсколько милліоновъ. Императрица Лоллія Паулина, супруга Калигулы, явилась однажды на свадебный пиръ въ уборѣ, котораго стоимость простиралась до сорока милліоновъ сестерцій, что на наши деньги составитъ три милліона рублей; она могла бы доказать это документально. Драгоценности эти, доставшіяся ей по наслѣдству отъ дѣда, который, будучи намѣстникомъ въ Азіи, грабежомъ успѣлъ составить себѣ громадное состояніе, заключались въ изумрудахъ и жемчужинахъ самаго высокаго достоинства. Алмазы также высоко цѣнились, но такъ какъ имъ не умѣли искусной шлифовкой придавать настоящей блескъ, то употреблялись они рѣдко. Жемчугъ доставлялся въ Римъ въ громадномъ количествѣ съ того времени, какъ Востокъ подпалъ подъ власть римлянъ. Черезъ Александрію шли сокровища Индѣйскаго океана въ столицу имперіи. Жемчугомъ вышивались оторочки платья; нитками жемчуга убирали волосы и шею, причемъ не столько цѣнилось количество жемчужинъ, сколько величина и красота каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Самыя красивыя жемчужины, по одной, по двѣ и по три, вставлялись въ серьги. Цезарь заплатилъ за одну жемчужину, подаренную имъ одной матронѣ, шесть милліоновъ сестерцій, то есть слишкомъ 1,200,000 германскихъ марокъ. Такимъ образомъ, римскія женщины часто носили въ ушахъ стоимость цѣлыхъ помѣстій, а на шеѣ—громадныя состоянія, которыя онѣ могли бы растрачивать мигомъ и даже проглатывать, если бы пожелали этого, подобно Клеопатрѣ, выпившей въ укусе драгоцѣнную жемчужину. Одѣвшись, причесавшись, надушившись и нарядившись такимъ образомъ, римская дама съ удовлетвореннымъ видомъ въ послѣдній разъ глядѣлась въ зеркало: искусство сослужило службу, римлянка могла появиться во всеоружіи своихъ прелестей и взимать должную дань поклоненія своей красотѣ. Между тѣмъ, носилки уже были готовы; восемь дюжихъ каппадокійцевъ ждали ее, чтобы на мягкомъ ложѣ изъ пышно взбитыхъ подушекъ отнести ее въ гости или на празднество. Съ дорогимъ опахаломъ въ нѣжной рукѣ, она направлялась къ носилкамъ степенною, величавою походкою матроны и съ гордою осанкой знатной дамы, распространяя вокругъ себя упоительный запахъ драгоцѣнной народной эссенціи.

Свадьба (фреска Альдобрандини).

IV.

Римлянки.

МОНОГАМІЯ есть великій культурный законъ, переданный греками и римлянами христіанству, а христіанствомъ — современному міру. Въ противоположность законамъ востока, греческіе и римскіе законы признавали одну только жену; по римскимъ гражданскимъ законамъ, одноженство является неперемѣннымъ условіемъ законности брака. Въ теченіе тысячелѣтней исторіи римскаго государства, женщина прошла всѣ ступени отъ величайшей строгости нравовъ до полнѣйшей разнузданности страстей; было время, когда жены и мужья мѣнялись чуть ли не каждое время года, какъ платье, но законъ всегда и неизмѣнно признавалъ только одну законную жену.

Римская дѣвушка могла выходить замужъ по достиженіи ею двѣнадцатилѣтняго возраста; если до семнадцати лѣтъ она не вступала въ бракъ, то считалась засидѣвшеюся невѣстою. Понятно, что при такихъ условіяхъ обыкновенно родители невѣсты и жениха вели переговоры о бракѣ, по успѣшномъ окончаніи которыхъ дѣвушка посвящала свои игрушки

и куклы богинямъ, охранявшимъ ея дѣтство, и въ домѣ ея начиналась работа по приготовленію приданого, состоявшаго изъ платьевъ, драгоценностей и разной утвари. Къ самому дню свадьбы дома родителей жениха и невѣсты убирались по праздничному: въ atrium'ѣ развѣшивались разноцвѣтные ковры; стѣны украшались зелеными древесными вѣтвями; колонны обвивались вѣнками и цвѣтами; открывались шкафы съ изображеніями предковъ, такъ какъ и они должны были принять участіе въ

семеѣномъ торжествѣ. Невѣсту одѣвала и наряжала или сама мать, или другія, но подъ ея присмотромъ. Зачесывали невѣсту по древнему обычаю, одѣвали въ бѣлую тогу, а на голову накидывали красное покрывало, какъ того требовалъ обычай. Когда всѣ родственники и друзья находились въ сборѣ, дружка, *pronuba*, соединяла руки жениха и невѣсты и подводила ихъ къ алтарю, гдѣ они совершали жертвоприношеніе, за которымъ обыкновенно слѣдовалъ пиръ въ домѣ невѣсты. Послѣ пиршества, невѣсту отводили въ домъ жениха. Въ древнія времена этотъ обрядъ совершался вечеромъ, а потому и въ послѣдствіи сохранился обычай сопровождать свадебное шествіе горящими факелами. Подъ звуки флейтъ и веселыхъ пѣсень, сопровождаемая громадной толпой падкихъ до зрѣлищъ зѣвакъ, новобрачная подходила къ дому своего нареченнаго. Прійдя на мѣсто, она умащивала косяки двери благовоннымъ масломъ, повивала ихъ шерстяными повязками, послѣ чего ее переносили черезъ порогъ ея новаго дома. Если при этомъ ей случалось оступиться, то это считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Празднество заканчивалось жертвоприношеніемъ, которое новобрачная чета совершала на другой день на домашнемъ алтарѣ, что было первымъ дѣйствіемъ молодой женщины, въ качествѣ хозяйки дома.

Такъ обыкновенно праздновались свадьбы; нельзя однакожъ сказать, чтобы такой способъ ихъ празднованія былъ единственный или необходимый. Молодая чета, желавшая избѣгнуть многихъ стѣснительныхъ обрядовъ, скромно играла свадьбу за городомъ. Въ древнія времена, бракосочетаніе патриція съ патриціанкой—тогда только такія равныя по происхожденію лица имѣли право на вступленіе въ бракъ, *conubium*—обставлялось строгими религіозными обрядами, требовавшими, выгодной сдѣлки, прихоти и политическихъ разсчетовъ. Цицеронъ развелся съ своею женою Теренціей, нуждаясь въ новомъ приданомъ; Катонъ младшій, человекъ строгой нравственности, развелся съ своею женою потому, что въ нее влюбился его другъ, по смерти котораго Катонъ опять сошелся съ женою. Въ первые годы имперіи мужчины женились и разводились съ женами изъ одного каприза, прихоти и даже по приказанію; то же самое дѣлали иногда женщины. Упоминаютъ про одну женщину того времени, которая въ теченіе пяти лѣтъ имѣла восемь мужей. Другая женщина въ продолженіе своей жизни имѣла двадцать трехъ мужей, а послѣднему мужу была двадцать первой женою. Только бракъ, заключенный передъ жрецомъ, съ соблюденіемъ строгихъ обрядовыхъ формальностей, считался нерасторжимымъ, а это все таки доказываетъ, что чувство уваженія къ святости брака сохранилось даже въ эпоху полнаго растлѣнія нравовъ.

По строгимъ старымъ обычаямъ, которыхъ придерживались въ сословіи патриціевъ, женщина, вступая въ бракъ, вполне подчинялась мужу и передавала ему власть надъ своимъ состояніемъ и своею личностью. По древнимъ законамъ, глава дома неограни-

Римская дѣвушка.

чтобы при заключеніи брака присутствовало десять свидѣтелей, для удостовѣренія сказаннаго брачной четой и подписанія брачнаго контракта. По мѣрѣ того, какъ портились нравы, и самыя формы бракосочетанія дѣлались менѣе стѣснительными. Въ послѣдствіи бракъ сталъ дѣломъ привычки или освященнаго давностью обычая, и для законности его было достаточно, если женщина прожила въ домѣ мужчины одинъ годъ въ качествѣ супруги. За то въ это же время бракъ столь же легко расторгался, какъ и заключался. Старина гордилась тѣмъ, что въ теченіи пяти столѣтій въ Римѣ не было ни одного случая развода, а между тѣмъ, въ послѣднія времена республики разводъ низшелъ на степень

ченно господствовали надъ всѣми членами семьи, имѣлъ надъ ними право жизни и смерти; его власти подлежала и его жена. Но, съ теченіемъ времени, эти суровыя отношенія ослабли, и женщина постепенно приобрѣла извѣстныя права; вначалѣ она освободилась изъ подъ власти мужа въ отношеніи правъ имущественныхъ, а затѣмъ и въ отношеніи правъ личныхъ, могла являться наслѣдницею и распоряжаться наслѣдствомъ по своему усмотрѣнію; право мужа распространялось только на женино приданое, да и то не безусловно. Пытались было издать законъ, лишающій женщину права наслѣдованія, имѣвшій цѣлю отнять у нея опасную самостоятельность и, какъ выразился Катонъ, вновь подчинить мужу, какъ въ доброе старое время, но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ независимость и вліяніе женщины простерлись уже слишкомъ далеко. Женщины воспрепятствовали даже приведенію въ исполненіе законовъ, направленныхъ противъ излишней роскоши, мотовства, дорогихъ нарядовъ и драгоценностей. Мало того, женщины, признававшія въ первыя времена республики за мужьями право власти надъ собою, своимъ имуществомъ и жизнью, въ столѣтіе, предшествовавшее имперіи, сдѣлались „владычицами надъ владыками міра“. Ихъ состояніями, часто очень значительными, завѣдывали повѣренные по дѣламъ (*procuratores*), молодые адвокаты, въ случаѣ надобности, ведшіе также процессы своихъ довѣрительницъ. Въ тѣ времена политическихъ замѣшательствъ и неурядицъ, мужья очень часто находились въ крайне стѣснительномъ финансованіи *matrona*, мать (названіе *patronus* принадлежало хозяину дома) и *domina*, какъ хозяйкѣ дома, госпожѣ надъ всѣми членами семьи и домочадцами, завѣдывавшей обширнымъ домашнимъ хозяйствомъ. Въ противоположность афинянкамъ историческихъ временъ, римлянки пользовались полною свободою выходить со двора, принимать участіе въ дѣлахъ мужа и появляться въ обществѣ, словомъ, бывать вездѣ, гдѣ имъ заблагоразсудится: въ циркѣ и театрѣ, на пиршествахъ и празднествахъ. Ихъ свобода ограничивалась только требованіями приличія, нравственности и желаніемъ сохранить безукоризненное имя.

Римлянка стараго времени славилась своею нравственностью и вполне заслуженнымъ добрымъ именемъ. Полнѣйшая нравственная чистота, тончайшее чувство дѣвической и супружеской чести выразились въ трагической смерти Лукреціи и Виргиніи, изъ

Матрона.

совомъ положеніи, а потому прибѣгали къ займамъ у своихъ женъ, которыя ссужали ихъ деньгами за высокіе проценты и такимъ образомъ держали въ рукахъ своихъ супруговъ. Случалось, что мужъ терпѣливо долженъ былъ переносить, если красивый прокураторъ — личность, уже въ эпоху Циперона довольно вліятельная — дѣлался интимнымъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ его жены.

Въ то время женщина уже вполне эмансипировалась, но уваженіемъ, почетомъ и вліяніемъ она пользовалась гораздо раньше. Хотя по закону она была въ подчиненіи у мужа, но это не наносило ущерба уваженію, съ которымъ относились къ ней. Еще въ древнія времена ей давалось почетное наз-

которыхъ первая сама убила себя, а вторая была убита отцемъ, не желавшимъ, чтобы она вела позорную жизнь. Весталка, верховная жрица, являлась символомъ дѣвческаго цѣломудрія, нарушеніе котораго весталкою безпощадно каралось смертію. Вмѣшательство древнихъ римлянокъ въ историческія судьбы ихъ родины всегда ознаменовывалось благосостояніемъ и спасеніемъ государства. Такъ, наримѣръ, сабинянки примиряютъ своихъ враждующихъ отцовъ и мужей; такъ, жена и мать Коріолана спасаютъ отечество, но обрекаютъ одна своего супруга, другая своего сына на безславную гибель. Таковы были римлянки стараго времени; онѣ обладали добродѣтелями матери, супруги, полновластной хозяйки, умѣвшей держать семью въ порядкѣ и повиновеніи, управлявшей сотнями рабовъ; но государство и благо отечества онѣ ставили выше дома и семьи. Уже въ то время, когда старыя нравы начали замѣтно клониться къ упадку, когда, послѣ разрушенія Карфагена, римляне не имѣли уже въ мірѣ равныхъ себѣ соперниковъ, когда надъ государствомъ уже стали собираться грозныя тучи междоусобной войны, — тогда еще Корнелія, мать Гракховъ и дочь великаго Сципіона Африканскаго, являлась блестящимъ образцомъ женской добродѣтели. Старшій сынъ ея изъ самыхъ благородныхъ побужденій боролся за интересы низшаго сословія, стараясь этимъ путемъ упрочить благосостояніе государства; но его стремленія закончились междоусобицей, жертвой которой палъ самъ Сципіонъ. Чтобы отмстить за смерть брата, младшій сынъ Корнеліи придерживался той же политики, только смѣлѣе, энергичнѣе и рѣшительнѣе, что было сопряжено съ величайшею опасностью и рискомъ. Материнское сердце могло гордиться такими сыновьями, и Корнелія, безспорно, гордилась ими; но ни материнская гордость, ни утонченнѣйшее греческое воспитаніе, полученное ею въ домѣ своего отца, не воспрепятствовали ей мыслить и чувствовать, какъ подобало римлянкѣ. „Неужели нашъ домъ не положить предѣла своему безумію? писала она своему сыну. Гдѣ же конецъ всему этому? Развѣ недостаточно для насъ стыда, что мы потрясли и взволновали государство? Мнѣ кажется, что ничего не можетъ быть прекраснѣе и достойнѣе, какъ вознаградить, насколько это возможно, враговъ, лишь бы только отечество не погибло. Если же это невозможно, то пусть лучше враги наши останутся тѣмъ, чѣмъ они есть, только бы родина не подверглась опасности“.

И въ позднѣйшее время, именно, въ первое столѣтіе имперіи, въ періодъ высшаго растлѣнія нравовъ въ римскомъ государствѣ, когда высокопоставленные люди изъ самыхъ знатныхъ и столѣтіями славившихся фамилій, погрязнувъ въ холопствѣ, работлѣнно пресмыкались у ногъ безумныхъ кесарей — даже въ эти времена, говоримъ мы, встрѣчаются благородныя, мужественныя и добродѣтельныя римлянки, достойныя своей прежней славы. Юлія, сестра Цезаря и жена Помпея, соединяла, пока была жива, тѣсными узами дружбы двухъ соперниковъ, боровшихся изъ-за обладанія міромъ. То же самое пыталась сдѣлать и Октавія, благородная и прекрасная сестра Августа, которой было суждено сдѣлаться женою Антоніи; она всѣми силами старалась поддерживать миръ и дружбу между своими братомъ и супругомъ. Покинутая Антоніемъ, она жила только для своихъ дѣтей и для юнаго Марцелла, своего сына отъ перваго брака, котораго Августъ назначилъ наследникомъ престола. По смерти Августа, погибшаго жертвою императрицы Ливіи — этого злого демона семьи Августа — Октавія вполне предавалась своему неутѣшному горю; непрерывно вздыхала и плакала, не хотѣла ничего слышать, ни видѣть, жила въ неизвѣстности и уединеніи, возненавидѣла блескъ двора и удалялась отъ него; наконецъ, великая утѣшительница, смерть, прекратила ея двѣнадцатилѣтній тяжелый и неизмѣнный трауръ. Не такова была Агриппина старшая, внучка Августа и жена Германика. И она была обязана Ливіи и Тиберію всѣми своими несчастіями, гибелью мужа и лучшихъ изъ своихъ дѣтей, но ничто не могло сломить гордаго духа этой истой римлянки. Властолюбивая, но высоко стоявшая надъ недостат-

ками современныхъ женщинъ, она безстрашно, мужественно бросала упреки въ лицо Тиберію. Но и послѣдній тоже жестоко поступилъ съ нею: онъ заковалъ ее въ цѣпи, изгналъ и, наконецъ, уморилъ голодомъ, а сенатъ, между тѣмъ, восхвалялъ его милосердіе и кротость, такъ какъ Тиберій не удавилъ ее и тѣла ея, какъ тѣла преступницы, не предалъ на всеобщее поруганіе.

Нѣкоторыя женщины не могли забыть ни республики, ни свободнаго Рима, но коснѣвшіе въ гнусномъ рабствѣ мужчины скоро забыли его. Самое живое и глубокое воспоминаніе объ немъ сохранила Юнія, сестра Марка Брута, убійцы Цезаря. Богатая и всѣми уважаемая, она умерла, спустя шестьдесятъ три года послѣ сраженія при Филиппахъ; въ завѣщаніи своемъ она упоминаетъ обо всѣхъ знатныхъ римлянахъ, умалчивая объ одномъ только императорѣ. Обѣ Арріи, старшая и младшая, жены Цецины Пета и Тразеи Пета, и Фаннія, жена Гельвидія Приска, побуждали своихъ мужей къ республиканскому сопротивленію тиранамъ, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ собственная римская доб-

Агриппина.

Германикъ.

лестъ ихъ супруговъ. Онѣ шли съ своими мужьями на смерть и въ изгнаніе; Арріа старшая умерла даже раньше своего сробѣвшаго супруга: поразивъ себя кинжаломъ въ грудь, она передала его мужу со словами: „Петъ, это не больно“.

Но могучій потокъ времени давно уже увлекалъ большую часть женщинъ этой эпохи. Въмѣсто любви къ отечеству, римскими женщинами, о которыхъ упоминаетъ исторія, руководятъ эгоизмъ, безстыдство, страсти, властолюбіе, ненависть и, можно сказать, даже кровожадность. Любовь, наслажденія и властолюбіе, — вотъ побужденія, управлявшія римлянками послѣдняго столѣтія республики и перваго вѣка имперіи. Знатнѣйшія римскія женщины ни въ чемъ не уступали гетерамъ и прелестницамъ изъ вольноотпущенницъ. Еще во времена республики мужей отравляли, съ цѣлью очистить мѣсто для сыновей; нѣкоторое же время спустя, тайныя убійства въ семьѣ стали уже явленіемъ обыденнымъ: тріумвиры во время проскрипцій жертвовали другъ другу своими друзьями и родственниками. Но преступно и безчеловѣчно пролитая кровь взыскивалась на убійцахъ и ихъ потомкахъ.

Многія знатныя дамы принимали участіе въ борьбѣ партій и междоусобіяхъ, предшествовавшихъ единой державіи, но участіе, большею частью закулисное. Только геніально-беззащитному и наглому Антонію впервые суждено было вывести женщину на сцену всемірной исторіи. Отправленный Цезаремъ возвести Риму побѣду при Фарсаль, во время своего триумфальнаго шествія по всей Италіи, онъ везъ съ собою одну актрису, прекрасную Цитерису, женщину лукавую и пользовавшуюся самою незавидною извѣстностью. Подобный Бахусу (онъ приказалъ называть себя младшимъ Бахусомъ) Антоній сидѣлъ на богато разукрашенной, влекомой львами колесницѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, окруженный толпою своихъ клевретовъ и товарищей; мужчины и женщины повсюду, въ городахъ и селахъ, торжественно встрѣчали его. Такъ прибылъ онъ изъ Бриндізіума въ Римъ, такъ вступилъ онъ съ безумнымъ сонмомъ своихъ товарищей въ ликующую столицу.

Несомнѣнно, своимъ въѣздомъ въ столицу онъ вдоволь поглумился надъ древними римскими обычаями, но, нѣсколько лѣтъ спустя, очарованный царицею Клеопатрою, Антоній впервые поставилъ судьбы міра въ зависимость отъ любви. Западъ и востокъ слились въ Клеопатрѣ воедино. Последняя царица изъ чисто греческаго рода, властительница древняго Египта, она росла гречанкою, получила самое утонченное греческое воспитаніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, усвоила себѣ всѣ уловки змѣи-соблазнительницы, извѣстныя только востоку. Прекрасной, страстно любяго чело­вѣка запада. Антоній и Клеопатра противопоставили востокъ западу въ рѣшительной битвѣ при Акціумѣ; два міра съ оружіемъ въ рукахъ стояли другъ противъ друга, и женщина являлась рѣшительницею міровыхъ судебъ. Любовь сокрушила доблесть, соблазнила сердце. Клеопатра бѣжала, вслѣдъ за нею бѣжалъ и самъ Антоній, потому что она унесла съ собою его сердце. „На восторги любви они истратили царства и земли“; одна лишь смерть осталась имъ, и только ею они могли располагать.

Женщины, подобной Клеопатрѣ, мы не встрѣчаемъ въ исторіи; но, по вліянію, производимому ею на судьбы міра, она нашла себѣ преемницу. Холодный и расчетливый Августъ ускользнулъ отъ нея, однакожъ, другая женщина оказалась гибельною для него, его дома и Рима. Онъ отнялъ у Клавдія Нерона жену Ливію, женился на ней и развелся съ своею женою Скрибоніею. Въ теченіе продолжительнаго царствованія, Ливія была ему благоразумною совѣтницею, равною ему по расчетливости и лицемѣрію. По мѣрѣ того, какъ императоръ старился, властолюбивая Ливія все больше и больше пріобрѣтала надъ нимъ вліянія. Задавшись цѣлію возвести на престолъ своего сына отъ перваго брака, она устранила всѣхъ родственниковъ Августа—такъ, по крайней мѣрѣ, говорили современники и ихъ потомки; повидимому, она отлично умѣла распоряжаться

Мессалина.

щей роскошью, изобрѣтательной на разныя затѣи и удовольствія, умной и привѣтливой въ рѣчахъ, ей стоило только возвысить свой плѣнительный голосъ—и повелители міра повергались къ ея стопамъ. Всѣхъ ихъ роковымъ образомъ влекло въ Египетъ. Спѣша къ ней, Помпей палъ подъ ножомъ убійцы; самъ Цезарь тоже едва не погибъ, попавъ въ сѣти юной Клеопатры; Антонія съ непреодолимою, неудержимою силою влекло въ роковыя объятія этой Цирцеи; только Октавіанъ устоялъ противъ нея—Октавіанъ, четвертый изъ повелителей міра, типъ холоднаго, расчетливаго

Горы въ Аргонидѣ. Островъ Саламинъ. Паренонъ. Аѳина Промакосъ. Эрехтейонъ.
 Полуостровъ Мунихій. Пирей. Гора Коридала. Пританейонъ.
 Сициля. Длинныя стѣны. Храмъ Олимпійцевъ. Портныя храма Олимпійцевъ. Акрополисъ.
 Храмъ Хроноса и Рея. Мостъ черезъ Илиссъ. Садъ и Храмъ Афродиты. Олимпейонъ.
 Стадй. Храмъ Музъ. Статуя и арка Адриана. Театръ Ирода. Театръ Діонисія. Олимпейонъ.
 Храмъ Зевса (Παυσαῖνος) и Геры
 Городскія ворота. Храмъ Дельфійскаго оракула.
 Загородный домъ.

Видъ Аѳинъ съ восточной стороны во время царствованія Адриана.

7

ядомъ. Она побудила императора отвергнуть и изгнать свою собственную дочь Юлію, супругу Тиберія, ведшую жизнь, недостойную принцессы императорскаго дома. Наконецъ, престарѣлый, всѣми покинутый императоръ остался одинокимъ въ своемъ осиротѣломъ семействѣ; всѣ, кого онъ любилъ, погибли или подверглись опалѣ и, въ добавокъ ко всему, Августъ долженъ былъ признать и назначить своимъ преемникомъ угрюмаго и недостойнаго Тиберія. Язва проклятія обнаружилась во всей силѣ и передавалась однимъ императоромъ другому, переходила изъ одного царствованія въ другое. Вина рождала вину и за преступленіемъ слѣдовала гибель, нещадно разя мужчинъ и женщинъ, императоровъ и императрицъ.

Неронъ въ молодости.

знатнѣйшихъ семействъ. Она была подобна прекраснымъ обитательницамъ лѣсовъ изъ міра сказокъ, но слѣдовавшіе за нею обрекались на гибель.

Мессалину любовь влекла отъ преступленія къ преступленію и, наконецъ, привела къ гибели; но ея преемницу, Агриппину младшую, недостойную дочь достойной матери, только жажда къ власти вывела на путь преступленія и гибели. Она добивалась власти для самой себя и для своего сына Нерона. „Пусть хоть убьетъ меня“, говорила она, „лишь-бы только самъ властвовалъ“. Случилось то и другое. Она поступила такъ же, какъ поступила Ливія въ отношеніи Тиберія,

Фаустина.

распалось на части, поразило Агриппину своими тяжелыми мачтами или погрузило ее въ море. Но Агриппинѣ удалось спастись, и она скрылась въ одномъ сельскомъ домѣ.

Мы не намѣрены перечислять всѣхъ императрицъ и ихъ преступленій и рассказывать постигшую ихъ участь; упомянемъ только о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ, о Мессалинѣ, напимѣрь, супругѣ Клавдія, распущеннѣйшей изъ женщинъ, типичной выразительницѣ страсти, сочетающей преступленіе съ любовью, какъ будто первое неразрывно связано со вторымъ. Повелѣвая, какъ ребенкомъ, своимъ слабоумнымъ, тупымъ мужемъ, она явно, публично, среди бѣлаго дня и по ночамъ безобразничала на улицахъ Рима. Подругами ея были дамы изъ первыхъ,

только гораздо откровеннѣе, страстнѣе. На первыхъ порахъ она властвовала надъ Клавдіемъ при его же содѣйствіи, затѣмъ при помощи своего молодого сына до тѣхъ поръ, пока послѣдній, подстрекаемый Поппеею Сабіною, не рѣшился освободиться отъ своей матери и ея стѣснительнаго господства. Онъ приказалъ снарядить по царски изукрашенное судно, на которомъ Агриппина могла бы совершить увеселительную поѣздку по заливу Байи. Условлено было, чтобы судно внезапно

Узнавъ объ этомъ, Неронъ отправилъ къ ней убійцъ, умертвившихъ ее въ постели. Онъ не позволилъ даже, чтобы тѣло его матери было предано приличному погребенію. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ самъ погибъ насильственною и недостойною смертію, и не нашлось тогда ни одного человѣка, который бы воздалъ послѣдній долгъ любви и милосердія убійцѣ матери, за исключеніемъ кормилицы Нерона, похоронившей своего вскормленника.

Ближе всѣхъ стоитъ къ Мессалинѣ, въ смыслѣ дурной славы, Фаустина, супруга Марка Аврелія. Много непригляднаго повѣствуетъ о ней потомство, обвиняя ее въ смерти Вера, въ ея позорныхъ къ нему отношеніяхъ и въ единомысліи съ Овидіемъ Кассіемъ, замышлявшимъ похитить царскій вѣнецъ у ея мужа; много рассказываютъ также о другихъ ея связяхъ. Такъ говоритъ потомство, знающее ее только какъ мать Коммода, но современники отзываются о ней совершенно иначе. Она сопровождала

своего мужа во всѣхъ походахъ, жила съ нимъ въ лагеряхъ. Онъ любилъ ее, какъ вѣрную супругу, какъ мать десятихъ дѣтей — явленіе, очень рѣдкое въ томъ императорскомъ, нелюбившемъ брака Римѣ, который даже матери троихъ дѣтей назначалъ закономъ награду. Когда она умерла, императоръ глубоко и непритворно скорбѣлъ о ней; сенатъ раздѣлялъ его горе. Вмѣстѣ съ сенатомъ, императоръ опредѣлилъ воздавать ей божескія почести; въ память ея былъ сооруженъ храмъ; мѣсту, бовъ и почтеніе къ ней императора навсегда останутся загадкою.

Юлія Домна.

въ которомъ она умерла, дано названіе Фаустинополя; во многихъ городахъ чеканилась монета, на которой Фаустина изображалась въ видѣ богини; на мѣстѣ, которое она обыкновенно занимала въ театрѣ, поставили ея статую; предъ ея другою статуею, въ храмѣ Венеры, обрученные должны были приносить жертвенные дары. Быть можетъ, сенатъ, по своему обыкновению, льстилъ и лицемерилъ; но если Фаустина была не лучше репутаціи, которою она пользуется у потомства, то лю-

Эти императрицы властвовали, какъ римлянки и какъ женщины, благодаря вліянію, производимому ими на своихъ царственныхъ супруговъ. Съ воцареніемъ Септимія Севера, на престолъ взошли женщины азіатки, которыя, въ качествѣ супруговъ или матерей императоровъ, властвовали и правили на азіатскій ладъ. Прекрасныя, честолюбивыя, страстныя, благоразумныя и рѣшительныя, онѣ предсѣдательствовали въ сенатѣ и рѣшали судьбы міра. Одна изъ нихъ учредила женскій сенатъ и предсѣдательствовала въ немъ, господствуя такимъ образомъ надъ обѣими половинами рода человѣческаго. Северъ женился на ассиріянкѣ Юліѣ Домнѣ, которой было предсказано, что со временемъ она будетъ парицею. Достигнувъ престола, она окружила себя штатомъ ученыхъ, философовъ и художниковъ. За нею слѣдовали ея сестра, Юлія Мэза, и дочери послѣдней, Юлія Согемисса и Юлія Маммея. Согемисса — воплощеніе духа зла — жрица и, вмѣстѣ съ тѣмъ, куртизанка, какъ это нерѣдко водилось въ Сиріи, была матерью из-

верга Геліогабала, котораго она съ малолѣтства начала готовить въ жрецы такого же разбора, какъ и она сама. По убіеніи Каракаллы, она объявила Геліогабала сыномъ погибшаго императора, вывела его изъ храма, облачила въ пурпуръ, представила войскамъ и, такимъ образомъ, возвела въ императорскій санъ несовершеннолѣтняго, развращеннаго жреца, который не былъ ни воиномъ, ни сыномъ императора. Подъ ея правленіемъ въ Римѣ достигли преобладанія азіатизмъ, сирійскіе жрецы, евнухи и куртизанки; императоръ женился на весталкѣ; все римское и достойное уваженія было повергнуто во прахъ, въ грязь. Не такова была Юлія Маммея. Не менѣе честолюбивая, какъ и ея сестра, она въ обществѣ Оригена

ознакомилась съ христіанскимъ ученіемъ, среди порочнаго двора сѣумѣла предохранить отъ развращенія своего сына, и, когда Согемисса и Геліогабалъ пали подъ бременемъ негодованія всего міра, для римской имперіи, подъ правленіемъ Александра Севера и Юліи Маммеи, казалось, настали болѣе счастливыя времена. Но это былъ только мимолетный проблескъ солнца на вечернемъ, зату-

Каракалла.

или, скорѣе, тщеславіе, замѣнившее собою жажду господства. Съ того времени, какъ республика начала клониться къ паденію, писатели и поэты утратили вѣру въ добродѣтель женщинъ. По мнѣнію Овидія, можно добиться обладанія каждою женщиною, при умѣнн хорошенъко взяться за дѣло. Хотя мы знаемъ, что въ то время и при первыхъ императорахъ не мало встрѣчалось отраднхъ исключеній—вѣрныхъ, благородныхъ женъ, но примѣръ высшаго общества, легкость, съ какою заключались и расторгались браки, тщетныя законодательныя мѣропріятія противъ безбрачія и бездѣтности—все это ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія фактъ развившейся въ Римѣ распущенности нравовъ и обычаевъ. Современныя римлянки больше всего интересовались любовными похождениями и любовными интригами, такъ что слова, приписываемыя Августу, будто онъ заставилъ дамъ императорской семьи, императрицъ и принцессъ заниматься тканьемъ и носить только вытканную ими одежду, шибко смахиваютъ на насмѣшку и иронію. Быть можетъ, это одна изъ лицемѣрныхъ выходокъ этого великаго лицемѣра.

И то сказать, не мало представлялось тогда случаевъ для любовныхъ интригъ. Римлянки жили свободно, принимали участіе въ обѣдахъ, являлись—не иначе, какъ въ носилкахъ—на улицахъ, на гуляньяхъ и въ особенности въ циркѣ и театрѣ. Сюда жен-

томъ облаками небосклонѣ.

Оставимъ, однакожъ, знатныхъ дамъ, какъ бы онѣ ни исполняли свои роли на сценѣ всемірной исторіи—дурно или хорошо, славно или безславно—и взглянемъ на римлянокъ, которыхъ скромная дѣятельность ограничивалась узкими рамками частной жизни. Здѣсь, точно такъ же, какъ и въ большемъ свѣтѣ, руководящими, движущими мотивами являются любовь, страсти, жажда господства,

щины являлись положительно толпами,—настолько жаждали они драматических представлений. Их возбуждала страсть къ зрѣлищамъ, тревоги, связанныя съ измѣнчивымъ ходомъ боевъ, и личное расположеніе къ тому или другому актеру, танцовщику, музыканту или гладиатору, вокругъ которыхъ составлялись партіи. Кто изъ нихъ былъ красивѣе или пріобрѣталъ извѣстность, на того градомъ сыпались любовныя предложенія со стороны знатнѣйшихъ дамъ. Въ театрѣ и циркѣ женщины привыкали къ распущенности нравовъ; здѣсь, при видѣ боевъ людей и звѣрей, сердце ихъ ожесточалось до того, что онѣ могли подвергать самымъ суровымъ наказаніямъ своихъ невольниковъ и невольницъ и даже присутствовать лично при исполненіи наказанія.

„Подобно рою муравьевъ, когда они снуютъ взадъ и впередъ, снося зерна, или подобно пчеламъ, когда въ родномъ лѣсу или на благоухающемъ лугу онѣ носятся вокругъ цвѣтовъ и высоко-ростущаго тимьяна“.

(Овидій).

Такъ стремились женщины въ театръ, незнатныя пѣшкомъ, знатныя въ носилкахъ, а самыя знатныя—въ колесницахъ. Всѣ онѣ являлись въ изысканнѣйшемъ и богатѣйшемъ туалетѣ, нарядныя, завитыя, въ дорогой одеждѣ, потому что онѣ приходили не только для того, чтобы видѣть другихъ, но и чтобы другіе видѣли ихъ. Въ циркѣ женщины сидѣли въ перемѣжку съ мужчинами, а въ театрѣ—въ верхнихъ рядахъ, гдѣ ихъ не трудно было окинуть пытливымъ и выискивающимъ взоромъ. Красавицъ было вдоволь.

„Одинъ Римъ представляетъ тебѣ такое множество прелестныхъ дѣвушекъ, что подумаешь, будто здѣсь собраны всѣ красавицы, которыя только существовали когда либо въ мірѣ“.

Итакъ, не было недостатка ни въ выборѣ красивыхъ женщинъ, ни въ случаяхъ приволокнуться за ними: стоило только найти предлогъ, и затѣмъ уже дѣло налаживалось само собою. Овидій главнымъ образомъ рекомендуетъ театръ, какъ мѣсто сверхъ всякихъ желаній обильное краснымъ звѣремъ „Садись—говоритъ онъ въ своемъ „Искусствѣ любить“—вплотную подлѣ дамы и придвинься къ ней какъ можно ближе впрочемъ, протянутая веревка заставитъ тебя сдѣлать это. Затѣмъ постарайся войти съ нею въ любезный разговоръ, къ чему само представленіе дастъ необходимый матеріалъ; хлопай, когда она хлопаетъ; предохраняй ее отъ остраго колѣна того, кто сидитъ за нею; поправляй ей подушку, приподнимай спустившійся плащъ, подставляй подъ миленькія ножки скамейку и опахаломъ навѣвай на нее прохладу“. Какъ видно, эта „старая, но вѣчно новая исторія“ столь же хорошо была извѣстна римлянамъ и римлянкамъ, какъ и тѣмъ, кто нынѣ подвизается по части любовныхъ похожденій.

Но не легко сдавались римлянки. Вообще, онѣ были благоразумны и разсудительны, и умнѣйшія изъ нихъ предпочитали имѣть собственный штатъ обожателей, толпившихся вокругъ своей повелительницы, вездѣ сопровождавшихъ ее,—на гуляньяхъ, морскихъ купаньяхъ въ Байѣ; они забавляли ее и порою за это имъ дозволялось присутствовать при ея туалетѣ. То были государственные люди, демагоги, ученые, поэты, пожилые и молодые воины, словомъ, всѣ добившіеся уже извѣстности, составившіе себѣ имя или стремившіеся впередъ съ надеждою на успѣхъ, рядомъ съ брюзгливыми философами и раздушенными, красивокудрыми щеголями, порхавшими вокругъ знатной дамы. Конечно, для того, чтобы повелѣвать этою толпою, дама должна была, независимо отъ красоты, обладать достаточною степенью ума и образованія. Отъ нея требовалось, чтобы она стояла на высотѣ греко-римской культуры и сочувствовала всѣмъ явленіямъ въ области духа—и женщины эти удовлетворяли такимъ требованіямъ. Однакожь, ученыхъ женщинъ вообще тогда не любили,—впрочемъ, когда же ихъ любили? Особенно извѣстностью пользовались тѣ изъ нихъ, которыя обращали критику въ дѣло наживы—были и такія—и на обѣдахъ или въ своихъ кружкахъ сами обсуждали или заставляли другихъ обсуждать,

съ эстетико-критической и специальной точки зрѣнія, новѣйшія стихотворенія, публичныя лекціи, драматическія и музыкальныя произведенія.

Онѣ сами—и не безъ таланта—упражнялись въ стихотворствѣ, но никто изъ нихъ не обезсмертилъ себя своими поэтическими произведеніями. Между ними не было Сафо, хотя нѣкоторыя изъ нихъ охотно позволяли сравнивать себя съ нею. Ни одна изъ этихъ женщинъ не создала поэта, обладавшаго пыломъ и страстностью Сафо, быть можетъ, единственнаго истиннаго поэта въ Римѣ. Такъ какъ любовныя отношенія, въ которыхъ Гораций и Тибуллъ стояли къ своимъ многовѣстнымъ вольноотпущенницамъ, не поднимались выше обычнаго уровня, то произведенія этихъ писателей, да и другихъ тоже, являются только тщательною работою высоко-талантливыхъ людей. Въ иныхъ условіяхъ находились Катуллъ и Лесбія. Лесбія,—настоящее ея имя Клодія,—была знатная дама изъ знаменитаго рода Клодіевъ, жена консула Метелла Целера и сестра извѣстнаго демагога Клодія, который сдѣлался плебеемъ. Высокообразованная, талантливая, стройная, преле-

стная какъ Юнона, съ юоновскимъ огнемъ въ большихъ глазахъ, извѣстная у друзей и недруговъ просто подъ гомеровскимъ эпитетомъ „Воріс“ (волоокая), она нѣкогда видѣла у своихъ ногъ Цицерона, остроумнаго, талантливаго, всегда занимательнаго оратора, котораго привели къ ней сначала политическія отношенія къ ея мужу. Ея умъ и прелести очаровали

Римская поэтесса.

его, и онъ женился бы на ней, если бы его властолюбивая Теренція, въ послѣдствіи покорившаяся своей участи, изъявила согласіе на разводъ; но въ то время она еще твердою рукою держала бразды правленія и принудила невѣрнаго супруга прервать связь съ Клодіею, связь, которая скоро превратилась въ жестокую вражду. За Цицерономъ въ домѣ этомъ, посѣщаемомъ,

ради его хозяйки, важнѣйшими и умнѣйшими людьми Рима, появился Валерій Катуллъ. До того времени Катуллъ писалъ стихи такъ, какъ и многіе другіе, т. е. переводилъ, передѣлывалъ произведенія греческихъ поэтовъ и подражалъ имъ. Но эта женщина и ея любовь возродили его поэтическій даръ: въ сердцѣ своемъ Катуллъ нашелъ звуки, принадлежащіе собственно ему, заговорилъ страстнымъ языкомъ, неизвѣстнымъ римскимъ поэтамъ, языкомъ столь искреннимъ, правдивымъ и индивидуальнымъ, какимъ до тѣхъ поръ еще не говорили, какого никто не понималъ. Теперь онъ могъ сказать:

„Будемъ наслаждаться жизнью и любовью, моя милая, не обращая вниманія на угрюмую воркотню брюзгливаго старика! Солнце заходитъ и восходитъ; но, разъ погаснетъ свѣточъ нашей жизни, и мы уснемъ сномъ безконечной ночи. Тысячу и тысячу разъ лобзай меня, и опять, и снова лобзай меня. И когда наберется тысяча тысячъ поцѣлуевъ, тогда мы живо перемѣшаемъ ихъ, чтобы и самимъ не знать ихъ числа и чтобы другіе не завидовали намъ“.

Но и истинный поэтъ, наслаждающійся радостями жизни, не огражденъ отъ житейскихъ невзгодъ. Лесбія измѣнила Катуллу. По смерти мужа, еще глубже окунувшись въ водоворотъ политической жизни, вступивъ въ союзъ съ своимъ вѣзломощнымъ братомъ, она расточала свою любовь и встрѣчному, и поперечному. Съ горестью видѣлъ это Катуллъ.

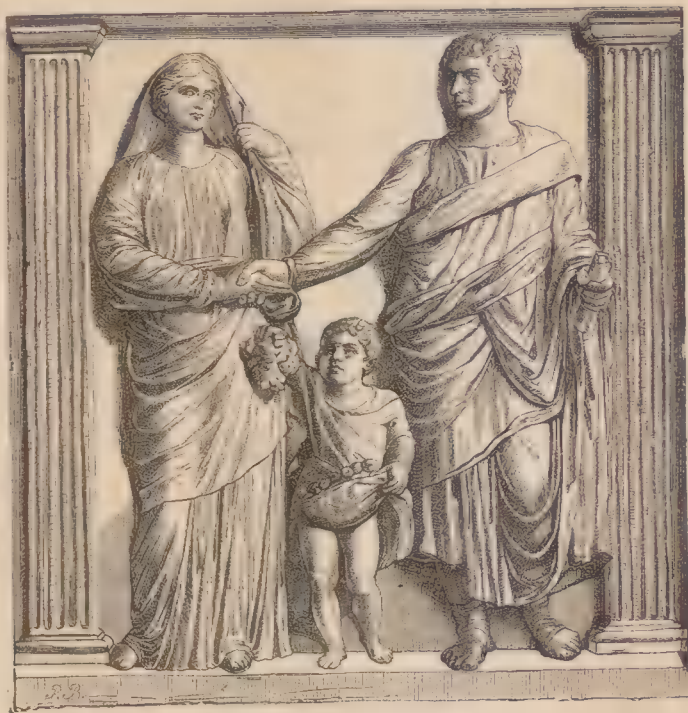

„Наша Лесбія, Цекусъ, — говоритъ онъ — моя Лесбія, та Лесбія, которую любилъ Катуллъ больше, чѣмъ своихъ родныхъ и самого себя, бродитъ теперь по закоулкамъ и улицамъ и обираетъ сіятельныхъ потомковъ Рема“.

Но гордая римлянка не дошла до того положенія, которое описано въ стихахъ, внушенныхъ измѣною покинутому поэту; во всякомъ случаѣ, онъ былъ покинутъ, а между тѣмъ, по прежнему любилъ ее и не могъ забыть ни минувшихъ дней счастья, ни той, которой былъ обязанъ счастьемъ. Тщетно онъ старался пересилить себя: горе только сильнѣе терзало его. Такимъ образомъ, Катуллъ сдѣлался пѣвцомъ скорбной, отверженной любви, сердечныхъ страданій и отчаянія, первымъ поэтомъ настроеній и чувствъ романтическихъ; онъ первый внесъ новѣйшіе звуки въ сознаніе античнаго міра.

Въ настоящемъ случаѣ, Лесбія предлагала дары, а Катуллъ только принималъ ихъ; но вообще, знатныя и образованныя римлянки своими познаніями по большей части были обязаны общенію съ умными и выдающимися мужчинами. Молодая дѣвушка, рано вступающая въ бракъ, не отличалась образованіемъ. Она умѣла читать и писать, читала поэтовъ съ матерью или съ особыми учителями, усердно занималась музыкою и танцваніемъ. Танцваніе сообщало ей прекрасную, гордую осанку, тѣ спокойныя, граціозныя движенія, ту важно-гречески и уснащали латинскую рѣчь греческими выраженіями.

Если же римлянка имѣла ученаго или высокообразованнаго мужа, котораго любила и уважала, то она принимала участіе въ его трудахъ и успѣхахъ, становилась на одинъ съ нимъ уровень. Такою женою гордился Плиній Младшій. „Каждый день“ — пишетъ онъ ея теткѣ, — „она заявляетъ себя достойною своего отца, дѣда и тебя. Она очень умна, очень постоянна, очень нѣжна ко мнѣ; все это свидѣтельствуетъ о чистотѣ ея добродѣтели. Она любитъ науки, и если ея склонности направлены въ эту сторону, то обязана она этимъ свойственному ей рвенію. У нея постоянно въ рукахъ мои сочиненія; она безпрестанно читаетъ ихъ, заучиваетъ ихъ наизусть. Не можешь себѣ представить, какъ она тревожится, когда я говорю рѣчь, какъ радуется по окончаніи рѣчи. Она всегда поручаетъ кому нибудь немедленно увѣдомить ее, насколько отнеслись ко мнѣ съ одобреніемъ, насколько я успѣлъ въ моемъ дѣлѣ. Если я читаю публичную лекцію, она съумѣетъ найти себѣ мѣсто и за занавѣскою жадно прислушивается

Римская брачная чета.

ную, плавную поступь, которыми отличались римлянки. Въ музыкѣ она успѣвала настолько, что могла исполнять пѣсни собственной композиціи, подъ аккомпанементъ струннаго инструмента. Но занятія нѣкоторыми предметами продолжались и, главнымъ образомъ, занятія греческимъ языкомъ, который знатныя римлянки изучали наравнѣ съ роднымъ. Онѣ любили говорить

къ расточаемымъ мнѣ похвалямъ. Она поетъ мои стихотворенія и, подѣ руководствомъ лучшаго изъ учителей—любви, вторитъ пѣнію на лирѣ. Не преходящую красоту и молодость—добавляетъ Плиній—любитъ она во мнѣ, а никогда не умирающую славу“.

Въ эпоху императоровъ, римлянки, въ теченіе нѣкотораго времени, любили заниматься философіею. Еще въ Греціи женщины и философы стояли другъ къ другу въ близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ. Съ одной стороны—умозрѣніе, съ другой—тревожное предчувствіе: какъ то, такъ и другое находятся въ близкомъ родствѣ; между ними остается мѣсто только мистицизму. Въ Римѣ философія стала дѣломъ моды, особенно съ

Домашній философъ.

того времени, какъ въ лицѣ Марка Аврелія вступилъ на престолъ философъ. На философскія занятія въ то время смотрѣли не очень серьезно. Философъ принадлежалъ къ домашнему штату, которымъ знатная дама окружала себя. Какъ самый штатъ, такъ и философъ формально находились у нея въ услуженіи и получали отъ нея содержаніе и пищу. Но и философы не могутъ жить однимъ отвлеченнымъ мышленіемъ; притомъ же, ихъ развелось въ Римѣ такое множество, что конкуренція стала грозить ихъ промыслу. Поэтому, они охотно пристраивались къ какой либо знатной дамѣ, не взирая даже на опасность столкновенія съ ея принципами. Жадные и скупые, они водили дружбу съ пекарями и поварами дома; грязные, неряшливые, въ затасканныхъ мантияхъ, съ длинными сѣдыми бородами—все это составляло принадлежность ихъ офиціальнаго костюма и знакъ ихъ званія—они стояли въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ къ ихъ эле-

гантной, изящно одѣтой патронессѣ и ея роскошной обстановкѣ. Но въ этомъ именно контрастѣ домашній философъ являлся чѣмъ то въ родѣ нравственнаго укора роскошной жизни, которую вела его госпожа на ярмаркѣ житейской суеты. Когда она приступала къ процедурѣ туалета, онъ долженъ былъ читать ей лекціи философіи или трактатъ о добродѣтели и самоотреченіи, который она прерывала для того, чтобы, можетъ быть, прочесть любовное письмо или отвѣтить на приглашеніе на свиданіе. Его слова не могли производить никакого дѣйствія; для того, чтобы слушать его, его слишкомъ мало уважали. За столомъ, — если только его допускали къ столу, — онъ сидѣлъ на послѣднемъ мѣстѣ, ѣлъ хлѣбъ, котораго никто не хотѣлъ ѣсть, пилъ вино, котораго никто не пилъ. Когда дама выходила изъ дома, онъ слѣдовалъ за ея носилками; когда она путешествовала, его помѣщали въ послѣдней колесницѣ, съ прислугою. Нерѣдко она требовала отъ него самыхъ низкихъ услугъ. Въ дорогѣ на него возлагались заботы о ея собачкѣ, и, если насмѣшникъ Луціанъ говорить правду, то однажды, во время путешествія, такая собачка оценилась въ тотъ именно моментъ, когда философъ держалъ ее на груди, завернутую въ плащъ. Но философъ постоянно жилъ близъ знатной дамы и порою лучъ солнца падалъ на его жалкое существованіе.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ довольно серьезно относились къ философіи. Образованнѣйшія изъ нихъ давно уже утратили вѣру въ національных боговъ; вслѣдствіе сердечной пустоты и душевныхъ тревогъ, многія искали вознагражденія, утѣшенія и надеждъ въ философіи, которая однако не могла имъ дать ничего устойчиваго. Тогда они обратились къ чуждымъ религіямъ, въ особенности же къ восточнымъ, которыя приливали въ Римъ и отсюда распространялись по всей имперіи. Повсюду воздвигались храмы великой Изиды, и египетскіе жрецы пріобрѣтали множество прозелитовъ. Въ первомъ же столѣтіи римской имперіи началось отыскиваніе новой религіи, въ которомъ женщины принимали важнѣйшее и существеннѣйшее участіе. По натурѣ своей склонныя къ самопожертвованію, восторженныя, созданныя скорѣе для вѣры, чѣмъ для сомнѣній, онѣ всегда являлись горячими послѣдовательницами новаго ученія, самыми ревностными, искренними и послушными приверженицами новыхъ апостоловъ. Къ азіатскимъ религіямъ женщинъ влекли аскетизмъ, мистицизмъ и таинственность; но въ слѣдствіи преступныя жрицы и жрецы повергли ихъ въ бездну разврата, скрывавшагося за азіатскими культами. Беззавѣтно преданныя апостоламъ новой доктрины женщины слѣдовали за ними по всѣмъ путямъ, тропинкамъ и окольнымъ дорогамъ экзальтаціи и обмана, особенно когда передъ ними представалъ „дивный магъ“, въ образѣ величественнаго, прекраснаго мужчины, съ мечтательнымъ лицомъ, съ черными блестящими глазами и густою, большою бородою.

Отыскиваніе религіи, какъ симптомъ, само по себѣ было уже явленіемъ отраднымъ. Другіе симптомы также указывали, что нравы и времена готовы измѣниться. Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ римскихъ писателей разсматриваютъ бракъ въ его чистѣйшемъ и высшемъ значеніи, какъ полнѣйшую гармонію жизни между супругомъ и супругою. „Какъ отрадно“ — говоритъ одинъ изъ нихъ — „любить жену во время ея жизни; когда же она умретъ, то любовь къ ней превращается въ религіозную обязанность“. Чувствительность, милосердіе, нѣжныя заботы о родственникахъ и друзьяхъ — все это было не въ характерѣ римлянъ. Объ этомъ ни слова не говорится въ письмахъ Цицерона, но въ письмахъ Плинія Младшаго уже чувствуется вѣяніе подобныхъ чувствъ, а письма Марка Аврелія и его друга Фронтонъ совсѣмъ ужъ не по-римски проникнуты такими вѣяніями. Зарождается новый строй чувствъ и понятій, новыхъ воззрѣній на самую любовь, вполне въ духѣ христіанскаго ученія.

Безъ сомнѣнія, эти новыя чувства были вызваны христіанствомъ, сплотившимъ знатнаго и незнатнаго, богатаго и бѣднаго, свободнаго и раба, въ союзъ братства и

любви. Мы очень мало имѣемъ точныхъ и положительныхъ свѣдѣній насчетъ отношеній римлянокъ къ христіанству въ теченіи первыхъ двухъ вѣковъ имперіи; во всякомъ случаѣ, намъ извѣстно, что на первыхъ порахъ женщины принадлежали къ числу ревностнѣйшихъ, вѣрнѣйшихъ, преданнѣйшихъ, всегда готовыхъ на смерть поборницъ христіанства. Не безъ нѣкотораго основанія мы полагаемъ, что христіанская религія имѣла уже послѣдовательницъ въ средѣ женщинъ семьи Флавіевъ; но, такъ какъ христіанское ученіе дѣйствовало исподволь, тайно и скрытно, поднимаясь снизу вверхъ, то и не подлежитъ сомнѣнію, что оно столь же медленно и тайно овладѣвало женскою душою, пока, наконецъ, не превратило римскую женщину въ женщину-христіанку.

Катонъ и Порція.

V.

Семейная жизнь.

(Семья, рабы и клиенты, обеды).

ЕМЕЙСТВОМЪ, состоящимъ изъ четырехъ могучихъ сыновей, пяти дочерей, и множества принадлежащихъ къ семьѣ, управлялъ слѣпой старецъ Аппій Клавдій Цекусъ, и всѣ повиновались его слову, его приказанію; его боялись рабы, почитали дѣти, и всѣми онъ былъ любимъ; прадѣдовскіе обычаи и нравственность царили въ его домѣ.

Таковъ былъ римскій домъ въ древнія времена. Глава, отецъ семейства, былъ царемъ въ своемъ домѣ и пользовался правомъ жизни и смерти надъ всѣми домохозяевами. Доколѣ глава семейства жилъ, его право не подлежало ограниченію, оставалось неприкосновеннымъ; ни старость, ни слѣпота, ни даже самое безуміе не могли отмѣнить этого права, и исторія свидѣтельствуетъ, что во многихъ случаяхъ оно осуществлялось въ дѣйствительности. Сыновья росли въ почтеніи къ отцу; даже вступленіе въ бракъ и основаніе собственной семьи не освобождали ихъ изъ-подъ власти родоначальника. Только дочери, по выходѣ замужъ, становились въ независимое положеніе относительно главы семьи, хотя все таки онѣ подпадали власти лица, управлявшаго родомъ ихъ мужей. Время смягчило суровость этого права; примѣняться оно стало рѣдко, но окончательная его отмѣна послѣдовала лишь во второмъ столѣтіи имперіи.

Итакъ, воля одного лица господствовала въ римской семьѣ: жена, дѣти и рабы, составлявшіе „familia“, въ широкомъ значеніи этого слова, привыкали къ безусловному повиновенію. Но, какъ „paterfamilias“ часто и надолго отлучался изъ дома, то мѣсто его заступала жена, „matrona“; она управляла семьею, главнымъ образомъ, наблюдала за дѣтьми и даже сама обучала ихъ, подобно Корнеліи, матери Гракховъ. Какъ скоро мальчикъ становился слишкомъ великъ для дѣтской, выходилъ изъ-подъ опеки своей няньки и освобождался отъ ея разсказовъ о томъ, какъ „жили-были нѣкогда царь и царица“,—къ нему немедленно приставляли дядьку или даже учителя, въ лицѣ избраннаго раба. По установившемуся обычаю, всѣ знатные римляне учились греческому языку, въ виду чего въ семью приглашали грека, который, какъ и у себя на родинѣ, назывался педагогомъ. Впослѣдствіи, изученіе греческаго языка предшествовало изученію род-

Письменные принадлежности.

школахъ поступали только люди, потерпѣвшіе неудачу на всѣхъ другихъ поприщахъ. Но преподаватели высшаго разбора, такъ называемые литераторы и риторы, иногда составляли себѣ большое состояніе и добивались высокихъ почестей, особенно если на долю ихъ выпадало счастье обучать принцевъ императорскаго дома. Знатные люди неохотно посылали своихъ дѣтей въ общественныя школы, въ которыхъ царили нравы не изъ лучшихъ; помѣщеніе школъ въ гігіеническомъ отношеніи было дурное, воздухъ былъ въ нихъ спертый; нерѣдко преподаваніе происходило на крышахъ и даже на улицахъ; учитель-

Сцена въ школѣ.

стоянное жительство, греческихъ преподавателей. Августъ пригласилъ къ своимъ внукамъ лучшаго учителя, какой только находился тогда въ Римѣ, Веррія Флакка, помѣстилъ его въ своемъ домѣ и далъ ему постоянное содержаніе. Веррій Флаккъ принялъ предложеніе, съ тѣмъ, однако-жь, условіемъ, чтобы ему было дозволено оставить при себѣ всѣхъ своихъ учениковъ, съ которыми, такимъ образомъ, учились императорскіе принцы. Въ этомъ отношеніи императоры ничего не упускали изъ вида. Агриппина пригласила наставникомъ къ юному Нерону знаменитаго Сенеку; Домиціанъ назначилъ преподавателемъ внуковъ своей сестры—Квинтиліана, а Антонинъ Пій пригласилъ стоика Апполонія для молодаго Марка Аврелія. Но гордый

латинскаго; даже къ дѣвочкамъ приставляли греческихъ боннъ. За педагогомъ слѣдовалъ „magister“. Всѣ публичныя школы принадлежали частнымъ лицамъ, но преподаватели ихъ не пользовались особымъ уваженіемъ, такъ какъ на должность учителя въ начальныхъ

ля, презираемые и скудно вознаграждаемые вольноотпущенники или провинціалы, отличались брюзгливостью и грубостью; розги и палки царили въ школѣ. Поэтому, учителей приглашали ходить на домъ или, по примѣру Эмілія Павла, покорителя Македоніи, брали въ домъ, на по-

ученый на отрѣзъ отказался ходить въ императорскій дворецъ, такъ что Марка Аврелія, которому предназначался тронъ, пришлось посылать на домъ къ учителю, какъ и всякаго ученика. Впослѣдствіи Фронтонъ былъ учителемъ и другомъ Марка Аврелія.

Въ школахъ и у этихъ преподавателей мальчикъ учился родному языку и правильному произношенію, изучалъ греческій языкъ, читалъ греческихъ и латинскихъ классиковъ и поэтовъ, изъ которыхъ многія мѣста заучивалъ наизусть, и упражнялся въ ораторскомъ искусствѣ, составлявшемъ необходимое условіе успѣха для cadaго посвящавшаго себя государственной службѣ. Греческое и римское краснорѣчіе было единственнымъ предметомъ, для котораго государство — произошло это впервые во времена императоровъ — назначало правительственныхъ профессоровъ, лекціи которыхъ посѣщались и взрослыми людьми. Содержаніе профессоровъ равнялось четверному содержанію военнаго трибуна, то есть высшаго военачальника.

Однако, вопросъ о преподаваніи вывелъ насъ за предѣлы римскаго дома; возвращаясь къ семьѣ.

Къ „familia“, въ римскомъ значеніи этого слова, относились также рабы, хотя съ ними обходились далеко не такъ, какъ съ прочими членами семейства. Рабы были необходимы для античнаго государства, которое безъ нихъ немыслимо. Военнопленный дѣлался рабомъ; раба можно было про-

Римскія дѣвушки.

формѣ, какъ въ ихъ отношеніяхъ къ рабамъ. Господинъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ полнымъ властелиномъ своего раба; ему принадлежало право всякаго безчинства, право жизни и смерти надъ рабомъ. Никому до этого не было ни малѣйшаго дѣла, и римляне безсовѣстно пользовались этимъ правомъ. Рабъ, которому удавалось, посредствомъ побѣга, уклониться отъ жестокаго обращенія, считался дикимъ звѣремъ. Поймавъ бѣглеца, его клеймили, распинали на крестѣ и, крѣпко связавъ, живого отдавали въ добычу хищнымъ птицамъ. Такой участи подверглись многіе изъ тѣхъ несчастливцевъ, которые съ отчаянія приняли участіе въ извѣстныхъ войнахъ рабовъ. Если рабъ привлекался къ слѣдствію, если онъ выслушивался только въ качествѣ свидѣтеля, то допрашивали его подъ пыткою; если онъ убивалъ своего господина, всѣ товарищи убійцы предавались смерти. Полліонъ, любимецъ Августа, за незначительный проступокъ отдалъ на съѣденіе муренамъ одного изъ своихъ рабовъ. „Сколько рабовъ, столько враговъ“, — говорили римляне и поступали согласно съ этимъ. Рабъ не имѣлъ права ни думать, ни разсуждать; онъ долженъ спать или работать: замѣтьте, этого требовали только лучшіе изъ рабовладѣльцевъ. Но на дѣлѣ подобнаго рода отношенія смягчались во многомъ; иной рабъ, взрослый въ семьѣ съ дѣтьми своего господина, вступалъ съ

дѣтьми: онъ принадлежалъ своему господину какъ вещь. Таковы были принцы, которыхъ придерживались въ каждомъ античномъ государствѣ, но нигдѣ не проводились они свирѣпѣе и безчеловѣчнѣе, чѣмъ у римлянъ. Нигдѣ суровость и непреклонность характера римлянъ не сказывается въ болѣе рѣзкой, жестокой

Береговой видъ у Байи на мысѣ Мизенумъ.
(На заднемъ планѣ виднѣ Визувій).

Видъ на современныя Аеины.

последними въ известную степень дружбы; другой, своею вѣрностью и старательностью, приобрѣтали довѣріе господина, право на болѣе гуманное обхожденіе и надежду получить свободу. Но законныя смягченія последовали впервые только во время императора Адріана, который ограничилъ право владѣльцевъ пытать своихъ рабовъ, смягчилъ суровость каръ, даже наказалъ одну матрону за жестокое обращеніе съ невольницами и впервые возбудилъ вопросъ о правѣ господина убивать своихъ невольниковъ. Въ это же время, господа и ихъ рабы, какъ братья, начали принимать участіе въ братскихъ трапезахъ, что не осталось безъ благотворныхъ послѣдствій.

Въ древнія времена у римлянъ было немного рабовъ, но многочисленныя войны, расширеніе владѣній имперіи, возрастающія требованія роскоши быстро увеличили и число невольниковъ. Уже въ послѣднія времена республики знатные римляне считали своихъ рабовъ тысячами и раздѣляли ихъ на декуріи, состоявшія подѣ начальствомъ декуріоновъ. Побѣды доставляли римлянамъ множество рабовъ; цѣлыя населенія городовъ, на примѣръ, Карфагена и Нуманціи, продавались въ рабство; торговцы длинными вереницами приводили невольниковъ изъ варварскихъ странъ, сбывавшихъ римлянамъ своихъ военнопленныхъ. Во всемъ государствѣ развилась работорговля, которой средоточіе и, такъ сказать, биржа находилась на островѣ Делосѣ. Въ Римѣ, во всѣхъ главныхъ городахъ и, особенно, въ портовыхъ, возникли рынки работорговли, производившейся съ отвратительною, безсердечною жестокостію, неразлучною съ подобнаго рода промысломъ. Плохой товаръ продавался публично, выставлялся на показъ, осматривался, подвергался оцѣнкѣ и осмѣянію, но хорошій показывали только знатокамъ и богатымъ купцамъ.

Большая часть рабовъ постоянно была занята полеводствомъ или работами въ рудникахъ, поэтому ихъ раздѣляли на рабовъ городскихъ и сельскихъ, прочемъ городской домъ богатаго римлянина насчитывалъ ихъ сотнями, и эта толпа держалась въ порядкѣ плетью, голодомъ, дурною пищею и всегда готовымъ наказаніемъ. Рабы безмолвно должны были двигаться въ домѣ; особый надсмотрщикъ, „*silentarius*“, наблюдалъ за сохраненіемъ въ домѣ тишины; не подвергаясь наказанію, нельзя было чихнуть, промолвить слова и только для рабовъ, которые родились и выросли въ домѣ, допускалось въ этомъ отношеніи небольшое исключеніе. Работы рабовъ распредѣлялись правильно; каждый былъ занятъ, по своимъ способностямъ, и всѣ находились подѣ надзоромъ прокуратора, раба или вольноотпущенника. Въ домѣ служили: „*ostiarus*“, котораго нерѣдко, въ качествѣ привратника, приковывали на цѣпь у воротъ дома; „*atriensis*“, надсматривавшій за атриумомъ; „*cubicularii*“, убиравшіе комнаты; „*cellarius*“, заведывавшій погребомъ. Кухня тоже имѣла своихъ рабовъ: поваровъ, пекарей, пирожниковъ, форшнейдеровъ и тафельдекеровъ. Инымъ изъ рабовъ поручалось храненіе одежды, драгоценныхъ вещей и туалетныхъ принадлежностей хозяина и хозяйки дома. Въ числѣ рабовъ и рабынь находились портные, банщики, парикмахеры, „*ornatrices*“, косметы, „*unctores*“ и такъ далѣе, всякаго рода ремесленники, потому что все потребное для дома изготовлялось въ домѣ и только для дома. Римскій ремесленникъ работалъ не въ виду наживы своего господина, не такъ, какъ работали греческіе фабричныя ремесленники. Особые рабы исполняли должность разсылныхъ и порученія внѣ дома; иные должны были сопровождать своего господина во время выѣздовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ „*promenclator*“, ходячая память хозяина дома: онъ зналъ всѣхъ знакомыхъ семьи, всѣхъ важныхъ людей въ городѣ и, при встрѣчѣ съ ними, шопотомъ сообщалъ своему господину ихъ имена и объ ихъ связяхъ. Дюжіе рабы несли носилки или шли передѣ ними, очищая среди толпы мѣсто для свободнаго движенія шествія. Рабы также потѣшали своего господина: въ числѣ ихъ находились музыканты, пѣвцы, танпоры, фокусники, жонглеры, актеры, шуты, даже карлики и уроды. Если господинъ ихъ имѣлъ склон-

ность къ литературнымъ занятіямъ, то держалъ рабовъ-литераторовъ и ученыхъ, которые въ порядкѣ содержали его библіотеку, списывали для него книги, писали подъ его диктовку, читали ему вслухъ и дѣлали извлеченія, необходимыя для его ученыхъ занятій. Въ числѣ ихъ находились также врачи. Общественные врачи, по большей части греки или греческіе вольноотпущенники, не пользовались въ Римѣ особеннымъ почетомъ, такъ какъ въ числѣ ихъ находилось больше шарлатановъ и обманщиковъ, чѣмъ честныхъ людей. Поэтому, знатные римляне нѣкоторыхъ изъ своихъ интеллигентныхъ рабовъ отдавали учиться медицинѣ.

Фактъ, что рабамъ поручались должности врачей, секретарей и ученыхъ сотрудниковъ, доказываетъ, что со стороны своихъ господъ они пользовались значительною степенью довѣрія; и дѣйствительно, такіе рабы, раньше или позже, получали свободу. Но и въ качествѣ вольноотпущенниковъ они состояли въ извѣстной связи со своимъ господиномъ

Толпа кліентовъ.

и его семьею. Если имъ не удавалось сдѣлать карьеру при императорскомъ дворѣ—что случалось рѣдко—то они дѣлались кліентами.

Кліентъ принадлежалъ не къ семьѣ, а къ „domus“, и пользовался отъ послѣдняго извѣстными выгодами. Вначалѣ, въ самыя древнія времена, кліенты стояли къ патрицію, патрону, въ извѣстнаго рода государственно-правовыхъ отношеніяхъ, уклоняться отъ которыхъ не имѣли права. Они были обязаны почитать своего патрона, служить ему, платить ему оброкъ, за что пользовались его покровительствомъ. Впослѣдствіи государственно-правовыя отношенія ослабѣли и прекратились; однакожъ кліенты остались, причѣмъ отношенія ихъ къ патрону сдѣлались чисто личными. Знатному римлянину необходимы были большая свита и придворный штатъ, который бы сопровождалъ его, когда онъ отправлялся съ визитами, окружалъ его въ судѣ или на форумѣ, рукоплескалъ ему, когда онъ говорилъ рѣчь. Для такихъ обязанностей въ Римѣ всегда было много свободныхъ, но лѣнивыхъ и ничего не имѣвшихъ людей; работать они не хотѣли, а, между тѣмъ, жить было надо. Они поступали на упомянутыя должности къ какому нибудь знат-

ному господину, ко многимъ даже, въ видахъ большихъ заработковъ, и получали отъ нихъ все необходимое въ видѣ „Sportula“. „Sportula“ заключалось или въ деньгахъ, или въ пищѣ, которую кліенты получали въ домѣ патрона. Ихъ снабжали также платьемъ, конечно, поношеннымъ, и тогами, потому что только въ этой важной одеждѣ, togati, дерзали они являться къ патрону и, такъ сказать, во фракахъ свидѣтельствовали ему свое почтеніе и дожидались въ передней.

Казалось бы, служба кліентовъ не трудна, а между тѣмъ горекъ былъ ихъ хлѣбъ. Каждый день они должны были являться въ домъ патрона; если это упускалось ими изъ вида, то ихъ лишали „sportula“, выдаваемой обыкновенно по окончаніи ежедневной службы. Ни дождь, ни снѣгъ, ни непогода, ни даже дальность разстоянія не останавливали кліентовъ: каждый изъ нихъ старался прійти пораньше, чтобы отправиться еще къ другому патрону. Вели они собачью жизнь. Поэтъ Марціалъ, который самъ былъ кліен-

Рабочая комната.

томъ, выдержалъ тридцать лѣтъ такой жизни; наконецъ, онъ возвратился на родину, чтобы хоть одинъ разъ выспаться спокойно. И въ самомъ дѣлѣ, кліенты никогда не знали утренняго сна. На зарѣ, даже темною ночью, они уже шмыгали по улицамъ Рима. Прійдя на мѣсто, имъ приходилось долго шумѣть и тѣсниться въ незапертой передней или на улицѣ, пока привратникъ не соблаговолитъ обратить вниманіе на ихъ стукъ и не впуститъ ихъ въ атриумъ, или пока рабы, утромъ убравшіе весь домъ, не покончатъ своей работы, послѣ чего наступала тишина и спокойствіе. Тогда толпа кліентовъ врывается въ атриумъ, подвергаясь грубостямъ со стороны прислуги и презрительному обращенію со стороны патрона, который преспокойно заставлялъ ихъ ждать. Вздумается ему выйти къ нимъ—онъ выйдетъ, а не вздумается—онъ и просто прогонялъ кліентовъ. Но обыкновенно онъ принималъ ихъ привѣтствія и изъявленія почтенія и, порою, даже обращался съ милостивымъ словомъ къ тому или другому изъ кліентовъ. Подлѣ него неотлучно стоялъ поменклаторъ, шепотомъ подсказывавшій своему господину имена, такъ какъ патронъ не удостоивалъ даже удерживать ихъ въ памяти. Если онъ былъ въ осо-

бенно милостивомъ расположеніи духа, то достойнѣйшаго изъ кліентовъ приглашалъ на обѣдъ; но, въ такомъ случаѣ, приглашенному отводилось за столомъ послѣднее мѣсто, если только онъ не предпочиталъ сидѣть за отдѣльнымъ столомъ и довольствоваться плохую пищу.

Какъ скоро рой кліентовъ шумно разлетался врозь, приходили знакомые и настоящіе друзья дома, чтобы поговорить съ хозяиномъ о дѣлахъ и политикѣ. Кто имѣлъ склонность къ литературнымъ занятіямъ, тотъ удалялся въ свой рабочій кабинетъ, ложился на ложе, читалъ, занимался, размышлялъ, писалъ или диктовалъ письма. Но рѣдко вельможа могъ наслаждаться досугомъ, даже въ своемъ загородномъ домѣ. И ему предстояло выполненіе обязанностей, требуемыхъ вѣжливостію и общественнымъ положеніемъ, и ему приходилось кланяться кое кому поважнѣе, чѣмъ онъ самъ, хотя бы императору только. Это утѣшало кліента въ его неприглядной долѣ. Такъ, Марціалъ говоритъ:

„Да, со стыдомъ признаюсь, я падокъ до обѣдовъ Максима; но и ты, Максимъ, тоже падокъ до обѣдовъ другихъ, — значитъ, мы равны. Прихожу ли я утромъ, какъ мнѣ говорятъ, что ты еще раньше отправился съ поздравленьями, слѣдовательно, мы равны. Да, я сопровождаю тебя, предшествую гордому владыкѣ, но и ты сопровождаешь другихъ, слѣдовательно — опять же мы равны“.

Дворецъ во всемъ служилъ образцомъ для дома знатнаго римлянина. Первоначально, при Августѣ, дворецъ былъ такой же домъ, какъ и всякій другой, только болѣе посѣщаемый, болѣе уважаемый друзьями и кліентами. Являвшіеся къ императору сенаторы, всадники и избранные друзья приглашались на обѣдъ; императрица принимала женъ сенаторовъ. Вольноотпущенники занимали всѣ домашнія должности во дворцѣ, подобно рабамъ въ обыкновенныхъ домахъ. Но домашнія должности сдѣлались придворными, затѣмъ государственными должностями и замѣщались людьми знатными. Императорскій домъ превратился во дворъ, а впослѣдствіи въ азіатскій дворъ со всею торжественно-величавою обстановкою азіатскихъ дакровъ и, конечно, отошелъ далеко отъ частныхъ домовъ.

По окончаніи утреннихъ выѣздовъ, римлянину предстояло еще много дѣла. Дружба и общественное положеніе требовали отъ него множества небольшихъ услугъ, присутствія при семейныхъ празднествахъ, въ судѣ, на лекціяхъ, явокъ въ качествѣ свидѣтеля и визитовъ. Знатный человѣкъ долженъ былъ бывать вездѣ, и въ дѣловомъ бездѣльи проходили для него часы дня. Только немногимъ выпадала счастливая доля скромнаго и довольнаго въ своей безпритязательности поэта Горація, сказавшаго:

„Не надо мнѣ свиты: я хожу одинъ, куда мнѣ вздумается, справляюсь о цѣнахъ на муку и капусту, по вечерамъ брожу вокругъ громаднаго сборища всѣхъ плутовъ — цирка, или на рынкѣ; останавливаюсь подлѣ какого нибудь крикуна, продающаго амулеты, и затѣмъ возвращаюсь домой къ блюду гороха, парея и къ блинчикамъ; три раба изготовляютъ мой обѣдъ“.

За то Горацій могъ, какъ онъ говоритъ, спать сколько ему угодно, не опасаясь, что визиты поднимутъ его рано съ постели. Но для большей части вельможъ отдыхъ — если только это можно назвать отдыхомъ — начинался съ обѣда, которому предшествовали гимнастическія упражненія и купанье.

Вслѣдствіе такого образа жизни, римляне обѣдали поздно вечеромъ. Утромъ, до выхода изъ дома, они закусывали хлѣбомъ съ солью, плодами, сыромъ или оливками; затѣмъ, въ полдень, завтракали, а между полуднемъ и закатомъ солнца, по большей же части гораздо позже, слѣдовала соена, длившаяся обыкновенно до поздней ночи. Завтракъ, *prandium*, состоявшій изъ холодныхъ блюдъ, рыбы, яицъ, устрицъ и разныхъ напитковъ, былъ нѣсколько роскошнѣе; но соена въ полной уже мѣрѣ требовала кулинарнаго искусства и состояла изъ возбуждавшихъ аппетитъ закусокъ, двухъ роскошныхъ, солидныхъ переѣвъ и десерта.

Молодые афинские всадники изъ шествѣя Панаенеевъ.
(По рельефу британскаго музея въ Лондонѣ).

Не такъ роскошничали римляне въ древности, когда пища ихъ, главнымъ образомъ, состояла изъ похлебки изъ полбы (puls), овощей, стручковыхъ плодовъ и, въ особенности, изъ бобовъ; впрочемъ, люди недостаточные всегда питались такою пищею. До 174 года предъ Р. Х. въ городѣ не было ни пекарей, ни поваровъ, промышленившихъ своимъ ремесломъ. Только азіатскія войны впервые познакомили римлянъ съ удовольствіями стола и доставили имъ поваровъ и пекарей—конечно, рабовъ—за которыхъ платились большія деньги. Ъда сдѣлалась предметомъ изученія и наслажденіемъ, а приготовленіе пищи возведено на степень науки и искусства. Республика имѣла своего Лукулла, навсегда давшего свое имя роскошнымъ обѣдамъ, но только въ эпоху императоровъ гастрономія, которую онъ прославилъ (скорѣе, она прославила его), достигла полного развитія и процвѣтанія. Всемирное владычество римлянъ, въ связи съ развитіемъ торговли и промышленности, привлекло въ Римъ все, что было изысканнѣйшаго по части гастрономіи; въ римскую кухню стекались продукты дальняго востока, запада и Индіи, пряности Аравіи, рыбы и черепокожія Атлантическаго океана, дичь Галліи и Германіи, финики оазовъ. Императоръ Вителлій, быть можетъ, величайшій гастрономъ римской имперіи, отправлялъ цѣлые легионы на охоту за дичью въ мѣстности, гдѣ, по его мнѣнію, водилась самая лучшая дичь, и приказывалъ своимъ флотиліямъ доставлять ее въ Римъ, въ возможно кратчайшій

Вителлій.

срокъ. Желудокъ одного человека заставлялъ работать такое множество людей! Въ видахъ кулинарныхъ наслажденій, въ это время начали устраивать рыбные садки, заведенія для выводки птицъ и откармливанія четвероногихъ животныхъ. Тогда же, за особенно крупные экземпляры рыбы, привозимой на рынокъ, богатые гастрономы платили баснословныя суммы; впрочемъ,

анекдотическая исторія гласитъ, что дѣлалось это ими собственно изъ бахвальства, чтобы въ городѣ прошла лестная молва объ ихъ тароватости, а не въ виду гастрономическихъ утѣхъ.

Рыба, устрицы, раковины, улитки и другія черепокожія, подававшіяся за столомъ римлянъ въ гораздо большемъ разнообразіи, чѣмъ у насъ, доставлялись въ Римъ изъ всѣхъ частей имперіи. Какой нибудь лакомка тотчасъ же смекалъ, гдѣ можно достать тотъ или другой предметъ и какъ приготовить его повкуснѣе. Любимую рыбу римлянъ, mullus, убивали тутъ же, предъ гостями, съ цѣлью показать, что она совершенно свѣжа. Когда многовосхваленныя итальянскія устрицы пріѣли, тогда стали выписывать предковъ „natives“ изъ Британіи. Вилла доставляла куръ, откормленныхъ въ темномъ мѣстѣ, утокъ и гусей, разжирѣвшихъ на фигахъ и финикахъ, а воларіумъ—дроздовъ, бе-

касовъ, перепелокъ, фазановъ и мелкую птицу. Въ большомъ количествѣ употреблялись также въ пищу журавли, аисты, фламинго и, въ особенности, павлины. Вителлій и Апицій — эти прославленные объѣдалы — приказывали готовить себѣ кушанья изъ языковъ фламинго, а Геліогабалъ изъ мозговъ этихъ птицъ. Знаменитый гастрономъ Апицій проѣлъ все свое состояніе; оставшись съ однимъ только милліономъ и полагая, что при такихъ условіяхъ жить уже не стоитъ, онъ лишилъ себя жизни. Изъ четвероногихъ животныхъ наибольшимъ уваженіемъ римлянъ пользовались свиньи, мясо которыхъ приготовлялось въ пятидесяти различныхъ видахъ. Дикіе кабаны нерѣдко подавались на столъ цѣликомъ, и знатоки опредѣляли, изъ какой именно мѣстности доставлена дичь. Римляне были большіе охотники до колбасъ, въ какомъ бы видѣ послѣднія ни изготовлялись: холодныя, горячія или жареныя. Сосиски продавались на улицахъ въ небольшихъ жестяныхъ печахъ. Лучшія колбасы и окорока доставляла Галлія. Не было также недостатка въ различныхъ сортахъ салата и въ овощахъ; спаржа возвращалась громадныхъ размѣровъ; имѣлась различныхъ родовъ капуста, свекла, артишоки, тыквы и огурцы, горохъ и бобы, грибы, трюфели и разныя травы, для приправы яствъ.

Въ такой же мѣрѣ у римлянъ не было недостатка въ хорошихъ и тонкихъ винахъ, бережно хранившихся въ глиняныхъ сосудахъ и бутылкахъ. Чѣмъ старѣе было вино, тѣмъ выше оно цѣнилось. Лѣта вина обозначались на маленькой дощечкѣ, съ приведе-

Стеклянная посуда.

римлянъ наполнились греческими винами. Обычаи римлянъ, по мѣрѣ развитія роскоши, вполне согласовались съ обычаями грековъ, несравненно однакожъ превосходя послѣдніе по пышности. По этой причинѣ римляне, подобно грекамъ, всегда пили разбавленное водою вино, охлаждали его снѣгомъ, а въ холодное зимнее время приготовляли горячій напитокъ, *calda*, состоявшій изъ вина, воды, меда и пряностей. Для приговленія этого напитка имѣлся особый сосудъ, по устройству своему и находившейся внутри его жаровнѣ очень, похожій на русскій самоваръ. Другой напитокъ, *mulsum*, подававшійся часто за завтракомъ, приготовлялся изъ меда, морса и пряностей.

Такимъ образомъ, римляне могли обильно снабжать свой столъ яствами, и, хотя кое что изъ извѣстнаго намъ возбуждаетъ сомнѣніе на счетъ тонкости ихъ вкуса, тѣмъ не менѣе, кулинарное искусство римлянъ дѣлаетъ имъ величайшую честь. Еще во времена Цезаря, на одномъ обѣдѣ, въ которомъ участвовало шесть жрецовъ и столько же жрицъ, на столъ были поданы слѣдующія перемены: закуска, предназначавшаяся собственно для возбужденія аппетита, и состоявшая изъ морскихъ ежей, устрицъ, двухъ сортовъ раковинъ, дроздовъ и спаржи, откормленныхъ куръ, соуса изъ раковинъ и устрицъ, черныхъ и бѣлыхъ каштановъ; затѣмъ слѣдовали различныя раковины и морскія животныя, винноградники, жаркое изъ серны, дикаго кабана, домашней птицы и винноградниковъ, запеченныхъ въ тѣстѣ; третья и главнѣйшая перемена состояла изъ свиного вымени, сви-

ніемъ имени консула, при которомъ изготовлено вино. Кампанія производила лучшія вина въ Италіи. Какубское вино по достоинству занимало первое мѣсто, второе принадлежало фалернскому, третье же мѣсто оснаивали другъ у друга многія вина. Человѣкъ, пившій ватиканское вино, составлялъ предметъ общаго соболѣзнованія. Вскорѣ погребав

Серебряная посуда временъ Августа.

ной головы, фрикассы изъ рыбы, фрикассы изъ свиного вымени, разныхъ сортовъ и различнымъ образомъ приготовленныхъ утокъ, зайцевъ, жареныхъ птицъ и мучныхъ блюдъ. Впослѣдствіи это меню значительно было пополнено въ отношеніи кондитерскаго искусства. За десертомъ кондиторъ состязался уже съ ваятелемъ, изумляя какъ богатствомъ своей фантазіи, такъ и законченностью своихъ произведеній, и въ полномъ блескѣ выказывалъ свой талантъ.

Римлянинъ столько же заботился объ аппетитности и вкусѣ своихъ яствъ, сколько и о доставленіи удовольствія глазамъ. Въ его буфетѣ имѣлись серебряные, золотые, стеклянные

ма и его любви къ искусству. Столовая выбиралась такимъ образомъ, чтобы, смотря по времени года, она была или прохладна, или тепла. Въ ней находились превосходныя мозаическія и живописныя картины, въ особенности же такія, которыя относились къ столу и изображали рыбъ, птицъ, дичь и плоды. Столовая была даже больше другихъ комнатъ. Такъ какъ знатный римлянинъ, по установившемуся обычаю, долженъ былъ устраивать у себя большія пиршества, то столовой обыкновенно сообщались размѣры громадной, украшенной колоннами залы.

Мирная жизнь.
Стѣнная живопись въ Геркуланумѣ

и дорогіе каменные сосуды; серебряные или бронзовые, изящной работы, канделябры и лампы; обѣденные столы и ложа изъ дорогаго дерева, слоновой кости или металла; мягкіе матрасы, шелковые или вышивные чехлы, восточныя покрывала. Все это должно было свидѣтельствовать о богатствѣ хозяина до-

Обѣдъ римлянъ.

Въ своемъ обыкновенномъ и простѣйшемъ видѣ, столовая называлась триклиніумомъ, т. е. треложіемъ. Названіе это принадлежало собственно обѣденному столу и его скамьямъ, или ложамъ. Въ то время, когда установились формальные обѣденные обычаи, столамъ постоянно давалась четырехъ-угольная форма. По тремъ сторонамъ стола стояли ложа для гостей, а четвертая оставалась свободною съ тѣмъ, чтобы слуги, приносившіе кушанья, искусно и въ порядкѣ разставленныя на подносахъ, могли съ этой стороны подавать яства на столъ. За каждымъ изъ трехъ столовъ помѣщалось по три особы; среднее треложіе считалось почетнѣйшимъ. Такимъ образомъ, девять персонъ составляли полный триклиніумъ. Смотря по числу гостей, увеличивалось и число треложій — очень хороший обычай, такъ

Римская цвѣточница.
(Стѣнная живопись).

лѣнію, нѣкоторые изъ нихъ могли потягаться съ мужчинами по склонности къ обжорству и вину. Только дѣти помѣщались на нижнемъ концѣ семейнаго стола. На пиршествахъ гости возлагали на голову и даже на грудь вѣнки изъ плюща, розъ и фіалокъ; въ такихъ случаяхъ римляне другихъ цвѣтовъ не употребляли, тѣмъ болѣе, что розы круглый годъ имѣлись на цвѣточномъ рынкѣ.

какъ при девяти застольникахъ возможна общая и оживленная бесѣда, въ то время какъ за нынѣшними большими столами каждый ограничивается бесѣдою только со своимъ соседомъ.

Римляне и римлянки, по крайней мѣрѣ въ первыя времена имперіи, возлежали за обѣдомъ наискось ложа, имѣя подъ лѣвою рукою подушку. Римляне заимствовали всѣ обычаи грековъ, за исключеніемъ обычая, не позволявшаго женщинамъ присутствовать за обѣдами. Но женщины составляли всю прелесть, такъ сказать, приправу римскаго обѣда; къ сожа-

За обѣдомъ интеллигентные люди довольствовались остроумною бесѣдою и даже не могли выносить шумной музыки; но не у всякаго хватало для этого ума. Хотя римлянинъ, подобно греку, за умными рѣчами и острымъ словомъ въ карманъ не ходилъ, тѣмъ не менѣе вошло въ обычай за обѣдомъ всячески забавлять гостей. Обѣдъ сопровождался музыкою; декламаторы и чтецы старались улаждать слухъ и сердце застольниковъ; смуглые, ловкія андалузки исполняли свои сладострастные танцы; фигляры и канатные плясуны продѣлывали разные фокусы; скоморохи истощались въ пошлыхъ выходкахъ и балаганномъ остроуміи, актеры выступали въ комедіяхъ и трагедіяхъ, пантомимики исполняли нерѣдко довольно скабрёзнаго свойства сцены, разумѣется, если за обѣдомъ не присутствовали женщины. Во всемъ этомъ проглядывало что-то грубое, дѣланное, являясь какъ бы пополненіемъ недостававшей римлянамъ способности къ живымъ бесѣдамъ. Но главное начиналось послѣ того, какъ яства убирались со стола и когда гости приступали къ попойкѣ, къ симпозиону, совершавшемуся вполнѣ на греческій образецъ, съ „королемъ“ во главѣ.

Римляне времени имперіи требовали всегда чего нибудь необыкновеннаго, а потому въ отношеніи стола и связанныхъ съ нимъ удовольствій имъ впадали на умъ порою самыя странныя затѣи. Неронъ, на примѣръ, приказалъ устроить въ своемъ золотомъ дворцѣ обѣденный, покрытый куполомъ залъ, который день и ночь вращался вокругъ своей оси. Оттонъ, любимецъ

Музыкальные увеселенія.
(Стѣнная живопись).

Нерона, во время одного пиршества, даннаго имъ въ честь своего царственного повелителя, изъ золотыхъ и серебряныхъ трубъ, внезапно открытыхъ во всѣхъ концахъ залы, окатилъ гостей благоухающими потоками драгоценныхъ эссенцій, залившихъ весь полъ залы. Неронъ подражалъ этой затѣѣ, приказавъ однажды открыть куполъ обѣденной залы и осыпавъ гостей градомъ цвѣтовъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, подъ вымышленнымъ названіемъ пира Тримальхіона, Петроній описываетъ пиръ Нерона. Этотъ великій кутила постоянно изумлялъ своихъ гостей чѣмъ нибудь необыкновеннымъ, какъ это зачастую водилось тогда и пользовалось всеобщимъ одобреніемъ. Когда гости размѣстились, молодые египетскіе рабы обмыли имъ ноги и руки холодною водою. Два другихъ раба поставили на столъ закуску на украшенномъ черепаховыми инкрустаціями подносѣ, посрединѣ котораго стоялъ мѣдный осель. По бокамъ осла висѣли двѣ серебряныя корзиночки, наполненныя черными и бѣлыми оливками. На ослѣ сидѣлъ Силентъ, лившій изъ мѣха любимѣйшую подливку римлянъ, гачин. Тутъ же лежали на серебряномъ рашперѣ сосиски, какъ бы подогрѣваемые на угольяхъ, изображенныхъ сливами съ красными зернышками гранатъ. Когда гости принялись за кушанья, каждый по своему выбору, на мѣстѣ перваго блюда появилось другое; то была выточенная изъ дерева, съ распушенными крыльями курица, какъ бы сидѣвшая на яйцахъ. Дѣйствительно, подъ нею лежали павлиньи яйца, которыя и были предложены гостямъ вмѣстѣ съ серебряными ложками. Но дѣло въ томъ,

что яйца эти были искусственные: когда ихъ разбили, то въ каждомъ изъ нихъ оказалось по одному цыпленку, а каждый цыпленокъ, въ свою очередь, оказался винноградникомъ.

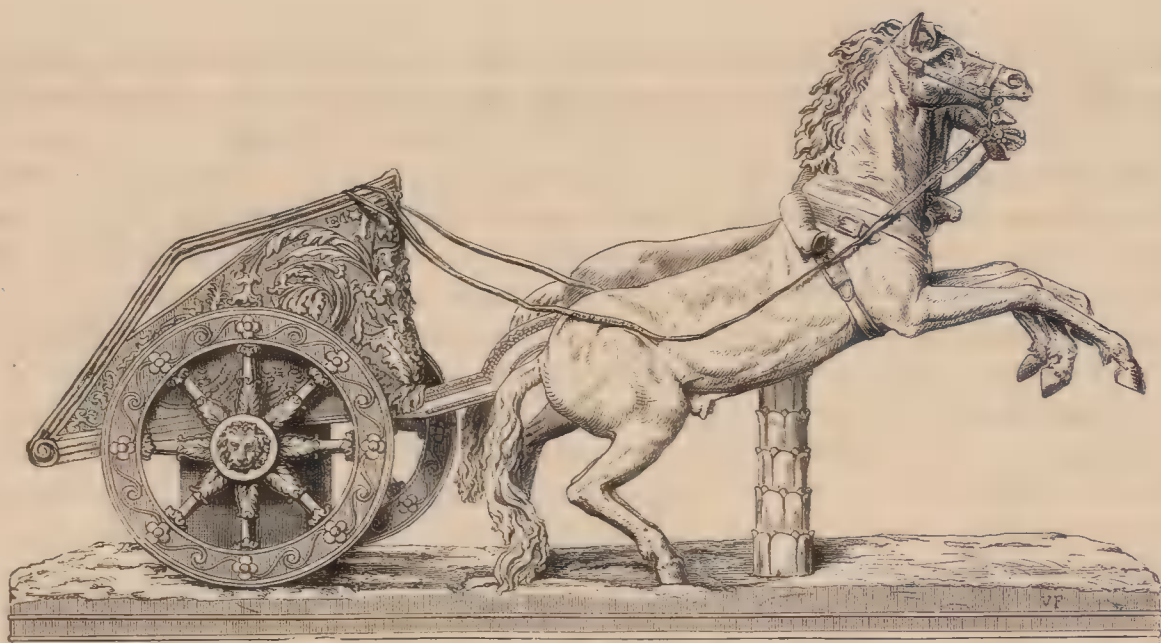
Когда закуску убрали, на столѣ появилось столѣтнее вино—предметъ чрезвычайно нѣжнаго вниманія—и затѣмъ принесли другой подносъ, собственно вторую перемену обѣда. Новая неожиданность! На подносѣ стояли самыя обыкновенныя блюда, но какъ скоро съ нихъ сняли крышку, глазамъ пораженныхъ гастрономовъ представились голуби и дрозды, каплуны и утки, великолѣпная рыба mullus и камбалы. Посрединѣ подноса помѣщался заяцъ, превратившійся, при помощи искуснаго убранства изъ перьевъ, въ Пегаса. Тоже затѣя! Но вотъ является scissor и граціозно, ловко и проворно разрѣзываетъ яства, подѣ тактъ музыки.

Слѣдующее блюдо состояло изъ дикаго кабана, на клыкахъ котораго висѣли наполненныя финиками корзиночки, сплетенныя изъ вѣтвей пальмы. Подлѣ кабана лежало восемь поросятъ, искусно сдѣланныхъ кондиторомъ изъ сладкаго тѣста. Согласно съ обычаемъ, каждый изъ гостей бралъ домой по одному поросенку. Къ общему изумленію, за дикимъ кабаномъ слѣдовала простая домашняя свинья, повидимому, даже невыпотрошенная. Позвали повара и дали ему порядочный нагоняй за такое упущеніе, но онъ однимъ ударомъ ножа распоролъ животъ свиньи, и изъ нея вывалилась цѣлая груда самыхъ аппетитныхъ сосисокъ. Между тѣмъ, свинью убрали; всѣ ждали десерта, какъ вдругъ надъ гостями раскрылся потолокъ и внизъ спустился серебряный кругъ, уставленный серебрянными и алебастровыми флакончиками для благовоній и мазей, серебрянными вѣточками и другими подобнаго рода хорошенькими вещицами, которыя гости тоже брали домой на память. Десертъ также заслужилъ дань всеобщаго удивленія: печенья явились въ видѣ различныхъ раковинъ и дроздовъ, а айвы, съ воткнутыми въ нихъ миндалинами, изображали собою морскихъ ежей. Посрединѣ круга стоялъ Вертумній, съ цѣлымъ ворохомъ всякихъ плодовъ на груди. Гости набросились на яблоки и виноградъ, но, при каждомъ прикосновеніи къ плодамъ, лакомокъ обдавало струями шафранной эссенціи.

Иначе потѣшился однажды надъ своими гостями Домиціанъ. Было это въ то время, когда тиранъ этотъ распространялъ вокругъ себя страхъ и ужасъ. Однажды вечеромъ онъ устроилъ для народа великолѣпное пиршество, а на слѣдующій день пригласилъ къ себѣ изъ Рима первѣйшихъ сенаторовъ, всадниковъ, самыхъ извѣстныхъ и богатыхъ людей и, притомъ, въ поздній часъ ночи. Явились они ночью и нашли пиршественную залу всю задрапированною чернымъ. Стѣны, полъ, потолокъ, ложа безъ подушекъ—все было черное. Подлѣ cadaго мѣста, какъ „memento mori“, стояла небольшая надгробная колонка съ начертаннымъ на ней именемъ гостя и маленькія лампы, какія обыкновенно употреблялись при похоронахъ. Вошли молодые, нагіе, черные рабы, исполнили, точно призраки, какую-то фантастическую пляску и затѣмъ усеѣлись у ногъ гостей; кушанья подавались въ черной посудѣ, какъ на похоронныхъ обѣдахъ. Въ залѣ царило глубокое, мертвое молчаніе, по временамъ только раздавался голосъ Домиціана, говорившаго о смерти и смертныхъ казняхъ. Наконецъ, гости удаляются, не находя однакожъ въ передней своихъ рабовъ. Неизвѣстные слуги помогаютъ имъ сѣсть въ носилки и сопровождаютъ ихъ домой. Едва только они начали оправляться отъ страха, какъ имъ докладываютъ о посланцѣ отъ императора. На этотъ разъ это была внимательность со стороны владыки. Въ память объ этомъ миломъ пиршествѣ, онъ подарилъ каждому приглашенному на пиръ по одной серебряной надгробной колонкѣ, на которой было начертано имя гостя, какойнибудь сосудъ, употребившійся при похоронахъ, и по одному изъ тѣхъ молодыхъ демоновъ, которые прислуживали гостямъ, но которые явились теперь опрятные, изящно убранные и улыбающіеся.

Только демонъ, подобный Домиціану, могъ позволить себѣ такую дьявольскую шутку!

Римская бѣговая колесница.

VI.

Жизнь общественная.

(Улицы, бани, зрѣлища).

СЕМИРНЫЙ городъ не освѣщался по ночамъ. Факелы и фонари, при свѣтѣ которыхъ возвращался домой какой-нибудь вельможа съ поздняго пира, только усиливали мракъ узкихъ и кривыхъ улицъ. Тротуары содержались въ исправности, мостовыя были хороши, существовали даже цѣлыя коргорты ночныхъ стражей, но съ наступленіемъ ночи нигдѣ въ городѣ не было безопасности, повсюду грозила бѣда. Римъ сдѣлался убѣжищемъ воровъ и плутовъ, находившихъ здѣсь богатую добычу и понимавшихъ, что въ многочисленныхъ трущобахъ города имъ гораздо привольнѣе, чѣмъ въ селахъ. Съ наступленіемъ ночи и тишины, подобно совамъ, они выходили изъ своихъ лазеекъ. Хмѣльные ночные гуляки, знатные молодые люди, толпами возвращавшіеся домой съ пирушекъ, изъ притоновъ разврата и храмовъ Венеры, въ сопровожденіи рабовъ, составляли чистое наказаніе и несчастье для ночного пѣшехода. Горе тому, кто попадался въ ихъ руки! Даже дамы императорской фамиліи, съ товарищами и подругами бродили ночью по улицамъ Рима. Юлія, на примѣръ, недостойная дочь Августа, изгнанная за дурное поведеніе своимъ отцомъ, и императрица Мессалина, развратнѣйшая женщина, для которой не суще-

ствовало ни слишкомъ мерзкихъ, ни слишкомъ низкихъ притоновъ разврата. Неронъ тоже находилъ удовольствіе въ подобнаго рода ночныхъ скитаніяхъ, при которыхъ и другимъ доставалось отъ него, да и ему отъ другихъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто могъ бы подумать, что этотъ ночной забіяка—самъ императоръ!

Впрочемъ, ночью въ городѣ и безъ того было много шума, проникавшаго въ дома и не дававшаго спать утомленнымъ квиритамъ. По улицамъ громыхали ломовыя телѣги, такъ какъ все доставляемое въ Римъ—строительный матеріалъ, товары и жизненные припасы—привозилось въ городъ ночью. Ломовымъ телѣгамъ не дозволялось ѣздить по улицамъ Рима днемъ. На разсвѣтѣ, порожнемъ или съ кладью, онѣ оставляли городъ, также какъ и дорожные экипажи, высылавшіеся рано утромъ къ городскимъ воротамъ, гдѣ они ждали своихъ хозяевъ, прибывавшихъ къ нимъ въ носилкахъ. Ѣздить въ экипажахъ днемъ дозволялось въ городѣ только немногимъ: триумфаторамъ, вестал-

Форумъ въ настоящее время.

камъ, а въ послѣдствіи и знатымъ дамамъ, отправлявшимся въ театръ. Обыкновенно вездѣ въ городѣ носилки замѣняли собою экипажи.

Едва только начинало брезжить утро, какъ улицы Рима оживлялись уже кліентами, торопившимися къ своимъ патронамъ. Вскорѣ появлялись и школьники, такъ какъ на разсвѣтѣ они должны были находиться въ своихъ школахъ. Затѣмъ валили уже цѣлыя полчища торговцевъ и торговокъ, выкрикивавшихъ свой товаръ или отправлявшихся на рынокъ въ свои лавки. Отпирались магазины и лавки, помѣщавшіеся въ нижнихъ этажахъ домовъ; кабаки и трактиры, которые легко узнавались по висѣвшимъ на нихъ на цѣпяхъ бутылкамъ и размалеваннымъ вывѣскамъ, открывали свои двери для голоднаго и жаждущаго рабочаго люда; рынки наполнялись народомъ; ремесленники шли въ свои мастерскія; вездѣ начиналась стукотня молотковъ, шумъ, крикъ, къ до- садѣ и ужасу охотниковъ поспать, проклинавшихъ и Римъ, и его неугомонную суетню.

За рабочими и продавцами слѣдовали покупатели и простые зѣваки. Рабы быстрыми

шагами шли по улицамъ; квириды двигались степенною, важною походкою. Вообще, у нихъ было достаточно свободного времени, если служебныя обязанности, интересы партій или простое любопытство не влекли ихъ въ политическія собранія, на форумъ или въ судъ, гдѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и подъ вліяніемъ политическихъ событій дня, они просиживали по цѣлымъ часамъ и даже по цѣлымъ днямъ. Но во время имперіи это представляло мало значенія. Въ то время въ Римѣ находилось пятьсотъ тысячъ праздныхъ людей, проводившихъ большую часть дня на улицахъ и площадяхъ. Они ничего не дѣлали, а между тѣмъ были чрезвычайно заняты. Суетились они и бѣгали собственно для того, чтобы усиливать давку. Они спѣшили съ визитами изъ одного конца города въ другой, сами не зная, къ кому и куда; свѣтъ долженъ былъ только ихъ видѣть и убѣдиться, что они существуютъ на свѣтѣ. Другіе отправлялись „shopping“. Поспѣшно проходя мимо тавернъ и бросая взглядъ презрительнаго омерзѣнія въ ихъ закоптѣлую внутренность, они останавливались предъ лавками или входили въ магазины, которые востокъ снабжалъ драгоценными тканями, а греки — благороднѣйшими произведеніями искусства. Съ видомъ знатоковъ они критиковали произведенія скульптуры, обнюхивали бронзовыя вазы, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли онѣ изъ Коринѳа, мѣ-

Улица въ Помпѣѣ.

новавшейся на форумъ и двигавшейся по Марсову полю, чтобы другихъ посмотреть и себя показать, съдобородый греческій философъ наталкивался на сыновъ сѣвера, даковъ и русыхъ, одѣтыхъ въ мѣха, германцевъ; черный нубіецъ встрѣчался съ татуированнымъ бриттомъ, съ галломъ въ короткомъ клѣтчатомъ плащѣ, съ арабомъ пустынь или съ дикимъ кочевникомъ сарматскихъ степей; варвары сѣвера и юга, востока и запада должны были уступать дорогу какому-нибудь изящному царедворцу или знатной дамѣ, возлежавшихъ, въ качествѣ представителей высшей культуры и элегантности, на пышныхъ подушкахъ своихъ носилокъ. Хорошо было на улицахъ этимъ важнымъ господамъ: рабы и кліенты локтями очищали имъ дорогу. Но и на нихъ

ряли столы изъ цитроваго дерева, съ цѣлью узнать, годятся-ли они имъ по величинѣ, браковали ихъ, заявляя, что они слишкомъ малы, приказывали откладывать себѣ въ сторону дорогія вещи и, наконецъ, уходили изъ магазина, купивъ какую-нибудь бездѣлицу.

Но Римъ, всемірный городъ, не былъ уже городомъ однихъ только квиридовъ: то былъ весь міръ въ уменьшенномъ видѣ. Въ Римѣ говорили на сотняхъ различныхъ языковъ, носили сотни различныхъ одеждъ. Въ громадной толпѣ, переполнявшей утромъ улицы, вол-

лежало выполненіе обязанностей, требуемыхъ вѣжливостію. Ихъ положеніе требовало, чтобы они позволяли цѣловать себя всѣмъ — знатнымъ и незнатнымъ, людямъ, упивавшимся виномъ и питавшимся чеснокомъ, — словомъ, всѣмъ, кто только причислялъ себя къ кругу ихъ знакомыхъ, такъ что нерѣдко эти знатные господа возвращались домой „мокрые отъ лобзаній цѣлаго Рима“.

Порою потокъ толпы разомъ останавливался: это значило, что густыя группы народа глазѣли на какую-нибудь диковинку, великана или карлика, уроды, достопримѣчательность или рѣдкое произведеніе природы, которые со всѣхъ концовъ міра стекались въ Римъ. Намѣстники и магистраты присылали ихъ императору, который любезно выставялъ ихъ на показъ публикѣ, а праздный и падкій до зрѣлищъ народъ всегда имѣлъ охоту и время потѣшаться послѣдними. Иногда проходящихъ останавливало какое-нибудь объявленіе, надпись на стѣнѣ или громадными буквами начертанное и покрывавшее домъ сверху до низу политическое приглашеніе избрать на извѣстную должность того или другаго — какъ это водится и въ наше время въ городахъ Англіи — или же наконецъ, какое нибудь міровое извѣстіе, а то и частное объявленіе о продажѣ, наймѣ, представленіяхъ и достойныхъ вниманія предметахъ.

На стѣнахъ домовъ Помпей сохранилось множество образчиковъ такого рода стѣнной литературы, разоблачавшей жизнь провинціального римскаго города и, можно даже ска-

C. CAVIVM RVFVM ^{II VIR}
_{OF}
UTILEM R. P. VESONIUS PRIMVS ROGAT

Надпись на домѣ въ Помпѣѣ.

Caïum Cavium Rufum duumvirum (Ora vos facite)
utilem reipublicae Vesonius Primus rogat.

зять, жизнь частныхъ людей. „Прошу васъ, изберите Веттія эдиломъ“, — такъ зоветъ одинъ избира- тель ко всѣмъ вообще, а въ частности — къ пекарямъ, столярамъ, цирюльникамъ,

продавцамъ мазей, погонщикамъ муловъ и къ клубу игроковъ въ мячъ. Вообще, всѣ кандидаты — люди честные, добрые граждане, надѣленные всевозможными добродѣтелями. Нѣкто начерталъ на стѣнѣ, что именно отдается въ наемъ въ его домѣ; одинъ трактирщикъ, объявляя, что онъ заново отдѣлалъ свое заведеніе подъ вывѣскою „Слона“, — при этомъ даже приводится изображеніе самого слона — выражается слѣдующимъ образомъ: „28 августа состоится травля звѣрей, причемъ Феликсъ вступитъ въ бой съ медвѣдемъ“. Въ одномъ объявленіи по такому-же случаю говорится, что надъ театромъ будетъ натянутъ пологъ для защиты зрителей отъ лучей солнца, а въ другомъ осторожно присовокупляется фраза: „если позволитъ погода“.

Мы сказали, что къ этимъ стѣннымъ надписямъ, разоблачавшимъ даже частную жизнь римлянъ, въ равной мѣрѣ прибѣгали ненависть, злоба и любовь. Такъ, рядомъ съ изъявленіями вѣжливости, привѣтствіями и лестію, встрѣчаются ругань и оскорбленія. Санній пишетъ Корнелію: „Хоть-бы ты повѣсился“. Такого-же рода любезное пожеланіе высказывается нѣкому Баркасу: „хотя бы ему чахотка“. „Лгунъ“, „плутъ“ и подобнаго рода лестныя наименованія даются многимъ. Одинъ отверженный блуд- лизъ, не приглашенный Луціемъ Итацидомъ на обѣдъ, заявляетъ послѣднему: „Кто не приглашаетъ меня обѣдать, того я считаю варваромъ“. Очень откровенно! Но еще откровеннѣе въ этомъ отношеніи любовь. „Мэта любитъ Хрѣста“, „Авгія любитъ Антонія“ — вотъ не только откровенное, но даже публичное признаніе въ любви. Одинъ жа- луется, что Сера покинула его; другой, по имени Зосимъ, умоляетъ Викторію вспомнить о его молодости и помочь ему деньгами. И поэзія тоже находитъ мѣсто на стѣнахъ Помпей.

„Со словъ Амура пишу я, любовь водить моею рукою: быть безъ тебя даже богомъ — для меня горше самой смерти“.

Въ этихъ выпарапанныхъ на стѣнахъ, раскрашенныхъ, дурно или хорошо состря-

панныхъ произведеніяхъ литературы афишъ сказывается жизнь небольшого провинціального города. Если-бы подобнаго же рода литература сохранилась въ Римѣ, она повѣдала-бы намъ болѣе интересныя вещи; во всякомъ случаѣ, первая является подобіемъ второй, хотя, быть можетъ, подобіемъ и слабымъ.

Послѣ полудня дѣловая жизнь постепенно стихала въ Римѣ. Свободный и независимый гражданинъ, если, притомъ, онъ былъ здоровъ и молодъ, упражнялся въ гимнастикѣ, отправлялся въ баню и затѣмъ обѣдалъ. Гимнастическія упражненія не имѣли въ Римѣ того національнаго значенія, которое придавалось имъ въ Греціи, а потому и не производились систематически и согласно съ требованіями искусства. Къ тому-же, они были очень нетрудны и заключались только въ игръ въ мячъ, очень любимой римлянами, въ метаніи дисковъ и въ бояхъ на мечахъ, причемъ противника изображалъ собою столбъ. Поэтому, гимнастическія упражненія въ Римѣ не требовали обширныхъ помѣщеній и общественныхъ сооружений, подобныхъ греческимъ гимназіямъ. Главное можно было продѣлать и у себя на дому. Но такъ какъ они непосредственно предшествовали обѣду, то вообще помѣщенія, предназначавшіяся для гимнастики, находились въ связи съ банями, термами.

Термы эти, составляя особенность жизни римлянъ и принадлежность величайшихъ произведеній архитектуры, замѣняли собою греческія гимназіи въ смыслѣ помѣщеній, въ которыхъ собирались для бесѣды люди всѣхъ возрастовъ. Но мало по малу они сдѣлались также и мѣстами удовольствій. Римляне всегда любили купанье въ холодной водѣ, безъ всякихъ затѣй. Но богатство, роскошь и изнѣженность исподволь создавали бани—зданія очень сложнаго устройства, чрезвычайно обширныя и роскошно отдѣланныя. Вскорѣ онѣ возникли въ каждомъ городѣ Италіи и въ провинціяхъ,—на столько нуждалась въ нихъ повседневная жизнь римлянъ. Къ холоднымъ банямъ, *frigidarium*, присоединились теплыя и горячія, *tepidarium* и *caldarium*. Изъ однѣхъ въ извѣстной постепенности переходили въ другія. Сначала купающійся сидѣлъ въ потовой банѣ, затѣмъ оканивался холодною водою и переходилъ въ баню холодную. Плавали въ выложенныхъ камнемъ бассейнахъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ. Водопроводы доставляли въ бани самую чистую воду, нагрѣваемую изъ-подъ пола до извѣстной степени теплоты; хорошо устроенная система трубъ доставляла холодную, теплую и горячую воду вездѣ, гдѣ въ ней оказывалась надобность. Вода каскадами ниспадала по мраморнымъ ступенямъ и скоплялась въ сводчатыхъ, освѣщенныхъ бассейнахъ.

Съ термами, какъ уже сказано, находились въ связи помѣщенія для игры въ мячъ и гимнастическихъ упражненій. Независимо отъ этого, въ нихъ имѣлись залы для бесѣды, помѣщенія, въ которыхъ читались публичныя лекціи, писатели и поэты читали свои новѣйшія произведенія, а виртоузы исполняли музыкальныя пьесы; тамъ-же находилась библіотека, которою каждый имѣлъ право пользоваться. Такимъ образомъ, термы посѣщались не только одними купальщиками; въ нихъ приходили для того, чтобъ побесѣдовать, повидаться съ знакомыми, назначали тамъ свиданія, болтали, прогуливались, читали и узнавали все новости изъ сферы политики, науки, искусства и ежедневной жизни. Обыкновенныя бани находились въ безчисленномъ множествѣ во всѣхъ частяхъ города, но вслѣдствіе громадности размѣровъ и самаго устройства любимыхъ народомъ термъ, послѣднія встрѣчались въ Римѣ въ очень ограниченномъ количествѣ. Кто хотѣлъ снискать расположеніе римскаго населенія, тотъ строилъ для него термы. Такъ. Агриппа сооруженныя имъ термы близъ Пантеона первый подарилъ народу. Термы Тита. Каракаллы и Діоклитіана, даже развалинами своими возбуждающія въ насъ чувства изумленія и удивленія и только отчасти воспроизведенныя художникомъ на нашемъ рисункѣ, отличались грандіозностью и обширностью, роскошью отдѣлки, украшеніями изъ дорогихъ сортовъ мрамора, живописью, мозаикою и произведеніями ваянія.

Минеральные горячіе источники, заведенія для морскихъ и минеральныхъ купаній также превратились въ мѣста удовольствій. Римлянинъ вездѣ искалъ ихъ, даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ; переселяясь туда, онъ примѣнялъ, посредствомъ возведенія изящныхъ и цѣлесообразныхъ построекъ, къ удобствамъ всѣхъ и каждого созданное природою, и вскорѣ жизнь и удовольствія появлялись тамъ, куда первоначально влекла римлянъ только потребность возстановленія здоровья. Баденъ-Баденъ, Баденъ въ Швейцаріи, Ахенъ, Эксъ и многія другія новѣйшія минеральныя купанья своими развалинами или названіями напоминаютъ о временахъ римлянъ.

Но нельзя сказать того же о славнѣйшемъ изъ римскихъ морскихъ купаній. Въ той мѣстности, гдѣ нѣкогда находилась многовосхваленная Байя, свирѣпствуетъ нынѣ маларія. Роскошная жизнь давно угасла тамъ, — дворцы, сады, растительность — все погибло; только голубыя волны по прежнему ходятъ по заливу, вдоль мягкихъ очертаній побережья. Жизнь перешла въ недалекомъ лежащемъ Неаполитанскій заливъ, и опустѣлъ, одичалъ всѣми покинутый, но нѣкогда прелестный берегъ. Принадлежа къ счастливой Кампаніи, пользуясь прекраснымъ воздухомъ, который море охлаждало лѣтомъ и согрѣвало зимою, находясь недалеко отъ Рима, Байя, еще въ эпоху республики, своими купаньями и сѣрыми горячими источниками привлекала къ себѣ посѣтителей. Во времена Цицерона, вдоль широкаго, ровнаго берега, высились дворцы и виллы съ башнями, которые вѣнчали вершину холмовъ, тянувшихся вокругъ залива, и съ высоты которыхъ можно было наслаждаться морскимъ воздухомъ и видомъ на море и окрестности. За людьми знатными слѣдовали и императоры, надолго поселявшіеся иногда въ прелестной Байѣ. Трактиры, гостинницы, великолѣпныя купальни доставляли посѣтителямъ помѣщеніе и всевозможныя удобства. Не замедлила появиться и страсть къ наслажденіямъ и удовольствіямъ: музыка, танцы, зрѣлища, празднества и пиры служили постояннымъ развлеченіемъ для посѣтителей купаній. Вѣчно прекрасное море днемъ и ночью манило на прогулки. Заливъ Лукринскаго моря наполняли пестро изукрашенные, раззолоченныя шлюпки съ пурпуровыми парусами, съ гирляндами цвѣтовъ, тянувшимися по бортамъ или съ мачты на мачту. Въ шлюпкахъ помѣщалось веселое общество, богатые люди, прекрасныя женщины, наслаждавшіеся роскошными яствами, подъ звуки музыки и пѣнья, въ то время, какъ судно скользило по неподвижной поверхности водъ. Прелестнѣйшія женщины — а Римъ былъ богатъ красавицами — тоже пріѣзжали въ Байю, представлявшую имъ массу удовольствій и богатой добычи. Римлянамъ уже былъ извѣстенъ, къ ихъ несчастію, опасный союзъ купаній, вина и любви.

Balnea, vina, Venus corrumpunt corpora nostra.

Но не одни только купанья, Венеру и вино страстно любилъ римлянинъ, а еще что и другое, именно — зрѣлища. Страсть эта была столь же древняя, какъ и самъ Римъ. „*Rapem et circenses*“, „хлѣба и зрѣлищъ“ — вотъ кличъ, который проносится чрезъ всю исторію Рима. Страсть эта, достигшая степени какого-то безумія, проникновеніе ея всѣхъ классовъ общества, начиная съ высшихъ и кончая людьми, ничего не имѣвшими и жившими на счетъ государства, колоссальныя, почти невѣроятныя размѣры, въ которыхъ она находила себѣ удовлетвореніе — все это развилось впервые въ виду зарождающагося могущества имперіи и ея всемірнаго владычества, около двухъ столѣтій до Р. Х., больше и больше разрослось во время императоровъ и едва ли прекратилось даже съ паденіемъ имперіи. Мужчины и женщины въ равной мѣрѣ предавались этой страсти. Съ открытіемъ сезона зрѣлищъ, Римъ переполнялся пріѣзжими, кочевавшими просто на улицахъ. Императоры Неронъ, Коммодъ и Каракалла — правда, не лучшіе изъ императоровъ — подвизались на аренѣ и въ циркѣ въ качествѣ танцовщиковъ, гладиаторовъ, бойцовъ со звѣрями и возницъ. Во время Марка Аврелія число дней, въ которые давались зрѣлища, простиралось ежегодно до ста тридцати

Театральныя маски.

пяти, а въ половинѣ четвертаго столѣтія оно возросло до ста семидесяти пяти, не считая чрезвычайныхъ празднествъ. Такъ, празднество, устроенное Титомъ при открытіи флавіанскаго театра, нынѣшняго Колизея, длилось сто дней, а празднество, данное Траяномъ по окончаніи второй войны съ даками, продолжалось сто двадцать три дня. Высшіе сановники, честолюбивые вельможи и даже императоры на свой счетъ устраивали эти празднества, имѣвшія цѣлю задобрить чернь или отвлечь въ другую сторону ея политическія страсти. Съ открытіемъ зрѣлищъ, страсти улегались на форумѣ, чтобы снова воспрянуть при видѣ крови и убійствъ въ циркѣ и на аренѣ. Голосъ свободы смолкалъ, какъ скоро въ циркѣ раздавались радостные клики вокругъ побѣдителя.

Зрѣлища, которыми потѣщали римскій народъ, заключались въ обыкновенныхъ театральныхъ представленіяхъ, ратоборствахъ, въ особенности же въ ристаніяхъ въ циркѣ и бояхъ гладіаторовъ,—этихъ кровавыхъ битвахъ на жизнь и смерть, совершавшихся на аренѣ амфитеатра.

Первыя, то есть театральныя представленія, принадлежали къ числу невиннѣйшихъ, а потому посѣщались они въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ другія зрѣлища. Во всѣхъ театрахъ Рима едва ли могла помѣститься половина зрителей, занимавшихъ мѣста на скамьяхъ амфитеатра, а зрители послѣдняго составляли четвертую часть посѣтителей большаго цирка. Колизей былъ рассчитанъ на 80,000 зрителей; во время Цезаря циркъ заключалъ въ себѣ 150,000 мѣстъ, а при Титѣ и, наконецъ, въ четвертомъ столѣтіи, при императорахъ—350,000. Въ сравненіи съ этимъ, драматическіе театры имѣли лишь незначительное число мѣстъ.

Драма совершенно приспособлялась ко вкусу римлянъ. Высокая драма, трагедія,—благороднѣйшее произведеніе поэтическаго творчества грековъ, была, такъ сказать, возвращена къ своему началу, то есть къ дѣйствию одного актера, который, въ мужскихъ или женскихъ роляхъ, исполнялъ эффектные отдѣльныя трагическаго содержанія сцены, выхваченныя изъ пьесы, не имѣвшія никакой связи съ цѣлымъ, плясалъ подъ музыку, дѣлалъ жесты и говорилъ. Какое искаженіе греческой трагедіи! Однако, актеръ посредствомъ этого могъ добиться почестей, извѣстности, уваженія и составить себѣ состояніе. Но его серьезное, хотя и неблагородное искусство не пользовалось у народа тѣмъ сочувствіемъ, съ которымъ относились къ комедіи народной. Въ ателланахъ, арлекинахъ кампанійскаго происхожденія, въ мимѣ и вольной спенической шуткѣ, грубый, чтобы не сказать площадной комизмъ достигъ полнѣйшаго выраженія, превзойти которое не было уже возможности. Въ нихъ слышался, въ отборнѣйшихъ выраженіяхъ, самый грубый языкъ грубаго народа. Непристойность и цинизмъ сказывались тутъ съ большею силою, чѣмъ въ самой жизни. Но того требовалъ тогдашній римлянинъ: чѣмъ грубѣе было остроуміе, чѣмъ пикантнѣе содержаніе пьесы, тѣмъ больше нравилась она ему.

Но если подобнаго рода представленія и пользовались сочувствіемъ, если посѣщались они охотно, то все же никогда въ такой степени они не возбуждали всего населенія Рима, можно сказать, всего народа римскаго, какъ страстно любимые имъ бои въ циркѣ и на аренѣ.

Еще во времена царей, на продолговатой долине, между Авентиномъ и Палатиномъ, былъ возведенъ циркъ. Нѣсколько разъ пожаръ истреблялъ его; но его снова отстраивали, расширяли и снабжали каменными скамьями, поднимавшимися по склону горы. Ограниченный на горѣ различными зданіями, циркъ такимъ образомъ сдѣлался „большимъ циркомъ“ (Circus Maximus) и разросся до того, что могъ вмѣщать въ себѣ четыреста тысячъ зрителей. Нижніе ряды сидѣній предназначались для императора, сенаторовъ, ихъ женъ и семействъ; затѣмъ слѣдовали, подымаясь вверхъ, скамьи всадниковъ, надъ которыми уже помѣщался народъ, тѣсясь другъ къ другу, мужчины въ перемежку съ женщинами. На горѣ, въ залахъ упомянутыхъ зданій, день и ночь кипѣла разно-

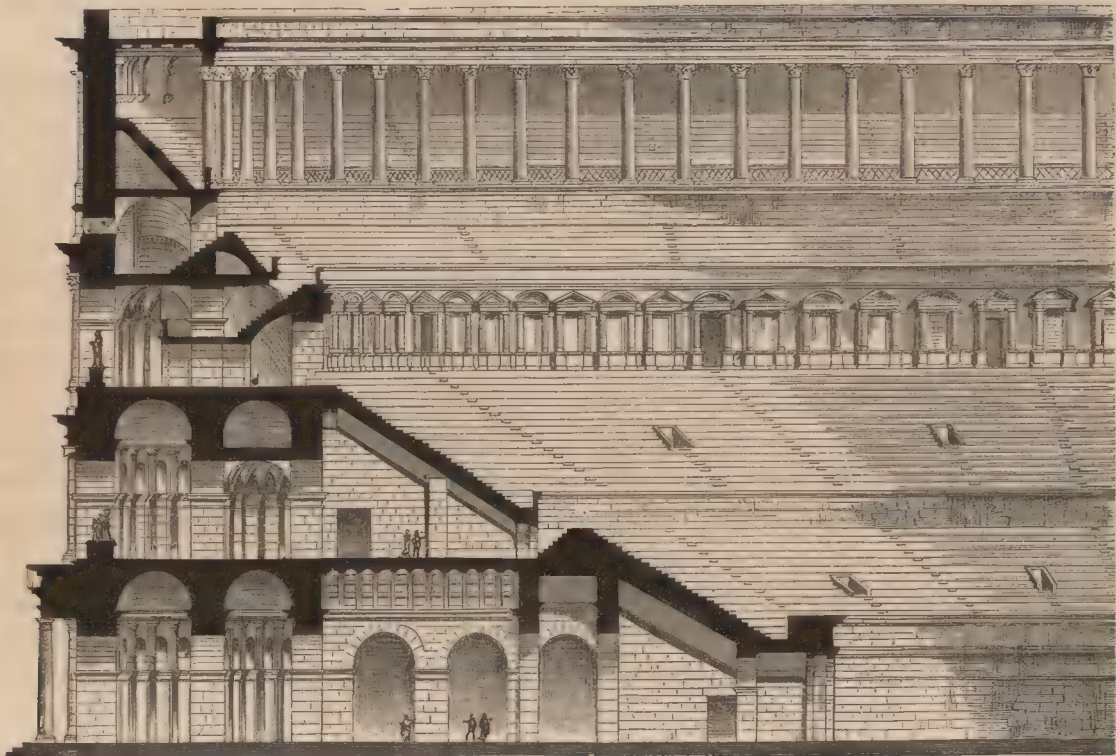
Колизей въ Римѣ, видъ съ Палатинскаго холма, въ его настоящемъ видѣ.

образная, роскошная жизнь. Тамъ находились харчевни и таверны, толпились продавцы и покупатели, легкаго поведенія женщины всѣхъ національностей, ворожеи, фокусники и фигляры; гремѣла музыка, шелъ неистовый плясъ, игра и попойки. То было мѣсто удовольствій большого города, но удовольствій самаго низкаго разбора.

Нѣкоторые артисты появлялись на аренѣ цирка, чтобы заявить о себѣ цѣлому Риму; но бѣги на колесницахъ болѣе всего нравились народу и, раздражая его страсти въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, держали Римъ въ состояніи постоянного возбужденія, такъ что изъ-за нихъ забывались войны, пораженія и опасности, грозившія со стороны варваровъ. Но римскій народъ являлся въ циркъ только въ качествѣ зрителя, и, за исключеніемъ случаевъ, когда полоумные императоры спускались на арену, а вслѣдъ за ними, волею-неволею подражая имъ, и сами вельможи,—никогда римляне не принимали въ бояхъ личнаго участія. Во время національных празднествъ и игръ грековъ, каждый желавшій состязаться долженъ былъ быть безупречнымъ эллиномъ; но у римлянъ обыкновенно въ бояхъ цирка участвовали наемники, рабы, вольноотпущенники или военнопленные, занимавшіеся этимъ дѣломъ, какъ промысломъ.

Ристанія на колесницахъ требовали продолжительной подготовки. Нужно было добыть лошадей и выѣздить ихъ; возницы только послѣ продолжительнаго навыка пріобрѣтали требуемую степень ловкости; необходимы были также конюшни, мастерскія и самый разнообразный личный составъ прислуги. Желавшій потѣшить народъ ристаніями не могъ сдѣлать этого самъ и въ короткое время, въ виду чего составлялись общества, собственно общества финансовыя, у которыхъ постоянно имѣлся запасъ всего необходимаго въ отношеніи конюшенъ, возницъ, лошадей и блестящей экипировки. Эти общества, услуги которыхъ оплачивались дорого, появлялись въ циркѣ со своими лошадьми и колесницами. Вначалѣ существовало четыре такія общества, отличавшіяся одно отъ другого цвѣтами: бѣлымъ, краснымъ, голубымъ и зеленымъ. Такъ было во времена Калигулы и Нерона, изъ которыхъ первый только любилъ бѣги на колесницахъ, а второй былъ настоящимъ виртуозомъ по части ристаній. Впослѣдствіи, Бѣлые и Красные ис-

Колизей, въ разрѣзѣ.

чезли, и весь Римъ распался на двѣ партіи, Голубыхъ и Зеленыхъ. Императоръ слѣдовалъ за императоромъ, столѣтіе за столѣтіемъ, Римъ подпалъ власти германцевъ, римская имперія раздѣлилась, но Голубые и Зеленые въ одинаковой мѣрѣ продолжали возбуждать страсти народа. Изъ Рима партіи эти перешли въ Константинополь, гдѣ партійное озлобленіе нерѣдко разражалось кровавыми свалками на улицахъ и явными возстаніями.

Въ день, назначенный для ристаній, улицы Рима оживлялись еще до разсвѣта. Все населеніе города стремилось къ цирку, чтобы пораньше занять хорошія мѣста, такъ какъ празднество начиналось рано и продолжалось до вечера, зачастую даже до поздней ночи, при свѣтѣ факеловъ. Оно открывалось религіознымъ торжествомъ: изображенія боговъ везли на колесницахъ или несли на тронахъ. Во главѣ процессіи шествовалъ самъ устроитель празднества, окруженный кліентами, жрецами, въ изящной блестящей одеждѣ, при звукахъ громкой музыки. Изъ Капитолія процессія торжественно

спускалась внизъ, направлялась по форуму къ цирку, вступала на ристалище и обходила его, при рукоплесканіяхъ и радостныхъ крикахъ толпы. Тотчасъ же начинались ристанія на колесницахъ, запряженныхъ по большей части парюю или четверкою лошадей и управляемыхъ возницами, одѣтыми въ цвѣта своихъ обществъ. Семь разъ должны они объѣхать ристалище, семь разъ продѣлать трудный поворотъ у другого конца арены, и тогда только побѣдитель былъ въ правѣ проѣхать за проведенную мѣлою черту, подъ тревожными взорами толпы, при крикахъ расходившейся, напряженной страсти. Обыкновенно повторялось это двадцать одинъ разъ въ теченіе дня. Только въ полдень наступалъ короткій перерывъ, когда императоръ нерѣдко угощалъ обѣдомъ сотни тысячъ зрителей.

Трудно понять страсть къ подобнаго рода потѣхамъ, такъ какъ всѣ участвующіе въ нихъ—возницы, лошади, партіи—были совершенно безразличны для публики; но еще труднѣе понять, съ чисто-человѣческой точки зрѣнія, страсть римлянъ къ боямъ людей и звѣрей. Кровь, раны, изступленіе настоящей битвы, избіеніе людей массами являлись здѣсь уже удовольствіемъ, удовольствіемъ свирѣпымъ, отъ одной мысли о которомъ содрогается душа.

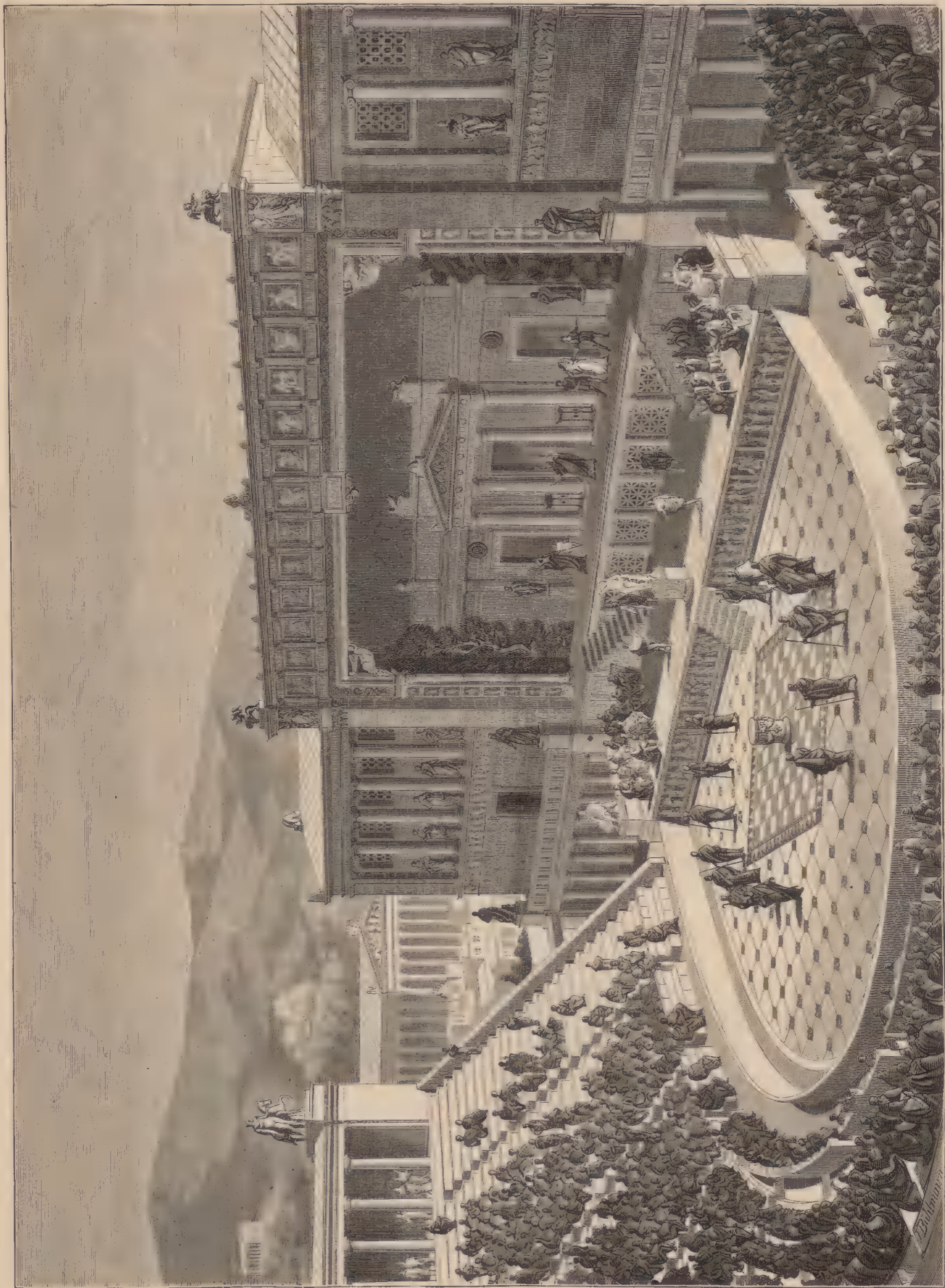
Не изъ Греціи заимствованъ этотъ моментъ римской культуры. Началось дѣло съ малаго, но у воинственнаго, привычнаго къ крови и ранамъ народа этого рода „потѣхи“ или, точнѣе, бойни, приняла вскорѣ колоссальные размѣры. Римскій народъ никогда не насыщался видомъ умирающихъ и терзающихся другъ друга людей и животныхъ. Неронъ, въ то время, когда онъ находился еще подъ вліяніемъ Сенеки, намѣревался отмѣнить кровавыя зрѣлища; но Титъ, кроткій и милосердный Титъ, утѣшитель рода человѣческаго, не могъ, по своей добротѣ, запретить просившему крови народу приносить новыя жертвы Молоху арены. Сто дней подрядъ онъ устраивалъ народу празднества, посвящая памяти своего отца, Веспасіана, сооруженный послѣднимъ амфитеатръ, — это громадное каменное кольцо, которое и нынѣ еще развалинами своими, подъ именемъ Колизея, удивляетъ весь міръ. Пять тысячъ дикихъ звѣрей было выведено на арену во время этихъ празднествъ и девять тысячъ, какъ прирученныхъ, такъ и дикихъ животныхъ пало жертвою стодневнаго торжества.

Еще во времена Цезаря, дикихъ или замѣчательныхъ животныхъ почти въ невѣроятномъ количествѣ привозили въ Римъ и показывали народу. Цезарь выпустилъ однажды четыреста львовъ на сорокъ слоновъ, а Помпей далъ народу только восемнадцать слоновъ, но за то около пятисотъ или шестисотъ львовъ. Траянъ, послѣ своего второго похода въ Дакію, для четырехмѣсячнаго устроеннаго имъ празднества, представилъ одиннадцать тысячъ звѣрей. Чтобы добыть ихъ, на ноги было поднято все пограничное населеніе имперіи. Но дѣло это все больше и больше представляло затрудненій, такъ какъ, вслѣдствіе громаднаго на нихъ запроса, дикіе звѣри исчезали или уходили во внутреннія части Африки и Азіи. Число звѣрей, требовавшихся тогда для одного празднества, обогатило бы нынѣ всѣ звѣринцы Европы. Тигровъ, гишпопотамовъ, носороговъ, крокодиловъ, пантеръ, леопардовъ, не говоря уже о дикихъ кабанахъ, привозили въ Римъ въ громадномъ количествѣ, причемъ не мало затрудненій представляли доставка и прокормленіе этихъ животныхъ.

Повидимому, римляне умѣли укрощать дикихъ животныхъ, иначе они не могли бы такъ хорошо приручать послѣднихъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Мы уже упомянули, что Антоній проѣхалъ всю Италію въ колесницѣ, запряженной львами. Однажды Цезарь сопровождалъ вечеромъ домой слоны, несшіе горящіе факелы. Львовъ и тигровъ римляне дѣлали послушными, какъ собакъ; олени повиновались уздѣ, пантеръ запрягали въ ярмо, а слоновъ заставляли плясать, ходить по канату и—писать по латыни.

На аренѣ амфитеатра звѣри вступали въ бой съ звѣрями же или съ людьми. Вы-

Театръ Діониса въ Аѳинахъ,
возстановленный по новѣйшимъ роскошамъ.

Въ углу подъ мѣстами для зрителей отбавлюй портикъ, вѣду оркестромъ авансцена съ балюстрадой, за которой самый театръ съ открытой сценой посрединѣ.

пускали и натравливали другъ на друга различныхъ животныхъ, напимѣрь, носороговъ на слоновъ или слоновъ на буйволовъ. На нихъ охотники выходили съ собаками, верхомъ или пѣшіе, въ одиночку или цѣлыми отрядами. Императоры Клавдій и Неронъ выставляли противъ пантеръ и львовъ цѣлые отряды конныхъ преторіанцевъ. Смертные приговоры исполнялись на аренѣ дикими звѣрями. Преступникамъ дозволялось вступать въ бой съ животными; иногда осужденныхъ на смерть привязывали къ столбамъ, и толпа съ жадностью и удовольствіемъ смотрѣла, какъ они умирали, растерзанные дикими животными. Подземныя части амфитеатра предназначались не только для помѣщенія дикихъ звѣрей: арена его, по своему замѣчательному техническому устройству, давала возможность производить всякаго рода превращенія и сюрпризы. Такъ,

Преторіанцы (снимокъ съ римскаго барельефа).

однажды она изображала собою корабль, который вдругъ распался на части, и изъ него повыскакало множество забѣгавшихъ по аренѣ звѣрей: львовъ, пантеръ, медвѣдей и страусовъ—заморскихъ воробьевъ, какъ говорили римляне. Другой разъ земля разверзлась, и изъ зіяющей пропасти, какъ бы изъ подземнаго міра, поднялся, распространяя вокругъ себя благоуханіе, волшебный лѣсъ сверкавшихъ золотомъ деревьевъ, съ дивными животными и водометами. Однажды какому-то злополучному человѣку пришлось исполнять роль Орфея. Его пѣнье очаровало всю природу: деревья и скалы склонялись предъ нимъ; птицы, какъ бы очарованныя, носились надъ пѣвцомъ; со всѣхъ сторонъ къ нему приходили звѣри и ложились у его ногъ. Но вотъ явились медвѣди и на этотъ разъ, не для виду только, а дѣйствительно, растерзали его.

Кто съ удовольствіемъ смотрѣлъ на все это, для того избіеніе людей могло

казаться искусством и приятным зрелищем. Бои гладиаторовъ, заимствованные изъ Этруріи и Кампаньи, приняли въ Римѣ столь же широкіе размѣры, какъ и бои звѣрей. По приказанію Цезаря, триста двадцать паръ гладиаторовъ сражались однажды другъ противъ друга; въ теченіе своего продолжительнаго царствованія, Августъ довелъ число бойцевъ до десяти тысячъ, а Траянъ до такой же цифры и, притомъ, не больше какъ въ четыре мѣсяца. Бои длились по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ недѣлямъ; гладиаторы сражались или попарно, или отрядъ противъ отряда, одинаковымъ или различнымъ оружіемъ, днемъ и ночью, на сушѣ и водѣ, какъ, напримѣръ, въ большой битвѣ на Фуцинскомъ озерѣ. Девять тысячъ гладиаторовъ бились тамъ на жизнь и смерть, по приказанію того дѣтски немошняго, тупого, бессмысленно-свирѣпаго Клавдія, который любилъ кровопролитіе и убивалъ людей какъ мухъ.

Гладиаторы отчасти были преступники, подлежащіе смертной казни, отчасти рабы или военнопленные. Въ конецъ истребить въ подобнаго рода потѣхахъ побѣжденный народъ—въ глазахъ римлянъ считалось заслугой. Хотя сословіе гладиаторовъ вообще презиралось, тѣмъ не менѣе, выискивались люди, добровольно являвшіеся на арену, потому что тутъ можно было кое что заработать. Къ тому же, для иного честолюбиваго забіяки что ни будь да значило заявить о своемъ мужествѣ и искусствѣ предъ кесаремъ и всѣмъ римскимъ народомъ и выйти побѣдителемъ изъ опаснаго боя.

Гладиаторы содержались въ казармахъ на счетъ частныхъ лицъ, вельможъ,

различнымъ способомъ владѣть оружіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ сражались по обычаю своей родины; такъ, бритты выѣзжали на бой въ колесницахъ, въ фантастическихъ доспѣхахъ гладиаторовъ; одни бились на мечахъ, а другіе, напримѣръ, ретіаріи, были вооружены трезубцами, кинжалами и сѣтями, которыми старались опутать своихъ противниковъ.

Въ богатомъ уборѣ появлялись они на аренѣ, обходили вокругъ нея и, готовые на смерть, съ опущеннымъ внизъ оружіемъ, приветствовали сидѣвшаго въ своей ложѣ императора восклицаніемъ: „morituri te salutant“. Трубы подавали сигналъ, и при звукахъ роговъ, флейтъ и свистѣлокъ начинался бой. Возбуждаемые серьезностью своего положенія и величіемъ обстановки, подстрекаемые честолюбіемъ, гладиаторы бились съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ смерти. Не испустивъ ни одного стона, падали они на землю, пораженные смертельнымъ ударомъ—того требовалъ народъ: гладиаторъ долженъ былъ умирать достойно и не просить пощады. Отъ воли народа зависѣло пощадить гладиатора; но, по большей части, народъ изрекалъ смертный приговоръ, обративъ внизъ большой палецъ руки. Мало по малу, арена, какъ поле битвы, покрывалась трупами; по временамъ ихъ убирала, землю разрыхляли, лужи крови засыпали свѣжимъ пескомъ. И въ то время, когда побѣдители потрясали пальмовыми вѣтвями, убитыхъ выносили „воротами богини смерти“.

Гладиаторы.
По рисунку на главной стѣнѣ амфитеатра въ Помпей.

государства или императора. Домиціанъ приказалъ построить на государственнѣйшій счетъ четыре такіа казармы. То были большіе дворы, окруженные маленькими, темными, кельеобразными комнатами, въ которыхъ хорошо содержали и кормили гладиаторовъ. Больныхъ или раненыхъ гладиаторовъ лечили искуснѣйшіе врачи; ихъ обучали также

Эти кровавыя потѣхи, чисто-римскія или сдѣлавшіяся римскими, пали вмѣстѣ съ Римомъ. Тщетно боролось противъ нихъ христіанство. Впрочемъ, сами христіане увлекались иногда зрѣлищами боевъ, и между ними находились люди, утверждавшіе, будто Богъ, въ благодати своей, дозволилъ человѣку такого рода удовольствія. Конечно, они иначе стали думать объ этомъ во времена гоненій, когда сами сдѣлались жертвами арены. Востокъ первый уничтожилъ эти кровавые бои, и, когда аравитяне и германцы стали обладателями міра и носителями культуры, бои гладіаторовъ уступили свое мѣсто турнирамъ и рыцарскимъ потѣхамъ. Но все-же воспоминаніе о нихъ сохранилось, и бои быковъ въ Испаніи являются прямыми потомками побоищъ на аренѣ римскаго амфи-театра.

VII.

Жизнь религиозная.

А ТРИ эпохи распадается история религии в Римѣ,—на эпоху древняго, непререкаемаго и спокойнаго вѣрованія, основаннаго на древне-италійскихъ и латино-сабинскихъ преданіяхъ, на эпоху эллинизации и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эпоху скептицизма, атеизма, философскаго невѣрія въ средѣ людей образованныхъ и, наконецъ, на эпоху просвѣтленнаго язычества, обновленныхъ вѣрованій, погибшихъ въ борьбѣ съ христіанствомъ. Втеченіе всѣхъ этихъ эпохъ государство и народъ въ равной мѣрѣ являются религиозными. Религиозность лежала въ основѣ характера римлянъ: религія необходима государству и народу. Какъ первое, такъ и второй начинаютъ съ религіи и кончаютъ религіею.

Понятно, въ дѣлѣ религіи римляне не обладали ни фантазіею грековъ, ни ихъ художественными, творческими силами. Поэтому римлянинъ не могъ облекать своихъ боговъ множествомъ мифовъ и до тѣхъ поръ не создавалъ и не предствлялъ ихъ согласно съ общими или индивидуальными чертами человѣческой личности, пока на помощь ему не явилось искусство грековъ. Если боги раннихъ эпохъ и не казались римлянину чистыми отвлеченностями, то въ своихъ формальныхъ образахъ, въ своей личности, они были для

него существами очень несовершенными. Тѣмъ не менѣе, римлянинъ нуждался въ нихъ; они были ему необходимы и составляли для него предметъ поклоненія. Римлянинъ въ частной жизни и государство, какъ таковое, были религіозны. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ, частныя лица и государство вопрошали волю боговъ и молили ихъ о помощи.

По причинѣ самой неопредѣленности понятій о древнихъ, первоначальныхъ божествахъ, число ихъ быстро увеличивалось и, притомъ, двоякимъ образомъ. Относительно чуждыхъ религій, римляне выказывали большую степень терпимости. Такъ какъ у нихъ были собственные государственные боги, то римляне допускали, что и другое государство въ правѣ имѣть своихъ боговъ. Покоривъ иноземное государство, разрушивъ городъ, римляне, не обинуясь, увозили въ Римъ боговъ—покровителей завоеванной страны, такъ что въ Римѣ, рядомъ съ старыми и новыми гражданами, находились осѣдлыя и пришлыя божества. Съ другой стороны, во всемъ усматривая дѣйствіе и вліяніе боговъ, какъ въ природѣ, такъ и въ жизни человѣка, римляне, такъ сказать, дробили атрибуты своихъ древ-

нихъ, абстрактныхъ божествъ и каждый атрибутъ возводили на степень особаго божества. Продолжая такой процессъ дробленія, они населили міръ множествомъ божествъ и подъ конецъ пришли къ олицетворенію чисто абстрактныхъ понятій, къ обоготворенію аллегорій. Отсюда уже было недалеко до обоготворенія живого императора, сооруженія ему храмовъ, алтарей и

до самой смерти. Воздухъ и море, города и села, поля и рѣки были населены и оживлены божественными существами. Лѣса имѣли своего Фавна, котораго только греческое вѣроученіе преобразило въ сатиropодобное существо и окружило его такими же, какъ и онъ самъ, безобразными сотоварищами; источники имѣли своихъ нимфъ; домъ—своихъ пенатовъ; души усопшихъ предковъ чтились въ домѣ, какъ лары (т. е. хозяева), но злыя души носились по свѣту, въ образѣ домовыхъ, лемуровъ и ларвовъ. Подобно тому, какъ вся природа была населена божествами, такъ точно города и вся страна наполнялись храмами и святилищами, въ которыхъ первоначально религія римлянъ не нуждалась. Громадныя зданія въ греческомъ стилѣ и галлерей съ колоннами свидѣтельствовали о религіозности государства; святилища меньшихъ размѣровъ, памятники, ниши, изображенія боговъ и жертвенники встрѣчались вездѣ, гдѣ только бывалъ народъ: на площадяхъ, улицахъ и перекресткахъ, въ садахъ и рощахъ, словомъ, во всѣхъ бойкихъ или чѣмъ-либо замѣчательныхъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, религіозное чувство римлянъ сказывалось повсюду; но, какъ ни велико было оно, какъ ни строго исполняли римляне, за исключеніемъ людей извѣстныхъ кружковъ, свои религіозныя обязанности, никогда они не подчинялись власти жрецовъ. Жрецъ былъ государственный чиновникъ; на него возлагалось выполненіе

приношенія ему жертвъ.

Такъ, дѣтскій возрастъ человѣка имѣлъ тридцать покровительственныхъ и руководящихъ имъ боговъ. Государство, какъ таковое, имѣло своихъ боговъ, равно какъ и каждая корпорация, каждое общество, каждый цехъ, каждое семейство, каждый домъ; даже каждый человѣкъ имѣлъ своего генія-покровителя, хранившаго его со дня рожденія

Жертвенникъ.

извѣстныхъ обязанностей въ строго опредѣленномъ кругѣ, внѣ котораго онъ не пользовался никакимъ вліяніемъ. Отдѣльные божества имѣли своихъ жрецовъ; существовала также коллегія жрецовъ, дѣйствовавшая въ качествѣ наблюдательнаго учрежденія по всѣмъ дѣламъ, касавшимся религіи. Каждое изъ главныхъ божествъ имѣло своего первосвященника, *flamen*, т. е. возжигателя: такъ назывался онъ въ древности, по его обязанности возжигать и приносить жертву всесоженія. Главнѣйшимъ жрецомъ считался жрецъ Юпитера, *flamen dialis*, человѣкъ высокоуважаемый, котораго вся жизнь посвящалась служенію боговъ. Онъ и его семейство освобождались отъ несенія всякаго рода общественныхъ повинностей. Въ качествѣ человѣка, посвященнаго богамъ, *flamen dialis* не могъ прикасаться ни къ чему нечистому, приближаться къ трупу или гробу; обыкновенная работа прекращалась, какъ скоро на нее падалъ взоръ жреца Юпитера; съ преступника, входившаго въ его домъ, тотчасъ же снимались цѣпи. *Flamen* не долженъ былъ видѣть ни цѣпей, ни оковъ, ни вооруженныхъ воиновъ; онъ не могъ также ѣздить верхомъ на лошади. Онъ и его жена подчинялись одинаковымъ законамъ; ихъ бракъ считался священнѣйшимъ въ Римѣ, и только смерть могла расторгнуть его.

Съ такою же строгостью относились и къ весталкамъ, — шести дѣвственницамъ, которыя посвящались служенію Весты, богини семьи, и поддерживали священный огонь на ея очагѣ. Онѣ принадлежали къ лучшимъ семьямъ страны; чистыя тѣломъ, весталки обязывались безукоризненно служить богинѣ въ теченіе тридцати лѣтъ. Нарушеніе весталкою обѣта цѣломудрія влекло за собою смерть: ее заживо закапывали въ землю. Но въ теченіе всей жизни весталки пользовались большимъ почетомъ. Когда онѣ появлялись на улицѣ въ сопровожденіи ликтора, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ челомъ, повитымъ бѣлою жреческою повязкою, — всѣ, при ихъ внушительномъ видѣ, уступали имъ дорогу; даже самъ консуль, глава республики, отходилъ въ сторону. Оскорбившій ихъ подвергался смертной казни; но если весталка встрѣчала преступника, котораго вели на казнь, то ему даровалась жизнь. На всѣхъ общественныхъ зрѣлищахъ и обѣдахъ жрецовъ весталки занимали почетныя мѣста.

Надзоръ за весталками поручался верховному жрецу, *Pontifex maximus*, главѣ коллегіи, завѣдывавшему всѣми религіозными дѣлами государства, охранявшему неприкосновенность традиціонныхъ обрядовъ, наблюдавшему за правильностью жертвоприношеній, чтобы каждому божеству воздавалось должное и, притомъ, подобающимъ образомъ, — словомъ, вѣдавшему всѣ дѣла религіозныя и дѣйствовавшему сообразно съ этимъ. Но не одними только религіозными дѣлами завѣдывала эта коллегія жрецовъ (*pontifices*), называвшихся такъ по построенному ими на Тибрѣ мосту и въ древнія времена бывшихъ государственными инженерами; они наблюдали также за правильностью календарнаго счисленія, опредѣляли время годовыхъ празднествъ, хранили государственные документы, отмѣчали все совершившееся въ теченіе года и, такимъ образомъ, были архивариусами и исторіографами Рима. Дѣятельность ихъ была обширна, но власть ограничена; во многихъ случаяхъ они обязывались подавать свои совѣты, но только по требованію должностныхъ лицъ, то есть государства или частныхъ людей. Жрецы объясняли, когда и гдѣ слѣдовало вопрошать боговъ, но самый процессъ вопрошенія совершался другою коллегіею жрецовъ, авгуровъ, которые въ книгахъ Сивиллы должны были искать объясненія воли боговъ.

Наука авгуровъ, то есть познаніе и истолкованіе значенія знаменій небесныхъ, предвѣщающихъ, что должно случиться съ человѣкомъ въ жизни, совѣтующихъ ему извѣстный образъ дѣйствій или предостерегающихъ его отъ задуманнаго, — наука авгуровъ, говоримъ мы, какъ древне-италійская, была обща всѣмъ народностямъ Италіи. Слѣдовательно, римлянамъ она была извѣстна съ древнихъ временъ; народъ слѣпо былъ къ ней приверженъ, а государство въ важныхъ случаяхъ постоянно вопрошало авгу-

ровъ. Каждый могъ наблюдать знаменія небесныя, при соблюденіи, однакожь, установленныхъ правилъ; при томъ же, извѣстныя явленія должны были истолковываться извѣстнымъ образомъ. Такъ, въ коллегіи авгуровъ и гаруспексовъ, то есть предсказателей по полету птицъ и внутренностямъ животныхъ, существовало и хранилось установившееся преданіе, извѣстнаго рода наука. Авгуръ или гаруспексъ были необходимы, поэтому, для правильнаго истолкованія знаменій.

Авгуръ, наблюдавшій небесныя знаменія, полеть птицъ и молнію, приступая къ дѣйствию, чертилъ на землѣ квадратъ, священную фигуру, называвшуюся „templum“, и разбивалъ ее поперечными линіями на четыре квадрата; фигурѣ этой соотвѣтствовала подобная же, но только идеальная фигура на небѣ.

Авгуръ становился посрединѣ фигуры и поворачивался лицомъ на югъ; все появлявшееся съ лѣвой стороны имѣло значеніе благопріятнаго предзнаменованія, а съ правой — неблагопріятнаго. Но въ сущности дѣло было не такъ просто. Какимъ образомъ молнія или птицы вступали въ воображаемую фигуру на небѣ, самое свойство птицъ и молній, даже крикъ птицъ, — все это вліяло на истолкованіе значенія знаменій. Но еще сложнее была наука предвѣщателей по внутренностямъ животныхъ, занесенная изъ Этруріи. Гаруспексъ осматривалъ сердце, легкія, печень и другія части жертвеннаго животнаго и, на основаніи ихъ свойствъ, изрекалъ предсказаніе. Гаданія по внутренностямъ

Римлянинъ, приносящій жертву.

хорошимъ предзнаменованіемъ, подготовленнымъ, до нѣкоторой степени, предшествовавшимъ кормленію голодомъ. Одинъ предводитель флота приказалъ побросать въ море неугодившихъ ему куръ, замѣтивъ при этомъ, что, если онѣ не хотятъ ѣсть, то пусть хоть напьются вдоволь. Куры утонули, а предводитель флота былъ разбитъ.

Дѣйствія авгуровъ и богослуженіе римлянъ совершались согласно съ преданіемъ; молитвы, жертвоприношенія, религіозныя празднества сопровождались пѣніемъ древнихъ гимновъ, которыхъ устарѣлый языкъ впослѣдствіи сталъ непонятенъ, пляскою, играми и обѣдами; лучшая часть послѣднихъ перепала на долю жрецовъ. Въ случаѣ какого нибудь недосмотра или помѣхи, обрядъ жертвоприношенія начинался съизнова, причемъ онъ сопровождался музыкою, мѣшавшею совершающему жертвоприношеніе слышать посторонніе звуки и шумъ. Въ древнія времена римляне приносили въ жертву богамъ полевые плоды, въ особенности крупно измолотую муку съ солью, mola salsa, медъ, молоко, вино и

животныхъ замѣнили собою или отгѣснили на задній планъ предсказанія по птичьему полету, когда послѣднимъ не давали уже вѣры; такая участь постигла ихъ и въ средѣ людей развитыхъ. По словамъ Цицерона, уже Катонъ старшій удивлялся, какъ это при встрѣчѣ жрецы не расхохотутся другъ другу въ лицо. Однакожь, въ виду соображеній государственныхъ и требованій народа, институтъ авгуровъ сохранился и вопрошался даже во времена императоровъ. Въ этомъ отношеніи римскій народъ былъ чрезвычайно легковѣренъ. Онъ вѣрилъ даже въ священныя куры, которыхъ держали въ клѣткахъ и которыхъ полководцы брали съ собою на войну и вопрошали предъ битвою. Курамъ бросали кормъ; если онѣ жадно клевали его, то это служило

печенья. Но когда начались жертвоприношенія животныхъ, тогда свиньи стали самою угодною для боговъ жертвою, что вполне естественно, такъ какъ жареная свинина была любимымъ блюдомъ римлянъ. Если государство совершало торжественное жертвоприношеніе, то въ жертву богамъ заклалась свинья, овца и быкъ, *suovetaurilia*. Обращаясь съ молитвою къ подземнымъ божествамъ, римляне молились стоя, съ воздѣтыми вверхъ руками и не поднимали, подобно грекамъ, головы и глазъ къ небу, но покрывали голову тогою. Украшенное вѣнками жертвенное животное подводили къ алтарю; рога быка обвивались ниспадавшими на спину повязками; голова его посыпалась *mola salsa*; жрецъ отрѣзывалъ у быка клокъ волосъ и бросалъ ихъ въ огонь жертвенника. Быковъ убивали ударомъ топора, а животнымъ поменьше перерѣзывали горло, послѣ чего внутренности животного осматривались гаруспексомъ. Если все было въ порядкѣ, жертву окропляли виномъ, совершалось возліяніе вина, воскурялся оміамъ и присутствующихъ отпускали по домамъ. Жертвоприношеніе кончалось, а жрецы отправлялись на пиръ.

Пиромъ жрецовъ и жрицъ заканчивалось каждое празднество, а празднествъ этихъ въ году было множество и совершались они съ большою распушенностью. Годъ начинался празднествомъ двухголоваго Януса. Въ жертву богу приносились вино, куренія, крупная соль и печенье; всѣ обмѣннпастухи зажигали ворохи соломы и, веселясь и рѣзвясь, прыгали черезъ огонь. Въ Маѣ мѣсяцѣ наступали празднества Деа Діа, богини земледѣлія; устраивались они коллегіею арваловъ и длились три дня, въ теченіи которыхъ жертвоприношенія безпрестанно смѣнялись пиршествами. Когда посѣвы стояли въ цвѣтѣ, наступали празднества Флоры, праздновавшіяся женщинами съ особою свободою. Наибольшею распушенностью отличалось празднество конца года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, празднество Сатурна, божества, подѣ державою котораго процвѣтало нѣкогда на землѣ царство міра и счастья. Въ память этого или, по крайней мѣрѣ, съ мыслью объ этомъ, торжествовались сатурналіи, сначала только девятнадцатаго декабря, но впослѣдствіи они длились до двадцать пятаго, предшествуя празднеству, которое всѣхъ подводило подѣ одинъ уровень: стараго и молодого, ботатаго и бѣднаго, господина и раба. Всѣ работы пре-

вались взаимными пожеланіями счастья, дарили другъ другу финики, фиги, лавровые и пальмовые вѣнки и монеты съ изображеніемъ Януса. Въ Мартѣ мѣсяцѣ праздновали богу Марсу, или, скорѣе, его древнимъ жрецамъ, хранившимъ священные щиты, исполнявшимъ со щитами военныя пляски и ходившимъ процессіями по городу. При исполненіи плясокъ, они пѣли древнія пѣсни, подѣ тактъ флейты. Въ различныхъ мѣстахъ города устраивались станціи, въ которыхъ жрецы, бражничая, отдыхали отъ своихъ трудовъ. Съ наступленіемъ весны и осени, начинались празднества сельскихъ божествъ. Такъ, празднество Палесы, богини пастуховъ, совершалось 21 апрѣля, когда городъ Римъ торжествовалъ день рожденія богини. При этомъ

Флора.

Уличная сцена въ Помпеѣ.

крашались, закрывались все школы, судопроизводство приостанавливалось. Господа и рабы обѣдали за однимъ столомъ, и вездѣ стояли накрытые столы: раздолье для многотрадныхъ бѣдныхъ кліентовъ. На особомъ рынкѣ продавалось все необходимое для подарковъ: всехъ родовъ хорошенькія вещицы, принадлежности туалета и нарядовъ, лакомства, сладкое печенье, куклы для дѣтей и восковыя свѣчи. Время проходило въ пиршествахъ и играхъ; вельможи играли въ кости на деньги, — игру вообще запрещенную—а мелкій людъ—на орѣхи.

Люди знатные устраивали въ честь усопшихъ празднества, игры и общественныя зрѣлища. Культъ, посвящаемый римлянами умершимъ, не имѣлъ въ себѣ ничего грустнаго. Хотя для отошедшихъ отъ міра не было уже возврата изъ страны мрака, тѣмъ не менѣе, оставшіеся въ живыхъ пребывали съ покойниками въ живомъ общеніи вос-

Гадатель по внутренностямъ животныхъ.

поминаній. Усопшій, по вѣрованьямъ римлянъ, отправлялся въ дальній путь или засыпалъ долгимъ сномъ, причемъ богъ смерти,—кроткій, нѣжный, прекрасный юноша—наклонялъ и гасилъ свой факель. Мѣсто, гдѣ покоилось тѣло или пепель усопшаго, дѣлалось излюбленнымъ мѣстомъ его близкихъ; тамъ возводился памятникъ, или какое нибудь изящное зданіе, или разбивался садъ, который своими скамьями манилъ къ отдохновенію.

Похоронные обряды римлянъ были очень точны, а у людей знатныхъ и, притомъ, богатыхъ совершались они съ величайшею пышностью. Последнее лобзаніе принимало послѣдній вздохъ съ устъ дорогого человѣка и милая рука закрывала ему глаза. Его звали по имени, рыдали, точно рыданія и зовъ должны были призвать къ жизни, быть можетъ, только мнимо-умершаго. Затѣмъ, тѣло снимали съ ложа, обмывали, умащали благовоннымъ масломъ, обряжали, украшали и выставляли на богатомъ, занавѣшанномъ,

парадномъ и украшенномъ цвѣтами ложѣ. Нѣсколько дней спустя, тѣло предавалось погребенію. Все дѣло это находилось въ рукахъ, такъ сказать, общества *des pompes funèbres*, къ которому и обращались съ требованіями. Служители храма Венеры Либитинской, имѣвшіе все необходимое для похоронъ, доставляли гробы, украшенія и прислугу, устраивали порядокъ шествія, приготовляли могилу или костеръ. То или другое, то есть, могилу или костеръ, потому, что, какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ, покойниковъ хоронили двоякимъ образомъ. Вначалѣ было въ обычаѣ предавать ихъ землѣ, позже сожигали на кострахъ и, наконецъ, опять стали предавать землѣ; поэтому всѣ богато изукрашенные рѣзною работою саркофаги относятся къ послѣднимъ эпохамъ римской имперіи.

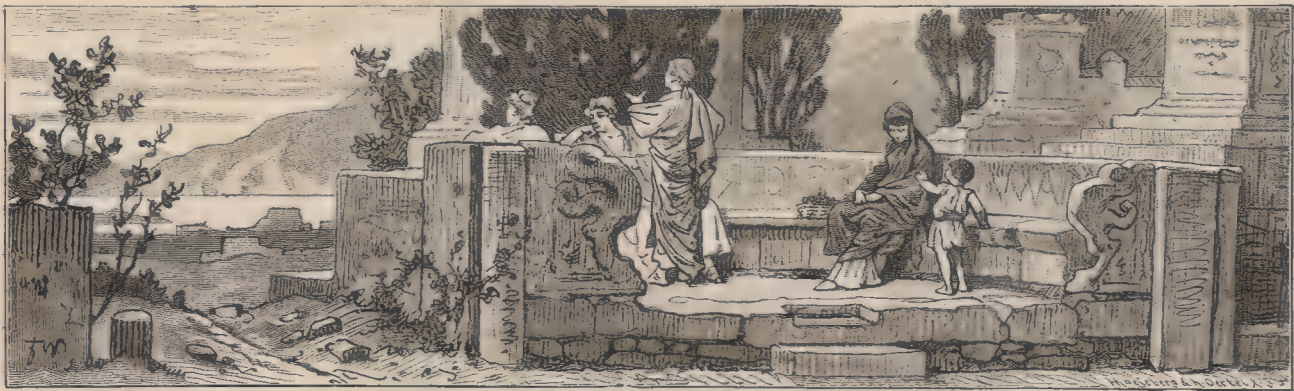
Такъ называемая пирамида Цестія. Римскій надгробный памятникъ.

Похоронная процессія слѣдовала по самымъ многолюднымъ улицамъ, такъ какъ вообще желали, чтобы и народъ принималъ участіе на богатыхъ похоронахъ. Во главѣ процессіи шли флейтисты, затѣмъ плакальщицы, пѣвшія печальные гимны, и, наконецъ, группа декламировавшихъ и даже дурачившихся съ народомъ мимовъ и комедіантовъ. Одинъ изъ нихъ изображалъ собою покойника; другіе, въ одеждѣ предковъ усопшаго, украшенные знаками ихъ достоинства, несли восковыя маски предковъ, долженствовавшихъ тоже участвовать въ шествіи. Если покойникъ былъ человѣкъ знаменитый, то подвиги его изображались на картинахъ; въ надписяхъ упоминались одержанныя имъ побѣды и названія завоеванныхъ имъ городовъ и государствъ. Затѣмъ уже слѣдовало тѣло покойника на чрезвычайно богато украшенныхъ носилкахъ, несомыхъ родственниками, друзьями или вольноотпущенниками; наконецъ, шли приближенные покойника и почетный кортежъ, сенаторы, всадники, члены магистрата, простой народъ, рабы,—словомъ, всѣ желавшіе отдать послѣдній долгъ усопшему или заявить о своихъ чувствахъ соболѣзнованія. На форумѣ шествіе останавливалось, изображенія

предковъ или, скорѣе, представители послѣднихъ садились на кругомъ разставленныхъ курульныхъ креслахъ; одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ покойника говорилъ надгробную рѣчь, восхвалялъ предковъ усопшаго и перечислялъ его подвиги, почести и заслуги. Затѣмъ процессія снова отправлялась до мѣста, предназначеннаго для погребенія.

Подлежавшее сожженію тѣло возлагалось на уже готовый, обсаженный кипарисами костеръ. Костеръ зажигалъ кто нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ покойника, причемъ въ огонь бросали благовонія, куренія, пряди волосъ и съѣдобныя вещества. Какъ скоро дерево сгорало, уголья тушили, пепель и кости окропляли виномъ и молокомъ, смѣшивали съ благовоніями и заключали въ урны. Если могила уже была готова, то въ нее опускали урну или ящикъ съ пепломъ, вмѣстѣ съ склянками для умашеній, благовоніями, принадлежностями туалета и вообще со всѣми предметами, которые покойникъ любилъ во время жизни. Къ усопшему обращались съ послѣдними словами: „Прости, чистая душа!“ „Да будетъ тебѣ легка земля!“ „Да покоятся мирно твои кости!“—такъ говорилъ то одинъ, то другой. Послѣ этого всѣ омывались освященною водою, и собраніе расходилось съ тѣмъ, чтобы, спустя девять дней, совершить по-

Улица могилъ въ Помпеѣ.

минки, ежегодно повторявшіяся въ день фералій, то есть, въ праздникъ всѣхъ усопшихъ. Во время этого празднества, вокругъ могилы ставили горящія лампы, могилу окропляли благовоніями, украшали вѣнками цвѣтовъ, послѣ чего, въ память покойника, устраивалось пиршество.

Гробы людей бѣдныхъ опускали въ могилу и засыпали землею. Но могилы людей богатыхъ вымуровывались и надъ ними ставили памятники, маленькія колонки, столбы и алтари. Имя покойника сохранялось въ начертанной на мавзолѣй надписи, въ которой перечислялись титулы, должности и знаки отличія воиновъ и государственныхъ людей. Чувства скорби высказывались въ трогательныхъ выраженіяхъ. „Я жду моего мужа“, говоритъ одна уснувшая вѣчнымъ сномъ женщина. „Только смертью своею она причинила мнѣ единственное горе въ жизни!“ восклицаетъ осиротѣвшій супругъ.

Богатые и знатные люди воздвигали себѣ великолѣпные памятники въ видѣ пирамидъ, — на примѣръ, пирамида Цестія близъ Рима—обыкновенныхъ и круглыхъ храмовъ или причудливыхъ зданій, нерѣдко очень красивыхъ и величественныхъ, каковы мавзолеи Адриана, или нынѣшній замокъ Ангела. Мавзолеи, преимущественно возводившіеся на многолюдныхъ улицахъ, своими развалинами и нынѣ тянутся вдоль дороги Аппія, а мавзолеи небольшихъ размѣровъ открыты также и въ Помпеѣ. Всѣми видимые издали и удердно посѣщаемые, они заключали въ себѣ останки многихъ членовъ какого либо семейства. Спустившись по ступенькамъ въ гробницу, посѣтитель вступалъ

въ обширное четырех-угольное или круглое помѣщеніе съ каменными стѣнами, сплошь усыпанными множествомъ нишъ, въ которыхъ помѣщались урны или гробы съ пепломъ усопшихъ. Эти отчасти открытыя нынѣ гробницы назывались „колумбаріями“ (columbarium), такъ какъ онѣ напоминали собою земляныя насыпи, усыпанныя голубиными гнѣздами. Когда контингентъ христіанъ усилился въ Римѣ, когда къ нимъ примкнули римскіе вельможи, тогда покойниковъ своихъ христіане стали хоронить въ каменныхъ гробницахъ катакомбъ, выставя кости или мощи усопшихъ на поклоненіе послѣдователямъ новаго вѣроученія.

Безчисленное множество надгробныхъ надписей, повсюду встрѣчаемыхъ въ древней римской имперіи, ясно доказываетъ, что вѣра народа въ старыхъ боговъ просуществовала до паденія государства, а во второмъ столѣтіи императоровъ возродилась даже къ новой жизни; но вельможи и люди образованные вполне уже утратили ее. Со временъ Пирра, вмѣстѣ со вторженіемъ въ Римъ эллинизма, древнія римскія божества слились съ божествами грековъ и приняли человѣческіе образы и индивидуальныя атри-

Колумбарій.

совѣсть человѣка отъ страха къ богамъ, отъ благочестивыхъ традицій, предубѣжденій и всякаго рода вѣрованій, дурны ли они, или хороши. Эпикуръ полагалъ счастье въ философскомъ спокойствіи, не возмущаемомъ ни привязанностями, ни увлеченіями, ни хорошими или дурными чувствами; но религія и страхъ къ богамъ, любовь къ родинѣ и семейству нарушаютъ спокойствіе философа. Ничего подобнаго не зналъ эпикуреецъ-эгоистъ, и долго философія Эпикура была модною въ Римѣ.

Такимъ образомъ, интеллигентные кружки отдѣлились отъ народа, а національныя вѣрованія—отъ національной цивилизаціи. Люди образованные, то есть, господствующій классъ въ государствѣ, вмѣстѣ съ божествами, отвергали всякаго рода религіозные обряды и, конечно, жертвоприношенія, предсказанія и истолкованія знаменій. Авгуровъ и гаруспексовъ они считали лжецами и обманщиками, признавая, однакожь, ихъ необходимыми для существованія государства и полезными для неразвитыхъ массъ народа. Поэтому, государство не полагало препятствій ни жертвоприношеніямъ, ни дѣйствіямъ авгуровъ; иные вѣровали въ нихъ, но другіе насмѣхались и глумились надъ ними. Въ такомъ положеніи находилось дѣло религіи въ Римѣ втеченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ республики и въ началѣ имперіи.

буты человѣка. Вмѣстѣ съ эллинизмомъ, греческая философія проникла въ тѣ кружки, которые, подобно кружкамъ Сципіоновъ, Леллія и Эмилиа Павла, были поклонниками греческой цивилизаціи и ревнителями греческой литературы и искусства. Вмѣстѣ съ философіею наступилъ и скептицизмъ и даже, какъ у поэта Лукреція, ненависть ко всѣмъ древнимъ божествамъ. Въ особенности ученіе Эпикура освобождало

Но положительныя вѣрованія необходимы міру, и сердце человѣка не можетъ удовлетво- риться одною философіею. Эпикуръ могъ ослабить вѣру въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала, но не могъ уничтожить стремленія къ ней. Юпитеръ, Марсъ, Юнона и Минерва сдѣлались для многихъ баснями, но тѣ же люди все-таки хотѣли имѣть бо- говъ, хотѣли вѣровать въ высшія существа, управляющія судьбами человѣчества и міра. Въ такихъ богахъ въ Римѣ не было недостатка. Съ того времени, какъ Римъ сдѣлался столицею всего міра, въ немъ, вмѣстѣ съ чуждыми народностями, появились и иноземныя божества. Цибелла, фригійская родоначальница боговъ, Изида и Сераписъ проникли въ Римъ, распространяя свой культъ по всей имперіи. Всѣ они имѣли послѣ- дователей и, притомъ, многихъ послѣдователей въ высшихъ кругахъ общества, утра- тившихъ вѣру въ эллинскихъ и рим- скихъ боговъ, и, главнымъ образомъ, въ средѣ женщинъ, которыя, по своей натурѣ, всегда явля- ются первыми по- борницами новаго вѣроученія, осо- бенно если послѣд- нее исполнено та- инственности, чу- деснаго и облече- но покровами ми- стицизма. Но отъ таинственности одинъ только шагъ до злоупотребе- ній; отсюда ночныя оргіи съ жрецами и жрицами, вызы- ванія духовъ и за- клинанія, вслѣд- ствіе чего вѣра, возникшая изъ без- вѣрія, преврати- лась наконецъ въ

Уголокъ катокмбъ

му міромъ, къ божествамъ, которыя, подобно божествамъ греко-римскимъ, близки къ человѣку и заботятся о немъ и въ горѣ, и въ радостяхъ. Снова возводятся богато изу- крашенные, большіе храмы; постройкою ихъ соперничаютъ между собою императоры, вельможи и общины, а воскресшее искусство въ эпоху Адріана наполняетъ храмы без- численнымъ множествомъ изображеній боговъ.

Античный міръ боговъ, съ своими прекрасными образами, обнаружилъ бѣольшую степень жизненности, чѣмъ можно было предполагать. Еще разъ онъ достигъ преобла- данія, несмотря на то, что врагъ, долженствовавшій погубить его, все больше и больше усиливался въ низшихъ сферахъ. Конечно, то были уже не вполнѣ древнія божества, такъ какъ, пройдя область философскаго мышленія, они отрѣшились отъ множества ми- озовъ и легендъ, обезобразивавшихъ ихъ свѣтлый обликъ. Люди нуждались въ творцѣ

положительное сус- вѣріе.

Присущество- ваніи такихъ зло- употребленій и та- кого суевѣрія, до- стигшаго въ выс- шихъ кругахъ да- же до трона, гре- ческія и римскія го- сударственныя бо- жества во второмъ столѣтіи имперіи снова получаютъ жизнь и глубокое значеніе не только въ средѣ народа, но и въ высшихъ сферахъ, тамъ имен- но, гдѣ крылась причина презри- тельнаго отноше- нія къ языческимъ богамъ. Снова воз- никаетъ всеобщее стремленіе къ пози- тивной религіи, къ богу, управляюще-

и правитель вселенной, и въ этомъ отношеніи предъ ними самъ собою предсталъ величественный образъ Юпитера. Но всеобъемлющей, обо всемъ пекущейся дѣятельности Юпитера необходимы были служители и помощники, которые возвѣщали бы людямъ его велѣнія и выполняли его предначертанія. И вотъ, древній Олимпъ доставилъ такихъ служителей.

Въ этомъ смыслѣ философія могла примириться съ религіею, по крайней мѣрѣ философія стойковъ, въ это время получившая въ Римѣ первенствующее значеніе. Желая возстановить миръ между религіею и философіею, стоицизмъ очистилъ первую отъ всѣхъ неприглядныхъ, обезображивающихъ басенъ. Народъ могъ возвратиться къ своимъ богамъ, принявшимъ болѣе свѣтлые образы, могъ приносить жертвы и вопрошать прорицателей, а человѣкъ образованный, философъ, могъ снова молиться Юпитеру въ слѣдующихъ выраженіяхъ Клеанта: „Привѣтствую тебя, славнѣйшаго изъ безсмертныхъ, существо, которому поклоняются подъ тысячами наименованій; привѣтствую тебя, Юпитеръ, отъ вѣчности всемогущаго владыку природы, все устрояющаго согласно съ непреложными законами. Необъятный міръ, вращающійся вокругъ земли, безропотно повинуетъ твоимъ велѣніямъ, потому что въ своей невидимой рукѣ ты держишь орудіе и живое оружіе твоей воли—молнію. При раскатахъ ея громовъ содрогается вся природа; посредствомъ ея управляешь ты дѣятельностью всеобщаго разума, проникающаго все сущее и общаго всѣмъ свѣтиламъ, большимъ и малымъ. Верховный повелитель вселенной!—за исключеніемъ преступленія, творимаго злыми, ничего безъ твоей воли не совершается на землѣ, въ эфирномъ, божественномъ небѣ и въ океанѣ. Юпитеръ, о боже, скрывающійся въ темныхъ облакахъ, исторгни людей изъ бездны ихъ печальнаго невѣдѣнія, разсѣй мракъ ихъ души, отче нашъ, и дозвожь имъ уразумѣть мысль, служащую тебѣ для управленія вселенною! Тогда въ почтительныхъ молитвахъ мы возблагодаримъ тебя за твои благодѣянія, всечасно славя достойными словами дѣло рукъ твоихъ и общіе всей твари законы“.

Этотъ Юпитеръ, такъ понимаемый и такъ славимый, кажется, могъ долго еще бороться съ Богомъ христіанъ. И дѣйствительно, около двухъ еще столѣтій онъ противостоялъ Ему. Но его часъ и часъ классическаго міра уже пробилъ: боги, искусства, государство и религія жили вмѣстѣ, вмѣстѣ отжили свой вѣкъ и вмѣстѣ погибли. Германцы наводнили собою страну классической культуры; германецъ возсѣлъ на престолъ кесарей, а Богъ христіанъ—на тронъ Юпитера.

Рельефныя изображенія на колоннѣ Траяна.

КНИГА III.

Искусство и литература.

I.

Искусство въ Римской имперіи.

ИГДѢ въ области искусства римляне не проложили новыхъ путей и не обнаружили творческаго духа, за исключеніемъ, и то лишь въ извѣстномъ смыслѣ, области архитектуры: такого рода дѣятельность была имъ несродна, не входила въ кругъ ихъ способностей. Когда-же они сдѣлались великими властелинами, когда міръ лежалъ у ихъ ногъ и богатства всего свѣта притекали къ нимъ, тогда римляне стали большими любителями искусствъ. Они заказывали себѣ картины, статуи, производили постройки; во всѣхъ провинціяхъ имперіи настала новая, или обновленная, эпоха артистической жизни, о полнотѣ и объемѣ которой мы едва-ли можемъ составить себѣ понятіе. Но сами римляне никогда не занимались искусствомъ. Въ то время, когда они заняли упо-

мянутае положеніе, греки прошли уже всѣ ступени искусства, усовершенствовали всѣ его отрасли и, наконецъ, все отдали нуждавшимся въ искусствѣ и жаждавшимъ его римлянамъ: технику и умѣнье, руки и голову. Такимъ образомъ, греческіе художники работали по заказу римлянъ, греческое искусство украшало храмы, дворцы, дома, площади и улицы громадной имперіи, простиравшейся отъ Темзы до Евфрата, отъ Дуная и Рейна до Мавританіи. Подобно тому, какъ одна культура, греко-римская, проникала провинціи и имперію, такъ точно господствовало въ нихъ одно греческое или, точнѣе, греко-римское искусство, потому что римляне, въ стремленіи къ великолѣпію и полнотѣ, къ грандіозному и величественному, сѣмѣли отмѣтить искусство печатью своей индивидуальности.

О постепенномъ и послѣдовательномъ развитіи искусства въ Римѣ и римской имперіи нельзя распространяться настолько, какъ о возникновеніи и ростѣ греческаго искусства; нельзя многого сказать ни о его побѣгахъ, разросшихся въ густыя вѣтви, ни о зародышахъ и почкахъ, развившихся въ цвѣты и плоды. Все, чѣмъ обладала въ этомъ отношеніи древность, дошло до насъ въ крайне скудномъ видѣ и даже въ скудности своей представляется намъ чѣмъ-то заимствованнымъ.

Рядомъ съ древнѣйшею исторіею римлянъ шла культура этрусковъ, народа, который находился въ постоянныхъ, мирныхъ или враждебныхъ, сношеніяхъ съ Римомъ и сосѣдственными италійскими племенами, пока, наконецъ, совершенно не вошелъ въ составъ всемірной имперіи. Какъ варвары, для которыхъ открыто было только море, этруски, путемъ морскихъ грабежей и торговыхъ сношеній, занесли съ чужбины зачатки своей культуры,—изъ Кипра, Финикіи, Карфагена, Іоніи и Греціи. Такимъ образомъ въ культурѣ и искусствѣ этрусковъ издревле существовали разнородные элементы, первоначально азіатскіе и финикійскіе, взаимно боровшіеся между собою, пока окончательную побѣду не одержала надъ ними окрѣпшая въ искусствѣ и все оставившая за собою Греція. Искусство этрусковъ никогда даже приблизительно не поднималось на ту высоту и ту степень совершенства, на которой стояло искусство грековъ. Въ этрускихъ гробницахъ найдено множество произведеній живописи, скульптуры, масса утвари и украшеній, принадлежащихъ даже къ позднѣйшимъ эпохамъ. Но всѣ эти предметы, на сколько они являются произведеніями этрусковъ, далеко уступаютъ работамъ грековъ. Живопись этрусковъ груба, несовершенна и слаба по колориту; произведенія ихъ скульптуры, какъ бы, напримѣръ, портреты изъ обожженной глины, слабы по исполненію, а по выраженію неподвижны и даже отвратительны. Кажется, будто искусство этрусковъ преднамѣренно сохраняло черты низшаго художественнаго развитія, такъ какъ даже сосуды, доставлявшіеся греками въ Этрурію, носятъ на себѣ архаическій оттѣнокъ, какъ-бы сообразуясь въ этомъ со вкусомъ этрусковъ.

Сказанное объ искусствѣ этрусковъ въ равной-же мѣрѣ можетъ относиться къ искусству латинскихъ народностей, обитавшихъ въ городахъ, сосѣднихъ съ Римомъ, и, безъ сомнѣнія, къ древнѣйшимъ художественнымъ произведеніямъ самихъ римлянъ. Первоначально у римлянъ не было ни храмовъ, ни изображеній боговъ; какъ тѣ, такъ и другія заимствованы ими изъ Этруріи. Этруски построили первые римскіе храмы, которые еще въ позднѣйшее время сохраняли этруское устройство, отличное отъ греческаго. Этруски возвели своды „cloaca maxima“ и храмъ Юпитера капитолійскаго, а Тарквиній Древній поручилъ одному этрускому художнику, по имени Волканію, поставить на фронтонѣ этого храма глиняную четырехколесную колесницу (quadriga), а внутренность святилища украсить глиняною статуею Юпитера. Но почти одновременно съ этимъ, во время Сервія Туллія и въ первыя эпохи республики, упоминаются уже имена греческихъ ваятелей, снабжавшихъ статуями храмы Рима. Немного спустя, въ половинѣ пятаго столѣтія до Р. Х., вошло въ обычай воздвигать статуи знаменитымъ людямъ,

Галлъ, убивающій себя и свою жену.
(Пергамская школа).

обычай, выродившійся въ злоупотребленіе во время войнъ, приведшихъ Римъ въ ближайшее и непосредственное соприкосновеніе съ греческими городами нижней Италіи и Сициліи. Не было уже возможности остановить потокъ греческаго искусства, неудержимыми волнами хлынувшій въ Римъ впервые въ то время, когда римскія войска переплыли Адриатическое море, римскіе полководцы овладѣли Эллагою, причемъ вся Греція и ея острова, Македонія и Малая Азія сдѣлались римскими провинціями и, такъ сказать, обильными источниками, въ которыхъ римляне утоляли свою жажду къ искусству. Статуи, картины и другія произведенія искусства сотнями, тысячами доставлялись

въ Римъ изъ мѣстъ, гдѣ они находились первоначально. Они содѣйствовали блеску триумфальныхъ шествій и доставляли храмамъ, площадямъ и куріямъ Рима новое населеніе. Когда Римъ сдѣлался всемірнымъ городомъ, за художественными произведеніями появились въ немъ и сами художники; съ наплывомъ богатствъ, начались заказы художникамъ, порученія, и Римъ, обладатель міра, сталъ средоточіемъ художественной дѣятельности, первымъ городомъ въ свѣтѣ относительно коллекцій художественныхъ предметовъ и занятій искусствомъ.

Произошло это во второмъ столѣтіи до Р. Х., въ то время, когда греческое искусство достигло уже высшей степени развитія, когда, выражаясь точнѣе, за невозможностью подняться выше уровня классической эпохи, оно овладѣло послѣднею, еще нетронутою областью художественной дѣятельности. По части скульптуры процвѣтали тогда двѣ молодыя, исполненные жизненныхъ силъ школы—пергамская и родосская, а древняя аѳинская, казалось, совершенно обновилась.

Въ Родосѣ, богатомъ торговомъ городѣ, который римляне очень щадили и о которомъ очень заботились, рядомъ съ науками, процвѣтали искусства. Здѣсь возник-

Торсъ Геркулеса бельведерскаго.

ла группа Лаокона—образецъ патетическаго воспроизведенія и мастерской отдѣлки тѣла, пораженнаго физическими страданіями и ужасомъ; здѣсь-же возникла и другая группа, еще болѣе страстная и полная жизни, извѣстная подъ именемъ „фарнезскаго быка“ (см. рисунокъ на стр. 172). Въ Родосѣ находилось три тысячи статуй и сто колоссальныхъ фигуръ, къ числу которыхъ принадлежалъ знаменитый колоссъ бога солнца, стоявшій въ гавани и издалека видимый для мореходовъ.

Родъ Атталидовъ превратилъ Пергамъ въ средоточіе наукъ и искусствъ, въ городъ, соперничавшій въ отношеніи наукъ съ Александріею, а въ отношеніи искусствъ—съ Аѳинами. До того времени немного было извѣстно о пергамской школѣ. Все сохранившееся изъ современной эпохи заключалось лишь въ немногихъ фигурахъ, имѣвшихъ отношеніе къ жертвеннымъ дарамъ и памятникамъ, воздвигнутымъ царемъ Атталомъ въ Пергамѣ и Аѳинахъ въ память одержанной имъ побѣды надъ галлами, и въ изображеніяхъ поверженныхъ, умирающихъ или убивавшихъ себя галловъ, свидѣтельствовавшихъ о характерѣ школы и ея реальномъ, дотошъ не существовавшемъ направленіи. Но то были настоящіе галлы, по очертаніямъ головы и всего тѣла, по лицу, даже по волосамъ и кожѣ, а не фигуры, только изображавшія галловъ (см. рисунки на стр. 171 и 317). Но нынѣ мы имѣемъ объ этомъ болѣе точныя свѣдѣнія. Немного времени тому назадъ, новая и важная находка присоединилась къ тѣмъ открытіямъ, которыя снова заставили всѣхъ говорить о Троѣ, Микенахъ и Олимпіи. Подобно тому, какъ съ двумя первыми

изъ названныхъ городовъ связано имя Шлимана, а съ Олимпіею — Эрнста Курциуса, такъ точно съ скульптурными произведеніями Пергама навѣки соединены имена Гуманна и Конце. Доставленные изъ Пергама въ Берлинъ въ безчисленномъ множествѣ громаднхъ обломковъ, эти произведенія скульптуры и памятники эпохи Атталидовъ, изображающіе битвы боговъ съ титанами, чудовищами преисподней и окрыленными демонами, свидѣлствуютъ о творческихъ силахъ пергамскихъ художниковъ, объ ихъ дивномъ дарѣ изобрѣтательности и руководящихъ ими мотивахъ, объ ихъ почти азіатской фантазіи, стоявшей, однакожъ, на одномъ уровнѣ съ техникою. Это новый вкладъ, внесенный въ сокровищницу нашихъ свѣдѣній о пластикѣ грековъ.

Одновременно съ этимъ, какъ уже мы замѣтили, обновилась аѳинская школа и во времена римскія, до эпохи Августа, создавала произведенія, считавшіяся образцовыми до тѣхъ поръ, пока въ Лондонѣ не были привезены работы Фидія. Въ эту эпоху аѳинянинъ Аполлоній изваялъ могучаго Геркулеса, сидящаго на скалѣ и отдыхающаго отъ своихъ подвиговъ. Мы имѣемъ только его торсъ, знаменитый бельведерскій торсъ; но, заключая по ширинѣ его плечъ, силѣ мускуловъ, полагаемъ, что на раменахъ своихъ онъ могъ бы, подобно Атласу, носить сводъ неба. Другой аѳинянинъ, по имени Гликонтъ, изваялъ статую своего знаменитаго Геркулеса, такъ называемаго фарнезскаго, въ Неаполѣ (см. рисунокъ на стр. 134), который своимъ могучимъ тѣломъ атлета склоняется на па-

Венера Медицейская.
Съ оригинала во Флоренціи.

кусства: боргезскій гладіаторъ, — почти на столько же художественный кунштшюкъ, какъ и художественное произведеніе, если на смѣло приготовившюся къ бою, напряженную въ каждомъ мускулѣ фигуру смотрѣть, какъ на проявленіе высшаго познанія анатоміи; Аполлонъ бельведерскій (см. рисунокъ на стр. 61), исполненный величія богъ, выступающій легко и гордо, какъ и подобаетъ побѣдителю, съ эгидою въ лѣвой рукѣ, и обращающій въ бѣгство враговъ своего святилища; его сестра въ Луврѣ, такъ называемая Діана версальская, съ оленемъ (см. рисунокъ на стр. 126) и, наконецъ, спящая на ложѣ Аріадна. Римляне не нанесли ущерба искусству грековъ. Если пониманіе ими искусства не отличалось глубиною, если они нерѣдко съ предпочтеніемъ относились къ внѣшности, подчиняясь модѣ и архаическому диллетантизму, то, во всякомъ случаѣ, имъ былъ присущъ извѣстнаго рода энтузіазмъ, поддерживавшій жизнь и дѣятельность искусства. Во время императоровъ, самобытное творчество, насколько пластика вращалась въ кругу идей и представленій греческихъ, начало мало по малу ослабѣвать и римляне,

лицу. Третій аѳинянинъ этой эпохи, Клеоменъ, сынъ Аполлодора, изваялъ „Венеру Медицейскую“, считавшюся нѣкогда чудомъ искусства, прелестнѣйшимъ женскимъ образомъ, который когда-либо создавало искусство. Нынѣ она, конечно, развѣнчана и отошла на задній планъ предъ Венерою милосскою; впрочемъ, она не выдержала бы сравненія и съ тою чистою, несознаваемою, хотя и земною красою, которою надѣлилъ Пракситель свою Афродиту. Однакожъ, и Венера Медицейская, въ сознаніи своей красоты, граціи и прелести, въ изящномъ строеніи своего гибкаго тѣла, является произведеніемъ, которое, за отсутствіемъ чего-либо высшаго, вполне заслуженно вызываетъ въ насъ чувство удивленія.

Къ той же эпохѣ принадлежатъ и другія знаменитыя произведенія греческаго ис-

главнымъ образомъ, занялись копированіемъ образцовыхъ произведеній древности, копированіемъ, производившимся съ большимъ успѣхомъ еще во времена Адріана. При этомъ, римляне поставили скульптурѣ новыя задачи въ чисто римскомъ духѣ. Къ числу таковыхъ, въ извѣстномъ смыслѣ, относится производство портретовъ. Портреты-статуи и портреты-бюсты въ несравненно большемъ числѣ дѣлались въ Римѣ, чѣмъ въ Греціи, такъ какъ по своему реалистическому значенію они вполне соответствовали вкусу римлянъ. Римляне вообще не были склонны къ идеализаціи, а въ особенности къ идеализаціи того, что заимствовано непосредственно изъ жизни. Это относится и къ портретамъ, въ особенности же къ рельефнымъ работамъ историческаго содержанія.

Еще раньше римляне любили въ картинахъ представлять народу свои подвиги; когда же въ ихъ распоряженіи оказалась образцовая техника грековъ и безчисленное множество художниковъ, тогда оставался только одинъ шагъ до мысли увѣковѣчить эти

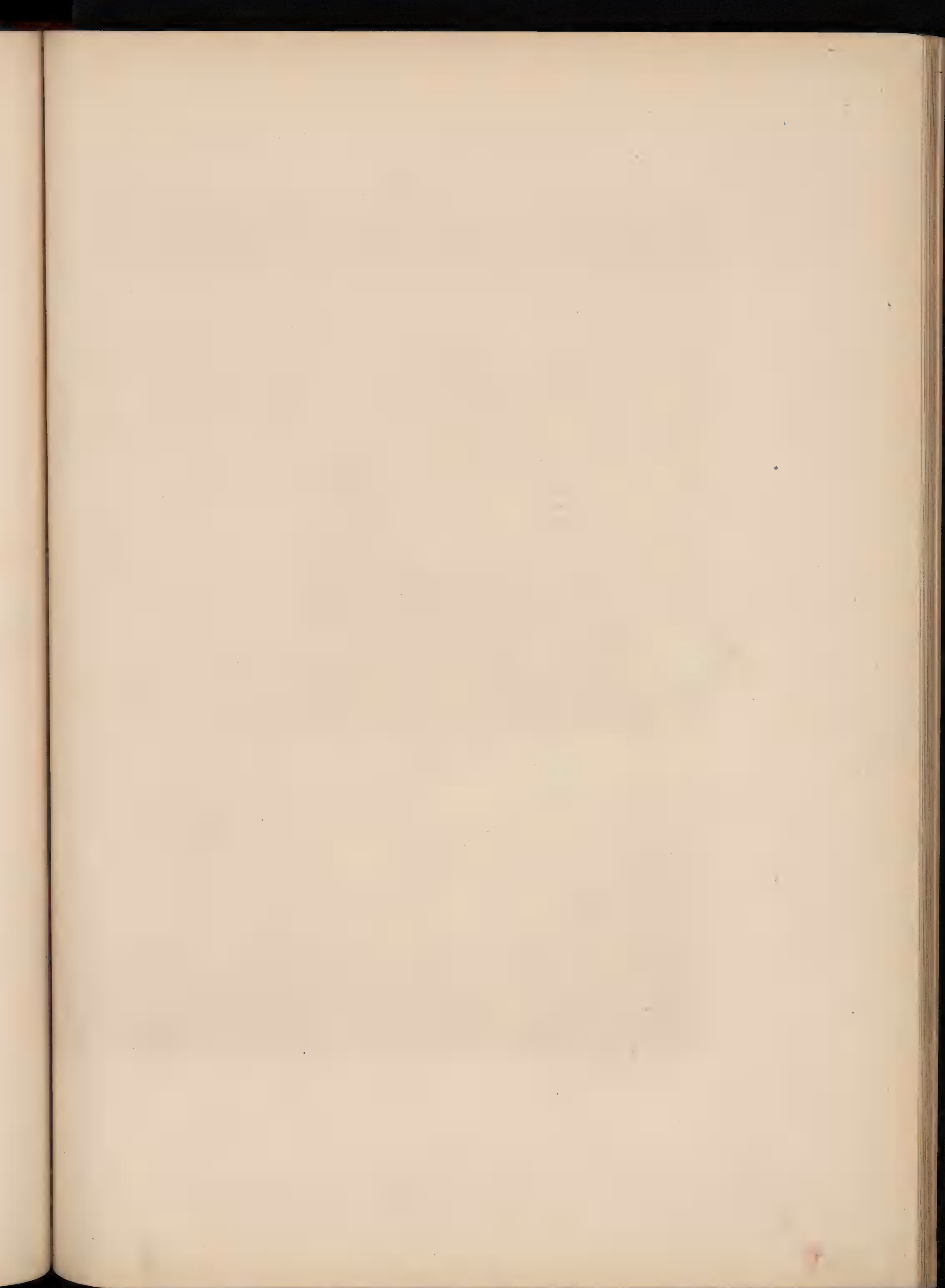

Спящая Ариадна.

картины и, посредствомъ воспроизведенія въ мраморѣ дѣяній и совершившихъ ихъ людей, сохранить какъ тѣ, такъ и другія въ памяти потомства. Отсюда эти богатые фигурами рельефы, покрывающіе триумфальныя арки и колонны и изображающіе событія изъ жизни императоровъ, какъ это и нынѣ мы видимъ въ Римѣ, на сохранившихся памятникахъ, триумфальныхъ аркахъ Тита, Септимія Севера и Константина, а также на колоннахъ Траяна и Марка Аврелія Антонина. Рельефныя картины насчитываются сотнями, а фигуры—тысячами, и всѣ они заимствованы изъ дѣйствительности и воспроизведены согласно съ дѣйствительностью.

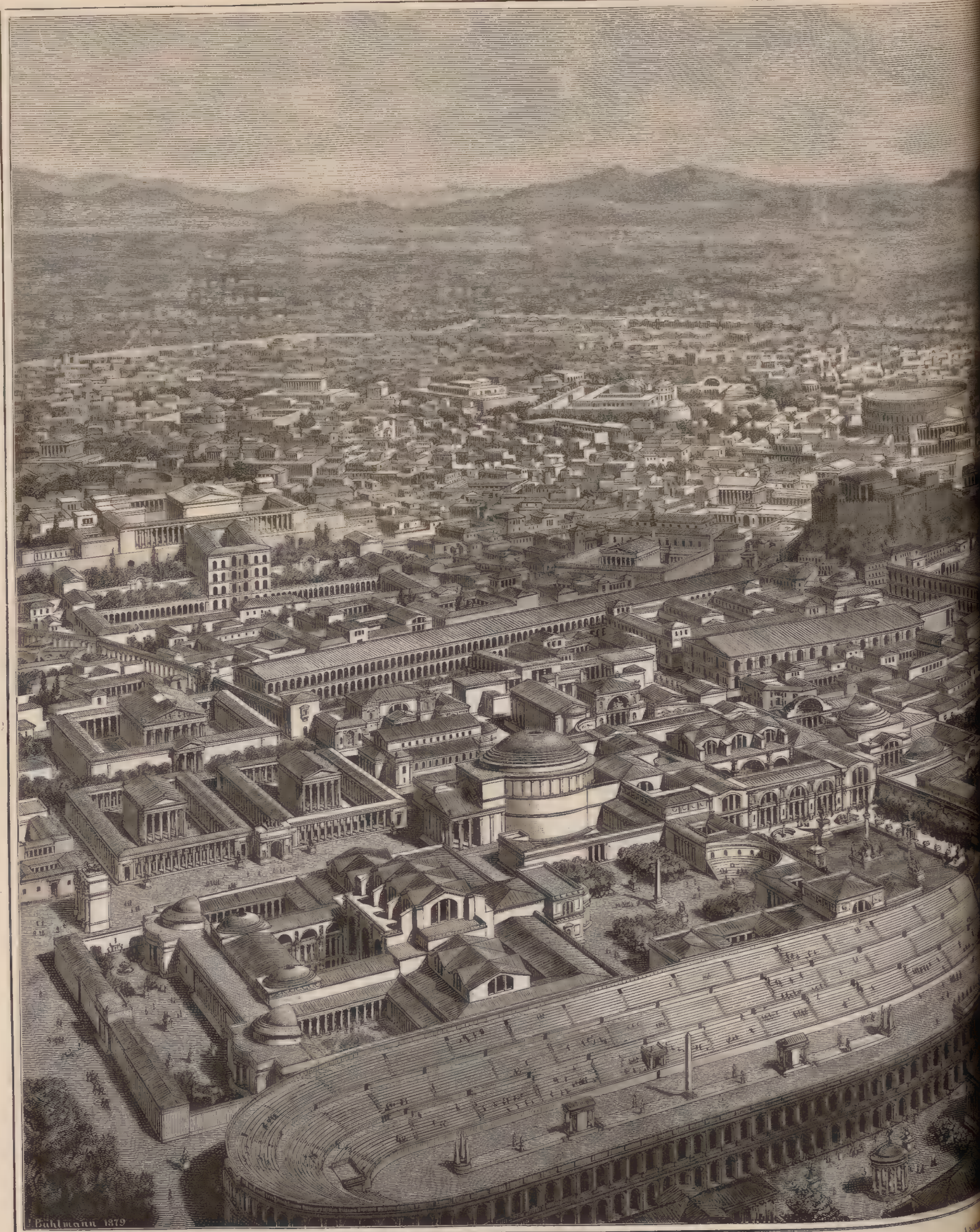
Но въ этихъ реалистическихъ, чисто-римскихъ произведеніяхъ сказываются греческіе принципы искусства. Греки пренебрегали живописною обстановкою задняго плана и старались каждую фигуру въ отдѣльности—на фигуры они вообще не были щедры—обрисовать ясно и точно. Напротивъ, римляне прибѣгали къ живописной перспективѣ, къ исторической обстановкѣ, къ изображеніямъ горъ, рѣкъ и крѣпостей, нагромождали фигуры одна на другую, ставили ихъ одна за другою, согласно съ дѣйствительностію, а не съ принципіальными требованіями искусства.

Римъ при императорѣ Авреліанѣ.

Вольскія горы.	Минерва Врачевательница.	Препеcтинскія вoрoтa.	Окрестности Тускулумъ.	Осланныя вoрoтa.
Тибуртинскія вoрoтa.		Эвевилинскій холмъ.	Амфитеатръ Castrens.	
		Храмъ Юноны.	Термы Тита.	Колизей.
Холмъ Viminalis.	Термы Олимпін.		Портикъ Ливіи.	Храмъ Венеры и Храмъ Антонина
Храмъ солнца Аврелиана.		Субура.	Площадь Императоровъ.	Крѣпость.
Площадь Суаріумъ.			Храмъ и базилика Траяна.	
Aqua Virgo.		Septa Julia.		Villa Publica.
		Храмъ Инды и Сераписа.		Дирибиторіумъ.
Храмъ Адриана.		Храмъ Минервы.	Преддверіе Термъ.	
Храмъ Нептуана.	Храмъ Интурни.	Базилика Матдіи.		
	Термы Перона.			
		Пантеонъ и термы Агриппы.		
		Циркъ Александра Севера.		

	Дорога и ворота Ашмй.		Окрестности Акньюмъ.
Метроийскія вѣрота.	Латинскіе вѣрота.	Термы Каракаллы.	Восточныя вѣрота.
Холмъ Палатинскій	Большой циркъ.	Храмъ Меркурія.	Храмъ Діаны.
свѣтлоуказъ Императора.	Площадь быковъ. (Circus Maximus).	Храмъ Цезеры.	Храмъ Флоры.
Холмъ Юпитера.	Четверокопый Іанусъ.	Храмъ Фортуны.	Общ. склади.
	Театръ Марцелла.	Мость Фабриція.	Мость Субліція.
	Портикъ Октавіа.		Мость Цестія.
	Храмъ Геркулеса.	Портикъ Минувія.	
	Дворецъ Филиппа.	Театръ Бальба.	Гробницы на берегу Тибра.
		Храмъ Марса.	
		Арка на Тибрѣ.	
		Вольшой Портикъ.	
	Портикъ Еурія и Театръ Помпея.	Odeum.	
	Дворецъ Александра Севера.		

43

VIA APPIA БЛИЗЪ РИМА.
 Съ подробными монументами по обѣимъ сторонамъ, съ памятникомъ Цезаря Метелла и съ третьимъ милевымъ камнемъ на переднемъ планѣ (возстановленный видъ.)

Придерживаясь подобнаго рода воззрѣній, въ угоду своему личному вкусу, римляне отступали отъ строгихъ законовъ искусства и шагъ за шагомъ вели его къ упадку, какъ это видно на упомянутыхъ уже памятникахъ. Императоръ Адрианъ, диллетантъ и любитель искусствъ, старался произвести нѣчто въ родѣ эпохи возрожденія искусствъ, — эпохи, ознаменовавшейся только превосходными копіями и погибшей въ вычурномъ архаическомъ диллетантизмѣ. Одну только оригинальную фигуру произвела она — прекрасный, скорбный юношескій образъ любимца императора, Антиноя. Бури, грозившія имперіи съ эпохи Марка Аврелія и, наконецъ, погубившія ее, мало благопріятствовали кропотливымъ и требующимъ спокойствія занятіямъ скульптурою. На колоннахъ послѣдняго императора замѣчается уже быстрый упадокъ искусства. Чтобы украсить свою триумфальную арку, Константинъ обобралъ памятники своихъ предшественниковъ. Между тѣмъ, художники начали работать поспѣшно, нерадиво, не обращая вниманія на формы. Пестрый, цвѣтной мраморъ долженъ былъ возмѣщать то, чего не доставало относительно формы. Бюсты-портреты дѣлались съ такимъ небрежнымъ отношеніемъ къ индивидуальнымъ особенностямъ, что можно усомниться на счетъ ихъ сходства съ оригиналами. На многихъ саркофагахъ — послѣдней отрасли искусства, свой-

Боргезскій атлетъ.

ху (около 300 лѣтъ до Р. Х.), далъ Риму одного живописца, который поэтому и получилъ прозваніе Пиктора. Фабій Пикторъ украшалъ храмы большими стѣнными картинами, но манерою своею, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ заимствовался отъ грековъ. Въ то время живопись этрусковъ уже подчинилась преобладающему вліянію грековъ, а въ Римѣ ее постигла такая же участь, какъ и скульптуру: она шла по пути, намѣченному греками, прежде чѣмъ Эллада превратилась въ Ахаію. Когда же, вмѣстѣ съ статуями, въ Римѣ появились картины великихъ мастеровъ, а вслѣдъ за картинами и сами художники, тогда римская живопись сдѣлалась совершенно греческою. Изъ римскаго осталось въ ней только предпочтеніе къ грубымъ народнымъ сценамъ, къ образамъ, выхваченнымъ изъ повседневной жизни, что, впрочемъ, не вполне было чуждо и искусству грековъ.

ственной этой эпохѣ — можно, шагъ за шагомъ, прослѣдить процессъ превращенія искусства въ ремесло и окончательнаго его паденія. Въ Византіи пластика уже не пользовалась сочувствіемъ, хотя тамъ и любили живопись.

Живопись, быть можетъ, встрѣчала больше сочувствія въ самомъ характерѣ и наклонностяхъ римлянъ, чѣмъ пластика. По крайней мѣрѣ, въ числѣ живописцевъ нерѣдко встрѣчаются чисто римскія имена и знаменитый, благородный родъ Флавіевъ, въ относительно раннюю эпо-

Греческая живопись, прежде чѣмъ подняться въ римской имперіи на степень мірового искусства, у себя на родинѣ прошла уже всѣ ступени и фазы развитія, овладѣвъ всѣми разрабатываемыми и нынѣ областями искусства. Начавъ съ мифологіи, она изображала сюжеты историческіе и затѣмъ занялась сценами изъ повседневной и домашней жизни. У греческихъ живописцевъ рисунокъ былъ правильный; моделировали они и клали краски искусно, распредѣляли цвѣтъ и тѣни согласно съ дѣйствительностью,

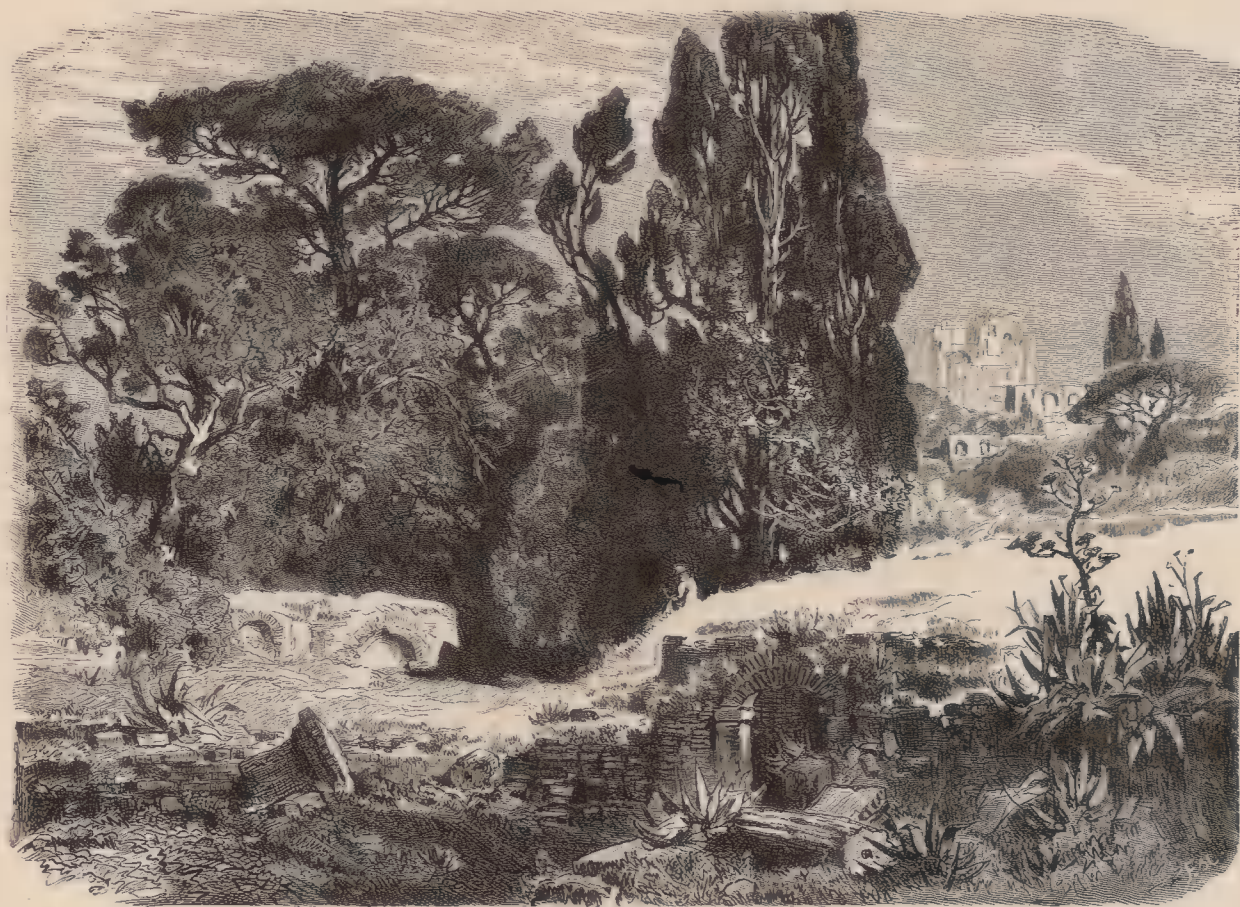

Forum и колонна Траяна.

понимали условія линейной и воздушной перспективы, до нѣкоторой степени умѣли сообщать своимъ образамъ выраженіе, группировали, драматизировали ихъ и въ лицахъ и движеніяхъ выражали страсти и чувство. Если греческой живописи чего-либо не доставало, такъ это умѣнья изображать необычайныя картины природы, производить эффектное освѣщеніе и представлять возвышенныя сцены, столь любимыя нынѣшними ландшафтными живописцами. Но обусловливалось это не недостаткомъ искусства, а скорѣе недостаткомъ воспримчивости.

Подобно скульптурѣ, греческая живопись всецѣло отдала себя въ распоряженіе нуждавшимся въ искусствѣ римлянамъ. Создать что-нибудь высшее или новое, казалось, не было возможности; ничего поэтому и не создавалось. Однакожь, живопись въ Римѣ и въ римской имперіи подверглась существенному, хотя и внѣшнему видоизмѣненію. Въ Элладѣ картинною живописью занимались столько-же, какъ и стѣнною, и знаменитыя работы позднѣйшихъ мастеровъ, Апеллеса и его ближайшихъ предшественниковъ, о которыхъ такъ много повѣствуетъ анекдотическая исторія искусства, принадлежали къ числу произведеній картинной живописи. Со временъ Александра Великаго вошло въ обычай расписывать стѣны домовъ, но въ эпоху римлянъ живопись картинъ окончательно отступила предъ живописью стѣнною. Главною и преимущественною задачею

Вилла Адриана близъ Тиволи.

художники ставили себѣ украшеніе домовъ, и обычай этотъ настолько распространился, что безъ живописныхъ украшеній не обходилось ни одно жилище, ни одна комната, даже ни одно помѣщеніе для рабовъ.

Вслѣдствіе именно этого, до насъ дошло очень немного греческихъ или греко-римскихъ картинъ. Нѣсколько расписныхъ мраморныхъ досокъ, найденныхъ въ Геркуланѣ и Помпеѣ, въ настоящемъ ихъ видѣ представляющихъ только слабыми набросками и принадлежащихъ кисти одного аѳинскаго художника—вотъ все, что мы имѣемъ въ этомъ отношеніи. Прямыхъ послѣдствіемъ этого для искусства явилось пренебреженіе живописью картинъ, предполагающее ту законченность выполненія, которою греческіе живописцы обладали въ высшей степени. Комнатная живопись и безчисленное множество ея задачъ пріучили руку художника къ спѣшной и небрежной работѣ; ху-

дожникъ превратился въ декоратора, искусство — въ ремесло. Въ Римѣ, рядомъ съ людьми, занимавшимися высокимъ искусствомъ, не существовало комнатныхъ живописцевъ. Живопись подверглась упомянутому видоизмѣненію, захвативъ съ собою всѣхъ талантливыхъ людей, что не исключало, однакожь, возможности существованія нѣкоторыхъ выдающихся художниковъ, занимавшихся высокимъ искусствомъ, какъ по части портретной, такъ и исторической живописи. Въ концѣ республики жили знаменитые портретисты, и въ числѣ различныхъ родовъ живописи существовалъ особый ея родъ, извѣстный подъ именемъ „laia“ и отличавшійся производствомъ прелестныхъ женскихъ портретовъ. Со времени императоровъ, искусство вообще становится безымяннымъ. Однакожь, декоративная живопись отнюдь не страдала недостаткомъ даровитыхъ дѣятелей. Напротивъ, хотя многія изъ ея произведеній набросаны болѣе чѣмъ небрежно и грубо, многія изъ нихъ болѣе чѣмъ обыденны и низменны, тѣмъ не менѣе, всѣ они блещутъ жизнью и талантомъ, фантазіею и чувствомъ красоты. Прелесть формъ, богатство вымысла, полнота мотивовъ, изящество красокъ и гармоническое ихъ сочетаніе—все это изумительно и вѣчно будетъ восторгать людей, которыхъ зрѣніе и сердце доступны чувству красоты.

Къ нашему счастью, сохранилась масса этихъ прелестныхъ произведеній декоративной живописи. Не одни только погребенные подъ пепломъ и далеко еще не истощенные города, Геркуланъ и Помпея, возвратили міру сокровища искусства. Самъ Римъ, не говоря уже о многихъ мѣстностяхъ обширной римской имперіи, со временъ Рафаэля вносилъ и теперь еще вноситъ новые вклады въ сокровищницу искусства, благодаря случайностямъ, происшедшимъ во время переворотовъ, которымъ подвергался вѣчный городъ, а также благодаря раскопкамъ, предпринятымъ наукою и ревностью меценатовъ. Эти находки особенно интересны, какъ сами по себѣ (напримѣръ, эсквилинскій циклъ спенъ изъ Одиссеи), такъ и по принадлежности своей къ послѣдней эпохѣ республики и началу имперіи. Такъ какъ онѣ древнѣе находокъ помпейскихъ, то по нимъ можно прослѣдить ихъ исторію и ходъ развитія. И дѣйствительно, онѣ имѣютъ свою исторію въ теченіе одного столѣтія до извѣстнаго изверженія Везувія въ 79 году до Р. Х., несмотря на то, что всѣ роды и мотивы стѣнной живописи были разработаны уже греками временъ діодоровъ.

По свидѣтельству Витрувія, стѣнная живопись началась съ подражанія цвѣтной обшивкѣ стѣнъ, изъ мрамора и другихъ сортовъ дорогого камня, примѣнявшейся къ архитектурнымъ требованіямъ. Отсюда уже не далеко было до мысли, внутрення пространства и отдѣльныя поля стѣнъ заполнять картинами, не только картинами мифологическаго и историческаго содержанія и сценами изъ повседневной жизни, но и рисунками, долженствовавшими, такъ сказать, расширить, увеличить объемъ жилыхъ помѣщеній, ландшафтами, изображеніями зданій, театральныхъ сценъ и садовъ. Тутъ уже представлялась полная свобода фантазіи, которая превращала все созданное раньше, хотя и измышленное, но вѣрное дѣйствительности, въ нѣчто фантастическое, невозможное, въ неуловимые образы свободного, ничѣмъ на стѣсняемаго творчества.

По многимъ причинамъ, мы сомнѣваемся, чтобы такого рода постепенность совершилась въ строгой хронологической градаціи, хотя это и подтверждается свидѣтельствомъ Плинія о новыхъ изобрѣтеніяхъ и новыхъ пріемахъ живописца Лудія, если только имя послѣдняго такъ слѣдуетъ читать. Лудій жилъ во время императора Августа и первый началъ украшать стѣны граціозными и богато обставленными ландшафтами, рисунками виллъ и садовъ, храмовъ, святилищъ и колоннадъ, памятниковъ и фонтановъ, лѣсовъ и полей, прудовъ и рѣкъ, морскихъ заливовъ, ихъ береговъ и горъ. Все это онъ оживлялъ изображеніями мореходовъ и рыбаковъ, путешественниковъ и странниковъ, шедшихъ пѣшкомъ, ѣхавшихъ въ колесницахъ и на ослахъ, фигурами охот-

никовъ, птицелововъ, виноградарей, сценами изъ народного быта и группами людей. И все это не было лишено національнаго юмора.

Эти прелестныя украшенія, какъ по времени, такъ и по идеѣ, предшествовавшія упомянутой уже фантастической архитектурѣ, не были, однакожь, вполне устранены своею преемницею: возникъ новый ихъ родъ, но старое осталось. Такъ, въ Помпеѣ, которой тысячи картинъ принадлежатъ къ короткому и вполне определенному промежутку времени въ пятнадцать лѣтъ между землетрясеніемъ и изверженіемъ Везувія, мы находимъ въ полномъ смѣшеніи все, что Витрувій представляетъ намъ на трехъ различныхъ ступеняхъ: простую архитектурную живопись, картины, ландшафты, архитектурныя рисунки и фантастическую архитектуру, о которой мы упомянули при описаніи домовъ римлянъ.

АНТИНОЙ.

Собственно картины очень рѣдко представляютъ историческіе сюжеты, въ родѣ, на примѣръ, битвы Александра Великаго, воспроизведенной въ знаменитой помпейской мозаикѣ. Какъ по формѣ, такъ и по содержанію, онѣ не отрѣшаются отъ своего декоративнаго характера: по формѣ—по своимъ летучимъ наброскамъ, по легко и изящно обрамляющимъ ихъ цвѣтнымъ линіямъ; по содержанію—по своимъ лишь веселаго характера сюжетамъ. Ландшафты весело озарены лучами солнца или дневного свѣта; сады, съ журчащими прохладными источниками, сверкаютъ цвѣтами подъ сводомъ темноголубого неба; надутые паруса мореходныхъ судовъ предвѣщаютъ веселую поѣздку. Боги и владыки играютъ тутъ такую же роль, какъ въ жизни и поэзіи: вездѣ они стоятъ на первомъ планѣ. Тѣмъ изъ нихъ, которые являются представителями веселаго настроенія, дается, однакожь, предпочтеніе. Венера и Амуръ—красота и любовь—всему

задаютъ тонъ; какъ жизнь, такъ и искусство проникнуты любовью. Затѣмъ слѣдуютъ уже изображенія людей, но и въ нихъ художникъ старательно избѣгаетъ всего серьезнаго и печальнаго. Въ „Домѣ поэта“ изображено бракосочетаніе Зевса; римская картина такъ называемой альдобрандинской свадьбы представляетъ, въ опoкойной торжественности, бракосочетаніе людей. Мать обряжаетъ на бракъ свою дочь; однѣ дѣвушки представлены въ сценахъ любовныхъ, другія—упражняющимися въ музыкѣ; одна писательница, съ таблицею въ рукахъ, задумчиво подноситъ къ устамъ грифель. На иныхъ картинахъ изображены удовольствія стола, пирующее въ триклиніумѣ общество или мирный, дружескій обѣдъ самъ-другъ; съ поразительною вѣрностью представлено все, имѣющее отношеніе къ гастрономіи: сочные плоды, морскія животныя, дичь и живность, цвѣты, вѣнки и золотыя чаши. Порою, въ чисто-итальянскомъ вкусѣ, въ картинахъ

Ландшафтъ изъ Одиссеи.

воспроизводятся сцены изъ народнаго быта, гладіаторы и комедіанты, на которыхъ охотно смотрѣли, но съ которыми неохотно входили въ сношенія, валяльщики сукна и банщики, рыботорговцы, носильщики, извозчики, трактирщики и все дурное или хорошее посѣщавшее ихъ общество.

Но рука художника, сообщавшая красоту каждому легкому штриху, съумѣла предохранить отъ пошлости все это; впрочемъ, искусство эллиновъ идеализировало не только эти сюжеты, но и все, въ эпоху начинавшагося, если и не наступившаго еще упадка искусствъ. Въ катакомбахъ, въ теченіе двухъ вѣковъ, до возникновенія миниатюрной живописи свидѣтельствовавшихъ объ исторіи греко-римской живописи, чувствуется уже вѣяніе иного духа. Эллинское веселое настроеніе исчезаетъ предъ мрачнымъ настроеніемъ христіанъ; искусство клонится къ упадку; рука и глазъ утрачиваютъ чувство красоты и

Храмъ Паллады.
Возстановленная древняя римская постройка.

христианская строгость и черствость наступаютъ вмѣстѣ съ византійскою неподвижно-стью формъ, линій и выраженія. Долго еще въ Византіи занимались живописью, стоявшею, однакожъ, въ разительномъ контрастѣ къ свободному, свѣтлому искусству клас-сической эпохи.

Во введеніи мы уже замѣтили, что архитектура римлянъ болѣе независимымъ об-разомъ шла по своему пути, хотя и при помощи заимствованныхъ средствъ и скорѣе въ смыслѣ техническихъ усовершенствованій, чѣмъ въ смыслѣ того, что составляетъ соб-ственно искусство. Но такъ какъ въ архитектурѣ, болѣе чѣмъ во всякой другой от-расли искусства, возникновеніе великихъ формъ покоится на техникѣ, то поэтому именно архитектура римлянъ не только завоевала себѣ въ исторіи искусства самостоятельное положеніе и создала стиль, но и оказала значительное вліяніе на его дальнѣйшее развитіе.

Этрусскіе художники построили въ Римѣ первые храмы, по этрусскому же основ-ному плану, т. е. съ обширною „cella“ и съ открытою предъ нею колоннадою, причемъ, какъ первая, такъ и вторая, въ противоположность греческимъ продолговатымъ хра-мамъ, приближались больше къ формѣ квадрата. Такое устройство ихъ обусловливалось не только подражаніемъ архитектурѣ этрусковъ, но и обрядами авгуровъ, которые, стоя подъ портикомъ, производили свои наблюденія на небѣ. Они составляли существенную

черту римскихъ храмовъ, даже во время преобладающаго вліянія грековъ, когда квадратъ принялъ удлинненную форму и римляне стали возводить своимъ богамъ, отождествившимся съ богами греческими, храмы, съ соблюденіемъ всѣхъ греческихъ формъ, даже формы громаднaго периптера—зданія, сплошь обнесеннаго колоннами. Обширная „cella“ и глубокий портикъ составляли существенную принадлежность даже круглыхъ храмовъ.

Если римляне неуклонно придерживались такого устройства храмовъ, то, относительно размѣщенія колоннъ, они давно уже перестали подражать этрускамъ. Въ этрускомъ или тосканскомъ орденѣ, обязанномъ своимъ началомъ отчасти деревяннымъ архитектурнымъ постройкамъ, отчасти подражанію древнему дорическому стилю или вліянію послѣдняго, колонны, напоминавшія о своемъ дорическомъ происхожденіи, разставлялись въ большемъ разстояніи одна отъ другой. Оставивъ тосканскій и дорическій ордена, римляне придерживались греческихъ образцовъ, заимствовавъ изъ нихъ предпочтительно форму, которая даже въ Элладѣ никогда не была самостоятельной,—

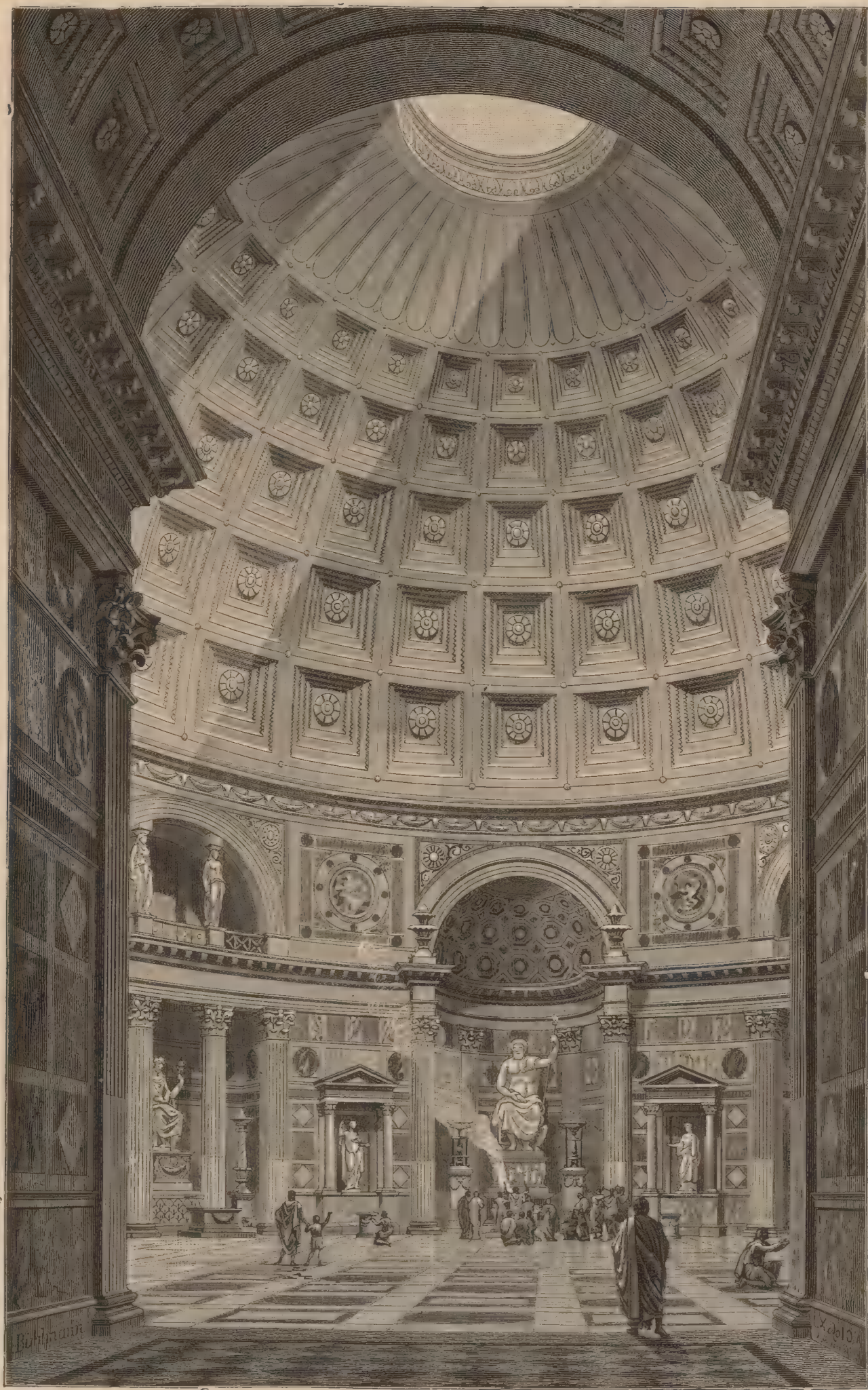
Капители коринтская и смѣшаннаго ордена.

форму коринтской капители. Богатая, роскошная коринтская капитель, съ вѣнкомъ акантовыхъ листьевъ, гораздо болѣе приходилась по вкусу любившимъ великолѣпіе римлянамъ, чѣмъ простая дорическая или скромная іоническая капитель. Но римляне приняли ее не только въ той формѣ, какую сообщили ей греки, но, присоединивъ къ листьямъ всякаго рода украшенія и іоническіе завитки, выдающіеся по четыремъ угламъ верхняго квадрата, создали капитель смѣшаннаго рода. Такимъ образомъ возникъ новый орденъ, римскій, получившій самое широкое примѣненіе во всей римской имперіи.

Но это чисто-художественное видоизмѣненіе греческаго стиля далеко не имѣло значенія, представляемаго измѣненіями, которыя обуславливались новыми архитектурными приѣмами. Подъ этимъ мы разумѣемъ введеніе въ архитектуру свода, давшаго возможность покрывать большія сооруженія и выполнять задачи, разрѣшенія которыхъ до сихъ поръ архитектурѣ не предоставлялось.

Хотя сводъ изобрѣтенъ не римлянами, но они такъ часто и многосторонне пользовались имъ, дали ему столь необходимое и существенное примѣненіе въ архитектурѣ,

Внутренность Пантеона.

5

Смерть Сократа.

что въ этомъ отношеніи заслуга всецѣло принадлежитъ римлянамъ. Этрускамъ былъ извѣстенъ сводъ; откуда бы они ни заимствовали его, но этрускіе зодчіе возвели въ Римѣ первое сводчатое сооруженіе, слоаса махіма, большой водосточный каналъ, при помощи котораго осушена низменность между римскими холмами. И службу эту сослужилъ простой коробовый сводъ, давшій возможность возводить большія крытыя сооруженія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлявшій и нѣкоторыя неудобства, такъ какъ, по своимъ размѣрамъ, тяжести и необходимой массивности своего матеріала, онъ требовалъ толстыхъ, крѣпкихъ и достаточно устойчивыхъ стѣнъ. Пытливая и соображающая мысль зодчаго, изыскивая способы придать болѣе легкости архитектурнымъ формамъ, остановилась на стрѣльчатомъ сводѣ, то есть, на двухъ высокихъ, взаимно пересѣкающихся коробовыхъ сводахъ, которые всею тяжестью своею положились на четыре угловые столба и, слѣдовательно, не нуждались въ поддержкѣ боковыхъ стѣнъ. Посредствомъ этого достигалась не только большая степень легкости сооруженій и сберегался строительный матеріалъ, но и представлялась возможность возводить открытыя постройки и сообщать имъ желаемые размѣры.

Впаденіе слоаса махіма въ Тибръ.

Примѣненіе и развитіе свода позволяли римлянамъ разрѣшать многія задачи, тѣмъ болѣе, что, вслѣдствіе присущаго римлянамъ стремленія къ грандіозному и ихъ несокрушимой энергіи, они не отступали предъ рѣшеніемъ такихъ задачъ. Сдѣлавшись зодчими въ широкомъ стилѣ, римляне уже не поручали грекамъ выполненія архитектурныхъ работъ, но сами были архитекторами, художниками и инженерами.

Въ связи съ слоаса махіма находилась цѣлая система сводчатыхъ каналовъ, отводившая въ Тибръ городскія нечистоты и, вмѣстѣ съ главнымъ каналомъ, вполне дѣйствующая и въ настоящее время. Сводчатые каналы, удалявшіе изъ города грязныя воды и очищавшіе воздухъ отъ лихорадочныхъ міазмъ, снабжали Римъ свѣжею горною водою, непосредственно проведенною изъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи римлянамъ не представляли препятствій ни горы, ни пропасти, ни даже рѣки. Горы прорывались, на рѣкахъ наводили мосты, по глубокимъ долинамъ прокладывались, двойнымъ или тройнымъ рядомъ, смѣло возведенныя арки. Водопроводъ „аніо нова“ въ одномъ мѣстѣ возвы-

Отъ коробоваго и стрѣльчатого свода римляне перешли къ круглому своду, т. е. надъ круглыми зданіями стали возводить все болѣе суживавшимися кругами ряды камней, которые замыкались вверху ключемъ свода. Когда именно возникъ отдѣльно каждый изъ этихъ архитектурныхъ моментовъ—опредѣлить трудно; во всякомъ случаѣ, къ концу республики стрѣльчатый, коробовый и круглый своды были уже извѣстны, такъ же какъ и коринфско-римскій орденъ.

шается надъ землею на 109 футовъ, а акведуктъ у Немазуса, нынѣшній pont de Gard, близъ Нима, въ южной Франціи, достигаетъ высоты, почти въ два раза большей. Протекая въ закрытыхъ или сводчатыхъ каналахъ, то на поверхности земли, то подъ землею, въ Римѣ холодная вода, съ стремительною и свѣжестью горнаго потока, била изъ земли. Даже въ самыхъ возвышенныхъ частяхъ города не было въ ней недостатка; примѣру столицы слѣдовали всѣ города имперіи. То-же самое сдѣлали римляне и въ отношеніи путей сообщенія: виадукты проходили надъ пропастями; при помощи столбовъ и арокъ, не мѣшавшихъ, однакожъ, судоходству, римляне овладѣвали теченьемъ самыхъ широкихъ и быстрыхъ рѣкъ. Въ смутныя времена все это пришло въ упадокъ или подвергалось умышленному разрушенію, но образцы римскихъ сооружений существуютъ и нынѣ. Устой моста, по которому Траянъ переправился чрезъ Дунай въ Мизию, упѣлѣли до настоящаго времени. Но лучшимъ памятникомъ римскихъ мостовыхъ сооружений является нынѣ въ Римѣ мостъ св. Ангела (Ponte San Angelo), который императоръ Адрианъ перекинулъ чрезъ Тибръ къ возведенному имъ зданію—нынѣшнему замку св. Ангела.

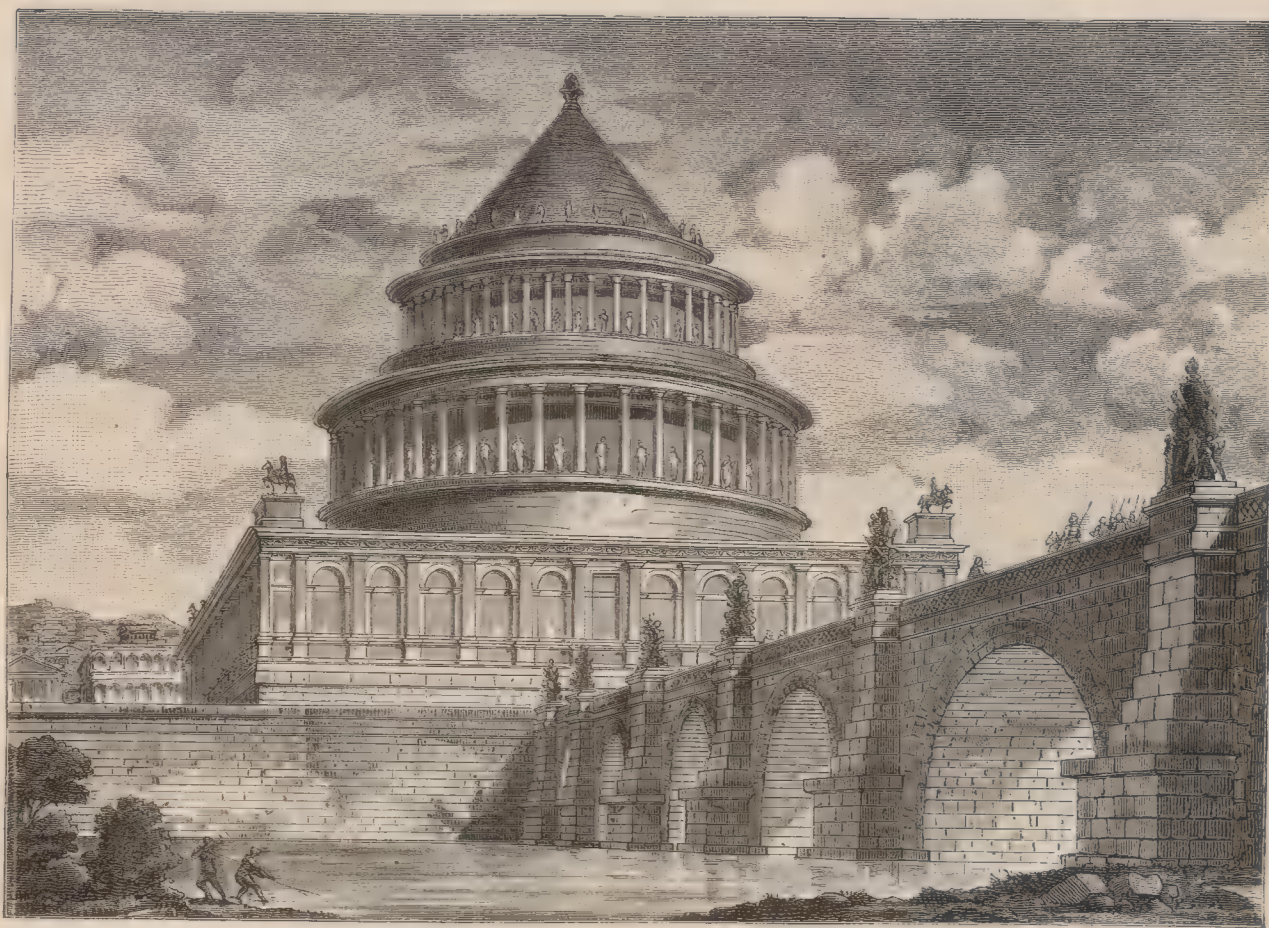
Сводъ далъ возможность соорудить прочныя проходныя ворота. Многія изъ римскихъ воротъ существуютъ и нынѣ, какъ, на примѣръ, Porta Nigra въ Трирѣ, въ послѣдствіи имперскомъ городѣ Рейнской провинціи Пруссіи. Обыкновенно они строились въ три прохода, надъ которыми возводилось большое, фланкированное башнями сооруженіе, нерѣдко имѣвшее монументальное значеніе. Эти чисто-монументальныя цѣли достигались при помощи другого рода воротъ, именно, воротъ триумфальныхъ, изъ которыхъ трое сохранились въ Римѣ: триумфальныя ворота Тита, Септимія Севера и Константина Великаго (см. рисунокъ на стр. 332). Такія ворота, стоявшія, на примѣръ, на священной дорогѣ, по которой обыкновенно двигались триумфальныя шествія, возводились сначала въ виду временныхъ цѣлей, но въ послѣдствіи они сдѣлались постоянными памятниками побѣдъ и триумфовъ. Такова была отдѣльно стоявшая арка Тита съ однимъ проходомъ, таковы были и другія арки съ тройнымъ проходомъ, съ громадными стоявшими предъ ними столбами, съ колоннами, съ высокою надъ ними аттикою, покрытою надписями и рельефными изображеніями. Въ аркѣ Тита внутренность сводчатаго прохода украшена рельефными картинами, изображающими подвиги этого героя.

Стрѣльчатый сводъ далъ возможность разрѣшать и другого рода задачи, входившія въ кругъ цѣлей и требованій римлянъ. Мимоходомъ упомянемъ здѣсь лишь о подземныхъ сводчатыхъ постройкахъ, приспособленныхъ къ поддержкѣ рядовъ скамей въ театрѣ и своею громадностью возбуждающихъ въ насъ нынѣ чувство изумленія,—въ амфитеатрѣ и римскомъ коллизеѣ. Независимо отъ храмовъ, общественная жизнь римлянъ требовала закрытыхъ и освѣщенныхъ зданій для засѣданій сената и суда, для помѣщенія различныхъ коллегій и магистратовъ, для общественныхъ сношеній и торговыхъ сдѣлокъ по куплѣ и продажѣ. Въ виду этихъ цѣлей, римляне пользовались нѣкоторыми храмами; такъ, засѣданія сената часто происходили въ храмѣ Согласія, гдѣ Цицеронъ произнесъ свою четвертую рѣчь противъ Катилины. Для удовлетворенія такихъ потребностей возводились также и особые зданія — куріи и базилики, особенно же съ того времени, какъ Катонъ, въ 184 г. до Р. Х., построилъ первую въ Римѣ базилику, Basilica Porcia, какъ кажется, по образцу аѳинскаго зданія архонта Василия. На нѣкоторые вопросы относительно архитектуры и устройства базиликъ и курій отвѣчать тѣмъ болѣе трудно, что, какъ первыя, такъ и вторыя, смотря по своей величинѣ, назначенію, по размѣрамъ и требованіямъ происходившихъ въ нихъ дѣлъ, устраивались очень различно. Но, имѣй онѣ одиночное, двойное, тройное или пятерное срединное пространство, во всякомъ случаѣ то были возможно-обширныя зданія, при покрытіи которыхъ стрѣльчатый сводъ оказался очень полезнымъ. Безъ усовершенствованія стрѣль-

чатого свода не было-бы возможности покрывать тѣ громадныя, роскошныя помѣщенія, которыхъ требовали термы, бассейны для купанья и другія зданія, посвященныя удовольствіямъ и гимнастическимъ упражненіямъ.

Заслуги римлянъ въ архитектурѣ завершаются куполомъ, котораго самымъ раннимъ и смѣлымъ образцемъ является знаменитый римскій пантеонъ, нынѣшній храмъ всѣхъ святыхъ, а въ былыя времена, заключая по его названію, — храмъ всѣхъ боговъ. Онъ былъ начатъ Маркомъ Агриппою, побѣдоноснымъ вождемъ и вѣрнымъ другомъ императора Августа, и оконченъ постройкою въ 25 году до Р. Х. Это крупное сооруженіе входило въ составъ термовъ, построенныхъ Агриппою и подаренныхъ имъ предъ кончиною римскому народу. Какъ храмъ, пантеонъ имѣетъ, согласно съ римскимъ обы-

Мавзолей Адриана, нынѣшній замокъ Ангела.

чаемъ, открытое, на столбахъ, преддверіе, раздѣленное колоннами на три части. Хотя и громадное само по себѣ, оно настолько подавлено шириною и высотой возносящагося надъ нимъ купола, что кажется самымъ соответствующимъ храму порталомъ. Цилиндрическое зданіе пантеона покоится на кругломъ основаніи и имѣетъ въ поперечникѣ болѣе сорока одного метра; стѣны его достигаютъ толщины почти шести метровъ; снаружи очень скромное, почти безъ всякихъ украшеній, оно раздѣлено карнизами на три яруса, или пояса. Но не такова внутренность храма. Стѣны его украшены восемью высокими и широкими нишами, попеременно то полукруглыми, то четырехъугольными, и достаточно широкими и глубокими для того, чтобы могло помѣститься четыре колонны. Смѣлый куполь, украшенный на всемъ протяженіи своемъ глубокими кассетами, возно-

сится вверхъ соотвѣтственно величинѣ своего поперечника. Пантеонъ подвергался многимъ реставраціямъ и перестройкамъ; мѣсто изгнанныхъ изъ него боговъ заняли христіанскіе святыя угодники, но все же зданіе это является классическимъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ объ античномъ величіи, о смѣломъ и мощномъ духѣ римлянъ.

Таковы римскія постройки, разсматриваемыя въ отдѣльности. Но не должно разсматривать ихъ отдѣльно, если только мы желаемъ сдѣлать правильную оцѣнку римской архитектурѣ и составить себѣ полное понятіе о произведеніяхъ и творческой дѣятельности римлянъ. Не въ одномъ только Римѣ, но и во всѣхъ городахъ Римской имперіи существовало множество монументальныхъ сооружений, которыя общою связью своею и отдѣльными группами производили впечатлѣніе площадей съ архитектурною обстановкою. Таковы были въ особенности форумы. Если же форумъ лежалъ въ углубленіи,

Тріумфальная арка Тита.

если надъ ближайшими мѣстностями господствовали съ высоты своихъ холмовъ дворцы, храмы, общественныя зданія, то понятно, что производимое ими впечатлѣніе отличалось неотразимою грандіозностью. Такъ было въ Римѣ, гдѣ форумъ лежалъ въ длинномъ сѣуживавшемся углубленіи, направляясь отъ подошвы Капитолійскаго холма съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Кто съ юго-восточной стороны шелъ къ Капитолію по Via sacra, взорамъ того, справа, слѣва и на господствующемъ двойномъ холмѣ Капитолія, не представлялось ничего, кромѣ монументальныхъ зданій — свидѣтелей историческаго величія римскаго народа. Сначала онъ проходилъ подлѣ храма Весты, у подножія Палатинскаго холма, достигалъ храма Кастора и Поллукса и, наконецъ, шелъ вдоль длинной Basilica Julia къ храму Сатурна. Оставивъ вправо древнюю ораторскую трибуну, Rostra, Мамертинскую тюрьму и цѣлый рядъ курій и базиликъ, ждущихъ еще своего научнаго возстанія изъ мертвыхъ среди новѣйшихъ построекъ, онъ останавливался предъ зда-

Цвѣточный рынокъ въ Аѳинахъ.

47

ніями того углубленія, которое соединяетъ оба капитолійскія возвышенія, предъ портикомъ *Dii consentes*, храмомъ Веспасіана, храмомъ Согласія, надъ которыми опять же выселись зданія Капитолія и, главнымъ образомъ, *tabularium*—зданіе государственнаго архива. Чужеземецъ, поднимавшійся по *Via sacra*, въ началѣ этого пути имѣлъ предъ глазами поразительную, величественную панораму, воспроизведенную художникомъ въ нашемъ рисункѣ форума. Но что осталось отъ этого великолѣпія?—Пустынное поле, нѣсколько руинъ и развалинъ, драгоценное содержимое которыхъ съ трудомъ добывается изъ подъ двадцати футовъ покрывающаго его мусора. Таково настоящее древняго Рима.

Но для того, чтобы античный міръ могъ подняться на такую степень величія, требовался иной духъ, чѣмъ тотъ, который созданъ новѣйшимъ временемъ. Какъ скоро имперія даровала миръ всемъ странамъ, въ средѣ муниципалитетовъ пробудилось стремленіе украшать свои города полезными и великолѣпными зданіями. Въ этомъ отношеніи императоры шли во главѣ движенія; даже худшіе изъ нихъ—Клавдій, Неронъ, Домиціанъ и Каракалла—были страстные строители. За ними слѣдовали магистраты и почти больше еще частныхъ лицъ. Въ людяхъ были еще живы ненасытное честолюбіе, жажда славы, пылкое желаніе добиться извѣстности и память о себѣ передать потомству. Въ тѣ времена военная слава составляла удѣлъ лишь императоровъ и немногихъ полководцевъ, поэтому самымъ вѣрнымъ средствомъ для удовлетворенія честолюбія являлось сооруженіе на свой счетъ великолѣпныхъ построекъ. Зажиточные граждане или знатные и богатые римляне, избравшіе города своими патронами, дарили свою родину или своихъ патроновъ водопроводами, каналами, театрами, площадями, базиликами и храмами. Извѣстность доставалась имъ цѣною многихъ милліоновъ; за то они пріобрѣтали право на память въ потомствѣ и въ честь ихъ воздвигались статуи.

Та незначительная доля произведеній пластики, которыми мы владѣемъ лишь въ очень немногихъ мѣстахъ, не можетъ намъ дать понятія о размѣрахъ, въ которыхъ, во времена имперіи, производились и возводились статуи общественнымъ дѣятелямъ и частнымъ лицамъ. На долю боговъ приходилось очень немного храмовъ, публичныхъ зданій и общественныхъ вооруженій, которыхъ въ несравненно большей мѣрѣ требовала жизнь нерелигіозная. Вступалъ ли на престолъ новый императоръ, какъ его портреты распространялись повсюду съ неимоверною быстротою; не проходило одного мѣсяца, и его изображенія и конныя статуи возводились уже во всехъ городахъ имперіи, иногда даже въ числѣ многихъ экземпляровъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ, въ партерѣ аѳинскаго театра находилось тринадцать статуй императора Адріана. вмѣстѣ съ паденіемъ дурного императора, падали и все его статуи, уступая мѣсто статуямъ его преемника. То же самое можно сказать и о намѣстникахъ провинцій; любили ли ихъ, или боялись, но достаточно было того или другого, чтобы вездѣ возводились имъ мраморныя, бронзовыя, серебряныя и даже серебряныя позолоченныя статуи и конныя изображенія. Сказанное о намѣстникахъ въ равной же мѣрѣ относилось и къ членамъ магистрата, оказавшимъ какія нибудь услуги городу, а также и къ частнымъ людямъ и вельможамъ, которыхъ городъ хотѣлъ задобрить или одолжить. Если знатному римлянину удавалось оказать услугу городу своимъ представтельствомъ предъ правительствомъ, то въ честь его сооружали статую. Нерѣдко городъ декретировалъ такого рода почести частнымъ лицамъ, въ надеждѣ или по предварительному соглашенію, что они примутъ на себя издержки по возведенію статуи. Нерѣдко частные люди ставили себѣ статуи не только въ своихъ домахъ и на виллѣ, но даже и на публичныхъ площадяхъ. Для этого не требовалось наличности особенныхъ заслугъ. Комедіантамъ, возницамъ, гладіаторамъ, бойцамъ въ циркѣ, добившимся нѣкоторой извѣстности, ихъ почитатели ставили статуи, а также учителямъ, какъ, напримѣръ, строгому наставнику Горація, Орбилію. Въ одномъ провинціальномъ городѣ воздвигли статую одному тринадцатилѣтнему маль-

чику, успѣшно сдавшему экзаменъ по пѣтикѣ. Въ Бриксіѣ общинный совѣтъ декретировалъ умершему шестилѣтнему мальчику конную позолоченную статую, съ цѣлью утѣшить его отца.

Въ римской имперіи процвѣтала количественно такая художественная жизнь, какой ни раньше, ни позже міру не суждено было видѣть въ одномъ мѣстѣ и, притомъ, во всемъ ея объемѣ. Многое дѣлалось тутъ изъ тщеславія, такъ какъ божественный огонь, согрѣвавшій душу Фидія, уже погасъ; тѣмъ не менѣе, народъ римскій нуждался въ искусствѣ, и не въ той или другой его отрасли, а во всѣхъ его видахъ, отъ высокаго до низкаго, отъ храма до кухонной посуды. Архитектура, скульптура, живопись составляли не меньшую потребность римлянъ, какъ и искусство ювелировъ, гранильщиковъ стекла, лѣщниковъ глины, рѣзчиковъ слоновой кости, бронзы и дерева. Художники встрѣчались вездѣ; они ходили по странѣ цѣлыми партіями, искали работы и находили ее; многіе изъ нихъ имѣли, однакожъ, постоянныя мѣста жительства. Мастерскія устраивались при храмахъ,—въ виду религіозныхъ потребностей, при мраморолоняхъ—для производства архитектурныхъ украшеній, фигуръ, саркофаговъ. Вездѣ существовали мастерскія, въ которыхъ художники работали по заказу и имѣли запасъ готовыхъ и не вполне отдѣланныхъ работъ.

Запасъ художественныхъ произведеній въ римской имперіи былъ громаденъ. Въ четвертомъ столѣтіи, по словамъ Амміана Марцеллина, въ Римѣ существовало второе населеніе, мраморное и бронзовое, лучшее, конечно, чѣмъ живое, не умѣвшее защитить неживого. Но началось переселеніе народовъ, города были разрушены, Римъ подвергся разграбленію, культура погибла. Отъ паденія классическаго міра древности не осталось ничего, кромѣ руинъ, обломковъ, грудъ мусора и развалинъ, призвавшихъ, однакожъ, послѣ тысячелѣтняго усыпленія, искусство къ новой жизни.

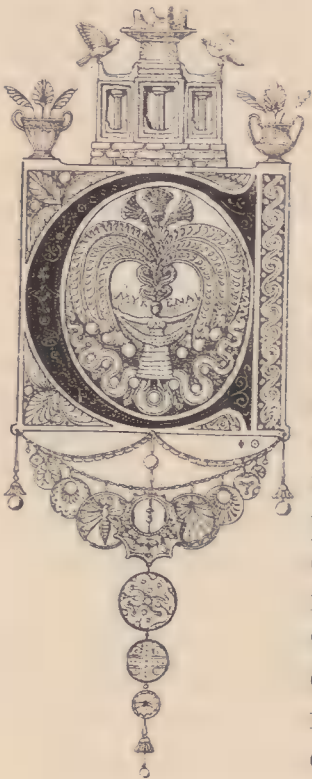

Въ садахъ Саллюстія.

II.

Литература во времена республики.

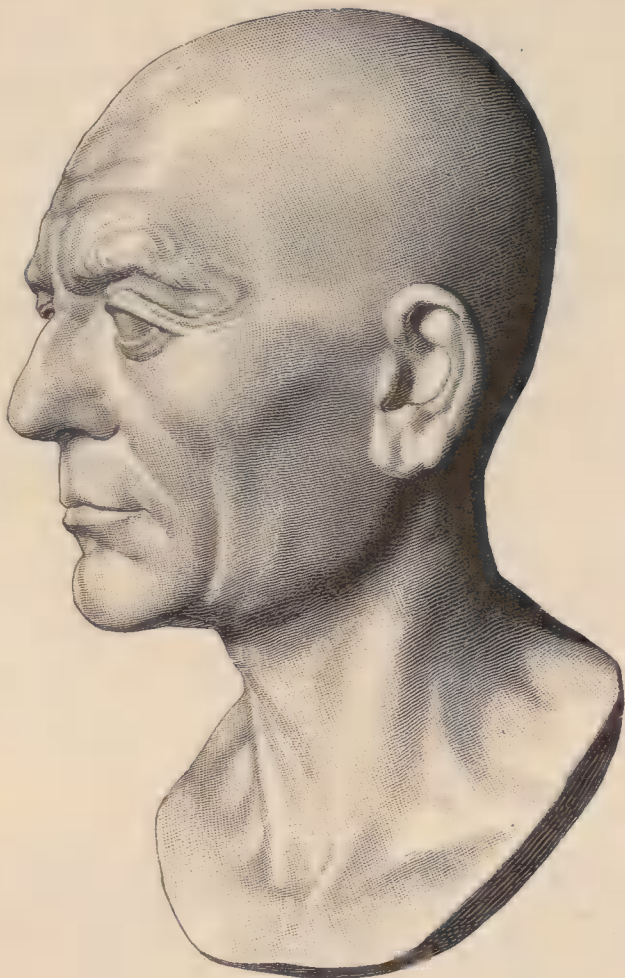
КЛАДЪ ума и характера римлянъ столь же мало соотвѣтствовалъ литературнымъ занятіямъ, какъ и искусству. По своимъ природнымъ способностямъ, они стремились лишь къ практическимъ цѣлямъ. Они были одарены проницательнымъ умомъ, яснымъ разсудкомъ, способностью быстрого воспринятія, сообразительностью и энергіею, но имъ не доставало смѣлаго полета фантазіи, теплоты чувства и творческаго дара изобрѣтательности, создающихъ поэтовъ и необходимыхъ для каждого своеобразнаго писателя. Въ римской литературѣ выразилось все, что можетъ создать умъ въ соединеніи съ многостороннимъ образованіемъ. Но Римъ не произвелъ ни одного поэта, ни одного настоящаго, дѣйствительнаго поэта, у котораго поэзія истекала-бы изъ глубины души, являлась бы слѣдствіемъ неудержимыхъ влеченій. Пѣніе существовало уже въ первыя времена исторіи римлянъ, какъ и въ Греціи; пѣніемъ сопровождались религіозныя дѣйствія, печальныя или радостныя

празднества; за обѣдами и работою исполнялись пѣсни, не создавшія, однакожь, Гомера. Всѣ италійскія племена отличались склонностью и способностью къ драматическимъ представленіямъ; въ Римѣ очень любили мимическо искусство, рано стали заниматься имъ, однакожь ни оно, ни драма не произвели Аристофана и Софокла. Знаменитѣйшіе римскіе писатели и поэты остались и остаются тѣмъ, чѣмъ ихъ создало греческое образованіе и подражаніе грекамъ.

Еще въ первобытныя времена, т. е. до начала точныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, римляне заимствовали свои письмена отъ грековъ Нижней Италіи; но прежде чѣмъ письменность сдѣлалась литературой, прошло много столѣтій. Впрочемъ, и это произошло только вслѣдствіе толчка, даннаго письменности греками. До той поры послѣдняя служила только государству: законы и международные договоры писались или начертывались на камнѣ и брон-

становился могущественнымъ и великимъ; его вельможи сдѣлались могучими владыками. Богатства стекались въ его стѣны, причемъ возникли роскошь и потребность высшаго развитія, стремленіе къ духовнымъ наслажденіямъ, къ умственной дѣятельности. Тогда римляне познакомились въ упомянутыхъ городахъ съ греческою жизнью, греческими обычаями и съ произведеніями греческой литературы и искусства. Сами римляне ничѣмъ не обладали въ этомъ отношеніи; у нихъ не было ни поэтовъ, ни художниковъ, ни писателей; не существовало даже языка, на которомъ можно было бы писать или выражать поэтическія мысли. Языкъ ихъ былъ грубъ, неразвитъ, необработанъ. Такъ было дѣло, спустя пятьсотъ лѣтъ послѣ эпохи, къ которой относятся основаніе Рима, въ концѣ первой пунической войны. Съ юношескимъ пыломъ римляне набросились на то, что имъ предлагали. Въ знатныхъ римскихъ семействахъ вошло въ обычай учиться греческому языку, съ тѣмъ, чтобы говорить, писать на немъ и изучать произведенія греческой литературы. Государственнымъ людямъ греческій языкъ былъ необходимъ, въ виду требованій ихъ общественнаго положенія; частныя же лица при его помощи стремились къ образованію, къ умственной дѣятельности и душевному спокойствію.

Сципіонъ Африканскій Старшій.

зовыхъ доскахъ; жрецы изъ года въ годъ по числамъ заносили имена высочайшихъ сановниковъ и выдающіяся событія въ сухой перечень лѣтописей, которыя составили-бы драгоценные историческіе документы, если-бы произведенный галлами пожаръ не похитилъ ихъ у исторіи Рима.

Но эта лапидарная письменность не составляла литературы, возникшей лишь послѣ покоренія городовъ Нижней Италіи, когда римляне вошли съ греками въ искреннія связи и частныя личныя сношенія. Римъ

Вслѣдъ за изученіемъ греческихъ авторовъ, римляне пожелали во всемъ сравняться съ греками и создать въ своемъ отечествѣ собственную литературу — желаніе исполнѣ національное и патріотическое, которое, при существовавшихъ условіяхъ, могло быть достигнуто только путемъ подражанія грекамъ и при помощи греческой литературы. Поэтому, на языкѣ римлянъ появились въ переводѣ и передѣлкѣ греческіе авторы; съ юношескимъ увлеченіемъ приступили римляне къ всесторонней разработкѣ дѣла. Гомеръ, трагики и комики сдѣлались доступными римлянамъ въ переводѣ на ихъ родной языкъ; въ историческихъ разсказахъ, изъ которыхъ первые были написаны на греческомъ языкѣ, римляне избѣгали сухого изложенія „fasti“, лѣтописей, веденныхъ жрецами, и старались приблизиться къ греческимъ образцамъ.

Но какъ ни національны и, по меньшей мѣрѣ, какъ ни патріотичны были подобного рода стремленія, тѣмъ не менѣе, они не преминули вызвать оппозицію со стороны старо-римской партіи, ставившей возникавшій упадокъ нравовъ въ связь съ новымъ языкомъ и литературою, а въ особенности съ эллинизмомъ, который, независимо отъ великихъ произведеній духа, самъ по себѣ представлялъ много важныхъ сторонъ. Но старо-римляне предпочитали новой умственной жизни времена необразованности, когда не было ни поэтовъ, ни писателей, ни философовъ, ни ораторовъ, учившихъ вкривь и вкосъ истолковывать законъ; новому строю умственной жизни они предпочитали времена необразованности на томъ основаніи, что надѣялись посредствомъ этого сохранить древнія простоту и чистоту нравовъ. Во главѣ ихъ стоялъ Катонъ, суровый цензоръ, очень ограниченный представитель народной мудрости, въ теченіе своей продолжительной жизни стоявшій оплотомъ противъ зарождающагося новаго Рима. Храбрый, покрытый ранами воинъ, безстрашный противникъ всего дурного или того, что онъ считалъ дурнымъ, хорошій, остроумный ораторъ, Катонъ понималъ только то, что находилось близъ него, и ничего не видѣлъ вдали. Словомъ, дѣломъ и сочиненіями боролся онъ противъ новаго направленія; но, несмотря на это, Катонъ является въ своихъ сочиненіяхъ сыномъ своего времени и ученикомъ грековъ.

На этомъ, то есть на литературномъ поприщѣ, борьба его осталась безплодною. Юная римская литература крѣпла, по мѣрѣ распространенія въ Римѣ греческой цивилизаціи. Она не могла, однакожъ, удалиться отъ греческихъ образцовъ, да и не желала этого. Но созданное ею отличалось національнымъ характеромъ и за нею остается заслуга усовершенствованія латинскаго языка, на которомъ въ равной мѣрѣ можно было писать какъ правильною, звучною прозою, такъ и правильными стихами. И это было произведено тѣми именно людьми, которые получили высшее греческое образованіе. Семейство Сципіоновъ и большой кругъ его друзей, близкихъ и родственниковъ, не исключая молодыхъ Гракховъ и женщинъ, стояли въ средоточіи этой умственной дѣятельности, группируя вокругъ себя людей, дорожившихъ молодою литературою и занимавшихся ею. Какъ ни была развита въ этихъ кругахъ греческая образованность, какъ ни любили, какъ ни цѣнили въ нихъ произведенія грековъ, но изъ этихъ круговъ именно исходило стремленіе создать латинскій языкъ, утвердить, закрѣпить его на научныхъ основахъ и, по возможности, правильно выражаться и писать на немъ. Все это было произведено при помощи общественныхъ сношеній грамматиковъ, писателей, поэтовъ и ораторовъ, потому что даже въ позднѣйшее время рѣчи Гракха младшаго, вышедшаго изъ упомянутыхъ круговъ, въ отношеніи языка считались образцовыми. Такимъ образомъ, знаменитому дому Сципіоновъ суждено было завершить и усовершенствовать этотъ юный періодъ римской литературы.

Изъ произведеній поэтовъ и писателей этой эпохи, за исключеніемъ комедій, сохранилось лишь нѣсколько указаній чиселъ, да двухъ-трехъ отрывковъ, такъ что о характерѣ ихъ трудно и даже невозможно составить себѣ понятіе. Въ этомъ отношеніи

начало было положено однимъ грекомъ, тарентійцемъ Ливіемъ Андроникомъ, названнымъ такъ по имени своего патрона, Ливія Салинатора. Изучивъ латинскій языкъ въ Римѣ, онъ задался цѣлью познакомить римлянъ съ образцовыми произведеніями грековъ. Непосредственно по окончаніи первой пунической войны, онъ началъ обрабатывать греческія комедіи и трагедіи и переводить Одиссею сатурнинскими стихами. То были стихи древнихъ поэмъ и пѣсень, безъ метра, силлабическаго стопосложенія; сатурнинскими же они назывались по той причинѣ, что все первобытное и неизвѣстнаго происхожденія ставилось въ связь съ богомъ Сатурномъ, нѣкогда царствовавшимъ въ Италіи. За Ливіемъ Андроникомъ, дѣятельность котораго относится къ 240—215 до Р. Х., слѣдоваль Эней Невій, латинянинъ, родившійся въ Кампаніи, слѣдовательно—римлянинъ, или одноплеменникъ римлянъ. Подобно Андронику, онъ сперва испытывалъ одновременно свои силы въ комедіи и эпосѣ, но, не довольствуясь греческими сюжетами, по крайней мѣрѣ от-

Саркофагъ Корнелія Люція Сципіона въ Ватиканѣ.

части, занялся римскими. Такъ, сюжетомъ одной его драмы служитъ воспитаніе Ромула и Рема, а другой—битва при Кастидіумъ; сюжетомъ же своей эпической поэмы онъ избралъ первую пуническую войну, незадолго предъ тѣмъ оконченную.

Такимъ образомъ, эпопея по содержанію освободилась изъ-подъ вліянія греческихъ образцовъ, но по формѣ приблизилась къ нимъ и дальше уже не подвинулась. Невій, котораго сочиненія относятся къ 212—202 до Р. Х., описалъ первую пуническую войну сатурнинскими стихами. Квинтъ Энній (240—169 по Р. Х.), современникъ первой пунической войны, другъ и товарищъ Сципіоновъ, по своему происхожденію, воспитанію и связямъ стоявшій на высотѣ греческой цивилизаціи, изложилъ въ эпопеѣ римскую исторію; вторая пуническая война описана имъ гекзаметромъ. Такимъ образомъ, онъ изгналъ изъ латинскаго языка прежнюю неправильную версификацію и подчинилъ ее опредѣленному ритмическому размѣру. Этимъ онъ намѣтилъ путь для своихъ послѣдователей и сталъ „отцомъ римскаго эпоса“. Несомнѣнно, онъ оказалъ услуги языку,

который обрабатывалъ чисто по-римски: сильно, энергично и вмѣстѣ съ тѣмъ грубо и сурово. По намѣченному имъ пути слѣдовали за нимъ многіе писатели, но, за исключеніемъ Виргилія, никто изъ нихъ не пользовался славою, равною славѣ Квинта Эннія.

Энній испытывалъ свои силы и въ трагедіи, но не ему, а его племяннику, Пакувію (220—154 до Р. Х.), суждено было занять первенствующее положеніе въ этой области драматическаго искусства. Пакувій былъ собственно живописецъ; по настоянію Эннія, онъ воспользовался своими свѣдѣніями по части греческой литературы для того, чтобы познакомить соотечественниковъ съ греческими трагиками, которыми преимущественно и ограничился. Но Пакувій былъ не простой переводчикъ: онъ очень свободно передѣлывалъ греческихъ авторовъ и передѣлкамъ своимъ, написаннымъ сильнымъ языкомъ, сумѣлъ сообщить римскій характеръ. По тому же пути, въ числѣ многихъ другихъ, слѣдовалъ за нимъ младшій изъ его сотоварищей, Луцій Атцій (160—87 до Р. Х.), относящійся къ слѣдующему періоду, хотя по манерѣ своей онъ принадлежалъ еще къ числу болѣе древнихъ писателей.

Пакувія и Атція высоко цѣнили, долго еще читали ихъ произведенія, не трогавшія, однакожъ, сердца римлянъ, характеру которыхъ трагедія не соотвѣтствовала. Истинный римлянинъ не понималъ и не сочувствовалъ высокой трагедіи и изображаемымъ въ ней характерамъ, возвышеннымъ мыслямъ, нѣжнымъ чувствамъ или сильнымъ страстямъ и неразрѣшимымъ психологическимъ столкновеніямъ. Въ то время, какъ въ Греціи сердце народа билось и трепетало одною съ трагедіею жизнью, въ Римѣ сочувствовали ей и понимали ее только получившіе греческое образованіе вельможи. Поэтому, трагедія процвѣтала не долго. Уже въ слѣдующемъ періодѣ, вскорѣ послѣ Атція, серьезная драма сдѣлалась, такъ сказать, драмою книжною, забавою, развлеченіемъ или упражненіемъ для людей развитыхъ; каждый могъ испытывать свои силы въ трагедіи, не изъ честолюбія, однакожъ, и не добиваясь одобренія со стороны народа. Трагедія сошла со сцены и окончательно утвердилась только въ школѣ; такъ, приписываемыя философу Сенека трагедіи—не болѣе, какъ школьныя драмы и риторическія упражненія.

Совершенно въ иныхъ условіяхъ находилась комедія. Италійское племя было способно и расположено къ веселымъ сценическимъ представленіямъ. Шуточныя мимическія представленія подходили къ способностямъ и склонностямъ римскаго народа, надѣленнаго проникательнымъ умомъ, живымъ остроуміемъ и даромъ сатиры. Греческая комедія нашла, поэтому, въ Римѣ не только природное расположеніе къ театру, такъ какъ у римлянъ существовалъ и прежде нѣкотораго рода комическій репертуаръ. Съ древнихъ временъ на пиршествахъ въ Римѣ исполнялись разговорныя сцены. Въ селахъ молодые люди изъ сословія гражданъ или хлѣбопашцевъ во время народныхъ празднествъ исполняли предъ своими соотечественниками импровизированныя, шуточнаго или сатирическаго содержанія, сцены, изображавшія народную жизнь съ самымъ грубымъ комизмомъ. Подобно ателланамъ, названнымъ такъ по имени оско-латинскаго города Ателлы, онѣ составляли извѣстный родъ комедіи съ постоянными характерными лицами, безпрестанно появлявшимися на сценѣ: арлекинами, гадалщиками, сборщиками податей, врачами, ремесленниками и, въ особенности, валяльщиками сукна, которые подвергались самымъ жестокимъ насмѣшкамъ. Въ нихъ изображались и самымъ забавнымъ образомъ осмѣивались бытъ крестьянъ и жизнь низшихъ классовъ общества въ маленькихъ городахъ. Такимъ образомъ, въ Римѣ появились ателланы и, измѣнившись по характеру только въ отношеніи мѣстныхъ условій и новыхъ персонажей, образовали собою особый родъ драматической литературы, конечно, очень низкаго разбора. Онѣ составлялись преимущественно Помпоніемъ и Невіемъ, которые уже не импровизировали, а писали ателланы.

Но греческая комедія гораздо раньше проникла въ Римъ. Уже самые древніе пи-

сатели занимались ею, а Невій, повидимому, смотрѣвшій на комедію съ точки зрѣнія Аристофана, вынужденъ былъ вслѣдствіе этого удалиться изъ Рима. Римляне не могли выносить личной или политической критики Аристофана: для этого они не обладали, подобно аѳинянамъ, достаточною степенью свободы и независимости духа. Такимъ образомъ, третій родъ аѳинской комедіи, комедія буржуазная, съ ея запутанною завязкою, сдѣлался образцемъ и источникомъ новой римской комедіи. Нѣкоторые авторы строго придерживались греческихъ образцовъ, сохраняли мѣсто дѣйствія, костюмы и названія подлинниковъ, но другіе, перенося подобныя пьесы на сцену Рима, приспособляли ихъ къ римскимъ обычаямъ и отношеніямъ. Въ сущности же, между комедіею перваго рода, *comedia palliata*, и комедіею втораго рода, *comedia togata*, такъ названною по римской національной одеждѣ, существовало лишь внѣшнее различіе.

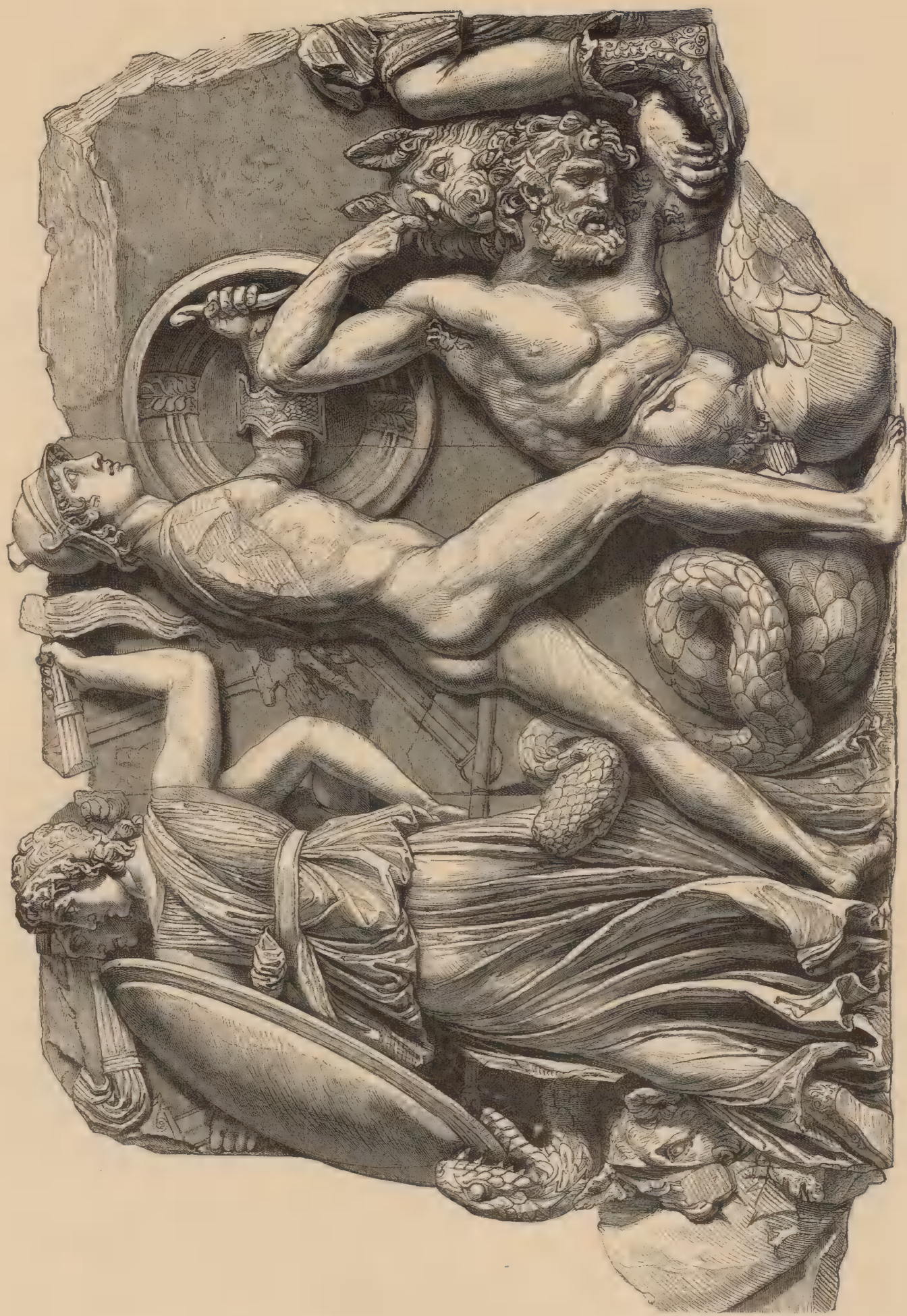

Входъ въ склепъ Сципіона.

Но гораздо большее различіе существовало между самими авторами, по крайней мѣрѣ между двумя главнѣйшими ихъ представителями: Манліемъ Аттіемъ Плавтомъ и Публиемъ Теренціемъ Афрою. Авторы эти, оставившіе множество полныхъ пьесъ, принадлежатъ къ числу единственныхъ писателей и поэтовъ, которыхъ сочиненія дошли до насъ. Такъ, мы имѣемъ двадцать несомнѣнно подлинныхъ пьесъ Плавта, потому что еще Варронъ, изъ числа тридцати комедій, приписываемыхъ Плавту, упомянутыя двадцать комедій признавалъ подлинными, независимо еще отъ одной, утерянной. Теренцій, умершій въ молодыхъ лѣтахъ, оставилъ намъ шесть комедій.

Плавтъ, старшій изъ обоихъ упомянутыхъ авторовъ, умершій въ 183 году до Р. Х., въ одно время съ Ганнибаломъ и Филопоменомъ, былъ человекъ грубый, вышедшій изъ среды народа и вполне приходившійся по сердцу народу. Объединѣвъ вслѣдствіе неудачныхъ коммерческихъ спекуляцій, онъ нашелся вынужденнымъ снискивать пропитаніе работою на ручной мельницѣ. Въ то-же время онъ сочинялъ комедіи и для того, чтобы онѣ исполнялись во время народныхъ празднествъ, продавалъ ихъ

Борьба боговъ противъ титановъ и гигантовъ.
Рельефное изваяніе группы найденное недавно въ Церрамоні, находится въ Берлинѣ.

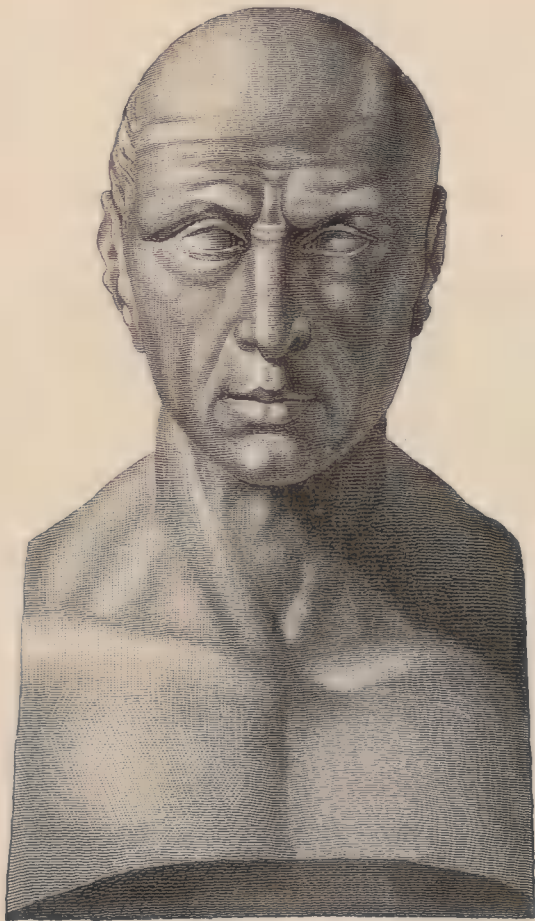

эдиламъ, завѣдывавшимъ общественными зрѣлищами. Будь Плавтъ болѣе развитъ и образованъ, онъ снискалъ-бы благоволеніе вельможъ, подобно Теренцію. Но языкъ Плавта грубъ, стихъ—небреженъ, персонажи и самые сюжеты его комедій заимствованы изъ вульгарной жизни, ситуаціи и разговоры склонны къ двусмысленностямъ, а иногда даже и довольно непристойны. Но у него не было недостатка въ язвительномъ остроуміи, въ юморѣ, въ умѣннѣ вести интригу. Плавтъ—это мощная сила. Онъ очень свободно передѣлывалъ греческіе образцы, примѣняя ихъ къ характеру римлянъ и къ условіямъ ихъ быта.

Не таковъ былъ Теренцій. Карфагенянинъ родомъ (195—158 до Р. Х.), онъ, въ качествѣ молодого раба, былъ привезенъ въ Римъ, тщательно воспитанъ сенаторомъ Теренціемъ Луканомъ и затѣмъ выпущенъ на свободу. Его изысканное образованіе и блестящій талантъ снискали ему дружбу младшаго Сципіона и Лелія и доставили доступъ въ высшіе круги, заботившіеся о чистотѣ латинскаго языка. Въ ихъ духѣ онъ передѣлывалъ греческія комедіи и, въ особенности, комедіи Менандра, лучшаго и нравственнѣйшаго изъ греческихъ драматурговъ. Теренцій строго придержи-

Теренцій.

вался подлинниковъ и даже оставлялъ за ними греческія названія, стараясь сравниться съ оригиналами по правильному, хорошему стиху, благородному языку, чистой латыни. Этимъ онъ приобрѣлъ благоволеніе и дружбу не только своихъ знатныхъ современниковъ, но и великіе умы слѣдующаго и даже позднѣйшаго періодовъ, Цицеронъ и Цезарь, напримѣръ, отзывались о немъ, какъ о лучшемъ, образцовомъ писателѣ временъ республики. Однако, вслѣдствіе этого именно, онъ никогда не пользовался тою восторженною любовью народа, какая выпала на долю

Плавта. Быть можетъ, по этой причинѣ онъ рано покинулъ Римъ для того, чтобъ погибнуть во время одного кораблекрушенія. Многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ писателей добились извѣстности, но для насъ они остаются только пустыми именами, такъ какъ ихъ творенія не дошли къ намъ.

Этотъ первый періодъ процвѣтанія римской литературы всецѣло принадлежалъ поэзіи, точно такъ, какъ второй періодъ, — послѣднее столѣтіе республики — принадлежалъ прозѣ. Высокая поэзія, трагедія и эпопея окончательно отступаютъ на задній планъ, такъ же какъ и комедія, какъ понималъ ее Теренцій. Однакожь, сцена не опустѣла, но первенствующее значеніе досталось на ней простонародной шуткѣ, ателланамъ и разговорнымъ мимическимъ представленіямъ, похожимъ на арлекинады, изъ которыхъ, во времена императоровъ, развились разговорныя пантомимы. Несмотря, однакожь, на усиливавшуюся страсть къ театру, только Помпей устроилъ для народа постоянную сцену, подаривъ ему каменный театръ. До той поры, для народныхъ представленій возводились подмостки, разбиравшіяся по окончаніи празднествъ.

По недостатку творческих силъ, римляне не могли создать высокой, оригинальной поэзіи и, съ другой стороны, они не находили уже удовольствія въ переводахъ. Въ это время оригинальныя сочиненія греческихъ авторовъ сдѣлались достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Каждый хорошо воспитанный римлянинъ могъ говорить, читать и писать по гречески; многіе изъ нихъ даже пытались писать греческіе стихи. Римъ становился средоточіемъ греческой культуры: римскихъ мальчиковъ обучали греческіе учителя, въ общественныхъ школахъ преподавали греческіе философы и риторы, толпами являвшіеся въ Римъ, куда ихъ влекли богатство, могущество и благоволеніе вельможъ. Только въ Римѣ можно было сдѣлать карьеру. Римскіе вельможи приглашали ихъ къ своему столу, помѣщали въ своихъ домахъ, дарили ихъ своею дружбою. Домъ Люція Лукулла, знаменитаго полководца и еще болѣе знаменитаго весельчака, сдѣлался сборнымъ мѣстомъ греческихъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и хранилищемъ книгъ и произведеній искусства. Ученые забавляли его и его гостей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не брезгали „лукуловскими“ обѣдами Лукулла.

Но, несмотря на это, или, скорѣе, именно вслѣдствіе этого, преобладавшее до сихъ поръ въ римской литературѣ греческое направленіе не встрѣчало уже сочувствія

въ свойственной ему сферѣ шель собственнымъ путемъ. Римляне пренебрежительно относились къ несродной ихъ духу поэзіи и, въ силу своего практическаго смысла, обратились къ прозѣ, которая стараніями Сципіоновъ и Гракховъ достигла нѣкоторой степени совершенства, достаточно развилась и, поэтому, могла служить дѣлу литературы. Но и въ прозѣ только въ двухъ ея отрасляхъ римляне поднялись на высоту классическаго совершенства: въ исторіи и реторикѣ.

Однакожь, несмотря на нерасположеніе къ поэзіи, въ этомъ періодѣ въ Римѣ существовало два поэта, которые высоко стояли надъ толпою разныхъ стихослагателей и въ значительной мѣрѣ пріобрѣли любовь народа. Но эти два поэта, чисто-римскіе, съ нашей точки зрѣнія менѣе всего являются поэтами и гораздо ближе стоятъ къ прозѣ, чѣмъ къ поэзіи.

Одинъ изъ нихъ, Т. Лукрецій Карусъ, жившій между 95 и 50 г. до Р. Х. и писавшій нѣсколько тяжелымъ и не совсѣмъ правильнымъ гекзаметромъ, избралъ сюжетомъ своей поэмы философію Эпикура. Его философо-дидактическая поэма „О сущности вещей“ есть изложенная стихами математика и физика—предметъ очень не поэтичeskій. Однакожь, Лукрецій очень вдохновлялся своимъ предметомъ, при помощи своей поэмы старался освободить римлянъ отъ предразсудковъ и боязни смерти, внушить имъ духъ равнодушія и спокойствія, чтобы они жили подобно блаженнымъ богамъ, которые менѣе всего заботятся о дѣлахъ міра сего. Но даже самыя благія пожеланія не могутъ создать поэта, не могутъ отвлеченнаго понятія сдѣлать поэтическимъ.

Столь-же мало поэтиченъ и Луцилій, второй и старшій изъ упомянутыхъ поэтовъ, писавшій, однакожь, въ чисто-римскомъ и даже единственно-римскомъ духѣ. Онъ былъ латинянинъ изъ колоніи Суэссы (родился онъ въ 148 году, а умеръ въ 103 году предъ Р. Х.), но постоянно жилъ въ Римѣ. Кругу Сципіоновъ и ихъ преемниковъ, поощряв-

Саллюстій.

въ обществѣ. Въ пройденной школѣ духъ римлянъ достигъ свободы и самостоятельности; пренебрегая всѣмъ заимствованнымъ, всѣми второстепенными талантами, наслаждался образцовыми произведеніями грековъ, но

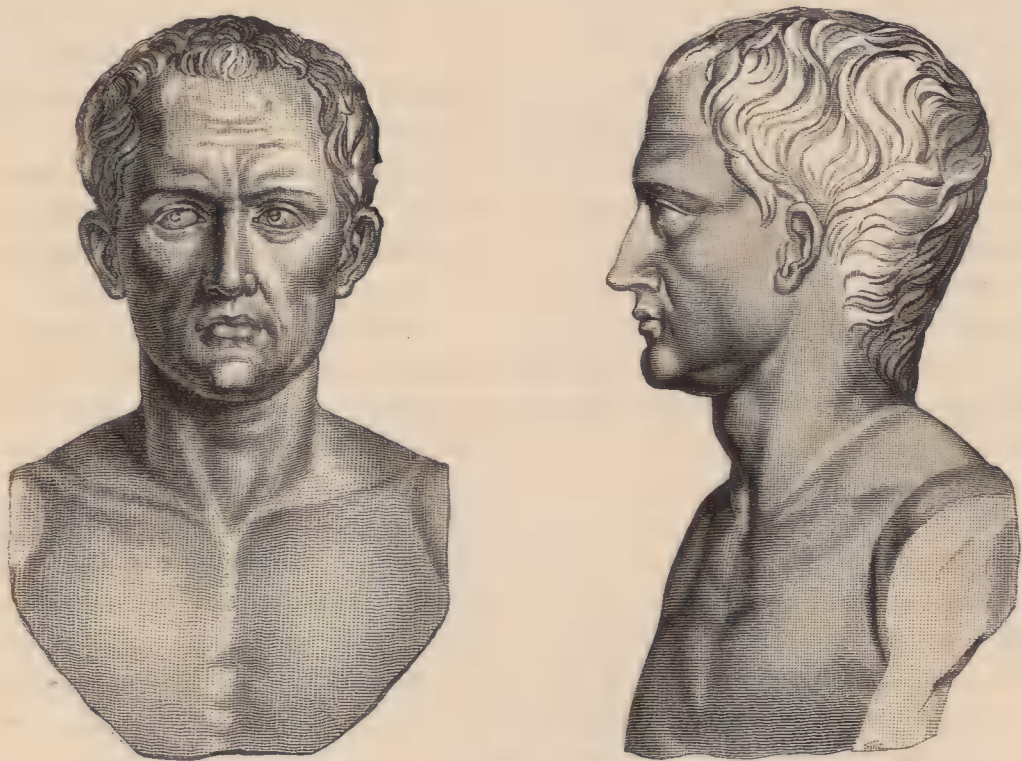
шихъ Луцилія, послѣдній обязанъ своимъ образованіемъ. Онъ былъ, такъ сказать, стихотворнымъ фельетонистомъ. Какъ тонкій наблюдатель и остроумный разскащикъ, Луцилій излагалъ въ стихахъ все, о чемъ разсуждали и бесѣдовали образованные люди упомянутыхъ кружковъ: событія изъ частной и общественной жизни, дѣла политическія, литературу и грамматику. Но въ болтовнѣ его слышалась постоянно сатирическая нотка, хотя и не по этой собственно причинѣ эту свободную стихотворную форму называли *satira*, а Луцилія—сатирикомъ. *Satira* есть стихотворная форма, въ которой, какъ въ письмѣ, затрогиваются всевозможные предметы; но разъ проникнувъ въ нее, сатирическое настроеніе дѣлается уже ея существеннымъ содержаніемъ. Еще сатиры Варрона, недовольнаго приверженца правительственной партіи, отличались смѣшаннымъ характеромъ, такъ какъ онѣ написаны попеременно, то прозою, то стихами. Горацій впервые установилъ навсегда характеръ сатиры. Но Горацій принадлежитъ къ слѣдующему періоду, къ цвѣтущимъ временамъ истинной поэзіи.

Періодъ этотъ, какъ уже замѣчено, имѣлъ цѣлью возвести прозаическую литературу на высшую степень развитія, что и было достигнуто въ отношеніи чистоты языка; не доставало только соотвѣствующихъ писателей и, прежде всего, писателей историческихъ. Предыдущій періодъ произвелъ одно только замѣчательное историческое сочиненіе—„*Origenes*“ (Начала) Катона старшаго, — начертаніе римской исторіи съ древнѣйшихъ временъ и результатъ жизни автора, такъ какъ Катонъ написалъ свою книгу въ очень преклонныхъ лѣтахъ, не задолго до смерти. Объ этомъ не сохранившемся трудѣ Катона впослѣдствіи часто упоминалось, какъ о драгоцѣнномъ источникѣ историческихъ свѣдѣній, и утрата его тѣмъ прискорбнѣе, что Катонъ, какъ мы видѣли, съ старо-римскою суровостью и, быть можетъ, съ такою-же ограниченностью возставалъ противъ греческой цивилизаціи. Изъ его сочиненія необходимо выяснилось-бы, насколько онъ былъ чуждъ греческой цивилизаціи или насколько подчинялся ей.

Относительно историческихъ сочиненій, этотъ новый періодъ имѣлъ превосходный образецъ въ римской исторіи грека Полибія, въ произведеніи, не только римскомъ по содержанію, но и въ дѣлѣ свѣтлаго разсудка и, во всякомъ случаѣ, здраваго, проникательнаго ума, смотрящаго на дѣла міра съ высшей точки зрѣнія. Но, какъ кажется, произведеніе Полибія или не служило дѣйствительнымъ образцомъ для римлянъ, или люди, бравшіе его себѣ за образецъ и подражавшіе ему, приближались къ подлиннику въ извѣстной лишь мѣрѣ. Насколько намъ извѣстно — такъ какъ все существовавшее до Цезаря погибло—сочиненія историческаго содержанія измельчали до мемуаровъ, біографій и небольшихъ разсказовъ. Знатные римляне, ведшіе въ то время войны или заправлявшіе общественными дѣлами—за исключеніемъ Марія—были литературно образованные люди, которые обыкновенно все испытанное и прожитое ими излагали въ запискахъ; утрата этихъ мемуаровъ тѣмъ болѣе прискорбна, что къ числу упомянутыхъ вельможъ принадлежалъ Сулла. Къ сожалѣнію, утрачены также и болѣе обширные историческіе труды конца этого періода—сочиненія Саллюстія и Корнелія Непота. Но дошедшее до насъ въ видѣ отдѣльныхъ, незначительныхъ по объему сочиненій, принадлежитъ уже къ числу самыхъ законченныхъ классическихъ произведеній. Мы разумѣемъ подъ этимъ войны Цезаря и сочиненія Саллюстія.

Изъ двухъ сочиненій, приписываемыхъ величайшему изъ римлянъ, Каю Юлію Цезарю,—описаніе галльской войны и междоусобной съ Помпеемъ—первое нельзя назвать историческимъ сочиненіемъ въ истинномъ значеніи этого слова, такъ какъ оно написано съ нѣкоторою тенденціозностью, и, если только это справедливо, отстаивало завоеваніе Галліи отъ нападковъ, которымъ послѣднее подвергалось въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ, тенденціозность эта совершенно ступевывается предъ дивнымъ искусствомъ древнихъ объектировать данный предметъ,—искусствомъ, которымъ никто не обладалъ въ столь высокой сте-

Гортензій.

пени, какъ Цезарь. Отъ этого предметъ нисколько не лишается своего внутренняго интереса; событія съ драматическою наглядностью проносятся предъ нашими взорами, причемъ простой, неизысканный рассказъ, изложенный самымъ чистымъ языкомъ, не утрачиваетъ своего спокойствія. Это картина, не нуждающаяся въ прикрасахъ и нарисованная самымъ свѣтлымъ умомъ, ясною головою, великимъ и образованнымъ человекомъ.

Если сочиненіямъ Цезаря сообщаютъ особенную прелесть ихъ простота и благородная естественность, то въ этомъ отношеніи произведенія Саллюстія—Катилина и война Югурты—подвигаются еще на одинъ шагъ дальше. Это произведенія искусства, но искусства сознательнаго, рассчитаннаго и ясно высказывающагося. Кай Саллюстій Криспъ, родившійся въ 86 г. до Р. Х., въ Амитернумѣ, происходилъ изъ незначительнаго рода. Онъ родился въ небольшомъ городкѣ сабинской страны, въ семьѣ простыхъ гражданъ, и собственными способностями проложилъ себѣ дорогу среди политическихъ переворотовъ и междоусобныхъ войнъ. Дѣло не обошлось безъ того, чтобы на имя Саллюстія не легло пятно по поводу его намѣстничества въ Нумидіи, гдѣ онъ обогатился. Послѣ этого онъ жилъ въ бездѣйствіи въ своихъ знаменитыхъ садахъ, разведенныхъ имъ въ Римѣ, занимался литературою и писалъ историческія сочиненія, не дошедшія до насъ, за исключеніемъ двухъ, уцѣлѣвшихъ лишь въ отрывкахъ. Хотя они написаны съ рассчитаннымъ искусствомъ и нѣкоторымъ оттѣнкомъ архаизма, хотя ихъ изложеніе не чуждо реторики, тѣмъ не менѣе, по силѣ и важности слога, по сжатости формы, не исключаяющей, однакожъ, богатства высокихъ мыслей, по великимъ, часто возвышеннымъ стремленіямъ, сочиненія Саллюстія являются драгоценными образцами бытописанія. Искусство въ нихъ не скрыто, но за то искусство полное.

Сочиненія Саллюстія отличаются отъ сочиненій Цезаря своимъ риторическимъ характеромъ, свойственнымъ, впрочемъ, не ему одному, а всей современной эпохѣ, всему римскому. Римляне въ особенности были склонны къ риторикѣ, проникавшей всѣ отрасли

ихъ литературы, жизни и исторіи. Поэтому, вполне естественно, что литература въ области краснорѣчія достигла высокой степени развитія и что человѣкъ, подобный Цицерону, игралъ не только политическую роль, но и стоялъ въ центрѣ всей римской литературы, всегда считался ея главою и, несомнѣнно, оказывалъ постоянное дѣйствіе и вліяніе, которое длится до нашихъ временъ и, быть можетъ, долго будетъ еще длиться.

Маркъ Туллій Цицеронъ происходилъ изъ сословія всадниковъ. Онъ родился въ Арпинумѣ, въ 106 году до Р. Х., получилъ воспитаніе въ Римѣ, подъ руководствомъ греческихъ учителей, и усовершенствовался въ наукахъ въ высшей школѣ краснорѣчія и философіи въ Родосѣ. Одаренный быстрымъ, свѣтлымъ и воспріимчивымъ умомъ, онъ усвоилъ себѣ все,

что наука могла дать тогда знатному молодому человѣку. Съ особеннымъ рвеніемъ онъ занимался изученіемъ различныхъ философскихъ системъ, считая философію столь-же необходимою для оратора, какъ и упражненія въ краснорѣчіи. Хорошо подготовленный, онъ выступилъ на поприщегосударственной жизни, бросился въ коловоротъ политическихъ партій, прошелъ всѣ ступени почестей и одну за другою занималъ высшія

Цицеронъ.

государственные должности. Во время своего консульства ему удалось подавить заговоръ Катилины, за что Цицерону было дано названіе „отца отечества“.

И всего этого онъ достигъ въ качествѣ человека слова, оратора и писателя. Нерѣшительный въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ, заносчивый въ счастіи, въ несчастіи малодушный и робкій, скорѣе выдвигаемый другими, чѣмъ дѣйствовавшимъ по собственному почину, онъ былъ крайне

жалкою государственною личностью. Даже какъ писателю, ему не доставало оригинальности, высокихъ душевныхъ порывовъ, силы и полноты мысли. Его заслуги ограничивались сферою языка, которымъ онъ владѣлъ, какъ никто изъ предшествовавшихъ ему, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ римлянъ.

Когда Цицеронъ выступилъ на сцену общественной дѣятельности, чистота и правильность языка подвергались большой опасности. Чистая латынь Сципіоновъ, правильный языкъ вельможъ были оттѣснены на задній планъ; имъ угрожала гибелью реакція пошлостей, языкъ простонародный, вмѣстѣ съ талантливымъ Гортензіемъ поднявшійся на ораторскую кафедру. При помощи своего греческаго образованія, своего тонкаго, развитаго въ Родосѣ вкуса, своего краснорѣчія, Цицеронъ снова возвратилъ литературѣ и ораторской кафедрѣ благородный языкъ и изящную рѣчь. Возведя свои говоренныя и писанныя рѣчи и многія изъ своихъ сочиненій на степень образцовыхъ произведеній, Цицеронъ не только предохранилъ отъ упадка языкъ римлянъ, но и сдѣлался несомнѣннымъ творцемъ классической латинской рѣчи.

Многосторонне развитой теоретически и философски, Цицеронъ въ своихъ сочиненіяхъ затрогивалъ почти всѣ отрасли литературы; къ сожалѣнію, далеко не всѣ они сохранились. Все, за что онъ ни принимался, давалось ему легко; выраженія находились въ его полномъ распоряженіи даже въ томъ случаѣ, когда приходилось создавать ихъ. За всѣмъ тѣмъ, ему не доставало глубины мысли. Независимо отъ его рѣчей, изъ которыхъ многія обработаны впослѣдствіи, а многія не были даже говорены Цицерономъ, но, тѣмъ не менѣе, составили собою новую отрасль литературы—писанныя рѣчи,—независимо отъ этихъ рѣчей, онъ написалъ нѣсколько трактатовъ по теоріи и исторіи ораторскаго искусства, сочиненій историческихъ и стихотвореній. Въ послѣдніе годы своей жизни, когда политическія событія обрекли его на невольную сельскую жизнь, Цицеронъ написалъ цѣлый рядъ философскихъ трактатовъ, въ которыхъ онъ является, однакожъ, наименѣе оригинальнымъ писателемъ, и, если онъ оказалъ какую нибудь услугу римлянамъ ■ позднѣйшимъ философамъ, писавшимъ по-латыни, то развѣ только ту, что создалъ латинскую философскую терминологію. Оставивъ сельское уединеніе, онъ рѣшился снова подняться на ораторскую трибуну и выступить съ своими филиппиками противъ Антонія. Но за такое желаніе Цицеронъ заплатилъ жизнью: подосланные Антоніемъ убійцы умертвили шестидесяти-четыrehлѣтняго старца. По смерти Цицерона, его письма были собраны и изданы; поучительныя, какъ результатъ наблюденій автора надъ людьми, и вещами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимательныя, такъ какъ Цицеронъ былъ остроумный рассказчикъ, они принадлежатъ къ числу его лучшихъ произведеній.

Были, однакожъ, люди болѣе свѣдущіе, чѣмъ Цицеронъ, и къ числу таковыхъ принадлежалъ его современникъ, Теренцій Варронъ, писавшій сатиры, историческія и грамматическія сочиненія и считавшійся знатокомъ римскихъ древностей. Цезарь назначилъ его старшимъ библіотекаремъ библіотеки, которую намѣревался основать въ Римѣ; но Цезарь палъ подъ ножомъ убійцы. Варронъ писалъ ученые статьи по всевозможнымъ предметамъ, но по формѣ и языку ихъ онъ значительно уступалъ Цицерону. Цицеронъ, какъ ключъ свода республиканской литературы, довелъ латинскій языкъ до высшей степени совершенства и такъ канонически установилъ его законы, что латинская рѣчь стала почти неспособною къ дальнѣйшему развитію и совершенствованію.

Саркофагъ музъ въ Капитоли.

III.

Литература во времена императоровъ.

Если последнее столѣтiе республики можно назвать періодомъ процвѣтанiя прозы, то первыя времена имперiи—эпоха Августа—всецѣло принадлежали поэзи. Во всякомъ случаѣ, явленiе замѣчательное въ исторiи литературы: высшее развитiе прозы предшествовало высшему развитiю поэзи. Обыкновенно бываетъ наоборотъ: поэты первые сообщаютъ языку высшую литературную форму. Но такого рода хронологическая послѣдовательность является у римлянъ совершенно естественною. Въ теченiе этого періода поэзи римлянъ остается тѣмъ же, чѣмъ она была первоначально: продуктомъ разсудка и умѣлости, способности и образованiя, а не своеобразной, гениальной силы творчества.

Молодые римляне этой эпохи воспитывались на поэтахъ. Въ школѣ изученiе произведенiй древнихъ латинскихъ и греческихъ поэтовъ считалось лучшимъ, дѣйствительнѣйшимъ средствомъ развитiя. По нимъ молодой человѣкъ учился читать; ихъ объясняли, подражали имъ; молодежь упражнялась въ стихотворствѣ и на всю жизнь усвоивала себѣ привычку писать стихи. Всѣ занимались стихотворствомъ; многiе считали себя даже поэтами. Члены императорскаго дома, какъ сами императоры, такъ и принцы, подавали примѣръ въ этомъ отношенiи. Августъ воспѣлъ островъ Сицилiю въ поэмѣ, написанной гекзаметромъ; онъ писалъ эпиграммы, сидя въ ваннѣ. Тиберiй сочи-

няли латинскіе и греческіе стихи; Германикъ воспѣвалъ свои походы и даже писалъ греческія комедіи; Неронъ считалъ себя великимъ поэтомъ, поэтомъ несомнѣннымъ, истиннымъ, а не диллетантомъ, заботящимся только о разумномъ препровожденіи времени. Неронъ желалъ даже, чтобы и другіе считали его поэтомъ. Только Калигула и Клавдій занимались науками: первый изъ нихъ изучалъ ораторское искусство и писалъ ученыя историческія сочиненія.

Такимъ образомъ, школьное преподаваніе находило пособника въ духѣ времени. Кромѣ того, одно обстоятельство особенно оказалось благопріятнымъ для поэзіи. Хотя съ паденіемъ республики краснорѣчіе не перестало служить средствомъ для составленія себѣ карьеры, потому что, какъ раньше, такъ и позже, изученіе реторики вело къ почестямъ и занятію высшихъ государственныхъ должностей, но, подъ единодержавіемъ Августа и тиранскимъ правленіемъ его преемниковъ, свободное слово подверглось преслѣдованію и для многихъ сдѣлалось даже чрезвычайно опаснымъ. Талантливые люди обратились тогда къ поэзіи, представлявшей имъ гарантію безопасности, хотя бы и не безусловной. Талантъ находилъ въ поэзіи поприще для дѣятельности; при помощи ея, не прибѣгая къ слишкомъ беззастѣнчивой лести, можно было пріобрѣсти благоволеніе вельможъ, добиться извѣстности и почестей и, во всякомъ случаѣ — по крайней мѣрѣ во времена Августа — достигнуть независимой, приличной жизни, если и не богатства.

Современные вельможи, съ Августомъ во главѣ, не только сами сочиняли стихи, подобно обыкновеннымъ смертнымъ, но считали долгомъ чести оказывать покровительство поэтамъ, награждать ихъ и даже жить съ ними на пріятельской ногѣ. Августъ съ уваженіемъ относился къ литературѣ, какъ влѣдствіе политическихъ, такъ и личныхъ своихъ соображеній. Съ нимъ наступила новая эпоха мира и спокойствія, и Августъ желалъ, чтобы народъ, лишенный свободы, обратился къ занятіямъ литературою. Любя поэзію и другія произведенія духовной дѣятельности, онъ охотно вступалъ съ ихъ творцами во всевозможныя сношенія. Онъ любилъ бесѣдовать съ образованными людьми, и его литературнымъ друзьямъ всегда было готово мѣсто за его столомъ. Такъ же поступали и лица, принадлежавшія къ его семейству. Но Августъ не только выслушивалъ произведенія поэтовъ, не только оказывалъ послѣднимъ честь, присутствуя при публичномъ чтеніи ими своихъ твореній, но и задаривалъ, награждалъ самихъ авторовъ. По его милости, Виргилій сдѣлался богатымъ человѣкомъ; Гораций тоже могъ бы разбогатѣть, если бы не предпочелъ, довольствуясь скромною долею, стать въ абсолютно независимое положеніе, даже въ отношеніи Августа.

Такимъ же образомъ поступали и придворные вельможи Августа — Валерій Мессала и особенно Мecenать, человѣкъ, вошедшій въ пословицу, первый изъ мecenатовъ. Ради покровительства, которое онъ оказывалъ поэтамъ, почти совершенно упустили изъ вида его важное значеніе, какъ человѣка государственнаго, какъ друга и совѣтника Августа и сооснователя имперіи. Любитель искусствъ и литературы, личность съ свѣтлымъ, многосторонне развитымъ умомъ, человѣкъ свѣтскій, богатый, знатный и великодушный — Мecenать, по основаніи имперіи, жилъ въ постоянномъ общеніи со своими литературными друзьями — Виргиліемъ, Горациемъ, Варіемъ и другими. Они были всегда желанными гостями въ его дивныхъ садахъ, въ его дворцѣ, съ высоты башенъ котораго можно было обозрѣть весь городъ и его окрестности, въ его загородномъ домѣ въ Тибурѣ, близъ гремящихъ водопадовъ Аніо. Кромѣ того, онъ былъ щедръ и охранялъ своихъ друзей отъ всякаго рода лишеній. Ему Гораций былъ обязанъ своимъ прелестнымъ, окруженнымъ лѣсами Сабинумомъ, куда Мecenать нерѣдко удалялся отъ суеты мірового города и общества вельможъ. Тридцать лѣтъ, до самой смерти, длилась искренняя дружба этихъ двухъ личностей.

При такихъ условіяхъ, въ области поэзіи существовали многіе таланты, — таланты

значительные, но ни одного гения. Ни у одного изъ нихъ поэзія не лилась прямо изъ глубины души, не являлась страстнымъ влеченіемъ сердца. Все, что умные, талантливые, высокообразованные люди могли создать при помощи звучнаго языка, доведеннаго до высшей степени совершенства, имѣя при томъ въ виду превосходные, хорошо понятые образцы,—все это было сдѣлано поэтами эпохи Августа. Ихъ произведеніямъ присущи всѣ качества хорошихъ стихотвореній: прекрасныя мысли, законченность и разнообразіе формы, звучный языкъ, образная рѣчь, вкусъ, грація и богатство содержанія; одного только не достаетъ имъ — истинной, неподдѣльной поэзіи. Такимъ образомъ, поэзія въ эпоху Августа стояла на чисто римской почвѣ — на риторикѣ. Вслѣдствіе постоянныхъ упражненій молодыхъ римлянъ въ поэзіи и изученіи ими поэтовъ, рѣчь рынка и суда сверкала блестками поэзіи; съ другой стороны, поэзія не могла отрѣшиться отъ основной черты, характеризовавшей римлянъ — реторики. Рѣчь сдѣлалась поэтической прозою, а поэзія — реторикою въ стихахъ.

Къ сожалѣнію, римляне не ставили себѣ образцами только великихъ древнихъ поэтовъ. Какъ прежде, такъ и послѣ они придерживались грековъ, которыхъ понимали теперь лучше, чѣмъ когда либо; отсюда пренебреженіе къ самобытной національной поэзіи. Римляне довольствовались тѣмъ, Гомеру. Что было создано при помощи ума, образованія и вкуса въ одномъ мѣстѣ, то могло быть создано и въ другомъ.

Такимъ образомъ, римская поэзія качественно была ограничена извѣстными предѣлами и высшихъ цѣлей достигнуть не могла. Что же касается числа поэтовъ и различныхъ родовъ поэзіи, то стихотворенія и пѣснопѣнія раздавались повсюду и на всѣ лады. Виргилій, Гораций, Овидій, Тибуллъ, Катулль и Проперцій, которыхъ произведенія дошли до насъ—вотъ довольно длинный рядъ первостепенныхъ именъ. Римляне испытывали свои силы во всѣхъ родахъ поэзіи, хотя и не съ равнымъ успѣхомъ; о трагедіи уже мы и не говоримъ. Но за то процвѣтали эпика съ пространными героическими пѣснями и небольшими повѣствованіями, сатиры, дидактическія, шутливаго или поучительнаго содержанія поэмы, пѣсни, оды, элегіи, стихотворенія, случайныя и буколическія, идилліи въ родѣ оеокритовыхъ—самая оригинальная и граціозная поэтическая форма, созданная писателями александрійской эпохи.

Древнѣйшій изъ упомянутыхъ великихъ поэтовъ, Кай Валерій Катулль, хотя по времени и не принадлежалъ къ циклу поэтовъ эпохи Августа, тѣмъ не менѣе, онъ

Виргилій.

если имъ удавалось подниматься на высоту своихъ образцовъ; дѣйствительно, отчасти они не только сравнивались съ послѣдними, но даже и превосходили ихъ, такъ какъ авторы, которыхъ изучали въ школахъ и которыми пользовались поэты, принадлежали къ числу писателей александрійскаго періода, слѣдовательно, были владыками въ области поэзіи, заимствованной и возрожденной при помощи холоднаго разсудка и эрудиціи. Но писателямъ именно такого направленія римляне гораздо болѣе сочувствовали, чѣмъ Софоклу или

близокъ имъ по духу, и поэтому долженъ считаться первымъ въ новѣйшей школѣ поэтовъ. Онъ былъ бы современникомъ Виргилія и Горация, еслибы преждевременная смерть не унесла его, когда ему не было еще и тридцати лѣтъ. Такимъ образомъ, по времени своей поэтической дѣятельности, охватывающей только нѣсколько лѣтъ, Катуллъ принадлежалъ еще къ республикѣ, съ дѣятелями которой онъ велъ постоянныя и разнообразныя сношенія.

Катуллъ происходилъ отъ побочной линіи знаменитаго рода Валеріевъ и родился, въ 87 году до Р. Х., на полуостровѣ Сирміо, на Гардскомъ озерѣ. Онъ рано былъ отправленъ въ Римъ, гдѣ и получилъ воспитаніе. Его происхожденіе и протекція — его отецъ былъ другомъ Цезаря — доставили ему доступъ въ высшіе круги общества. По свойству своего таланта, онъ подражалъ легкому, пріятному, граціозному роду небольшихъ случайныхъ стихотвореній, писавшихся александрійскими поэтами, и даже старался ввести въ поэзію римлянъ болѣе трудное строфическое сложеніе греческой оды. Пѣсня, шуточное стихотвореніе, торжественная ода и элегія — таковы были произведенія юнаго поэта, повидимому, не поднимавшіяся выше обычнаго уровня и, во всякомъ случаѣ, стоявшія не выше произведеній его александрійскихъ образцовъ. Но онъ любилъ, и любовь сдѣлала его почти единственнымъ истиннымъ римскимъ поэтомъ. Молодого пѣвца воодушевляла и вдохновляла прекрасная, высокообразованная Клодія, женщина изъ знатнаго рода Клавдіевъ, жена консула Квинта Метелла Целера. Въ этой тайной любви, нѣкоторое время раздѣляемой знатною дамою, Катуллъ нашелъ звуки сердца, слова страсти, языкъ любви, какихъ до тѣхъ поръ не слышали въ Римѣ. Но когда Клодія измѣнила ему, отвергла его, причемъ — если вѣрить современникамъ, — сама подверглась глубокому нравственному паденію, тогда у Катуллы въ равной же мѣрѣ нашелся языкъ ненависти и негодованія.

Въ этомъ смыслѣ Катуллъ не имѣетъ соперниковъ, не потому, однакожь, чтобы другіе поэты, равные съ нимъ по таланту и направленію, не слѣдовали за нимъ; но любви, которую онъ чувствовалъ къ Лесбіи, какъ онъ называлъ Клодію, не встрѣчается ни у кого изъ другихъ поэтовъ. То была глубокая, серьезная, тайная и опасная связь; разъ порванная, она привела поэта къ безвременной могилѣ. Женщины, которыхъ воспѣвали слѣдовавшіе за Катулломъ поэты, — разныя Лалаги, Нееры, Деліи, Гликеры, Ликориссы, — были вольноотпущенницы; любовь къ нимъ составляла лишь пріятное препровожденіе времени, стихотворенія, въ которыхъ онъ прославлялись, — только остроумную забаву, а не проявленіе истинной страсти.

Такою является любовь у Тибулла, считавшагося въ Римѣ первымъ поэтомъ въ элегическомъ родѣ. Римская элегія гнушалась грубаго политическаго тона греческой элегіи и придерживалась только элегій эротическихъ, выработанныхъ преимущественно поэтами александрійскими. Римскіе поэты легко и граціозно владѣли александрійскою элегіею и даже сообщили ей нѣкоторый оттѣнокъ грусти, не чуждой и даже приличествовавшей суровому римлянину. Такимъ характеромъ отличаются элегіи Альбія Тибулла, лучшаго римскаго писателя элегій. И его постигла судьба Катуллы: рано начавъ писать, онъ рано и умеръ. Эпоху его рожденія относятъ — ошибочно, впрочемъ — къ 43 году до Р. Х.; умеръ же онъ въ 19 году, что не подлежитъ уже сомнѣнію. Сынъ одного римскаго всадника, онъ лишился большей части своихъ родовыхъ имѣній во время междоусобныхъ войнъ. У него осталась только небольшая усадьба при Педумѣ, въ Сабинскихъ горахъ, гдѣ онъ и жилъ, служа музамъ и занимаясь земледѣліемъ. Какъ истый римлянинъ, онъ любилъ сельскую жизнь, мирную природу, отрадный покой, сладкій отдыхъ; такое настроеніе высказывалъ онъ въ самыхъ нѣжныхъ, прочувствованныхъ стихотвореніяхъ. Такова же была и его любовь. Порою чувство какъ бы вспыхиваетъ въ немъ, но онъ тотчасъ же впадаетъ въ мягкій тонъ, въ нѣжное, мечта-

тельно-меланхолическое настроеніе, и это было въ немъ вполне естественно. Несмотря на такую женственность, правда и безыскусственность возвели его на степень классическаго, извѣстнаго поэта.

Болѣе смѣлымъ духомъ обладалъ Секстъ Аврелій Проперцій, соперникъ Тибулла въ элегии, родившійся между 58 и 46 годами и умершій въ 15 году до Р. Х., другъ Овидія и Корнелія Галла, того элегическаго, къ сожалѣнію не дошедшаго до насъ поэта, который извѣстностью своею обязанъ постигшей его трагической судьбѣ, а не своимъ стихотвореніямъ. Проперцій силенъ по языку, смѣлъ и свободенъ въ своихъ мысляхъ, исполненъ огня и жизни, но не столько независимъ, какъ его болѣе нѣжный соотаварищъ—Тибуллъ. Онъ строго придерживается греческихъ образцовъ, въ особенности александрийца Каллимаха, поэтому Проперція и называли римскимъ Каллимахомъ.

Эти три поэта—Катуллъ, Тибуллъ и Проперсійскихъ поэтовъ. Онъ очень широко пользуется своимъ талантомъ, но порою и злоупотребляетъ имъ, являясь столь же невзыскательнымъ въ выборѣ своихъ сюжетовъ, какъ и неспособнымъ, при разработкѣ послѣднихъ, обуздать или удалить мысли, которыя западаютъ ему въ голову.

Публий Овидій Назонъ, родившійся въ Сульмо, въ 43 году до Р. Х., былъ сынъ зажиточнаго челоѣка и получилъ въ Римѣ тщательное образованіе. Для поэзіи онъ рано отказался отъ поприща государственнаго челоѣка. Его талантъ и искусство при-

Горацій.

цій — составляютъ группу, рядомъ съ которой стоитъ группа, состоящая изъ Овидія, Горація и Виргилія. Овидій связуетъ Горація съ Виргиліемъ; съ одной стороны, онъ—поэтъ элегическій, съ другой—поэтъ-повѣствователь. Но и въ качествѣ поэта элегическаго онъ отличается отъ своихъ соотаварищей и друзей: его элегическое настроеніе является чѣмъ-то поддѣльнымъ, какою-то смѣсью насмѣшекъ и остротъ. Но въ этомъ родѣ онъ вполне своеобразенъ. Овидій обладалъ великимъ талантомъ, близкимъ къ геніальности, но талантомъ чисто внѣшнимъ, не глубокимъ. Выраженія сами собою являются къ нему, стихъ у него льется свободно, легко, граціозно, какъ ни у одного изъ рим-

вели его ко двору Августа, а его любезность, остроуміе и умѣнье вести оживленную бесѣду сдѣлали его любимымъ собесѣдникомъ въ кружкѣ Августа и императорскаго семейства. Но, какъ кажется, Овидій злоупотреблялъ оказываемою ему дружбою, потому что одновременно съ удаленіемъ отъ двора своей внучки, Юліи, Августъ сослалъ Овидія въ Томи, на берега Чернаго моря. Тамъ, вдали отъ страстно любимаго Рима, злополучный поэтъ пробылъ восемь лѣтъ, малодушно и безнадежно разливаясь жалобами въ „Книгахъ печалей“ (*libri tristium*) или въ „Посланіяхъ“ къ своимъ друзьямъ (*Epistolae ex Ponto*). Но его старанія и старанія его друзей относительно дозволенія возвратиться ему на родину оказались тщетными, такъ какъ не было возможности умиловать ни Августа, ни его преемника, Тиберія.

Но не посланія съ береговъ Понта доставили Овидію славу поэта. Утомительныя по своимъ безконечнымъ длиннотамъ, они мало читались прежде, да и теперь мало читают-

еологию въ рядѣ превращеній, происшедшихъ вслѣдствіе гнѣва или милости боговъ.

Овидію не доставало того, чѣмъ обладалъ въ высшей степени Горацій: критическаго отношенія къ самому себѣ. Горацій прилежно изучалъ философію, — не только изучалъ, но даже любилъ ее. Когда миновали лѣта бурной молодости, практическая философія дала содержаніе всей его жизни. Философія Эпикура, въ ея благороднѣйшемъ значеніи, высоко подняла Горація надъ уровнемъ обыденныхъ дѣлъ міра, сообщила ему ничѣмъ невозмутимое спокойствіе, душевный миръ и счастье.

Квинтъ Горацій Флаккъ, сынъ зажиточнаго вольноотпущенника, родился въ Ве-

Овидій.

ся. Больше сочувствія возбуждали его любовныя стихотворенія, которыхъ черезчуръ большимъ вольноостямъ приписываютъ изгнаніе Овидія на берега Чернаго моря, его „Искусство любить“ (*Ars amandi*), трактующее о средствахъ и путяхъ, ведущихъ къ успѣхамъ въ любви, его „Любовныя дѣла“ (*amores*), т. е. его собственныя похождения, страданія и радости въ этомъ отношеніи. Замѣчательнѣйшимъ сочиненіемъ, съ которымъ связано славное имя Овидія, считается книга „Метаморфозъ“, стихотворное произведеніе въ повѣствовательномъ родѣ. То граціозное, то важное, то пріятно-много-рѣчивое, но всегда разумное, оно изображаетъ всю ми-

нузіи, въ 65 году до Р. Х., и былъ воспитанъ въ Римѣ. Молодость его совпадала съ эпохою междоусобной войны; возмужавъ, онъ поступилъ въ военную службу и въ арміи Брута участвовалъ въ битвѣ при Филиппахъ. За это онъ лишился своего отцовскаго имѣнія, но въ послѣдствіи былъ помилованъ и возвратился въ Римъ. Здѣсь онъ не замедлилъ составить себѣ имя, въ качествѣ поэта, вошелъ въ дружбу съ Виргиліемъ, который представилъ его Мecenату, а Мecenатъ — Августу. Дѣла перемѣнились; республику похоронили, и Горацій, бывшій республиканецъ, покончивъ счеты съ республикою, сдѣлался приверженцемъ вельможъ. Августъ хотѣлъ его назначить своимъ секретаремъ, но, предпочитая всему завидную долю человѣка независимаго, Горацій уклонился отъ предлагаемой ему должности и чести. Мecenатъ желалъ, чтобы его другъ былъ его ежедневнымъ гостемъ, постояннымъ товарищемъ и собесѣдникомъ, но и въ отношеніи этого вельможи поэтъ остался полнымъ господиномъ своего времени и образа своей жизни. Онъ принялъ отъ Мecenата только сабинское помѣстье, въ вознагражденіе за то, котораго Горацій лишился. Съ тѣмъ большею независимостью онъ могъ воспѣвать своихъ доброжелателей, Мecenата и Августа, не подвергаясь обвиненію въ заурядномъ низкопоклонничествѣ. Въ своемъ Сабинумѣ, среди сельскаго уединенія, Горацій наслаждался полнымъ

Горацій.

былъ философскій умъ; кромѣ того, онъ обладалъ философіею сердца. Увѣренный въ самомъ себѣ, довольный малымъ, беззаботный и независимый, онъ осмѣивалъ безразсудства и пороки свѣта. Съ этой точки зрѣнія Горацій написалъ первыя свои стихотворенія, по крайней мѣрѣ первыя изъ тѣхъ, которыя были изданы имъ въ свѣтъ, двѣ книги сатиръ, но не карающихъ, рѣзкихъ политическихъ сатиръ Луцилія, а ироническихъ сатиръ философа, довольнаго самимъ собою, спокойнаго, чуждаго всѣхъ тревогъ и насмѣхающагося надъ безумными дѣйствіями людей. На такой же точкѣ зрѣнія стоялъ онъ въ своихъ посланіяхъ, или письмахъ, къ извѣстнымъ личностямъ, затрогивая въ нихъ всякаго рода предметы и высказывая мысли и наблюденія зрѣлаго мужа, видѣвшаго и прекрасно знающаго свѣтъ. Въ третьемъ посланіи второй книги (ad Pisones или Ars poetica) онъ занимается исключительно поэтами и шитикою. Лирическія произведенія Горація, оды, безъ сомнѣнія, написаны имъ исподоволь въ теченіе своей продолжительной жизни, хотя три первыя ихъ книги изданы разомъ. Въ одахъ, въ которыхъ онъ воспѣваетъ свою любовь или своихъ друзей, прославляетъ Мecenата и Августа, излагаетъ мысли свои о людяхъ и свѣтѣ, Горацій менѣе оригиналенъ, менѣе проникнутъ римскимъ духомъ, чѣмъ въ сатирахъ и посланіяхъ, строже придерживается греческихъ образцовъ, нерѣдко даже переводитъ ихъ выраженія и мысли. Но при чтеніи одъ Горація вполнѣ забываешь объ образцахъ, на столько его оды совершенны, закончены, гармоничны и благозвучны, шаловливо ли онѣ болтаютъ, носятся ли онѣ выпрененнымъ полетомъ. Во всякомъ случаѣ, оды Горація принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній римской литературы.

Такимъ же художникомъ является Виргилій, хотя и въ другой области поэзіи. Подобно Горацію, прослывшему образцемъ въ одѣ, сатирѣ и посланіяхъ, Виргилій сталъ образцомъ въ эпосѣ. Сознали это лишь тогда, когда Энеида, по смерти Виргилія, сдѣ-

счастіемъ, забывалъ о Римѣ и свѣтѣ, о важныхъ и неважныхъ дѣлахъ. Умеръ онъ въ 8-мъ году до Р. Х., въ одно время со своимъ другомъ, Мecenатомъ.

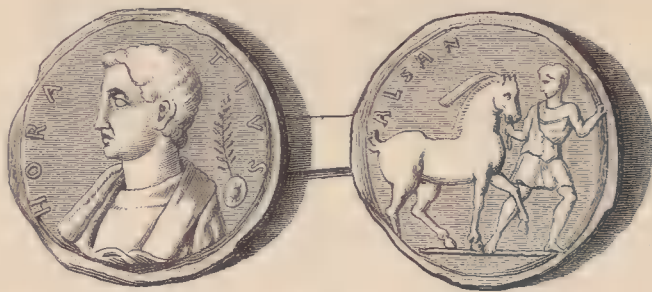
Какъ мы сказали, у Горація

лалась извѣстною всему народу. Публий Виргилій Маронъ родился въ Андесѣ близъ Мантуи, въ 70-мъ году до Р. Х., и умеръ въ Бриндизиумѣ, на возвратномъ пути изъ Греціи, въ 19-мъ году до Р. Х. Онъ получилъ образованіе въ провинціи, подъ руководствомъ лучшихъ наставниковъ; но даже въ Римѣ, куда Виргилій прибылъ въ зрѣломъ возрастѣ, даже въ обществѣ Августа и придворныхъ, онъ не могъ отстать отъ своихъ привычекъ провинціала. Но поэтический талантъ ставилъ его выше недостатковъ чистовѣшнихъ, и Виргилій сдѣлался самымъ популярнымъ и замѣчательнымъ римскимъ поэтомъ. Первые произведенія, съ которыми онъ явился предъ судомъ общества, тотчасъ же доставили Виргилію большую извѣстность, скорѣе по своей новизнѣ, чѣмъ по своему внутреннему достоинству. Своими „Эклогами“, какъ обыкновенно называются они, Виргилій впервые познакомилъ Римъ съ родомъ, въ которомъ писалъ Теокрытъ — съ идилліями, или пастушескими стихотвореніями. Впрочемъ, то и другое—одно и то же. У Теокрита идиллія тоже является продуктомъ разсудка, но его пастухи — пастухи, а настроеніе его идиллій и ситuaціи имѣютъ мѣстный колоритъ. Но у Виргилія, такъ сказать, идиллія два раза проходитъ чрезъ горнило разсудка; какъ римлянинъ, Виргилій не можетъ отрѣшиться отъ реторики, вносить въ идиллію эрудицію и аллегорію и такимъ образомъ искажаетъ сельскій характеръ идилліи; пастухи его далеко не похожи на пастуховъ.

Впрочемъ, Виргилій былъ знакомъ съ сельскою жизнью, какъ доказывается это его сохранившимися стихотвореніями, то есть четырьмя книгами „Георгикъ“, трактующихъ о земледѣльствѣ, пчеловодствѣ, скотоводствѣ и садоводствѣ. Но и здѣсь Виргилій не самостоятеленъ. Онъ подражаетъ греческимъ образцамъ; къ тому-же, въ Римѣ давно уже существовала дидактическая поэзія, а сельское хозяйство имѣло своихъ поэтовъ. Виргилій, пользовавшійся произведеніями своихъ предшественниковъ, сообщилъ своимъ стихотвореніямъ не только италійскую форму, но и италійскій характеръ.

Эти сочиненія, а также небольшія стихотворенія, дошедшія до насъ и приписываемыя Виргилію, доставили послѣднему славу великаго поэта, прежде чѣмъ онъ создалъ національный эпосъ своею Энеидою. Ничего не могло быть болѣе удачнаго, какъ выборъ для эпической поэмы такого сюжета, какъ первоначальная исторія Рима, начиная съ бѣгства Энея изъ горящей Трои и кончая основаніемъ города Рима. Этотъ національный, поэтический и богатый содержаніемъ сюжетъ являлся также чѣмъ-то въ родѣ прославленія установившейся имперіи и царствующей династіи, такъ какъ родъ Юліевъ по прямой линіи велъ свое происхожденіе отъ Энея. Несомнѣнно, что Виргилій—не Гомеръ; все, что у послѣдняго является продуктомъ самобытнаго, естественнаго, гениальнаго творчества, — у Виргилія есть плодъ рефлекса; разсудокъ замѣняетъ у него фантазію, реторика — простой, но вполне соответствующій предмету языкъ. Тѣмъ не менѣе, Энеида — это лучшая поэма Рима, вполне заслуженно пользующаяся своею славою. Если она и не самостоятельна, то совершенна по формѣ, благозвучна и сильна по языку, обильна красотами; если болѣе отличается реторическимъ характеромъ, чѣмъ самобытнымъ творчествомъ, то потому, что такое настроеніе соответствовало вкусу римлянъ и въ описываемую эпоху считалось даже достоинствомъ. По этой причинѣ Энеида съ нѣкоторымъ правомъ была идеаломъ позднѣйшихъ поэтовъ и навсегда осталась ру-

Гораций.

ководствѣ, скотоводствѣ и садоводствѣ. Но и здѣсь Виргилій не самостоятеленъ. Онъ подражаетъ греческимъ образцамъ; къ тому-же, въ Римѣ давно уже существовала дидактическая поэзія, а сельское хозяйство имѣло своихъ поэтовъ.

ководствомъ въ школахъ. Виргилія чествовали, какъ героя саги и сказочныхъ преданій; еще и теперь слава озаряетъ его предполагаемую могилу въ Позилиппѣ, близъ Неаполя, его излюбленномъ мѣстопребываніи.

Рядомъ съ упомянутыми поэтами стоитъ, въ эпоху Августа, одинъ только равный имъ писатель-прозаикъ—Титъ Ливій, историкъ. Многіе вельможи, дѣятели современной исторіи, писали свои біографіи, напримѣръ, Азиніусъ, Полліонъ, Агриппа и даже Августъ. Но все это погибло, и мы не можемъ ничего сказать о достоинствѣ ихъ сочиненій. Изъ числа этихъ извѣстныхъ именъ осталось только имя Ливія, но его произведенія, къ сожалѣнію, сохранились лишь отчасти.

Титъ Ливій родился, въ 59 до Р. Х., въ Падуѣ, и тамъ же умеръ, въ 17 году по Р. Х. Онъ пользовался дружбою Августа и велъ въ Римѣ жизнь ученаго человѣка. Много лѣтъ трудился онъ надъ своимъ сочиненіемъ, излагавшимъ, въ ста сорока двухъ книгахъ, римскую исторію отъ основанія города Рима до эпохи, въ которую жилъ Ливій, до войнъ съ германцами и смерти Друза, въ 9 году до Р. Х. Колоссальный, изумительный трудъ всей жизни, добросовѣстно подготовленный и выполненный съ полною тщательностію и искусствомъ! Къ сожалѣнію, изъ числа упомянутыхъ ста сорока двухъ книгъ сохранилось только тридцать пять, составляющихъ главный и превосходный первоисточникъ нашихъ свѣдѣній о римской исторіи, и, во всякомъ случаѣ, достаточный для того, чтобы въ полной мѣрѣ можно было оцѣнить величіе и значеніе автора исторіи,—величія, говоримъ мы, потому что Титъ Ливій въ своемъ сочиненіи равенъ Цезарю и Саллюстію. Въ извѣстномъ смыслѣ и согласно съ требованіями болѣе развитаго вкуса эпохи, Ливій даже выше ихъ. Цезарь простъ, естествененъ, безыскусствененъ, его величіе заключается въ величіи его личности. Саллюстій—это, такъ сказать, преднамѣренный, сознательный художникъ, въ которомъ реторическій элементъ сказывается въ изысканной фразѣ, въ полной содержанія рѣчи. Но въ Ливіѣ элементъ этотъ господствуетъ надъ самимъ изложеніемъ. Ученикъ риторовъ и философовъ, онъ не пренебрегаетъ истиною, хотя и излагаетъ предметъ изящно, въ живыхъ образахъ и прѣтистой рѣчи. Въ этомъ отношеніи Титъ Ливій стоитъ на высшей точкѣ развитія римской прозы.

Правда, у Ливія реторика господствуетъ надъ изложеніемъ, но ей противопоставляется богатство содержанія, которому реторика вполне соответствуетъ. Не такъ было въ эпоху Августа, когда, главнымъ образомъ, заботились только о формѣ и объ изящной рѣчи. Фраза пріобрѣла существенное значеніе, содержаніе представлялось безразличнымъ. Ораторъ сдѣлался риторомъ, какъ въ школѣ, такъ и въ адвокатской практикѣ. Такъ какъ говорить свободно онъ не могъ, не могъ порицать и хулить, то ораторъ превратился въ льстеца и панегириста. Панегирика составила особый родъ ораторскаго искусства, находившаго для себя достаточно содержанія въ продолжительную эпоху императоровъ, до самаго паденія римской имперіи. Такимъ образомъ, долго благоденствовали панегиристы и занимались своимъ неблаговиднымъ дѣломъ по образцу, который лучшій изъ панегиристовъ, Плиній Младшій, создалъ своею похвальною рѣчью Траяну.

Но не одно только краснорѣчіе подчинялось этому настроенію, этому гибельному направленію. Всѣ отрасли литературы декламировали, какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ значеніи этого слова. Желая представить на судъ публики свои прозаическія или стихотворныя произведенія, авторъ прежде всего старался прочесть ихъ публично. Въ первыя эпохи имперіи книжная торговля была уже правильно организованнымъ дѣломъ. Книгопродавцы постоянно содержали многихъ переписчиковъ и при помощи ихъ каждую книгу распространяли въ тысячахъ экземпляровъ. Ихъ магазины, открытые для всѣхъ любителей литературы, состояли въ постоянныхъ сношеніяхъ съ провинціями и,

по мѣрѣ надобности и требованій, высылали имъ какъ новыя, такъ и старыя книги. Римско-греческая литература сдѣлалась литературою міровою, и книжная торговля распространилась до крайнихъ предѣловъ всемірной имперіи. Но писатели, добивавшіеся быстрого, немедленнаго успѣха, не хотѣли ждать, пока слава ихъ имени донесется къ нимъ изъ Гадеса или съ береговъ Понта. Публичныя чтенія новѣйшихъ литературныхъ произведеній вошли въ общій обычай, стоившій авторамъ не мало издержекъ и хлопотъ. Если въ ихъ распоряженіи не находилось обширнаго дома или помѣщенія, то приходилось нанимать послѣднее, забѣгать ко всѣмъ доброжелателямъ и друзьямъ, приглашать ихъ, завлекать ихъ, заботиться объ клакерахъ, да и о многомъ другомъ. Вельможѣ, желавшему прослыть литераторомъ или поэтомъ, все это было несравненно легче. Къ его услугамъ являлись друзья или льстецы, толпа кліентовъ была всегда на лицо, такъ что человѣкъ знатный могъ быть увѣренъ въ шумномъ одобреніи, если-бы даже на лицахъ его слушателей выражалась полная скука.

Этотъ обычай публичныхъ чтеній былъ причиною постоянной погони за эффектами чистой, безсмысленной декламации, и безъ того свойственной духу эпохи. Поэтовъ было еще довольно, даже слишкомъ много въ эпоху послѣ Августа, но произведенія ихъ по содержанію—проза, а по формѣ—декламация. Таковы десять сохранившихся трагедій,

Р. Х.), избирали для своихъ поэмъ довольно прозаическіе сюжеты. Они описывали чисто историческія событія: Луканъ, напримѣръ, войну Цезаря съ Помпеемъ, Силій—вторую пуническую войну. Но о Луканѣ говорятъ, будто своею Фарсалиею—такъ называется его эпопея—онъ создалъ превосходную настольную и учебную книгу для каждаго начинающаго оратора.

Вмѣстѣ съ поэзіею пало значеніе и положеніе самихъ поэтовъ. Неронъ вообще завидовалъ славѣ стихотворцевъ; другіе императоры были скупы; меценатство прекратилось или, по меньшей мѣрѣ, стало не на столько выгоднымъ, какъ въ тѣ времена, когда въ этомъ отношеніи Августъ собою подавалъ примѣръ для подражанія. Правда, сатирикъ Марціалъ, родившійся въ 40 году по Р. Х., пользовался расположеніемъ Домиціана, хотя и не получилъ отъ послѣдняго ничего, что могло-бы улучшить его житейское положеніе. Подобно другимъ кліентамъ, онъ долженъ былъ по утрамъ являться въ атриумъ вельможъ и жить скудною спортулою. Такъ провелъ онъ въ Римѣ тридцать пять лѣтъ, пока Плиній Младшій не снабдилъ его деньгами на путевыя издержки, давъ Марціалу возможность возвратиться на родину, въ Испанію. За неприглядную жизнь въ Римѣ Марціалъ мстилъ въ своихъ, имъ самимъ изданныхъ, эпиграммахъ, въ которыхъ онъ осмѣивалъ жизнь и дѣйствія столицы съ большею степенью озлобленія и раздраженія, чѣмъ истиннаго остроумія.

Подобно Марціалу скорбѣли и другіе поэты, но не только по поводу своего собственнаго положенія: благородныя натуры сознавали всю испорченность современной

Меценатъ.

обыкновенно приписываемыхъ философу Л. Сенека, наставнику Нерона; это чисто декламаторскія упражненія въ шестистопныхъ ямбахъ, изложенныя напыщеннымъ, ходульнымъ языкомъ и приправленныя философскими разсужденіями. Эпическіе поэты, ставившіе себѣ образцемъ многовосхваленнаго Виргилія, М. Луканъ, напримѣръ, родившійся, въ 38 году по Р. Х., въ Кордовѣ, въ Испаніи, и Силій Италикъ (25—100 г. по

эпохи, порочность и развращенность людей, рабѣшіе и низкопоклонничество, царившія въ Римѣ, и въ сильныхъ выраженіяхъ высказывали чувства негодованія въ своихъ злобныхъ сатирахъ. Таковъ былъ юный Персій, родившійся въ 34 году по Р. Х.,—натура серьезная, человѣкъ, воспитанный въ школѣ стоиковъ и воспроизводившій жизнь своего времени съ ея самой неприглядной стороны. Быть можетъ, предчувствіе ранней смерти вызвало это мрачное настроеніе, такъ какъ Персій умеръ на двадцать восьмомъ году жизни. Счастливѣе въ этомъ отношеніи былъ его сотоварищъ по сатирѣ, Ювеналь, родившійся въ 42 году по Р. Х. Только въ зрѣломъ возрастѣ, умудренный житейскимъ опытомъ, онъ объявилъ войну своему времени. Въ его сатирахъ слышится отголосокъ тиранскаго правленія Домиціана. При преемникахъ послѣдняго нравы не многимъ улучшились, что давало достаточно матеріала для сатиры. Въ этомъ смыслѣ Ювеналь, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, изображаетъ жизнь и дѣятельность столицы, пишетъ стихи подъ диктовку негодованія и гнѣва.

Не все, однакожъ, окрашено темнымъ цвѣтомъ въ эту эпоху римской литературы. Хотя всѣ писатели, болѣе или менѣе, были причастны главному формальному недостатку времени—реторической декламации, тѣмъ не менѣе, въ числѣ ихъ находились люди достойные, какъ по своему образу мыслей, такъ и по таланту и содержанию своихъ произведеній. Въ первомъ отношеніи замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ является философъ Луцій Сенека, изъ Кордовы, который своими многочисленными нравственно—философскими сочиненіями старался, въ

Сенека.

своихъ научныхъ свѣдѣній. Его обширное сочиненіе по части естествознанія, не безупречное по содержанію и формѣ, включаетъ въ себя массу научныхъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ, свѣдѣній древнихъ. Какъ извѣстно, любознательность была причиною его смерти во время большого изверженія Везувія, засыпавшаго пепломъ Геркуланъ и Помпею. Къ этой-же категоріи относится также его племянникъ, Плиній Младшій, другъ Траяна и намѣстникъ послѣдняго въ Виваніи. Позже онъ жилъ въ Римѣ и въ своихъ помѣстьяхъ, занимался ораторскимъ искусствомъ, науками и поэзіею, а то и просто проводилъ время въ отдыхѣ. Онъ былъ хорошій ораторъ, котораго охотно слушали, и пріятный, занимательный авторъ посланій, не чуждый, однакожъ, самонадѣянности. Наконецъ, къ этой-же группѣ относится четвертый и величайшій изъ римскихъ писателей, Тацитъ.

Кай Корнелій Тацитъ родился въ пятидесятыхъ годахъ въ Интерамнѣ. Изучивъ ораторское искусство, онъ посвятилъ себя государственной службѣ. При Веспасіанѣ онъ поступилъ въ военную службу, былъ преторомъ въ 88, консуломъ въ 97 году и, затѣмъ, на два года сошелъ со сцены общественной дѣятельности. Умеръ онъ, имѣя около восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Къ этому времени относятся его сочиненія—жизнь его тестя Агриколы, знаменитаго полководца въ Британіи, и „Германія“, слѣдовательно большія историческаго содержанія сочиненія, „Анналы“ и „Исторіи“ и небольшой трактатъ объ ораторахъ. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ проводится тенденція, покоющаяся

смутныя времена, сообщить людямъ душевную твердость, утѣшеніе и крѣпость. Конечно, онъ не имѣлъ успѣха въ этомъ отношеніи у своего воспитанника, императора Нерона, по повелѣнію котораго Сенека загладилъ мужественною и спокойною смертью, быть можетъ, не вполне безупречную жизнь. Къ числу такихъ людей принадлежитъ также Плиній Старшій, человѣкъ, жаждавшій познаній и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ собиравшій запасы всевозмож-

на оппозиціи истаго, стараго закала римлянина, возстающаго противъ развращенности новѣйшихъ временъ. Въ Тацитѣ римская исторія еще разъ собралась съ силами для того, чтобы создать великаго человѣка, въ которомъ полною жизнью жили гордость истиннаго римлянина и чувство древней римской чести. Въ другія, лучшія времена, Тацитъ былъ бы человѣкомъ великихъ дѣлъ, но въ настоящую эпоху онъ сдѣлался великимъ писателемъ, великимъ исторіографомъ своего народа и своего времени. Но Тацитъ былъ строгимъ, суровымъ судьей этой развращенной, выводящейся эпохи. Судъ его равносильнъ осужденію. Въ „Агриколѣ“, короткой, но мастерски написанной біографіи своего тестя, Тацитъ рисуетъ образъ благороднаго человѣка и великаго полководца; въ „Германіи“ изображаетъ Германію и германцевъ своего

Вилла Плинія младшаго.

времени и представляет жизнь неразвращеннаго народа, который во многихъ отношеніяхъ стоялъ и преднамѣренно долженъ былъ стоять въ разительномъ контрастѣ къ римлянамъ современной эпохи. Въ „Анналахъ“ и „Исторіяхъ“, наконецъ, написанныхъ гораздо раньше, Тацитъ представляет исторію эпохи императоровъ съ своей личной точки зрѣнія, какъ онъ самъ прожилъ и изучилъ эту эпоху, а въ „Анналахъ“ — время отъ смерти Августа до смерти Нерона. Но въ „Исторіяхъ“ гораздо обстоятельнѣе изложена исторія Рима отъ восшествія на престолъ Гальбы до смерти Домиціана. Слогъ всѣхъ этихъ сочиненій сжатъ, кратокъ и обилень мыслями, языкъ силенъ, исполненъ достоинства, хотя и не чуждъ вычурности, благодаря стариннымъ выраженіямъ, антитезамъ и конструкціямъ. Тацитъ стоитъ тутъ на почвѣ своего времени. Согласно съ его личнымъ характеромъ, реторическій элементъ отмѣченъ у Тацита печатью его индивидуальности.

Если Тацитъ былъ вынужденъ сообразоваться со вкусомъ своего времени, то какъ должны были поступать писатели незначительные, не самостоятельные? Они декламиро-

вали, писали ли они стихи или говорили рѣчи. Но въ это время образовалась оппозиція господствовавшему духу. Находились писатели, которымъ прискучили пафосъ, фраза и напыщенный слогъ, и которые проповѣдывали возвратъ къ старинному литературному языку. Одни изъ нихъ, во главѣ которыхъ стоялъ грамматикъ и ораторъ Квинтиліанъ, плодовитый и уважаемый писатель, хотѣли возвратиться къ чистому классицизму Цицерона и его современниковъ, но другіе этимъ не довольствовались и въ требованіяхъ своихъ заходили гораздо дальше. Въ искусствѣ господствовало въ это время предпочтеніе архаизма; такое же стремленіе возникло и въ литературѣ. Какъ въ первомъ, такъ и во второй такое настроеніе было вызвано вліяніемъ Адриана. Приверженцы архаизма относили къ числу классическихъ авторовъ только Вергилія и Катутла, и возвратились къ древнему Эннью и его сотоварищамъ. Во главѣ этого движенія стоялъ Фронтонъ, наставникъ и другъ Марка Аврелія, императора, который, въ качествѣ философа и человѣка, являлся на тронѣ какою-то аномалією.

Но ни реакція классицизма, ни архаизмъ не имѣли такого успѣха, какъ подобное же движеніе, совершавшееся въ это же время въ греческой литературѣ. Греческая литература произвела писателей, подобныхъ Плутарху и Луціану, и даже создала новую философскую школу—неоплатоническую. Но реакція въ римской литературѣ оказалась безплодною; она не образовала школы, не дала великихъ мыслителей и только на нѣкоторое время властвовала надъ литературною кликою.

Несмотря на этотъ эпизодъ, римская литература неудержно стремилась къ паденію. Въ Тацитѣ она имѣла послѣдняго характернаго и самобытнаго писателя. Всѣ слѣдовавшіе за нимъ писатели, за исключеніемъ, быть можетъ, юристовъ, отличались посредственностью уже по самому содержанію своихъ сочиненій. Въ литераторахъ или, по меньшей мѣрѣ, въ литературныхъ занятіяхъ, не было, однакожъ, недостатка. Учреждались новыя школы, новыя библіотеки; правительство содержало даже на свой счетъ учителей, чего прежде оно не дѣлало. Но не такія уже настали времена, чтобы даже посредственность могла добиться полного успѣха. Во время безконечныхъ войнъ, грозившихъ даже Италіи, всѣ работали тревожно, быстро и спѣшно. Въ лагерѣ, на войнѣ, можно было составить себѣ карьеру; добивались успѣха только воины, полководцы, даже люди невѣжественные и грубые, а не люди науки и образованія. Императоры поощряли только льстецовъ или сухихъ рассказчиковъ, поэтому исторіографы дѣлались или первыми, или вторыми. Если же между ними и появлялся человѣкъ достойный, подобный, на примѣръ, Амміану Марцеллину въ четвертомъ вѣкѣ, то это вызывало лишь сожалѣніе, что онъ не жилъ въ другія времена. Какъ содержаніе литературныхъ произведеній, такъ и самый ихъ языкъ клонятся къ упадку. Въ латинскій языкъ вторгаются чужеземныя выраженія и конструкторы; провинціализмы слова и заимствованныя изъ низменныхъ сферъ получаютъ право гражданства въ языкѣ литературномъ, наравнѣ съ самыми явными варваризмами. О классикахъ забываютъ; никто уже не пишетъ и не говоритъ языкомъ Цицерона. Клонящійся къ упадку народъ, распадающаяся имперія не въ силахъ дать языку новаго содержанія, поднять его при помощи свѣжихъ формъ. Народъ, литература, языкъ, искусство неудержно стремятся къ паденію. Имперія расчленяется и ея греческая половина привлекаетъ къ себѣ лучшихъ людей. Въ Италію вторгаются варвары и поселяются въ ней въ качествѣ властелиновъ. Литература гибнетъ; мѣсто развитаго письменнаго языка занимаетъ языкъ черни, не будучи однакожъ въ состояніи создать новой литературы.

Тѣмъ не менѣе силы, римской литературы и античной культуры не погибли безвозвратно. Все присущее первой, все, что было достигнуто при ея помощи, должно было вызвать новый цвѣтущій періодъ культуры. Христіанскіе писатели не могли создать такого періода, несмотря на то, что они внесли новое, свѣжее содержаніе въ дряхлѣвшій

языкъ и, такимъ образомъ, сдѣлали больше, чѣмъ поклонники древнихъ боговъ. Во времена Карла Великаго, когда народы едва только успѣли успокоиться, обнаруживаются уже зиждущія силы классической культуры и искусства. Конечно, все возникшее тогда, являлось дѣломъ очень несовершеннымъ, все больше и больше удалявшимся отъ своего античнаго первообраза, но, тѣмъ не менѣе, превратившимся наконецъ въ плодотворный элементъ развитія. Съ исчезновеніемъ духа среднихъ вѣковъ, греческая и римская культура, ея литература и искусство, возродились къ новой жизни, чтобы гаснущій огонь духа человѣческаго сверкнулъ изъ пепла яркимъ пламенемъ, чтобы настала эпоха гуманизма и возрожденія. И если бы міру снова грозила опасность погрязнуть въ матеріализмѣ и варварствѣ, то античная культура и въ другой разъ не замедлила-бы явиться къ нему на помощь во всеоружіи своихъ юныхъ силъ.

49

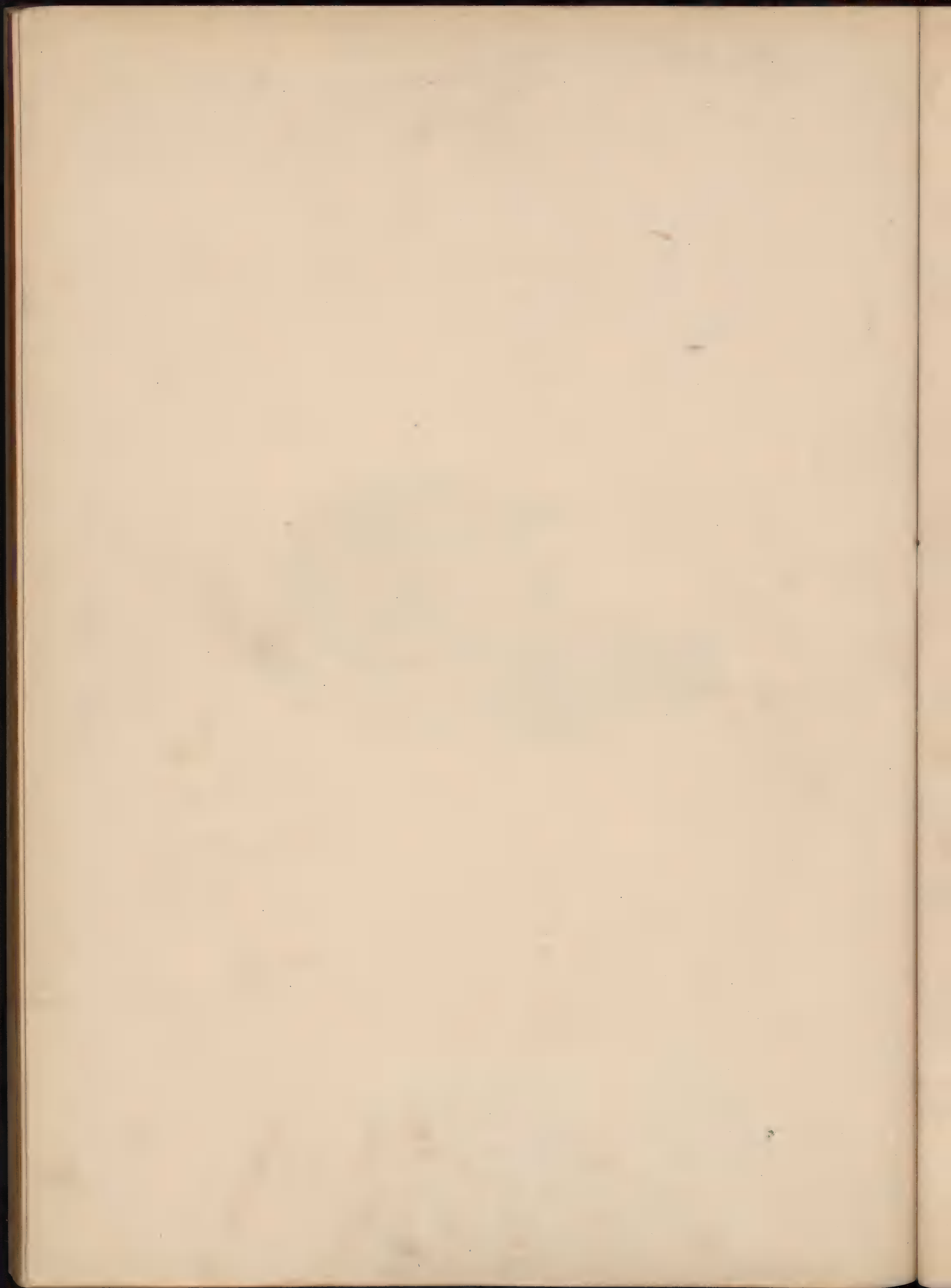

Въ этой непоколебимой увѣренности авторъ прощается со своими читателями ■ съ „Эллагою и Римомъ“. Онъ готовъ выпустить перо изъ рукъ, а между тѣмъ, въ душѣ его, по окончаніи любимыхъ занятій греками и римлянами, происходитъ то-же, что происходило въ ней въ то время, когда онъ покидалъ Римъ. Вѣчный городъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе привязываетъ къ себѣ сердце людей, сочувствующихъ великому, прекрасному и возвышеннымъ воспоминаніямъ прошлаго, и кто при такомъ душевномъ настроеніи безъ грусти можетъ покинуть Римъ? Хоть бы искорка такого чувства затеплилась въ душѣ читателя по прочтеніи имъ „Эллады и Рима“!

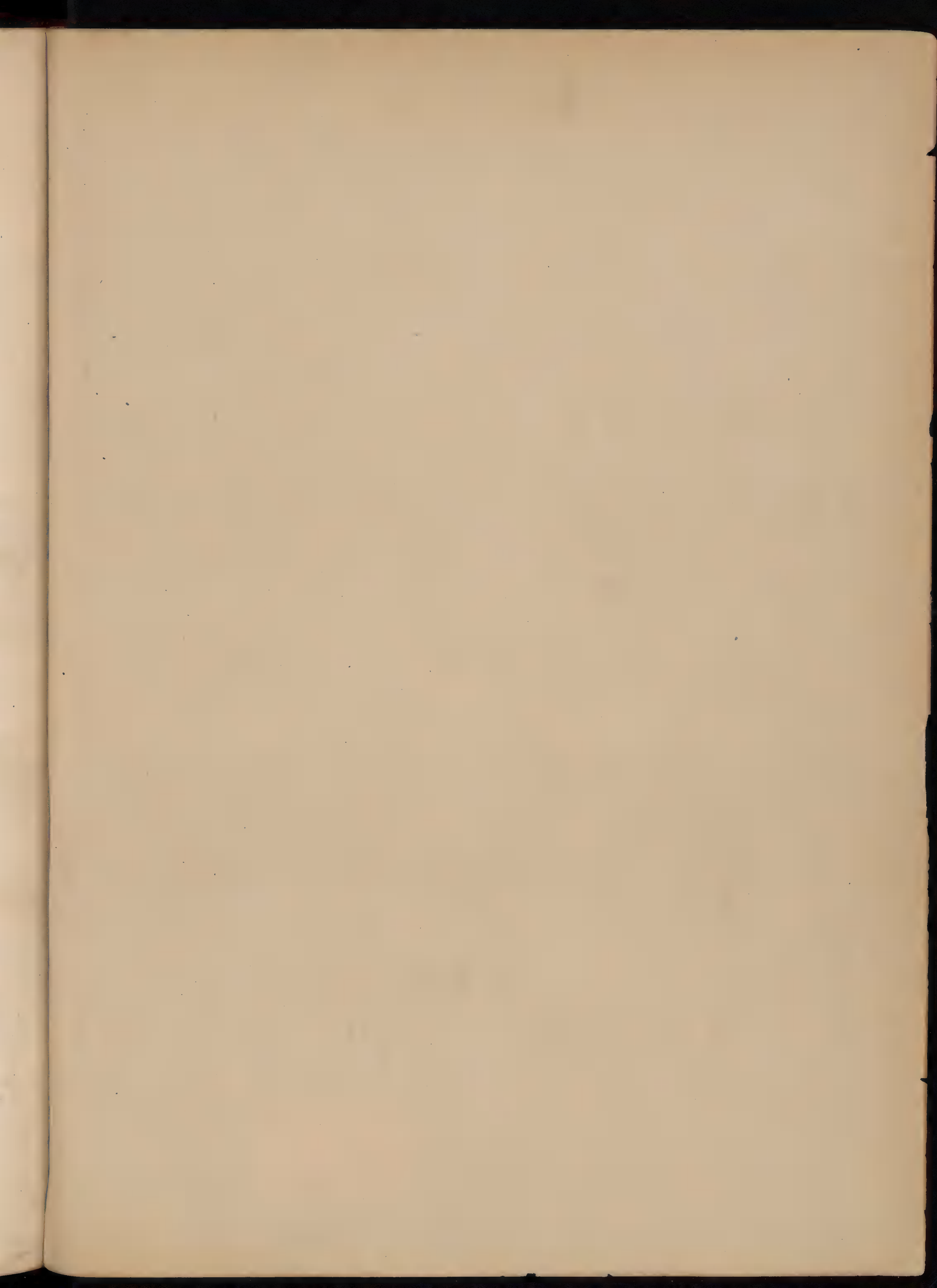
Живые факелы Нерона.
(Картина Сент-Доминго).

50

2007335216

100

